

К 20-летию восстановления
Независимости Казахстана

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА

(ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ
ИЗДАНИЕ 1943 г.)

2011

*Для издания этой книги большую работу провел
Фонд имени Болатхана Тайжан. Выражаю благодар-
ность Фонду за переиздание этой почти исчезнувшей
книги.*

Вдова Е. Бекмаханова *Бекмаханова*
Бекмухамедова Х.А.

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА

**(ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ
ИЗДАНИЕ 1943 г.)**

3-е издание

**АЛМАТЫ
2011**

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)
И 90

Ответственные редакторы издания 1943 г.
М. Абдыкалыков, А. Панкратова

Ответственный редактор издания 2011 г.
И. Дмитрова

И 90 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней – 3-е изд.: переработ. – Алматы, 2011. – 670 с.

ISBN 978-601-7046-24-8

«История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» представляет собой первый опыт изложения академической истории казахского народа, предпринятый в СССР. Книга создавалась в Алма-Ате группой советских ученых и писателей в годы Великой Отечественной войны и вышла из печати в 1943 году. Под влиянием обрушившейся на нее критики из-за идеализации личности хана Кенесары под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой в 1949 году вышло ее второе издание под названием «История Казахской ССР» (исправленное и дополненное).

Данное издание «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» выходит в год 20-летия независимости Республики Казахстан и представляет два раздела из истории казахов – «Народы Казахстана в период независимости» и «Казахстан – колония», оставляя за рамками изложения раздел об утверждении и развитии социализма в Казахстане.

Книга издана при спонсорской поддержке Фонда Болатхана Тайжан и предназначена, в первую очередь, для ученых-историков Республики Казахстан, преподавательской аудитории, студентов, а также для всех, кто стремится к изучению и пониманию прошлого своей страны.

537453

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)

ISBN 978-601-7046-24-8

© Фонд Болатхана Тайжан, 2011

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ИМЕНИ ФОНДА БОЛАТХАНА ТАЙЖАН

Писаная история чрезвычайно важна для каждого народа. Без истории не существует страны и ее будущего.

Раньше каждый казах очень хорошо ориентировался в истории своего народа. Каждый мальчик знал не только свою собственную родословную, кем был каждый из его дедов, но и знал главные исторические вехи своей нации. Казахи точно определяли, чем проявил себя тот или иной хан. Какие битвы и войны выиграл, чем прославил свое имя. Каждый казах знал, что первыми ханами – основоположниками Казахского государства были Жаныбек и Керей. Сын Жаныбека Касымхан существенно расширил границы Казахского ханства и кодифицировал право в Каска жолы. Хакназар-хан ввел регулярные войска и укрепил страну. Есим-хан продолжил кодификацию права в Еске жолы. При Тауке-хане царили мир и благополучие.

Мудрые суждения государственных идеологов – таких, как Коркыт Ата, Асан Кайғы, Казтуган, Каздауысты, Бухар жырау, Айтеке би, Толе би и Казыбек би передавались из поколения в поколение. Более поздним казахским ханам – Абулхаир, Абылаю, Сырыму, Касыму, Кенесары народ посвящал дастаны. Ратные подвиги полководцев-батыров обрастили легендами. Ак жол и Алпамыс, Богембай и Кабанбай, Наурызбай и Аян – с этими именами казахи шли на смертный бой.

Первоначально дети-казахи узнавали историю своего народа от родителей, но профессиональными историками, живыми устными архивистами были жырау. На тоях, тризнах, которые проходили по несколько дней, при большом скоплении народа жырау рассказывали те или иные сюжеты его истории в подробностях. Такие рассказы могли длиться по несколько дней!

Несмотря на широко известную, богатейшую устную народную историографию, с наступлением XX века казахская интеллигенция стала понимать, как важна писаная, академическая история народа. Поэтому с начала века предпринималось написание истории казахов Мухамеджаном Тынышпаевым, Санжаром Асфендияровым, Халелом Досмухamedовым и другими. Конечно, и Шокан Валиханов пытался это сделать в XIX веке...

Но алашордынцев репрессировали, и к 40-м годам XX века казахи все еще оставались без академически написанной, научной истории. Кстати, как и все остальные народы национальных республик СССР. Это понимал и молодой историк, первый казах – доктор исторических наук Ермухан Бекмаханов. Этой мечтой – написать историю казахов – тогда еще со студентом Бекмахановым делился Халел Досмухamedов незадолго до своего ареста... И Бекмаханов вынашивал эту мечту казахской интеллигенции вплоть до 1941 года!

Тогда, в начале войны, в Алма-Ате оказались в эвакуации видные ученые-историки из Москвы и Ленинграда – Панкратова, Вяткин, Зутис и другие. Молодому, но уже тогда авторитетному историку Бекмаханову удалось убедить ЦК республики создать рабочую группу из российских и казахских ученых, писателей для написания первой писаной научной истории казахов! И этот труд – показатель истинно демократической, по-настоящему интернациональной работы российских и казахских ученых! Это была первая в СССР научно описанная и обоснованная национальная история народа, давшего имя одной из республик Советского Союза.

Посмотрите на имена в этой рабочей группе (в конце книги) и вы поймете, что в руках у вас книга уникальная! Это первая научная в европейском понимании, самая удачно описанная история казахов как нации. Примечательно, что здесь дана правдивая оценка движению казахов под предводительством

Кенесары-хана. Потом, в 1949 году, идеологи перепишут эту книгу, и больше История 1943 года (до настоящего издания) не появится. Именно поэтому Фонд Болатхана Тайжан с воодушевлением принял предложение Халимы Адамовны, вдовы Е. Бекмаханова, переиздать именно этот первый научный труд – казахскую историю, опубликованную в 1943 году.

Для нас, семьи Тайжан, высокая честь быть причастными к возрождению этого незаменимого для нашего народа научного труда! Было непередаваемо приятно слышать от Халимы Адамовны (которая, как оказалось, хорошо знакома с публикациями нашего отца) слова о том, что Ермухан Бекмаханов и Болатхан Тайжан – единомышленники! Если бы они были знакомы, у них было бы много о чем поговорить!

Нельзя не отметить здесь еще одного их единомышленника – Ельтоха Дильмухамедова, который был другом и соратником Бекмаханова. Именно его дочь – Эльза Ельтовна познакомила нас с семьей Бекмахановых год назад. Тогда мы все вместе презентовали переизданный научный труд Дильмухамедова о восстании Кенесары…

И Бекмаханов, и Дильмухамедов поплатились за свою любовь к своему народу. Оба подверглись репрессиям, научные защиты их были аннулированы, они были лишены ученых степеней, работы, исключены из партии, книги их были изъяты из всех библиотек Советского Союза. Бекмаханову пришлось отсидеть в ГУЛАГе… Но рукописи не горят, как известно, а справедливость должна побеждать!

Горько узнавать, как издевались над Бекмахановым некоторые его коллеги по науке. Анонимки, кляузы, письма в Москву, требования «лишить…», «еще раз обсудить…», «дать оценку…» – все шло в ход. Читая стенограммы научных обсуждений труда Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 гг. XIX века», становится стыдно за таких, как Шоинбаев, Айдарова, Ахинжанов и других. Убежден, народ должен знать не только героев, но и других – поименно!

Но народ все равно любит своих защитников! Также, как о хане Кене казахи в свое время сочиняли дастаны, также и сейчас о Бекмаханове и Дильмухамедове не проходит и месяца, как появляются новые публикации в прессе!

В сталинское время всех так называемых националистов просто ставили к стенке, в лучшем случае отправляли гнить в ГУЛАГ. Ведь если казах патриот, болеет за свой народ, его историю, язык, государственность, его с тех времен и до сих пор (!) называют у нас националистом! А сейчас так называемым «националистам» мы ставим памятники и даем улицам их имена! Поэтому я считаю, что в контексте Казахстана название кого-либо националистом – это высший комплимент человеку! Значит, этот человек истинный патриот своего народа!

Так вот, быть в то время националистом, защищать свой народ – это мужество и геройство! Ведь эти люди – плеяда алашордынцев и их последователей, в числе которых и Бекмаханов, и Дильмухамедов, и другие выдающиеся люди – тоже могли стать так называемыми интернационалистами, то есть национальными нигилистами. Ведь что такое интернационалист в советском понимании? Это человек, отказавшийся от своих национальных корней в пользу русского языка и мирапонимания. Вот такой человек – хороший, свой парень! К сожалению, такое понимание и по сей день зачастую можно встретить!

У этих людей тоже были жены, дети, о которых надо было заботиться и выводить их из зоны риска. Но они все равно находили в себе мужество защищать народ! Это пример поступков и для нас, сегодняшнего поколения!

В прошлом, 2010 году, в серии «ЖЗЛ» вышла в свет 700-страничная книга о судьбе Ермухана Бекмаханова под авторством выдающегося исследователя и писателя Медеу Сарсеке, который известен своими биографическими романами, в том

числе и таким, как «Сатпаев». Я рекомендую всем прочитать эти книги, они весьма и весьма поучительны.

* * *

Издание Истории Казахской ССР 1943 года сегодня, когда вслед за Солженицыным и Жириновским некоторые наши руководители начали заявлять, что у казахов никогда не было государства, границ, просто необходимо! Пусть они почитают, что даже в сталинское время наукой признавалось существование в истории казахского государства!

Некоторым очень выгодно сегодня представлять историю так, что на этой части планеты никогда не было государственной самоорганизации. Тогда можно и сегодня наше государство разбазаривать, распродавать восточному, присоединять к северному соседу. Но вся казахская история – это борьба за государственность, политическую независимость, за право на самобытность, за свою землю!

Над настоящим изданием мы трудились целый год! Тяжело было найти эту книгу в полной версии. Оказывается, ни в одной библиотеке в нашей республике этой книги нет в полном объеме. Везде нет каких-то страниц. Полностью набрала и восстановила все страницы редактор издания Ирина Дмитрова. Очень интересно ее предисловие к настоящему изданию. Карты в книге пришлось оцифровывать заново. Тут профессионально поработала дизайнер Айгерим Ихатова. Рахмет им большой!

Ну, и, как всегда, издательство Print Express в лице Вагифа Гаджиева и Марины Нагиевой великолепно выполнило наш заказ, рахмет! Также все мы благодарны за предисловие известному ученому-историку Таласу Омарбекову!

Желаю всем приятного чтения!

P.S.: Издание этой книги – это вклад нашего Фонда к 20-летию восстановления независимости Казахстана! Именно восстановления, так как, несомненно, многовековая казахская государственность существовала, и эта книга – тому аргументированное доказательство!

С уважением

Тайжан Мухтар Болатханулы

кандидат экономических наук

Президент Фонда Болатхана Тайжан

06.09.2011г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2011 ГОДА

Настоящая история Казахстана издана в преддверии 20-летия независимости Республики Казахстан, отмечаемого в 2011 году, и представляет собой переиздание уникальной «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшей в издательстве «КазОГИЗ» в 1943 году и явившейся первым фундаментальным научным трудом по национальной истории в Советском Союзе. Это научное исследование предприняла эвакуированная в Алма-Ату группа видных московских и ленинградских ученых во главе с членом-корреспондентом АН СССР Анной Панкратовой в сотрудничестве с казахскими писателями, являющимися на сегодняшний день корифеями казахской литературы. Одним из авторов этого грандиозного труда является Ермухан Бекмаханович Бекмаханов, написавший главу, посвященную национально-освободительному движению хана Кенесары Касымова, а затем удостоившийся степени доктора и звания профессора за кандидатскую диссертацию на эту тему. В 1947 году Е. Бекмаханов опубликовал книгу «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», которая вызвала волну резкой критики и следом за ней жестокие репрессии и лишение его всех ученых званий. Профессора истории сослали вначале рядовым учителем в Нарынкол, затем в село Новотроицкое Жамбылской области, где 5 сентября 1952 года арестовали прямо во время школьного урока. 16 февраля 1954 года, побывав в стalinских лагерях, он живым вернулся домой из Бодайбо, что в Иркутской области, но не озлобился, не сломился, напротив, говорил, что в лагере прошел «школу жизни» и что именно там ему посчастливилось встретиться со многими учеными и интересными людьми. После возвращения из ссылки Ермухан Бекмаханов энергично взялся за любимое дело – преподавал в КазГУ, писал учебники по истории Казахстана для школ. В 1957 году после опубликования в Москве монографии «Присоединение Казахстана к России» ему вернули докторскую степень и звание профессора, а также заведование университетской кафедрой истории Казахстана, которую он

сам и основал еще до ареста. У Е. Бекмаханова было много планов: исследовать историю Алаш-Орды и казахских родов, написать об окружении Чокана Валиханова. Но, видимо, сказались пережитые страдания – Ермухан Бекмаханович умер в 1966 году в возрасте пятидесяти лет. Его вдова Бекмухамедова Халима Адамовна явилась одним из инициаторов создания книги, которую вы, дорогие читатели, имеете счастье держать теперь в руках.

В редакции этой книги в основном сохранена стилистика текста издания 1943 года и внесены необходимые орфографические и пунктуационные поправки в соответствии с современными нормами русского языка. В тексте сохранено написание слова «эксплоатация», принятого в 1943 году в соответствии с соблюдением орфографии русского языка до введения других норм и правил правописания в 1956 году. Прежняя орфография основывалась на «Декрете о введении нового правописания» 1917 года, а также (как и до революции) на традиции правописания, регулируемой справочными пособиями, в частности толковым словарем профессора Ушакова. В соответствии с этой орфографией в тексте издания 1943 года встречается множество собственных наименований, отличающихся от современного написания – например, Ала-Тай (современное написание Алатау). Сыр-Дарья (Сырдарья), Западно-тюркский каганат (Западно-туркский каганат). Дешти-Кыпчак (Дешт-и-Кипчак), хан Абульхайыр (хан Абулхаир) и т.д. Эти собственные наименования сохранены без изменений. Читателю необходимо также знать, что в написании, употребляемом до 1956 года, и в произношении слово «Алма-Ата» являлось несклоняемым.

Как и тексты, рисованные от руки географические карты также подверглись необходимой обработке. Они помещены в этом издании в более совершенном виде.

В данной книге представлены два раздела из «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» 1943 года – «Народы Казахстана в период независимости», охватывающий период с древнейших времен до 70-х годов XIX века, и «Казахстан – ко-

лония», охватывающий период с 70-х годов XIX века до мая 1917 года. Третий раздел – о социалистическом Казахстане – в данное издание не вошел.

Необходимо отличать пометки редакторов издания 1943 года и сделанные в данной книге. Пометки редакторов предыдущего издания содержат указание *Ред.*, указание же редакторов данного издания – **Прим. ред.**.

Для лучшего понимания содержания в конце книги помещен словарь, разъясняющий смысл упоминаемых в «Истории» 1943 года исторических терминов и понятий, имеющих отношение не только к истории казахов, но также к культуре и быту казахского народа.

В связи с выходом нового издания книги об истории независимого Казахстана необходимо упомянуть о трудах первого казахского ученого-просветителя Ч. Ч. Валиханова. Авторы предыдущего издания с горечью сообщали читателям о том, что работы Валиханова сохранились лишь в черновиках и к 1943 году не изданы. Справедливость была восстановлена через 18 лет после выхода «Истории КазССР» в 1943 году – собрание сочинений в пяти томах Чокана Валиханова вышло в свет в Алма-Ате в 1961 – 1972 гг. и повторно в 1984 – 1985 гг. С той поры замечательные труды этого ученого стали, наконец, известны его благодарным потомкам.

Важное место в книге занимает проблема взаимоотношений Казахстана и России. Понимание процесса развития этих отношений весьма актуально в наши дни – и не только для представителей старшего поколения, но и для молодежи – строителей будущего своей Родины.

Воспринимается эта книга легко – она написана живым языком и является общедоступной для читателей любого возраста, интересующихся вопросами истории.

*Ответственный редактор книги
И. Дмитрова*

«ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ» – ОСНОВА НАУЧНОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Когда заходит речь о вопросах написания истории нашей страны, первое, что приходит на ум, – это «История КазССР», изданная в 1943 году под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой, – книга, которая была выдвинута на соискание Сталинской премии, установленной тоталитарной системой, и вместе с этим со стороны той же тоталитарной системы оказалась подвергнутой идеологическим притеснениям.

В 1943 году эта книга стала единственным и весомым примером среди других союзных республик в деле написания истории одной нации, охватывающей все периоды ее исторического развития. Она была создана при участии талантливых историков – представителей этой нации, а также историков России (А. М. Панкратовой, М. П. Вяткина, Н. М. Дружинина, Я. Я. Зугиса, А. П. Кучкина и других), хотя в свое время со стороны некоторых историков эта книга была охарактеризована как поднимающая национальный дух и написанная против русской нации. Из казахских ученых, в частности, в качестве автора для выполнения этой важной миссии был привлечен Е. Бекмаханов, написавший раздел о восстании Кенесары Касымулы.

Необходимо отметить одну важную особенность этой книги – несмотря на обострение сталинских репрессий, авторы данного научного труда постарались полностью раскрыть историческую правду, принципиально не отходя от истины и стараясь избегать попадания в сети идеологических путаниц. В связи с этим в исследовании не применялась активная приверженность трудам классиков марксизма-ленинизма, поддержка их теоретических принципов относительно исторических явлений в духе аргументирования с теоретической и практической

точек зрения. Если читать книгу не спеша, обращая внимание на ее суть в целом, можно понять, что некоторые замечания не имеют существенного влияния как исторические факты и концепции, и также обнаружить, что они внесены поневоле. Даже в то время авторы старались не обращаться к трудам Сталина, личность которого была возведена в культ. Нет смысла удивляться этому – авторы научного труда стремились сохранить качество и чистоту данного труда, при этом хорошо понимая, что если они превратят историю казахского народа в орудие политики, это может иметь тяжелые последствия для будущего поколения. С этой точки зрения, здесь есть чему поучиться у нынешних историков и взять пример со старшего поколения того сложного периода, о котором сегодня идет речь.

Научная ценность данного исторического труда не только не снизилась со временем, но и возросла. Не будет лишним сказать, что изложенные в этой книге научные концепции и правдивые характеристики исторических процессов, о которых прежде нигде не говорилось, являются наиболее цennыми пластами данного труда. Этно-политическое становление казахского народа в древности и в средние века, политические основы государственности казахов, освещение роли Казахского ханства в становлении казахского государства – вот основные вопросы, рассмотренные в книге. Переосмысление некоторых исторических проблем, требующее глубоких исследований в этом направлении, возлагает совершенно новые и важные обязанности на современных историков, работающих в изучении этого тяжело трактуемого периода.

Научная ценность данной книги основывается также на решительном и смелом шаге введения в научный оборот многих сведений и фактов, которые остались раскрытыми далеко не полностью казахскими историками даже на сегодняшний день. В ней сказано не только о новых сторонах национально-освободительного движения Кенесары, в связи с изучением

которого многое утаивалось, но и всесторонне раскрыта личность сына Кенесары – Садыка, продолжившего начинания своего отца. В работе также описаны поездки великого акына Жамбыла Жабаева с отважным Садыком в казахские аулы. Особо отмечено стремление Ж. Жабаева поднять в народе авторитет этого героя национально-освободительного восстания. Мы узнаем из этой книги о том, что жизнь и деятельность Кенесары и его сына Садыка послужили примером для жизни и деятельности инициатора восстания 1916 года Амангельды Иманова, воодушевленного рассказами о восстании Кенесары, в котором принимал участие его дед Иман, и также мечтавшего стать народным вождем, подобно героям прошлого. В целом строки данного исследования, написанные Ермуханом Бекмахановым о национально-освободительном восстании Кенесары Касымулы, можно считать ярким примером конкретизации исторической связи с прошлым. Фактически после издания этого труда, а также известного монографического исследования профессора Е.Бекмаханова, подвергнутого за них сталинским репрессиям, до сегодняшнего дня не было ни единого исследования, которое бы досконально изучало эту важную тему. Не были созданы и научные работы, в которых вопросы, касающиеся национального интереса, были бы рассмотрены так всесторонне и глубоко. Поэтому переиздание данной научной книги имеет важное значение в деле обогащения исторического сознания нынешнего поколения.

Научной ценностью данной книги является также справедливая оценка творчества поэтов эпохи «скорбного времени» – «зар заман». Эти поэты непрестанно мечтали об освобождении от колонизации, смотрели с сомнением в будущее своего свободолюбивого народа, вырывающегося из оков зависимости, но, несмотря на это, поддерживали народ и говорили от его имени. К сожалению, сегодняшние исследователи суверенного Казахстана до сих пор не сумели полностью и системно

раскрыть особую важность пропаганды наследия этих поэтов в деле формирования народного сознания, над которым ныне господствуют манкуртство и глобализация, не сумели полностью определить место и роль данных поэтов в пробуждении национального сознания своих современников. Исследователи, изучающие историю искусства и культуры, также могут обратиться к этой актуальной работе и найти в ней особо важную духовную ценность.

В книге большое внимание уделено вопросам формирования культуры казахского народа. К примеру, конкретно и основательно описаны лучшие образцы такого жанра музыкального народного искусства, как кюй, который до сегодняшнего дня в научных исследованиях не получил должной оценки, несмотря на то, что в свое время имел широкое распространение в народе. Кюй среди других жанров музыкального творчества представляет собой достойное и ценное наследие и, тем не менее, на сегодня остается без внимания, забывается день за днем. Настало время понять, что пренебрежение этим культурным наследием неизбежно приведет к духовному обеднению нации.

Из истории нам известно, что в периоды национально-освободительных восстаний вышедшие из народа поэты-жырау всегда воодушевляли людей, вселяли в них дух борьбы. Но в изложении истории культуры место и роль жырау до сегодняшнего дня не успели получить достойную оценку. Дорогие имена, которые получили обвинения в национализме, до сих пор полностью не восстановлены в нашей истории. Авторы данного труда сделали первый значительный шаг с целью восполнить этот пробел: они представили в разделе данной книги «XIX ғасырдағы қазактардың көтеріліс жырлары» («Повстанческие песни казахов в XIX веке») имена таких поэтов, как Досхожа, Нысанбай, Шернияз, Махамбет, произведения которых, напитанные вечной духовностью народа, широко

пропагандировались в устном народном творчестве и навсегда остались в народной памяти. Но в течение такого сложного периода, когда национальный дух был насильственно растоптан и усиливался ожесточенный порыв русификации, это положительное начало, вместо того, чтобы найти поддержку, наоборот, натолкнулось только на обвинения. На сегодняшний день ученые мужи мирного суверенного государства должны избавиться от подобных ошибок, начать активное и интенсивное исследование творчества народных поэтов предыдущих эпох.

Вместе с этим важно особо отметить еще одну проблему, касающуюся данной темы. До сегодняшнего дня в исторической литературе не было книг, за исключением «Истории КазССР с древнейших времен до наших дней», где бы так смело, решительно и безоглядно критиковалась политика насильственной и поголовной русификации казахов. И по сей день широко распространено ложное мнение о том, что, возможно, такая смелость потрясет единство народа многонационального Казахстана. Именно такое лицемерное понятие оказывается препятствием для современных ученых в деле основательного и разумного написания истории.

Необходимо также сказать и о том, что данная книга показывает проблему правовых отношений в казахском обществе. Этим вопросам посвящены те страницы книги, где ярко раскрывается особо важное значение суда биев. Авторы, разъясняя суть этой правовой системы для читателей, довольно решительно смогли разоблачить политику русских колонизаторов, которые с выгодой для себя воспользовались в своих действиях принципами казахских биев. По нашему мнению, эти факты должны учитываться не только казахскими историками, но и правоведами, и использоваться ими как руководство в их последующих исследовательских работах.

В заключение необходимо отметить, что особую важность для суверенного государства Республики Казахстан имеет переиздание этой книги большим тиражом – книги, подвергнутой изгнанию тоталитарной системой и поневоле ставшей богатством «редкого фонда» казахстанских библиотек. Эта книга учит нас, как нужно писать историю, а молодое поколение, познакомившись с этой книгой, сможет обогатить свой внутренний мир и укрепить свои патриотические чувства.

*Талас Омарбеков
доктор исторических наук
профессор*

Предисловие к изданию 1943 года

Настоящая «История Казахской ССР» составлена коллективом научных работников – историков и литераторов, сотрудников находящихся в городе Алма-Ата научных институтов: алма-атинской группы Института истории Академии наук СССР, Казахского филиала АН СССР, Казахского филиала Института Маркса – Энгельса – Ленина.

В составлении книги принимали участие следующие товарищи: историки – Баевский, Бекмаханов, Бенедиктов, Бернштам, Вяткин, Греков, Дружинин, Зутис, Кучкин, Маргулан, Миллер, Панкратова, Покровский, Тимофеев, Фукс, Якупин; писатели – Ауззов, Исмаилов, Кенжебаев, Лурье, Михайлов, Муканов, Мусрепов.

В редактировании книги принимали участие академик Греков, Исабеков, Вяткин, Кучкин, Тимофеев, академик Мещанинов, Малов, Сауранбаев, Сембаев.

Ответственные редакторы книги – М. Абдыкаликов, А. Панкратова.

КАЗАХСКАЯ ССР – РЕСПУБЛИКА ВОЗРОЖДЕННОГО КАЗАХСКОГО НАРОДА

Широка земля Казахстана. Она простирается от русской Волги до китайского Синь-Цзяна. Территория Казахстана составляет 2,7 миллиона квадратных километров. По площади она равна территории Германии, Франции, Италии, Англии и Японии, вместе взятых. На ней может поместиться Франция – пять раз, Германия – шесть раз, Италия – девять раз.

Казахская ССР занимает по территории второе, а по населению пятое место в Советском Союзе. Она больше всех советских республик в совокупности, исключая РСФСР.

Величественна и разнообразна казахстанская природа. Преобладают в Казахстане равнины, но есть и высочайшие горные цепи. На западе, у Каспийского моря, местность лежит ниже уровня океана, а на востоке, где поверхность повышается, в пределы Казахстана сходит склон заоблачного пика Хан-Тенгри.

В Казахстане имеются районы, где без искусственного орошения земледелие почти невозможно, и районы, где неполивные хлеба и сенокосы дают рекордные урожаи.

В Казахстане жаркое лето, но на северной окраине даже в июньские ночи случаются заморозки. Когда в Петропавловске еще длится зима, под Чимкентом уже начинается весенний сев. В Казахстане суровая зима, но на крайнем юге климат субтропических стран. Горы там поросли нежным грецким орехом, миндалем и фисташками. Виноград зимует без прикрытия. На юге цветут хлопковые поля. Душистые табаки созревают под жарким солнцем. Широкие плантации каучуконосов и обширные рисовые поля, ореховые рощи и фруктовые сады дают одинаково щедрые урожаи.

Лесов в Казахстане сравнительно немного, но они разнообразны: на севере березовые рощи и сосновые боры, горный Алтай покрыт тайгой из кедра и лиственницы, вдоль рек вытянулись целые леса из тополя и тамариска, а на песках растет дерево пустынь – саксаул.

Речная сеть в Казахстане из-за засушливости климата сравнительно невелика. Но среди рек есть такие мощные, как Сыр-Дарья и Иртыш. Реки Казахстана – крупный источник энергии и орошения. В морях, озерах и реках в изобилии водится рыба – осетры, сомы, усачи.

Особенно богаты недра Казахстана. Давно, в пору молодости Земли, могучие подземные силы взломали и сняли ее кору в тех местах, где сейчас Казахстан. Земля вздыбилась высокими горными складками – как бы морщины пробежали по лицу страны. Разломились пласти земли, под страшным напором вулканических сил хлынули из глубочайших недр расплавленные кипящие массы, то внедряясь в кору, то изливаясь наружу.

Поднимаясь вверх, в более холодные слои, раскаленная масса остывала, каменела, превращалась в твердый гранит. Ее пары, охлаждаясь, то здесь, то там выделяли сгустки тяжелых металлов. Сначала, еще при очень высокой температуре, выпадали олово, вольфрам и молибден, медь, затем свинец и цинк и уже при сравнительно низкой температуре – сурьма и ртуть.

Тысячелетия проходили над землей Казахстана. Ее заливали моря и, уходя и высыхая, оставляли после себя богатые залежи каменного угля, нефти, солей. Вода и солнце, мороз и ветры мало-помалу разрушали высокие горы, они превращались в мелкие сопки, почти в равнину, которая на крайнем юго-востоке в более позднее время снова сморщилась в складки Тянь-Шаня и Алтая. Стесав горы, время обнаружило в их недрах ценные руды. Нет химического элемента, которого нельзя

было бы обнаружить в Казахстане. Он вмещает всю таблицу Менделеева. Многие важные элементы – медь, цинк, свинец, золото, фосфор, хром, ванадий, никель и другие – залегают здесь в гигантских количествах. В Казахстане много угля, нефти, марганца, олова, различных солей. Богатства недр обильны и многообразны. Алтайские свинцово-цинковые руды, например, богаты и медью, и золотом, и серебром, и редчайшими элементами – кадмием, селеном, галлием, германием, индием, теллуром и другими. Разрабатывать руды Алтая было бы выгодно ради некоторых из этих элементов в отдельности, но их можно получать здесь почти сразу, и многие из них по-путно, из отходов руд при добыче основных металлов – цинка и свинца.

В Казахстане есть киноварь, дающая ртуть, самую тяжелую из жидкостей; есть литий – самый легкий из металлов; есть тальк – самая мягкая из горных пород; есть корунд – самый твердый из минералов, не считая алмаза.

По насыщенности недр полезными ископаемыми Казахстан стоял всегда на одном из первых мест среди всех районов старой России. Но богатые недра его веками лежали в бесплодном ожидании приложения творческого труда освобожденного человека...

Еще до V века н.э. саки и другие народности, населявшие тогда Центральный Казахстан, добывали здесь медь и золото. Но огромные природные богатства не только не развивались, а постепенно забывались или растиаскивались хищниками-предпринимателями. Обширная, разнообразная, богатая земля, населенная трудолюбивым и отважным казахским народом, постепенно превращалась в нищую царскую колонию, в отсталое захолустье.

Втуне оставались огромные богатства казахской земли. «Что знали о казахстанских богатствах проклятые колонизаторы, степные волки – байи и феодалы, заморские хищники-колонизаторы? – писали в письме к товарищу Сталину тру-

дящиеся Казахской ССР в XV годовщину создания своей республики. – Знали только одно – жми, угнетай и воруй! Не были известны балхашские и джезказганские медные богатства, богатейшие запасы свинца, цинка, золота, вольфрама, молибдена, сурьмы и много-много других богатств, найденных за годы советской власти. Не была известна ни Караганда, ни Эмбанефть, ни сказочные богатства давно открытого Риддера. С екатерининских времен ковырялись цари и концессионеры на Алтае, ковыряли руками крепостных и полукрепостных рабочих то, что лежит наверху, даже не построили трактовой дороги к этим богатствам....».

Угольные богатства Караганды были открыты 100 лет назад пастихом-казахом. Купцы купили Караганду у казахов за 225 рублей и стали кое-как – шахтенками, ямами – добывать уголь для нужд небольшого медеплавильного завода. Месторождение считалось мелким. К революции оно почти совсем заглохло.

На Эмбе было только два промысла. Нефть из земли вычерпывалась полукустарно, желонками – узкими ведерками с открывающимся дном.

Первый крупный Алтайский рудник был открыт 200 лет назад. Два века промышленники хищнически терзали здесь рудоносную землю. В жажде обогащения они рвали лучшие, наиболее близкие и легко достижимые куски и погребали под отвалами еще не тронутые руды, портили ценные месторождения. На Алтае разрабатывались лишь верхние, насыщенные серебром слои рудных тел. Когда пенки были сняты, добыча серебра упала, и Алтай был заброшен.

Медь Коунрада вовсе не была известна. До революции в Казахстане не знали ни одного промышленного оловянного месторождения, хотя еще в бронзовом веке, 3 тысячи лет тому назад, здесь находился мировой центр оловодобычи и производства бронзы (сплава олова с медью) – основы тогдашней культуры.

Богатства Казахстана таились не только в недрах земли: богата была и ее поверхность. Плодородием почвы – главным образом на севере и на юге – славилась богатейшая земля Казахстана, хорошо орошаемая реками и согреваемая солнцем. Сила плодородия земли на юге так велика, что тополь за какие-нибудь пять лет становится здесь взрослым и уже дает тень. Поживные растения, высеванные на поле в середине лета после уборки основной культуры, успевают созреть до осени и принести второй урожай.

Но и эти богатства не могли быть использованы. Народ в поте лица убогими орудиями возделывал землю. Казахи в аулах копали землю дедовским кетменем, пахали ее самодельной деревянной сохой, а иногда и просто суковатым деревом. Земледелец-бедняк был опутан кабалой, и плодородие земли, разбуженное упорным трудом, едва кормило труженика, обогащая его трудом кулака и бая.

Казахстан залит морем трав, уходящим за широкий горизонт. Весна красит просторы Казахстана в зеленый цвет, засыпает их цветами. Под могучим солнцем лета травяной покров тускнеет. От осенних дождей он зеленеет вновь. Пастбища Казахстана необозримы. По площади они составляют почти половину всего кормового фонда Соединенных Штатов Америки.

На севере Казахстана степь покрыта серебристым ковылем. Это лучший корм для скота. Южнее, в полупустынях и пустынях, растут сухая и полупахучая полынь, редкие и жесткие солянки. На первый взгляд пастбища пустыни кажутся скучными. Но это не так. Осеню, когда полынь отцветет и потеряет эфирные масла, а вместе с ними запах и горечь, она становится питательным кормом, улучшающим качество мяса. На крайнем юге, по склонам гор – между поясом леса и поясом вечного снега – лежат альпийские луга. Здесь, вперемежку с обильными яркими цветами, растет густая сочная трава.

Веками казахский народ кочевал по этим бескрайним степям, проходя за своими стадами иногда до тысячи километров в год. Народная мудрость и опыт выработали разумный порядок смены пастбищ от сезона к сезону. Но кочеванье ложилось на плечи трудового народа тяжким бременем. Люди жили и зиму, и лето в войлочных юртах. Корм на зиму не заготовлялся. Если случалась гололедица, угрожал голод. Под коркой льда животные видели траву, но не могли достать ее: копыта лошадей были в крови, овцы жевали друг у друга шерсть. Падал скот. Разорение, нищету и гибель приносил падеж скота казаху-скотоводу.

Извечно были богаты и недра, и степи, и горы, и леса, и реки Казахстана. Но край считался бедным и пустынным. Бесплодны были казахстанские степи. Только для богатых родили нивы. Горы скрывали глубоко в недрах свои необъятные и неисчислимые богатства.

Целые века проходили и прошли, пока вырос и созрел казахский народ, пока понял он причины своих бедствий, пока взял в собственные руки свою судьбу.

В седую древность уходит история казахского народа. Географическое положение Казахстана способствовало тому, что он с глубокой древности служил ареной мощных передвижений народов и узлом крупных исторических событий. Богатые травянистые степи и плодоносные долины многоводных рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья, широкие низменности Аральского и Каспийского морей привлекали сюда многочисленные народы. Находясь между Востоком и Западом, Казахстан представлял собою обширный коридор для передвижения многочисленных и разнообразных племен. Одни из них находили себе здесь временное пристанище и двигались дальше в поисках новых кормовых пространств. Другие оседали в удобных для

скотоводства и земледелия районах, смешиваясь с исконным населением. Через территорию Казахстана проходил в глубокой древности великий трансконтинентальный торговый путь, по которому в течение многих веков осуществлялись также и культурные сношения средиземноморского мира с Китаем. Уже с III века до н.э. усилил Китай свою экспансию в пределы Казахстана, вступая в ожесточенную борьбу с местными племенами.

С тех пор в течение столетий Казахстан являлся стыком завоевательных устремлений многих воинственных держав, привлекаемых его природными богатствами.

Китайские и арабские завоеватели, многочисленные сильные тюркские и монгольские племена завоевывали обширные казахстанские земли, подчиняя себе местные племена. На территории Казахстана складывались мощные, основанные на захвате, варварские дофеодальные государства, способствовавшие, однако, дальнейшей консолидации местных племен и постепенному образованию особой казахской народности. Монгольские и тюркские племена, смешиваясь и сливаясь с местными племенами, постепенно образовали качественно новую и самостоятельную казахскую народность.

Уже далекие предшественники казахского народа постоянно выступали на борьбу с многочисленными завоевателями, проходившими через Казахстан и стремившимися покорить его население. Таким образом, боевые традиции казахского народа создавались еще в глубокой древности. На защиту своей независимости и политической самостоятельности казахский народ поднимался всегда и повсюду, насколько это ему позволяли исторические условия его существования.

Свободолюбивые народы Казахстана, кочевые и оседлые, не желая терять своей свободы и независимости, защищали каждую пядь земли, каждую свою кибитку. Источники отмечают, что нигде во время своих походов великий полководец

Александр Македонский не встречал такого отчаянного сопротивления, как в Средней Азии и в Казахстане.

Борьба за независимость рождала многочисленных борцов, самоотверженно отдававших свою жизнь за свободу и счастье своего народа. Из среды вольнолюбивого казахского народа выходили такие герои-батыры, как Срым Датов, такие преданные народу вожди крестьянской войны, как Исатай Тайманов, такие мужественные борцы, как революционный поэт Махамбет Утемисов.

Борьба за независимость выдвигала таких крупных политических деятелей и полководцев, как Кенесары Касымов, который в течение десяти лет оказывал геройское сопротивление мощному натиску хорошо вооруженной царской армии, стремившейся завоевать казахскую степь.

Борьба за независимость выдвинула и такого народного батыря, как Амангельды Иманов, который в своем лице связал борьбу многих поколений казахского народа против царизма с борьбой казахской бедноты за советскую власть. Выросший в семье повстанцев времен Кенесары, политически воспитавшийся в условиях революции 1905 года, прошедший школу классовой борьбы с баями и царскими колонизаторами, Амангельды не случайно стал вождем народного восстания 1916 года и не случайно в годы гражданской войны вел борьбу за освобождение казахского народа под знаменем партии Ленина – Сталина. Батыр-большевик, вставший во главе казахской бедноты, выступивший на борьбу вместе с русским рабочим классом и под его руководством, принадлежал к борцам нового этапа национально-освободительного движения. Этот этап начался победой Великой Октябрьской революции, которая открыла новую эру борьбы против всякого гнета, против империализма вообще.

Восстание 1916 года развернулось в обстановке мировой империалистической войны. Это было первое восстание казах-

хов в эпоху империализма. Оно как бы подвело итог всей предшествующей борьбе казахов за свою свободу и независимость. Непосредственно сомкнувшись с буржуазно-демократической революцией в России, оно явилось прологом того соединения пролетарской революции с национальной войной, которое предсказывали классики марксизма-ленинизма.

На совместную борьбу против общего врага – царизма русский и казахский народы стихийно поднимались уже давно, начиная со времен Пугачева. Передовые русские люди, попадавшие в Казахстан, с горячей симпатией относились к национально-освободительной борьбе казахского народа и всемерно помогали ей. Великий украинский поэт-демократ Шевченко, Достоевский и петрашевцы, народники и Шелгунов, вся русская демократическая интеллигенция, а впоследствии и передовые представители пролетариата России – социал-демократы большевики понимали общность исторических судеб русского и казахского народов и великое значение их совместной борьбы против общего угнетателя – русского царизма. Понимали необходимость этой совместной борьбы и передовые люди казахского народа – его великие просветители Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и многие другие. Но эта совместная борьба была долгое время разрозненна и недостаточно политически осознана.

Только в начале XX века, когда в Казахстане были созданы первые большевистские организации, ставшие ядром всего революционно-освободительного движения в стране, начал оформляться тот революционный союз рабочего класса с широкими массами казахского народа, который завершился исторической победой в октябре 1917 года. Ленин и Сталин, возглавившие великую освободительную борьбу, разработали такую программу этой борьбы, которая зажгла революционным энтузиазмом самые отсталые массы угнетенных народов и сплотила их вокруг русского пролетариата и его револю-

ционной партии. Эта большевистская программа отстаивала право наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельных государств, и открывала замечательную перспективу национального возрождения порабощенных народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая под знаменем партии Ленина – Сталина, превратила эту программу партии в государственную программу диктатуры пролетариата, прочно опиравшейся на союз с освобожденными революцией угнетенными ранее народами. Она создала условия для возрождения казахского народа и его консолидации в нацию нового типа на основе победы социалистического способа производства и советского государственного строя. Она пробудила к жизни производительные силы и природные дарования казахского народа, а также обеспечила расцвет его культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

В годы гражданской войны под руководством партии Ленина – Сталина при помощи великого русского народа казахский народ отстоял свою независимость, отстоял советскую власть. Красная Армия помогла казахскому народу разбить интервентов, белогвардейцев и предателей казахского народа – алашордынцев, пытавшихся закрепить колониальное подчинение казахского народа русскому и иностранному империализму.

Уже в ходе этой ожесточенной гражданской войны большевистская партия создала политическую основу возрождения казахского народа и его складывания в нацию. По прямому указанию товарища Сталина в 1920 году была создана Автономная Казахская Советская республика. Закрепленное кровью героических сынов казахского народа и русских рабочих и крестьян, историческое возрождение казахского народа стало фактом. Объединив раздробленные царизмом по различным административным единицам территории, Советское правительство

создало условия для воссоединения искусственно расчлененного казахского народа.

Но достичнуть фактического равноправия возрожденный казахский народ мог только на основе такого мощного хозяйственного развития, которое в кратчайший срок ликвидировало бы его историческую отсталость, намеренно культивировавшуюся царизмом. Осуществление грандиозного ленинско-сталинского плана социалистической индустриализации и переделки сельского хозяйства создало основу для того исторического скачка, который сделал полуфеодальный Казахстан, прия к социализму. минуя капиталистическую стадию развития. В результате грандиозного строительства социализма в годы великих сталинских пятилеток, в результате ликвидации байства и кулачества как класса и коллективизации сельского хозяйства была уничтожена вековая хозяйственная и культурная отсталость казахского народа. Из отсталой аграрной колонии Казахстан превратился в передовую социалистическую индустриально-аграрную республику. Советская Казахская республика встала на путь социалистического расцвета.

5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР принял новую Конституцию Союза ССР. По Сталинской Конституции Казахская Автономная ССР, входившая ранее в РСФСР, была преобразована в Союзную республику. 26 марта 1937 года Чрезвычайный X Все казахский съезд Советов утвердил новую Конституцию Казахской ССР, разработанную на основе Сталинской Конституции СССР. Так была создана Казахская ССР – республика возрожденного казахского народа.

Начиная свою тотальную варварскую войну против Советского Союза, людоед Гитлер пренебрежительно говорил, что такой страны нет, что СССР – это только географическое понятие. Невежественный сфрейтор и его лакеи-«ученые», палачи человеческой мысли, пренебрежительно изображали ранее угнетенные народы как народы без истории. Самоуверенные немецко-фашистские бандиты хотели игнорировать историю великого русского народа, а также историю отдельных национальных республик, входящих в СССР, когда они рассчитывали одним мощным броском своих бронированных армий поработить советский народ.

История Казахской Советской республики – лучший пример еще одного просчета злодейского гитлеризма.

Социалистический Казахстан, как и весь Советский Союз, был подготовлен к тому, чтобы встретить сокрушительным отпором любого зарвавшегося врага, покушающегося на его свободу, честь и независимость. Советский Казахстан стал социалистическим форпостом на Востоке Советского Союза и его мощным арсеналом.

Ранее неведомые, а ныне разведанные богатства недр социалистического Казахстана полностью обращены против врага человечества и всякого прогресса – гитлеризма. Освоенные богатства недр Советского Казахстана – уголь, нефть, медь, свинец, цинк, олово, кадмий, вольфрам, молибден – превращаются в грозное оружие, которым вооружает казахский народ героическую Красную Армию. Новые гиганты социалистической индустрии непрерывным потоком отправляют свою смертоносную продукцию на фронт. Эмбанефть, Караганда, Прибалхашский комбинат, Чимкентский свинцовый завод, Актюбинский химкомбинат, Семипалатинский мясокомбинат, Гурьевский рыбоконсервный комбинат, сахарные заводы, десятки и сотни крупнейших оборонных предприятий Казахской

ССР в напряжении стахановского труда изготавлиают все необходимое для обеспечения победы Красной Армии. Колхозы и совхозы повышают производительность сельского хозяйства, распахивают новые целинные земли, выращивают ценнейшие породы скота, увеличивают поголовье лошадей, коров, овец, коз, свиней, для того чтобы доблестная Красная Армия ни в чем не испытывала нужды, чтобы, воодушевленная крепкой поддержкой тыла, она успешнее громила врага.

Посылая на фронт вооружение, боеприпасы, продовольствие, казахский народ отдает фронту также самое дорогое – своих сынов. Казахи, поднимавшие всеобщее восстание против отправки их царским правительством в 1916 году на тыловые работы для обслуживания фронта империалистической войны, ныне с величайшим энтузиазмом посыпают многие тысячи своих лучших сынов на фронты Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Воскрешая лучшие боевые традиции казахского народа, казахи-воины проявляют на фронтах Отечественной войны такое мужество, храбрость, стойкость, инициативу, такой высокий советский патриотизм, какие может проявить только возрожденный народ, борющийся за сохранение веками завоеванной свободы.

Этот исторический путь развития свободолюбивого казахского народа, который так героически проявляет себя на фронтах и в тылу в дни решающих боев против немецко-фашистских захватчиков, авторы стремились показать в настоящей «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней».

ВВЕДЕНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Изучение истории казахского народа насчитывает уже два столетия. Однако до сих пор еще не появилось обобщенной истории казахского народа, которая охватывала бы весь долгий путь его исторического развития с древнейших времен до наших дней. Многие этапы этого развития изучены весьма слабо или совсем не изучены. Дворянско-буржуазная историография уделяла мало внимания изучению истории отдельных народов, входивших в состав Российской империи. Чаще всего это изучение диктовалось интересами и целями колонизаторской политики царизма. В таких случаях изучаемые народы рассматривались лишь как объект, а не субъект исторического процесса. Только марксистско-ленинская историческая наука дала прочную научную основу для изучения истории ранее угнетенных народов, – в частности народов нынешнего Советского Востока.

В работах классиков марксизма-ленинизма содержатся не только важнейшие методологические указания, без учета которых вообще невозможно изучение исторического процесса, но и исключительно ценные конкретные высказывания по истории народов Востока, в том числе и казахского народа.

Классическая работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает руководящие указания, которые должны быть использованы при изучении древнейшей истории Казахстана – первобытно-общинного строя, рода-племенных отношений и их разложения. Исключительно важны для понимания жизни казахской общины и процесса

формирования феодализма у народов степей Дешти-Кыпчака методологические указания, заключающиеся в работе Энгельса о германской марке. Важные дополнения к этим классическим работам содержатся в переписке Маркса и Энгельса. Исключительно плодотворным явилось указание Маркса и Энгельса о том, что «отсутствие частной собственности на землю, действительно, является ключом к пониманию всего Востока».¹

Это важнейшее указание классиков марксизма помогло раскрыть и объяснить многие особенности социально-экономических отношений и политической жизни казахов, долгое время не знавших частной земельной собственности.

Не менее важно указание Маркса о недопустимости отождествления европейской и монгольской общин. Это указание должно помочь историкам-марксистам избежать серьезных ошибок в оценке характера и роли патриархально-родовой общины казахского народа. «Там, где уцелел древний общинный быт, – писал Энгельс в «Анти-Дюринге», – он всюду, от Индии до России, служит целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма».²

Эту же мысль Энгельс подчеркивает в своем указании о том, что «первоый коммунизм на Яве, как и в Индии, и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплоатации и деспотизма».³ К истории казахского народа, как и всякого другого, целиком относятся те общеметодологические указания, которые с такой непревзойденной ясностью и лаконичностью изложены в знаменитом предисловии Маркса «К критике политической экономии».

В то время, когда подавляющая часть представителей официальной буржуазной историографии пренебрежительно трактовала восточные народы как «неисторические», Маркс

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 493.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 183 – 184.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 246.

внимательно изучал историю этих народов. В его «Хронологических выписках» встречаются ценные сведения по истории завоеваний Чингиз-хана, о Хорезме, о племени канглы и т.д. Весьма важно указание Маркса в его работе «Вынужденная эмиграция» о причинах передвижения племен Азии и значении этого передвижения в истории образования народов древней и современной Европы, предвосхищающее критику современной фашистской «теории» чистых рас.¹ Интерес к истории народов Востока побудил Энгельса заняться изучением персидского языка, чтобы читать в подлиннике древних авторов.

Неизмеримо обогатили историческую науку о народах Востока Ленин и Сталин. Невозможно изучать историю Казахстана конца XIX–XX веков без использования указаний В. И. Ленина о царской России как «тюрьме народов», о двойном гнете, какой испытывали угнетенные народы со стороны царизма и своих местных эксплоататоров, находившихся в союзе с царизмом, о развитии капитализма не только вглубь, но и вширь, о связи развития индустрии России и заселения восточных областей, о реакционности переселенческой политики царизма, о губительности влияния помещичьих латифундий и на центр, и на окраины и т.д.

Все эти указания Ленина дают руководящую нить в понимании и оценке завоевания Казахстана и его превращения в колонию.

Исследование товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» показало, почему казахский народ не мог до Октябрьской революции консолидироваться в нацию. Товарищ Сталин дал историкам Казахстана правильное понимание общественных отношений казахов до Октябрьской революции как патриархально-феодальных. Исключительно важно также указание на связь между сохранением у казахов патриархально-родового быта и господством скотоводческого

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278 – 279.

кочевого хозяйства. Для истории Казахстана особо существенное значение имеют выступления товарища Сталина на X и XII партсъездах, его работа «Наши задачи на Востоке» и т.д.

Для советского периода в истории Казахстана работы и выступления Ленина и Сталина имеют совершенно исключительное значение. Почти все директивные документы являются ныне громадной ценности историческими материалами, определявшими путь развития возрожденного казахского народа, консолидировавшегося в нацию только на основе победы социалистического способа производства в условиях Советского государства. Опыт величайшего преобразования отсталой царской колонии в передовую социалистическую республику, миновавшую капитализм, может быть понят и правильно оценен только на основе тщательного изучения важнейших директивных документов большевистской партии и Советского правительства.

Знаменитое выступление Ленина на II конгрессе Коминтерна о возможности для отсталой страны (при известных условиях) перехода к социализму, минуя капитализм, легло в основу всего развития Советского Казахстана и определило его послевоенную историю вплоть до наших дней. Ленин подписал 10 июня 1919 года «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским краем», которое явилось основой для создания казахской государственности, разрушенной российским царизмом, но возрожденной в новой, советской, подлинно народной форме. Ленинско-сталинский план индустриализации, определивший развитие социалистической экономики в Казахстане; Стalinская Конституция, которая легла в основу Конституции Казахской ССР; сталинские высказывания о развитии культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, – все эти и многие другие исторические документы являются драгоценными источниками для создания истории Казахской ССР.

Дальнейшая разработка истории казахского народа на основе указаний классиков марксизма-ленинизма потребует серьезного изучения первоисточников. Важнейшие периоды истории Казахстана не могут быть освещены без тщательного и всестороннего исследования самых разнообразных исторических материалов и памятников.

При изучении истории Казахстана в древнейший период единственным источником являются данные археологии, если не считать отрывочных упоминаний о древних племенах Казахстана в ассирийских клинописях.

Начиная с V века до н.э., история Казахстана восстанавливается не только по археологическим раскопкам и материальным памятникам, но еще и по немногим письменным документам. Самые ранние письменные сведения о племенах, населявших Казахстан, сообщают греческие авторы – Геродот, Страбон и другие.

Свидетельства Геродота весьма важны для изучения жизни скифов, в частности, сакской группы скифских племен, тем более что саки генетически связаны с более поздними племенами, населявшими Казахстан. С III века до н.э. наряду с археологическими памятниками и известиями античных авторов сведения о племенах Казахстана начинают сообщать и китайские источники. Именно этим источникам историческая наука обязана сведениями о древних племенных союзах усуней и канглы, а также сведениями о гуннах, игравших во II – I веках до н.э. большую роль в политической истории Южного и Восточного Казахстана. Из китайских описаний быта древних усуней особенно важное значение имеют свидетельства Чжан-Цяна, посетившего в конце II века до н.э. ставку усуньского гуньмо. Сведения об усунях и канглы содержит ряд китайских летописей: «Хоуханьшу», «Шицзы», «Цяньханьшу», «Вэйшу» и других. О более поздних периодах в истории племен Казахстана ценные сведения содержатся у китайского автора Сюань-Цзаня

(VII век). В русском переводе сведения китайских источников приведены в работах И. Бичурина, Васильева и других.

Важные фактические данные по истории Казахстана до-монгольского периода приведены в трудах Макдиси (X век) и у Махмуда Кашигарского в его «Книге о тюркском языке» («Диван лугат ат-турк») (XI век), у персидского автора Гардизи (XI век), а также в так называемой «Рукописи Туманского» – обширном географическом трактате, написанном в 982 – 983 годах на персидском языке под названием «Худуд-ал-алем» («Границы мира») неизвестным автором. Данные Махмуда Кашигарского о языке восточных кыпчаков имеют огромное значение для решения вопроса о происхождении казахской народности, равно как и данные о языке западных кыпчаков, содержащиеся в так называемом Половецком словаре (*Codex cumanicus*), составленном несколько позднее. Для истории Казахстана эпохи монгольского завоевания и Золотой орды богатейшие сведения сообщает ряд восточных авторов. Наиболее важными источниками для этого периода являются «История завоевателя мира» («Тарих-и-джехангуша») Джувейни (XIII век), «Сборник летописей» («Джами ат-теварих») Рашид-ад-Дина (XIII – начало XIV века) и источник на персидском языке, известный под названием «Аноним Искендер» (XV век). Как установил В. В. Бартольд, это сочинение принадлежит перу некоего Муин-ад-Дина Натаанзи. «Аноним Искендер» особенно ценен сведениями, сообщаемыми о Белой орде, о правлении Урус-хана и Тохтамыша и их взаимоотношениях со знаменитым завоевателем Тимуром. Ценные добавления к этому источнику содержатся в сочинении персидского автора XVI века Гаффари «Списки устроителя мира» («Нусах-и-джеханара») и в истории Хайдера Рazi (XVII век), обычно известной под названием «Хайдеровой истории» («Тарихи-Хайдери»). Кроме того, важные сведения о Казахстане эпохи Тимура и тимури-

дов сообщает Низам-ад-Дин Шами в своей работе «Книга побед» («Зафар-намэ») и Шериф-ад-Дин Йазди (XV век) в работе под тем же названием, что и книга Низама Шами. Из китайских источников наиболее ценные сведения о Казахстане начала XIII века сообщает Чань-Чунь, проехавший через район Или, Чу и Таласа в 1221 году.

Исключительно важными для истории Золотой орды являются сведения, сообщаемые русскими летописями. По сравнению с восточными (арабскими и персидскими) и русскими источниками данные армянских и византийских авторов имеют второстепенное значение. Русские переводы армянских источников принадлежат К. Патканову («История монгол по армянским источникам») и Н. Эмдину («Всеобщая история Вардана Великого»). Русские переводы восточных (арабских и персидских) источников приведены в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I и II В. Г. Тизенгаузена. Отрывки из Рашид-ад-Дина, кроме того, были переведены И. Н. Березиным.

Первые сведения об образовании на северных окраинах Средней Азии особого государства – Казахского ханства сообщает один из крупнейших представителей моголистанской знати, происходивший из рода дулатов, Мухаммед Хайдер. Свой труд «Тарихи-Рашиди» Хайдер закончил в 40-х годах XVI века. Он составлял его и по личным наблюдениям, и по воспоминаниям современников описываемых им событий. Сведения, которые он сообщает о казахах, относятся к истории возникновения Казахского ханства, к взаимоотношениям казахов с Моголистаном, с киргизами и узбеками. В его труде содержатся важные сведения и о племенах Моголистана, впоследствии влившихся в Казахское ханство.

Большое значение имеет также труд придворного сановника узбекского хана Мухаммеда Шейбани – Рузбехана. Работа Рузбехана «Михман-намэ и Бухара» написана в начале XVI

века. Она важна не только для изучения первых десятилетий политической жизни Казахского ханства, но и содержит весьма ценные сведения о хозяйственном и общественном быте казахов. Обе работы – и Рузбехана, и Мухаммеда Хайдера – написаны на персидском языке. Имеются переводы отрывков на русском языке и полный перевод «Тарихи-Рашиди» на английском языке. Из других восточных источников, имеющих большое значение для изучения первых десятилетий истории казахского народа, следует отметить «Шейбани-намэ», «Родословное древо тюрок» Абдулгази-хана, написанные в 60-х годах XVII века, и «Абдулла-намэ» Хафизи Таныша, написанное в конце XVI века и содержащее исключительно ценные сведения о внешней политической истории Казахского ханства в конце XVI века, главным образом о взаимоотношениях казахов с узбекским ханом Абдуллой II и ташкентским владельцем Баба-султаном. «Шейбани-намэ» и труд Абдулгази-хана переведены на русский язык. Переводы на русском языке из «Абдулла-намэ» приведены в книге Вельяминова-Зернова «Исследования о Касимовских царях и царевичах», ч. II. Кроме того, интересные подробности по истории первых десятилетий Казахского ханства содержатся в работах Мирхонда, Хондемира и Бабура.

История казахского народа с древнейших времен отразилась и в устных преданиях казахов. Эти предания передавались из поколения в поколение, естественно, обрастая легендами; поэтическое творчество и исторические факты в этих сказаниях неразрывно переплетались. Сказания отражают поэтическое представление народа о своей истории, но еще не саму историю. Эти предания могут служить богатейшим историческим источником, но они нуждаются в глубоком изучении для того, чтобы из поэтического сказания могли быть выделены достоверные исторические факты. То же самое следует сказать вообще о казахском фольклоре. К сожалению, эта критическая

и аналитическая работа до сих пор не проведена, что крайне ограничивает использование фольклорного материала в качестве исторического источника. В основном этот материал принадлежит скорее истории культуры, чем политической истории казахского народа.

Сведения о казахах сохранились и в русских источниках. Они содержатся в «Краткой сибирской летописи», в Строгановской и Есиповской летописях, в отписках и статейных списках русских послов к ногайским мурзам и казахскому хану Тевекелю. Из этих источников особо существенное значение имеют показания Данилы Губина – посла к ногайским мурзам в 30-х годах XVI века и Вельямина Степанова – посла к хану Тевекелю в конце XVI века.

Исключительную ценность для исторической географии Дешти-Кыпчака представляет «Книга Большого Чертежа», изданная в начале XVII века в Москве. Отрывочные сведения о казахах содержатся в записках западноевропейских путешественников: Иовия, Герберштейна, Джэнкинсона. Из них лишь Джэнкинсон, совершивший в 1558 году путешествие в Хиву и Бухару, передает сведения о казахах как очевидец. Остальные пользовались данными из вторых рук, собранными ими при путешествии в Москву.

Из русских источников для истории казахов конца XVII века наибольший интерес представляют статейный список и расспросные речи Ф. Скибина и М. Трошина, совершивших в 90-х годах XVII века путешествие ко двору хана Тауке в качестве послов Петра I. Они собрали интересные сведения не только о внешнеполитических отношениях Казахского ханства, но и сообщили много интересных данных о хозяйстве и общественных отношениях казахов. Очень слабо освещены в выявленных источниках, как русских, так и восточных, первые десятилетия XVIII века, особенно 20-е годы – годы «великого бедствия» казахского народа. Для понимания этого периода

важное значение сохраняют фольклорные материалы – народные предания казахов. Из письменных источников интересные, но отрывочные сведения содержит журнал посланца русского правительства к хану Абульхайыру А. И. Тевкелева, пробывшего в Младшем жузе около двух лет в 1731 – 1732 годах, и сведения, собранные им же при свидании со старшинами в 1748 году.

Если до 30-х годов XVIII века сведения о казахах в русских источниках носят отрывочный характер, то, начиная с этого времени, в архивных фондах сохранилось огромное количество материалов, относящихся к истории Казахстана. Здесь можно назвать лишь главнейшие из этих фондов. К ним относятся фонд Коллегии иностранных дел – дела киргиз-кайсацкие, фонд общего архива Главного штаба, Пугачевской экспедиции, Секретной экспедиции Правительствующего сената, 8-го делопроизводства земского отдела Министерства внутренних дел, переданные из Азиатского департамента Министерства иностранных дел, Комитета министров, I и II Сибирского комитета, Непременного совета, Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции, фонд Переселенческого управления и другие. Все эти фонды хранятся в центральных архивах Москвы и Ленинграда. Из местных фондов наибольшее значение имеют фонды Оренбургской областной канцелярии, Пограничной экспедиции и Пограничного суда, хранящиеся в областном архиве города Чкалова, а для XIX века – фонды Западно-Сибирский, Пограничной комиссии, губернских земельных управлений, волостных управлений и другие, хранящиеся в Историческом архиве Отдела государственных архивов НКВД КазССР. Среди этих материалов многие исходят от казахов. Таковы письма ханов, султанов и знатных старшин на имя местной администрации и петербургского правительства, записи постановлений собраний казахской знати. Они сохранились и в подлинниках, написанных обычно на чагатайском

языке, и в переводах. Русские материалы весьма неравнозначны по своему историографическому значению. Наиболее ценными являются для XVIII века так называемые «сказки», т.е. показания лиц, побывавших в казахских жузах. Среди них много лиц весьма демократического происхождения: татар, казачьих урядников и т.д. В сказках часто содержатся исключительно важные сведения по внутренней истории казахского народа. Для изучения колониальной политики российского царизма первостепенное значение имеют донесения местной администрации на имя петербургского правительства, а также указы центральных правительственные учреждений.

Среди других материалов большой интерес представляют записки участников Академических экспедиций XVIII века – Палласа, Фалька и Георги. Они собрали не только богатые географические данные и сведения о природных ресурсах Казахстана, но и много сведений о внутренней истории казахского народа. Особенно ценные в этой связи сведения, сообщаемые Георги. Интересные сведения имеются в записках Н. Рычкова, долгое время служившего по казахским степям в составе отряда, посланного для преследования бежавших в 1771 году из России калмыков. Характер исторического источника носят работы П. И. Рычкова, советника Оренбургской губернской канцелярии, – «Топография Оренбургской губернии» и «История оренбургская». Кроме того, важные сведения о казахах имеются в работах Миллера, Фишера и Гмелина. Исключительно интересный материал по истории казахов конца XVIII века и начала XIX века содержит «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» Гавердовского, попавшего в плен к казахам в 1803 году. Его описание издано лишь в ничтожных отрывках, но было известно А. Левшину и широко использовано им в его работе «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей».

Для конца XIX – начала XX веков богатый материал содержат данные экспедиций Щербины, Румянцева, ревизии

Палена, а также годовые отчеты местной администрации, губернаторов и генерал-губернаторов на имя российского правительства. Необходимым источником для данного периода является местная пресса, в частности «Степная газета», а также казахская газета «Казах», журнал «Айкап» и другие. Для обрисовки внутреннего социального быта, национально-освободительных движений XIX века и 1916 года интересный материал дают казахская литература и фольклор.

Значительные сведения по истории казахов XVIII и XIX веков содержатся и в восточных материалах. Наиболее важными из них являются хивинская история «Фирдоус-уль-Икбаль» на узбекском языке и другие сочинения Муниса и Агехи, написанные в Хиве в XIX веке. Обширные отрывки из этих сочинений на русском языке приведены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. II.

Для советского периода в истории Казахстана основными материалами являются работы товарищей Ленина и Сталина, а также директивные документы партии и правительства, которые вместе с тем являются историческими документальными источниками первостепенного значения.

Из местных источников особенно важны для этого времени материалы Тургайского областного съезда Советов, состоявшегося в марте – апреле 1918 года. Главнейшие решения местных партийных организаций конца гражданской войны и за восстановительный период собраны в книге «Казахская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов» (1920 – 1925 годы), изданной в 1931 году, и в протоколах I и II Киргизской областной конференции РКП(б) (1921 и 1922 годы).

Важнейшие партийные решения, относящиеся к периоду индустриализации и коллективизации, содержатся в решениях VI (1927 год), VII (1930 год) и VIII (1934 год) Всеказахских конференций ВКП(б). Для периода развернутого социалисти-

ческого наступления важнейшие материалы содержатся в отчетных докладах секретаря ЦК КП(б)К тов. Н. А. Скворцова на II (1938 год) и III (1940 год) съездах КП(б)К, а также в резолюциях I, II и III съездов КП(б)К.

Богатые фактические данные приведены в материалах к отчетам Казахского краевого комитета ВКП(б) на V, VI, VII и VIII Всеказахских партконференциях. Однако цифровые данные этих материалов не всегда точны. Необходимыми дополнениями к ним являются данные о социалистическом строительстве в Казахстане за 20 лет, опубликованные в 1940 году в связи с 20-летием республики.

Другой группой материалов по истории советского периода является местная пресса: республиканские и областные газеты, журналы, брошюры. Трудности социалистического строительства, которые возникали на местах, ошибки и неудачи на пути превращения Казахстана в индустриально-аграрную республику, героизм отдельных строителей социализма, их достижения и искания – все это нашло отражение в многочисленных статьях и корреспонденциях на страницах периодической печати.

Однако опубликованным материалом при составлении истории советского периода ограничиться невозможно. Основная масса материалов остается неопубликованной. Эти материалы сосредоточены, в основном, в двух архивах: в архиве Октябрьской революции (город Алма-Ата) и в архиве ЦК КП(б)К. Из отдельных фондов следует отметить фонд Областного бюро РКП(б) (1920 – 1921 годы), Киргизского областного комитета РКП(б) (1921 – 1925 годы), Казахского краевого комитета ВКП(б) (1925 – 1937 годы), Революционного комитета по управлению Киргизским краем (1919 – 1920 годы), Семиреченского областного комитета РКП(б) (1919 – 1924 годы), Лепсинского уездного комитета РКП(б) (1918 – 1921 годы) и другие.

Необходимым дополнением ко всем этим материалам служат воспоминания участников гражданской войны, а также социалистической стройки. Сравнительно небольшая часть

этих воспоминаний опубликована. Значительное количество записей (около 500) хранится в архиве Казахского филиала ИМЭЛ.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Интерес к историческому прошлому Казахстана в русской литературе пробудился еще в XVIII веке. Этот интерес был вызван, с одной стороны, необходимостью ознакомиться с казахами, знать которых только что приняла российское подданство. С другой стороны, привлекала новизна быта одного из кочевых восточных народов. Изучение Казахстана диктовалось, главным образом, колониальными интересами Российской империи. Это и определяло характер тех исторических исследований о Казахстане, которые были написаны до Великой Октябрьской социалистической революции. Большинство из них рассматривало казахский народ как объект колониальной политики царизма. Чтобы управлять завоеванным народом, нужно было его знать. Вот почему в дореволюционной литературе было накоплено большое количество ценных фактических данных о прошлом казахского народа.

Необходимо, однако, отметить, что историческая литература отразила также наличие в русской культуре и прогрессивного направления. Лучшие представители этого направления защищали не интересы российского царизма, а чаяния и стремления русского народа. Их отношение к народностям, угнетаемым самодержавием, было проникнуто глубокой симпатией. Они интересовались вопросами внутренней политической и культурной жизни этих народностей. Труды таких передовых писателей, как Потанин, Радлов, Герцен и других отразили любовь к казахскому народу, понимание его тяжелого положения и самобытной ценности казахской культуры.

Историческая литература о прошлом Казахстана содержит как исследования об отдельных сторонах его жизни, так и общие обзоры истории казахского народа. Первый обзорный труд по истории Казахстана принадлежит А. Левшину, чиновнику Министерства иностранных дел. Его «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» в 3-х частях вышло в 1832 году. Вторая часть труда Левшина посвящена истории Казахстана, две другие части дают его этнографию и географическое описание. Левшин в своем обозрении пользовался данными русских источников. Исторический очерк Левшина посвящен истории Казахстана XVIII – начала XIX века. Он стремился дать обзор исторического развития всех трех казахских жузов. Сведения, которые Левшин на основании данных, собранных от казахских старшин в 40-х годах XVIII века А. И. Текелевым, сообщает о древней истории Казахстана, носят еще отрывочный характер. Тем не менее, по богатству фактического материала и по точности передачи источников работа Левшина не утратила своего значения и до настоящего времени.

Второй обзор истории Казахстана принадлежит А. И. Добросмыслову. Его работа «Тургайская область. Исторический очерк» содержит историю лишь Младшего и западной части Среднего жузов, входивших в ведение оренбургского губернатора. Изложение прошлого Казахстана Добросмыслов начинает с принятия ханом Абульхайыром российского подданства и заканчивает отрывочными данными из истории казахов конца XIX века. Изложение Добросмыслова посвящено почти исключительно вопросам политической истории. Вопросы социально-экономического быта, национально-освободительной борьбы казахского народа, его культурной истории либо не нашли отражения, либо нуждаются в существенном пересмотре.

Краткие обзоры прошлого Казахстана содержатся в работе Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» и в

обширном исследовании М. Красовского «Материалы для географии и статистики России». Обе эти работы вышли в 60-х годах XIX века. Они были вызваны стремлением обобщить сведения исторического, географического, экономического характера, относящиеся к Казахстану, завоевание которого в основном было завершено к этому времени Российской империей. Краткий исторический очерк прошлого Казахстана был издан в 1910 году под названием «Киргизский народ в прошлом и настоящем». Он принадлежит Румянцеву.

Все эти обзорные труды не могли дать правильной и полной картины жизни и, тем более, верной оценки истории казахского народа. Все же, как довольно богатый и точный фактический материал, эти труды при необходимости критическом к ним отношении могут быть использованы нашими советскими историками.

Литература, посвященная отдельным проблемам прошлого казахского народа, весьма многочисленна. Но лишь сравнительно небольшое число исследований ставит новые проблемы. Для изучения происхождения казахского народа большое значение имеют работы Н. Аристова. Его «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара киргизов», а также его «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», вышедшие в 90-х годах XIX века, впервые поставили вопрос об этническом составе казахской народности. Однако в исследованиях Н. Аристова вопрос об этногенезисе казахов лишь поставлен, но не разрешен. Автор сообщает много интересных данных о происхождении отдельных казахских родов. Главный же вопрос – о слиянии этих родов в единую казахскую народность, отличную от других тюркских народностей, им обойден. Несмотря на это, фактические сведения, сообщаемые Аристовым, сохраняют свое значение до наших дней. Многие из них нуждаются лишь в частичных исправлениях,

другие могут быть приняты целиком. В вопросе этногенезиса имеют большое значение данные антропологии. Описание антропологического типа казахов дано А. Харузином. Но его работа «Киргизы Букеевской орды», вышедшая в двух выпусках в 1889 – 1891 годах, содержит антропологическое описание казахов, связанных своим происхождением лишь с западными районами Казахстана. Кроме того, Харузин не касался вопросов исторической антропологии. Это снижает значение его труда для изучения этногенезиса казахского народа. Тем же недостатком страдают и антропологические исследования Ивановского. Ценным добавлением к этим работам являются труды профессора Ошанина, собравшего весьма ценные сведения по исторической антропологии казахов. Но работы профессора Ошанина относятся уже к советскому периоду в истории науки.

Для истории хозяйственного быта и политической жизни Казахстана в древний период и в эпоху средневековья большое значение имеют работы П. Лерха и В. Радлова. Эти работы охватывают историю сырдарьинских городов (Лерх) и северо-восточных районов Казахстана (Радлов). Крупный шаг вперед в изучении первых десятилетий истории Казахского ханства был сделан Вельяминовым-Зерновым в его «Исследовании о Касимовских царях и царевичах», вышедшем в 1864 году. Во второй части этого труда в связи с известиями об одном касимовском царевиче – Ураз-Мухаммеде, казахском султане, Вельяминов-Зернов на основании восточных источников впервые вскрыл ряд исключительно важных фактов из истории образования Казахского ханства и первых десятилетий его существования. Тем самым первоначальная история казахского государства из области догадок и легенд была поставлена на почву твердых исторических фактов. Свое значение работа Вельяминова-Зернова в основных своих положениях сохранила до наших дней.

До революции не вышло ни одной работы, которая дала бы удовлетворительное освещение внутренней, социальной истории казахского народа до превращения Казахстана в колонию царской России, т.е. до 70-х годов XIX века. В связи с этим не могла найти удовлетворительного освещения и история национально-освободительной борьбы казахского народа. Освещение освободительных движений казахского народа, если не считать отдельных страниц, посвященных этому вопросу в общих обзорах истории Казахстана, нашло свое отражение лишь в ряде статей. Из них наиболее ценной является работа Н. Аничкова «Киргизский батыр Джанходжа Нурмухаммедов», содержащая весьма добросовестное исследование движения Жанхожи, а также две статьи Н. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касимова» и «Из истории волнений в Оренбургском крае». Вторая статья посвящена героическому восстанию казахского народа в 1869 – 1870 годах.

Обширная литература посвящена Казахстану конца XIX – начала XX веков. По преимуществу эта литература освещает земельный вопрос, интерес к которому естественно возник в связи с переселенческой политикой царского правительства.

Проблема превращения Казахстана в колонию царской России в дореволюционной литературе не нашла удовлетворительного разрешения. Вопрос о принятии казахами российского подданства трактовался как добровольный акт казахского народа. Вопросы колониальной политики российского царизма рассматривались обычно под углом зрения цивилизаторской роли царской России на Востоке. Глубокая противоречивость этой прогрессивности, вытекавшей из сближения Казахстана с более передовой капиталистической экономикой России, не выяснялась. Прогрессивная роль России в восточных областях империи сказывалась не в силу, а вопреки колониальной политике российского царизма, который, наоборот, стремился сохранять, а не разрушать отсталые феодально-

патриархальные формы отношений и быта в Казахстане. Разорение и вымирание казахского народа, явившиеся результатом колониальной политики царизма, обезземеливание казахских общин в связи с изъятием в Переселенческий фонд огромного количества казахских земель не нашли правильного отражения в дореволюционной литературе. Вопиющий факт захвата земель у казахов объяснялся «ненужностью» этих земель для хозяйства казахов. Эта теория «излишков» особенно ярко отразилась в статьях участников экспедиции Щербины конца 90-х годов XIX века.

Большую роль в дореволюционной литературе о прошлом Казахстана сыграли работы академика В. В. Бартольда. Прекрасный знаток археологии и восточных источников, В. В. Бартольд в своих работах «Очерк истории Семиречья», «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период» и других, построенных на огромном фактическом материале, показал, что народы восточных областей империи, которые в официальной литературе пренебрежительно трактовались как неисторические народы, на самом деле имели свою богатую историю, свою многообразную и высокую культуру. Основные интересы В. В. Бартольда были связаны, однако, с историей средневековья оседлых районов Средней Азии, в частности, с иранским прошлым этих районов. Это наложило известный отпечаток на его историческую концепцию, привело к переоценке значения влияния иранской культуры на культурное прошлое тюркских народностей Средней Азии. Но отдельные ошибки в его подлинно новаторской работе не могут умалить значение его исследований. Именно благодаря трудам В. В. Бартольда русской науке принадлежат наиболее яркие страницы в исследовании прошлого народов современного Советского Востока.

В середине XIX века казахский народ выделил из своей среды ученого, который в работах, оставшихся в большинстве, к

сожалению, лишь в черновых набросках, сумел дать мастерские зарисовки отдельных моментов истории своего народа. Это был Ч. Ч. Валиханов. Его этюды «Аблай», черновые наброски к статье «Аблай», набросок о грамотах китайских императоров, «Киргизское родословие», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» и другие являются блестящими историческими этюдами, не потерявшими научного значения до наших дней.¹

После Ч. Валиханова изучение истории казахского народа оживилось в связи с общественным подъемом в годы первой буржуазно-демократической революции. В 1907 году в Казани вышли три книги Машхур Жусупа Копеева, написанные на казахском языке в стихотворной и публицистической форме. Это «Сары-Арка кімдікі» («Кому принадлежит Сары-Арка»), «Хал-ахуал» («Наше положение») и «Менің көргенім» («Что я видел в жизни»). В своих полуисторических, полупублицистических очерках Машхур Жусуп Копеев касается вопросов земледелия в Казахстане, основных этапов борьбы казахского народа за свою независимость (Аблай, борьба с Джунгарией и другие), дает критику царского манифеста 17 октября. Крупным явлением в развитии исторической мысли в Казахстане явились работы философа и поэта Карапшева. В сборнике стихотворений «Бала Тұлпар» («Молодой Тулпар»), вышедшем в 1911 году в городе Уфе, Карапшев бичует колониальную политику царизма, протестует против безудержного изъятия казахских земель. Здесь же помещена поэма о батыре Срыме, сообщающая на основе фольклорных материалов интересные биографические сведения о герое казахского народа. В сборниках «Шаир» и «Аға Тұлпар» Карапшев дает много интересного материала по истории культуры казахского народа, приводит образцы исторического фольклора. Исторические сведения содержит и философский трактат Карапшева «Өрнек»

¹ Собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова в 5 томах вышло в 1961 – 1972 гг. и в 1984 – 1985 гг. в Алма-Ате. – Прим. ред.

(«Образец»), изданный в Уфе в 1911 году. В 1913 году вышла из печати работа Ш. Худайбердина «Қазак шежресі», содержащая родословие и сведения по истории казахов. Все эти работы, написанные на казахском языке, в основном построены на фольклорном материале исторических преданий казахов. Ряд исторических статей был опубликован в журнале «Ай-кап», издававшемся на казахском языке в городе Троицке в 1911 – 1915 годах под редакцией известного казахского демократического писателя и публициста Мухамеджана Сералина. Из других исторических работ, опубликованных на казахском языке, следует отметить «Таварих хамсә» («Пятерица восточной истории») Курбангали Халилова, вышедшую из печати в 1911 году. Работа К. Халилова содержит ценные данные по истории, этнографии и культуре не только казахов, но и народов Средней Азии.

Прошлое народов Казахстана интересовало не только русскую науку, но и западноевропейских исследователей. Наиболее ценные работы принадлежат Маркварту, Гаммеру, Клапроту, Шаванну, Абель-Ремюза и другим. Эти исследования посвящены по преимуществу истории племен, населявших Казахстан в древности и в эпоху средневековья, еще до образования казахской народности. Сюда же следует отнести и обширное исследование д' Оссона по истории монгол.

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила огромный интерес к истории народов бывших царских колоний. Революция создала и материальные возможности для более глубоких исторических исследований. Оживилось археологическое изучение Казахстана. Вместо случайных и разрозненных экспедиций были организованы экспедиции, поставившие своей целью планомерное изучение археологических памятников Казахстана. Для северных и центральных районов Казахстана наибольшее значение имели раскопки М. Грязнова и М. Воеводского, открывшие на территории Казахской ССР

памятники богатейшей бронзовой, так называемой Андроновской, культуры. Для Западного Казахстана большое значение имеет исследование срубно-хвалынской культуры, проведенное Б. Граковым. КазФАНом и Институтом истории материальной культуры имени Марра Академии наук СССР был организован по археологическому изучению Семиречья цикл экспедиций под руководством А. Н. Бернштама. Эти экспедиции дали богатейший материал по истории городов Семиречья, в частности была вскрыта история древнего «города купцов» – Тараза (ныне Джамбул).

Значительно оживилась научно-исследовательская работа по истории Казахстана как в научных центрах СССР, так и в Казахской ССР. Кроме В. В. Бартольда, давшего ряд новых трудов, в Ленинграде успешно работал над историей средневековья Средней Азии А. Ю. Якубовский. Его «Развалины Сыгнака», «Столица Золотой Орды Сарай-Берке», «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой» и ряд других работ, вышедших из печати в 20-х и начале 30-х годов, имеют большое значение в изучении хозяйства и политических отношений в степях Дешти-Кыпчака. Исключительно плодотворной для изучения социальных отношений тюркских народностей явилась работа Б. Владимиццева, посвященная выяснению социальных отношений монгольских племен. В своем труде «Общественный строй монголов», вышедшем в 1934 году, академик Владимиццев заострил внимание на своеобразных чертах так называемого кочевого феодализма и заставил пересмотреть многие укоренившиеся представления об общественных отношениях кочевых народностей Казахстана. В 1924 году в Оренбурге, который был тогда столицей Казахской АССР, вышла большая работа А. П. Чулошникова «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен». Исследование А. П. Чулошникова посвящено хозяйственному, общественно-

му и политическому быту племен и народностей Казахстана, по преимуществу его южных районов, начиная со сведений об усунях и до 30-х годов XVIII века, т.е. до начала российского подданства казахов. Необходимым дополнением к этой работе является большая статья А. П. Чулошникова «К истории феодальных отношений в Казахстане XVII – XVIII вв.», опубликованная в 1936 году, в которой автор подверг решительному и справедливому пересмотру свои представления о якобы господствовавших у казахов родовых или первобытно-общинных отношениях. Много и плодотворно работал в Казахстане А. Рязанов. Большая заслуга А. Рязанова заключается в том, что он ввел в научный оборот много нового фактического материала. Его источниками являлись фонды местных архивов, почти исключительно Оренбургского областного архива. Материалы центральных архивов не были им использованы. В ряде своих работ: «Сорок лет борьбы за независимость казахского народа (1797–1838 гг.)», «Восстание Исадая Тайманова», «Батыр Сырым Датов» и других А. Рязанов дал очерк освободительных движений в Казахстане в конце XVIII и первой половине XIX века. Однако он рассматривал эти движения только со стороны их направленности против колониального режима. Внутренняя обстановка развития борьбы казахского народа им не была вскрыта. В связи с этим А. Рязанов не мог дать ни правильного освещения движущих сил восстаний, ни причин, их вызвавших. Ценность его работ заключается в описании событий, хотя и здесь они нуждаются в ряде исправлений ввиду не всегда точной передачи автором содержания источников.

Замечание товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР и затем выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» значительно оживили изучение истории народов Советского Союза. Если раньше история СССР ограничивалась, главным образом, изложением исто-

рии русского народа, то после исторических замечаний товарищей Сталина, Кирова, Жданова изучение истории народов и других братских республик стало одной из центральных задач советской науки. В эту работу включились как центральные институты Академии наук СССР, так и местные научные учреждения.

Но развитие марксистско-ленинской исторической науки в Казахстане вначале сильно тормозилось. Это объяснялось не только влиянием на казахских историков так называемой школы Покровского, но и буржуазно-националистической концепции. Работы, выходившие из-под пера местных буржуазных националистов, впоследствии разоблаченных как враги народа, были довольно многочисленны, но их научная ценность оказалась ничтожной. Они отличались пренебрежением к историческим источникам и бесплодным социологизированием. Вот почему они не могли обогатить историческую науку ни новым фактическим материалом, ни свежими мыслями. Грубое социологизирование привело буржуазно-националистическую историографию к серьезным ошибкам в оценке исторических деятелей казахского народа. Так, была извращена историческая роль величайшего поэта казахского народа Абая Кунанбаева – только потому, что он принадлежал к зажиточной верхушке казахского общества. Порочные методологические установки, сводящиеся, с одной стороны, к игнорированию внутренних классовых отношений в казахском обществе, а с другой – к пренебрежению своеобразными чертами этих классовых отношений у тех авторов, которые их признавали, не позволяли буржуазно-националистической литературе показать патриархально-феодальный характер отношений эксплоатации. Вот почему, когда некоторые из авторов говорили о господстве феодализма в Казахстане, они ограничивались лишь выяснением отношений между кочевой казахской общиной и казахской аристократией. Игнорировались

классовые отношения внутри казахского аула. Таким образом, наиболее глубокие корни классовой борьбы оказались невыясненными.

При помощи Академии наук СССР развернулась научная работа Казахского филиала Академии наук СССР в области истории Казахстана. Были проведены археологические экспедиции по изучению долины Таласа и Семиречья. Подготовлено издание материалов по истории Казахской ССР. Разработана совместно с Публичной библиотекой имени Пушкина в городе Алма-Ата библиография по истории Казахстана. Выпущен в свет ряд исследований по истории Казахской ССР. В то же время усилилась научно-исследовательская работа в старейшем казахском вузе – Государственном педагогическом институте имени Абая, который стал выпускать свои научные сборники.

Крупную роль в изучении истории большевистской партии и советского периода истории Казахской ССР сыграл Казахский филиал ИМЭЛ. В журнале «Большевик Казахстана» и других изданиях стали систематически помещаться статьи, являвшиеся результатом исследовательской работы молодых историков Казахстана по истории революции, истории партии и советской власти в Казахстане. Необходимо в этой области отметить работы Н. Т. Тимофеева и Е. Г. Федорова, вокруг которых сгруппировались кадры молодых казахских историков.

Значительная работа была проделана также в области истории казахской культуры, особенно литературы и музыки. Еще в 20-х годах появились работы, посвященные изучению казахской литературы. Несмотря на ряд ошибочных положений, эти работы заложили основу казахского литературоведения. К этому же времени относится издание серии поэм из богатырского эпоса, в частности, научное издание поэмы «Едиге», исторической песни Нысанбая «Кенесары и Наурызбай», поэмы «Бекет-батыр», песен Махамбета Утемисова. Сбор

материалов и их издание проводились под руководством известного казахского фольклориста А. Диваева. Исследования в области казахской культуры значительно оживились в связи с организацией в 1933 году Института истории национальной культуры, впоследствии влившегося в состав Казахского филиала Академии наук СССР (ныне Институт истории, языка и литературы КФАН). Ко времени 1932 – 1934 годов относится выход в свет двух больших работ на казахском языке: «Казахская литература XX века» С. Муканова и «Казахская литература XIX в. – начала XX в.» М. Аузэзова. Но особенно интенсивно исследования по истории казахской культуры развернулись с 1938 года – с расцветом социалистического Казахстана. За последние годы из печати было выпущено несколько томов лучших образцов казахского фольклора: произведения героического эпоса, лирические поэмы, песни о восстании 1916 года, народные загадки, айтыс акынов и другие. Кроме того, был выпущен первый том академического издания песен Джамбула и произведения классика казахской литературы Абая Кунанбаева. На русском языке вышла под редакцией М. Аузэзова и Л. Соболева антология казахской литературы под названием «Песни степей» (1940 год), переводы лирики Абая, один из лучших образцов казахского лирического эпоса – поэма о Козы-Корпеше и Баян-Слу. Эти переводы, познакомившие народы Советского Союза с лучшими образцами казахского народного творчества, способствовали культурному сближению народов братских советских республик.

Но работа в области истории культуры не ограничилась собиранием и изданием образцов литературного творчества казахского народа. Был издан на казахском языке ряд новых очерков по истории казахской литературы, не только вводивших в научный обиход новые фактические данные, но и исправлявших ошибки прежних изданий. Сюда относятся «Казахская литература XVIII и XIX вв.» Х. Жумалиева, «Казахская лите-

ратура XX в.» Е. Исмаилова, «Казахская советская литература» под его же редакцией, «О творчестве Махамбета Утемисова» Х. Жумалиева, «Очерки казахской литературы XVIII – XIX вв.» С. Муканова, статьи о казахском фольклоре Кенжебаева и некоторые другие работы. Ценное исследование по казахскому фольклору дали М. Ауэзов и Л. Соболев («Эпос и фольклор казахского народа») на русском языке. Ряд интересных статей о казахской литературе дали молодые казахские литераторы-веды, в их числе Малик Габдуллин, ныне Герой Советского Союза. В области исследования истории казахской музыки большую роль сыграло издание казахских песен Затаевича и исследования казахского композитора Жубанова. Сборники Затаевича «1000 песен казахского народа» и «500 песен-кюев казахского народа» впервые познакомили советскую и иностранную общественность с песенным творчеством казахов. Их издание восторженно приветствовал Ромен Роллан.

В 1940 году в Алма-Ата вышла из печати книга «Двадцать лет Казахской ССР», содержащая очерки истории казахского народа, по преимуществу советского периода.

Работа центральных институтов Академии наук выразилась не только в помощи Казахскому филиалу, но и в организации и в проведении самостоятельных исследований и публикаций по истории Казахской ССР. Крупную роль в развитии истории Казахстана сыграли публикации документальных материалов. Так, Институтом востоковедения Академии наук СССР был опубликован второй том сборника материалов Тизенгаузена. Эти материалы имеют весьма важное значение для изучения истории народностей Казахстана в период господства Золотой орды. В частности, сборник содержит материалы, позволяющие восстановить плохо изученную историю Белой орды, бывшей составной частью Золотоордынского ханства. Обширные отрывки, имеющие прямое отношение к истории Казахстана, помещены в двухтомном собрании материалов

по истории туркмен и Туркмении, особенно во втором томе этого сборника. Интересные сведения, связанные с историей Казахстана, опубликованы также в «Материалах по истории каракалпаков». Одновременно Ленинградским отделением Института истории Академии наук был издан ряд сборников по истории народов СССР. Тесно связаны с историей Казахстана «Материалы по истории Башкирии» и «Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР», изданные под руководством А. П. Чулошникова. Ленинградским же отделением Института истории подготовлена к печати серия томов документов по истории Казахской ССР. Из этой серии вышел в 1940 году из печати четвертый том, охватывающий период с 80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX века, подготовленный к печати под руководством М. П. Вяткина. Одновременно с публикацией материалов Институт истории Академии наук СССР опубликовал ряд исследований, посвященных истории Казахстана или тесно связанных с ней. Из этих работ должны быть отмечены очерк «Золотая Орда» А. Ю. Якубовского и Б. Д. Грекова, «Архив хивинских ханов», «Казахи и Кокандское ханство» П. П. Иванова. В 1941 году вышли из печати «Очерки по истории Казахской ССР» М. П. Вяткина, охватывающие основные моменты истории казахского народа с древнейших времен по 1870 год.

Все эти работы создали предпосылки для написания уже не очерков и отдельных статей, а первой систематической истории Казахстана с древнейших времен до наших дней. Таким образом, настоящая книга явилась творческим итогом длительной коллективной работы советских историков в области истории казахского народа. Естественно, что коллектив авторов этой книги должен был учесть весь предшествующий опыт работы, исправить ошибки, наметить пути разрешения тех вопросов в области истории Казахской ССР, которые оставались спорными или совсем неизученными. Само собой

разумеется, что не все вопросы могут считаться достаточно разрешенными и в данной книге. Многие из них только намечены. Другие еще остаются спорными. Третьи и совсем не поставлены. Книга по своему содержанию и объему не могла быть разработана целиком на архивных материалах, тем более что многие из них еще не выявлены. Все же настоящая «История Казахской ССР», написанная в громадной своей части по первоисточникам, является некоторым шагом вперед в области изучения истории казахского народа. Этот первый систематический труд обобщает, уточняет и исправляет, поскольку это оказалось возможным на данном уровне развития исторической науки. все известные до сих пор материалы и точки зрения на весь ход истории казахского народа в целом и на отдельные его этапы в частности.

Одним из основных вопросов при построении истории какого-либо народа является вопрос периодизации. Для истории Казахстана этот вопрос представляется особенно трудным. Народности Казахстана не прошли в своем развитии рабовладельческой формации. У них существовали лишь неразвитые формы патриархального рабства. С другой стороны, здесь не было резкой грани между племенными союзами и дофеодальными (так называемыми варварскими) государствами, как это имело место у оседлых земледельческих народов. Дофеодальные государства часто существовали на территории Казахстана в форме союзов племен. Таким образом, одной из сложных проблем при построении периодизации истории Казахстана являлось определение места в историческом процессе племенных союзов, которые переживали процесс разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества с его первым делением на свободных и рабов. Другой проблемой являлось определить в этом длительном, крайне запутанном и сложном процессе место и характер дофеодальных государств, существовавших на территории Казахстана.

Вопрос о развитии такого типа дофеодального государства в этой книге ставится впервые.

Одной из сложных проблем, требующей большой дополнительной работы, является проблема происхождения казахского народа. Проблема этногенезиса, требующая для своего разрешения соединенных усилий историков, археологов, лингвистов, этнологов и других специалистов, вообще крайне мало разработана в мировой и советской науке. Предшествующие исследования позволили наметить лишь основные этнические компоненты, из которых складывалась казахская народность, а также лишь приблизительно наметить время образования казахской народности. Вопрос о том, какое же племенное объединение явилось ядром казахской народности, решен не был. Для решения этого вопроса, вообще не разработанного в истории среднеазиатских народностей, были привлечены объединенные силы не только историков всех специальностей, но и филологов, и археологов. Все же необходимо отметить, что то решение этого вопроса, которое дается в настоящей книге, требует дальнейшей разработки, особенно для выяснения роли в этногенезе казахов восточных племен, в частности монгольских.

Предшествующие исследования позволили в основных чертах разрешить вопрос о социальном строе казахов. Эти исследования с достаточной убедительностью показали, что классовое деление было значительно глубже, чем это стремились внушить читателю буржуазно-националистические направления в историографии Казахстана. В основном был раскрыт патриархально-феодальный характер классовых отношений в казахском обществе и показан процесс расслоения казахской общины. Необходимо, однако, дальнейшее уточнение этого процесса для понимания роли отдельных социальных категорий казахского общества.

В настоящей книге уделено достаточное внимание истории образования и развития Казахского ханства, представлявшего

го государственную форму казахов в период их независимого существования. Образование Казахского ханства явилось, несомненно, одним из этапов распада Золотой орды. Опубликование второго тома материалов Тизенгаузена позволило конкретизировать этот процесс, определить роль и значение каждой из составных частей Золотоординского ханства и, прежде всего, Белой орды в образовании казахского государства. В настоящей книге сделана попытка показать основные этапы в развитии Казахского ханства и оценить роль его отдельных руководителей, в частности роль хана Аблая. Подходя исторически к оценке роли отдельных личностей, авторы настоящей книги решительно отказались от пережитков «школы» Покровского, огульно отрицавшей какую-либо прогрессивную роль отдельных князей или феодалов только потому, что они принадлежали к классу эксплоататоров народных масс.

Во многом заново пересмотрены и оценены в настоящей книге и отдельные этапы освободительной борьбы казахского народа в XVIII – XIX веках. Народная национально-освободительная борьба всегда связана с борьбой за землю. «Национальный вопрос есть крестьянский вопрос», – говорит товарищ Сталин. Однако борьба за землю может идти по линии разрешения внешних противоречий – борьбы антиколониальной и по линии разрешения внутренних противоречий – борьбы против собственной знати, узурпирующей общинные земли. В каждом движении оба эти момента переплетались, но в каждом из них преобладал тот или другой момент. По этому признаку преобладания антиколониальной или антифеодальной борьбы необходимо различать качественные особенности в каждом из движений. Эти различия проводятся и в настоящей книге. Так, на основе привлечения новых, в частности фольклорных материалов, оказалось возможным пересмотреть и значительно расширить материал, посвященный восстанию Кенесары Касымова.

Крупнейший вопрос в истории Казахстана – это вопрос о взаимоотношениях Казахстана и России. В настоящей книге этот процесс впервые прослеживается со времени первых арабских сношений с Русью, т.е. с VII века н.э. На основании новых материалов далее показано, что события 30-х годов XVIII века, когда хан Абульхайыр вступил в формальное подданство Российской империи, явились сговором части казахской знати и царского правительства, а не добровольным подданством казахского народа, как это трактовалось в дореволюционной литературе. В истории превращения Казахстана в колонию вместе с тем отмечено принципиально различное отношение к казахскому народу царского правительства и русского народа в лице его передовых представителей. Это обстоятельство, уже отмеченное в советской литературе, прослеживается во всем изложении настоящей книги.

Заново пересмотрен также вопрос о прогрессивной роли включения Казахстана в общее русло капиталистического развития, какое переживала вся Российской империя. Развитие капитализма не только вглубь, но и вширь, как отмечал Ленин, оказывало, несомненно, прогрессивное влияние на царские окраинные колонии, ускоряя там процесс разложения патриархально-феодальных отношений и способствуя втягиванию их в общий процесс капиталистического развития. Как уже отмечалось, это не только не противоречит, а целиком совпадает с ленинской характеристикой царской России как «тюрьмы народов». Сама по себе колониальная политика царизма не только не была прогрессивной, а, наоборот, стремилась задержать экономическое развитие колоний, искусственно поддерживала самые отсталые формы хозяйства и быта, тормозила развитие национальной культуры. Вот почему передовые русские люди, заинтересованные в демократизации царской России, горячо сочувствовали национально-освободительной борьбе казахов, как и других народов, против

царизма. Эта совместная борьба казахского и русского народов против общего врага – царизма приближала час их освобождения от реакционно-феодальной власти и дальнейшей борьбы за победу социализма.

Изложение истории Казахстана в конце XIX – начале XX веков, а также всего периода истории Советской Социалистической Казахской Республики является в настоящей книге первым в исторической литературе опытом систематического рассмотрения этих вопросов, особенно в рамках истории ранее угнетенного народа одной из самых отсталых восточных колоний Российской империи.¹

Следует отметить также то, что большое внимание в настоящей книге уделено вопросам истории казахской культуры. Лучшим показателем огромной жизнеспособности казахского народа в самые мрачные периоды его истории было то, что никогда не угасали его творческие силы, никогда не умолкали его песни, никогда не теряли они своего бодрого и боевого содержания и настроения. В книге показаны, по возможности, лучшие образцы и народного, и литературного творчества казахского народа.

Таким образом, настоящая книга, подытоживая материал, накопившийся в исторической литературе, в то же время по-новому осветила ряд старых вопросов и поставила новые проблемы, которые дадут возможность развернуть дальнейшую творческую работу по более углубленному изучению истории казахского народа.

¹ Раздел о свершении Великой Октябрьской революции и развитии социалистического Казахстана остался за рамками данного издания. – Прим. ред.

**НАРОДЫ КАЗАХСТАНА
В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ**

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

§ 1. Древнейшее человеческое общество в Казахстане.

Следы первобытного человека в Казахстане. Несколько сотен тысяч лет тому назад природные условия Казахстана напоминали нынешнюю тропическую Африку. Климат был жарким. Землю покрывала богатая растительность: лавры, смоковницы. В Казахстане обитали носороги, жирафы и другие животные теплого климата.

Постепенно наступило похолодание. Горные массивы Алтая, Тянь-Шаня, Кара-Тая, Ала-Тая и их отроги покрылись ледниками. Почти вся западная часть Казахстана сделалась морем, остатками которого являются Каспийское и Аральское моря. В связи с этими переменами изменились растительность и животный мир Казахстана. Вместо тропических животных появились северные олени и мамонты. Человек в это время уже прошел низшую ступень дикости. Главным его достижением была членораздельная речь. Для своих поселений он старался выбирать теплые южные районы, по преимуществу предгорья Ала-Тая, Кара-Тая и другие.

Жизнь человека протекала в суровой обстановке. Живя группами, люди защищались от диких животных, вооруженные камнем да палкой. Величайшим открытием явилось использование огня. Огонь был огромным прогрессом в жизни человека и значительно облегчил ему существование.

Люди охотились и питались совместно. Мужчины занимались охотой и изготовлением орудий, женщины – собиранием плодов и кореньев. Первобытная община бродила с места на место. Для жилья пользовались естественными укрытиями – пещерами, расселинами скал. Иногда строили временные жилища – шалаши, землянки.

Орудиями человека были грубо обработанные камни. Этот период поэтому называется древнекаменным веком – палеолитом.

Ученые относят начало палеолита ко времени 100 – 500 тысяч лет назад. По периодизации Энгельса эпоха палеолита относится к средней ступени дикости.

На территории Казахстана найдено много следов жизни древнего человека эпохи палеолита. При раскопках в предгорьях Алтая, около Семипалатинска, в долине Белого Иртыша, на Южном Урале, близ города Орска и в других местах были обнаружены кострища, кости, остатки пищи, камни. От камней отбивались особые куски, так называемые сколы, для изготовления орудий. Орудиями каменного века чаще всего были скребки, топоры, наконечники копий. Скребки представляли собой плоские сколы, заостренные путем сбивки с одной стороны. Топоры имели яйцевидную форму. Тупой конец камня заменял рукоятку, а острым наносился удар.

В эпоху палеолита начало зарождаться изобразительное искусство. Люди стремились изображать животных, орудия. Такие изображения сохранились на стенах пещер. Искусство в глазах человека имело магический характер. Обладание изображением предмета, по первобытным верованиям, увеличивало власть человека над самим предметом. Искусство, таким образом, начало развиваться из практических потребностей борьбы за существование.

С течением времени ледники стали таять и отступать. На территории Казахстана появилось большое количество рек и озер, образованных тающими ледниками. Наступило потепление.

Новые условия облегчили развитие человеческого общества. Люди еще продолжали делать свои орудия из камня, но тщательно шлифовали их. Эта эпоха, в отличие от предыдущей, названа учеными новокаменным веком – неолитом. По предположению ученых, начало неолита относится ко времени 12 – 10 тысяч лет тому назад.

*Каменные
палеолитические орудия
(1/2 натуральной величины)*

Люди эпохи неолита в Казахстане располагали свои стоянки, главным образом, у рек и озер: по берегам Урала, Ишима, Чу, Таласа, на побережьях Каспия и Балхаша. Особенно много поселений было на побережье Аральского моря. Здесь первобытные племена Казахстана занимались охотой, рыболовством и примитивным земледелием. Другие племена жили вблизи гор: близ Кара-Тау, у западных склонов Алтая, близ Каркаралинских гор и больше всего в районе современного Семипалатинска. Они занимались охотой и собиранием плодов и кореньев. Наконец, третья группа племен постепенно заселяла степные области Северного и Северо-Западного Казахстана. Эти племена занимались охотой на степных животных. Таким образом, в эпоху неолита был заселен уже почти весь Казахстан.

Особенностью неолитической эпохи степных областей являются малые размеры орудий. Такие орудия называются микролитами (от греческих слов «микрос» – маленький, «литос» – камень). Микролиты вставлялись в деревянные и костяные рукоятки и использовались как режущие, колющие орудия. Часть орудий, например, гарпуны или рыболовные крючки, делалась из кости.

Были изобретены лук и стрелы, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота – одной из обычных отраслей труда. На территории Казахстана сохранились некоторые орудия эпохи неолита. Например, на побережье Аральско-

го моря, в Кустанайской области и в других местах найдены кремневые наконечники стрел. Стрелы были мелкими, следовательно, и лук был небольшим. Поэтому охота на крупных животных была очень трудна.

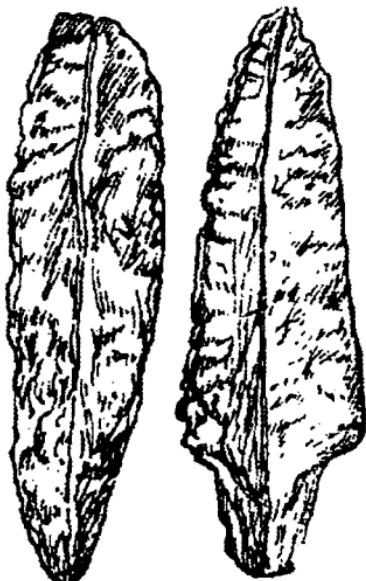
Наряду с охотой и рыболовством стало развиваться примитивное земледелие. Оно возникло из собирания плодов и кореньев. Основным земледельческим орудием являлась мотыга.

Материнский род. Собиранием плодов и кореньев занималась женщина. Она научилась сеять семена и собирать урожай. Примитивное земледелие стало женским занятием.

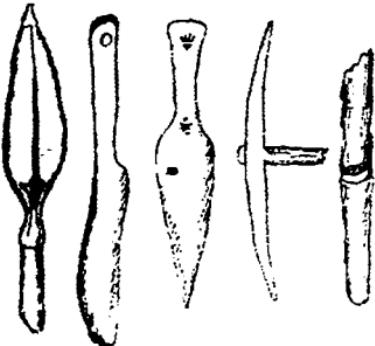
Женщина ткала из волокон растений грубые ткани и изготавливала посуду. Гончарного круга люди не знали. Первоначально они обмазывали глиной плетеные сосуды с целью сделать их огнеупорными. Впоследствии стали обходиться без дерсиянной основы и лепить сосуды из глины. В Казахстане такая древнейшая посуда обнаружена в горах Кара-Тау и на побережье Аральского моря, а около Актюбинска найдена целая гончарная мастерская.

В эпоху неолита развивалось также искусство. Люди украшали рисунками посуду, костяные изделия, иногда выбивали изображения на скалах. Такие изображения обнаружены, например, в горах Кара-Тау.

Совершенствовалась звуковая речь. Вырабатывались первобытные верования. Подавленный трудностью борьбы за существование, человек обожествлял силы природы, поклонялся грому, молнии, камням,

*Неолитические орудия
(горы Кара-Тау)*

Орудия из бронзы

животным, верил в загробное существование души.

Группа родственников, ведущих свое происхождение от матери-праородительницы, объединялась в род. Счет рода шел по материнской линии. Дети оставались в роде матери, мужчины переходили в род жены. Всей жизнью родовой общины руководила женщина. Община жила сов-

местно в больших жилищах и пользовалась результатами общего труда. Этот период материнского рода относится к высшей ступени дикости.

Отцовский род. Разложение материнского рода (матриархата) и переход к отцовскому роду (патриархату) на территории Казахстана произошли, как и повсюду, когда люди научились изготавливать металлические изделия. Первым металлом, с которым познакомился человек, была медь. Подобрав самородок меди, человек начал его обрабатывать, как прежде обрабатывал камень. В дальнейшем опыт, приобретенный при обжиге посуды, помог древнему человеку научиться плавить медную руду. Затем узнали, что если прибавить к меди олово, то сплав становится более твердым и легче отливается в каменные формы. Такой сплав называется бронзой.

В Казахстане древние разработки меди и олова найдены во многих местах. Таковы, например, Успенский рудник к югу от Караганды, где еще в древности было добыто большое количество меди, рудники в Джезказгане, в Калбинских горах, около города Степняка и другие. Если руды на поверхности не было, то рыли шахты глубиной до 15 метров. Найдены орудия, которыми добывали руду: кирки, молоты, совки и другие. Руда плавилась тут же в ямах, обмазанных глиной, или в осо-

бых тиглях – котлах. Добытая медь обрабатывалась холодным способом.

В этот период началось приручение животных человеком. Еще в эпоху неолита была приручена собака, в эпоху бронзы был приручен на Алтае олень, в степях Казахстана – овца и коза и несколько позднее – лошадь и крупный рогатый скот.

От приручения животных люди перешли к скотоводству, которое стало главным занятием мужчин. Как у других народов, так и у племен Казахстана женщина постепенно утратила свое прежнее положение. Первым общественным неравенством стало неравенство между мужчиной и женщиной.

Теперь женщина переходила в род мужа, дети оставались в роде отца. Наступил период патриархата – отцовского рода. Отцовский род по периодизации Энгельса зарождается на низшей ступени варварства и достигает расцвета на его средней ступени.

На средней ступени варварства возникло первое крупное общественное разделение труда, выразившееся в выделении пастушеских племен и в дальнейшем развитии межплеменного обмена. «После выделения пастушеских племен, – писал Энгельс, – мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения».¹

Пастушеские племена населяли главным образом Восточный Казахстан. Кроме скотоводства, племена Восточного Казахстана занимались разработкой руд. Производились бронзовые орудия и украшения. Памятники бронзовой (Андроновской) культуры найдены в могильниках у села Андроново, близ города Минусинска, а также в могильниках и поселениях в Актюбинской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской областях. Бронзовые изделия распространялись путем обмена среди других племен. Украшения и оружие были разнообразны: ножи, кинжалы, копья, топоры, браслеты, серьги, кольца и

¹ Маркс – Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 136.

прочее. Изготавливались также сосуды. Они делались тщательно, поверхность их заглаживалась и покрывалась рисунками в виде квадратиков, ромбов, треугольников. Был изобретен примитивный ткацкий станок. На нем изготавливались шерстяные ткани.

Другая часть племен занималась земледелием. У этих племен были постоянные жилища. Они представляли собой полуzemлянки больших размеров. Стены и крыша делались из бревен, присыпанных землей. В центре жилища находился очаг, сложенный из камней. Рядом с поселением находился могильник и жертвенные места. Земледельческие племена населяли Северо-Западный Казахстан. Они обменивались продуктами с пастушескими племенами.

Развитие овцеводства позволило людям освоить не только реки, но и просторы сухих степей. Совершился частичный переход к кочевому скотоводству. Стал складываться кочевой быт. «Кочевому быту в степи», — писал Энгельс.

Глиняные сосуды эпохи бронзы
(2000 – 1500 лет до н.э.)

Изменился и характер жилища. Нужно было создать переносное жилище — появилась юрта. Значительно усовершенствовались бронзовые орудия. Широкое распространение получили коленчатые (изогнутые) ножи с литой рукояткой, кельты (топоры), долота, массивные серпы, боевые чеканы. Оружие покрывалось сложным рисунком.

С развитием скотоводства, земледелия и домашнего ремесла усилился обмен продуктами между родовыми общинами. В таких родовых общинах появилась семейная собственность – первая форма частной собственности. Из-за обладания скотом, пастбищами, рудниками между племенами возникали войны. Захваченных пленников обращали в рабов и использовали на тяжелых работах.

В земледельческих районах Казахстана хозяйство велось большой патриархальной семьей, в состав которой входили и рабы. Трудом рабов сооружались каналы и водоемы. У кочевников-скотоводов рабы служили пастухами.

В эпоху патриархата рабство только зарождалось. Широко-го распространения оно не получило. Труд рабов использовался не только в хозяйстве племен, но и в хозяйстве отдельных семей. Так сложилось патриархальное рабство.

Постепенно стали выделяться богатые семьи. Имущественное неравенство усиливалось. Первобытно-общинный строй, при котором не было ни классов, ни государства, вступил в стадию разложения.

Примитивное поклонение камням и животным сменилось в это время культом небесных светил и культом предков. Вера в загробное существование развилась в почитание душ умерших сородичей. Поэтому могилы делались тщательно – рыли яму, обкладывали стенки плитами. Вместе с покойниками ставили сосуды с пищей, кроме того, клали оружие и украшения. Могилу закладывали плитами, а сверху насыпали курган.

ГЛАВА II

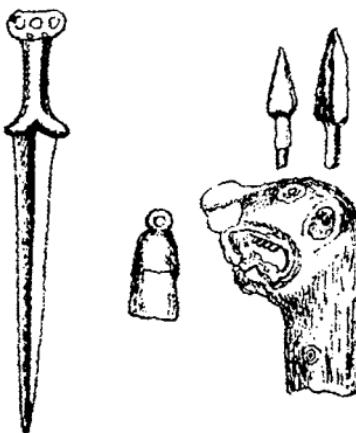
ОБРАЗОВАНИЕ ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

§ 2. Древнейшие племенные союзы на территории Казахстана.

Саки. В VIII – VII веках до н.э. древние обитатели Казахстана научились плавить железо. Это было огромным прогрессом. Железо значительно способствовало повышению производительности труда. Как писал Энгельс, с введением железа человеческое общество поднялось на высшую ступень варварства, на которой «все культурные народы пережили свой героический период: период железного меча, но также и железного плуга, и топора».¹

Развитие скотоводства и открытие железа сделали общество более богатым. Окончательно стали складываться союзы родственных племен.

На территории Казахстана в глубокой древности проживали племена, составившие впоследствии основу казахского народа. Эти местные племена прошли длительную историю и не раз подвергались завоеваниям. Иногда завоеватели давали этим племенам свое имя. Тогда местные племена выступали под новыми названиями. В процессе завоевания частично происходило уничтожение отдельных групп побежденных

Вещи из сакских погребений

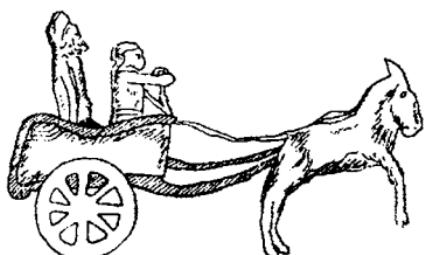
¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 138.

племен; частично они должны были переселяться на новые территории. Между местными племенами и пришельцами происходил постоянный процесс взаимодействия – хозяйственного, политического и культурного. Такой же процесс взаимодействия происходил и между различными местными племенными союзами.

О жизни племен, проживавших в глубокой древности на территории Казахстана, имеется немного достоверных сведений. Наиболее точные, но недостаточные материалы дают археологические раскопки. Свидетельства древних авторов – греческих историков и географов, китайских, арабских, индийских и других писателей древности отрывочны и не всегда достоверны.

В VIII – VII веках до н.э. вся территория от Каспийского моря до восточных отрогов Тянь-Шаня, т.е. нынешние Северная Турмения, часть Узбекистана, Киргизия и Казахстан, была населена племенами, которых античные авторы называли об-

щим именем саков, или скифов. Эти племена делились на несколько крупных союзов. К востоку от Каспийского моря жили каспии, в низовьях Аму-Дары и Сыр-Дары – массагеты, по среднему и верхнему течению Сыр-Дары и по отрогам Тянь-Шаня – собственно саки, далее на восток, в

Золотое изображение колесницы
эпохи саков

пределах нынешних Джамбулской и Алма-Атинской областей, – иссиноны, в Северо-Западном Казахстане – агриппии и другие скифские племена. О племенах Северо-Восточного Казахстана и Алтая античные авторы ничего достоверного не знали и передавали лишь легенды. Так, говорили о «стерегущих золото грифах» (гриф – мифическая чудовищная птица с

головой и лапами льва) и о прочих фантастических обитателях этих районов.

Саки в подавляющем большинстве были кочевниками-скотоводами. Считая саков скифскими племенами, греческий географ Страбон писал: «Большая часть скифов, если не все, кочевники». Разводили они, главным образом, овец и лошадей, которые давали молоко, мясо и шерсть, а лошадь служила также для езды верхом.

Со своими стадами саки кочевали в степях: мужчины – на конях, женщины и дети – в повозках, крытых кожами. Повозки везли быки и лошади. Главной пищей людям служили молоко и мясо. Греческий историк Геродот подробно описал внешний вид саков: «Саки – скифское племя, имели на головах островерхие шапки из плотного войлока, стоявшие прямо, одеты были в штаны». На ногах была мягкая кожаная обувь. Кафтаны туго затягивались широкими поясами.

Только саки ташкентского оазиса Южного Казахстана, а также Ферганы жили оседло в землянках-пещерах, сеяли пшеницу и ячмень, занимались ткачеством, гончарством, плавили железную руду. Но и они разводили домашний скот.

Племена саков еще жили в условиях первобытно-общинного строя и сообща владели имуществом. Но постепенно уже начала выделяться племенная знать. Она опиралась на военные дружины, накапливала значительные богатства: скот, золото, рабов.

Свое оружие, посуду, котлы и другие предметы обихода саки украшали изображениями животных – львов, тигров, быков, горных козлов. Ручкам кинжалов, ножкам котлов, конским украшениям, пряжкам, серьгам, бусам придавали формы животных.

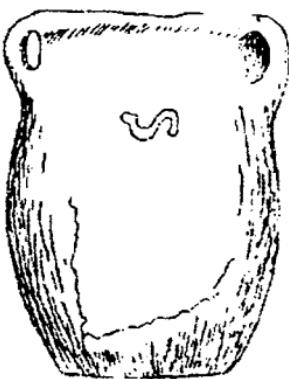
Религия саков была примитивна. Саки поклонялись тому, что играло наибольшую роль в их жизни, – земле, небу, солнцу. Земля в представлении саков была женским божеством – «матерью-богиней». Саки изображали ее с венцом из ста звезд

на голове и в одежде из тридцати шкурок выдры. Они почитали солнце, приносили ему в жертву лошадей. Поклонялись они и богу войны. Символом бога войны считался меч. Жертвоприношение совершалось так: меч втыкался в землю, затем его обливали молоком или кровью.

Войны саков. В VIII – VII веках до н.э. племена Казахстана находились в сношениях с Ассирией. Затем основатель персидской династии Ахеменидов царь Кир I (556 – 528 годы до н.э.) заключил союз с саками и воспользовался их помощью во время войны с лидийским царем Крезом. Но Кир не удовлетворился союзом, а решил покорить саков и массагетов. Ему казалось, что, покорив много сильных народов, он не встретит затруднений в войне против слабых степных племен. Не так оказалось в действительности. Его войско было разбито, а сам он погиб в бою. Царица массагетов Тамариса наполнила кровью кожаный мешок и, опустив в него голову Кира, сказала: «Ты жаждал крови, пей же ее». Так кончил свои дни знаменитый персидский царь, вторгшийся в земли свободолюбивых племен древнего Казахстана.

Преемнику Кира Дарию I (521 – 486 годы до н.э.) удалось на время покорить саков. Дарий обложил их данью. Впрочем, дань была нерегулярна и носила, скорее, характер добровольных даров. Кроме дани, саки поставляли отряды в войска персидского царя. Отряды саков входили также и в личную гвардию царя – в число так называемых «10 000 бессмертных».

Персы и греки высоко ценили военные качества саков. Они говорили, что саки «из всех стрелков в мире самые искусные». Саки были вооружены легкими луками с трехгранными стрелами

Сосуд для варки пищи
из сакского поселения
Каунчи-тепе

ми, короткими кинжалами и секирами, носили на теле легкие панцири из пластин, в руках держали плетеные щиты.

Отряды саков участвовали во всех решающих битвах персов с греками во время греко-персидских войн V века до н.э. и выделялись как отважные и смелые воины. В Марафонской битве, в 490 году до н.э., саки занимали в персидском боевом порядке центр, т.е. наиболее важный участок. Саки отличились также в Фермопильской битве и в сражении при Платеях.

В то же время саки не раз восставали против персидского господства. Они хотели быть равноправными союзниками, а не подданными персов. Одно из крупных восстаний саков имело место в 518 году до н.э. Восстание возглавил вождь саков по имени Сирак. Дарий I отправился в поход против повстанцев. Но саки оказали энергичный отпор. Дарий I и его войско едва выбрались живыми из казахских степей. Один из греческих историков рассказывает об этом походе: как только Дарий вторгся в землю саков, некий конюх по имени Сирак ножом порезал себе лицо и тело и перебежал к персам, выдав себя за обиженного саками. Затем, желая якобы отомстить своим сородичам, Сирак повел персов во главе с самим Дарием, но завел отряд в пустыню, где не было ни еды, ни питья. Когда персы догадались об обмане, Сирак сказал: «Я одержал победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, я переморил персов голодом и жаждой». Сираку отрубили голову, но поход Дария потерпел неудачу.

В дальнейшем борьба саков за свою независимость не прекращалась. К середине IV века до н.э. саки окончательно перестали быть подданными персов, а остались лишь их союзниками.

Саки установили сношения не только с персами, но и с племенами Алтая и Северного Казахстана, откуда шло золото, а также с причерноморскими скифами, с Китаем и странами Передней Азии.

В 30-х годах IV века до н.э. Александр Македонский, разбив в трех битвах армию последнего ахеменида Дария Кодомана, появился около Аму-Дарьи. Взяв Мараканду (Самарканд), он направился к Сыр-Дарье и осадил укрепленные прибрежные города. В это время в тылу у Александра вспыхнуло восстание. Во главе повстанцев встал талантливый вождь Спитамен. Саки района Сыр-Дарьи решили помочь Спитамену в его борьбе против чужеземных захватчиков. Узнав, что саки группируют свои силы, Александр переправился через Сыр-Дарью и начал преследовать саков, чтобы отрезать их от повстанческих отрядов Спитамена. Но саки, не давая боя, легко ускользали от греков и изматывали их силы. Ничего не добившись, Александр ушел обратно в оседлые районы Средней Азии. Два года пришлось ему затратить на подавление восстания. Спитамен, опираясь, в частности, на отряды саков и массагетов, не раз громил войска Александра Македонского, считавшиеся тогда непобедимыми. Чтобы внести раскол среди восставших, Александр Македонский стал подкупать их вождей и знать. Это ему удалось. Народы Средней Азии были покорены. Но кочевники Казахстана остались независимыми.

Около III века до н.э. наименования древних племен, населявших казахские степи, стали исчезать из исторических источников. Следы этих наименований сохранились лишь в некоторых географических названиях. Например, имя древних каспийев сохранилось в названии Каспийского моря.

Частично эти племена были истреблены новыми пришельцами-завоевателями, частично слились с ними и выступили в истории под новыми наименованиями.

Усуни и канглы. Приблизительно к III веку до н.э. на территории Казахстана главную роль играли тюркские племена. Среди них выделялись усуни и канглы. Усуни населяли плодородную равнину Семиречья. Их земли простирались от реки Чу до восточных отрогов Тянь-Шаня и от озера Балхаш

до южного побережья озера Иссык-Куль. Западной границей усуньских кочевий служила река Талас.

Канглы занимали территорию к северо-западу от усуней. Основное ядро племен канглы имело пребывание в районе среднего течения Сыр-Дарье. На востоке кочевья канглы доходили до Балхаша. Канглы поставили в зависимость от себя земледельческие племена, осевшие к югу от Сыр-Дарье, в частности в районах Ташкента, Бухары и Ургенча, а также племена, кочевавшие между Сыр-Дарьей и южным Приуральем.

Об общественном строе и культуре усуней и канглы мы узнаем, главным образом, из раскопок курганов, а также из китайских источников. Свои родовые кладбища усуни и канглы располагали около зимовок, а зимовки находились обычно в укрытых местах. Могильники усуней и канглы найдены в долинах рек Чу, Каргалинки, Чилик, а также близ нынешних городов Джамбула и Алма-Ата. Они расположены цепочками по десять-двенадцать курганов: в каждой из таких цепочек хоронились члены одного рода. Курган обычно был большим и сложным сооружением. Он состоял из глубокой ямы, настила из бревен и завала из крупных валунов. Для создания такого кургана требовался коллективный труд всей общинны. Общественное и имущественное неравенство отразилось на курганах и на предметах, зарытых в них. Курганы знати были выложены на поверхности камнями, с умершим клади дорогие золотые украшения, серьги, кольца; например, в одном из курганов канглы найдена интересная пряжка с изображением головы льва, проглатывающего птицу. С умершими воинами клади оружие: лук с железными и костяными стрелами, короткий, но широкий меч, нож. Курганы основной массы общинников представляли собой более скромные погребения. В них найдены железные ножи, простая посуда, костяные изделия. Рабы погребались в маленьких курганах и без вещей.

Судя по костям животных и вещам, найденным в курганах, усуни и канглы являлись в основном скотоводами. Они разво-

Вещи из усуньских погребений

дили главным образом овец и лошадей. Сверх того они занимались в небольших размерах земледелием, сеяли преимущественно просо.

Усуни и канглы знали разнообразные ремесла: гончарное, ткацкое,

кожевенное, умели изготавливать оружие, разные орудия, золотые перстни и пластины, зеркала, бусы и прочие украшения. У усуней ремесло было более развито, чем у канглы. Но ремесло не отделилось от земледелия. Оно существовало как подсобное занятие скотоводов и земледельцев и имело характер домашней промышленности. В усуньских общинах работали не только местные ремесленники, но и выходцы из Китая. Здесь встречались, кроме предметов местного происхождения, также предметы, полученные путем обмена из чужих стран — Китая и Персии.

У усуней были и города, которые, однако, являлись не столько центрами ремесленной деятельности, сколько укрепленными пунктами. Развалины городищ усуньской эпохи встречаются в нынешней Алма-Атинской области и в Киргизии. Среди них наиболее известны город Чигучен на берегу Иссык-Куля, город Кантрас на реке Или и городище Талгар. Развалины крупных поселений встречаются на месте старого Алматы, на Аксасе, в Каргалах, на Кастеке и т.д.

Более развитой, чем у канглы, была также племенная организация усуней. Усуни имели верховного вождя, которому подчинялись все племена, входившие в усуньский союз. Этот верховный вождь носил титул «гуньмо». Таким образом,

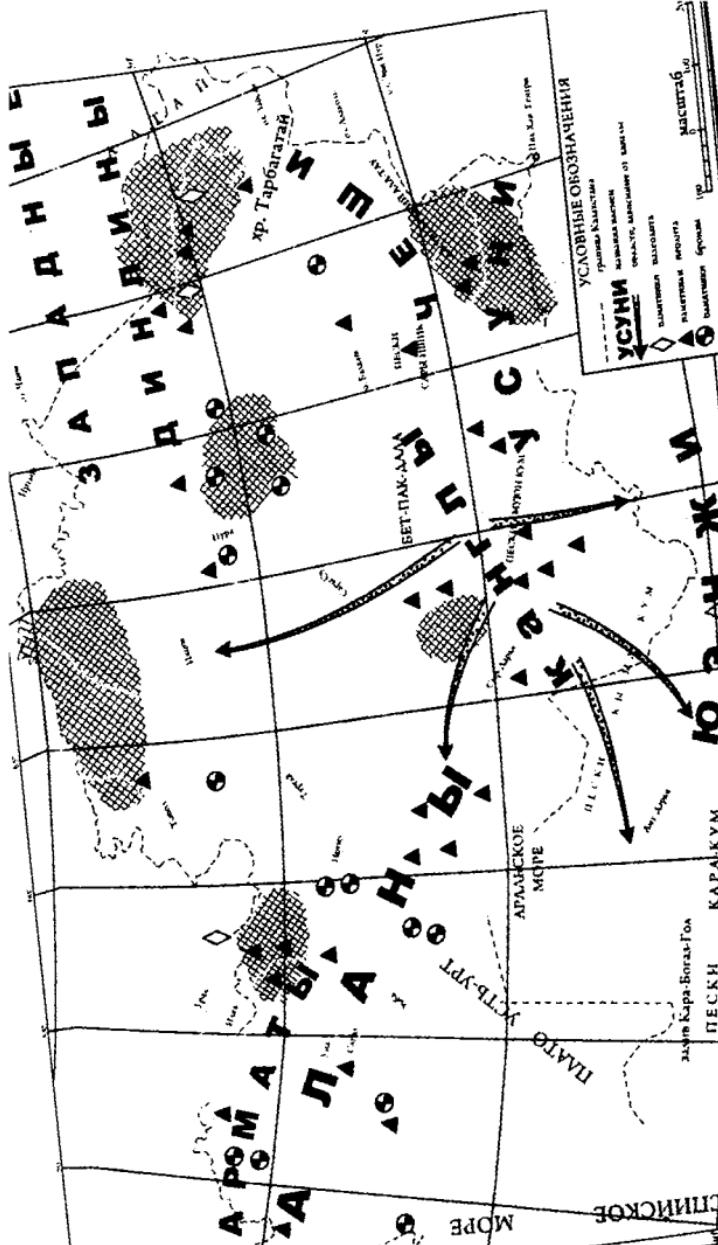
первобытно-общинный строй у канглы и усуней находился в стадии разложения.

Аланы. Из других племен, населявших в первых столетиях до н.э. территорию нынешнего Казахстана, наиболее значительными были аланы, жившие к северо-западу от канглы.

Аланы занимали низовья Сыр-Дарьи, а также северное и восточное побережья Аральского моря; далее их кочевья протянулись почти до самой Волги. Римские писатели называли аланов «аорсами» и изображали их «суровыми и вечно воинственными». По словам римских историков, аланы покорили ряд соседних народов и распространяли на них свое имя. Аланы не знали земледелия. Со своими стадами они кочевали в степи, питались мясом и молоком. Такие же сведения об аланах передавали китайские летописцы. Жили аланы в кибитках. Молодежь с раннего возраста приучалась к верховой езде и стрельбе из лука. Аланы были высоки ростом и славились своей красотой. Так же, как саки, они поклонялись мечу. Родовой строй у аланов сохранился в более нетронутом виде, чем у усуней и канглы. Рабство у аланов было слабо развито. Вожди выбирали того, кто отличился военными подвигами.

Северные чеши и динлины. Племена, известные под именем северных чешей, кочевали к северу от усуней, между Или и Иртышом. Еще севернее жили западные динлины. О жизни этих племен сохранились лишь отрывочные сведения. Относящиеся к ним памятники материальной культуры изучены еще недостаточно. Эти племена наряду со скотоводством занимались и земледелием. Особенно развито было оно в долине Иртыша и около озера Зайсан. Кроме того, племена Северного и Восточного Казахстана добывали медь, олово, золото. Производимые ими металлические изделия широко распространялись по другим районам.

Усуни, как особое племя, сохраняли свою самостоятельность до середины II века до н.э., но в связи с усилением гунской державы постепенно утрачивали прежнее значение.

Держава гуннов. Гунны занимали обширную территорию, расположенную к северу и западу от китайской провинции Ганьсу (Ордос), вплоть до восточных границ казахских степей. На юге владения гуннов простирались до южного края пустыни Гоби и граничили с северными отрогами Тянь-Шаня. Их главная резиденция находилась в бассейне реки Орхон.

Гуннская держава представляла собой варварское дофеодальное государство. Во главе его стоял вождь, носивший титул «шаньюй». В состав государства входило 24 племени, разделенные на два «крыла» – восточное и западное. Во главе племен стояли старейшины.

Гунны обладали весьма крупными по тому времени и хорошо слаженными военными силами. Старейшины племен были одновременно военачальниками. В распоряжении каждого из них находилось по 10 тысяч всадников. Гуннская конница наводила страх на противников внезапностью и стремительностью ударов. Излюбленной тактикой гуннов было нападение на врага сразу со всех четырех сторон.

Высшего расцвета гуннская держава достигла при шаньюе Модэ (209 – 174 годы до н.э.). Китайский летописец писал о нем: «При Модэ империя гуннов чрезвычайно усилилась. Покорив все кочевые племена на севере и на юге, она сделалась равной Срединному царству» (т.е. Китайской империи).

В 200 году до н. э. Модэ наголову разбил китайскую армию, и Китай почти на полтора века превратился в данника гуннов.

Гунны совершали нападения также на племена, населявшие территорию нынешнего Казахстана. Из этих племен ближайшими соседями гуннов были усуни.

В 70-х годах II века до н.э. шаньюй Модэ предпринял поход против усуней. Он разбил усуней и овладел всем Восточным Туркестаном. Усуни признали власть гуннов. В знак покорности усуньский гуньмо явился в ставку шаньюя. Усуни вошли в состав гуннского государства.

Зависимость усуней от гуннов была слабой. Гунны не вмешивались во внутреннюю жизнь усуней и стремились использовать их, главным образом, в качестве военной силы. Усуни сыграли большую роль в борьбе гуннов с Китаем и племенами Центральной Азии. В середине II века до н.э. гунны при помощи усуней разгромили сильное племя юэчжиев, изгнали их из Восточного Туркестана и преследовали до верховьев реки Аму-Дарьи.

Усуни не могли, однако, примириться даже со своей слабой зависимостью. В конце II века до н.э., воспользовавшись расприями среди гуннской знати, они вышли из-под власти гуннов и вернули себе самостоятельность.

Отношения усуней с Китаем. Пока гуннская держава была сильна, усуни не решались открыто выступать против нее. Поэтому они сохраняли союз с гуннами, хотя одновременно завязали дипломатические отношения с главным соперником гуннов – Китаем.

Правительство Китайской империи, заинтересованное в получении военной поддержки от усуней, настойчиво добивалось разрыва союза между усунями и гуннами. С этой целью в 108 году до н.э. страну усуней посетило китайское посольство. В следующем 107 году до н.э. усуни отправили ответное посольство в Китай. Однако усуни вели себя чрезвычайно осторожно. Они отклонили предложение китайцев о совместной борьбе против гуннов. Усуньский гуньмо женился на китайской царевне, но объявил ее младшей женой, тогда как его старшей женой считалась дочь гуннского шаньюя.

Только в 80-х годах I века до н.э. настойчивость китайского правительства привела к разрыву союза между усунями и гуннами. В ответ на это гунны в 75 году до н.э. напали на усуней, захватили часть их земель и увезли пленных.

С этого времени усуни открыто выступили в тесном союзе с Китаем против гуннов. Гуннская держава уже клонилась к упадку. Нескончаемые смуты и междоусобные войны ослаби-

ли ее былую мощь. Напротив, усуньский союз переживал по-лосу подъема. В 71 – 50 годах до н.э. усуньским гуньмо был выдающийся вождь по имени Унгуйми. Он сумел сплотить племена, использовать союз с Китаем и нанести гуннам тяжелое военное поражение. В одной из битв Унгуйми, по свидетельству китайских источников, захватил у гуннов 40 тысяч пленных и 700 тысяч голов скота.

Правление Унгуйми было периодом расцвета усуньского племенного союза. Владения усуней распространились далеко за пределы Семиречья. Некоторое время усуни господствовали над всем Восточным Туркестаном.

В середине I века до н.э. гуннское государство распалось на две самостоятельные части – южных и северных гуннов. Южные гунны в 56 году до н.э. признали себя вассалами китайского императора. Северные гунны продолжали враждовать с Китаем. Преследуемые китайскими войсками, они ушли на запад и заняли район к северу от Сыр-Дарьи. Часть из них про-двинулась в сторону Аральского и Каспийского морей и подчинила себе племя аланов. Здесь, в районах Сыр-Дарьи и нынешнего Западного Казахстана, образовалось новое гуннское государство. Оно по-прежнему упорно воевало против Китая и союзных с ним племен. Но силы гуннов были уже надломлены.

Объединение усуньских племен оказалось непрочным.

После смерти Унгуйми среди его сыновей началась междоусобная борьба. Китайцы и гунны разжигали ее в своих целях. Среди усуньских вождей образовались две враждебных друг другу партий: одна была связана с китайцами, другая – с гуннами. Каждая из партий поддерживала своего претендента на престол гуньмо.

Тотчас после смерти Унгуйми его место занял вождь – сторонник гуннов. Китайские послы вместе с вдовой Унгуйми, бывшей китайской царевной, составили против него заговор. Заговорщики напали на гуньмо и ранили его. Гуньмо бежал в

степь. Тогда выступил другой претендент гуннской партии – сын Унгуйми от гуннской царевны. Он убил прежнего гуньмо и объявил себя верховным вождем усуней. Это вызвало вооруженное вмешательство Китая. Китайские войска вторглись в страну усуней и потребовали смешения нового гуньмо. В свою очередь гунны вступились за своего ставленника и тоже пригрозили войной.

Распри закончились соглашением между китайским и гуннским государствами о разделе усуньского союза.

Усуньский племенной союз фактически утратил самостоятельность. Южная часть страны усуней, включавшая район озера Иссык-Куль, была оставлена под властью гуньмо – ставленника Китая, а северная часть, включавшая равнину Семиречья, оставалась под властью второго гуньмо – ставленника гуннов. В состав южного усуньского союза вошло 60 тысяч, а в состав северного – 40 тысяч семей.

Через несколько десятков лет усуньский союз был восстановлен. Объединение осуществил гуньмо по имени Цилими. Он был близок к китайцам, и китайские летописцы воздавали ему всяческие похвалы. По свидетельству китайских летописей, Цилими восстановил среди усуней мир и тишину и возвратил страну к временам Унгуйми. В области внутренней политики правление Цилими ознаменовалось введением системы запретных, т.е. закрытых для кочевья народа, паствищ, имевших целью сохранить за племенной знатью лучшие земли.

Но правление Цилими было кратковременным. После его смерти, в конце I века до н.э., усуньский союз снова, и на этот раз надолго, потерял независимость. Укрепившаяся северная гуннская держава распространила свое влияние на все Семиречье и полностью подчинила себе усуней.

После столетнего пребывания под властью гуннов усуни подпали под власть новых пришельцев из Монголии – племени сяньби, затем из Маньчжурии – жужан. В конце IV века н.э. жужаны захватили старинные усуньские кочевья. Часть усу-

ней покинула плодородные земли Семиречья и переселилась в горные районы Тянь-Шаня и Памира. Усуни не порвали связей с Китаем. Вплоть до VI века они обменивались с Китаем посольствами. Усуни сносились также и с другими соседними народами: уйгурами и киргизами. Однако былой самостоятельности усуньский племенной союз уже не имел.

Племена канглы находились в лучших условиях. Китай и гуннская держава были от канглы сравнительно далеко. Правда, канглы тоже подвергались нападениям со стороны этих и различных других завоевателей. Но канглы имели больше возможностей для защиты своей самостоятельности. Недаром китайские летописцы жаловались, что канглы не соглашались «делать поклонения» перед китайскими послами, сажали их далеко не на почетное место и что вообще они, по сравнению с усунями, «напротив, горды и дерзки».

Канглы искусно использовали противоречия между Китаем и гунской державой. С Китаем они сохраняли внешне дружественные отношения и продолжали вести с ним выгодную торговлю.

В свою очередь китайский император, как отмечали летописцы, «дорожа славой быть известным в отдаленных странах», стремился поддерживать связи с канглы. В то же время канглы часто вступали в союз с гуннами против Китая.

Так же, как и усуни, племена канглы в I – II веках н.э. частично ушли вместе с гуннами на запад. Оставшиеся подвергались последовательным завоеваниям сяньбийцев и затем жужан. Все же канглы в гораздо меньшей степени, чем усуни, испытывали на себе господство завоевателей. К VI веку канглы в основном сохраняли свои прежние кочевья.

Культура усуней и канглы. Древнейшие племена Казахстана – усуни и канглы – не оставили после себя письменных памятников. Изучение культуры этих народов возможно, главным образом, на основании археологических данных. Произ-

веденные на территории Казахстана археологические раскопки показали, что древние племена Казахстана достигли сравнительно высокого уровня культурного развития. Так, например, в курганах усуньской эпохи обнаружены богатые остатки гончарного, кузнецкого и ювелирного производства. В развалинах древнего поселения Алматы, Талгарского городища и близ города Каракола были найдены жернова ручной мельницы, а на берегу реки Весновки около Алматы и на берегу озера Иссык-Куль – гири, служившие для взвешивания на мельницах. Сохранилась одна совсем целая гира весом в 20 фунтов.

Из земледельческих орудий, относящихся к усуньской эпохе, надо отметить бронзовые серпы, найденные в Узун-Агаче и в Кок-Туме Ала-Кульского района, затем бронзовые кельты (боевые топоры) и медные топоры. При раскопке одного кургана около Иссык-Куля были найдены остатки зерна – проса.

Для истории культуры усуней большой интерес представляют находки в Каргалах. При раскопке этого кургана была найдена золотая пластинка из двух кусков; на ней имеются изображения домашних животных, зверей и птиц. Эта работа выполнена тщательно и принадлежит к одному из любопытных произведений искусства древности. Каргалинская наход-

Деталь усуньской золотой диадемы (из раскопок на реке Каргалинке)

ка замечательна тем, что в основу ее скульптурных изображений положено древнетюркское сказание о «календарном» споре животных. Древнетюркское летоисчисление было основано на

системе двенадцатилетних циклов, в которых каждый год назывался по имени определенного животного: например, год мыши, год курицы и т.д. Через 12 лет цикл начинался снова. Когда спрашивали у человека, в каком году он родился, он отвечал: «В год мыши» или «В год курицы». В сказании двенадцать животных вступают в состязание за первенство начинать собою двенадцатилетний цикл и за очередь следования друг за другом. Скульптурные изображения животных на каргалинской золотой пластинке соответствуют сюжету этого сказания.

Многие ученые указывают, что усуни и канглы принимали участие в установлении циклического летоисчисления и в создании так называемого орхонского письма. Это письмо иногда называется руническим, так как по внешнему очертанию – скрещению углов и прямых линий – орхонское письмо напоминает древнеевропейские руны.

Памятники культуры и быта племени канглы сохранились главным образом в районе Ангрена, Сыр-Дарыи, в долинах Таласа, Чу и Кара-Тая. Для изучения культуры и быта канглы характерны памятники типа Берккаринских курганов. Раскопки этих курганов устанавливают значительное развитие керамического производства у древних канглы. Найдены фрагменты керамических изделий, кувшины с вырезанными на них узорами, изделия из золота и бронзы. В этих же курганах была найдена чашечка из нефрита, свидетельствующая о связи древнейших канглы с Китаем. Для быта канглы характерны также предметы вооружения и украшения конской упряжи. Коневодство имело большое значение в хозяйстве усуней и канглы.

Помимо археологических памятников, интересные сведения о культуре древних канглы сообщают и китайские летописи. Они передают, что «кангуйский царь имеет писаный кодекс и хранит его в своей ставке».

Усуни и канглы почитали духов умерших предков и поклонялись небу, солнцу и луне, в честь которых устраивали традиционные праздники и приносили жертвы. Отзвуки этого воззрения сохранились в памятниках, найденных в курганах Берк-Кары. Одной из особенностей быта древних усуней и канглы, отмеченной древними авторами, являлось то, что у них женщины пользовались особым почетом.

ГЛАВА III

ОБРАЗОВАНИЕ ДОФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

§ 3. Казахстан в составе Тюркского каганата.

Тюркский каганат и его политическое устройство. В середине VI века н.э. на обширных пространствах Азии образовалось могущественное варварское дофеодальное государство. Его основателями были тюркские племена Алтая. В короткий срок они завоевали множество народов и земель от Тихого океана до Черного моря. Вся территория нынешнего Казахстана тоже вошла в состав новой державы. Верховным главой тюркской кочевой державы был каган (царь). Поэтому она и получила название «Тюркский каганат». Впоследствии титул «каган» превратился в распространённое на Востоке наименование «хан».

В древности тюрки жили, не имея «господских родов» и составляя единый «эль» – вооруженный народ, господствовавший над покоренными племенами. Постепенно выделялась племенная знать. Она закрепила за собой название «эль». Термин «эль» в Тюркском каганате стали применять лишь к членам ханского рода. Знать (эль) выбирала из своей среды кагана. При выборах кагана представители знати поднимали его на белой кошме и несли по кругу девять раз. Эта церемония соблюдалась впоследствии и при выборах казахских ханов.

Власть кагана стала наследственной. Наследственность вытекала из могущества рода кагана. Сыновья кагана имели титул «ябгу» и назначались его наместниками в покоренные земли.

Осуществляя свою власть, каган опирался на дружину. При кагане существовал совет из членов рода кагана. В совет также входили представители родоплеменной знати – беки и тарханы. Хотя власть кагана считалась неограниченной, он

должен был считаться с волей совета. В противном случае он рисковал потерять опору в господствующем классе и лишиться поддержки своего рода.

Вся остальная масса населения составляла народ – «будун», который обычно назывался «кара будун» (қара – черный). Знать носила название көк (голубой) или тәңрі (небесный). Это деление на «голубую» и «черную» кость впоследствии в видоизмененной форме перешло и к казахам, у которых члены ханского рода образовали замкнутую группу «белой кости» и противопоставляли себя простому народу.

Основная масса народа – будун – в обществе Тюркского каганата оставалась свободной, но появились уже зависимые от знати люди. Существовали и рабы – кулы. Рабы использовались на домашних работах и при пастьбе скота. Труд рабов в Тюркском каганате не получил широкого распространения. Рабство, как и в предшествующие эпохи, оставалось в то время патриархальным. Основу производства составлял по-прежнему труд свободных общинников.

Таким образом, в Тюркском каганате переплетались черты различных общественных отношений: остатки первобытно-общинного строя, сохранившиеся в жизни свободной родовой общины, патриархальное рабство и зарождавшиеся феодальные отношения.

Сосредоточив в своих руках орудия и средства производства и используя свою власть и влияние, тюркская знать заставляла работать на себя попавших к ней в зависимость общинников и присваивала продукты их труда. Так постепенно складывались феодально-зависимые отношения в Тюркском каганате.

Западнотюркский каганат. Тюркский каганат представлял собой огромное, хотя и непрочно сколоченное, государство, части которого не имели между собой крепких внутренних связей и жили своей самостоятельной жизнью. Рост производительных сил в каждой из составных частей этого государства подготовлял почву для создания новых экономических и

политических центров. Сопровождавшие этот процесс частые усобицы и смуты подорвали власть кагана. В 582 году в Бухаре вспыхнуло крупное восстание. Оно послужило толчком к распаду государства на два самостоятельных каганата: Восточнотюркский и Западнотюркский.

Территория Казахстана вошла в состав Западнотюркского каганата. Западнотюркский каганат разделялся на две части: одна из них носила имя дулу и занимала земли между реками Чу и Или, другая называлась нушиби и заселяла междуречье Чу – Талас. В оба объединения входило десять племен, по пять племен в каждое. В связи с этим казахстанские тюроки были в восточных источниках прозваны народом «десяти стрел».

Политическим и административным центром новой державы сделалась древняя страна усуней – Семиречье. Здесь в городе Суяб Западнотюркский каган основал свою ставку. Современники отмечали богатство и могущество кагана. Один буддийский паломник, проезжавший через Суяб, впоследствии подробно описал ставку кагана.

Каган жил в большой юрте. В ней было множество золотых вещей. У самого кагана волосы на голове были распущены, а его приближенные заплетали свои волосы в косы. Голова кагана была обернута длинным куском шелка. На плечах каган носил зеленый шелковый плащ. В юрте кагана паломник увидел много вельмож. Они сидели в два ряда на кошмах, все в шелковых одеждах. За ними стояли телохранители кагана. Здесь же находились иноземные послы из Китая и из Уйгурин. При кагане были переводчики, отлично владевшие китайским языком. Начался пир при звуках музыки. Гости кагана ели мясо и пили вино. Паломнику была предложена растительная и молочная пища. В своем описании паломник дал кагану следующую оценку: «Хотя это был варварский государь, живущий в войлочном шатре, все же на него нельзя было смотреть без удивления и почтения».

Западнотюркский каганат представлял собой дофеодальное государство, по своей структуре подобное распавшемуся первому Тюркскому каганату. Оно объединяло различные тюркские племена, в том числе и коренные племена Казахстана – усуней и канглы, и подготовляло почву для слияния их в единую народность. Располагая значительными военными силами, глава государства – каган стремился к расширению своих владений. Он вел удачные завоевательные войны. В конце VI века его власти подчинились племена Северного Ирана и Афганистана и часть племен Туркмении. В начале VII века господство Западнотюркского каганата признали и хазары. Вместе с хазарами западные тюрки совершили далекий поход на Северный Кавказ и Закавказье. При поддержке Западнотюркского каганата выросло новое, такое же дофеодальное, хазарское государство, охватившее обширные земли от Северного Кавказа и низовьев Волги до западных областей Казахстана. Тюркский каганат поддерживал тесные дипломатические и торговые связи с Ираном и Византией. В VI веке ставку Тюркского каганата посетили послы византийского императора.

Экономическое развитие Казахстана в период каганата. Период расцвета Западнотюркского каганата продолжался до середины VIII века. За это время на территории Казахстана успешно развивалась хозяйственная жизнь. Хотя основные массы населения оставались кочевниками, в ряде районов уже возникли сравнительно крупные оседлые поселения. Особенно высокого уровня достигла земледельческая культура в Семиречье. Здесь произрастали хлебные злаки, фрукты, виноград. Земледельческое население обменивало продукты своего труда на продукты скотоводческого хозяйства кочевников.

Большое оживление в хозяйственную жизнь Семиречья внесла согдийская колонизация. Согдийцами назывались жители Согдианы – страны, расположенной по течению реки Зарефшан.¹ Под влиянием роста караванной торговли с Кита-

¹ В научной литературе встречается Зарафшан (Зерафшан, Зарсвашан). – Прим. ред.

ем первые согдийские колонисты появились в южных районах Казахстана, в нынешних Южно-Казахстанской и Джамбулской областях, а также в Киргизии – на территории нынешней Фрунзенской области. Впоследствии они расселились во многих других пунктах. Согдийцы обрабатывали землю, обильно орошающую водами горных рек, и развивали различные ремесла, в первую очередь гончарное. Поселения согдийцев являлись в то же время торговыми факториями. Они были укреплены и вооружены, имели надежную охрану и служили местом остановки и укрытия для многочисленных караванов, перевозивших товары из Китая на Запад и обратно.

Казахстан заметно оживлялся экономически. Крупнейшим центром экономической жизни Казахстана стал город Тараз – на месте нынешнего Джамбула – в долине Таласа. Его подъему особенно содействовало усиление караванной торговли. Прежде главный торговый путь, связывавший Западную Азию с Китаем, пролегал через Фергану и Кашгар. С начала VII века в Фергане начались длительные смуты. Поэтому купцы стали обходить Фергану. Новый путь переместился на север. Путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток и далее через Тараз в Семиречье, к берегам Чу, а оттуда по южному берегу озера Иссык-Куль к горному перевалу Бедель.

Благодаря этому весьма возросло значение городов Семиречья.

Помимо транзитной торговли, укреплялись непосредственные торговые связи между каганатом и внешним миром. Казахстанские города привлекали к себе купцов из разных стран. Здесь купцы выгодно сбывали свои товары, главным образом ткани, посуду, покрытую разноцветной глазурью, ремесленные изделия и приобретали шерсть, кожи и другие продукты скотоводства, а также рабов.

Чем больше богатели отдельные города и прилегавшие к ним области, тем заметнее крепло экономическое и политическое значение местной знати и богатого купечества, тем яс-

нее проявлялась тенденция этих городов к самостоятельности. На этой почве, по свидетельству китайских летописцев, в Западнотюркском каганате все чаще возникали возмущения и восстания против каганов. Некоторые города полностью отложились и провозгласили собственных каганов. Так поступил, например, город Тараз.

Внутренней слабостью Западнотюркского каганата воспользовались его соседи. В 654 году китайские войска вторглись в долину Или и напали на племена дулу. Китайцам удалось взять Суюб. В Семиречье были созданы две китайские провинции. В 679 году южноказахстанские (семиреченские) племена вступили в союз с тибетцами, овладевшими в это время частью Восточного Туркестана, и нанесли китайским войскам решительное поражение. Движение китайцев на запад было приостановлено. Но вскоре Семиречье подверглось новому нападению, на этот раз со стороны Восточнотюркского каганата. В 90-х годах VII века восточные тюрки произвели на Семиречье несколько набегов, завершившихся разгромом западных тюрков.

В середине VII века в Средней Азии появились новые могущественные завоеватели – арабы. Заняв в 651 году Мерв, они в конце VII века подошли вплотную к границам Западнотюркского каганата. В начале VIII века произошли крупные бои между арабами и западными тюрками в районе Аму-Дарьи. Тюрки потерпели поражение.

Господство тюргешей. Внешние неудачи еще больше усилили смуту в каганате и ослабили власть кагана. Западнотюркский каган только формально считался главою государства. Его ставка теперь находилась на реке Чу. Многие племена окончательно вышли из-под власти кагана. Каганат обнаружил явные признаки распада. Главой государства стал вождь племени тюргешей, входивших в состав Западнотюркского каганата. Тюргеши кочевали между реками Чу и Или. По мере ослабления власти Западнотюркского кагана тюргеши подчи-

няли себе другие племена объединения дулу. В 704 году последний каган Западного каганата был убит. Титул кагана присвоил вождь тюргешей Сулу. Центром своего государства он сделал город Суяб.

Сулу породнился с восточнотюркским каганом и с владельцем Тибета. Своих жен он возвел в ханское достоинство, а сыновьям присвоил титул «ябгу». Сулу чеканил от своего имени бронзовую монету по китайскому образцу – с отверстием в середине для нанизывания на ремень. По свидетельству современников, могущество Сулу затмевало своим блеском западнотюркский престол.

Но причины, вызвавшие упадок Западнотюркского каганата, продолжали действовать на территории Семиречья также и в период правления тюргешей. Смуты и междоусобные войны не прекращались.

Между вождем тюргешей Сулу и его военачальниками происходили такие же столкновения, какие имели место в Западнотюркском каганате. Внутренние потрясения сопровождались внешними осложнениями, особенно со стороны Китая. В 738 году Сулу был убит одним из тюргешских вождей.

В последующие несколько лет тюргеши окончательно утратили свое влияние. Западное Семиречье перешло под власть Тараза, а сам Тараз попал в зависимость от владельца Ташкента. В 748 году китайские войска напали на Суяб и разрушили его до основания.

Падение Западнотюркского каганата во многом предопределило исход борьбы арабов за обладание Средней Азией. Китайцы пытались воспрепятствовать арабским завоеваниям. После разгрома тюргешей китайские войска использовали Семиречье в качестве плацдарма и двинулись затем на запад навстречу арабам. Но арабы к этому времени дошли уже до реки Талас. Они значительно превосходили китайцев в силе и технике.

Решающая битва между арабами и китайцами произошла летом 751 года близ города Тараз. Арабы одержали победу. Китайцы вынуждены были поспешно отступить.

§ 4. Господство карлуков в Казахстане.

Успехи экономического развития Казахстана при карлухах. После победы у Тараза арабские завоеватели не пошли дальше на восток. Они ограничились распространением в Семиречье своего торгового и особенно религиозного влияния и посылкой торговых караванов в степи Северного и Восточно-го Казахстана.

В Семиречье, после падения власти тюргешских ханов, на 200 лет (766 – 940 годы) власть перешла в руки новой династии из племени карлуков. Карлуки происходили из районов Западного Алтая. Первые группы карлуков проникли в Среднюю Азию в начале VIII века и достигли берегов Аму-Дарьи. На территории Казахстана основная масса карлуков появилась во второй половине VIII века. Их вождь объявил себя владельцем всего Семиречья.

В этот период общественно-политические отношения у народов Казахстана сделали большой шаг вперед. Заметно выросли города Южного Казахстана. Развивалась торговля. Переход кочевого тюркского населения к земледелию сделал большие успехи. Усилилась экономическая связь города с деревней.

Наряду с этим, в связи с дальнейшим процессом распада и расслоения кочевой общины, часть кочевников стала оседать в городах. Усилившийся гнет со стороны племенной знати побуждал кочевников искать спасения в переходе к новым формам жизни. Развитие торговых сношений между кочевыми племенами и оседлым населением приводило к тому, что кочевники все чаще приходили в города для обмена продуктов скотоводства на ремесленные изделия. Постепенно представители отдельных семей, а затем и целые семьи приобщались

к жизни городов и оставались там на жительство. Наряду с использованием труда рабов племенная знать применяла феодальные способы эксплоатации доселе свободных общинников. Изменился также облик казахстанского города. Недавние кочевники освоили ряд новых профессий.

В долинах Таласа и Чу в сравнительно короткий срок создалось много новых поселений. Линия городов протянулась от Испиджаба (ныне Сайрам) до озера Иссык-Куль. Крупнейшим центром Таласской долины был по-прежнему город Тараз. К югу от него расположились города Атлах (Отлук), Хамукент, Сусы. К востоку от Тараза находились кочевья карлуков, а далее, начиная от района нынешней станции Луговая, снова шли города: Кулан, Мерке и ряд других. В долине Чу наиболее крупными городами были Джуль и Баласагун. Города от Испиджаба до области Верхнего Барсхана в районе озера Иссык-Куль были расположены на торговом пути из Средней Азии в Восточный Туркестан. На путях между городами возникали караван-сараи.

Успехи экономического развития привели к значительному усилению Южного Казахстана. Этот район сделался ведущим в культурном и политическом отношениях. Семиречье, обладая значительными материальными ресурсами, обнаружило свою силу и в международных связях – в карлукский период Семиречье не подвергалось сколько-нибудь крупным чужеземным нашествиям. Ни арабы, ни саманидская династия, правившая после них в Средней Азии в IX веке, не посягали на внутренние области Казахстана. Саманидам удалось занять только два города Казахстана. В 840 году один из саманидов завоевал город Испиджаб. Позднее на короткое время саманидами же был завоеван город Тараз. Но даже и завоеванные города сохранили почти полную политическую самостоятельность. Хотя землевладельческая знать Тараза и Испиджаба признала власть саманидских правителей, города не вносили никаких податей в саманидскую казну.

Связь с Русью. В карлукский период значительно усилились торговые связи Средней Азии с Восточной Европой – с Болгарским царством (расположенным по Средней Волге) и Русью. Эти связи установились еще в VII веке. Торговля шла по сухопутному караванному пути на Хорезм, но особенно крупную роль в сближении Руси со странами Востока, в том числе со Средней Азией, сыграл Волжский Великий водный путь.

Русь прекрасно знала, что из ее центра по Волге можно идти «в Болгары и Хвалисы» и дальше «в Жребий Симов», т.е. в страны мусульманские.

Болгарское царство на Волге и Хазарский каганат процветали – как связующие Запад и Восток звенья.

Хорошо известен факт нахождения огромного количества кладов с арабскими дирхемами VII – VIII веков на территории Восточной Европы. Арабские монеты в столь большом количестве могли появиться здесь только в результате оживленного обмена: арабы за свои дирхемы покупали здесь рабов, меха, воск и прочее, а восточноевропейские народы приобретали у арабских купцов оружие, ткани, различные драгоценности.

Вполне закономерными являются в этой связи и усвоение русским народом многих арабских терминов, в том числе и торговых, и проникновение на Русь восточных обычаяй, предметов роскоши, а также мотивов и сюжетов в искусстве и литературе.

Уйгуры в Южном Казахстане и Восточном Туркестане. Важным событием в истории карлукского периода явилось переселение уйгур в Южный Казахстан. Уйгуры, жившие в Восточном Туркестане, были одним из древнейших тюркских племен. В конце V века часть уйгур под давлением жужан перекочевала в степи Казахстана, но основная масса уйгур оставалась в Восточном Туркестане. В 745 году уйгуры в союзе с карлуками и другими племенами разбили восточных тюрков и убили их последнего кагана. С этого времени стал

возвышаться Уйгурский каганат. Через сто лет, в 40-х годах IX века, Уйгурский каганат потерпел тяжелое поражение от киргиз, и значительная часть уйгур была вынуждена эмигрировать в Китай, в провинцию Ганьсу. Здесь им пришлось пребыть недолго. Уйгуры, исповедовавшие буддийскую религию вследствие гонения в Китае на буддистов, в 60-х годах IX века перешли через Тянь-Шань в Семиречье.

Карлуки господствовали только на юге Казахстана, где обитали древние племена усуней. В остальных его районах продолжали свое независимое существование различные кочевые племена преимущественно тюркского происхождения. Большая территория у среднего течения Сыр-Дарьи вплоть до Каспийского моря и реки Урал была занята кочевьями канглы и огузов, которые являлись предками туркмен. Они расположились вдоль важного торгового пути, проходившего по Сыр-Дарье. Под влиянием оживленных торговых сношений в X веке в районе Сыр-Дарьи стали возникать крупные торговые города: Туркестан, Отрап, Сауран, Дженд, Сыгнак и другие.

Кыпчакский союз. Центральные и западные области степей Казахстана были заселены племенами, известными под общим именем кыпчаков, а в русских источниках под именем половцев. Кыпчаки, по свидетельству персидского географа Гардизи, представляли собой западную ветвь племен кимаков, кочевавших в районе Иртыша. В VIII веке кыпчаки участвовали совместно с уйгурами в разгроме Восточнотюркского каганата.

В Центральном Казахстане кыпчаки установили свое господство в XI веке.

Кыпчакский союз объединил различные группы племен тюркского происхождения. Занятые ими земли получили название «Дешти-Кыпчак», т.е. «Кыпчакская степь». Кыпчаки в истории Казахстана в дальнейшем играли крупную роль.

Религия и культура тюркских племен. Племена, входившие в состав Тюркского каганата, были язычниками. Они поклонялись солнцу, луне, звездам, огню и духам предков.

Бог неба именовался древними тюрками «Тенгри», или Кек Тэнрі. Добро и зло, благословение, счастье и несчастье, по народным представлениям того времени, исходили от Тенгри. Пережитки древних верований сохранились и поныне в говорках казахов – например, «пища на завтра от Тенгри»; «пусть благословит Тенгри»; «пусть Тенгри покарает».

Древние тюрки поклонялись и звездам. При виде падающей звезды они говорили, что умер человек, который «рожден под этой звездой».

Огонь считался священным. Народ видел в нем могучее божество, обладающее чудодейственной силой, и поэтому относился к огню почтительно. Большого человека или животное водили вокруг огня, клали на огонь жир и просили помочи.

По древнему народному поверью человек, при жизни зависевший от неба, огня, духов своих предков, после смерти сам превращался в божественного, всесильного духа. Тюрки молились духам, просили у них покровительства и всячески старались их задобрить.

Древние тюрки верили также в злых духов. Влиянию злых духов приписывались всякого рода стихийные бедствия: падеж скота, наводнение, удар молнии.

Тюркские шаманы – позднее их называли баксы – выполняли все религиозные обряды. Баксы вызывали духов, через них обращались к Тенгри, определяли судьбу человека, лечили болезни.

Народ, поклонявшийся природе, особенно приветствовал приход весны, идущей на смену зиме. Первый день весны отмечал начало нового года.

Тесные взаимоотношения тюрок с Китаем привели к тому, что в 70-х годах VI века часть тюркских племен приняла широко распространенную в Китае буддийскую религию. Распространение буддизма на территории Казахстана особенно усилилось в IX веке в связи с проникновением буддистов-уйгур в Семиречье.

С другой стороны, связи с западными и южными странами Средней Азии, и особенно согдийская иммиграция, привели к проникновению в Казахстан дуалистической религии иранцев – зороастризма с ее почитанием бога зла Аримана и бога добра Ормузда.

Согдийская колонизация повлекла за собой распространение в городах Казахстана согдийской письменности в несколько измененном виде. Обычно эта письменность известна под названием уйгурского алфавита. Но некоторое время еще сохранялось старотюркское руническое письмо.

Арабское завоевание значительно усилило влияние на тюркские племена ислама. В южных районах Казахстана ислам приобрел особенно большое распространение в карлукский период. В VIII – IX веках карлукская знать приняла мусульманство. Впоследствии, в X веке, в районах Тараза и Испиджаба ислам насаждали саманидские завоеватели. Так, например, построенная прежде колонистами-сирийцами христианская церковь в Таразе в X веке была переделана в мечеть. В том же веке была устроена мечеть в городе Мерке. Вместе с исламом в среду тюрок стало проникать арабское письмо.

Памятники материальной культуры древних тюрок сохранились в многочисленных захоронениях. Небольшие гробики – оссуарии, в которых хоронились кости покойника, по своей форме напоминали кочевую кибитку. Они имели овальную форму, на их боковую поверхность и крышку наносился рисунок в виде плетения, напоминающего плетение деревянного остова кибитки (кереге). Фасад оссуария покрывался орнаментом, подражавшим орнаменту кошм. Рисунок представлял стилизованное изображение растений. Но в сложном переплетении линий выступал также мотив «бараньего рога», впоследствии ставший наиболее характерной чертой казахских орнаментов. Оссуарии принадлежали не только согдийским захоронениям, но и захоронениям местного тюркского населения современного Южного Казахстана.

Над могилой насыпался курган. У тюрок существовал обычай ставить на курганах так называемые «балбалы». Большинство таких балбала являлось изображениями убитых врагов. Иногда художник стремился придать изображению портретное сходство. Возможно, что такие балбала служили изображением покойника. Иногда число убитых врагов обозначалось количеством поставленных вокруг кургана на ребра камней. По предметам вооружения, находимых в курганах, а также по изображениям на балбалах, восстанавливается облик воинатюрка. Воин был одет в длинный кафтан. Его вооружением, помимо лука, служили небольшой нож и длинный меч, которые носились на поясе. В ушах были продеты серьги.

В оседлых районах Южного Казахстана сохранились и остатки домов. Дома были сложены из набивного дувала, материалом для которого служила крепко сбитая лессовая глина. Стены делались утолщенными внизу, кверху они утончались. Помещения делились на ряд продолговатых комнат, перекрытых полуциркульным сводом, сделанным из сырцовых кирпичей. Каждый дом являлся укрепленным жилищем. Окна отсутствовали, лишь внизу имелись узкие продолговатые щели, которые, вероятно, одновременно служили и для вентиляции, и бойницами. Двор с хозяйственными постройками был обнесен высокой и крепкой стеной.

Тесные экономические связи, существовавшие с Китаем, отразились на форме многочисленных бронзовых монет. Эти монеты относятся ко времени господства в Семиречье тюргешей. По китайскому образцу в середине монеты делалось отверстие, которое служило для нанизывания монет на шнур в целях их более удобного хранения. Круговая надпись всегда содержала имя тюргеш-кагана.

В среде древних тюрок зародился ряд легенд, которые затем в переработанном виде перешли к казахам и к другим среднеазиатским народностям. К таким древним легендам относится сказание о мудреце и музыканте Корките, жившем,

по преданию, в районе Джанкента, где народные поверья приписывают ему одну из сохранившихся могил. Легенда о Коркыте существует у различных тюркских народностей. Она долгое время бытowała и среди казахского народа. Такой же популярной легендой, как сказание о Коркыте, является и легенда об Огуз-хане. В одном из вариантов этой легенды, записанном в XIII веке Рашид-ад-Дином, рассказывается о рождении Огуза от Кара-хана, о его женитьбе на трех дочерях его дядей, о многолетней борьбе с отцом Карабаханом, о завоевании им Тауана, Сирии и других стран, о занятий тюркских племен и их разделенной форме стремится понять происхождения тюркских племен, восстановить

урокое распространение получило и в частности кюи, в которых сказывалось в музыкальной форме повествование и затем перешли в казахское народное одно из излюбленных и распространенных музик казахов.

Казахстана зарождалось научное тносится деятельность одного из величайших ученых Средней Азии Мухаммеда бен Тархана (умершего в 950 году). Деятельность алладе при дворе халифов, но по прошлому из города Оттара на Сыр-Дарье. Узнав о философией древних греков

ков, но в своих философских трудах он не повторял их построения, а создал свою собственную оригинальную систему. Ал-Фараби учил, что мир не является созданием из ничего, а возник из материи, которая, в своем источнике происходя от бога, развиваясь, проходит ряд промежуточных стадий, прежде чем принимает форму видимого мироздания. Являясь сам прекрасным музыкантом, ал-Фараби обогатил теорию музыки новыми идеями. Он разработал теорию ощущения тонов, физические и физиологические основы музыки. Идеи ал-Фараби оказали огромное влияние на развитие не только восточной музыки, но и музыки вообще.

ГЛАВА IV

НАРОДЫ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

§ 5. Казахстан в составе Карабаннайдского государства.

Власть карабаннайдов в Южном Казахстане. В дофеодальный период истории Казахстана значительно выросли политические связи между племенами Казахстана. Но эти связи поддерживались военной силой. Прочного политического единства достигнуто не было. После распада Западнотюркского каганата снова установилась политическая раздробленность.

Южные районы Казахстана находились в тесном общении с соседними районами Средней Азии, где в этот период интенсивно развивались феодальные отношения.

С конца X века эти районы Казахстана и Средней Азии попали под власть новых завоевателей – карабаннайдов. В 940 году тюркское племя ягма, кочевавшее прежде в северных районах Восточного Туркестана, вторглось в долину реки Чу и завоевало город Баласагун.

Новые завоеватели не ограничились Семиречьем. Они продвинулись на запад, в область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, называвшуюся Мавераннахр.¹ В 999 году они заняли город Бухару. Власть саманидов в Мавераннахре пала. В походе на Мавераннахр принимали участие и племена, населявшие степи Казахстана: огузы, карлуки, тюргеши и другие. Глава новой династии носил титул «кара каган», или «кара хан». Поэтому эта династия получила в истории наименование карабаннайдской.

Ряд причин способствовал укреплению власти карабаннайдов.

Прежде всего карабаннайды облегчили тяжесть податей. В Мавераннахре они выступили не как «неверные», а как пред-

¹ Арабское название междууречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Буквально «Мавераннахр» означает «место, расположенное за рекой».

ставители господствующей там религии, привлекая к себе симпатии местных мусульман. Карабаханиды были более веротерпимы, чем их предшественники – саманиды. Это расположило к ним также и немусульманское население Семиречья и Мавераннахра. В первые годы завоевания карабаханидам оказалась поддержку и землевладельческая знать Средней Азии – дехканы, недовольные централизаторской политикой саманидов в Мавераннахре.

Продвижение карабаханидов было остановлено на Аму-Дарье, где в 1008 году им нанес решительное поражение могущественный султан Махмуд (владетель Афганистана, Восточной Персии и части Индии). Вскоре государство карабаханидов распалось на два удела: западный, куда вошел Мавераннахр, и восточный.

Владетели восточного удела иногда титуловали себя «царями Востока и Китая». В действительности восточный удел государства карабаханидов обнимал собою только Семиречье и Восточный Туркестан. Его столицей были попеременно то Баласагун, то Кашгар. Центральные и северные районы Казахстана совсем не подпали под власть карабаханидов.

В экономическом и социальном строе Южного Казахстана продолжался заметный, хотя и медленный переход к феодализму. Производительные силы страны росли. Расширялась площадь земледельческого оседлого хозяйства. Оживлялась жизнь старых городов. В районах недавних кочевий, например, в Илийской долине, возникали новые поселения городского типа.

Развитие городов, впрочем, мало изменяло натуральную основу производства того времени. Рост городов был связан в значительной степени с развитием транзитной торговли.

На путях, связывавших города друг с другом, располагались малые и большие караван-сараи. На караванных путях часто встречались мечети, мазары (погребальные сооружения), ханаки (своеобразные монастыри) и другие постройки.

Один старинный караванный путь проходил по Сыр-Дарье через Хорезм в Восточную Европу. Другой – через Самарканд – Ташкент – Тараз и Баласагун в Китай. В X веке на территории Казахстана также появились новые транзитные пути. Из них наиболее важными были пути в Восточный Туркестан и в Монголию.

От старой караванной дороги, проложенной с запада на восток по долине реки Чу, прошла новая караванная дорога к отрогам Заилийского Ала-Тау. У поселения близ нынешнего села Талгар дорога разделялась на две ветви. Первая ветвь проходила вдоль Заилийского Ала-Тау к реке Чилик, затем поворачивала к югу и шла в Восточный Туркестан. Вторая проходила через реку Или к городу Койлык (близ Талды-Кургана), затем в сторону Копала, выходила к озеру Ала-Куль и далее направлялась в Монголию. Койлык сделался одним из крупнейших городов этого района.

Сочетание земледелия со скотоводством в южных районах Казахстана уже в этот период стало обычным явлением. Зиму скотовод проводил в селении, летом кочевал, оставляя часть своей семьи для обработки поля. Осенью семья воссоединялась на очередную зимовку.

На расширявшихся посевных площадях сеяли ячмень и просо. Разводились фруктовые деревья: урюк, яблони. Широко был распространен виноград. В районах рек выращивался рис, культуру которого издавна внесли в Семиречье китайцы.

Земледельческо-скотоводческое население аулов вынуждено было работать не только на себя. Знать, окрепшая экономически и политически и разросшаяся количественно, подчинила себе богатые пространства пастбищ и пахотной земли вместе с сидящим на ней населением.

Мелкие земледельцы, а также кочевники-скотоводы постепенно переходили в феодальную зависимость от знати. Основной формой развития феодальных отношений при караханидах явилась раздача уделов, доход с которых передавался правите-

лю. Такой удел назывался «икта», а его держатель «иктадар». Икта напоминали собой западноевропейские бенефиции. При этой системе мелкие производители-общинники не лишались средств производства и земли. Вместе с тем они не закреплялись за держателями икта. Тем не менее, прежде свободный общинник делался зависимым от иктадара. Зависимость выражалась в обязательных повинностях, которые население земель, пожалованных в качестве икта, должно было отбывать в пользу иктадара. Зависимость углублялась произволом феодалов. Пользуясь силой, они отбирали у земледельцев и кочевников гораздо больше продуктов, чем то предусматривалось условиями икта.

Государство караканидов было непрочным. Борьба за власть между иктадарами ослабляла его. Уже со второй половины XI века начался упадок караканидов. В конце XI века они потерпели ряд серьезных поражений от тюрок-сельджуков. Окончательный удар политическому господству династии караканидов был нанесен новыми пришельцами в Семиречье – каракытайами.

Правление каракытаев в Южном Казахстане. Каракытай – народ тунгусско-монгольского происхождения. В начале X века они завоевали Северный Китай и образовали там государство под названием Ляо. Оно просуществовало около двухсот лет. В начале XII века каракытай были вытеснены из Китая другими народами. Вскоре каракытай появились на Енисее, но, встретив там сопротивление киргиз, прошли на запад. В сравнительно небольшой срок каракытай стали владельцами Семиречья и Туркестана вплоть до Хорезма.

На севере границы государства каракытаев простирались до реки Или. Центром государства был город Баласагун. Каракытайский хан носил титул «гурхан», или «хан ханов».

К северу от реки Или Казахстан находился под влиянием каракытаев лишь в небольшой степени. Эти районы остались

во владении карлукских ханов. Но последние признали себя вассалами каракытаев. Племена канглы частично были покорены каракытаями, частично выселились на запад.

Каракытаи не могли ни изменить экономики Казахстана, ни создать крепкого централизованного государства. Они сами стояли на ранней стадии феодальных отношений. Каракытаи принесли с собою в Семиречье некоторые китайские обычай. В частности, каракытайские власти ввели в Казахстане собственную систему обложений. Казахстанские племена были обложены подымной, или, иначе, подворной податью.

Правители каракытаев вели себя в Семиречье как завоеватели. Чужды и по происхождению, и по культуре местным племенам, они притесняли народ. К тому же каракытаи были буддистами и подвергали мусульман религиозным преследованиям. Все это делало каракытайскую власть малопопулярной. Тяжелые поборы с городов, преследования мусульманского купечества, междуусобные войны, сопровождавшие правление каракытаев, вызвали упадок городской жизни и караванной торговли в Казахстане. В частности, сильно упала торговая жизнь в «городе купцов» – Таразе. Центр хозяйственной жизни заметно передвинулся в сельские округа, в поместья феодалов с их замкнутым натуральным хозяйством.

Начались восстания против каракытаев. Восстания чаще всего проходили под религиозными лозунгами борьбы мусульман против «неверных». За религиозной оболочкой скрывалось стремление народных масс тюркских племен к освобождению от чужеземного гнета и тюркской знати, к политической независимости.

Успеху восстания способствовали междуусобные войны каракытайской феодальной знати, а также внешние неудачи, которые переживало государство каракытаев.

Появление монгольских племен на территории Казахстана. К этому времени в степях Монголии создавалась мо-

гущественная держава Чингиз-хана. Вошедшие в ее состав племена являлись выходцами из Восточной Монголии. Одно из крупных объединений монгольских племен известно под именем «татар», по-китайски «та-та». Чингиз-хан выдвинулся во время борьбы одного из наиболее крупных объединений монгольских племен – кереитов против племени меркитов. В этой борьбе Чингиз-хан выступал как вассал кереитского хана. Впоследствии, усилившись, Чингиз-хан собрал большое войско, разбил своих противников в Монголии и начал широкую завоевательную деятельность. В 1203 – 1206 годах Чингиз-хан разгромил два крупных монгольских племенных союза: Кереитский, своего бывшего союзника, и Найманский. После этого Чингиз-хан провозгласил себя императором.

Монгольские племена, вытесненные Чингиз-ханом из Монголии, двинулись на запад, в пределы Казахстана. Наиболее крупным из них было племя найманов. Перед этим найманы занимали кочевья в Западной Монголии. Во время борьбы Чингиз-хана с вождем племени Джаджират Джамухой последний вооружил против Чингиз-хана найманов. Найманы выступили против Чингиз-хана и сделали попытку заключить союз с онгутами, монгольским племенем, кочевавшим в Южной Монголии. Но онгуты добровольно подчинились Чингиз-хану. Представленные собственным силам, найманы были разбиты. Во главе с сыном своего последнего хана Кучлюком многие общины найманов должны были укрыться в Восточном Казахстане. Каракытай пытались противодействовать продвижению вторгшихся племен. Между новыми пришельцами и каракытаями начались вооруженные столкновения.

Предприимчивый вождь найманов Кучлюк использовал недовольство тюркских племен Семиречья каракытаями. В 1210 году в союзе с карлуками он захватил Узгент. Вслед за тем Кучлюк отправился к столице каракытаев – Баласагуну.

В это самое время каракытай потерпели поражение от войск хорезмского шаха и самаркандского хана. Разбитая каракы-

тайская армия отступила к Баласагуну. Но здесь глава государства каракытаев – гурхан встретил неожиданную преграду. Жители Баласагуна восстали и закрыли перед гурханом городские ворота. 16 дней гурхан осаждал свою столицу. Когда город сдался, вступившие в него войска гурхана подвергли мусульманское население ужасающему погрому. Число одних убитых достигало 47 тысяч человек.

Однако каракытайский гурхан не сумел удержать власть в своих руках. Во время грабежа столицы армия разграбила также казну гурхана. Гурхан потребовал возвращения денег. В ответ войско подняло мятеж. Оказавшийся поблизости Кучлюк воспользовался моментом. Он стал во главе мятежного войска, низложил гурхана и провозгласил себя правителем государства.

Так пала власть каракытаев. Но восставшее против каракытаев тюркское население Семиречья не получило и от Кучлюка никакого облегчения. Кучлюк имел своей единственной опорой каракытайское войско. Он, как и его предшественники, продолжал преследования мусульман. Карлуки подняли против Кучлюка восстание, в котором приняли участие многие тюркские племена. Но восстание было жестоко подавлено. После этого положение мусульманского населения Семиречья еще больше ухудшилось.

Культура народов Казахстана в правление караханидов. Караганидская династия вышла из среды тюрок. Поэтому принятие мусульманства караханидами открыло перед исламом дорогу к тюркскому населению Казахстана. Но, даже сделавшись государственной религией, ислам проникал главным образом в среду господствующих классов, и то лишь южных районов Казахстана. Центральные и северные области Казахстана еще не испытывали мусульманского влияния. Кыпчаки и другие скотоводческие племена степей оставались язычниками.

Проникновение ислама в государство караханидов повлекло за собой создание крупных литературных произведений.

Их читателями являлись представители тюркской знати. В народные массы литература не проникала. Одним из наиболее видных литературных памятников этой эпохи является нравоучительное сочинение на уйгурском языке под названием «Құтадғу білік» («Книга счастья»). Автором этого сочинения был выходец из города Баласагуна Хаджиб Юсуф. Он написал свою книгу в 1069 году для одного из первых караханидов – Богра-хана. «Книга счастья» состоит из вопросов хана и ответов учителя о том, как лучше управлять государством. Ответы учителя проникнуты мусульманской моралью. Характерно, что это сочинение, выражавшее официальную идеологию караханидов, всячески восхваляло городскую жизнь и отражало некоторое недоверие к кочевникам.

Вот что говорит «Книга счастья» об отношении главы государства к кочевникам:

Существуют еще скотоводы,

Они надзирают за табунами лошадей.

Это очень правдивый род людей, но мудрости они не имеют.

Обходись с ними хорошо...

Общайся с ними, води знакомство, кушай и пей с ними,

Допускай их жить, как это подобает человеку.

Если ты общаяешься с ними, то сдерживай себя,

С ними общайся и обходись хорошо,

Так как они постоянно без законов и без направляющей нити.

Говори им хорошие слова, но не называй их друзьями.

Совсем иное отношение проявляет автор книги к ремесленникам:

Другой род людей составляют ремесленники.

Они создают руками искусство, чтобы заработать себе на жизнь.

Все они необходимые для тебя люди,

Приблизь их к себе, они принесут тебе пользу, о великий!

От них идут все работы мира.
Как много удивительных вещей они делают!
С ними общайся и обходись хорошо.
Радуй ты их и живи сам в радости.
Работают они для тебя – непременно одари их.
Давай им есть и пить! Давай им обильную пищу!

В этих словах выступает одна идея: попытка наладить мирные отношения с обеими категориями населения – скотоводами и горожанами.

При караханидах в Семиречье было создано и другое весьма важное сочинение – словарь местных языков. Его составил некий Махмуд Кашгарский, по происхождению тюрк из района Иссык-Куль, писавший на арабском языке. Это сочинение, за-конченное в 1072 году, содержит много сведений по истории Казахстана. Махмуд Кашгарский был языковедом, отметившим разницу между тюркскими наречиями, на которых говорили различные племена Казахстана. В словаре, в частности, отмечены наречия племен аргын, кыпчак и других, которые впоследствии вошли в состав казахской народности. Сочинение Махмуда Кашгарского содержит также важные исторические сведения о племенах, населявших Южный Казахстан, жизнь которых автор имел возможность непосредственно наблюдать. В отличие от этих сведений, его данные о жизни племен Северного и Центрального Казахстана не всегда достоверны.

Видное место в истории культуры тюркских племен Казахстана занимает Ахмед Ясеви (Ясеий). Он родился в 1103 году в поселении около нынешнего Сайрама. Оставшись сиротой, Ахмед воспитывался у родственников. Юношой он переехал на жительство в город Ясы (близ современного города Туркестан), почему и стал называться Ясеви. Через некоторое время Ясеви отправился в город Мерв, где изучил богословские науки. Возвратившись на родину, он сделался глашатаем суфизма – широко распространенного к тому времени в Средней Азии

мистического учения. Вокруг Ясеви собирались ученики мюриды.

Из творчества Ясеви до нас дошел сборник его поэм и пр воучительных сочинений под названием «Диван-и-Хикмет». этих произведениях поэт излагает свою биографию, начиная детства до шестидесятичетырехлетнего возраста и попутно отмечает все им виденное и слышанное, критикует действия своих современников – ханов, беков, казыев (мусульманских судей). С жалуется на упадок, испорченность нравов, призывает к добродетели, благочестию, отречению от всего мирского, к строгому соблюдению правил суфизма. Ясеви рассказывает о трудах, которые он встретил в своих поисках истинного пути:

Не найдя пути к богу, я удивлен.
Непрестанно плачущий, бездомный, я юродивый.
Тяжко мое положение. Я искатель предмета любви,
В поисках любви я жертвуя собой.

Высказывания Ясеви исполнены пессимизма и отвращения ко всему мирскому, полны мистики, разочарования.

Хожа Ахмед Ясеви был выразителем суфийской идеологии. Распространившийся в то время по всей Средней Азии суфизм имел два направления: суфизм, ужившийся с господствующим классом и покровительствующий бекам, казыям, городскому чиновничеству и вообще властью имущим, и суфизм, критикующий правящую верхушку, защищающий интересы трудящегося населения городов и кишлаков. По содержанию сборника «Диван-и-Хикмет», беспощадно бичующего чиновников, можно заключить, что Ясеви придерживался второго направления суфизма. Поэтому среди народных масс Ясеви пользовался большой любовью и известностью.

Хожа Ахмед Ясеви умер в 1166 году, 63 лет от роду. В конце XIV века Тимур перенес его останки в город Туркестан и над его могилой воздвиг мавзолей.

Впоследствии произведения Ясеви оказали влияние на творчество многих казахских ақынов, произведения которых были проникнуты таким же мистицизмом, непротивлением злу и отречением во имя бога от мирских сует.

В X–XI веках за пределами Казахстана создавалась обширная литература на персидском и арабском языках, посвященная в значительной своей части характеристике быта и экономике племен, населявших Казахстан.

Таково, например, безымянное произведение конца X века (982 – 983 годы) на персидском языке «Границы мира» и произведение автора XI века Гардизи под названием «Украшение известий» (1050 – 1052 годы).

При караханидах в связи с ростом городов большое развитие получила архитектура. Появились здания, фасад которых облицовывался резным кирпичом и украшался колоннами. На облицовочный кирпич, именуемый изразцом, наносился резцом богатый рисунок. Рисунок обычно изображал животных и растения. Сочетания таких изразцов с арабскими надписями

из Корана придавали постройке весьма нарядный облик. Такова, например, постройка, известная под названием Айша-биби (в 18 километрах к западу от Джамбула), мавзолей Каракана, находящийся также в районе Джамбула.

В ранних постройках караканидской династии в XI веке продолжал применяться древний прием украшения зданий: фигурная кладка кирпича в виде геометрических узорных линий. Памятниками этой архитектуры являются минарет мечети у города Токмак в Киргизии и мазар Бабаджи Хатун около города Джамбул в Казахстане.

Внутренние стены зданий отделялись лепными украшениями и расписывались kleevymi красками по сырой штукатурке (получалась фреска). В жилых домах стены из сырцового кирпича покрывались тонкой глиняной обмазкой, затем на них наносились сухими красками (в технике альсеко) рисунки, обычно в виде растений или геометрических фигур.

Большого развития в это время достигло производство посуды, украшенной разноцветным орнаментом и покрытой глазурью. В карлукский период посуда такого типа привозилась из Мавераннахра, позже она изготавлялась на месте в городах Казахстана. На слабо обожженную посуду художник-керамист наносил кистью, часто при помощи трафарета, красочный орнамент, иногда дополняя его резьбой. Сюжет росписи состоял из растительных элементов. В рисунки вплеталась арабская надпись – какое-нибудь благопожелание из текстов Корана. На посуде, сделанной в Семиречье, местные художники, несмотря на запрет ислама, рисовали, удовлетворяя вкусам кочевников, также изображения живых существ: фазанов, лягушек, медведей и прочих животных.

В XII веке, когда на территорию караканидского государства проникли каракытай, в ремесле и искусстве появилось китайское влияние. В частности, получили развитие лепка культовых статуй из глины и скульптурная резьба по камню, применявшаяся при постройках буддийских монастырей. На-

ряду с предметами искусства появились и другие предметы, выполненные в китайском стиле. Таковы были, например, кровельная черепица, а также строительный кирпич продолговатой формы. Черепица и кирпич отличались исключительно высоким качеством обжига.

При каракытаях в Семиречье увеличилось число китайских ремесленников. Эти ремесленники, восприняв здесь среднеазиатскую культуру, сочетали в своих изделиях черты дальневосточного и среднеазиатского искусства.

Таким образом, в караханидский период почти вся южная часть Казахстана и районы, тяготеющие к Сыр-Дарье, находились преимущественно под влиянием среднеазиатской мусульманской культуры. В Семиречье эта культура испытывала значительное влияние Китая.

§ 6. Кыпчаки в Центральном и Западном Казахстане.

Образование кыпчакских государств. Во время господства караханидов и каракытаев на юге центральные и западные области Казахстана находились в зависимости от кыпчаков. Кыпчаки образовали в XI – XII веках несколько государственных союзов, которые приобрели, особенно в XII веке, значительную силу.

Основной отраслью хозяйства кыпчаков было кочевое скотоводство. Один иностранный путешественник, проезжавший в 1246 году Дешти-Кыпчак, писал: «Кыпчаки очень богаты скотом, верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире».

На окраинах Дешти-Кыпчака, по соседству с оседлыми районами – русскими княжествами на западе и Хорезмом на юго-востоке – кыпчаки переходили к оседлости. Здесь они занимались земледелием. Русские летописцы, называвшие кыпчаков половцами, делили их на оседлых и кочевых. Отдельные очаги земледельческой культуры существовали и в

Центральном Казахстане, в районе Улу-Тау, Атбасарских степях, по реке Сары-Су.

Во владении кыпчакских племен находились также города. Среди них наиболее значительными были Судак в Крыму, Сыгнак на Сыр-Дарье и другие. Сыгнак был столицей восточных кыпчаков.

Через земли кыпчаков проходили важные торговые пути, в том числе Волжский путь и караванная дорога, связывавшая Запад с Востоком.

Через город Судак шла торговля с Трапезунтом и далее с Тавризом, Хамаданом и другими пунктами Персии. Один восточный автор писал о Судаке: «Это город кыпчаков, из которого они получают свои товары... К нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их». Важнейшими предметами вывоза кыпчаков были меха и рабы. Кыпчаки их приобретали путем вооруженных набегов на приволжские народности и на русские княжества.

О социальном строе кыпчаков современные им свидетельства говорят очень мало.

Кыпчакское общество оставалось еще патриархально-родовым, но уже знало деление на классы, – во всяком случае, знало свободных и рабов. Рабство у кыпчаков, однако, не достигло широкого развития. Основой общественного производства оставался труд свободных членов родовых общин. Община в это время переживала процесс разложения. Уже выделилась родовая знать. Представителей этой знати русские источники называли князьями. В общественных делах кыпчакская знать стала заслонять общину.

В Дешти-Кыпчаке, в отличие от южных районов Казахстана, в этот период еще не сложились феодальные отношения. Наличие рабского труда только создавало предпосылки для закабаления трудовых масс кочевников собственной родовой знатью.

Тюркские племена и Русь. К XII веку кыпчаки значительно расширили свои владения. На востоке власть кыпчаков простиралась до центральных областей Казахстана включительно, а на западе почти до самого Днепра. Кыпчаки завоевали крупное русское южное княжество – Тмутаракань. Набеги кыпчаков на русские поселения были очень часты. Но сношения с русскими княжествами далеко не ограничивались взаимными набегами – происходил процесс сближения формировавшегося русского народа с кыпчаками и другими тюркскими племенами, прежде всего печенегами. По данным «Повести временных лет», печенеги, являвшиеся, по-видимому, одной из ветвей канглы, появились на Руси в начале X века, половцы – приблизительно столетием позже. Кроме печенегов и половцев, «Повесть» знает берендеев и торков, иногда объединяя несколько тюркских народов одним общим именем «черных клобуков» (каракалпаков).

Русь находила в себе силы систематически отражать удары этих степных наездников и в то же время умела входить с ними в отношения, приемлемые для них самих и выгодные для Руси.

Когда князь Игорь шел в поход на Византию в 944 году, болгары по обязанности сообщили византийскому императору Роману, что «идут Русь и начали суть к себе печенеги». Князь Теребовльский Василько, собираясь в поход на Польшу, пригласил к себе берендеев, печенегов и торков. Такие факты найма тюркских отрядов или совместных с ними военных предприятий русских князей очень часты.

Был еще один способ привлечения тюркских племен – это поселение их на территории Киевского государства. На условии защищать русские границы тюркские кочевники получали право оседать на Киевской земле и со временем превращались в подданных Киевского государства.

В результате этого оседания кочевников на территории Киевского государства значительная часть пограничных поселков

оказалась сплошь или по преимуществу заселенной торками, берендеями, печенегами и половцами. Об этом красноречиво свидетельствуют названия поселений и речек вроде Печенеги, Торкин, Торчиново, река Торча, Куманевка (комане – предполагаемое самоназвание половцев), Берендинев, Половецкое и т.д. в районах Черниговщины, Харьковщины, Киевщины, Волыни, Подолии. Среди этих поселений выделяется город Торчин на реке Роси – центр, к которому тянулись другие тюркские поселения. Осевшие здесь тюркские племена имели военное устройство, составляли особые полки и, находясь в постоянном общении с народом русским, подчиняясь вместе с ним одной власти, в конечном счете стали включаться в общую с Русью политическую жизнь. Летописец передает, что, когда в 1155 году половцы потребовали, чтобы Юрий Долгорукий приказал берендеям, находившимся у него на службе, выдать пленников, то берендеи ответили Юрию: «Мы того для умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь». Они отказали в выдаче пленных, и Юрий не настаивал.

Сын Юрия Долгорукова Ростислав после неудачного опыта службы у киевского князя Изяслава вернулся к своему отцу в 1149 году и обратился к нему со словами: «Слышал есмь (в Киеве), оже хочет тебе вся Русская земля и черные клубки». Смерть киевского князя Изяслава оплакивалась «всей Русской землей и всеми черными клубками». Когда на киевский стол прибыл Ростислав Мстиславович, то «быша рады ему вси и вся Русская земля и все вернии клубуци обрадовашася». После смерти Ростислава в приглашении нового князя участвовали киевляне и черные клубки.

В конце XII века некоторое сближение между русскими и половецкими князьями проявилось в том, что русские князья женились на половецких царевнах. В начале XIII века, когда обрисовалась угроза со стороны монгол, русские войска, отражая набеги завоевателей, выступили в союзе с половцами. В битве при Калке в 1223 году русские и половецкие отряды

сражались вместе против монгол. Совершенно ясно, что часть черных клубков (т.е. торков, берендеев и печенегов) и также половцев, успевших прочно осесть на территории Руси в XII веке, уже жила вместе с Русью едиными политическими интересами.

§ 7. Казахстан в период монгольского завоевания и Золотой орды.

Монгольское завоевание Казахстана. Созданная Чингизханом в начале XIII века монгольская держава быстро расширила свои пределы. В 1215 году Чингиз-хан завоевал Китай. Здесь монголы заимствовали передовую военную технику, что подготовило их к успешной борьбе против городов Средней Азии.

Вторжение войск Чингиз-хана на территорию Казахстана началось в 1218 году. Превосходство в военной технике и организации, политическая раздробленность Казахстана и Средней Азии обеспечили успех завоеваний Чингиз-хана. Значительно облегчило действия монгол недовольство мусульманского населения правлением Кучлюка. Монголы выступали под лозунгами веротерпимости. Это обеспечило им поддержку местного мусульманского населения. В Восточном Туркестане и Семиречье монголы не встретили сопротивления. Баласагун сдался без боя. Бежавший из Баласагуна Кучлюк был настигнут и убит. Но вскоре города Семиречья испытали на себе тягостные последствия монгольского завоевания. Монголы в покоренных странах действовали сообразно своему способу производства. Монголы особенно ценили степи, необходимые для пастбищ. Нужда в хлебе заставляла их щадить земледельческое население. Но население городов, как опасных для татар в военном отношении укрепленных пунктов, в период завоевания уничтожалось в большей степени, чем земледельцы. Ремесленников превращали в рабов и уводили в ставки монгольских ханов. Монгольское завоевание

значительно ускорило и усилило упадок городских центров, который в силу внутренних причин ясно обнаружился еще в период господства каракытаев.

В меньшей степени от монгольского завоевания пострадали кочевые районы. Кочевники нередко, как это было, например, в Семиречье, даже оказывали поддержку монголам. Многочисленные тюркские племена входили в состав монгольских войск. В свою очередь, монголы не вмешивались в дела таких кочевых племен.

Покорив Семиречье, Чингиз-хан двинулся на запад. Предлогом для нападения на области, расположенные по Сыр-Дарье, и на Хорезм явились события в Отрапе. Наместник хорезмского шаха в Отрапе задержал монгольский караван в 500 верблюдов и убил 450 человек, сопровождавших караван. В отместку за это монголы разгромили Отрап. Вслед за «Отрапской катастрофой» такая же участь постигла большую часть других городов Средней Азии. В течение двух лет, с 1219 по 1221 год, монголы завоевали всю Среднюю Азию, включая Хорезм.

Завоеванные земли Чингиз-хан распределил между своими сыновьями, посылая их в качестве наместников. Владелец территории получал дань с населения и набирал войска из местных племен. Кроме того, в распоряжении каждого наместника находилось до 4 тысяч регулярного монгольского войска.

Казахстан в основной своей части вошел в государство Джучи (по-казахски Жошы), старшего сына Чингиз-хана. Только южная часть современной Алма-Атинской области вместе с долиной Зарефшана была включена в состав владений Чагатая – другого сына завоевателя. Первоначально наместники всех уделов признавали верховную власть великого кагана. Такой порядок управления империей сохранялся и некоторое время после смерти Чингиз-хана.

Казахстан в составе Золотой орды. Однако в середине XIII века произошел распад доселе единого монгольского государства. В 1246 году курултаем – так назывался съезд монгольской знати – был избран на престол великого кагана внук Чингиз-хана Гюок. Другие правители уделов не подчинились Гюоку. Степями Казахстана в то время управлял Бату, сын Джучи-хана. Бату не признал Гюока верховным каганом и образовал самостоятельное государство.

Это государство получило в восточных источниках название Синей орды, а в русских – Золотой орды. Оно являлось объединением ряда владений. Области по нижнему течению Сыр-Дары и до гор Улу-Тая на севере составили владения брата Бату – Орда-Ичена и назывались Белой ордой. Столицей Белой орды стал город Сыгнак.

На востоке Золотой орды находился удел другого брата Бату – Шейбана. В среднем Поволжье также было образовано особое татаро-монгольское владение. Спаянное властью одного вождя, это государство, состоявшее из отдельных, не имевших ничего общего между собой частей, не было прочным.

При жизни Бату Золотая орда еще сохраняла политическое единство. После Бату владения, входившие в состав Золотой орды, стали обособляться и приобрели значительную самостоятельность. Но в первой половине XIV века хан Золотой орды по имени Узбек сумел снова объединить все эти владения под своей властью. В правление Узбек-хана (1312 – 1340 годы) Золотая орда достигла значительного, хотя и кратковременного, экономического и политического могущества.

В состав Золотой орды вошли области, в культурном отношении стоявшие значительно выше монголов-завоевателей: Крым, Приазовский край, низовья Аму-Дары и Сыр-Дары. На территории Золотой орды были и города: Сарай-Берке (близ Сталинграда), Сарайчик, Сыгнак, Ургенч, Кафа (Феодосия). Астрахань и другие. Многие города имели большое торговое значение. Крупным торгово-ремесленным, а также полити-

ческим центром сделалась и столица хана – Сарай-Берке. Но города и земледельческие районы Золотой орды находились преимущественно за пределами Казахстана.

Экономические и социально-политические последствия монгольского завоевания. Земледельческие районы и городские центры Семиречья и областей по течению Сыр-Дарьи, достигшие прежде значительного развития, в период монгольского завоевания пришли в упадок. Поля превратились в выгоны для скота, города и селения – в развалины. Один путешественник писал о Семиречье XIV века, что там «можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся... Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны – кочевники и нисколько не занимаются земледелием». Такая же картина наблюдалась и в южных районах Казахстана, которые в XIII и XIV веках входили в состав государства, основанного Чагатаем. Многочисленные тюркские племена, заселявшие Дешти-Кыпчак, оставались в основном и в период монгольского завоевания кочевниками-скотоводами. Но под влиянием монгол в их общественный и политический строй постепенно были внесены значительные изменения.

Ко времени образования империи Чингиз-хана в общественном строе монгол и расселившихся в Казахстане найманов существовали многочисленные элементы феодальных отношений. Земля считалась еще собственностью рода, но распоряжалась кочевьями монгольская знать.

Высшей аристократией в монгольских государствах Средней Азии являлись султаны. Они причисляли себя к особому сословию «белой кости» (по-казахски аксүйек). Султаном мог быть только чингизид, т.е. тот, кто вел свое происхождение от Чингиз-хана. Представители родоплеменной знати носили монгольский титул «нойон».

Трудовые массы монгольских кочевых общин оставались лично свободными, но обязывались платить подушный налог, покибиточный сбор и оброк продуктами знати – «белой кости» и нойонам, а также нести различные повинности.

Постепенно происходило сближение монгольской знати с верхами покоренных народов. Знать тюркских племен несла только «благородные» повинности, главным образом военную службу. В период правления Узбек-хана общество Золотой орды уже делилось не на победителей и побежденных, а по социальному положению. Процесс формирования феодализма в период монгольского завоевания усилился во всех районах Казахстана. Кочевое хозяйство местных племен не знало закрепленной правом частной земельной собственности. Однако на деле общины землями распоряжалась знать – ханы, султаны и беки, как со второй половины XIII века стали называться нойоны. Они руководили кочеванием зависящих от них людей, распределяли лучшие пастьбищные угодья, даже указывали место стоянки кочевья. Ханы, султаны и беки, приобретшие к этому времени черты средневекового феодального сеньора, создавали по своему усмотрению на общинах землях «запретные зоны», которые обычно отводились для господской охоты или под кладбища родовых степных аристократов. С другой стороны, кочевники, зависимые от ханов, султанов и беков, обязаны были нести ряд повинностей: поставлять своим сеньорам некоторое количество мелкого скота на убой, отдавать дойных кобылиц и т.д.

Таким образом, на базе скотоводческого хозяйства устанавливались между зависимыми кочевниками и степной знатью (ханами, султанами и беками) отношения, основанные на внеэкономическом принуждении. Султаны становились вассалами хана, а беки вассалами султанов. В распоряжении ханов и султанов находились их личные дружины. Дружинники знати («белой кости») носили название «нукеров». Нукеров этого периода можно сравнить с раннефеодальными княжескими

дружинами. В связи с дальнейшим процессом феодализации страны нукеры превращались в феодальных сеньоров, но по отношению к ханам и султанам они оставались на положении вассалов.

С течением времени повинности, наложенные на кочевников, стали обычными. Они сделались правилом адаты — обычного права кочевников. По мере проникновения ислама в массы тюркских племен мощным идеологическим орудием знати в целях удержания в зависимости масс сделался шариат — мусульманское право. По шариату стали взиматься новые подати: «закят» — $\frac{1}{40}$ движимого имущества, а в земледельческих районах также «ушр» — $\frac{1}{10}$ урожая. Ни один правоверный мусульманин не имел права отказаться от уплаты этих податей, освященных предписаниями Корана.

Таким образом, в период монгольского владычества значительно развилась система феодального господства и подчинения.

Большую роль в углублении феодальной эксплуатации сыграли изменения в кочевой общине, которые произошли в результате завоевания. Кочевая община тюрок жила в условиях патриархально-родового быта. Огромную роль в сплочении общинны играли кровнородственные связи между ее членами. Но завоевание разрушало прежние кровнородственные объединения. Осколки разных кровнородственных союзов перемешивались и образовывали смешанные союзы, так называемые аймаки. Это подрывало бытую сплоченность и тем самым ослабляло общину. К тому же община слабела и экономически в результате тех вымогательств и даней, которыми сопровождалось завоевание. Ослабление общины облегчало для феодалов ее закабаление.

Образование Моголистана. При отсутствии крепких хозяйственных связей между отдельными районами Золотой орды укрепление политического могущества отдельных фео-

далов усиливало стремление владельцев отдельных областей к политической самостоятельности.

К концу XIV века как на территории Дешти-Кыпчака, так и в южных районах Казахстана, входивших в состав государства Чагатая, почти на два столетия установилась феодальная раздробленность. В государстве Чагатая чрезвычайно возросло влияние тюркской феодальной знати – эмиров. Чингизиды фактически утеряли власть, и государство Чагатая распалось. В восточных районах нынешнего Казахстана образовалось новое государство. Это государство получило название Моголистан. На западе Моголистан включал в свои границы район реки Чу, а на востоке – Восточный Туркестан.

Основателем Моголистана был тюркский эмир по имени Пуладчи. Он не решился принять ханский титул – слишком сильны были политические традиции, согласно которым ханами могли быть только потомки грозного Чингиза. На ханский престол был возведен султан Токлук Тимур.

Токлук Тимур оказался способным и энергичным правителем. При нем Моголистан стал сильным государством. Но и Моголистан, как прежде государство Чагатая, представлял собой непрочное политическое объединение. Такого рода государства неоднократно создавались в средние века. Они быстро расцветали, но столь же быстро приходили в упадок.

Товарищ Сталин говорит об этих государствах: «Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя».¹

После смерти Токлук Тимура в 1362 году в Моголистане вспыхнула острые междоусобная борьба за ханский престол.

Феодальные смуты возникли в это время и на территории Золотой орды. После смерти Узбек-хана многие беки сделались фактически независимыми. Они по своему усмотрению

¹ Стalin. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». 1939 г., стр. 9.

сменяли ханов. За два десятилетия, с 1362 года по 1380 год, в Золотой орде сменилось четырнадцать ханов.

Белая орда. Среди владений, выделившихся из состава Золотой орды, наиболее тесно была связана с историей будущего Казахского ханства Белая орда (Ақ орда). Столицей Белой орды был город Сыгнак на реке Сыр-Дарья, близ современной станции Чили. Обособление Белой орды в особое ханство произошло в начале XIV века после смерти золотоордынского хана Токты. Первый хан Белой орды Сасы Бука правил государством еще как вассал ханов Золотой орды. После смерти Сасы Бука ханом Белой орды был признан его сын Эрзен (1320 – 1345 годы). При Эрзене Белая орда достигла значительного процветания. Он построил в сырдаринских городах много медресе, мечетей, различных благотворительных учреждений. По словам одного восточного автора, при Эрзене «никто из великих не притеснял меньших, и никто из малых не делал шага непочтения по отношению к старшему».

После смерти Эрзена в Белой орде началась междуусобная борьба за власть между султанами. С 1350 по 1364 год в этой борьбе было убито восемь ханов. Орда пришла в глубокий упадок. Возрождение началось при хане Урусе. По словам восточного автора, Урус был «царь очень сварливый, сильный и могущественный». Основной целью своей политической деятельности он поставил воссоединение Золотой орды. Это ему удалось – владения Белой и Золотой орды были соединены под его властью. Но прочного единства государства достигнуто не было. Сын одного из эмиров Тохтамыш не покорился Урусу, бежал от него и отдался под покровительство могущественного правителя Мавераннахра Тимура. При его поддержке Тохтамыш начал борьбу против Уруса, но потерпел ряд поражений. Смерть Уруса (в 1377 году) и вновь возникшая борьба за власть между султанами Золотой орды помогли Тохтамышу не только укрепиться в Сыгнаке, но и объединить под своей властью все владения Золотой орды.

Империя Тимура и ее значение для Казахстана. Ослабление Золотой орды происходило в грозной для государства внешней обстановке. На Западе начало складываться национальное русское государство. С ликвидацией феодальной раздробленности умножалась сила Руси. В 1380 году на Куликовом поле объединенные силы русских наголову разбили войска золотоордынского временщика Мамая. В Золотой орде произошел очередной дворцовый переворот. Мамай был убит. Власть перешла в руки Тохтамыша, владельца Сыгнака. В правление Тохтамыша (1380 – 1395 годы) разрозненные владения Золотой орды снова объединились, но это продолжалось недолго.

К этому времени Золотая орда имела мощного соперника. Еще до возвышения Тохтамыша возникло новое сильное государство в Мавераннахре. В 1370 году эмир Тимур из тюркского рода Барлас, кочевавшего в районе Кашка-Дарьи, установил свое господство над Самаркандом.

В короткое время Тимур подчинил себе оседлые районы всей Средней Азии. Затем он перенес завоевания далеко за пределы Мавераннахра и основал огромную империю, включавшую в свои границы не только области между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, но также Персию, Северную Индию, часть Малой Азии и Закавказья.

Образование империи Тимура в корне изменило внешнюю обстановку для территорий Казахстана, входивших в пределы Золотой орды и Моголистана.

Наибольшее значение в истории Казахстана имел разгром золотоордынских войск Тимуром в апреле 1391 года, когда Тохтамыш сделал попытку порвать союзные отношения с Тимуром. Память об этом событии запечатлена в надписи Тимура, обнаруженной у горы Алтын-Чуку близ Карсакпайского рудника в Казахской ССР. Надпись гласит: «Султан Турана Тимур-бек шел с двумястами тысяч войска имени своего рода по кровь Тохтамыш-хана».

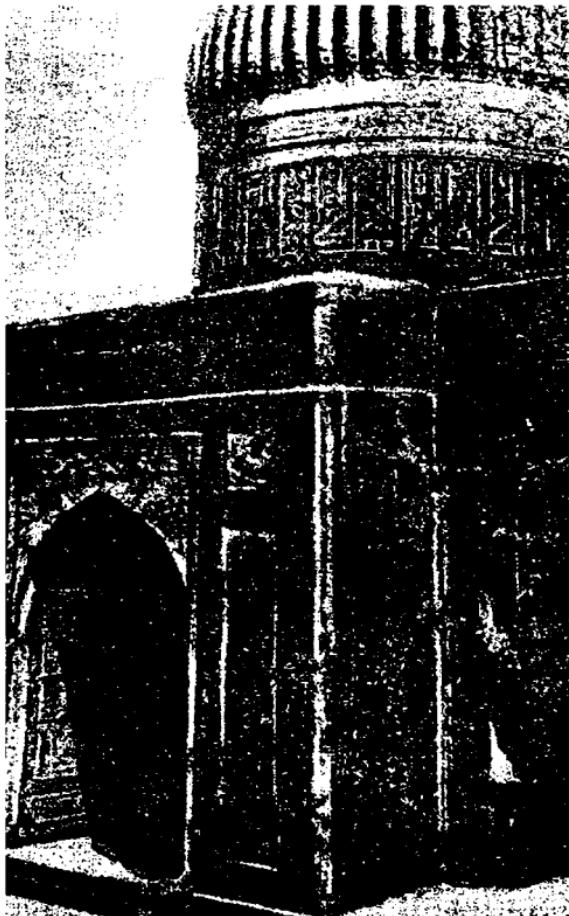
Тимур приступил к покорению Казахстана. Он действовал двумя путями – во-первых, строил военные крепости с гарнизонами, во-вторых, воздвигал мечети и мазары, продвигая ислам вглубь Казахстана. Тимур способствовал оживлению многих разрушенных раньше поселений Семиречья, например, восстановил город Ашпар около современной станции Чалдвар на границе Казахстана и Киргизии. Из мечетей особенно известна построенная в 1399 году в городе Туркестане мечеть Хожи Ахмеда Ясеви.

В 1395 году Тимур разрушил до основания столицу Золотой орды – Сарай-Берке. Это нанесло непоправимый удар политическому значению Золотой орды.

Тимур неоднократно направлял свои войска также против Моголистана. Он готовился к завоеванию Китая и рассматривал покорение кочевников Моголистана как первую часть своего большого завоевательного плана. Но осуществить этот план Тимур не успел. Крайней точкой его похода на Восток явилась северная область Восточного Туркестана, а основным районом его военных действий были Тянь-Шань, Иссык-Куль и долины Таласа, Чу и Или.

В 1405 году Тимур умер. Его преемники продолжали борьбу против Моголистана. В 1425 году внук Тимура, знаменитый среднеазиатский ученый – астроном Улуг-бек, предпринял большой поход. Улуг-бек дошел до Илийской долины и здесь нанес тяжелое поражение моголистанским кочевникам. Все же Моголистан сохранил независимость. Начавшиеся вскоре распри среди тимуридов устранили угрозу независимости Моголистана со стороны оседлых государств Средней Азии.

В конце XIV века над Моголистаном нависла новая опасность. В Восточной Монголии образовался союз четырех монгольских племен, известный под именем Ойротского государства. Ойроты (их также называли калмыками) стремились захватить Моголистан. Они совершили множество набегов на моголистанские владения. Моголистан и на этот раз усто-

Мечеть Хожи Ахмеда Ясави в Туркестане

ял. Ойроты одерживали военные победы, но завоевать Моголистан не смогли. Моголистан продолжал существовать как самостоятельное государство. В первой половине XV века, после междоусобных столкновений, ханом Моголистана сделался энергичный вождь по имени Эсень-Бука.

Ногайское и Узбекское ханства. Иные последствия имела борьба Тимура против Золотой орды. С гибелю Тохтамыша Золотая орда распалась на несколько отдельных, фактически независимых владений. Из них на территории Казахстана образовались два государства: Ногайское и Узбекское ханства.

Ядром Ногайского ханства являлось племя мангыт во главе с талантливым полководцем Едиге. Ногаи кочевали вдоль Волги, по Яику и доходили до Камы. На северо-востоке их кочевья граничили в районе реки Тобол с землями сибирских татар. Это положение ногайских кочевий повлекло за собой тесные связи ногаев с Московским государством. Название «ногай» имело политическое значение. Ногаями называли объединение различных племен: мангытов, кыпчаков, усуней и других.

Узбекское ханство было соседом ногайцев на юго-востоке. Вначале название «узбек» имело не этническое, а политическое значение – узбеками в XIV веке называли ханское войско. Впоследствии название «узбек» распространилось на народность. Создание Узбекского ханства имело место в 1425 году. Оно совпало с одним из походов Улуг-бека в Моголистан, когда силы тимуридов были отвлечены на Восток и их власть в низовьях Сыр-Дары ослабела. Этим воспользовался внук хана Белой орды Уруса -- Барак. Он не раз говорил: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне». В 1425 году он порвал вассальные связи с правителем Мавераннахра – внуком Тимура Улуг-беком и провозгласил себя ханом. В 1427 году многочисленное войско во главе с Улуг-беком двинулось к Сыгнаку, но потерпело поражение от Барака. Области Мавераннахра были разорены. Однако Бараку не

удалось закрепить за собой власть. В 1428 году он был убит мятежными эмирами. Междоусобная борьба в Белой орде позволила представителю враждебной Бараку феодальной группировки – Абульхайыру, потомку Шейбана, объединить под своей властью не только владения Белой орды, но и области Казахстана, входившие в XIII веке в удел Шейбана.

Таким образом, в первой четверти XV века территория Казахстана была поделена между несколькими государственными образованиями. Татаро-монгольские государства оставили глубокий след в жизни племен Казахстана. Общение между племенами в эпоху расцвета Монгольской империи в XIII веке и Золотой орды в XIV веке способствовало усилению разного рода обмена между племенами Казахстана. В этот период происходил процесс не только хозяйственного и социального сближения в жизни этих племен, но и процесс культурного взаимодействия. Постепенно складывалась общность хозяйственной, общественной и культурной жизни. Все это подготовляло слияние различных племен в единую народность. Этот процесс был, однако, длителен и завершился лишь в XV веке.

Верования и народное творчество народов Казахстана в период Золотой орды. Кочевники Дешти-Кыпчака гораздо позже, чем тюркские племена Семиречья, подверглись влиянию мусульманской культуры. К кыпчакам ислам до середины XIII века совсем не проникал. Кыпчаки оставались язычниками, сохраняли древние верования тюрков. В середине XIII века при золотоордынском хане Берке началось проникновение ислама в среду кыпчаков. Берке был первым ханом Золотой орды, принявшим ислам. Он стремился внедрить новую религию среди своих подданных. По словам одного арабского историка, Берке «стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приближая к себе ученых и законоведов, и сдружился с ними».

Однако и теперь ислам находил последователей не в народных массах кыпчаков, а лишь в среде тюркско-монгольской

знати, а также в торгово-ремесленном населении городов, где чувствовалось влияние среднеазиатских мусульманских купцов.

Большего результата добился золотоордынский хан Узбек. Он насаждал ислам среди кыпчаков при помощи не только идеологического, но и вооруженного воздействия. В одном восточном источнике рассказывается, что тем, кто не исповедовал ислама, Узбек-хан «предоставил выбирать или вступление в мусульманскую религию, или войну». Когда кочевники отказались принять ислам, Узбек-хан напал на них, «обратил их в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения». Известно также, что Узбек приказывал убивать кыпчакских шаманов – баксы, а также буддийских лам.

В результате насилий Узбека многие кочевые племена кыпчаков объявили себя мусульманами. Но распространение ислама не уничтожило прежних языческих верований в народных массах кыпчаков. Создалось своеобразное двоеверие. С принятием ислама менялось название обряда, но обряд по своему значению оставался почти неизменным. Имена мусульманского бога «Алла» и «Худа» употреблялись одновременно и параллельно с именами языческих «Тәңрі» и «Көк Тәңрі». Ходжа, мулла и другие служители исламского культа уживались с языческим баксы. Сами баксы обращались одновременно к языческим духам и к мусульманским святым. Наравне с древними языческими праздниками народ праздновал мусульманские «Айт курбан» и «Айт рамазан». Молясь Аллаху и его святым, кыпчаки поклонялись также огню и духам предков. Языческие причитания над умершим сопровождались соответствующими молитвами из Корана. Такое двоеверие впоследствии перешло от кыпчакских племен к казахам и сохранилось в казахском народе до самого последнего времени.

Не только ислам, но и другие виды культурной жизни городов Золотой орды слабо проникали в среду кыпчаков. Пись-

менность оставалась достоянием оседлых, по преимуществу городских центров.

Зато кыпчакские племена создали свою исключительно богатую устную народную поэзию. Отрывки народного творчества (загадки) сохранились в половецком словаре («Кодекс куманикус»). Другие письменные памятники кыпчакского поэтического творчества до нас не дошли. В период Золотой орды зародились такие блестящие поэмы, как «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», богатырский эпос – сказания о Ер-Саине, Кобландах, Ер-Таргыне. Однако эти поэмы, как и все иные, известные нам, варианты устной поэзии кыпчакского общества, подверглись творческой переработке казахским народом. Такая поэзия, превратившаяся уже в казахскую, включает в себя самые разнообразные жанры: свадебные и похоронные песни, легенды, лирические и героические поэмы и прочее.

В обществе кыпчаков была широко распространена легенда о Коркыте. Имя Коркыта было известно также многим другим тюркским народностям. Казахская легенда рассказывает, что Коркыт смолоду не мог примириться со скоротечностью человеческой жизни и решил бороться против неизбежной смерти. Мучимый своими мыслями и гонимый мечтой о бессмертии, Коркыт уходит от людей, но везде и всюду он видит смерть – в лесу ставшее и свалившееся дерево говорит ему о своей смерти и о неизбежном конце для самого Коркыта; в степи колывль, выгорая под солнцем, говорит ему о том же; даже мощные горы поведали ему об ожидающем их разрушении. Видя и слыша все это, Коркыт в своих одиноких терзаниях выдолбил из дерева ширгай – первый кобыз, натянул на него струны и заиграл, изливая свои мучительные мысли и чувства. Он вложил всю свою душу в эти мелодии, и чудесные звуки его струн прозвучали на весь мир, дошли до людей, захватили и пленили их. С тех пор мелодии Коркыта и созданный им кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза и в сердцах людей.

Тема легенды о Коркыте – тема богочества: Коркыт борется против идеи о предопределении, так упорно навязываемой человечеству исламом. Тема богочества, идущая от мифа о Прометее, нашла в тюркском народном творчестве поэтическую параллель в легенде о Коркыте, который стал бессмертным, благодаря своему служению человечеству впервые созданным им искусством.

Среди кыпчакских племен сложилось также сказание о Едиге. Былинный Едиге – параллель исторического Едиге, который жил во второй половине XIV века при ханах Тохтамыше золотоордынском и Тимуре среднеазиатском. Истории известно, что Едиге, один из военачальников Золотой орды, стал во главе оппозиции Тохтамышу и, враждуя с ним, принял сторону Тимура. Придворные историки Золотой орды поэтому оценивают роль и деяния Едиге отрицательно.

Но в воспоминаниях народа, в его песнях и преданиях Едиге характеризуется совсем иначе. Здесь он герой и заступник народа, всеобщий любимец. В былине Едиге выступает не только как богатырь, но и как мудрый, справедливый судья. Постоянным эпитетом к его имени служит выражение «Ел камын жеген Едиге», что значит в переводе «Едиге – заступник народа». Это отображает резкие социальные противоречия и борьбу между ханом Тохтамышем и народной массой, видевшей в Едиге своего избавителя от ненавистного тирана.

Былина рассказывает о событиях и людях исторически верно.

Только обстоятельства рождения героя и один эпизод (с дочерью Тимура) относятся к области фантастики. В остальном в былине почти нет фантастических элементов, обычно присущих этому жанру народного творчества.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ И КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 8. Образование казахской народности.

Объединение племен в казахскую народность. Образование казахской народности было длительным и сложным процессом. В нем участвовали различные племена. Некоторые из них сыграли в образовании казахской народности главную роль. Такими племенами были кыпчаки, алчины, найманы, керей, дулаты (дулу), аргыны, усуни и канглы.

Многие племена, вошедшие теперь в состав казахской народности, заселяли территорию Казахстана еще в глубокой древности. Усуни и канглы населяли казахскую степь еще в III веке до н.э. Дулаты известны в истории со времени Западно-тюркского каганата, т.е. с VI века н.э. С IX века наиболее мощным племенным объединением в центральных степях Казахстана сделались кыпчаки. Алчины, как и кыпчаки, принадлежали к тюркской группе племен. Они приобщились к племенам, составившим ядро казахского народа, в связи с падением Ногайского союза. Найманы и керей по происхождению являлись монгольскими племенами. Они расселились в степях Казахстана в начале XIII века в связи с образованием в Монголии империи Чингиз-хана.

Подавляющее большинство племен, из которых образовалась казахская народность, принадлежало к так называемой тюркоязычной группе. Языки этих племен образовывали одну группу системы кыпчакского языка, имевшей ряд диалектных различий, отразивших существовавшие тогда племенные говоры.

Между племенами, населявшими степи Казахстана, существовали различия не только в языке, но и в характере культуры.

Еще в караханидский период наметилось два основных очага культуры – южный и северный (кыпчакский). В южном районе существовали некоторые различия между культурой сырдарьинских городов и Семиречья, находившегося под заметным влиянием Китая. В монгольский период хозяйственныe, политические и культурные различия были в значительной мере слажены. В северо-западных районах Казахстана сложилось прочное объединение племен, известных под именем ногаев, унаследовавшее богатое культурное прошлое кыпчаков. Кыпчакское объединение племен и послужило основой образования казахской народности. Когда эта группа племен объединилась с юго-восточной – дулатами, усунями, канглы и рядом других, в жизнь этих племен были внесены элементы богатого культурного прошлого южных племен.

Долгое время объединению племен препятствовала их политическая разобщенность. Даже в XIII веке, когда образовалось мощное татаро-монгольское государство, племена Казахстана были разделены между различными феодальными уделами: Шейбана, Орда-Ичена и собственно Золотой орды. На востоке Казахстана в XIV веке создалось особое государство – Моголистан. Только на короткое время племена Западного и Центрального Казахстана объединились в одно политическое целое, как это, например, было при ханах Бату, Узбеке и Тохтамыше. Огромную роль в завершении объединения различных племен в единую казахскую народность сыграло их политическое объединение в единое Казахское ханство в конце XV – начале XVI века при хане Касыме. Это объединение сгладило те культурные и языковые различия, которые тогда еще существовали между юго-восточными и северо-западными племенами.

Образование казахского языка. Одним из непременных признаков народности является единство языка. Оно вырабатывается в результате однородной культурной и общественной жизни. Казахский язык образовался, разумеется, не сразу. Он

имеет свою длительную историю. Из других тюркских языков казахский язык ближе всего стоит к ногайскому, каракалпакскому и киргизскому. С этими языками он имеет частично и общую историю. О некоторых особенностях теперешнего казахского языка (в связи с другими тюркскими языками) можно говорить и находить их в такой глубокой древности, когда казахов как особой народности и как государственного целого еще не было.

Из древних тюркских языков исторически связаны с языком казахов языки печенегов (X век) и половцев (XIII–XIV века), т.е. западной кыпчакской группы. Язык печенегов сохранился, кроме русских летописей и венгерских хроник, в печенежском тюркском руническом письме в Венгрии на золотых сосудах так называемого клада Аттилы. Памятниками половецкого языка для западной части кыпчакских степей является «Половецкий кодекс» (*Codex cumanicus*) из южной России (1303 год) и отчасти грамматики кыпчакского языка XIII–XV веков на арабском языке. Для восточных частей степных пространств современного Казахстана материалом по истории казахского языка служат данные по кыпчакскому языку Махмуда Кашгарского (XI век).

Если мы имеем уже закрепленными в письменах (от X века) вполне сложившиеся тюркские языки кыпчакской группы, то с большой достоверностью можно предполагать, что и язык казахов, крупнейший язык той же кыпчакской группы, со всеми своими отличительными свойствами формировался в это же время, т.е. от X до XIII века. Следовательно, к этому времени нужно отнести процесс языкового объединения разных до того тюркских племенных групп, вошедших в состав казахского народа.

Вопрос о происхождении слова «казах». Самый термин «казах» восходит к весьма древней основе, происхождение и значение которой до сих пор остаются неясными. Легенда

самых казахов объясняет происхождение этого слова от «казак» – гусь белый. Очевидно, это остаток старых мифических представлений казахов. У многих народов гусь и лебедь считались священными птицами.

Есть мнение, что слово «казах» представляет соединение двух слов «каз» и «сак», при слиянии которых, по законам казахской фонетики, могло вполне получиться одно слово «казах» (в современном северном диалекте киргизского языка слово «казах» звучит как «касак»). Вторая часть этого составного слова («сак») может служить историческим воспоминанием о народе саков, жившем раньше на территории нынешнего Казахстана. Возможно, что в глубокой древности корень этого слова «каз» (кас, хас, гас, каз) имел тотемическое или этническое значение (в самоедских языках, например, «кас» означает «человек»). Он встречается в названиях, например, касов, каспиев, хазар; черкасов, карачасов, касситов (народа, воевавшего с Вавилоном во втором тысячелетии до н.э.), в самоназвании якутов – саха, в названии одного из хакасских родов – сагай. В более позднее время термин «казак» употреблялся в значении «вольный» (отложившийся от своей общины или государства человек) и «беглец». В этом же значении употреблялось и русское наименование «казак». В XIV веке слово «казак» наряду с термином «узбек» употреблялось для названия ханского войска.

Во всяком случае, на основании только этимологического значения слова «казак» нельзя делать заключение о его этническом значении. Вопрос о происхождении казахского народа должен решаться совокупными усилиями ученых различных специальностей, в том числе археологов, историков, филологов и других. Для обозначения особой народности нынешних казахов слово «казак» стало общеупотребительным в XV веке. В качестве названия новой народности применялось также и слово «алаш». Оно употреблялось самими казахами как самоназвание, а в боях использовалось как боевой клич (уран). В

XX веке буржуазные националисты Казахстана использовали этот старинный термин для наименования своей контрреволюционной партии «Алаш-орда».

Только в советский период было уточнено название «казак» и его написание – слово «казак» в применении к народу, заселяющему КазССР, стало теперь употребляться в написании «казах».

§ 9. Образование и развитие Казахского ханства в XV – XVI веках.

Возникновение Казахского ханства. После того как распалась Золотая орда и на территории Казахстана образовались Узбекское и Ногайское ханства, в этих государствах продолжались феодальные усобицы. В Узбекском ханстве боролись за власть две феодальные фамилии: потомки султана Орда-Ичена и потомки султана Шейбана, внуков Чингиз-хана. В 1428 году ханом сделался Абульхайыр, потомок Шейбана. Так было положено начало династии шейбанидов.

В правление Абульхайыра (1428–1468 годы) государство узбеков значительно расширилось. Оно объединило области, которые в XIII веке входили в удел Шейбана, а также земли Белой орды. Границы государства Абульхайыра простирались от реки Сары-Су на востоке до южных отрогов Уральского хребта на западе и от гор Улу-Тау на севере до низовьев Аму-Дарьи на юге (Хорезма).

При Абульхайыре в Узбекском ханстве феодальная междоусобная борьба значительно обострилась. Султаны, родственники Барака, предки которых еще с XIII века владели обширными территориями Белой орды, не могли примириться с утерей власти. Они интриговали против Абульхайыра, который, в свою очередь, подвергал их жестоким преследованиям.

Борьба между феодалами тяжело отражалась на положении трудящихся масс. В результате набегов феодалов хозяйство

аулов разорялось. Плоды долгого труда уничтожались в течение нескольких часов. Много кочевников в поисках спокойной жизни бежало на восток, в пределы Моголистана.

По словам моголистанского историка Мухаммеда Хайдера, беглецы под покровительством могущественного моголистанского хана «зажили спокойно».

В Моголистан бежали не только рядовые кочевники. Некоторые султаны, родичи Барака, тоже спасались от преследований Абульхайыра бегством на Восток. В середине XV века два султана из рода Барака, Жаныбек и Гирей, ушли с подвластными им аулами в пределы Моголистана. Историк Мухаммед Хайдер рассказывает об этом событии: «В это время (около 1450 года. – Ред.) Абульхайыр владычествовал в Дешти-Кыпчаке; султанам джучидским приходилось от него очень плохо, и двое из них, Жаныбек-хан и Гирей-хан, бежали от него в Моголистан. Хан Иса-Буга принял беглецов хорошо и отвел им край Чу и Казы-Бashi, который составляет западную окраину Моголистана». Разбросанные в западных районах Моголистана местные тюркские племена, а также и те общины, которые бежали из государства Абульхайыра, объединились под властью Жаныбека и Гирея.

Так в западных районах Моголистана возникло новое государство, ставшее основой Казахского ханства. Его образование явилось одним из этапов распада владений Золотой орды.

Население молодого государства росло. В 60-х годах XV века оно насчитывало около 200 тысяч человек. Главой Казахского ханства был Жаныбек.

Территория Казахского ханства при Жаныбеке была еще невелика. Ханство владело кочевьями к северу от нижнего течения Чу и к востоку от Сары-Су. Его окружали могущественные соседи. На востоке оно граничило с Моголистаном, на юге – со среднеазиатскими владениями тимуридов, на за-

паде – с государством Абульхайыра. Особенно опасным для казахов было соседство Узбекского ханства. Поэтому Жаныбек всемерно стремился поддерживать тесную дружбу с монголистанским ханом. Этот союз с Монголистаном, близкий по своему характеру к отношениям вассалитета, позволил Казахскому ханству окрепнуть и обеспечить свою независимость. Таким образом, историческая заслуга Жаныбека перед казахским народом заключается в том, что он сумел сохранить молодое казахское государство и укрепить его тогда, когда оно было слабым и малым. За эту заслугу народ назвал Жаныбека «әз Жәнібек», т.е. «Жаныбек благословенный».

Жаныбек умер около 1480 года. Ханом стал султан Бурундуқ, сын Гирея. При Бурундуке внешнее положение Казахского ханства резко изменилось. К этому времени значительно возвысилось Узбекское ханство. Его правитель хан Мухаммед Шейбани, внук Абульхайыра, заключил военный союз с Монголистаном, направленный против оседлых районов Средней Азии, которыми тогда владели потомки Тимура. В конце 80-х и в начале 90-х годов XV века Шейбани-хан в союзе с монголистанским ханом завоевал ряд городов, расположенных по Сыр-Дарье, в том числе город Туркестан.

Союз монголистанского хана с узбеками осложнил положение Казахского ханства, отношение которого к узбекскому хану оставалось глубоко враждебным. Эта вражда вызывалась не только старыми династическими спорами, но имела и свои экономические основания. Спор шел о том, кто будет владеть богатейшими пастбищами и городами, расположенными в районе Сыр-Дарьи. Казахи упорно стремились к обладанию ими. Сырдарьинские города, как наследие бывших династий Чагатая и Джучи, одинаково принадлежали как казахам, так и узбекам. Они были нужны тем и другим как центры ремесла, откуда можно было получать необходимые промышленные изделия.

Естественно, что поддержка, оказанная моголистанским ханом Шейбани-хану – ярому врагу Казахского ханства, повела к разрыву союза между казахами и Моголистаном. Но разрыв был непродолжителен. Усиление Шейбани-хана стало опасным не только для казахов, но и для моголистанского хана. Вскоре между казахами и Моголистаном были восстановлены прежние союзные отношения. Однако и в союзе с Моголистаном борьба казахов против узбеков была неудачна. В 1495 году узбеки в районе Заилийского Ала-Тау нанесли жестокое поражение казахскому войску. Казахи были вынуждены пойти на мир. Сырдарьинские города остались за победителями.

Разбив казахов, Шейбани-хан бросил все освободившиеся силы на тимуридов. К 1505 году власть тимуридов была свергнута. Узбеки завоевали всю Среднюю Азию.

Завоевание оседлых районов Средней Азии узбеками имело серьезные последствия для казахов. Центр владений узбеков отныне передвинулся в районы, расположенные между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

В эти районы переселилась часть племен, входивших в Узбекский союз, но другая часть племен осталась в степях Дешти-Кыпчака и присоединилась к Казахскому ханству. Вследствие этого пределы Казахского ханства отодвинулись далеко на запад и стали граничить с кочевьями ногаев.

В это время Ногайский улус был политически раздроблен. Отдельными районами ногайских степей управляли независимые владельцы – мурзы, враждовавшие между собой. Эту вражду использовали казахские султаны и постепенно включали в свои владения отдельные ногайские роды. Присоединение ногайских кочевых общин значительно усилило Казахское ханство. Из небольшого удела к концу XV века оно превратилось в обширное ханство, простиравшееся от Балхаша до реки Урал. Бывшие владения Белой орды, кроме городов, расположенных по Сыр-Дарье, вновь объединились под властью потомков Барака.

Но это обширное ханство не было централизованным государством. Между отдельными районами отсутствовали постоянные экономические связи. Единство Казахского ханства основывалось лишь на признании казахскими султанами вассальных отношений к хану. Без поддержки султанов хан был бессилен. Но и султаны нуждались в ханской власти, которая объединяла их и обеспечивала им господствующее положение в обществе.

Расширение Казахского ханства при Касыме. В конце XV века основная масса султанов признала ханом султана Касыма, храброго батыра и умного, предприимчивого дипломата. Султан Касым выдвинулся еще при жизни хана Бурундука. В сражении 1495 года с узбеками Касым командовал казахскими войсками. В начале XVI века Касым достиг такого влияния среди казахских султанов, что, по словам современников, уже тогда «никто не думал о Бурундуке». Касыма сравнивали с могущественным Джучи, сыном Чингиз-хана. Центром ханства Касыма были владения Белой орды. Кроме них, в его состав входили восточные кочевья ногаев и племена, кочевавшие в западных районах Моголистана. Дулаты, усуни, канглы признали власть Касым-хана. При Касыме Казахское ханство достигло обширных размеров и значительного могущества.

Касым стремился обеспечить целостность и независимость Казахского ханства. Ему пришлось выдержать длительную и упорную борьбу с узбеками. В начале XVI века эта борьба значительно обострилась. Укрепившись в оседлых районах Средней Азии, узбеки пытались сохранить прежнее господство и над кочевыми районами. Казахи, со своей стороны, не отказывались от намерения овладеть богатыми пастбищами в районе Сыр-Дарье и пограничными со степью торговыми-ремесленными городами Отрапом, Сауроном, Туркестаном.

Между тем Шейбани-хан препятствовал развитию торга казахов с оседлыми районами Средней Азии, считая для себя

выгодным поддерживать хозяйственную отсталость казахов. «Сегодня они не представляют себе, как живут и наслаждаются узбеки, – писал по этому поводу Рузбехан, приближенный Шейбани-хана, – и свою отсталую жизнь считают несравненно приятней, но если бы дошли до них наши хорошие и изящные изделия, то они стали бы мыслить по-другому».

В первые годы XVI века между узбеками и казахами происходили лишь мелкие стычки. В 1509 году дело дошло до войны. Война протекала с переменным успехом.

В январе 1510 года узбеки напали на владения Касыма в районе Улу-Тау и разгромили зимовки казахов. Уверенные в своей полной победе, узбеки не выставили даже караула. Касым воспользовался беспечностью врага и наголову разбил узбекское войско. В конце того же года в битве с персидскими войсками погиб непримиримый враг казахов – Шейбани-хан. Его преемники в течение последующих лет переживали значительные затруднения. Они вели тяжелую войну с Персией и одновременно боролись против тимуридов, которым удалось при поддержке персидского шаха снова захватить власть в Средней Азии.

Касым использовал ослабление своих противников. В 1513 году ему удалось занять город Сайрам. В том же году он предпринял поход на Ташкент. Однако этот поход оказался неудачным. Касым не сумел взять Ташкент. Вскоре узбеки, окончательно разбив тимуридов, восстановили свое могущество. Тем не менее узбекам не удалось экономически изолировать казахов. Между Казахским ханством и соседними районами Средней Азии установился в XVI веке оживленный торг. Центром торговли был город Сауран.

По отношению к Моголистану Касым придерживался неизменно дружественной политики. Касым видел в моголистанском хане противовес шейбанидам. В свою очередь, моголистанский хан был заинтересован в поддержке казахов.

Однажды он посетил Касыма в его ставке. Оба хана провели 20 дней за кумысом в дружеских беседах. При прощании в знак дружбы Касым по древнему обычанию подарил ноголистанскому хану одного из лучших скакунов из своего табуна.

Особенно большое значение для укрепления Казахского ханства имела политика Касыма по отношению к Ногайскому улусу. Ногайские мурзы вели между собой упорную борьбу. Из-за этого многие ногайские общинны бежали и отдавались под покровительство казахского хана. Касым охотно оказывал поддержку таким ногайским общинам. Он также установил близкие отношения с теми мурзами, которые противились на-метившемуся сближению между Ногайским улусом и Москвой. В то же время при Касыме начались первые дипломатические сношения Казахского ханства с Москвой. Такая политика Касыма не только содействовала территориальному расширению Казахского ханства, но и укрепляла за счет притока ногайцев его внутренние силы. Число казахов при Касыме достигло уже одного миллиона человек. Недаром в памяти народа период «ногайлы», т.е. тесного сближения казахов и ногайцев, запечатлелся как время могущества и расцвета Казахского ханства.

Последние годы правления Касыма были периодом внешнего и внутреннего мира в Казахском ханстве. Являясь одним из могущественных владельцев Дешти-Кыпчака, Касым не обострял без нужды отношений с другими султанами. Этим он достиг единства Казахского ханства на основе признания казахской знатью вассальной зависимости от хана. Народные предания рассматривают Касым-хана и как крупного законодателя. Однако в источниках не сохранилось указаний, какие именно изменения внес Касым в обычное право казахов.¹

¹ В начале XVI в. во время правления хана Касыма был разработан кодекс законов «Касым ханның қасқа жолы» – «Светлый путь хана Касыма», передававшийся из поколения в поколение в устной форме. Этим и объясняется отсутствие указаний о законодательной деятельности хана Касыма в исторических источниках. – Прим. ред.

Упадок Казахского ханства при преемниках Касыма.

После смерти Касыма Казахское ханство стало быстро клониться к упадку. Между султанами началась междоусобная борьба. Ханская власть досталась султану Тагиру, старшему брату Касыма. Тагир не сумел сохранить мирных отношений ни с ногайцами, ни со старым союзником Казахского ханства – Моголистаном. В 1525 году Тагир потерпел поражение от ногайцев, в результате чего потерял кочевья по реке Яику. Из-за этого Тагиру пришлось откочевывать на восток к Моголистану.

На новых кочевьях Тагир попытался подчинить себе киргиз, подвластных Моголистану. Вслед за тем, совместно с киргизами, Тагир совершил нападение на Моголистан и угнал большое количество скота. Это привело к резкому ухудшению отношений между Казахским и Моголистанским ханствами.

Тагир не сохранил также и внутреннего мира. По свидетельству современников, Тагир отличался большой жестокостью. Он угнетал народные массы, а к султанам относился с пренебрежением. В 1525 – 1526 годах против Тагира вспыхнуло крупное восстание. Большинство казахов покинуло Тагира. Он умер около 1533 года, как рассказывают современники, «в самом жалком состоянии», среди киргиз.

Преемник Тагира – его брат хан Буйдаш – был не более удачлив. При Буйдаше оказались последствия разрыва с Моголистаном. Моголистанский хан вступил в союз с узбеками, и в 1533 году соединенные силы узбеков и Моголистана нанесли казахам жестокое поражение. Ослабляли силы Казахского ханства также непрекращавшиеся усобицы между казахскими султанами. Вскоре Буйдаш-хан был убит. Вместе с ним погибли его родственники-султаны. Род Буйдаш-хана пресекся. В степи усилились междоусобицы и смуты. Былая мощь Казахского ханства была значительно ослаблена. В восточных районах казахские султаны превратились в вассалов моголистанского хана. Самостоятельные казахские владения

сохранились только на западе Казахстана, по соседству с Ногайским улусом. Но и здесь ряд султанов подчинился ногайским мурзам.

Роль Хакк-Назара в восстановлении Казахского ханства. Однако этот тяжелый период продолжался недолго. В казахском народе таились силы, благодаря которым стало возможным новое, еще более прочное, чем прежде, объединение. Стихийно то в одном, то в другом краю казахской степи создавались многочисленные отряды. Они еще не ставили перед собой определенной политической цели. Свое недовольство они выражали набегами на торговые пути, захватами караванов, угоном скота. Но, по сути дела, то был стихийный протест против чужеземного господства, борьба за собственную территорию. Объединил и возглавил эти разрозненные очаги борьбы казахского народа за независимость сын Касыма – Хакк-Назар. Свои детские и юношеские годы Хакк-Назар провел среди ногайцев. Там приобрел он военные навыки и развил свои таланты незаурядного полководца. Там же, среди ногайцев, Хакк-Назар подготовил почву для более тесного сближения между ногайцами и казахами.

В середине XVI века экономическое и политическое тяготение ногайцев к казахам значительно усилилось. Московская Русь после завоевания Казани и Астрахани вплотную приблизилась к ногайским кочевьям. Оказать сопротивление московскому царю ногайцы не могли. Они были слишком слабы и истощены бесконечными войнами, голодом, повальными болезнями. По свидетельству современников, ногайцы в 50-х годах XVI века дошли до последней степени разорения. Проехавшим в то время через ногайскую территорию иностранным путешественникам страна казалась необитаемой. Среди части ногайцев усилилось стремление сомкнуться с восточными соседями – казахами и узбеками и двинуться со своими улусами на восток.

Ногайские владельцы разделились на две враждующие партии. Одна из них, во главе с мурзой Исмаилом, представляла интересы западной части улусов, тяготевших к Москве. Другая, во главе с родным братом Исмаила мурзой Юсуфом, выражала стремление восточных ногайцев, кочевавших по левую сторону Урала и поддерживавших торговые и прочие связи со Средней Азией.

Партия Исмаила, в противовес Юсуфу, стояла за безоговорочное подчинение московскому царю. Войну с русскими Исмаил считал гибельной для ногайцев. Он писал Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои люди ходят к Москве; если я разорву с Москвой, то мне самому придется ходить голому, да и мертвым не на что будет саванов шить».

После падения Астрахани в 1557 году Юсуф окончательно порвал отношения с Исмаилом. Собрав своих сыновей и состоявшие в их подчинении улусы, он ушел за Урал и поставил себя под защиту казахов. Вслед за ним откочевали многие улусы – в Крым и в другие места.

Раскол среди ногайцев оказал большое влияние на политическую жизнь Средней Азии. С мурзой Исмаилом осталось небольшое количество ногаев. Казахи приобрели в лице Юсуфа мощное подкрепление. Казахское ханство снова заняло видное место среди среднеазиатских государств.

В конце 50-х годов Хакк-Назар был провозглашен казахами ханом – по стародавнему обычанию в его юрту внесли и разостлали на земле белую кошму; мулла прочел хотубу.¹ Четыре человека из среды знати, взявшиеся за четыре конца кошмы, подняли на ней нового хана.

Царствование Хакк-Назара продолжалось около 20 лет. За это время Казахское ханство приобрело значительную силу. Недаром казахские народные предания окружили Хакк-Назара особой славою. Башкирские предания даже приписывали ему

¹ Хотба, или хутбас, – мусульманская молитва, в которой упоминается имя царствующего государя: царя, султана и т.п.

господство над всеми ногайцами, башкирами, Казанью, Сибирью, Астраханью, Бухарой, Хивой и Ташкентом.

В действительности, хотя владения Хакк-Назара и не были столь обширны, он подчинил своей власти всю казахскую степь. Его влияние распространилось также на казахские кочевья в Моголистане. Когда моголистанский хан Абд-ур-Рашид попытался вытеснить казахов из Моголистана, Хакк-Назар дал ему вооруженный отпор. В одном из сражений в 1560 году Хакк-Назар наголову разбил войска Моголистана. Успехи казахов настолько обеспокоили моголистанского хана, что он собрал огромное войско и ценой больших жертв заставил Хакк-Назара отступить за пределы Моголистана.

С этого времени центр Казахского ханства передвинулся в центральные районы казахской степи. Отряды Хакк-Назара держали под постоянной угрозой Ташкент, взимая дань со всех проходящих караванов. Перед Хакк-Назаром трепетали ногайские мурзы, оставшиеся на прежних кочевьях. Его боялся даже сибирский хан Кучум. Как свидетельствует московский посол, Кучум опасался войны с Хакк-Назаром: «Одолеет меня царь казацкий, и если сядет на Сибири, то буду платить дань Московскому государю», – говорил он.

К 70-м годам XVI века вести о могуществе Хакк-Назара разнеслись далеко за пределами его ханства. В 1573 году Иван Грозный направил к Хакк-Назару своего первого посла. Но посол не доехал до Казахстана: по дороге он был захвачен в плен отрядами Кучума. В следующем 1574 году царь Иван IV даровал купцам Строгановым грамоту на право беспошлинной торговли с казахами. За установлением торговых связей последовали и политические сношения между Москвой и Казахстаном. В конце 70-х годов Хакк-Назар говорил, что он «с царем и великим князем в миру».

Союз с Бухарой и борьба с Баба-султаном. Наибольшую заинтересованность в сближении и даже в союзе с Хакк-Назаром проявил могущественный владетель Бухары, Герата и

Хорасана Абдулла, сын Искендер-хана. Видный государственный деятель и опытный дипломат, Абдулла видел в казахах серьезную военно-политическую силу. Абдулла стремился использовать эту силу для укрепления своей власти, особенно в тех сопредельных с казахской степью районах, где возникли мятежи со стороны непокорных вассалов. С этой целью Абдулла заключил с Хакк-Назаром «клятвенный договор», по которому обе стороны обязались поддерживать друг с другом мирные отношения.

В 1579 году крупный феодал Баба-султан восстал против Абдуллы. Силою захватив Ташкент, Баба-султан убил назначенного Абдуллой правителя Ташкента (своего старшего брата) и отложился от Бухары. Абдулла предпринял поход против мятежников.

Хакк-Назар поддерживал Абдуллу. Казахский хан в этом случае руководствовался не только «клятвенным договором», но и собственными государственными интересами. Для правящих классов как Бухарского, так и Казахского ханства Ташкент и сырдарьинские города представляли большой интерес как важные торговые центры. Кроме того, они привлекали казахов как объект военной добычи и как надежное укрытие на случай поражения в бою. Соперничество между казахами и узбеками приводило во второй половине XVI века к тому, что эти города приобретали значительную самостоятельность и фактически становились независимыми от бухарских ханов. До тех пор, пока казахи не могли полностью овладеть этими районами, они предпочитали, чтобы там сохранялась слабая власть бухарских наместников. Мятеж Баба-султана в случае его успеха в корне изменил бы положение Ташкента. В случае укрепления в Ташкенте власти Баба-султана там была бы установлена власть местного феодала, опиравшегося на солидную военную силу. Надежда захватить этот привлекательный центр для казахов была бы надолго отодвинута.

Поддержка казахов сыграла решающую роль в подавлении мятежа Баба-султана. В апреле 1579 года близ Ташкента Баба-султан потерпел поражение. Однако он сумел ускользнуть от преследования и скрылся в казахской степи. Стремясь разрушить союз Абдуллы с Хакк-Назаром, Баба-султан прибегнул к хитрости. Он сделал вид, будто покоряется Абдулле, и заключил с ним в августе 1579 года мир. Одновременно он заявил казахам, что уступает им города Туркестан и Сауран. Однако передача Туркестана и Саурана казахам вовсе не входила в планы Абдуллы.

Он рассматривал казахов как временных союзников и опасался их чрезмерного усиления. Союз между Абдуллой и Хакк-Назаром распался.

Баба-султан воспользовался моментом и весной 1580 года возобновил вооруженную борьбу против Абдуллы. Одновременно он решил уничтожить опасного казахского хана, на него тралигет которого положиться не мог.

В апреле 1580 года Баба-султан встретился на берегу реки Шерабхане с присланными Хакк-Назаром для переговоров представителями. Среди них были сыновья Хакк-Назара и другие казахские султаны. В результате переговоров было решено направиться совместно к Хакк-Назару в хансскую ставку. По дороге люди Баба-султана обнажили мечи и зарубили всех казахов. Тотчас после этого Баба-султан отправил вооруженный отряд в ставку Хакк-Назара. Ничего не подозревавший казахский хан был застигнут врасплох. Хакк-Назар разделил участь своих сыновей.

Казахские ханы под покровительством Бухары. Со смертью Хакк-Назара Казахское ханство лишилось энергичного руководителя. Казахским ханом сделался престарелый, немощный телом и духом восьмидесятилетний султан Сыгай. Он остался после Хакк-Назара старшим среди султанов и поэтому был провозглашен ханом.

Возраставшее могущество Абдуллы Бухарского и сознание собственного бессилия побудили Сыгая искать его покровительства. В 1581 году Сыгай со своим старшим сыном Тевеккелем и другими султанами явился в лагерь Абдуллы и формально поставил себя под покровительство бухарского хана. Однако казахские владения не вошли в состав Бухарского ханства. Они продолжали управляться султанами и жили своей обособленной от хана жизнью. Сыгай перестал непосредственно управлять государством. Сын Сыгая, Тевекель, оставаясь в лагере Абдуллы, возглавил борьбу против Баба-султана. Тевекель отличался исключительной отвагой. По свидетельству современников, слава о его храбрости распространилась по всему Дешти-Кыпчаку. Эта борьба против общего врага была единственным связующим звеном между Тевеккелем и Абдуллой. Во всем остальном, и в особенности в вопросе о последующей принадлежности Ташкента и городов по Сыр-Дарье, их политические стремления резко расходились.

В начале 1582 года Абдулла предпринял новый решительный поход против Баба-султана и его сторонников. Тевекель со своими отрядами сопровождал Абдуллу. На этот раз поход увенчался успехом. В августе 1582 года Тевекель представил Абдулле голову Баба-султана.

Так закончилась долголетняя борьба Абдуллы с мятежным ташкентским феодалом. Тевекель получил от бухарского хана в награду дорогую одежду, деньги и богатый удел – Африкент, бывший удел Искендер-хана, отца Абдуллы.

Завершение борьбы с Баба-султаном изменило характер отношений между казахами и Бухарой. Общей цели больше не существовало. Города Ташкент и Туркестан окончательно признали над собой власть Абдуллы. Последний перестал нуждаться в поддержке со стороны казахов. В свою очередь казахи, стремившиеся сами к обладанию этими районами, видели теперь в лице Абдуллы не союзника, а соперника.

В том же 1582 году умер хан Сыгай. Тевеккель еще несколько месяцев оставался при бухарском дворе, но в начале 1583 года без объяснения причин покинул Абдуллу и удалился к себе в Дешти-Кыпчак.

Правление Тевеккеля и завоевание им сырдарьинских городов. Тевеккелю, возвратившемуся на родину, пришлось с оружием в руках добиваться утверждения своих прав на отцовский престол.

Около трех лет боролся Тевеккель в Дешти-Кыпчаке за ханский титул. К 1586 году ему удалось сломить сопротивление большинства непокорных султанов. В отличие от времен Хакк-Назара, международное положение Казахского ханства при Тевеккеle было значительно более трудным. В 1583 году Абдулла после смерти Искендер-хана провозгласил себя главою всех шейбанидов. Его обширная монархия располагала крупными военными силами.

В этих условиях борьба за Ташкент, задуманная Тевеккелем, представлялась крайне трудным, почти безнадежным предприятием. Тем не менее Тевеккель упорно ставил ее главной целью своей внешней политики.

Первую попытку захватить Ташкент Тевеккель сделал в 1586 году. У Шерабхане его встретило ташкентское ополчение. Казахи были вооружены гораздо хуже ташкентцев. Они не имели даже панцирей. Защитой от стрел им служили лишь шубы и ергаки.¹ Поэтому ташкентцы сочли казахов слабым противником и бросились на них без всякой предосторожности. Но казахи стойко отразили написк и, перейдя в контратаку, быстро смили ташкентцев.

Несмотря на разгром ташкентского ополчения, Тевеккель все же не смог овладеть городом. На помощь Ташкенту спешно прибыло из Самарканда сильное войско под командованием брата Абдуллы. Тевеккель не решился принять бой и скрылся

¹ Ергак – одежда из лошадиной шкуры, обычно ношившаяся казахами.

обратно в степь. Отправленная за ним погоня потеряла его след.

Через два года, в 1588 году, Тевеккель снова попытался захватить Ташкент, на этот раз путем восстания, организованного его агентами в Ташкенте. Восставшие свергли бухарского наместника. Один из казахских султанов был провозглашен ташкентским ханом, но Абдулла быстро подавил мятеж. Ташкент остался под властью Бухары.

Неудача не обескуражила Тевеккеля. Он продолжал исподволь готовиться к новому выступлению. В поисках внешней поддержки Тевеккель обращался даже к московскому царю Федору Ивановичу. В 1594 году он направил в Москву своего посла. Ближайшим поводом для отправки посольства послужило желание Тевеккеля вызволить своего племянника, захваченного в плен одним русским воеводой в Сибири. Но, помимо того, посол Тевеккеля просил Годунова отпустить вместе с ним в Казахстан представителей персидского шаха, чтобы Тевеккель мог сговориться с ними о совместных действиях против Абдуллы. Посол вручил также царю грамоту от Тевеккеля, содержащую формальную просьбу принять казахского хана в московское подданство.

Царь Федор Иванович благосклонно отнесся к предложению Тевеккеля о переходе в московское подданство. Но окказать казахам реальную помощь далекая Москва не могла. Присланный к Тевеккелю в 1595 году вместе с возвратившимся казахским послом переводчик Вельямин Степанов привез ответную грамоту царя Федора – московский царь сообщал Тевеккелю, что принимает его в подданные, и обещал прислать «снаряд огнестрельный» (т.е. пушку). За это Тевеккель должен был своими силами смирить и Абдуллу Бухарского, и Кучума Сибирского, враждовавшего с Тевеккелем. Что же касается племянника Тевеккеля, то царь отпустит его лишь при условии, если Тевеккель взамен пришлет своего собственного сына в аманаты (заложники).

Таким образом, переговоры с Москвой закончились не так успешно, как того желал казахский хан. Тевеккель отказался от мысли о подданстве царю. Борьбу против Бухары он решил вести самостоятельно.

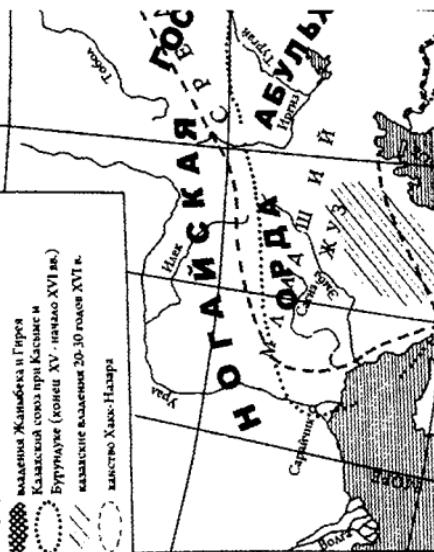
Благоприятная обстановка сложилась для казахов в 1597–1598 годах. Ханство Абдуллы вступило в это время в полосу острого политического кризиса. Разнородные элементы, входившие в его состав, стали стремиться к отделению от Бухарского ханства. Внутри самой ханской фамилии возникли раздоры. Против Абдуллы выступил его собственный сын, поддержанный многими феодалами.

Тевеккель-хан использовал ослабление Абдуллы. В начале 1598 года казахские отряды подошли к Ташкенту. Абдулла, надеясь на лучшее вооружение своего войска, выслал против Тевеккеля сравнительно небольшие силы. Бой произошел на дороге между Ташкентом и Самарканном. Бухарские войска потерпели жестокое поражение. Только жалкие их остатки вернулись в столицу.

Встревоженный этим событием, Абдулла прибыл в Самарканд, чтобы лично возглавить новое ополчение. Но вскоре Абдулла умер. На престол вступил его сын, но он был вскоре убит мятежными эмирами. Государство Абдуллы окончательно развалилось. В отдельных частях прежнего обширного ханства воцарились самостоятельные правители.

Завоевательные планы Тевеккеля были теперь значительно облегчены. Осенью 1598 года Тевеккель с многочисленным войском предпринял большой поход. В короткий срок он захватил Туркестан, Ташкент, Самарканд и дошел до провинции Мианкаль. Правителем Самарканда Тевеккель назначил своего брата султана Есима, а сам с армией в 80 тысяч человек отправился к городу Бухаре. Однако штурм и затем осада Бухары оказались неудачными. Небольшой гарнизон Бухары выдержал написк казахов, а затем совершил удачную вылазку

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

и нанес им тяжелое поражение. Тевекель, раненный в бою, отступил со своей армией к Самарканду. Здесь он, в том же 1598 году, скончался. Его преемник хан Есим заключил с Бухарой мир. Казахи потеряли Самарканд, но сохранили за собой Ташкент и Туркестан.

ГЛАВА VI

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА И ПОПЫТКИ ЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ТАУКЕ-ХАН

§ 10. Образование казахских жузов.

Усиление феодальной раздробленности в Казахстане.

Казахское ханство, пережившее расцвет при хане Касыме и возрожденное при ханах Хакк-Назаре и Тевеккеle, однако не было прочным объединением. Слабость внутренних связей проявилась впервые тотчас после смерти Касым-хана, когда междуусобная борьба феодалов привела молодое государство казахов к глубокому политическому кризису. Деятельность Хакк-Назара и Тевеккеля, направленная на воссоединение политически разорванных казахских племен, привела к возрождению Казахского ханства, хотя и в более узких границах, чем это было при хане Касыме.

Но и в конце XVI века внутренняя спаянность ханства оставалась слабой. Основное отличие относительно централизованных феодальных государств, каким было Казахское ханство при Касыме, Хакк-Назаре и Тевеккеle, от более ранних государственных объединений – таких, как империя Чингизхана, Киевское государство, империя Карла Великого, заключается в том, что в первом случае в основе единства лежит развитая система вассальных отношений, а не завоевание, как в дофеодальных государствах. Но по мере того, как в отдельных областях страны росли производительные силы, представители феодальной знати все сильнее и сильнее связывались с землей, увеличивались их права и власть над населением, росло их политическое влияние, и одновременно падало влияние и уменьшались права центральной власти. Обычно в первую

очередь отделялись от центральной власти наиболее отдаленные части феодального государства, где с наибольшей силой оказывалась экономическая, политическая и культурная обособленность от центра. Этот процесс феодального раздробления стал особенно заметен при преемниках хана Тевеккеля.

После смерти Тевеккеля ханом стал султан Есим (1598–1628 годы). Однако завоевать власть над всеми владениями Тевеккеля Есим сумел не сразу. В Ташкенте стал править другой султан – Турсун. Но Есим не отказывался от стремления объединить под своей властью все казахские роды. Обстановка, в которой пришлось править Есиму, была трудной. Пользуясь раздробленностью казахских владений, бухарский хан Имам-кули предпринял ряд попыток овладеть Ташкентом. В 1611 году Имам-кули начал поход против Ташкента. Однако по невыясненным причинам поход был прерван, и бухарские войска, дошедшие до Самарканда, были возвращены обратно. Предпринятые позднее, между 1613 и 1621 годами, походы против казахов окончились для Имам-кули неудачно. Несколько раз разбитый казахскими ополченцами, он должен был отказаться от притязаний на Ташкент. Руководящую роль в борьбе с узбеками играл не Турсун, а Есим. Стремясь к объединению казахских владений, Есим-хан неизбежно должен был столкнуться и с Моголистаном, под властью которого оставалась значительная часть восточных кочевий казахов. Он совместно с киргизами поддерживал внутренние смуты в Моголистане. В 1610–1611 и в 1617–1620 годах он оказывал активную поддержку сыну моголистанского хана Абд-ур-Рашида, при котором в 60-х годах XVI века потерпел жестокое поражение Хакк-Назар, – Абд-ар-Рахиму, восставшему против правившего в Моголистане владетеля Чалыша и Турфана. Упорную борьбу пришлось выдержать Есим-хану и с ойротскими калмыками, возобновившими в начале XVII века свои нападения на восточные области Казахстана. Активная дея-

тельность по воссоединению разрозненных владений казахов и их защита от внешних врагов неизбежно привели Есим-хана к столкновению с владельцем Ташкента Турсуном, тем более что по старшинству первенство среди султанов принадлежало не Есиму, а Турсуну. В 1627 году это столкновение произошло, и Турсун был убит. Есим-хану удалось достигнуть объединения владений Хакк-Назара, но на очень короткий срок. После его смерти процесс феодальной раздробленности продолжал развиваться.

Народные предания приписывают Есиму изменения в обычном праве казахов, рисуют Есим-хана как законодателя. Однако, как и для законодательной деятельности Касым-хана, остается неизвестным, какие именно изменения в право казахов внес Есим.

Образование казахских жузов. Ко времени Хакк-Назара народные предания казахов относят образование казахских жузов. Действительно, до второй половины XVI века источники не упоминают о существовании жузов. Вопрос об образовании жузов является одним из наиболее трудных в истории казахского народа. Никаких прямых письменных источников по этому вопросу не сохранилось. Однако косвенные данные позволяют в основных чертах восстановить процесс формирования жузов. Было бы ошибочным проводить историческую аналогию между этим процессом и военным устройством ряда тюркско-монгольских государств с их делением на крылья или сотни. Ряд исторических данных позволяет понять, что в образовании казахских жузов мы имеем дело не с военной организацией Казахского ханства, а с процессом его политического распада, характерным для феодального общества.

После поражения, нанесенного в 60-х годах XVI века Хакк-Назару моголистанским ханом, политические связи между казахами, кочующими в пределах Моголистана, и казахами владений Хакк-Назара порвались. Семиреченские казахи, за-

нимавшие обособленный район кочевий и не связанные политически с расположенным западнее казахскими общинами, постепенно обособились в отдельное государство. Это государство получило название Старшего жуза (Улу-жуз). В него входили наиболее древние племена, из которых выросла казахская народность: усуни, канглы, дулаты. Казахи Старшего жуза долгое время называли себя усунями.

Казахские общины, оставшиеся под властью Хакк-Назара и его преемников, занимали пространства по Сары-Су, Сыр-Дарье и по Ишиму. Сведения об этих казахских кочевьях содержатся в одном старинном географическом описании, изданном в начале XVII века в Москве под названием «Книга Большого Чертежа». Политическая жизнь этих общин была оторвана от жизни Старшего жуза. Государство Хакк-Назара тяготело больше к владениям шейбанидов, т.е. к наиболее оседлым районам Средней Азии. Связи с этими районами еще более укрепились после завоевания Ташкента, Туркестана и других сырдарьинских городов казахами. К государству Хакк-Назара тяготели также западные казахские общины, связанные с Ногайским улусом. Но политическая активность преемников Хакк-Назара – Тевеккеля и Есима – была направлена не на запад, а в сторону Средней Азии. Поэтому связи западных общин с государством Хакк-Назара были в конце XVI века ослаблены. В XVII веке в западных районах Казахстана укрепилась собственная династия – из потомков Осека, одного из сыновей Жаныбека, – считавшаяся младшей фамилией по сравнению с потомками Хакк-Назара. Так произошло выделение западной части казахских общин в особое государство. Это государство получило название Алчин – по имени племени алчин, ранее входившего в состав Ногайского улуса. Впоследствии его стали называть Младшим жузом (Киши-жуз), а государство потомков Хакк-Назара – Средним жузом (Орта-жуз). Все эти названия сложились в XVII веке.

Этот процесс политической раздробленности закреплялся хозяйственными условиями – в основном обособленностью районов кочевий отдельных жузов. Общины Старшего жуза занимали паства в Семиречье, в восточной части течения Сыр-Дары и к югу от реки Чу. Здесь существовали и земледельческие районы. Другая часть общин, составивших Средний жуз, кочевала зимой по реке Сары-Су и в низовьях Сыр-Дары, а летом – по Иртышу, Тоболу и Ишиму. Третья, западная часть казахских общин, которые вошли в Младший жуз, имела летние кочевья в районе Актюбы, а зимние – по Илеку и Уралу.

При натуральном хозяйстве, при отсутствии постоянных экономических связей между районами, обособленность кочевий закрепляла процесс политического обособления трех указанных групп казахских общин. Здесь происходил тот же процесс, какой переживала Золотая орда, распавшаяся на отдельные владения в конце XIV и в XV веке.

Между Средним и Младшим жузами долгое время, еще в 30-х годах XVIII века, существовала политическая связь. Она выражалась в совместных съездах знати. Старший жуз жил обособленной жизнью, но и в Старшем жузе не была забыта прежняя, более чем столетняя, связь между всеми казахами. Население Старшего жуза, несмотря на политическую обособленность, всегда причисляло себя к казахской народности. Оно сохранило казахский язык, казахскую культуру, само название своей народности. Этому способствовали и однородность хозяйственного и общественного быта, и общность культурных традиций, особенно народного творчества. Этому же способствовала общая длительная борьба с новым врагом, появившимся в XVII веке на восточных границах кочевий, – государством калмыков-ойротов.

Борьба с ойротами. С начала XVII века над казахстанскими степями снова нависла опасность иноземного завоевания.

У восточных границ Казахстана стало возвышаться возникшее еще в конце XIV века ойротское государство, которое в XVII – XVIII веках в исторических памятниках обычно называется Джунгарией. Ойроты-калмыки, отличавшиеся физической силой, ловкостью и выносливостью, оказались неустрашимыми завоевателями. Они совершали стремительные набеги. О калмыках говорили, что они «в быстроте передвижения родственны ветру и опережают пыль из-под копыт своих собственных лошадей». Вплоть до середины XVIII века продолжались их опустошительные набеги. От них страдали все народности, населявшие степи и горы на обширной территории от Алтая до Северного Кавказа.

Особенно много бедствий испытали казахи. Им пришлось отстаивать от калмыцких набегов свои исконные земли – плодородное Семиречье. В середине XVII века ханом казахов был Жангир, сын Есима и племянник Тевеккеля. Перед лицом угрозы калмыцкого нашествия он решил прекратить вражду с Бухарой. Жангиру удалось убедить бухарского хана в необходимости совместной борьбы с калмыками. Между Казахским и Бухарским ханствами был заключен союз.

В 1643 году пятидесятитысячное войско калмыков вторглось в пределы Казахстана. Нападение было столь неожиданным и стремительным, что Жангир успел собрать лишь небольшой отряд в 600 казахов. С этой горсткой смельчаков Жангир решился приостановить продвижение многотысячной вражеской армии. Отряд казахов умело воспользовался гористой местностью и своими небольшими силами задержал противника в горных ущельях. Враг при этом понес значительный урон. Когда же приблизились союзные с казахами войска бухарского хана, калмыки вынуждены были отступить. За мужество и военные победы казахи прозвали Жангир-хана «салқам» (внушительный).

Военные и дипломатические успехи Жангир-хана дали казахам возможность отстоять свою политическую незави-

симость. Все же калмыки завладели некоторой частью Семиречья.

Тауке-хан и его борьба за объединение казахского государства. После смерти Жангира ханом казахов сделался его сын – Тауке (1680 – 1718 годы). С первых дней правления Тауке-хан был вынужден сосредоточить все свои силы на укреплении политического единства казахов и на борьбе с калмыками. В 1681 – 1684 годах калмыки опустошили весь юг Казахстана. Перед превосходящими силами противника казахские города один за другим сдавались на милость победителей. Долго держался город Сайрам. Только после трехлетней борьбы в 1684 году калмыкам удалось ворваться в город. Сайрам был ими сильно разрушен.

По примеру своего предшественника Тауке-хан стремился поддерживать мир с Бухарой. С другой стороны, бухарские ханы понимали, что в случае подчинения Казахстана ойратам немедленно начнется наступательное движение ойротов против Бухары. Поэтому отношения между Бухарой и казахами имели при Тауке-хане мирный характер. Лишь изредка происходили мелкие столкновения.

Временные военные неудачи, выразившиеся в потере Семиречья и в разорении окрестностей Туркестана, объяснялись внутренним состоянием казахского государства. Тауке-хан занял отцовский престол по наследству. Но, как всегда бывало в начале каждого нового царствования, не сразу все султаны и роды признали власть нового хана. Только во второй половине своего царствования Тауке-хан сумел закончить объединение всех трех жузов. Внешняя угроза содействовала восстановлению политического единства казахского государства. Она побуждала султанов поддерживать хана.

Не только внешняя опасность, но и внутренние причины способствовали объединительной деятельности Тауке-хана. К концу XVII века процесс феодализации в Казахстане углубил-

ся. Наряду со старой феодальной знатью, так называемой «белой костью» – потомками Чингиз-хана, вырастал в результате этого процесса новый слой феодалов в лице биев и военной знати. Представители этого нового феодального слоя могли добиться значительного влияния лишь в борьбе со старой феодальной знатью. Это заставляло их искать опоры и поддержки со стороны ханской власти и стремиться к ее усилению и централизации. Таким образом, объединение большей части Казахстана под властью хана Тауке совершилось на несколько новой социальной основе, чем в XVI веке при Касым-хане, Хакк-Назаре и Тевеккеле.

Государственное объединение казахов еще никогда до этого не было столь сплоченным и сильным, как в царствование Тауке-хана. В этом убедились калмыки, когда они в 1710–1711 годах предприняли свое второе крупное наступление на Казахстан. Тауке-хан дал калмыкам-ойротам сильный отпор. В 1711–1712 годах казахи сами вторглись в пределы калмыцких владений. Они разорили дотла множество кочевий пограничных калмыков, перебили мужчин и увезли в плен женщин и детей. В 1713 году калмыки выслали против казахов трехтысячное войско, но и на этот раз потерпели поражение. Войско возвратилось в Джунгарию с большими потерями. Китайские послы, посетившие Джунгарию в 1714 году, отмечали чрезвычайную бедность калмыков, вызванную неудачнойвойной против казахов и постигшим страну калмыков неурожаем.

Отношения Тауке-хана с Россией. В период правления Тауке-хана осложнились отношения между казахским и русским государствами. Русские владения в районе Тюмени постепенно приближались к границам кочевий казахов. Казахи на продвижение русских отвечали нападениями. В 1680–1682 годах казахи совершили набеги на русские поселения у Ямышевского озера, на Тарханский острог (в Тобольском уезде), на Утецкую и Ялуторовскую слободы. Вооруженные столкно-

вения, а еще больше торговые интересы России побудили Петра I послать к Тауке-хану посольство во главе с Федором Скибины. Петр I придавал большое значение дипломатическим переговорам с Тауке-ханом, считая Казахстан «воротами» для русской торговли со Средней Азией и Индией. Посольство проехало через весь Казахстан и посетило Тауке-хана в городе Туркестане. Однако это посольство не дало ожидаемых Петром результатов. На заседании совета старейшин при хане одержали верх сторонники войны с Россией. Русских послов задержали как военнопленных, и лишь с большим трудом им затем удалось выехать в Бухару, а оттуда в Россию.

Отношения между Тауке-ханом и Россией улучшились на новом этапе борьбы казахов с ойротами. После ряда поражений калмыки снова начали теснить казахов. В связи с этим Казахское ханство оказалось больше, чем прежде, заинтересованным в установлении мира с Россией. В 1715 году между русским правительством и Тауке-ханом начались переговоры об обмене пленными, а через два года, в 1717 году, Тауке-хан и подчиненные ему султаны обратились к русскому правительству с просьбой о военной помощи против ойротов. Возник даже вопрос о принятии казахами российского подданства. Петр I немедленно отдал распоряжение сибирскому губернатору помочь казахам в борьбе с ойротами. Но в 1718 году Тауке умер, и переговоры с Россией прервались.

Во время персидского похода (в 1722 году) Петр I задумал послать к казахам новое посольство во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел Тевкелевым. Он приказал Тевкелеву всеми способами добиваться, чтобы казахи изъявили согласие стать русскими подданными. На худой конец царь согласен был примириться даже с номинальным подданством казахов: «И буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона издержать, но токмо, чтобы только одним листом под

протекцию Российской империи быть обязать». Однако осуществить планы об утверждении русской власти над Казахстаном Петру не удалось.

Наряду с этими дипломатическими мерами Петр I предпринял попытки вооруженного захвата среднеазиатских земель. В 1714 году из Астрахани в Хиву был послан вооруженный отряд князя Бековича-Черкасского. Этот поход закончился гибелью всего отряда. Более успешным было продвижение русских по Иртышу. В том же 1714 году к Ямышевскому озеру была отправлена вооруженная экспедиция под руководством пленного шведского офицера Бухгольца. Построив там крепость, русские под давлением калмыков вынуждены были затем отступить. Крепость была разрушена. В 1716 году была заложена крепость Омск в устье реки Оми. В следующем году началось строительство крепостей Ямышевской и Железинской, а в 1720 году – Семипалатинской. Тогда же был основан Устькаменогорск. Все эти крепости послужили началом так называемой Иртышской военно-пограничной линии, ставшей потом опорной базой для постепенного продвижения царских войск в Казахстан.

§ 11. Законы Тауке-хана.

Необходимость изменений в области права казахов. Во внутренней политике хан Тауке сделал попытку разрешить ряд крупных общественных и политических вопросов в жизни казахских жузов. Для этого понадобились изменения в области права. По мере того как развивались отношения эксплоатации и частной собственности, обычное право казахов, сложившееся задолго до Тауке, стало отставать от потребностей казахского общества. Это обычное право знало, например, только родовые тамги для охраны родовой собственности на скот. Между тем, уже преобладала частная собственность отдельных семейств, и ее также нужно было защищать. Не были закреплены права от-

дельных общин на районы кочевий. Отсюда возникали постоянные столкновения между родами, что тяжело отражалось на скотоводческом хозяйстве и ослабляло внутреннюю устойчивость государства. Нельзя было содержать растущий государственный аппарат на «добровольные» приношения в пользу биев, сultанов и ханов, предусмотренные обычным правом. Нужно было вводить налоги. Для укрепления государственной власти нужно было, далее, усилить роль государства в деле суда. Между тем, обычное право давало спорящим сторонам возможность выбирать себе в судьи любого человека без всякого вмешательства государственной власти. Устаревшее обычное право, наконец, не определяло прав и обязанностей различных групп растущей знати, которая добивалась участия в управлении государством.

Тауке-хан видел это несоответствие обычного права с новыми условиями жизни. Он решил обновить устаревшие нормы обычного права и узаконить такие нормы, которые отвечали бы этим новым условиям. Совместно с пользовавшимися в народе исключительным влиянием Толе-бием, Казбек-бием и другими прославленными биями Тауке-хан составил свод обычного права, называемый «Жеті жарғы». Этот свод не был законодательным актом, а, скорее, записью обычного права. Но в этом своде положения древнейшего, освященного веками, обычного права уже сочетались с нормами, вызванными потребностями нового времени. Например, торжественно признавая право мести, законы Тауке всячески ограничивали его, устанавливая для большинства случаев замену мести выкупом. Вместе с тем Тауке выступал как продолжатель дела своих великих предков и свою законодательную деятельность освящал авторитетом старины.

Свод законов Тауке. Свод Тауке в целом до нас не дошел. Сохранились лишь явно неполные записи законов Тауке, сделанные в начале XIX века русскими чиновниками со слов казахских старшин. Вспомогательным источником для ознакомления с законами Тауке могут служить также народные предания, по-

словицы и поговорки казахского народа, в форму которых часто облекались нормы обычного права. Восстановить точный и полный текст законов Тауке сейчас не представляется возможным. Однако и имеющихся материалов достаточно для того, чтобы ясно представить себе основное содержание этих законов.

Тауке стремился, прежде всего, к укреплению государственной власти. Для этого нужно было устраниćе междоусобия, ограничить самостоятельность отдельных султанов и старшин и подчинить их хану. Поэтому Тауке, как задолго до него Чингиз-хан, постановил, чтобы все султаны и бии собирались каждую осень в степи для решения государственных дел, куда приезжал и сам хан. Осенние собрания происходили в горном районе близ Сайрама и Ташкента. Излюбленным местом съездов считалась возвышенность Куль-Тюбе. На собраниях обсуждались основные вопросы хозяйства и политики ханства, разрешались наиболее серьезные межродовые споры, решались вопросы о войне. Никто не мог отменить принятых постановлений до нового съезда. Одновременно эти собрания являлись военными смотрами. Тауке-хан требовал, чтобы на съезд все приезжали вооруженными. Нарушители лишались права голоса и уступали младшим свои места, принадлежавшие им по старшинству рода.

Постоянным органом представительства знати при хане был совет старейшин. Такие советы собирались и до Тауке. С конца XVII века исторические памятники начинают говорить о совете биев как о постоянно действующем учреждении, которое занималось законодательной и судебной деятельностью. Образование такого совета соответствовало росту государственной власти и стремлению ее превратить родовые учреждения в органы феодального государственного аппарата.

Совет старейшин ограничивал власть хана, вынуждая его считаться с волей знати. Вместе с тем этот совет обеспечивал хану поддержку знати во всех решениях, принятых с согласия

старейшин. Поэтому без согласия совета старейшин хан не принимал никаких важных решений. Отсюда возникла поговорка, что «у хана ум сорока человек».

В законах Тауке подчеркивается, что право суда принадлежит лишь органам государственной власти. Судить должен либо сам хан, либо бии тех общин, к которым принадлежали истец и ответчик. Сосредоточение судебной власти в руках биев усиливало их роль в общине и власть над населением. От прежнего порядка свободного выбора сторонами судьи-посредника оставалась только обязанность судьи приглашать к разбирательству еще и избранных сторонами двух посредников.

Взяв в свои руки осуществление суда, хан и бии не довольствовались уже теми добровольными приношениями, которые ранее получал за посредничество свободно избираемый сторонами бий-посредник. Законы Тауке устанавливали обязательный и очень высокий размер судебной пошлины – 16 процентов от суммы иска.

Рост и укрепление государственного аппарата были неизбежно связаны с введением налогов. Тауке и ввел такой постоянный ежегодный налог в размере $\frac{1}{20}$ всего имущества в пользу хана и биев.

Желание укрепить государственный порядок влечет за собой в законах Тауке стремление ограничить и устраниТЬ самоуправство потерпевших, в частности, принцип кровной мести – убийство за убийство, равное увечью за увечье. Законы Тауке еще провозглашают его главным принципом всей правовой системы казахов. Но наряду с этим предоставляется право судьям и родственникам, не желающим мстить, заменять смертную казнь за убийство уплатой «куна», т.е. имущественного вознаграждения. Размер куна зависел от социального положения убитого. Уплатой куна можно было заменить смертную казнь за изнасилование или увоз чужой жены без ее согласия.

Все же и при Тауке государственная власть не была достаточно сильной для того, чтобы обеспечить принудительное осуществле-

ние судебных решений. Она не могла гарантировать даже приведения своих же решений в исполнение. Для этого аппарат государства был еще слишком слаб. Поэтому государственная власть допускала самопомощь сторон. Например, если виновный и его сородичи (которые всегда несли коллективную ответственность) отказывались выполнить постановление суда, не возвращали похищенного имущества или не платили куна, то потерпевший, один или при содействии своих сородичей, имел право захватить скот ответчика и его родственников в количестве, соразмерном иску. Такое узаконенное насилие называлось «барымта».

Оно не считалось воровством. Но этот способ был доступен, главным образом, богачам, которые пользовались поддержкой многочисленных родственников и зависимых людей. Бедноте барымта была не по силам. Бедняки лишь убеждались, что «с богатым нельзя ссориться, с деревом бороться».

Общественное неравенство получило четкое выражение и защиту и в ряде других постановлений законов Тауке. Закон давал хозяину неограниченное право жизни и смерти над рабом. Жалобы рабов на господина вовсе не принимались. Жизнь раба охранялась законом лишь постольку, поскольку смерть раба наносила имущественный ущерб его господину. Но и в этом случае жизнь раба оценивалась дешево и приравнивалась к стоимости беркута или охотничьей собаки. За убийство же султана или ходжи кун взыскивался в семь раз больший, чем за убийство рядового свободного казаха.

Закрепляя общественное неравенство, типичное для феодально-патриархального строя, законы Тауке неоднократно подчеркивают неполноправие казахской женщины. Жизнь женщины оценивается в 500 баранов, в то время как жизнь свободного мужчины оценивается в 1000 баранов. В некоторых отношениях закон даже приравнивает женщину к рабыне, устанавливая, что женщины, подобно работникам, служам и рабам, не допускаются к свидетельству в суде.

Такое положение женщины совершенно понятно, поскольку законы Тауке всеми силами стремятся укрепить господствующую форму патриархальной семьи. Они стоят на страже прав и интересов главы этой семьи, мужа или отца, неограниченно господствующего над женами и детьми. Смерть ждет жену, уличенную в нарушении супружеской верности. Если жена уйдет от мужа, то похититель ее должен уплатить мужу калым и сверх того доставить ему еще девицу без калыма. Тяжкое и позорное наказание ждет сына, оскорбившего отца. Его сажают на черную корову лицом к хвосту, навязывают на шею черный войлок и нещадно бьют плетью. Но родители не наказываются вовсе даже за убийство своих детей, и какое бы преступление ни совершил глава семьи, жена и дети не должны доносить на него, потому что «на старших в семействе не дозволено доносить».

В основе всей этой системы классовых привилегий и патриархально-феодального семейного деспотизма лежала частная собственность патриархальной семьи, все углублявшееся имущественное неравенство, на почве которого сложилась казахская феодальная знать. Основной интерес этой знати, в том числе родовых биев, заключался в защите частной семейной собственности на скот. Регулирование споров о скоте составляло один из самых важных разделов законодательства Тауке. Предание приписывает ему замену общеродовой тамги семейной тамгой – для того чтобы отличать скот, принадлежащий отдельным семьям. Он установил порядок взыскания как приблудного скота, так и скота, захваченного путем барымыты. Насколько далекошел процесс развития частной собственности, видно из того, что законы Тауке знают уже и право завещания, т.е. право главы семьи распорядиться имуществом на случай своей смерти.

Используя старинное право степных владык, право распоряжения пастбищами, Тауке, по преданию, распределил районы кочевий между родами, чтобы устраниТЬ межродовые споры. Таким образом, хан закрепил за собой и казахской феодальной

знатью типичное для феодальной собственности верховное право распоряжения решающим условием производства.

Вся эта система патриархально-феодальных отношений поддерживалась в законах Тауке репрессиями, угрожающими всякому нарушителю прав собственника. Защита собственности имела в виду, главным образом, защиту частной собственности на скот как основу богатства казахской знати. Законы Тауке требовали от вора возврата украденного в двадцатисемикратном размере («трижды девять раз»). Если же был украден скот, то виновный должен был придать сверх того к верблюдам пленника, к лошадям верблюда, к барану одну лошадь.

Таково основное содержание законов Тауке. Главное в них – это защита интересов казахской феодальной знати, защита ее жизни, собственности и политического господства. Вместе с тем, записывая древнее обычное право казахов, законы Тауке укрепляли господствующие формы патриархально-родового быта, вносили в жизнь казахского общества некоторые элементы законности, ослабляли тяжесть непрерывных междоусобий, усиливали элементы правопорядка. Поэтому законодательная деятельность Тауке заслужила в народной памяти высокоположительную оценку. В начале XIX века казахи вспоминали время Тауке как время, когда существовал порядок, были законы и правосудие, которые остановили кровопролитие гибельных междоусобиц и дали спокойствие народу. Тауке был вторым и единственным после Жаныбека ханом, который вошел в историю казахского народа с почетным званием «әз», – благословенный.

ГЛАВА VII

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА В XVI – XVII ВЕКАХ

§ 12. Хозяйство казахов.

Скотоводство. Обширные степи Казахстана способствовали развитию скотоводства. В хозяйственной жизни казахского народа первое место занимали овцы. Баранина служила основной пищей казахов. Из овечьих шкур изготавливались шубы и кожаные штаны (жарғак шалбар), а из шерсти – войлок (кошма). Овцы служили предметом обмена с соседями. За овец казахи получали металлы, оружие и украшения. Овцы заменяли деньги, и стоимость всех товаров определялась количеством баранов.

Не меньшее значение в хозяйстве кочевых племен имела лошадь. Самым ценным качеством казахской лошади считалось ее умение табеневать, т.е. добывать себе корм из-под снега. Лошадь служила казаху также и основным средством передвижения. Конина являлась распространенным мясным блюдом, а кумыс, изготавляемый из кобыльего молока, был любимым напитком.

Помимо овец и лошадей, казахи разводили верблюдов, коз, а в южных районах Казахстана также крупный рогатый скот.

В условиях Казахстана скотоводство было сопряжено с необходимостью распределять пастбища на летовки (жайлау), осенние стойбища (кузеу) и зимовки (қыстай), обычно расположенные на значительном расстоянии друг от друга.

Стада осенью перегонялись в более южные места, а с наступлением весны переходили на летовки в более северные районы.

Зимовки, т.е. места, на которых скот кормился зимой, выбирались самым тщательным образом. Хорошей зимовкой счи-

талась степь, обильная кормовыми травами и расположенная так, чтобы господствующие северо-восточные и юго-западные ветры сдували с земли снег. Только на таких пастбищах скот находил себе зимой корм без посторонней помощи. Наиболее подходящими зимовками считались местности, закрытые от зимних вынужденных песчаными барханами и камышами. Лучше всего для этой цели подходили степи, расположенные между Каспийским и Аральским морями, пески Барсуки и Кара-Кум, а также низовья Сыр-Дарьи и Урала.

В районах Среднего и Младшего жузов средний размер перекочевок составлял 700 – 900 километров. Некоторые племена совершали ежегодные переходы на расстояние свыше 1000 километров. Менее отдаленными были кочевания скотоводов в районе Старшего жуза в Семиречье. В Южном Казахстане на сравнительно небольших расстояниях друг от друга расположены разнообразные климатические и растительные зоны. На расстоянии 200 – 300 километров здесь можно встретить самые различные ландшафты, начиная от песков пустыни и кончая альпийскими лугами, расположенными на склонах высоких гор, вершины которых покрыты вечными снегами.

Жизнь кочевников-скотоводов была сопряжена с большими опасностями. Хищные звери угрожали стадам на каждом шагу. Кочевникам приходилось постоянно спорить с соседями из-за пастбищ и путей перекочевок. В зимнее время в степи нередко после оттепели наступало сильное похолодание. Земля и снег покрывались толстой ледяной коркой, против которой были беспомощны даже твердые копыта казахской лошади. Стада оставались без корма и погибали в течение нескольких дней. Такой массовый падеж скота от гололедицы получил название «жүгт». Жут превращал самого богатого скотовода в неимущего бедняка.

Подобная же участь ожидала кочевника в случае больших заносов, когда глубокий снежный покров мешал скоту добыв-

ъ корм. На случай подобных бедствий заготавливались не-
тьшие запасы сена и камыша, но их хватало ненадолго. Тог-
на помошь стадам спешили люди. Мужчины и женщины
юслие и дети, все без исключения направлялись в тесные
чные места. Вооруженные лопатами, мотыгами, топорами
льями и чем попало, люди разбивали лед и разрывали снег
обы дать скоту возможность достать себе корм. Но и это не
егда помогало. Отсюда возникла казахская поговорка: «Бо-
тырь гибнет от одной пули, а богач от одного бурана».

Приблизительно треть года (с ноября по март) стада проводили на зимовках.

В середине марта начинались подготовительные работы
з переходу на летние пастбища. В назначенный день навьючи-
лись на верблюдов легкие дорожные кибитки (желма-үй)
и летние малые кибитки (туырлык-үй). В продолжение многих
жарких казахи выработали тип кибитки, которая в техническом
исполнении являлась прекрасным сооружением переносного
илища. На сборку кибитки уходило 15 – 30 минут, столько же
времени требовалось, чтобы ее разобрать и положить на спи-

Перекочевка богатого аула

ну верблюда. Все до мелочей было рассчитано для того, чтобы уменьшить тяжесть и сберечь строительный материал – редкое в степи дерево и дорогую кошму. В результате длительных усилий казахи научились строить свои кибитки так, что они хорошо защищали их от степного зноя, ночной прохлады, ветра, дождя и пыли. Кибитка среднего размера весила не более 160–200 килограммов и легко помещалась на двух верблюдах. Только крытые белой кошмой роскошные и большие кибитки султанов и богачей отличались большим весом. Каждая из них перевозилась на 20–30 верблюдах.

По-праздничному наряженные женщины размещались вместе с детьми и домашним имуществом на верблюдах. Они открывали торжественное шествие скотоводческого каравана. За верблюдами следовали остальные стада животных, находившиеся под надзором и охраной мужчин, ехавших верхом на лошадях. Вперед высыпалась конные дозоры, чтобы выведать о безопасности пути и о состоянии трав и наметить места остановок, необходимых для отдыха и пастьбы скота. Подобный способ передвижения кочевников был возможен только ранней весной, когда повсюду в степи сохранялась еще снежная вода. Тогда ежедневные переходы не были утомительными ни для стад, ни для людей. Через каждые 10–15 километров можно было легко устроить остановку. Но с усилением жары и исчезновением воды передвижение становилось более трудным. Скотоводческие караваны вытягивались в виде длинной цепочки, следуя через степи по дорогам, проложенным от одного колодца к другому.

При приближении к летним пастищам каждая скотоводческая община, руководимая старшинами, спешила занять лучшее место. Разведчики украдкой от соперников ездили на следующую стоянку и перевязывали у водопоя траву. Если трава перевязана или если на земле начерчена тамга, т.е. особый знак для обозначения родовой собственности, никто другой не имел

я на этом водопое. Одновременно с колод-
считалось занятым расположенное близ него

ерна

На летовках весь скот общи-
ны содержался вместе до тех
пор, пока для овец, верблюдов
и лошадей было достаточно
травы. Когда же замечали, что
или стадо овец, или верблюды,
или табун лошадей перестава-
ли добреть и нагуливаться, то
стада разъединялись. На летних
кочевьях оставались обычно с
июня по сентябрь. Ко второй по-
ловине сентября рассыпавшие-
ся стада аулов собирались снова
вместе на стоянках, и скотовод-
ческая община направлялась на
юг, к местам зимних пастбищ.
зимним пастбищам, представители общины
ут соперников поставить на месте, где предпо-
знак лопатой – доказательство, что место уже

На обширной территории Казахстана издавна
йоны интенсивной земледельческой культуры.
ный Казахстан, примыкающий к Сыр-Дарье,
онами оседлого земледелия. Посевы казахов-
звнейших времен были сосредоточены в рай-
Ангрена, Чирчика, Арыси, в долинах Кара-Тай,
епи, в Зайсанской долине. О довольно широ-
изахских жузах земледелия говорят как литера-
зи, так и народные предания. Так, один автор
азывает в своих стихах:

Большой жуз издревле сыт хлебом:
Они, не желая покидать золотые долины Ала-Тау,
Отошли от Средней орды,
Обитая на своих давних местах
В долинах Арыси, Таласа и Чу.

Искусственное орошение и тщательная обработка почвы обеспечивали высокие урожаи. Районы оседлого земледелия встречались также и на севере. Еще в XIX веке путешественники по Северному Казахстану находили следы старинной сети оросительных каналов, для которой использовалась вода из местных рек. Но эти древние очаги культуры были в значительной части разрушены в XIII–XIV веках, в период монгольского завоевания. Граница оседлой земледельческой культуры передвинулась далеко к югу от реки Чу. В Семиречье встречались в это время отдельные разрозненные очаги земледелия. В XVII веке нападения калмыков-ойротов разрушили большую часть этих очагов. Упадок оседлого земледелия продолжался также в начале XVIII века в результате военных действий и вынужденных перемещений казахского народа во время нашествия калмыков в 20-х годах XVIII века. Позднее, в первой половине XIX века, оренбургские губернаторы также искоренили земледелие, заставляя казахов покупать хлеб у русских помещиков с Поволжья.

Земледелие существовало также и в скотоводческих районах Казахстана. Но здесь оно носило экстенсивный характер. Существенное подспорье в питании, особенно у малоимущих казахов-кочевников, составляло просо. Просо сеяли по целине просто на траве, а потом один раз вспахивали. Пахота была неглубокая, вершка на два, чтобы перевернуть только верхний слой почвы. В следующем году на том же месте еще раз сеяли просо, а после снятия второго урожая участок поля забрасывался на многие годы.

Если в течение лета выпадали хотя бы самые незначительные дожди, то в среднем получался урожай сам-тридцать.

Такой первобытный способ земледелия долго сохранялся в долине реки Сагыз. Исследователи считают, что подобное земледелие было известно в степях Казахстана с незапамятных времен.

В некоторых местах скотоводы-земледельцы применяли также искусственное орошение. Земледельческие орудия у скотоводов отличались своей примитивностью. Часто обходились одной лопатой или мотыгой. Вместо бороньи употребляли пучок хвороста. При уборке урожая не всегда пользовались серпом, а вырывали просо руками. Хранили зерно в ямах, дно и стены которых предварительно обжигались, чтобы уберечь зерно от сырости. Просо кипятили в воде, затем поджаривали в больших котлах, сушили и толкли в деревянных ступах, чтобы получить пшено.

В скотоводческих аулах или общинах просо возделывали по преимуществу бедняки, рабы и другие зависимые люди. Некоторые из них становились навсегда оседлыми жатаками, т.е. бедняками, перешедшими на оседлость. Они и летом оставались на зимних стойбищах, охраняя их и обрабатывая по соседству расположенные поля. Немногочисленный скот бедняков-жатаков угонялся на летние пастбища вместе с остальными стадами скотоводческой общины. За это земледельцы были вынуждены осенью делиться урожаем со своими зажиточными сородичами-скотоводами. У невольников-рабов весь урожай считался собственностью их хозяев. Иногда скотоводы находили более выгодным сеять просо в районах летних пастбищ. От этого не менялся ни общий характер хозяйства таких скотоводов, ни самый способ земледелия, ни отношения между бедняками-земледельцами и остальными, более состоятельными сородичами-скотоводами.

Сочетание скотоводства с земледелием, существовавшее у казахов с давних времен, объяснялось естественными условиями Казахстана. Описывая их, известный автор XVIII века Георги пишет: «Киргизы (так в русской и иностранной лите-

ратуре долго называли казахов. — *Ред.*) Большой орды живут во всегдаших зимних деревнях (кыстай), но летом обитают по большей части в юртах. Некоторые из них занимаются земледелием».

У скотоводов-кочевников земледелием занималась все же незначительная часть населения. Обычно скотоводческие общинны предпочитали получить зерно в порядке обмена. Хлеб выменивали у оседлого населения земледельческих районов Казахстана и Узбекистана на скот, особенно на овец. «А казахи-де все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахота-де их скудна, коней и овец много, а коров мало, кормятся мясом и молоком», — так отзывался о хозяйственной жизни казахов в конце XVII века Федор Скибин, посланный Петром I для переговоров с Таяке-ханом.

Ремесло и торговля. Ремесло у кочевников сводилось к изготовлению самых необходимых предметов. Из овечьей шерсти изготавливали разнообразные кошменные изделия. Этим производством занимались женщины, обычно осенью — перед началом перехода на зимние пастбища. Из шкур выделяли разнообразные предметы одежды: сапоги, шубы и прочее. В местах, где был лес, выделяли кереге, т.е. деревянный остов для юрты. Из дерева выделяли также домашнюю посуду. У казахов было развито гончарное производство. Ткачество и прядение ограничивались производством грубой армячины из верблюжьей пряжи, а также шерстяных ковров. Кузнечное дело было поставлено слабо. «А кузнецов у них не сказывают», — писал в конце XVII века царский посол Ф. Скибин. Казахи умели делать порох из серы. Они смешивали серу с тополевыми углами, а вместо селитры употребляли землю со старых кладбищ. Казахи также умели плавить свинцовую руду, которую добывали в горах Кара-Тау. Плавка производилась в специально вырытых ямах; руду смешивали с овечьим салом и конским пометом. В районах, имевших глубокие озера или полноводные реки, занимались рыболовством. Некоторые

Кочевой аул

казахи (главным образом бедняки) летом занимались хлебои-
ществом, а на зиму приходили на озеро для рыболовства.

Все эти виды ремесла не обособлялись в самостоятельный отрасль производства, а существовали в виде дополнительного занятия в скотоводческом хозяйстве аула. Обширная территория казахского государства включала в себя и такие районы где городское население составляло значительную часть жителей. Ф. Скибин насчитывал в казахском государстве от 20-32 городов. В те времена каждый город представлял крепость окруженную земляными валами и стенами из необожженного кирпича. Все города были расположены по соседству с глиняным городом – Туркестаном, – «а города-де Казачьей Орды Туркестана все в близости, город от города в виду», – писал же Скибин.

Туркестан в течение нескольких столетий играл весь значительную роль как политический и религиозный центр казахов. Другие города – такие, как Ташкент, Сайрам, Сыгнаш также являлись важными экономическими и политическими центрами. В этих городах, наряду с феодальной верхушкой зажиточного общества, жили также казахские кустари, торговцы другие слои населения. Здесь производился обмен продукции казахского скотоводческого хозяйства на изделия местных

одских ремесленников и на хлеб, привозимый из земледельческих районов Средней Азии. Некоторые из этих городов были расположены на старинных караванных путях, связавших Переднюю Азию и Европу с Китаем.

Впрочем, значение этих путей сильно снизилось. После великих географических открытий товары из Индии и Китая направлялись в Западную Европу уже не по сухе, а по морю. из-за этого Средняя Азия оказалась в значительной мере изолированной от остальных культурных стран.

Производство кошмы

Изменение транзитных торговых путей нисколько не остановило развития местной торговли и ремесленной промышленности. Кроме торговли и промышленности, горожане занимались земледелием и скотоводством. У горожан имелись значительные стада, главным образом крупного рогатого скота всех путешественников поражала чрезвычайная национальная пестрота населения городов Казахстана. Кроме казахов, в городах жили арабы, татары, узбеки, каракалпаки, иранцы и представители различных других народностей Средней Азии.

§ 13. Общественный и политический строй казахов в XVII веке.

Родовые пережитки. При хане Тауке казахское население по-прежнему делилось на роды. Однако начавшийся еще в до-монгольский период распад кровнородственных союзов теперь приобрел гораздо более отчетливую форму. В большинстве случаев место кровнородственных союзов занимали аймаки, т.е. смешанные союзы, составленные из различных родов. Аймак принимал название одного из родов, входящих в его состав.

Между казахскими султанами происходили частые войны. Казахам приходилось нередко отражать нападения внешнего врага. Это тоже приводило к вынужденным переселениям и к смешению аулов различных родов.

Прежние родовые деления нарушались также порядком перекочевок. На зиму аулы одного и того же рода занимали отдельные стоянки — кыстау. Летом несколько родственных аулов обычно объединялись вместе. Но при этом оказывалось, что такие объединенные общины одного и того же рода все равно кочевали по различным маршрутам. Кочевать сразу целим родом было невозможно, так как при большом количестве скота стада погибали от безводья при переходах через пустынные местности и на стоянках у глубоких колодцев, которые рылись обычно в небольшом числе ввиду трудности работ. Такого дробления родов не наблюдалось лишь в тех районах Казахстана, где было много воды, например, в Семиречье.

Тем не менее, даже при раздробленности кочевий род сохранял общинное владение пастващами и оказывал членам рода общественную помощь в хозяйственной деятельности.

В случае необходимости на помощь оказавшемуся в бедственном положении приходили все его сородичи, хотя бы и кочевавшие в составе других общин. Помощь оказывалась скотом, уплатой судебного штрафа за виновного в преступлении сородича, если он оказывался несостоятельным. Если одно-

му из членов рода кто-либо наносил обиду, все остальные сородичи были обязаны выступить против обидчика. У казахов сложилась поговорка: «Когда кочерга длинная – не обжигается рука, когда много сородичей – люди не тронут тебя».

В жизни казахов сохранились и многие другие пережитки патриархально-родовых отношений. Особенно они были устойчивы в быту. Члены одного и того же рода имели общий уран, т.е. боевой клич; во время сражений они группировались вокруг родового значка. Сохранялись родовые тамги. На общинных собраниях бии одного рода, окруженные рядовыми сородичами, держались совместно. Род ежегодно устраивал поминки умерших сородичей.

Живучесть форм патриархально-родового быта у казахов имела глубокие хозяйствственные основания. Ведущей отраслью хозяйства казахов при кочевом образе жизни было скотоводство. Земля использовалась, главным образом, под пастбища, угодья и места для стоянок кочевий. Закрепление земли в частную собственность при таком способе хозяйства было невозможно. Но это не исключало того, что ханы, султаны и бии могли по своему усмотрению распоряжаться общинными землями. При этом казахская знать считала выгодным сохранять общинные формы быта, так как они давали ей возможность использовать родовую взаимопомощь в своих интересах. Кочевое скотоводство требовало коллективного труда всей общины для выполнения ряда важных работ. Результаты этих коллективных работ присваивались казахской знатью. У оседлых земледельческих народов в период разложения первобытно-общинного строя патриархально-родовая община заменялась территориальной общиной. У кочевников-скотоводов постоянные перекочевки, разбивка общин в зимнее время на аулы, смена зимних стоянок делали территориальные связи непрочными. В таких условиях общинные связи могли поддерживаться не единством территории, а кровнородственными

отношениями. Вот почему ядро аула состояло по-прежнему из родственников, хотя, кроме того, в аул также входили обедневшие члены других родов и даже не казахи – рабы (кулы).

Распад патриархально-родовой общины. За этими формами патриархально-родового быта уже давно стало скрываться общественное неравенство между членами одного и того же рода. Классовая дифференциация усилилась. Все более обнаруживалось неодинаковое отношение родовой знати, биев и трудающихся масс скотоводов к основному условию производства – к пастьбищам и к водопоям. Хотя земля считалась общественной собственностью рода, распоряжение кочевьями и водопоями находилось в руках биев. Положение родоправителей позволяло биям при перекочевках и особенно при переходе на зимние стоянки отводить лучшие земли под собственные стада.

Далее, в условиях многодневных переходов через засушливые степи особенно важное значение в хозяйстве кочевника приобретали водопои. Естественные водоемы (реки, озера) были не везде. Приходилось рыть колодцы. Степные колодцы бывали двух видов. В местностях, где вода находилась на небольшой глубине (до 10–12 метров), скотоводческая община своими силами легко устраивала колодцы за один день. Из таких колодцев (тайыз) вода черпалась вручную. Скотоводческая община, выкопавшая мелкий колодец, пользовалась им только во время стоянки. После ухода на другое место строители никаких особых прав на колодец не сохраняли. Но встречались места, где вода находилась на глубине до 60 и более метров. Там приходилось рыть глубокие колодцы, называемые «шынграу». Из них вода доставлялась в больших (около 5–10 ведер) кожаных мешках. Вода поднималась при помощи силы животных. При круглосуточной работе можно было из такого колодца напоить стадо до 2 тысяч голов. Устройство шынграу отнимало много времени и стоило больших средств – около 100 баранов. Построить такой колодец могли только искусные

мастера. Часто из-за отсутствия леса для крепления стен колодца происходили обвалы песчаного грунта. Поэтому такие колодцы нередко сооружались на средства богатых биев. В этом случае они считались собственностью строителя. Все остальные могли пользоваться этими колодцами только с разрешения хозяина или в том случае, если хозяин отсутствовал.

Имущественное неравенство членов общины особенно сказывалось в вопросе о пастбищах.

Все члены патриархально-родовой общины, независимо от количества принадлежащего им скота, формально имели одинаковое право пользования общинными пастбищами. Но фактически общинными землями больше всего пользовались богачи, так как у них было много скота. Бедняки же имели мало скота, а некоторые совсем его не имели. Понятно, что бедняки лишь в небольшой степени пользовались своими правами на общинные пастбища. При кочевках аймаками и аулами богатые и бедные обычно строили колодцы, охраняли и пасли стада совместно. При этом на долю бедняков всегда выпадало больше труда. Всем членам рода приходилось общими усилиями отстаивать права рода на землю, а когда требовалось, то с оружием в руках сражаться против нарушителей границ летних и зимних пастбищ. Получалось, что средние и мелкие скотоводы, защищая общие интересы аймака, должны были сражаться за богачей, охраняя их многочисленные стада. Словом, труд и опасность ложились, главным образом, на рядовых общинников, а львиная доля доходов и богатства доставалась богачам и родовой знати.

За счет общинных пастбищ родовая знать содержала и вознаграждала зависимых людей и рабов. Владельцы рабов часто давали им скот для обзаведения своим хозяйством и предоставляли право пользования общинной землей. Кроме того, богачи всегда имели в своем услужении нескольких бедняков (так называемых «консы»). Жена и дети конгсы работали в хо-

зяйстве богача. За свою работу конгсы получали остатки пищи с хозяйствского стола и старую одежду. Нередко хозяин давал им несколько овец, которые также паслись на общинных пастбищах.

Родовая знать не только захватывала право пользования общинными землями, но притесняла и эксплуатировала членов патриархально-родовой общины. Бии имели право на получение подарков от членов общины. Внешне эти подношения носили добровольный характер. Но они освящались адатом, обычным правом казахов, сохранявшимся со времен татаро-монгольского завоевания. Отказаться от подношения значило нарушить адат. Поэтому такие подношения фактически стали обязательными.

Пользуясь властью среди кочевого населения, бии увеличивали свои богатства при дележах военной добычи. В руках биев была сосредоточена судебная власть. Бии и другие разбогатевшие казахи давали обычно бедняку-общиннику скот взаймы на жестких условиях. Например, за каждого ягненка, взятого весной, бедняк должен был осенью отдать взрослого барана, а за овцу, взятую осенью, отдать весной овцу с ягненком.

Обычай установил бесплатную помощь скотом сородичу, оказавшемуся в бедственном положении, — так называемый саун. В условиях распада патриархально-родовой общины саун сделался средством эксплоатации бедняков знатью. Казах, оставшийся без своего молочного скота, получал от богача во временное пользование дойных овец. За их сохранность бедняк нес полную ответственность. В виде платы за пользование молоком он был обязан работать в хозяйстве богача, помогать ему. Богачи также раздавали беднякам свой скот на выпас. В вознаграждение бедняк получал саун, т.е. из этого же стада ему выдавалось несколько овец или кобыл для пользования их молоком.

Таким образом, родовая знать захватывала большую часть общинных земель и в то же время пользовалась даровой рабочей силой остальных сородичей, закабаляя и эксплуатируя их.

Так постепенно формировалась новая феодальная знать. Влияние и власть этой знати чувствовались все сильнее. Поглавляющее большинство казахов сохранило личную свободу и право пользования общинными землями, но прежнее равенство исчезло. В скотоводческой общине появился новый неумолимый закон классового общества, который казахи выразили пословицей «Дело богатого – приказывать, дело бедняка – трудиться».

Однако только сравнительно небольшая часть биев успела к этому времени обособиться от народа и слиться с классом феодалов. Другая часть биев, несмотря на ряд имущественных привилегий, все еще оставалась представителем и защитником интересов скотоводческой общины против притязаний ханов и султанов. О таких биях, защитниках старинных вольностей и прав, в народе складывались песни и рассказывались легенды.

Казахская знать. Над крупными объединениями казахских общин стояли султаны. Они издавна, еще со времен монгольского завоевания, образовали особое сословие – знать «белой кости».

«Белая кость» (ақсүйек, или тәре, т.е. «благородные») составляла феодальную аристократию казахов. К этому сословию причислялись только ханы и султаны, считавшиеся потомками Чингиз-хана. В свою очередь, представители «белой кости» делились на «настоящих» и «смешанных». «Настоящим» представителем «белой кости» (нағыз тәре) считался тот, у кого родители – и отец, и мать – принадлежали к феодальной аристократии. Если же мать происходила от простых людей, то сын, хотя и назывался султаном, лишался права на занятие ханского престола – высшей ступени феодального мо-

гущества. Отсюда произошла поговорка казахов «Чем, увидев, взять красавицу, лучше, не видев, взять родовитую». Султаны вели свою отдельную родословную и возвышались над всеми остальными казахами, считавшимися их подданными.

Власть султанов передавалась по наследству от отца к сыну. Султаны творили суд и расправу над подчиненными им родами. Внешним признаком султанского достоинства считалась белая кошма. В общественных собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители «белой кости» садились только на белые кошмы. При встрече человека «белой кости» (хана или султана) люди останавливались в почтительном отдалении, прикладывая руку к сердцу, и, склоняясь, произносили приветствие: «Алдияр, алдияр» (пожелание благополучия и в то же время благодарность).

К феодальной верхушке приближалось высшее мусульманское духовенство. Оно не принадлежало к сословию «белой кости», но по своему положению в рядах господствующего класса стояло ближе к султанам, нежели к простому народу.

Подданные и рабы. Все остальные казахи – и свободные, и зависимые – назывались подданными (караши). К сословию караши принадлежали все горожане, земледельцы и скотоводы, независимо от их богатства или бедности.

Низшим общественным классом были рабы (кулы). Это было патриархальное рабство, сильно отличающееся от развитого рабства древних государств. Обычно казахские рабы по прошествии некоторого времени, а их потомство обязательно, получали кибитку и несколько голов скота. В условиях патриархально-родового быта эксплуатация рабов не была жестокой. Рабу разрешали жениться и обзавестись хозяйством, но за это он должен был и впредь оказывать своему господину услуги в виде обязательных подношений. Такой наделенный средствами производства зависимый человек по своему классовому положению становился уже не рабом, а феодально-

зависимым кочевником-скотоводом. Таким образом, с одной стороны, свободные общинники-казахи, а с другой стороны, прежние рабы превращались в феодально- зависимых людей.

Труд невольников применялся главным образом для ухода за стадами, которые у богачей достигали огромных размеров. В начале XIX века один русский врач попал в плен к казахам и выполнял работу наравне с остальными рабами. Он оставил интересное описание жизни невольников у богатых казахов. «Ежедневная моя работа состояла в том, чтобы рубить и собирать дрова, носить воду, топить кибитку, толочь вареное просо, молоть в руках кое-какие полусырые зерна, чистить навоз, которого в течение двух или трех дней накапляется столь много (разумеется, зимой), что целый почти день потребен на одно очищение. Ежели и все сие исполнено будет, то на досуге дадут кучу шерсти, которую, сидя, теребишь». К этим работам привлекались также казахские женщины, в том числе жены богатых казахов.

Кроме того, рабы пасли скот, стригли овец, доили коров, овец, коз, кобыл. Рабов продавали и покупали, выменивали на скот и беркутов, отдавали в виде приданого дочери. За убийство раба не привлекали к ответственности. Невольники происходили из военнопленных или покупались. Казаха или мусульманина (независимо от национальности) нельзя было обращать в рабство.

Таков был состав казахского общества. Несмотря на наличие свободной общины, в нем намечались два основных класса: феодальной знати и зависимого населения. К классу феодалов принадлежали султаны и часть родовой знати в лице крупных родоправителей – биев и военной знати, фактически успевших обособиться от своих аймаков, хотя формально входивших в их состав. Различие между классами определяется не бытовыми и тому подобными условиями, а прежде всего отношением к условиям и средствам производства. Отношение к основному условию производства – к земле у этих феодалов было однородно. Они распоряжались общинными пастбища-

ми и присваивали прибавочный продукт кочевника-скотовода под видом подарков и сауна. Султаны должны были обязательно делиться общественными доходами с родовой знатью. Подарки, полученные от иностранных послов, делились между ханом, султанами и биями. Также делились налоги и подношения, которые хан получал от казахского населения, а также доходы, поступавшие хану от жителей Ташкента, Туркестана, Сайрама и других городов.

Таким образом, линия, делившая казахское общество на классы, проходя между султанами и общиной, шла и через общину, отсекая к классу феодалов выделявшуюся из обчины и становившуюся над ней крупную родовую знать. Однако процесс отчуждения биев от обчины далеко не был закончен. Нередко они оставались тесно связанными со своими общинами и отстаивали их интересы, когда им грозила опасность.

Ханская власть. Сложный состав казахского общества в XVII веке нашел яркое выражение и в политическом устройстве Казахского ханства.

Высшая власть в государстве принадлежала хану. Ханская власть переходила по наследству от отца к сыну или к другому близкому родственнику умершего хана. Обычно занятие престола было сопряжено с борьбой за власть между несколькими султанами. Одни из претендентов на престол ссылались на свое близкое родство к прежнему хану, другие рассчитывали добиться высшей власти при помощи многочисленных и влиятельных родственников. Были и такие, которые пролагали себе путь к трону силой оружия. Независимо от способа воцарения, новый хан нуждался в признании его власти остальными султанами. В казахской степи сохранился старинный обычай признания хана: торжественный обряд избрания и поднятия на белой кошме. Избрание должно было иметь место даже в том случае, если никто не оспаривал законного права нового хана на престол.

Избрание хана происходило в заранее назначенном месте, куда съезжалась знать. На разостланных кошмах важно и чинно садились султаны, бии и другие знатные люди, строго соблюдав между собой старшинство родов. За рядами знати толпился простой народ. Выборное собрание открывал старейший и опытнейший султан. За ним брали слово другие представители казахской аристократии. Строгий порядок, соблюдавшийся вначале, длился недолго. С каждым часом собрание становилось все более бурным. Страсти разгорались, все спорили и шумели, перебивая друг друга. Иногда споры продолжались несколько дней подряд. Наконец, определялось мнение большинства, или же более сильная партия навязывала остальным свое мнение. Несколько лиц самого знатного происхождения и наиболее влиятельных по своему общественному положению направлялись к новому хану. Поздравляя вновь избранного, они сажали его на белую кошму, которую высоко поднимали над головами и опускали на землю. Едва кошма касалась степной травы, как она снова подхватывалась подбегавшей толпой. При общих возгласах одобрения и громких криках радости народ качал и приветствовал нового хана. Торжественный акт провозглашения оканчивался растерзанием кошмы на мелкие лоскутки. Каждый из присутствующих хотел оставить себе на память драгоценный кусочек. Иногда при этом страдала и одежда хана. В заключение следовало общественное пиршество, на котором не жалели угощения.

Хан, как глава государства и носитель высшей власти, нуждался в постоянной военной силе. В мирное время в распоряжении хана находилась лишь его дружины. Такие же дружины, только меньшие по количеству, были у каждого султана. Дружинники хана и султанов носили название «тюленгуты». Они набирались из людей, пользовавшихся личным доверием хана или султана. Среди них встречались рабы и свободные – чаще всего люди незнатного происхождения. Тюленгуты составляли личную охрану своего повелителя. В то же время им да-

вались самые разнообразные поручения по государственным делам, например, сбор дани и налогов.

Доходы хана составлялись из его личных богатств, военной добычи, дани, уплачиваемой покоренным населением, и налогов, которые взимались по мусульманскому закону с оседлого городского и земледельческого населения. Главными налогами были закят, предусмотренный еще правилами Корана и составлявший $\frac{1}{40}$ движимого имущества, и ушр (десятина) – $\frac{1}{10}$ урожая или приплода скота. С укреплением власти хана эти налоги распространялись на скотоводческие общины кочевников, хотя казахи оказывали сопротивление подобным притязаниям султанов и ханов. Старинной повинностью казахов-кочевников считалось право султанов и ханов пользоваться у подвластного населения постоеем (постоянная повинность). При поездках в степь хан останавливался в подчиненных аулах. Жители аулов были обязаны содержать хана и его спутников во время их пребывания в данной местности. Кроме того, ханы и султаны, как и бии, имели право взимать «добровольные» подношения с подчиненных общин.

Правительственная деятельность хана протекала в разъездах по степи среди кочевий казахов. С конца XVI века столицей ханства считался Туркестан.

Туда, где располагалась в степях ханская ставка, являлись просители из окрестных аулов и родов. По соседству со ставкой хана ставили свои кибитки султаны, бии и прибывшие просители. На несколько дней в степи вырастал из кибиток большой город. По старинному обычанию богатые люди из свиты хана гоняли вслед за ставкой целые табуны кобылиц для доения и приготовления кумыса.

Хан и его помощники из султанов и биев творили суд и расправу. Из ханской ставки рассыпались тюленгуты для сбора дани и подношений, полагавшихся хану и султанам. Отсюда же направлялись султаны и влиятельные бии с поручениями

расследовать споры и от имени хана выносить судебные решения. Они же выступали судьями и примирителями в случае вражды между отдельными родами.

Усиление власти хана и султанов не привело к упразднению общинных собраний. По важным и маловажным делам происходили собрания в аулах и аймаках. При ханской ставке созывались собрания – съезды всей казахской знати. На собраниях в аулах и аймаках могли присутствовать все взрослые мужчины-сородичи. Однако частная собственность на скот приводила к тому, что при богатстве одних и бедности других исчезало первоначальное равенство членов скотоводческой общины. Стали говорить, что «все звезды, вместе взятые, не составляют блеска месяца, – все бедняки не сравняются с одним богачом». При разрешении дел богач располагал не только своим голосом. К мнению богача присоединялись бедняки, получившие у него взаймы скот и работающие на него. «Кому принадлежит кошма, тому принадлежит и суждение», – гласила казахская поговорка. На общих съездах при ханской ставке присутствовали султаны, бии и военная знать. Заседания проходили в окружении народа.

казахи – молодые жигиты, старики, девушки и женщины – о геройстве и удали, любви и браке, рождении и смерти, свидании и прощании. Кто-либо из акынов первый догадывался объединить бытующие в народе прощальные и поминальные песни о каком-нибудь любимом герое. Переходя от одного акына к другому, такая поэма обогащалась новыми сюжетами и образами. Так создавались эпические поэмы о народных героях и богатырях. Роль акынов как хранителей эпоса и других произведений фольклора – этих памятников древнейшей культуры казахского народа – очень велика. До середины XIX века казахские эпические поэмы и другие произведения фольклора не записывались. Они сохранились и вошли ныне в сокровищницу казахской и мировой литературы исключительно благодаря акынам.

Народные песни. Многочисленные народные песни, былины, сказки и легенды казахов, дошедшие до наших дней, сложились в глубокую старину, когда казахский народ только складывался из различных древних племен. Наиболее близко культура казахского народа была связана с культурным наследием кыпчакских племен, составивших его этническую основу. Казахский народ творчески переработал все унаследованные от далекой старины виды народной поэзии, усовершенствовал их и породил новые поэтические формы.

В эпоху существования независимого Казахского ханства особенно развивались свадебные и лирические бытовые песни, сказки и легенды, героический эпос и бытовые поэмы.

Из казахских свадебных песен наиболее распространенными являлись «жар-жар» (друг-супруга), «сынсу» (плач невесты) и «бет-ашар» (показ и встреча невесты).

Как и у других народов, казахские свадебные песни, помимо своего ритуально-бытового значения, пелись также для увеселения собравшихся на торжество. Поэтому некоторые из них, например, «жар-жар», и в особенности «бет-ашар»,

имели одновременно и торжественный, и юношеский характер. Впрочем, юношескую форму эти песни принимали лишь тогда, когда в браке сходилась любящая друг друга пара.

Большинство свадебных песен имело драматическое содержание. Это объяснялось самим положением казахской женщины. Обычай калыма (выкупа за невесту), многоженства, неравных браков, сватовства против воли брачующихся и часто в самом раннем их возрасте, аменгерство (передача невесты или жены умершего родственника по наследству) – все это превращало брак в трагедию для казахской девушки, жизнь которой в замужестве превращалась в тягостное и горестное рабство.

В отличие от других свадебных песен, песня «жар-жар» имела установленную музыкальную форму и текст. Припев «Жар! Жар!» означает «друг-супруга!», это как символ того, что отныне супруг заменит девушке и родину, и семью, и подруг, что отныне девушка, все ее мысли и чувства, как и вся ее жизнь, принадлежат супругу. Веселой и бодрой песне жигитов отвечал грустный хор девушек.

Хор жигитов уговаривал невесту не оплакивать разлуку с матерью: свекровь заменит ей мать, а свекор – отца; родной дом ей заменит своя юрта в ауле жениха. В юношеской форме песня жигитов просила невесту быть благородной и примириться с переменой жизни. Смысл и красота новой жизни у нее впереди – у колыбели ребенка, под сенью своего семейного очага. На каждый куплет хора жигитов хор девушек отвечал грустным напевом, оплакивая утрату вольной юности, разлуку с родным домом и с подругами.

Девушка:

Узор на кошму ложится, как стих.

Жар! Жар!

Режут на свадьбу кобыл яловых.

Жар! Жар!

Но мать умолю у отца упросить
Жар! Жар!
Оставить х^оть на год меня у своих.
Жар! Жар!

Жигит:
Красна молодежь огнем молодым.
Жар! Жар!
Ты красною птичкой уходишь к чужим.
Жар! Жар!
Уже на отца не надейся теперь,
Жар! Жар!
Тебя увезет тот, кто платит калым!
Жар! Жар!

Если среди собравшихся жигитов и девушки имелись народные певцы, акыны-импровизаторы, они не ограничивались исполнением заученного текста. Ведя песню как запевалы и не нарушая формы «жар-жар», они вступали в импровизированные состязания от имени жениха и невесты. В этом наиболее полном своем виде песня «жар-жар» включала в себя элементы красочного театрального действия.

Песня прощания невесты с родными и с родиной называется «сыңсу». Пелась она во время отъезда невесты в аул жениха.

Старинный обычай казахов допускал брак только между людьми, не имеющими кровного родства до седьмого предка. Поэтому редко случалось, чтобы девушка выходила замуж за человека из родных земель, из близких аулов. Напротив, всегда предпочитались браки с представителями дальних родов. Выезд девушки из родного дома в семью жениха означал для нее выезд на чужбину, в неведомые дали, к совершенно чужим людям. Эти переживания невесты, часто отягощенные сознанием, что она выходит замуж против воли, давали повод

к возникновению самых искренних и волнующих песен плача невесты, песен не только о личном горе, но и о скорбной доле казахской женщины вообще.

Гусь по речке плывет за текучей водой,
Дом родимый покинуть пришлось молодой.
Капнешь на воду кровь – кровь сейчас утечет,
Выйдешь замуж – далеко увозит чужой.

Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец!
За табун меня продал ты, милый отец!
В юрте стало просторнее, милый отец!
В ней местечка мне нет уже, милый отец!

Традиция исполнения сынсу требовала, чтобы девушка в сопровождении всех подруг посещала с прощальной песней каждую родную юрту своего и близких аулов. Это последнее ее посещение родственников превращалось в шествие всех женщин соседних аулов. И здесь, в последний час на родине, девушка в своей песне изливалась всю свою боль, всю горечь прощания не только с родственниками, но и с родными местами, с ушедшими днями детства, со своей вольной юностью.

Когда девушка приезжала в аул своего жениха, ее встречали песней «бет-ашар» (открывание лица). «Бет-ашар» пел кто-нибудь из аула жениха. Сама невеста должна была только слушать и запоминать наставления песни. В песне содержался неписаный устав патриархальной семьи. Особенно подробно перечислялись обязанности молодой жены по отношению к родителям мужа. Песня также поучала ее, как вести себя с другими старшими рода, с младшими в ауле, с гостями.

Ты при ранних, невестушка, вставай лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах.

Коль к кибитке скот подойдет впотьмах,
Палки не ломай на его боках.
Языком, невестушка, не болтай,
Даром сплетен, невестушка, не пускай.
Стариков, невестушка, уважай
И дорогу, невестушка, им давай.

Лирические бытовые песни состояли из трех основных групп: «қоштасу» – песни прощания, «естірту» – печальное известие, «жоқтау» – плач об умершем, плач об утраченном.

Построенные на общей теме прощения, казахские қоштасу отличались большим разнообразием формы и содержания. Песня қоштасу создавалась акынами. Ее пели по поводу самых различных событий жизни как личной, так и общественной: прощание с жизнью, с родными землями, разлука влюбленных, разлука с другом, прощание с любимым конем, охотничьей птицей и т.д.

Умирая, отец или мать складывали трогательную песню прощания с детьми, своего рода поэтическое завещание, где передавали наставления остающимся в живых членам семьи, свои последние пожелания, говорили о трудности расставания с жизнью, о своих неосуществленных мечтах. Қоштасу чаще всего создавались в прозаической форме, но настолько художественно, что пересказывались в народе долгое время после смерти автора.

Другая распространенная тема қоштасу – это подлинно народная тема прощения с родиной, с родными землями. В трагические дни насильтственного выселения аула с родины песня возникала в устах акына или порой складывалась жигитами и девушкиами рода или племени.

Естірту – песня печального известия – имела своим содержанием только одну тему: извещение кого-либо о смерти близкого ему человека. Казахский народ бережно и чутко

относился к горю ближнего. Песня осторожно подходила к трагическому известию рядом параллельных примеров, где говорилось о скоротечности всякого земного существования. Материалом для поэтических образов служили явления природы, животного мира, исторические события, затем следовало само печальное известие, а последняя, заключительная часть песни переходила в «көніл айту» — песню утешения:

Ловить неуловимое забудь.
Не плачь о том, кого нельзя вернуть.

Сокол в небо взлетел из гнезда своего,
И руками теперь не достанешь его.

Кузнец изделий вечных не скует,
Бессмертного сам бог не создает.

Неминуема смерть, это общий удел всех людей:
Как и сын ваш, они успокоятся тоже в гробу.

Так же разнообразны, как қоштасу, темы лирической бытовой песни жоқтау — песни плача.

Главной темой жоқтау являлся плач об умершем. С глубокой древности у казахов сохранился обычай оплакивать покойника в течение целого года, вплоть до поминок, устраиваемых в годовщину смерти. Жена, сестра или мать умершего должны были дважды в день, при восходе и при заходе солнца, вспоминать умершего песней-плачом. Содержание этой песни состояло в воспевании достоинств умершего и в излиянии семейного горя и тяжести утраты.

Жоқтау из песни семейного горя иногда переходила в песню печальных размышлений вообще, затрагивая общечеловеческие темы. До наших дней в казахском народе пользуется

большой любовью популярная лирическая народная песня «Жиырма бес» («Двадцать пять»). Это тоже плач, но не об умершем, а об ушедших годах юности. Припев ее «Двадцать пять лет, вы не вернетесь ко мне!» определяет содержание песни, посвященной оплакиванию навсегда утраченной юности.

Песни жоқтау складывались как акынами-композиторами, так и родственниками умершего.

Некоторые из жоқтау, посвященные скорби об умершем батыре, любимце народа, рассказывающие о его жизни, борьбе и деяниях, возвышаются до полноценной исторической поэмы. Такова, например, большая песня-плач матери Мамая. Такого рода жоқтау послужили акынам основным фабульным стержнем в создании героических поэм казахского эпоса.

Кроме этих основных видов лирических песен, казахи в период самостоятельного ханства знали также множество других характерных песен. Это были песни, связанные с рождением ребенка, щуточно-увеселительные, песни заговоров и заклинаний баксы, религиозно-обрядовые песни и т.п.

Сказки и легенды. Сказки и легенды занимали у казахов, как и у всех других народов, самое обширное место в народном творчестве. В сказках казахского народа, в отличие от других видов фольклора, пропускают заметные следы влияний и заимствований из сказочных циклов соседних западных и восточных народов, например, из сказок «Тысяча и одна ночь» и других.

Казахский народ складывал и вполне оригинальные, самые разнообразные сказки: фантастические, бытовые, детские и т.д.

Фантастические сказки отражали не только верования и представления древнего человека о мире, но также экономический быт и социальные отношения пастушеского народа. Так, жалмауз (людоед-чудовище) в казахской сказке всегда рисовался владельцем необъятных земель и несметных стад, а герой, борющийся с ним и побеждающий его, – справедли-

вым смельчаком, заступником обиженных народов и стран. Быстроногий волшебный конь, «шестимесячный путь шестью шагами проходящий», представляется в сказке как неизменный соратник ее героя. Образ этого коня воплощал мечту обитателя бескрайних степей и безлюдных просторов – такую мечту, какую воплощал в себе ковер-самолет. В любой казахской былине этот волшебный конь выступает как самый верный друг героя.

В фантастических сказках казахов много говорилось о надземных сферах и о подземных царствах.

Немалое место в этом цикле занимали сказки о героях с фантастическим слухом, о волшебных предметах, помогающих смотреть вдаль. В таких сказках проступала неизменно одна мысль – настойчивая попытка разгадать тайны природы и упорное стремление человека проникнуть фантазией за пределы видимого.

Обширный раздел в казахском сказочном цикле представляют сказки о животных. Решающее в быту казахов значение прирученных человеком животных определило обилие, разнообразие и само содержание сказок о животных. Сказка придавала самые отрицательные черты хищникам, уничтожающим стада, создавала отталкивающие образы волка – гробокопателя и пожирателя трупов, могучего и страшного врага стад и человека. Казахская сказка наделяла волка не только хищностью, жадностью и коварством, как делали это сказки других народов, но рассматривала его как символ злого начала вообще. Волк всегда враждебен человеческому роду – он уничтожает новорожденных детей, подстерегает человека везде, даже после смерти, пожирая его останки, и в образе волка-оборотня похищает его дочерей и жен. Этот образ оборотня, наделенного отрицательными свойствами самого человека, превращался в образ человека-хищника, образ мстительного, злого и коварного врага.

В бытовых сказках казахский народ отразил свою мечту о богатых пастбищах, о горах, покрытых сочной травой. Так, например, в сказке «Жұпар қорығы» Жупар, мать огромного семейства, уводит своих детей от остального рода, обнищавшего после жута и мора скота. Обычно сюжет такого рода сказок и легенд сводится к тому, что герои так и не достигают обетованной земли. Но сюжет сказки о Жупар развивается иначе. Жупар заселяет своими детьми благодатную долину и впоследствии переселяет сюда остальной свой род. Сказка как бы подчеркивает, что именно мать в яростной и неустанной борьбе за счастье своих детей оказалась способной отыскать то, чего не могли найти герои.

В бытовых сказках находили свое отражение также сюжеты, связанные с тяжелым положением казахской женщины: быт и горькая доля казахской женщины, обреченной калымом на жизнь с нелюбимым, козни мачехи – второй или третьей жены отца, многострадальная участь девушки, которую родители, соблазненные калымом, отдавали оборотню – лютому волку.

Казахский народ также создал большое число детских сказок. Они переносят человека из обычной для него реальной среды в мир насекомых, птиц или фантастических существ. Герои детских сказок Құйыршық (хвостик козочки) или Қотыр торғай (жаворонок), несмотря на свои малые силы, становятся победителями и людей, и волков. В сказке о Күйыршық хвостик козочки чудесным образом заменил бездетным старикам сына и стал добрым гением семьи, помогающим дряхлым старикам в хозяйстве. Однажды Күйыршық присел отдохнуть в тени придорожного листа. Вместе с листом его съел верблюд, потом вместе с верблюдом – волк. Но неугомонный и деятельный Күйыршық отравил волку всю жизнь, предупреждая своим криком табунчиков о приближении волка. После многих приключений Күйыршық возвращается к старикам с огром-

ным богатством. Эта сказка прославляет постоянную жажду деятельности ребенка, которому чуждо состояние покоя и ленивого бездействия. Эта тема проходит через многие детские казахские сказки, внедряя в сознание детей веру в свои, хотя еще маленькие, силы, воспитывая в них находчивость и волю к победе.

Наряду со сказками развивался близкий к ним вид народного творчества – легенды. Из легенд особенной популярностью в народе пользовалось сказание об Асане-Кайғы, который по преданию жил во времена хана Жаныбека (XVI век). Имя героя легенды Асан, а «қайғы» – эпитет к имени, означающий «печальник».

Асан, опечаленный судьбою своего народа, бедными его землями, нищим и жалким существованием, решил отыскать другой мир, обетованную страну, где дни беспечальны, где земли тучны, где нет вражды и ненависти и где «жаворонки мирно вьют гнезда на спине овцы». Он объездил на быстроно-гой верблюдице все казахские степи, горы и долины. Не найдя счастливой страны, он объявил народу, что поведет его в неведомые края. Но Асан погиб, не осуществив своих обещаний – дать счастье и благоденствие своему многострадальному народу.

Большой социальный смысл этой легенды ясен: мечта об обетованной стране – это мечта самого народа об иных, лучших условиях существования. Вот почему имя Асана всегда было на устах народа, вот почему его именем акыны всех времен начинали свои песни гражданской скорби.

Большое количество легенд было сложено об Алдаре-косе, «безбородом насмешнике». В них с замечательной яркостью сказался народный юмор, остро и сатирически высмеивающий жадность, суеверие, скопость, скудоумие и т.д.

Не менее популярными были легенды о Жиренше-шешене. Эпитет к имени Жиренше «шешен» означает «красноречивый острослов».

Жиренше дал обет жениться только на той девушке, которая превзойдет его в красноречии и остроумии. Такой оказалась красавица Карапаш. Они поженились. Но злодей-хан пожелал отнять у Жиренше его Карапаш. Он дает Жиренше труднейшие поручения, грозящие смертью. Благодаря своему уму и находчивости, а также помощи мудрой и остроумной Карапаш Жиренше побеждает.

Вообще, образ красноречивого и остроумного человека, рожденный самой действительностью, проходит почти через все виды устного творчества казахского народа. В легендах о Жиренше этот образ достиг наиболее полного своего выражения. Имя Жиренше стало нарицательным для обозначения людей, владеющих даром красноречия.

Героический эпос. Героический эпос получил в период существования независимого Казахского ханства дальнейшее развитие. Его характерной особенностью оставалась та же черта, которая отличала сказание о Едиге – в основе былин о героях обычно лежат подлинные исторические события. Имена былинных героев: старших – Кобланды, Шора, Камбара, Таргына и младших – Алпамыса, Сайна и других были связаны с такими историческими событиями XV века, как распад Казанского ханства (былины о Шора Нарокове и о Кобланды), междуусобные бои в Крымском ханстве (былина о Таргыне), совместные выступления и набеги смежных родов – казахов и ногайцев (былины о Сайне), казахов и узбеков (былины о Камбаре) и т.д.

Герои этих былин не именовались «казахами», былины называют их «выходцами из Ногайлы». Объясняется это тем, что в истоках своих эти песни воспроизводят эпоху, когда многие роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали еще под общим именем «ногайлы» в составе Золотой орды, Крымского, Казанского и среднеазиатских ханств.

В былинах о старших богатырях (батырах) социальные мотивы и поступки преобладают над личными. Народ воплощал здесь в образе богатыря мощь родового коллектива, а богатырь проявлял свою силу и удачу в большом походе против какого-нибудь внешнего врага. В одном случае он отражает нападение завоевателей, в другом сам идет войной на враждебные племена (в позднейших вариантах – почти всегда на калмыков). Во всех случаях к таким богатырям относятся Ер-Таргын, Кобланды и другие.

В поступках младших богатырей сильны личные мотивы – например, Ер-Сайн борется за интересы своего отца, а затем за красавицу Аю-Бикеш.

Одной из самых крупных былин казахского героического эпоса является былина о Кобландах-батыре. Она достигает в некоторых вариантах десяти тысяч строк.

В былине рассказывается о походе Кобланды против хана Казана. Большое значение былина придает личному окружению и обстановке жизни батыра – родне, жене, друзьям, коню и его доспехам. В «Кобландах», как вообще в казахских былинах, вступительные главы посвящены многострадальной участии престарелых родителей героя. Сын появляется на свет при сказочных обстоятельствах. Следующим обязательным этапом жизни героя является его женитьба – последняя ступень его физической зрелости и одновременно первое серьезное испытание богатырских качеств будущего героя. Любимая девушка достается будущему батыру нелегко, ценой тяжелой длительной борьбы. Завоеванная батыром жена дополняет личный образ героя – если у батыра, по молодости, мало ума, то жена его является воплощением разума; если у батыра недостаточно развито чувство чести и достоинства, жена входит в поэму как воплощение чести.

Такую же огромную роль играют в судьбе героя его друзья, а также, и в особенности, его конь. Конь – ближайший друг

и помощник батыра, его отличительные свойства дополняют образ героя. Клички коней батыров были столь же широко известны в народе, как имена самих героев: Тайбурыл (чалый жеребенок) – у Кобланды, Тарлан (сивый конь) – у Таргына.

Поэма «Ер-Тарғын» начинается непосредственно с описания событий зрелого периода жизни батыра. Всем своим содержанием поэма направлена на изобличение вероломства ханского двора по отношению к батыру, спасшему страну своими подвигами от вражеских набегов.

Неизменной опорой героя является его жена и друг Ак-Жунус. Вдохновенной песнью она возвращает жизнь Ер-Таргыну, поднимая дух умирающего батыра. Поэма дает образное описание боев и военных подвигов батыра. В ней изображен обычный для былины замечательный военный конь – Тарлан. Поэма изобилует также целым рядом интереснейших психологических конфликтов и драматических столкновений. Борьба Карт-Кожака и Таргына за Ак-Жунус – это своего рода поединок благородных сердец: Таргын отказывается от боя с Карт-Кожаком из уважения к его старости и богатырским достоинствам; Карт-Кожак щадит жизнь Таргына во имя его молодости, удали и благородства. Ак-Жунус своей песней, полной правдивости и предельной искренности, спасает свою собственную честь, честь Таргына и честь Карт-Кожана.

Лирические поэмы. Лирические бытовые поэмы казахского народа значительно отличаются от героических. В лирических поэмах основной темой является тема любви, страданий и борьбы двух молодых людей за свое счастье.

Самая популярная лирическая бытовая поэма «Козы-Корпеш и Баян-Слу» воспевает необыкновенную любовь Козы-Корпеша и его невесты. Еще до появления на свет их соединила воля родителей. Отец Баян – Карабай и отец Корпеша – Сарыбай подружились на охоте, поклялись сочетать ожидаемых детей браком. Сарыбай внезапно умер, и отец Баян, видя в этом пло-

хое предзнаменование и не желая отдать дочь сироте, откочевывает в далекие края. Его приемные дочери, прощаясь в своей қоштасу с родиной и с новорожденным Козы-Корпешем, клянутся вырастить Баян в любви к суженому. Проходят годы. Баян вырастает, становится красавицей, она ждет прихода своего жениха. Но воля жадного и злобного отца уже определила судьбу Баян. Карабай обещал ее в жены силачу Кодару, спасшему в пустыне его громадные табуны от жажды.

Баян, ни разу не видевшая Козы-Корпеша, но заочно его полюбившая, живет в непрерывном ожидании встречи с женихом. Любви Баян, страданиям и приключениям Козы-Корпеша, ищащего свою невесту, посвящены лучшие строфы поэмы. Когда влюбленные, наконец, нашли друг друга, Карабай и Кодар вероломно убивают Козы-Корпеша. Баян не выносит этого, убивает Кодара и, опустившись в могилу Козы-Корпеша, падает на кинжал. Злоба людей преследует влюбленных и за гробом: сторонники Кодара разделили их могилы могилой Кодара, и между цветами на могилах Козы-Корпеша и Баян появился шиповник, выросший на могиле Кодара.

Поэма воспевает трагическую участь молодежи, обреченность ее при господстве родовых обычаев и непрекаемой власти родителей, она утверждает любовь как независимое, свободное чувство, как право человека на борьбу за личное счастье.

Одной из самых выразительных и блестящих по форме лирических бытовых поэм является и поэма «Қыз-Жібек» («Девушка-шелк»). Она представляет собой поэму об идеальной девушке-невесте. Поэма начинается рассказом о длительных поисках жигитом Толегеном достойной себе невесты. Он находит ее в лице необыкновенной красавицы Кыз-Жибек, в свою очередь отвергшей до него множество женихов. Для приготовления к свадьбе Толеген возвращается на родину, здесь

в течение года его удерживает отец, не согласный на этот брак. Все это время жигит Бекежан преследует Жибек своей любовью. Отвергнутый ею, он предательски убивает в безлюдной степи спешащего к невесте Толегена. Шесть гусей, свидетели убийства, извещают о нем Жибек, и братья Жибек, по ее требованию, убивают Бекежана.

Жибек, потеряв любимого жениха, сохраняет верность его памяти и переносит всю силу своей любви к Толегену на младшего брата его Сансызбая, который, по обычаям, должен унаследовать ее. Теперь ее любовь подвергается еще большим испытаниям. Калмыкский хан осаждает аул Жибек, вынуждает ее родителей отдать красавицу ему. Жибек всеми способами оттягивает срок свадьбы, поджидая приезда Сансызбая. Наконец Сансызбай с ее помощью убивает хана, и Жибек соединяется с Сансызбаем, победив все препятствия своей верностью, присущей идеальной невесте.

В поэме в романтических тонах оправдывается древний обычай левирата, по которому жена или невеста умершего переходила по наследству к его ближайшему родственнику. Поэма идеализирует этот обычай, хотя он в жизни имел множество мрачных сторон: насилие над волей вдовы, лишение ее свободы выбора, обречение на брак со стариком или же с младенцем.

§ 15. Музыкальное творчество и прикладное искусство казахов.

Музыка и ее роль у казахов. Казахское устное народное творчество было неразрывно связано с музыкой. Музыкальное искусство с самых древних времен было очень развито среди казахов. Не только обрядовые и бытовые песни, но и большие эпические поэмы исполнялись в сопровождении домбры на напев, выбранный акыном. Роль музыки в казахском фольклоре особо подчеркивается так называемыми кюями – легендами

ми. В кюях музыка становилась средством передачи чувств, приобретала сюжетный характер.

Обычно перед исполнением кюя на домбре, ссызге или кобызе кюйши (композитор и домбрист-исполнитель) передавал в краткой новелле содержание данного кюя, заканчивая ее традиционной фразой: «А теперь слушайте, как расскажет об этом домбра». В древнем кюе-легенде о жаворонке, защищающем своих птенцов от нападения змеи, музыкальная пьеса в звуках домбры передает страх и отчаяние жаворонка, писк птенцов, шип змеи, трепет крыльев птицы-матери и ее предсмертный крик, когда жаворонок-мать самоотверженно бросается в пасть змеи, чтобы спасти детей.

В кюях смешаны все характерные формы казахского фольклора. Особое значение этой интересной формы казахского фольклора заключается в том, что, благодаря запоминающейся музыке, до нас дошли связанные с ней прекрасные легенды. Кюи сохранили до наших дней замечательные образы древности и имена создавших их авторов.

Счастливое сочетание в одном лице драгоценных качеств мастера музыки и мастера слова, редкое вообще в истории искусства, наблюдается на всем историческом пути искусства казахов.

Прикладное искусство. Характер прикладного искусства казахов связан больше всего со скотоводческим бытом. Основным материалом, который подвергался художественной обработке, являлась шерсть. Из шерсти делали художественные орнаментированные кошмы, ковры, бау, т.е. длинные узкие полосы, которыми стягивался деревянный остов юрты, занавески, которыми закрывали вход в юрту, и т.п. Наиболее простой способ получения художественной кошмы заключался в следующем. По сырой полуготовой кошме выкладывали из окрашенной шерсти нужный орнамент и затем заканчивали валяние. При этом рисунок получался грубым, с неровными

контурами. Такие кошмы назывались «текемет». Другой способ заключался в аппликации. Из разноцветных материй вырезали рисунок и затем нашивали его на кошму. Такие изделия назывались «тұғсиіз». Наконец, художественно орнаментированная кошма получалась путем инкрустации. В этом случае кусочки кошмы, окрашенные в различные цвета, сшивались вместе. Полученный орнамент обычно нашивался на тонкую одноцветную кошму. Такие инкрустации назывались «сырмак». Иногда контуры рисунка прошивались тонкой тесьмой. Помимо кошменных изделий, казахи производили тканые ковры. Нити употреблялись большей частью шерстяные. Только в восточных районах Казахстана, под влиянием Китая и Средней Азии, применяли для основы и утка шелковую и хлопчатобумажную пряжу. Широко была распространена вышивка. Вышивались не только материи, но и кошмы, и кожи.

Казахский орнамент уходит своим происхождением в глубокую древность. Многие мотивы орнамента имели магический характер, орнаментированные изделия служили талисманом. К таким орнаментам относятся восьмигранные розетки, разделенные пересекающимися линиями на четыре сектора. В каждом секторе помещалось схематизированное изображение какого-либо животного. Человек верил, что обладание таким изображением дает власть и над самим оригиналом. Иногда изображалось не целое животное, а часть его, например, парные рога, лапа беркута.

Мотивы казахского орнамента весьма разнообразны. Геометрический орнамент выполнялся в виде треугольника или четырехугольника, в трех, четырех и больше цветах. Широко был распространен орнамент в форме растений или их плодов, например, «жапырақ құл», т.е. в форме листьев, «бұлдірген», т.е. в форме ягод земляники, и прочее. Иногда орнамент отражал космогонические представления человека. К этой категории относились орнаменты «жұлдыз құл», т.е. в форме звезды,

«ай мүйіз», т.е. рог луны, и другие. Наиболее распространенным являлся орнамент, отражавший скотоводческий характер хозяйства казахов. Такими орнаментами были «бәрі құлак», т.е. уши волка; «құс тұмсық», т.е. клюв птицы; и «қошқар мүйіз», т.е. бараний рог.

По своему содержанию рисунок казахского орнамента глубоко самобытен. Он вырос из обстановки хозяйственного быта кочевых племен, их верований (рисунки-талисманы). Самобытность не исключала и культурных заимствований. Например, в растительном орнаменте сказывалось влияние персидского искусства.

Производство кошменных и шерстяных изделий находилось в руках женщин. Однако художественное украшение применялось также и в мужском ремесле: при обработке металла, резьбе по дереву и камню, в ювелирном производстве. Художественная резьба по камню применялась на могильных памятниках.

Они делались из белого известняка в виде высокого, до двух метров, каменного столба. Стороны столба покрывались резьбой. Рисунок носил плоский характер и имел многообразное содержание. Резьба по камню обычно раскрашивалась. Резьба по дереву широко применялась при изготовлении предметов домашнего обихода. Резными делались спинки тёсек (кроватей), сундуки, подставки для кумыса. Нередко резьбой покрывались деревянные музыкальные инструменты, луки седел. Рисунок, как правило, раскрашивался.

Для всех видов изделий применялись розовые, кирпично-красные, серовато-синие, серо-зеленые, оранжевые и желтые расцветки. Сочетание этих цветов давало исключительно яркий рисунок.

Резные изделия из кости обычно делались ажурными. Рисунок здесь был более простой, чем при резьбе по дереву. Сказывалось сопротивление материала резцу. Обычно орнамент

составлялся из простейших геометрических фигур: треугольников, кружков, спиралей и т.п.

Такие ажурные пластинки набивались на деревянные изделия и придавали им нарядный и красочный вид.

Из металла делались разнообразные предметы: женские украшения – серьги, кольца, браслеты, застежки, нагрудники, а также украшения для сбруи верховой лошади, мужские пояса, наконечники ремней. Орнамент женских украшений обычно носил геометрический характер – составлялся из прямых линий, кружков и т.п. Такие фигуры вырезались из металла и накладывались на поверхность украшаемого предмета. При изготовлении сбруи или мужских предметов широко применялась резьба по металлу.

ГЛАВА IX

БОРЬБА КАЗАХСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ДЖУНГАРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ И ПРОТИВ ПОДДАНСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

§ 16. «Годы великого бедствия».

Вторжение джунгарских ойротов в казахские кочевья. При Тауке-хане Казахское ханство достигло того относительного единства, которое было возможно в условиях экономической отсталости патриархально-феодального Казахстана.

Преобладание в экономике страны кочевого скотоводства и значительных патриархально-родовых пережитков не создавало почвы для отделения в широком масштабе ремесла от сельского хозяйства, для развития городских центров и для широкого обмена – условий, необходимых для разложения феодализма и перехода к капитализму. Следовательно, не создавалось условий и для укрепления централизованного государства.

Единство Казахского ханства при Тауке основывалось в значительной мере на признании вассальной зависимости по отношению к хану султанов и феодальной знати, выросшей из родовой верхушки казахского общества. Ослабление этих вассальных связей в силу разных причин неизбежно имело своим результатом новое политическое раздробление Казахского ханства. Этому способствовало и то обстоятельство, что после смерти Тауке из его фамилии не выдвинулось ни одного крупного и талантливого деятеля.

В начале 20-х годов XVIII века на ханский престол был избран султан Абульхайыр. Он происходил из младшей султанской фамилии и не пользовался доверием со стороны знатных султанов. Наиболее влиятельные султаны, потомки Тауке, не

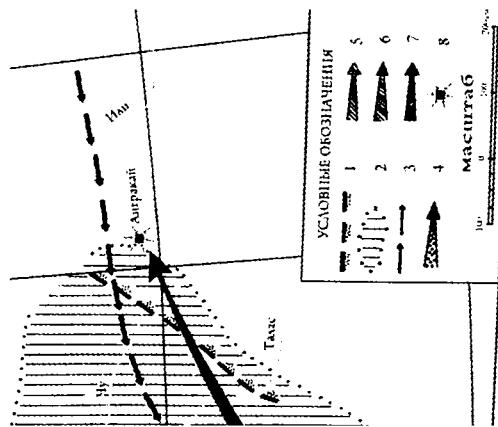
признали власти нового хана. Не признали его и многие бии. Они нуждались в сильном, влиятельном и популярном хане, который мог бы явиться для них крепкой опорой. Таким ханом Абульхайыр не был.

Казахское ханство, раздираемое феодальной междоусобной борьбой, распадалось на отдельные мелкие владения.

Внутренней слабостью Казахского ханства и его политической раздробленностью воспользовались джунгарские ойроты. Ранней весною 1723 года войска ойротов вторглись в казахские кочевья в Семиречье и через горы Кара-Тау двинулись на Таласский район. Казахи не ожидали нападения. Они только готовились в это время покинуть зимние пастбища. Ойроты были вооружены значительно лучше казахов. Захваченный ойротами в плен один шведский офицер, бывший до этого на службе у русского правительства, познакомил ойротов с плавкой железной руды и с искусством лить пушки и ядра. Правда, пушки иногда при выстреле взрывались, но все же у ойротов была артиллерия, которой у казахов вовсе не существовало.

Внезапность нападения и лучшее вооружение, наряду с политической и военной слабостью казахов, обеспечили ойротам в первое время крупные победы. Казахи в панике бежали перед ойротскими войсками, бросая имущество и скот. Не успевших бежать ойроты уничтожали. Поголовно истреблялись целые аулы казахских родов. В Старшем жузе в одном из аулов рода Садыр остались в живых лишь двое: одна женщина и ее малолетний сын. В момент набега женщина спрятала сына под опрокинутым котлом, а сама успела скрыться в ближайших камышах. В одной из песен народ вспоминал это время как годину «народных испытаний и потери былого счастья и богатства». Лишенные скота и крова, многие семьи погибали от голода. Началась массовая смертность, особенно среди детей.

Прежние обширные пастбища были потеряны. Уцелевшие общины Старшего жуза вместе с частью общин Среднего жуза

откочевали в район Ходжента. Казахи Младшего жуза бежали в хивинские пределы и в кочевья каракалпаков, расположенные по среднему и нижнему течениям Сыр-Дарьи. Казахам тяжко жилось на чужбине. «Близкие и родина остались позади; тоскуя по ним, лью горькие слезы», – пел один из акынов в своей песне.

Годы ойротского нашествия вошли в историю казахского народа как «годы великого бедствия».

Около 1725 года ойроты захватили города Ташкент и Туркестан. Султаны и правящая знать окончательно растерялись. Они не сумели поднять народные массы на борьбу. Вместо этого хан Абульхайыр, кочевавший с Младшим жузом, обратился в 1726 году к царскому правительству в Петербург с просьбой принять казахов в российское подданство. Абульхайыр считывал, что российское подданство спасет его от ойротов. Но в то время царское правительство само переживало трудное время после смерти Петра I. Не имея точных сведений, от чьего имени Абульхайыр обратился с предложением о подданстве, оно не ответило на его просьбу.

Борьба казахов против завоевателей-ойротов. Силы сопротивления захватчикам нашлись в самом казахском народе. Отважные батыры призвали народ к отражению грозной опасности. Особенно много сделал для отпора врагу один из биев Среднего жуза по имени Бокенбай. Бокенбай-батыр в горячих призывах к народу вспоминал о годах былой славы казахов, о потерянных родных землях, звал к отмщению за погибших сородичей. Мужественный призыв Бокенбая нашел широкий отклик в народе. К батыру стали стекаться жигиты. Другие батыры тоже организовали отряды жигитов. В 1726 году казахи нанесли первое поражение ойротам. Битва произошла в местности, впоследствии получившей в народе название «Калмак-кырылган», т.е. «место гибели калмыков», – на берегу реки Буланты (степной речки несколько западнее среднего течения

реки Сары-Су). В борьбе с ойротами в это время выдвинулся один юный султан. Его звали Аблай. Тогда Аблаю было только 15 лет, но о его храбрости, отваге и мужестве в казахском народе уже начинали распространяться легенды.

Победа при реке Буланты имела огромные последствия для казахов. Исчезли паника и страх перед врагом, который прежде казался непобедимым. Народные массы смело шли на борьбу с иноземными захватчиками. По старинному обычаяу, перетянув коням челки, переплетя в косички их гривы и завязав хвосты, многочисленные отряды жигитов стягивались под значки батыров. Составилось мощное общенародное ополчение. Теперь вождем ополчения был избран хан Абульхайыр. Этого требовал обычай. Вождем общенародного войска мог быть только представитель знати «белой кости». По старинной традиции состоялось жертвоприношение – в залог будущего успеха заклали белого коня.

Борьба оказалась трудной, длительной и ожесточенной. Казахи медленно, но неуклонно освобождали свою землю от ойротов. Наконец, в 1729 году в местности Анракай к югу от озера Балхаш началась решающая битва. Казахи нанесли ойротам жестокое поражение. С тех пор Анракай казахский народ называет «местом стона и рыданий врага». Ойроты отступили на восток, в пределы Джунгарии, но все же сохранили власть над кочевьями Старшего жуза, и опасность нового вторжения джунгарских войск не была окончательно устранена.

§ 17. Начало подчинения Младшего жуза царской России.

Положение в казахских жузах после нашествия ойротов.

Годы «великого бедствия» оставили глубокий след в жизни казахского народа. Хозяйство южных районов было подорвано. Очаги земледельческой культуры Семиречья и Сыр-Дары были частично уничтожены. Районы и маршруты кочевий нарушены.

Существенные изменения произошли к этому времени и в общественном строе казахов. Процесс феодализации, ярко обнаружившийся в XVII веке, привел к усилению родовой знати и одновременно к упадку общественного значения знати «белой кости».

В героическое время борьбы казахского народа за свою независимость против джунгарских ойротов особенным почетом стали пользоваться предводители народных дружины, прославленные своей храбростью и получившие почетное имя батыров. В начале XVIII века к числу таких батыров принадлежали известные бии – Бокенбай, Жаныбек, Есет.

Многие предводители дружины в результате военных удач быстро богатели и становились во главе родов наряду с прежними биями – наследственными родоначальниками. Таким образом, состав биев несколько изменился. Влияние биев в жузах росло.

В то же время влияние знати «белой кости» значительно упало. Беспомощность и растерянность, которую проявили в тяжелые годы «великого бедствия» хан и султаны, подорвали их авторитет. К тому же султаны были ослаблены постоянными взаимными феодальными распрями.

Упадок значения и роли знати «белой кости» особенно сильно чувствовали старший хан, властолюбивый Абульхайыр, и его родственники-султаны.

Традиции правления сильного и влиятельного хана Тауке, когда старший хан стоял на вершине феодальной лестницы, когда вся знать признавала себя его вассалом, были еще живы и памятны всем. Однако хан Абульхайыр не только не имел такой власти и влияния, но даже не был самым крупным из казахских владельцев. Он продолжал считаться старшим ханом, но фактически ему подчинялась лишь часть Младшего жуза. Многие роды совсем не признавали его власти. В Среднем жузе были свои два хана и несколько крупных султанов. В Старшем

жузе был свой хан. Все эти ханы и султаны враждовали друг с другом. Таким образом, феодальная раздробленность заметно возросла. Между тем внешняя опасность для казахов не была устранена. Нового нападения из Джунгарии можно было ожидать каждодневно. Враг был оттеснен за границы казахских кочевий, но не был разбит. Старший жуз оставался еще под властью джунгарских завоевателей.

Такова была сложная внутренняя и внешняя обстановка в казахских жузах в 30-х годах XVIII века.

Перед Абульхайыром, стремившимся быть действительно старшим ханом, вставала задача: с одной стороны, бороться с внешней опасностью, с другой – восстановить ханскую власть в ее прежнем значении. Первая задача требовала объединения всех сил политически раздробленного и в военном отношении ослабленного казахского народа. Вторая задача требовала подавления сопротивления той части султанов и биев, которая не признавала Абульхайыра ханом и противодействовала объединению вокруг него всех казахских жузов. Разрешить эти противоречивые и сложные задачи собственными силами Абульхайыр не мог. Пытаясь сохранить и даже расширить ханскую власть, он обратился за помощью и поддержкой извне – прежде всего к царскому правительству России.

Переговоры Абульхайыра с царской Россией. Абульхайыр использовал для своих целей усилившуюся военную угрозу со стороны джунгарских ойротов и уговорил многих султанов и биев обратиться к России с предложением военного союза для совместной с казахами борьбы против Джунгарии. Состоявшийся в 1730 году съезд биев Младшего жуза принял такое решение и поручил Абульхайыру вступить в переговоры с царскими властями о заключении с Россией военного союза. Но Абульхайыр жестоко обманул биев. В грамоте, посланной им императрице Анне Ивановне, он просил царское правительство не о военном союзе, а о принятии казахов всех жузов

в российское подданство. Этую просьбу Абульхайыр написал тайно от биев и от народа.

Правительство Анны Ивановны воспользовалось просьбой Абульхайыр-хана и решило попытаться подчинить Казахстан своей власти. Оно полагало, что вместе с казахами перейдут в распоряжение Российской империи все караванные пути в Среднюю Азию. Оно надеялось также, что подданство казахов поможет царизму завершить военное окружение Башкирии. Башкиры еще с конца XVI века считались подданными России. Однако они в значительной мере сохраняли еще свою независимость. Царское правительство рассчитывало, что с переходом казахов в российское подданство можно будет построить на границе с казахской степью крепости по реке Урал и при помощи этих крепостей успешнее подавлять национальное движение башкирского народа. Наконец, царское правительство собиралось «киргиз башкирами, а башкиров киргизами смирять», т.е. содействовать проникновению России на Восток путем натравливания одной народности на другую.

Для приведения казахов к присяге на подданство русское правительство в 1731 году отправило к Абульхайыру из Петербурга многочисленное посольство. Во главе посольства был поставлен переводчик Коллегии иностранных дел, выдвинувшийся еще при Петре I как дипломат и знаток Востока, казанский мурза Кутлу Мухаммед, он же А. И. Тевкелев. Посольство везло с собой грамоту императрицы о принятии казахов в подданство Российской империи и богатые подарки для казахской знати.

Тевкелев встретил аулы Абульхайыра в районе реки Иргиз. Здесь обнаружился обман хана. Возмущенные бии решили воспрепятствовать переговорам хана с Тевкелевым. Они посадили их обоих под домашний арест впредь до народного собрания. Однако ночью Тевкелеву удалось тайно встретиться с ханом. На этом свидании Абульхайыр объяснил царскому

послу, какие причины побудили его подать просьбу о подданстве. Он жаловался Тевкелеву, что «хан только имя носит ханское, а воли над подданными не имеет», сравнивал положение хана с дикой лошадью, которую «и люди бьют, и звери ловят». Все это и заставило Абульхайыра искать себе «оберегателя». Таким оберегателем хана, т.е. внешней поддержкой против его же собственного народа, должно было быть, по мысли Абульхайыра, царское правительство.

Таким образом, просьба Абульхайыра о подданстве была вызвана, прежде всего, упадком ханской власти в казахских жузах после «великого бедствия». Ввиду этого Абульхайыр посоветовал Тевкелеву искать поддержки у крупных биев и не скучиться на подарки. «Если, – говорил он, – знатные старшины подарками удовольствованы будут..., то и в подданство российское привести их будет нетрудно».

Хан указал Тевкелеву также и вторую причину, побудившую его просить о подданстве. Казахские кочевья подвергались непрестанным набегам башкир и калмыков, русских подданных. Хан рассчитывал, что царские власти, приняв казахов в подданство, удержат башкир и калмыков от дальнейших нападений. Это облегчило бы казахам борьбу с ойратами.

Тевкелев спросил хана, почему же он подал просьбу о подданстве от имени всех казахов, а не только от своего собственного. Абульхайыр объяснил это опасением, что просьбу только от его имени царское правительство могло бы не удовлетворить.

7 октября 1731 года в кибитке хана состоялось первое свидание Тевкелева с биями. На слова посла, что императрица «киргиз-кайсацкое войско пожаловала, повелела по прошению вашему в подданство российское принять», бии в ответ ничего не сказали и отослали Тевкелева в его кибитку. Оставшись одни, они порешили Тевкелева убить. Но Тевкелев тем временем повидался с батыром Бокенбаем и склонил его на

свою сторону. Это было очень важно, так как Бокенбай пользовался огромным влиянием среди биев и народа.

10 октября состоялось второе собрание биев. Большинство собравшихся говорило «в злости», что «в подданстве быть не желают» и что они уполномочили хана просить царское правительство лишь о военном союзе. Однако хан, султаны и небольшая, но очень влиятельная группа крупных биев все же принесли на этом собрании присягу на подданство Российской империи.

Позднее, в декабре 1731 года, Тевкелеву при посредничестве Бокенбая удалось склонить к принесению присяги и некоторых других султанов Младшего и Среднего жузов. Подавляющее большинство владельцев Среднего жуза отказалось от принесения присяги. Со Старшим жузом Тевкелеву вовсе не удалось установить отношения. Впрочем, царское правительство и не настаивало на подданстве Старшего жуза, так как опасалось осложнений с Джунгарией.

Таким образом, присягу принесли лишь высшие представители казахской знати, по преимуществу Младшего жуза. Тем не менее, этим было положено начало российскому подданству казахов.

Борьба казахов против подданства. Казахские народные массы и значительное число мелких биев понимали, что присяга означает начало утери независимости. Они повели борьбу против подданства. Вначале эта борьба была направлена только против посольства Тевкелева. Народ и бии не выпускали Тевкелева из пределов Казахстана и несколько раз пытались его убить. Значительная часть лошадей посольства была угнана казахами. Многие сопровождавшие Тевкелева башкирские старшины были убиты. «Противная партия, – писал Тевкелев, – стала зело умножаться, и каждый день (на него, Тевкелева. – **Прим. ред.**) набегами своими днем и ночью с великим криком нападать начали и лошадей отгонять».

Временами посольство оказывалось в настоящей осаде. В одно из нападений Тевкелев и его спутники целый день, с утра до полуночи, отбивали атаки казахов. В другой раз Тевкелев, выехав на охоту, подвергся нападению значительного отряда казахов. Тевкелев едва спасся бегством. Его ближайший помощник, один из знатных башкирских старшин, был захвачен казахами в плен.

В 1732 году борьба казахов против российского подданства вспыхнула с новой силой. Ее подогревал один калмыцкий князь, враждовавший с царским правительством. Он дважды посыпал своих агентов в Младший жуз, и его уговоры оказали большое влияние на казахов. В октябре 1732 года волнения казахов приобрели большой размах. На этот раз они были направлены не только против Тевкелева, но и против хана и знатных биев, поддерживавших царское правительство. Батырам Бокенбаю и Есету удалось усмирить волнения. Калмыцкие посланцы были удалены из казахских кочевий. Но в ноябре 1732 года снова произошли крупные волнения. Бии выступили организованно во главе своих ополчений. Они привлекли на свою сторону султана Батыра, крупного владельца из рода Шекты. Батыр был давнишним соперником Абульхайыра в борьбе за власть в Младшем жузе. Султан Батыр и бии хотели свергнуть Абульхайыра и тем самым помешать окончательному переходу Младшего жуза в российское подданство. Одновременно начались волнения в западных районах Среднего жуза, вызванные нападением российских подданных – башкир на казахские аулы.

Бии потребовали, чтобы Абульхайыр арестовал Тевкелева. Но в этот момент, перед лицом угрозы со стороны султана Батыра, Абульхайыр особенно нуждался во внешней поддержке. С помощью Бокенбая и других сочувствовавших ему биев Абульхайыр отправил посольство Тевкелева под сильной охраной в Россию. Вместе с Тевкелевым Абульхайыр направ-

вил своих послов ко двору императрицы. В начале 1733 года Тевкелев вместе с казахскими послами прибыл в Уфу, а отсюда отправился в Петербург.

Таким образом, переход казахов в российское подданство явился результатом сговора части казахской знати и царского правительства. Уже тогда были заложены основы того политического союза между казахской знатью и российским самодержавием, который впоследствии сыграл большую роль в превращении Казахстана в колонию империи. Подданство было принято вопреки воле народных масс. Казахский народ боролся против него. Однако эта борьба не превратилась в общенародное восстание. Боролись только казахи Младшего жуза и западной части Среднего жуза. Старший жуз остался в стороне от борьбы. Многие общины Среднего жуза тоже не приняли в ней участия. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, лишь небольшая часть знати Среднего жуза приняла в 30-х годах XVIII века подданство Российской империи. Во-вторых, как раз в 1731 году во время пребывания Тевкелева в Казахстане ойроты снова напали на казахов. Нападению подверглись восточные и центральные районы Среднего жуза. Было разорено много аулов и отогнано огромное количество скота. Силы Среднего жуза были отвлечены на борьбу с Джунгарией.

Первые колониальные мероприятия царизма. Правительство Анны Ивановны было удовлетворено результатами посольства Тевкелева. Для закрепления господства над Казахстаном царское правительство в 1734 году отправило экспедицию во главе с секретарем сената И. К. Кирилловым. В помощь Кириллову был прикомандирован Тевкелев. Перед экспедицией были поставлены важные задачи. Кириллову поручалось построить город в устье реки Ори. В целях привлечения купечества новому городу предоставлялись большие привилегии. Здесь предполагалось создать центр торговли со Средней Азией. Граница между казахскими владениями и Российской

империей устанавливалась по реке Урал. Укрепившись в новом городе, Кириллов должен был заняться разведкой руд в Казахстане. Особенно рекомендовалось произвести розыски золота и серебра. Кроме того, Кириллов должен был организовать отправку караванов в Среднюю Азию и в Индию. При этом предписывалось посыпать с каждым караваном землемера для съемки плана местности. Кириллову также поручалось доставить в разобранном виде суда на Сыр-Дарью, завести на этой реке флот и построить в ее устье крепость.

Таким образом, экспедиция Кириллова преследовала две главные цели: разведать Казахстан в промышленном и торговом отношениях и превратить казахские степи в плацдарм для наступления на Среднюю Азию.

Царское правительство не сумело в то время разрешить эти задачи. Лишь только разнесся слух о постройке крепости в устье Ори, как в Башкирии вспыхнуло мощное восстание, вскоре охватившее все башкирские земли. В этой постройке крепости башкиры усмотрели угрозу военного окружения и потери последних остатков независимости. Поэтому Кириллов, приехав в 1735 году в Уфу, вынужден был бросить все свои силы на подавление освободительного движения башкирского народа. Правда, Кириллову удалось построить крепость в устье реки Ори. Она была названа Оренбург и впоследствии переименована в Орск, а название Оренбург было перенесено на крепость, построенную в начале 40-х годов XVIII века на месте современного Чкалова. Но этим и ограничились осуществление обширного плана экспедиции Кириллова. Царскому правительству пришлось временно оставить мысль о завоевании Казахстана.

В 1737 году в Башкирии вспыхнуло новое восстание. По просьбе башкирских старшин хан Абульхайыр offered им помочь. Отряды хана вторглись в пределы Башкирии и разорили верные царскому правительству башкирские улусы. Абульхайыр мечтал о присоединении Башкирии к своим владениям.

С этой целью он сделал попытку провозгласить ханом Башкирии одного из своих сыновей. Царские власти испугались объединения башкир с казахами. Начальник оренбургской экспедиции, сменивший умершего Кириллова, вызвал войска к Оренбургу и пригласил хана Абульхайыра на свидание. Он принял Абульхайыра с большим почетом, поднес ему богатые подарки, а за это добился вторичной присяги хана на подданство царскому правительству. Еще более важным для царского правительства было то, что Абульхайыр согласился дать в качестве аманата (заложника) того самого султана, который выдвигался в ханы Башкирии. Этим, а также подавлением восстания башкир царское правительство предотвратило опасность объединения башкир и казахов.

В 1740 году в Башкирии опять вспыхнуло национальное движение. Царское правительство с жестокостью подавило его. В то же время царские власти старались предупредительностью и лаской привлечь на свою сторону казахскую знать. В 1740 году к начальнику края в Оренбург были приглашены наиболее видные владетельные султаны. Здесь они принесли присягу царскому правительству. Среди присягнувших был также султан Аблай.

Укреплению господства царизма на границе с казахской степью содействовала постройка новых крепостей по Уралу и Иртышу. В прежде существовавших укреплениях были усилены гарнизоны.

Но в начале 40-х годов царскому правительству так и не удалось завязать крепких торговых связей с казахами и добиться усиления транзитной торговли через Казахстан.

§ 18. Усиление внешней опасности и политические маневры хана Абульхайыра.

Новое нападение ойротов на Младший и Средний жузы.
С начала 40-х годов казахские кочевья Среднего и Младшего жузов подверглись новому нападению джунгарских войск.

Ойроты преследовали казахов почти до Урала. В 1742 году джунгарский правитель Галдан Церен повторил нападение на Средний жуз, забрал аманатов и потребовал его полного подчинения. Крупнейшие владельцы Среднего жуза признали себя вассалами Джунгарии. Султан Аблай был увезен ойротами в плен. Таким образом, Средний жуз был поставлен в такое же положение зависимости от Джунгарии, как и Старший жуз. Только западные кочевья Среднего жуза сохранили независимость.

Положение казахов под властью джунгарских завоевателей было очень тяжелым. Право распоряжения кочевьями теперь зависело от ойротских правителей. На казахов была наложена подать мехами – по корсаку (порода степных лисиц) с кибитки. Потеря политической независимости угнетала казахский народ. Письма современников были наполнены жалобами на это тяжелое и унизительное положение. Один из старшин, находившийся при казахских аманатах в Джунгарии, как свидетельствуют русские источники, советовал своим сородичам, «чтобы они, кайсаки, сами себя берегли и сожалели... понеже от зюнгорцев (т.е. джунгар. – *Ред.*) к ним, кайсакам, не только никакой чести не стало, но и утеснение усматривается».

Среди знати Среднего жуза возникла мысль переменить районы кочевий и приковывать поближе к границам Российской империи, чтобы уйти из-под власти ойротов. Один из крупных султанов Барак говорил старшинам, что хорошо бы «кочевые свое иметь уже по Яику (Уралу), Оре и другим здешним рекам, где-де не только утеснения, но и от зюнгорской стороны такой опасности не будет». В этот период кочевья казахов действительно продвинулись к сибирским границам империи.

Зависимость Среднего жуза от Джунгарии прекратилась лишь после смерти джунгарского правителя Галдан Церена в 1746 году, когда возникшие в Джунгарии феодальные смуты помогли казахам сбросить с себя господство ойротов.

Усиление Абульхайыра. Иначе складывалась в 40-х годах XVIII века политическая жизнь Младшего жуза. В 1740 году

персидский шах Надир совершил поход в Среднюю Азию. Хан Бухары без сопротивления подчинился Надиру. Хивинский хан выступил против шаха, но потерпел жестокое поражение и был казнен Надиром. По приглашению хивинской знати ханом сделался Абульхайыр. Но его правление в Хиве было очень кратковременным. Когда Надир приблизился к Хиве, Абульхайыр был вынужден бежать из города.

Вскоре Хива была взята войсками Надира. Но северные районы ханства отложились от Хивы и провозгласили ханом султана Нурады, сына Абульхайыра. Укрепившись в районе Аральского моря, Нурады летом 1741 года предпринял поход против персидских завоевателей и взял Хиву. Наместник Надира был убит. Однако и Нурады правил в Хиве недолго. В том же 1741 году шах Надир направил против Хивы новое войско. Не дожидаясь его прихода, хивинские беки покорились Надиру. Нурады бежал. Хивинские владения были теперь навсегда потеряны для фамилии Абульхайыра.

Неудачи в Хиве побудили Абульхайыра искать дальнейшего сближения с царским правительством. Это сближение помогло Абульхайыру избежать подчинения джунгарским завоевателям. Последние требовали от Абульхайыра выдачи аманатов. Но энергичное вмешательство царского правительства заставило ойротов отказаться от своего требования. Галдан Церен вынужден был считаться с Абульхайыром как с российским подданным. Этим политическим маневром Абульхайыр достиг значительных преимуществ по сравнению со своими соперниками в борьбе за власть. В то время как султаны, потомки Тауке, господствовавшие в Среднем жузе, должны были признать власть джунгарского правителя, Абульхайыр сохранил независимость от Джунгарии и власть в жузе.

В это время отношения Абульхайыра с царской Россией напоминали, скорее, отношения союзные, чем вассальные. Почетные и пышные приемы, которые устраивала хану цар-

ская администрация, только подчеркивали этот союзный характер отношений. Многим старшинам не только Младшего, но и Среднего жуза стало казаться, что Абульхайыр может возродить прежнее могущество Казахского ханства. Крупнейшие старшины – такие, как Жаныбек в Среднем жузе и Есет в Младшем – признали теперь вассальную зависимость от Абульхайыра. Последний умело использовал эту благоприятно для него складывавшуюся обстановку прежде всего для того, чтобы расширить и укрепить свое ханство. Абульхайыру удалось поставить в зависимость от себя все северные кочевья Среднего жуза. Он уничтожил в них господство султанов из фамилии Тауке и назначил правителями своих сыновей.

Обострение отношений Абульхайыра с царским правительством. Положение Абульхайыра в начале 40-х годов XVIII века действительно стало приближаться к положению старшего хана. Но такое усиление Абульхайыра начало беспокоить царское правительство. Особенно опасными представлялись царскому правительству внешние связи хана. Абульхайыр тесно сблизился со своими южными и восточными соседями – среднеазиатскими ханствами и Джунгарией. Это сближение укрепляло власть хана. Царское правительство опасалось, что внешнее и внутреннее укрепление ханства поведет к ослаблению зависимости казахов от империи. Поэтому оно стремилось оторвать Казахское ханство от его соседей и всемерно препятствовало попыткам Абульхайыра создать крепкое казахское государство.

Проводником этой политики царизма явился оренбургский губернатор И. И. Неплюев (Оренбургская губерния была создана в 1744 году). Неплюев построил на границе между Башкирией и казахскими кочевьями густую сеть укреплений, чтобы сделать невозможным соединение башкир и казахов. В то же время Неплюев отдал распоряжение комендантам крепостей, расположенных по нижнему Уралу, не допускать непо-

средственных сношений между казахской знатью и калмыцкими владельцами. Коменданты должны были задерживать казахских посланцев на границе и отсыпать обратно.

Труднее было изолировать казахов от среднеазиатских ханств. Здесь можно было действовать только дипломатическим путем. Все же Неплюев достиг некоторого успеха. В 1746 году Нурагы получил приглашение от сына шаха Надира занять хивинский престол. Понимая, насколько усилится в этом случае Абульхайыр, Неплюев стал всячески отговаривать султана Нурагы от этого шага. Вдобавок оставшаяся в Хиве жена Нурагы сообщила мужу, что персидский шах своим приглашением вынашивает коварный план – он хочет отомстить ему за убийство в 1741 году наместника Надира и с этой целью стремится завлечь его в Хиву. В результате Нурагы не поехал в Хиву. Хивинским ханом был провозглашен в 1747 году султан Каип, сын Батыра, старого врага Абульхайыра. Это ослабило положение хана в южных кочевьях Младшего жуза и усилило враждебную ему группировку.

Царское правительство подрывало авторитет Абульхайыра также и другими мерами. Прежнее предупредительное отношение к хану сменилось пренебрежением к его требованиям. В то же время казахский народ и часть феодальной знати продолжали осуждать политику Абульхайыра и его связи с царской Россией. Абульхайыр сознавал это. Он писал об этом с горечью в одном из писем к Неплюеву: «По посыпаемым моим письмам ни единожды ничего не учинилось, но еще и пуще со всем нашим народом в ссоре и в стыду меня оставили».

В 1746 году умер джунгарский правитель Галдан Церен. Теперь Джунгария, где начались феодальные смуты, перестала быть опасным соседом. Абульхайыр захотел восстановить свою самостоятельность и прервал всякие сношения с царским правительством. Он даже сделал попытку совсем откочевывать от границ империи. С этой целью он призвал ка-

захов к войне против каракалпаков, рассчитывая захватить их кочевья в районе Сыр-Дарыи. Но из этой попытки ничего не вышло. Кочевья каракалпаков захватить не удалось, да и сами казахские старшины и народ не проявляли стремления менять районы кочевий.

Убийство Абульхайыра. Разрыв Абульхайыра с царским правительством не встретил сочувствия среди его главных вассалов. Хана осуждали крупные старшины Жаныбек и Есет, а также его собственные сыновья. Положение хана пошатнулось. Усилилось влияние враждебных ему султанов Барака и Батыра. Но и царскому правительству был невыгоден разрыв с ханом. Как бы то ни было, Абульхайыр являлся главным агентом царского правительства в казахских степях. Кроме того, в результате разрыва Абульхайыр закрыл караванные пути. Это привело к упадку среднеазиатской торговли. Усилились набеги казахов на русскую пограничную линию. Особенно же опасной представлялась царскому правительству возможность сближения Абульхайыра с Джунгарией. Стало известно, что хан добивался этого и с этой целью сватал свою дочь за нового джунгарского правителя Цеван Дорджи.

Ввиду всего этого царское правительство направило в 1748 году А. И. Тевкелева к Абульхайыру для переговоров. Свидание это состоялось в августе того же года близ Орской крепости. Оно завершилось примирением Абульхайыра с царским правительством. Тогда же были восстановлены прежние отношения к Абульхайыру со стороны его главных вассалов – султана Нураги и старшины Жаныбека. Положение Абульхайыра снова укрепилось. На собрании биев, происходившем во время свидания хана с Тевкелевым, старшины были вынуждены «во всем отдаваться на волю Абульхайыр-хана».

Новое усиление Абульхайыра представлялось для султанов противоположной группировки опасным. Особенно был встревожен восстановлением вассальных отношений круп-

нейших биев к Абульхайыру султан Батыр. Он начал подстремать к борьбе с ханом одного из владельцев Среднего жуза султана Барака. Случай для столкновения с Абульхайыром вскоре представился. Абульхайыр рассматривал каракалпаков, кочевавших в районе Сыр-Дарыи, как своих подданных. Но кочевые каракалпаков были расположены в пределах владений Батыра. Вскоре после свидания при Орской крепости, в один из набегов на каракалпаков, возник спор из-за обладания их имуществом. Спор перешел в вооруженное столкновение между отрядами Барака и Абульхайыра. Во время этого столкновения Барак убил хана.

Конец Абульхайыра означал не только его личную гибель, но и крушение его планов восстановления ханской власти при помощи извне. Ни одна из поставленных Абульхайыром задач не была выполнена. Более того, его попытка опереться на царское правительство и привести казахские ханства к подданству России вызвала противодействие и осуждение не только большей части его современников, но и потомков. После смерти Абульхайыра Казахское ханство продолжало находиться в состоянии раздробленности. Междоусобная борьба и смуты разгорелись с новой силой.

ГЛАВА X

СРЕДНИЙ ЖУЗ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

ХАНСТВО АБЛАЯ

§ 19. Колониальные мероприятия царизма в середине XVIII века и их влияние на хозяйство казахов.

Ограничение хозяйственной самостоятельности казахов. К середине XVIII века господство царизма значительно укрепилось на границе как с Младшим, так и со Средним жузом. По Уралу, Иртышу и Ую (притоку Тобола) были построены новые укрепления, усилены гарнизоны, созданы межевые дворы для торговли с казахами и со среднеазиатскими ханствами. Это позволило царскому правительству оказывать значительное влияние на хозяйственную жизнь степей.

В 1756 году царское правительство, в целях регулирования казахских кочевий и контроля за передвижением казахов, издало указ о запрещении казахам перегонять скот в зимнее время на так называемую «внутреннюю сторону», т.е. в степи между Уралом и Волгой. Разрешения давали лишь не вызывавшим подозрений у власти лицам. Между тем, кочевья на «внутренней стороне» были жизненно необходимы для казахов. За летние месяцы корм на левом берегу Урала вытаптывался скотом. Кроме того, здесь не было ни больших зарослей камыша, ни лесов, ни гор, вообще не было мест, защищенных от зимних выног и буранов. Поэтому казахи стремились перегонять на зиму скот на правый берег Урала. Там, особенно в камышовых зарослях у побережья Каспийского моря, скот пользовался надежными укрытиями от зимней непогоды и находил себе под неглубоким снежным покровом подножный корм.

С середины 60-х годов XVIII века царские власти ввели подобное запрещение также для казахов Среднего жуза: им было

воспрещено перегонять скот за Иртыш. Сверх того, царское правительство установило по левому берегу Иртыша десятиверстную полосу, закрытую для казахских кочевий.

Введенные царским правительством ограничения пользования пастбищами вели к массовой гибели скота, особенно в суровые зимы. Наиболее тягостным образом эти ограничения отражались на положении трудящихся казахов. Султаны и крупные бии, фактически распоряжаясь пастбищами, имели возможность захватывать лучшие зимовки под свои аулы. Имущественное неравенство в казахской общине углублялось.

Большой ущерб хозяйству казахов наносили так называемые «воинские поиски» в степи. Они заключались в вооруженном грабеже казахских аулов царскими отрядами, составленными по преимуществу из уральских и сибирских казаков. «Поиски» совершились часто и по любому поводу. Как признался один из оренбургских губернаторов, «поиски» производились потому, что они позволяли «составлять состояния». Они были одной из форм колониального грабежа.

Торговля с казахами тоже носила характер колониального грабежа. Казахи нуждались в промышленных товарах. Своей промышленности у них почти не было. По-прежнему, как и в XVI–XVII веках, казахи производили кошменные и меховые изделия, некоторые поделки из дерева (кереге для юрт, деревянную посуду), ткали грубую армячину, делали порох и плавили свинец, который шел на литье пуль. Кузничное ремесло было развито слабо, железолитейное дело совсем отсутствовало. Оружие, различные железные изделия домашнего обихода, например, котлы, а также ткани получались казахами путем обмена.

Общественное разделение труда, отделение ремесла от земледелия все еще находилось в зачаточном состоянии. Производство оставалось натуральным. Нужные товары казахи выменивали в среднеазиатских ханствах и на русской границе

в меновых дворах. Такие меновые дворы существовали при крупных крепостях – Оренбурге, Орске, Троицке, Петропавловске, Омске, Семипалатинске.

Обмен был неравноценным. Например, за железный котел, который на Ирбитской ярмарке в Сибири стоил 2 рубля 50 копеек, с казахов брали пушнину и меха стоимостью в 50 рублей. Товары, которые отпускались казахам, обычно были низкого качества. Нередко они производились из сырья, полученного от самих казахов, например, меховые изделия, роговые гребни и т.д. Товары обменивались в натуре, денежного обращения в торговле с казахами в XVIII веке не было. Поэтому неравноценность обмена не бросалась в глаза. Колониальная торговля разоряла казахов менее заметным для них образом.

Углубление классовых противоречий в Казахстане. Колониальные мероприятия царизма в Казахстане в середине XVIII века оказывали непосредственное влияние не только на хозяйство, но и на общественные отношения казахов. Развивавшиеся на базе естественного развития производительных сил, земельных захватов и частной собственности на скот, феодальные отношения продолжали углубляться.

Земельные ограничения, введенные царизмом, подрывали, в первую очередь, хозяйство не знати, а трудящихся казахов. В этот период получили дальнейшее развитие отработки, существовавшие еще в XVI–XVII веках. Обычно они прикрывались патриархальной формой «родственной помощи» (саун). Богатые сородичи давали обедневшим аулам скот, которым те пользовались до тех пор, пока его не требовали обратно собственники. За это пользователи должны были пасти стада своих «благодетелей». Развитие отработок вело к дальнейшему закабалению кочевой общины родовой знатью. Казахская община разорялась и не могла оказать обедневшим сородичам необходимой поддержки. Не имея других средств к существованию, они вынуждены были работать в хозяйствах знати. Это

усиливало феодально-зависимые отношения и способствовало дальнейшему развитию феодализма в казахской степи.

§ 20. Ханство Аблай.

Хан Аблай. Одновременно усиливалось давление русского царизма и на политическую жизнь Казахстана. Но это давление не было равномерным и одинаковым во всех областях страны. В Младшем жузе влияние царской России было сильнее, чем в Среднем. Последний, несмотря на усилившееся давление внешних врагов, сохранял свою самостоятельность вплоть до конца XVIII века. Этому способствовала в большой мере мудрая и дальновидная политика хана Аблая, в течение 48 лет руководившего борьбой казахов Среднего жуза за независимость. Аблай родился в 1711 году. Он происходил из младшей линии султанов Среднего жуза и был внуком владетеля города Туркестан. Дед Аблая был прозван «Аблай-кровопийца», очевидно, за безжалостное уничтожение своих врагов. В результате междоусобной борьбы за власть в казахских степях он вынужден был уйти в Хиву, на службу к Каип-хану. Но Каип-хан погиб во время одного из нападений врагов на Хиву. Вместе с ним был убит и «Аблай-кровопийца». Один из его сыновей султан Вали, вместе с двенадцатилетним сыном Абульмансуром, бежал из Хивы, долго скрываясь среди чужих людей и терпя нужду и унижения. Юноша Абульмансур, впоследствии принявший имя деда Аблая, не пожелал выносить унижений на чужбине и бежал в Туркестан. Но из гордости он скрыл свое происхождение и настоящее имя и работал батраком у казахской знати.

Юные годы Аблая проходили в обстановке «великого народного бедствия». Казахский народ теснили со всех сторон внешние враги – джунгарские ойроты, башкиры, яицкие казаки. Они угоняли скот, уводили в плен целые семьейства казахов. В суровые зимы от гололедицы и бескорытицы падал

скот, голодали и умирали люди. Джунгарские завоеватели жестоко притесняли народ. Юноша Аблай не мог оставаться равнодушным к страданиям своего народа. Он участвовал во многих битвах с завоевателями как рядовой воин, но поражал всех своей храбростью и мужеством. По народным преданиям, в одной битве с джунгарскими ойротами в 1731 году молодой воин бросился в гущу врагов с кличем «Аблай!». Его отвага и находчивость помогли казахам одержать победу. Клич «Аблай» помог узнать, что простой воин-пастух был султаном из рода Аблая. С этого времени Аблай оставался в качестве владетельного султана при хане Абулмамбете. Только после его смерти в 1771 году Аблай стал ханом.

Борьба Аблая с джунгарскими завоевателями. Еще будучи султаном и помощником хана Абулмамбета, Аблай оказывал на политическую жизнь Среднего жуза большое влияние. Он был умнейшим человеком своего времени. Народный эпос – песни и предания казахского народа – называет Аблая мудрым. О его уме, дальновидности и даже хитрости в политических делах свидетельствуют и государственные деятели соседних держав. Даже мурза Тевкелев, посол русского правительства, характеризовал Аблая как «самого хитрого и самого влиятельного из киргизских владельцев». Действительно, Аблай лучше многих других ханов понимал положение и политические задачи, стоявшие перед казахским народом. Страна была разорена и раздроблена. Независимость казахов находилась под угрозой со стороны сильнейших государств, окружавших Казахское ханство. Самыми сильными и опасными были Российская и Китайская империи. Но более близкая и непосредственная опасность в то время угрожала не со стороны этих мощных государств, а со стороны Джунгарии, уже причинившей казахскому народу тяжелые бедствия. Аблай решил сохранить мир и дружбу с Россией и Китаем и при их поддержке разгромить джунгарских притеснителей.

28 августа 1740 года хан Абулмамбет и султан Аблай прибыли в Оренбург. Они были приняты генерал-лейтенантом Урусовым с оказанием должных почестей. Здесь они присягнули на Коране в верности России и с почетом вернулись в свои кочевья. Это был вполне своевременный шаг. В следующем 1741 году джунгарский хан снова предпринял опустошительный набег на Средний жуз. Но на этот раз русские власти вступились за казахов. Они заявили представителю джунгарского хана, что Аблай и Абулмамбет – русские подданные и что впредь Джунгария должна заявлять свои жалобы на Младший и Средний жузы русскому правительству, а не самовольно наказывать казахов.

В одной из схваток с джунгарскими войсками Аблай убил сына джунгарского хунтайджи Галдан Церена¹ и сам при этом случайно попал в плен. На его вопрос: «Не ты ли убил моего сына?» Аблай ответил: «Твой сын убит не мною, а моим народом. Моя рука исполнила лишь его волю». Аблаю грозила смерть, но вмешательство русского правительства спасло его. В 1743 году представитель царской России Неплюев добился освобождения Аблая из джунгарского плена.

Вскоре в Джунгарии произошли события, сильно ее ослабившие. После смерти могущественного Галдан Церена его наследники вступили в ожесточенную борьбу за власть. Этой междоусобной борьбой воспользовался Аблай не только для того, чтобы ослабить когда-то грозного врага казахского народа, но и подчинить Джунгарию своему влиянию. В борьбе с Джунгарией Аблай проявил себя не только как храбрый полководец, но и как искусный дипломат. В 1750 году ханом Джунгари стала Лама Дорджи. Но не вся ойротская знать признала его главой государства. Против нового хана был составлен заговор, во главе которого стал Амурсана – племянник умершего Галдан Церена. Но заговор был раскрыт, и Амурсана бежал в

¹ По другим источникам, Аблай убил зятя Галдан Церена батыра Чарыша. – Прим. ред.

Средний жуз. Аблай приветливо принял беглеца и обещал ему всяческую помощь. В то же время он уверял и Лама Дорджи в своей преданности. Но Лама Дорджи не поверил словам и потребовал выдачи Амурсаны. Положение осложнилось. Назревала война. Понимая, что борьба с таким противником будет нелегкой, Аблай сделал попытку сплотить силы всех трех жузов для отпора врагу. В 1752 году в горах Улу-Тау он собрал съезд султанов и биев трех жузов. Несмотря на острые разногласия среди участников съезда, Аблай настоял на отказе в выдаче Амурсаны. Раздраженный отказом, Лама Дорджи во главе большого войска напал на кочевья Среднего жуза. Особенно пострадали при этом найманы и кереи. Большое количество казахов было захвачено в плен. Положение ойротской знати в Среднем жузе осложнилось.

Пользуясь этим, русское правительство завязало сношения с одним из представителей джунгарской знати, претендентом на власть в Джунгарии – Даваци. Эти переговоры встревожили как Амурсану, так и Аблая. Аблай стал спешно готовиться к походу против ойротов. Весной 1753 года он во главе крупного войска вторгся в пределы Джунгарии. Поход был облегчен тем, что влиятельнейшее в Джунгарии буддийское духовенство не поддержало Лама Дорджи. При его помощи Лама Дорджи был убит, и джунгарским ханом стал Даваци. Но междоусобная борьба в Джунгарии не прекратилась. Соперник нового хана – Амурсана – продолжал свою борьбу за власть. Аблай поддерживал Амурсану. В 1754 году сторонники Амурсаны в Джунгарии, поддержаные казахами Аблая, подняли восстание против Даваци, но неудачно. Амурсана бежал. Он решил искать теперь поддержки у могущественного Китая. В 1755 году две китайские армии вторглись в пределы Джунгарии, Даваци погиб. Но и Амурсана не достиг своей цели. Китайское правительство решило уничтожить Джунгарское государство, расчленив его на четыре части, по числу состав-

лявших его население племен. Тогда Амурсана восстал против Китая и снова обратился за поддержкой к Аблайу.

Аблай понимал, что, только поддержав Джунгарию, он предотвратит ее подчинение Китаю и усилит свое собственное влияние. Поэтому он дал приют Амурсане. Но тогда китайские войска вторглись в пределы Среднего жуза. Казахи были разбиты. Борьба с Китаем оказалась не по силам Аблайу. Он вошел в сношения с китайскими военными властями и в 1757 году формально признал себя подданным китайского императора. Так Аблай оказался в двойном подданстве – российском и китайском.

В 1758 году Джунгария как государство совсем перестала существовать. Она была разорена китайскими войсками. Ее население было почти поголовно уничтожено. Из сильного и многочисленного народа ойроты превратились в небольшую народность. Амурсана бежал в Россию и вскоре там умер от оспы. Общины Старшего жуза, которые находились в зависимости от Джунгарии, теперь были вынуждены подчиняться Китаю. Ими стали управлять китайские чиновники через посредство биев. По отношению к Среднему жузу китайское правительство удовлетворилось признанием вассалитета со стороны Аблая.

Отношения Аблая с китайским и российским правительствами. Завоевание Джунгарии Китаем не принесло выгод казахам. На границе завоеванной территории китайцы возвели крепости и не пропускали казахские аулы кочевать дальше реки Аягуза. Джунгарские земли стали заселяться колонистами из Китая и Кашгарии. Китайские власти в целях извлечения из торговли с казахами больших для себя выгод подвергали казахов различным насилиям, угрожая иногда полным запрещением всякого торга с Китаем. Поэтому для казахов Среднего жуза повысилось значение кочевий по Иртышу вблизи русской границы и торга в русских пограничных

крепостях. Однако русские власти тоже подвергали казахов различным притеснениям. Между Аблаем и знатью Среднего жуза, с одной стороны, и царской администрацией, с другой, происходили частые и острые столкновения. Аблай не раз требовал у царских властей отмены земельных ограничений и прекращения вооруженного грабежа казахов.

Тем не менее Аблай не шел на разрыв ни с царским правительством, ни с Китаем. Политически ему было выгодно двойное подданство. В столкновениях с царскими властями Аблай искал поддержки у китайского правительства, а в осложнениях с Китаем – у России. Аблай значительно больше страшился китайцев, чем русских. Когда он в 1762 году присягнул Екатерине II, он одновременно послал в Пекин послов с подарками китайскому императору. В это время Китай готовил грандиозное нашествие на города Туркестан и Самарканда. Встревоженный Аблай отправил аманатом в Пекин своего сына Адиля с дарами. Но, довольный его покорностью, богдыхан вернул Адиля отцу с богатыми дарами и милостивой грамотой. Играя на противоречиях между Россией и Китаем, Аблай сумел добиться фактической независимости своих владений от той и от другой империи. В этом был, несомненно, большой успех политики Аблая.

Объединение Казахского ханства. Умелое лавирование между двумя крупными державами помогло Аблаю значительно укрепить свои владения. Он получил возможность поставить на очередь широкие задачи объединения разрозненных казахских земель. Его завоевательная деятельность теперь, в 60-70-х годах XVIII века, была направлена на юг. В 1770 году он нанес сокрушающий удар киргизам, которые своими набегами разоряли южные казахские общины. Не менее удачные войны вел Аблай с ходжентским владельцем и с Ташкентом. Слава о его походах и искусстве полководца далеко распространилась не только в казахских степях, но и за их предела-

ми. Она и сейчас живет в народной памяти – в тех поэмах и песнях, которые казахские народные певцы и поэты сложили об Аблае. Аблай в наиболее трудные и опасные походы водил свои полки сам и лично руководил ими во время сражений. Он часто выходил на врага один на один со своим боевым кличом «Аблай!» и показывал своему войску образцы храбрости и отваги. Находившиеся рядом с ним батыры старались не уступать ему в отваге, храбрости и находчивости.

Войны Аблая преследовали цель возвращения казахских земель, захваченных в свое время силой оружия Джунгарским ханством. Удачные походы позволили Аблаю объединить под его властью не только общины Среднего жуза, но и западную часть Старшего жуза. Власть Китая сохранялась лишь над наиболее отдаленными восточными районами Старшего жуза.

Свою резиденцию, по традиции ханов XVI–XVII веков, Аблай учредил в городе Туркестан.

В 1771 году казахи Среднего жуза единодушно признали Аблая своим ханом. Аблай получил утверждение в звании хана и от китайского императора, и от русского правительства.

Во внутренней политике Аблай ставил своей целью укрепление ханской власти. Для этого нужно было сломить сопротивление той части родовых старшин-биев, которая была заинтересована в сохранении патриархально-родовых отношений и политической раздробленности Казахского ханства. Зависимость от биев стесняла Аблая и мешала достижению его главной цели – созданию крепкой централизованной власти. Аблай прежде всего стремился отстранить таких биев от управления родами. С этой целью он разделил ханство на удельы, а управление ими поручил своим сыновьям. Таким путем он обеспечивал единое руководство ханством и лишал самостоятельности ту часть родовой знати, которая держалась за старые патриархально-родовые пережитки и не понимала необходимости создания централизованного ханства.

Правил Аблай деспотически и самовластно. Он был решительным противником ограничения ханской власти советом родоначальников и султанов, как это узаконивал обычай. Он стал сам назначать султанов, которые тем самым превращались в его непосредственных вассалов. В борьбе против старшин, крепко державшихся старины, Аблай шел на всякие средства. Своим сыновьям он советовал: «Лучшее средство ослабить старшин – это не решать никогда до конца родовых споров».

Аблай даже применял к своим политическим противникам смертную казнь, которая до него могла применяться лишь по приговорам народных собраний. Аблай стремился иметь собственную вооруженную силу. Он значительно увеличил ханскую дружибу, состоявшую из тюленгутов. Кроме того, его военную опору составляли храбрые и преданные ему батыры, участвовавшие вместе с ним в походах. В окружении Аблая находились такие известные и прославленные батыры его времени, как Кабанбай из рода Кара-Керей, Богембай из рода Кенжигалы, Жаныбек, сын Шекшака. Современник Аблая и горячий почитатель его государственных дарований поэт Бухар-жырау в одной из своих песен упоминает о военных подвигах Аблая и его сподвижников-батыров:

С Галданом воюя,
Семь дней он сражался.
Там находились с ним
Кабанбай из рода Кара-Керей,
Богембай из рода Кенжигалы
И Жаныбек, сын Шекшака.

Борьба Аблая за независимое, сильное объединенное Казахское ханство, несомненно, являлась прогрессивной по сравнению с прежней патриархальной и феодальной раздробленностью. Аблай ломал гораздо решительнее, чем кто-либо из его

предшественников, веками установившийся патриархальный порядок, задерживавший прогрессивное развитие казахского народа и создание крепкого централизованного государства, необходимого для сохранения независимого существования. Прогрессивной была не только политическая деятельность Аблая, но и его хозяйственная политика. Он понимал отсталость хозяйственного быта казахов и стремился к развитию более передовых хозяйственных форм – к переходу казахов от кочевого скотоводства к оседлым формам хозяйства. Аблай еще в 40-х годах XVIII века говорил джунгарскому хану, что его заветным желанием является перевести казахов к оседлости. Позднее он обратился к русской императрице Екатерине II с просьбой прислать в казахскую степь десяток крестьянских семейств для обучения казахов земледелию. На это ходатайство императрица ответила согласием.

Аблай стремился окружить себя передовыми деятелями культуры и прогрессивными людьми, понимавшими задачи и значение его объединительной деятельности. При дворе Аблая жил и работал один из крупнейших казахских поэтов Бухар-жырау. Но Аблай не был социальным реформатором и по условиям своего времени не мог им быть. Его деятельность способствовала углублению феодальных основ хозяйственной и общественной жизни Казахстана. Рост влияния и политической мощи феодальных слоев казахской знати имел в своей основе увеличение ее прав на распоряжение основным условием производства – землей. Зависимость народных масс от знати в его время возросла. Росла и нужда масс, а также их угнетение феодалами. Несмотря на это, государственная деятельность Аблая соответствовала интересам казахского народа. Она содействовала развитию хозяйственной, политической и культурной жизни казахов по пути прогресса.

Его искусная борьба за независимость Казахского ханства и за его объединение на времена отодвинула надвигавшуюся опасность порабощения казахов кем-либо из окружавших

его сильных соседей. Особенно велика была эта опасность со стороны царской России, которая в течение всего XVIII века неуклонно расширяла свои границы и путем насильственного присоединения к империи малых народов все более и более превращалась в «тюрьму народов».

Поэт Бухар-жырау. Объединительная деятельность Аблай находила полную поддержку и признание со стороны передовых людей его времени. Одним из таких людей был поэт Бухар-жырау.

Точные даты его рождения и смерти не установлены: предположительно дата рождения относится к 1693 году и смерти – к 1787 году. Отец поэта Калкаман-батыр происходил из рода Аргын. Бухар-жырау родился и вырос в окрестностях Баян-Аула. Бухар был грамотным мусульманином. Но даже в его религиозных песнях преобладали не мистика, а мотивы реальной жизни, обычные нравоучения и призывы к честности, справедливости, любви к людям. По словам восточных писателей, современников Бухара, весь народ, от хана до последнего раба, считал поэта мудрецом и святым. Часто его речи переходили в поэтические вдохновенные импровизации.

При Аблай-хане Бухар-жырау состоял «приближенным старцем» и «мудрым советником». Свои советы по государственным делам, а также народные пожелания и требования он излагал хану импровизированной песней толғай. Все советы он давал хану от имени народа. Так, например, когда Аблай-хан задумал воевать с русскими, Бухар дал ему такой совет:

С русскими не воюй.
Не разжигай свою злобу,
Воюя с русскими.
Не пожелай зла своему народу,
Украсившему твою голову венцом.

Жизнь и творчество акына Бухара неразрывно слиты с жизнью и борьбой казахского народа. Его поэзия проникнута глубокими чувствами любви к своему народу и ненависти к его угнетателям. Творчество Бухар-жырау перекликалось с народными песнями, сложенными в эпоху «великого бедствия». В одной из таких песен народ, оплакивая горечь разлуки с родиной и утраты близких при поспешном бегстве под написком жестокого врага, так вспоминал о тяжелой године:

С вершины Кара-Тая идет караван.
В каждом переходе иноходец мой идет порожняком.
Как тяжела разлука с родной стороной!
Из черных глаз струятся слезы...
Что за времена настали! Время бедствий!
Озера образуют ручьи моих слез...

Что за времена настали тяжелых притеснений!
Счастье и богатство ушли от нас.
Как тронется в путь караван, поднимется пыль –
Хуже, чем бураны в декабрьский мороз...

Чаще всего свои песни акын посвящает хану Аблаю, которому удалось на время объединить казахский народ и сохранить независимость Казахского ханства. В песнях Бухар-жырау повествует о жизни Аблая с детских лет, когда он под чужим именем пас верблюдов и работал батраком у знати.

Где же ты княжил?
Топтал землю босыми ногами...
Ты был сартом, ткачом бязи.
И вот теперь, Аблай,
Звезда зажглась с твоей правой стороны.
Люди пошли за тобой,

Несчастных детей
Бог подчинил тебе,
Дав передышку на отдых,
Распоряжаешься ими ты.

Однако акын не просто восхваляет хана, его величие и мудрость, как это делали придворные поэты на Востоке и на Западе. Он скром в похвалах и не боится говорить хану правду. Он не устает повторять ему, что сила хана в поддержке и доверии народа. Когда хан отвергает эти его наставления и советы, поэт предостерегает его:

Не гневайся, Аблай!
Подниму и лишу жизни!
Подняв, брошу в отчаяние!
Не зажигайся злостью,
Не мечи гром и молнии
Народу, которым выбран ты.
Не будь врагом, не желай вражды.
Теперь тебе не найти,
Как я, поющаго тебе,
93-летнего старца!

Бухар-жырау особенно много и часто пел о пагубности раздора и междуусобиц и о необходимости сохранения народного единства. К хану Аблаю он относился с уважением, прежде всего, потому, что он отстаивал и оберегал национальное единство.

Многие песни Бухара посвящены внутренней жизни казахов. Он говорил о байском гнете над бедняком, о мытарствах и невзгодах вдов, о тяжелой жизни безродных и т.п. Его песни, полные сердечных советов и мудрых пожеланий, имели широкое общественно-политическое значение. Песни Бухар-жырау

правдиво и ярко отражали все стороны политической, экономической и общественной жизни казахов XVIII века. Среди акынов, живших в эту эпоху, Бухар-жырау занимает первое место.

Творчество Бухара по содержанию продолжало традиции полулегендарного акына Асана-Кайги. Песни, которые народное предание связывает с именем Асана, содержат такие же советы и пожелания, обращенные от имени народа к ханам и критикующие их действия. Часть песен Бухар-жырау любовно собрана и записана Машхур Жусупом Копеевым. Но большая часть его творчества известна лишь по устным преданиям.

ГЛАВА XI

УПАДОК МЛАДШЕГО ЖУЗА

ВОССТАНИЕ СРЫМА ДАТОВА

§ 21. Младший жуз во второй половине XVIII века.

Упадок ханской власти в Младшем жузе. В то время как казахи Среднего жуза под руководством хана Аблая упорно отстаивали свою независимость, казахский народ в Младшем жузе испытывал всю тяжесть колониально-грабительской политики царизма. Проводниками этой политики были ханы Младшего жуза – сыновья Абульхайыра, продолжавшие стремиться к сближению с царской Россией гораздо последовательнее, чем их отец. В 1748 году общины Младшего жуза провозгласили ханом сына Абульхайыра – Нурагы. Вскоре его утвердили царские власти. Это был первый хан, утвержденный в этом звании царским правительством. Он сам добивался такого утверждения. Ему еще в большей степени, чем его отцу, хану Абульхайыру, нужна была поддержка царской России. Нурагы не пользовался влиянием и авторитетом не только в народных массах, но даже среди феодальной знати Младшего жуза. Старый враг Абульхайыра, султан Батыр не признал ханом Нурагы, он сам был избран ханом старшинами рода Шекты, кочевавшими в районе нижнего течения Сыр-Дарьи. Таким образом, Младший жуз распался на два ханства. Северо-западные районы образовали ханство Нурагы, юго-восточные – ханство Батыра. Но и внутри ханства Нурагы не было единства. Многие районы кочевий, особенно из тех, что были расположены на окраинах ханства, существовали самостоятельно, управляемые своими владельцами-султанами, не признававшими власти хана Нурагы.

Это непризнание Нурагы ханом Малого жуза объяснялось в большой мере желанием казахов сохранить свою независи-

мость. По этой же причине часть кочевий признала ханом Батыра. Владения Батыра были удалены от границ Российской империи. Поэтому Батыр сумел сохранить свою независимость от России. Не мог представлять серьезной опасности для независимости казахов и другой сосед Батыра – хивинский хан. До 1756 года ханом Хивы был султан Каип, сын Батыра. Хивинское ханство в этот период выступало как союзник ханства Батыра. В 60-х годах произошел ряд столкновений между казахами и Хивой из-за обладания землями в районе Сыр-Дарьи. Но эти столкновения носили местный характер и не поколебали независимости ханства Батыра. В противоположность владениям Батыра, ханство Нураги все более подпадало в зависимость от России. Этому способствовало и внешнеполитическое ослабление ханства Нураги в результате обострения его отношений со всеми соседями. На южной границе ханства из-за взаимных угонов скота происходили крупные столкновения с туркменами-йомудами, находившимися в зависимости от Хивы. Йомудам в союзе с узбеками удалось нанести тяжелое поражение войскам Нураги. Более тысячи казахов было убито. Враждебные отношения сложились у Нураги и с калмыками, кочевавшими между Волгой и Уралом.

Этим обострением отношений Нураги с соседями воспользовалась царская Россия для дальнейшего наступления на Младший жуз.

Подчинение Нураги политике царизма особенно ярко проявилось во взаимоотношениях казахов и башкир в 50-х годах XVIII века. В 1755 году в Башкирии вспыхнуло новое восстание против царской России. Около 50 тысяч башкир, преследуемых царскими войсками, ушло в казахские степи, чтобы соединиться там с казахами и потом совместными силами продолжать борьбу против царской России. Стремясь разъединить башкир и казахов, оренбургский губернатор обратился к казахской знати с воззванием, в котором предлагал

казахам разграбить имущество башкир, а их семьи превратить в рабов. В Среднем жузе это возвзвание не имело успеха. Большинство старшин Младшего жуза тоже не поддержало оренбургского губернатора. Некоторые старшины поколения жетіру¹ даже взяли башкир под свое покровительство. Стали составляться смешанные отряды из казахов и башкир для совместной борьбы с царской властью. Но хан Нурагы последовал указаниям оренбургского губернатора. Вместе со своими родственниками-султанами Нурагы начал грабить башкир и обращать их семьи в рабство. Эта вероломная позиция Нурагы привела к тому, что союз между башкирами и казахами был сорван. Его сменила взаимная ожесточенная вражда башкир и казахов, которая не прекращалась даже в XIX веке. Теряя союзников извне, Нурагы не приобретал сторонников и внутри своего ханства. Сближаясь с царской администрацией, Нурагы все больше отходил от прежнего союза с родовыми старшинами. Он перестал совещаться с биями, стремился устраниТЬ их от участия в управлении ханством. Это обстоятельство в соединении с бессилием хана, не сумевшего добиться от царских властей возвращения бежавших в Россию рабов и прекращения земельных ограничений, возмущало биеv. Они осуждали хана за нарушение их привилегий и не поддерживали его ни в каких делах.

Обострение внутренних противоречий в ханстве Нурагы дошло до того, что хан обратился к царским властям с просьбой построить ему близ русской границы крепость для защиты от его собственного народа.

Участие казахов Младшего жуза в восстании Пугачева. Положение в ханстве Нурагы стало особенно напряженным, когда на русских границах Младшего жуза вспыхнуло мощное крестьянское восстание под руководством Емельяна Пугачева. Начавшись среди казацкой бедноты Уральского войска, восстание перекинулось в район горнозаводского Урала и крепостнического Поволжья.

¹ Племени жетіру. – Прим. ред.

В самодержавно-крепостнической России тяжело жилось не только нерусским народностям, но и самому русскому народу – около половины всех русских крестьян было превращено в крепостных. Крестьяне продавались помещикам, как скот, разлучались семьи. Личность и имущество крепостных ничем не были ограждены от помещичьего произвола. Непомерные оброки и барщина разоряли их. Крестьяне даже не могли жаловаться на своих помещиков. «С одной стороны – почти всесилие, с другой – немощь беззащитная», – характеризовал крепостнический строй первый русский просветитель А. Н. Радищев.

Не легче было положение рабочих на крепостных мануфактурах. Большинство рабочих было закреплено за предприятиями. Труд их был изнурителен. Обычно работали от рассвета до темноты. Нищенская заработка плата еще более понижалась бесконечными штрафами. Рабочих подвергали телесным наказаниям. Все это делало рабочих рабами мануфактуриста. «Заводчики уже так возгордились, – писали рабочие уральских Невьянских заводов, – что и почитают нас не человеками, но словесною скотиною».

Особенно тяжелым было положение башкир Приуралья. У башкир отнимали земли под постройку горных заводов, их принудительно привлекали на заводские работы и на службу в пограничных войсках. Неудивительно, что именно в Приуралье вспыхнуло широкое народное движение против самодержавно-крепостнической царской власти.

С сентября 1773 года по март 1774 года движение Пугачева распространилось в районе реки Урал в непосредственной близости к кочевьям Младшего жуза. Пугачев стремился завязать сношения с казахским ханом и султанами. С этой целью он посыпал к казахам письма и доверенных лиц. Пугачев требовал признания его государем Петром III и присылки аманатов и вооруженных отрядов.

Хан Нуралы занял двойственную позицию. В сношениях с Пугачевым он именовал его государем Петром Федоровичем и в то же время предлагал царской администрации помочь против Пугачева.

Из всех султанов поддержал Пугачева только султан Дос-Али, кочевья которого находились в районе рек Хобды и Иле-ка. Дос-Али послал к Пугачеву в аманаты своего сына султана Сеит-Али с небольшим отрядом войска – около 200 человек. Но и эта поддержка прекратилась, лишь только Пугачев, потерпев в марте 1774 года крупное поражение под Татищевой, снял осаду Оренбурга и отступил в горнозаводский район Урала. Дос-Али тогда порвал с Пугачевым всякие связи, а хан Нуралы и его родственники стали еще более активно и открыто поддерживать царское правительство.

Иначе отнеслись к восстанию Пугачева народные массы Казахстана. Летом 1774 года ряд общин Младшего жуза стихийно поднялся на борьбу, «тайсь Нуралы-хана и знатных старшин». Волновались также казахи Среднего жуза. Ожидая их нападения, царская администрация держала в Сибири крупные воинские силы.

Особенно широкий размах движение казахов приняло в июле 1774 года. Сам Пугачев находился тогда далеко от Казахстана, в районе Среднего Поволжья. Но в степи оставались его люди. Они вели усиленную агитацию за включение казахов в общую борьбу. Эта агитация не только способствовала развитию движения казахов, но и придала ему новые черты. Казахи теперь стали нападать почти исключительно на укрепления и на отряды царских войск. Движение казахов начало влияться в общее русло крестьянской войны. В отдельных случаях казахи выступали совместно с башкирами. Участие казахов Младшего жуза в крестьянской войне под руководством Пугачева стало принимать такие размеры, что хан Нуралы вынужден был просить помощи у царского командования. Хан не имел

своих сил для усмирения казахов, «ибо, — писал он, — вся орда взбунтовалась».

В январе 1775 года Пугачев был казнен. Но восстание в Казахстане продолжалось и после этого. Последним его отголоском в казахских степях было выступление так называемой «Невидимки».

Первые известия о «Невидимке» появились в сентябре 1775 года. Среди казахов появился человек, которого никто не видел, но многие слышали его голос. Ходили легенды, будто «Невидимка» жила в юрте простой женщины из народа. Как установила царская разведка, «Невидимка» и являлась этой женщиной, обладавшей даром чревовещания. Но из казахов никто не догадывался о ее настоящей роли. «Невидимка» выступила в Среднем жузе, но созданное ею народное движение развивалось главным образом в общинах родов Тама и Табын Младшего жуза.

Невидимка призывала сплотиться вокруг «государя» (Пугачева), который облегчит страдания народа.

Агитация «Невидимки» имела огромный успех в народных массах. К ней стекались подарки, около нее сгруппировалось около двух тысяч жигитов. Волнения вышли далеко за пределы родов Табын и Тама. Султаны, в том числе и Дос-Али, послали вооруженные отряды, чтобы схватить «Невидимку». Она, однако, скрылась за реку Уил. С 1776 года сведения о ней прекратились.

Казахи оказали немалую поддержку Пугачеву, заставив царские власти держать крупные силы на границе со степью. Восстание Пугачева имело важные последствия для казахов. В нем казахский народ выступал вопреки воле своих ханов и султанов, а это подготовило подъем борьбы трудовых масс казахов против своей знати.

Участие казахов в крестьянской войне Пугачева было первым совместным выступлением казахского и русского наро-

дов против самодержавно-крепостнического строя. В этой совместной борьбе, зачастую стихийной, русский и казахский народы начали свою историческую борьбу против общего врага – русского царизма. В ходе этой длительной и трудной борьбы постепенно изживалась национальная вражда и создавалась общность исторической судьбы обоих народов.

§ 22. Восстание батыра Срыма Датова.

Усиление двойного гнета над казахами Младшего жуза. После подавления восстания Пугачева власть царского правительства на границе с казахской степью снова была восстановлена. Была укреплена пограничная линия, усилены гарнизоны крепостей.

В 1775 году царское правительство провело крупную административную реформу: Россия была разделена на обширные административные единицы – генерал-губернаторства, объединявшие по несколько прежних губерний. Во главе новых административных единиц были поставлены генерал-губернаторы, или наместники. В руках наместника сосредоточивалась вся полнота гражданской и военной власти. Это облегчало царскому правительству подавление народных восстаний в самый момент их возникновения. Управление казахской степью было поручено симбирскому и уфимскому генерал-губернатору, а непосредственные сношения с казахами – оренбургскому обер-команданту.

Казахские ханы и султаны после восстания Пугачева, опасаясь репрессий, стремились всячески выслужиться перед царской администрацией. Султаны писали доносы и обвиняли друг друга в «неблагонадежности».

Если раньше хан иногда протестовал против насилий, которые творились над казахами местной царской администрацией, то теперь он и султаны сами становились участниками колониального грабежа. Иногда насилия хана переплетались с

его феодальным правом распоряжения кочевьями, иногда они связывались с его правами как политического главы государства.

Теперь старшинам приходилось жаловаться и на колониальный грабеж царской администрации, и на насилия хана и его родственников. Письма старшин, относящиеся к концу 70-х годов и к началу 80-х годов XVIII века, были наполнены такими жалобами. Так, в 1785 году старшины подали жалобу на хана и его сыновей, которые за перегон скота за реку Урал собирали по одной лошади и по одному барану с каждой кибитки. В этом случае поборы хана прикрывались его феодальным правом распоряжаться кочевьями. В другой жалобе старшины писали, что султан Дос-Али ограбил общину рода Табын якобы за освобождение их сородичей из плена. Один из султанов – Есим, даже не прикрываясь никаким правом, грабил казахские общину совместно со старшиной Уральского войска.

Не прекращались и «воинские поиски», т.е. вооруженный грабеж казахов царской администрацией и старшиной Уральского войска.

Таким образом, народные массы страдали под двойным гнетом – и колониальным, и феодальным. Феодальные поборы неразрывно переплетались с колониальным грабежом. Эту систему двойного гнета олицетворяли в глазах народа хан Нуралы и его родственники-султаны. Ненависть к ним народа непрерывно росла. Генерал-губернатор Игельстром был вынужден в 1785 году донести Екатерине II, что «ненависть старшин и народа к хану стала так велика, что не иначе его как вредителем и нарушителем покоя их не называют».

Эта ненависть народа к хану и окружавшим его султанам проявилась в движении батыра Срыма Датова.

Выступление батыра Срыма. К моменту начала восстания Срыму было около 60 лет. Он был старшиной рода Байбакты,

кочевавшего между Эмбай и Уралом. Еще в юности Срым прославился своей мудростью и отвагой. Своим умом, красноречием и военными доблестями батыр Срым завоевал всеобщую любовь и уважение. С ханом Нуралы он был связан родством – сестра батыра была женой хана. Однако Срым пошел не с ханом, а с народом. Первое известие о его выступлении против царских войск относится к 1772 году, когда Срым напал на один из отрядов уральских казаков. Срым принял активное участие в движении народных масс казахов, примкнувших к Пугачеву. Царское командование отдало тогда приказ захватить Срыма: любой ценой живым или мертвым.

Усилившийся после подавления восстания Пугачева двойной – колониальный и феодальный – гнет толкнул народные массы казахов на новую борьбу. Руководство движением находилось в руках биев – тех родовых старшин, которые выдвинулись в качестве руководителей народных ополчений еще во время борьбы с Джунгарией и со среднеазиатскими ханствами. В последующие годы их авторитет среди казахских масс продолжал расти. К этому времени казахские бии – родовые старшины начинали терять свои родовые патриархальные черты. В процессе феодализации казахского общества многие родовые старшины-бии выступали уже не как носители отживающих патриархально-родовых отношений, стремившихся к децентрализации государственной власти, а как представители более передовой феодальной экономики. Усиливаясь экономически и политически, они не могли мириться с ограничением их привилегий со стороны ханов и султанов. Некоторые из них мечтали о том, чтобы управлять казахскими общинами независимо от хана. Их стремление к захвату политической власти совпадало со стремлением народа бороться с насилиями и поборами знати «белой кости». Эта группа старшин в борьбе народных масс против хана и султанов, естественно, вставала на сторону народа, хотя их конечное стремление и не

совпадало с целями борьбы с феодальным гнетом, которыми были воодушевлены народные массы. Из этой, сравнительно еще немногочисленной группы старшин вышел и батыр Срым.

Большинство же старшин в борьбе с ханом и султанами ставило перед собой гораздо более скромные задачи – не упразднение ханской власти, а выборы в ханы султана, который «их воле был бы послушен», как они писали сами в одном из писем.

В то же время усилилась борьба казахского народа против насилий царских колонизаторов, особенно в начале 80-х годов XVIII века, когда участились набеги казачьих войск. Особенно много бедствий принесли казахам набеги отрядов Уральского войска под командованием атамана Чаганова. Чаганов разорил несколько аулов, кочевавших поблизости от нижнеуральских укреплений, угнал скот, захватил пленных. Казахи стихийно восстали. Число повстанцев быстро росло.

В середине 1783 года к восставшим примкнул батыр Срым. Он быстро выдвинулся в руководители восстания. В одной из схваток с уральскими казаками он захватил Чаганова и продал его в рабство в Хиву. Пленение Чаганова усилило репрессии со стороны Уральского войска. Осенью 1783 года Срым, в свою очередь, был захвачен в плен уральцами. Через несколько месяцев ему удалось выкупиться и освободиться из плена. Срым жестоко отомстил за свой плен. Вскоре он объединил вокруг себя почти всех трудящихся казахов Младшего жуза и создал боевые отряды для борьбы с карательными экспедициями, посылавшимися в степь царскими властями.

В 1785 году военные действия отрядов Срыма начались с ранней весны. При известии о движении в степь карательных отрядов Срым, оставив свои аулы кочевать далеко за Эмбой, с преданными ему жигитами двинулся навстречу карателям «для недопуска и поражения отряженных туда войск», как до-

носила уральская войсковая канцелярия. Отряд Срыма состоял из 2700 казахов. С ним соединились отряды батыров Барака и Тиленши общей численностью в 3500 человек. Основная масса этих войск оставалась вдалеке от пограничных линий. Сам Срым во главе 500 жигитов проник в тыл карательных отрядов и совершил отважное нападение на крепость Сахарную, расположенную в районе нижнего Урала. Казахская конница совсем не была приспособлена к правильной осаде крепостей, но Срым надеялся на внезапность нападения. Однако царские власти получали от хана Нуралы точную информацию о подготавливавшихся нападениях. Так было и на этот раз. Внезапности нападения не получилось.

Гарнизон крепости подготовился к защите. Когда отряды Срыма бросились к крепостному валу, они были встречены артиллерийским огнем. Срым должен был отступить. Но он не ушел в степь и продолжал сдерживать движение карательных отрядов, нападая на ближайшие крепости и форпосты. Командование карателей хорошо видело дым от подожженных жигитами стогов сена. Срым жег все продовольственные базы на пограничной линии и приводил в немалый трепет карателей своей предприимчивостью и отвагой.

Искусно маневрируя, Срым ушел от преследователей. С лета 1785 года движение Срыма приняло еще более массовый характер. Срым пользовался поддержкой народа. В этом заключалась сила батыра. Испуганная размахом народного движения, казахская знать во главе с ханом Нуралы еще более склонялась на сторону царской власти. Хан Нуралы указывал царским властям места кочевок восставших аулов, называл имена руководителей движения. Это вызвало в казахском народе всеобщее возмущение. В то же время хан окончательно перестал советоваться с биями по делам жуза и стремился устраниТЬ их от руководства политической жизнью казахов. Это заставило колеблющиеся слои старшин примкнуть к народным массам.

Старшины не имели ясного и единого понимания целей борьбы. Одни из них добивались только смены хана – их кандидатом был Каип, сын султана Батыра из рода Шекты. Другие старшины и сам Срым Датов хотели совсем упразднить ханскую власть.

Влияние хана Нуралы совершенно упало. Никто не хотел подчиняться хану, даже его собственные тюленгуты отложились от него.

В секретном донесении генерал-губернатору Нуралы жаловался на враждебное отношение казахов к нему, хану, и его семье: «Эти поганые не только не послушаются моего повеления, но даже и посланных туда моих детей не отпустили живыми... Говорят, что хан-де чужой хан, к нам его душа не лежит; говоря так, они отвернулись от меня и ушли».

Опасаясь за свою личную безопасность, Нуралы вынужден был бежать под защиту русских крепостей.

Перемены в управлении казахами Младшего жуза. Русское правительство решило отказаться от дальнейшей поддержки хана Нуралы и ввести новый порядок управления казахами, который позволил бы завоевывать казахов мирным путем. В 1785 году генерал-губернатор Игельстром представил правительству проект, по которому ханская власть в Младшем жузе упразднялась. Управление казахами сосредоточивалось в Пограничном суде, состоявшем из царских чиновников и представителей казахской знати. Пограничный суд подчинялся генерал-губернатору и находился в Оренбурге. В степи среди казахских кочевий, в каждом из поколений создавались административные органы – расправы. Они подчинялись Пограничному суду. Расправы составлялись из родовых старшин. Генерал-губернатор рассчитывал, что расправы на местах явятся послушными орудиями в руках Пограничного суда, который будет всецело находиться под влиянием и руководством царской администрации. Этим он надеялся приблизить

организацию управления казахами к общероссийской административной системе и тем самым усилить власть царского правительства над казахами.

Той же цели должны были служить школы и мечети, которые Игельстром намеревался открыть в пограничных районах казахских кочевий. Руководство школами и мечетями предполагалось передать в руки проверенных и преданных царскому правительству татарских мулл.

Правительство Екатерины II приняло проект Игельстрома. Срым Датов и другие влиятельные старшины также решили принять предложение Игельстрома. В 1786 году был открыт Пограничный суд в Оренбурге, а в 1787 году – расправы на местах.

Принимая проект Игельстрома, Срым руководствовался единственным соображением – он хотел лишить хана и султанов поддержки царской администрации, чтобы затем без особого труда добиться ликвидации их власти. Царское правительство отправило хана Нурагы в почетную ссылку в Уфу. Некоторые его родичи-султаны сочли за лучшее примкнуть к Срыму. Но большинство султанов сгруппировалось вокруг султана Ералы, брата хана, и продолжало борьбу против Срыма. В намерения Срыма не входило, однако, содействовать в какой-либо мере укреплению власти царского правительства над казахами. Ни один из влиятельных старшин в состав расправ не вошел, а без их поддержки новые органы власти никаким влиянием в степи пользоваться не могли. Получилось так, как и предполагал Срым, – ханская власть была упразднена, расправы ни разу не собирались. Действительная же власть в жузе перешла в руки старшин, не зависящих от российских органов власти. Создать органы власти, всецело зависимые от местной администрации, правительству не удалось, а старая проверенная опора российского самодержавия была разрушена в степи руками самой царской администрации. Особенно

пугала царское правительство тесная связь Срыма с народными массами. Популярность батыра росла. Казахский народ видел в нем не только непримиримого врага ханской власти, но и своего верного заступника при насилиях царской администрации или злоупотреблениях богатых старшин.

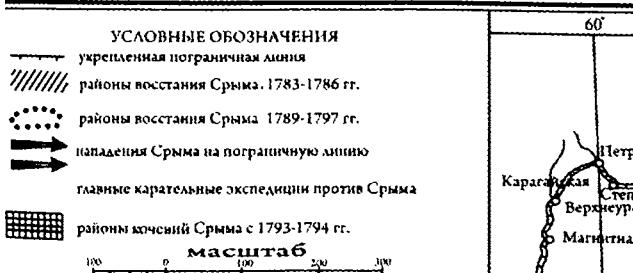
После крестьянской войны под руководством Пугачева царское правительство видело во всяком выступлении казахского народа угрозу своему господству. Кроме того, французская буржуазная революция 1789 года также сильно напугала царское правительство. Ликвидация ханской власти в Младшем жузе рассматривалась теперь в Петербурге как подрыв монархических устоев. Реформу Игельстрома в правительственный кругах стали называть не иначе, как «опасными опытами». Генерал-губернатору в Оренбурге было поручено завязать сношения с наиболее непримиримым врагом казахских народных масс -- султаном Ералы.

Новый подъем движения. К этому времени произошли глубокие изменения в самом движении Срыма. Народные массы стали еще более решительно выступать не только против хана и султанов, но и против тех старшин, которые были тесно связаны со знатью «белой кости». Значительная часть старшин, испуганная классовым, революционным характером движения, стала отходить от него. Среди них усилилось стремление ограничить борьбу народа лишь назначением нового, послушного их воле хана, а не уничтожением ханской власти вообще. «Ныне ж, скуча его (Срыма. – Ред.) интригами, лучшие люди желают власти ханской, а с сим и спокойствия», – писал об этом 4 февраля 1790 года казачий командир Персидский графу Воронцову.

Многие состоятельные бии боялись впасть в немилость царской администрации, потерять кочевья в пограничных районах, боялись и запрещения торга в русских крепостях.

Все это обострило отношения Срыма с некоторой частью старшин, бывших лишь временными попутчиками движения,

ВОССТАНИЕ СРЫМА (1783 - 1797 ГОДЫ)

и привело к новой расстановке сил в освободительной борьбе, руководимой Срымом Датовым.

Сведения о нарастающем массовом движении в казахских степях заставили правительство Екатерины II восстановить ханскую власть. В 1791 году, воспользовавшись смертью Нурады, царское правительство решило устроить выборы нового хана. В торжественной обстановке, в присутствии генерал-губернатора, близ Орска состоялось избрание нового хана – Ералы.

Срым и его сторонники не только не явились на выборы, но объявили эти выборы незаконными и недействительными.

С небольшим числом своих сторонников Срым откочевал к Сыр-Дарье и решил продолжать борьбу. Знатные старшины, которые в 80-х годах поддерживали Срыма, теперь стали его врагами. Султаны еще больше ненавидели батыра. Таким образом, Срыму пришлось вести борьбу на два фронта – и против российского царизма, и против собственной знати. В этом состояла наиболее характерная черта нового этапа движения Срыма.

Народные массы оказали Срыму решительную поддержку. Со всех концов Младшего жуза стекались к Срыму вооруженные жигиты. К 1792 году Срым снова стал располагать крупными силами. Опираясь на них, он в том же году объявил войну России. В своем письме, к сожалению, сохранившемся лишь в плохом переводе XVIII века, на имя генерал-губернатора Срым писал: «Точные ваш обман и ухищрения видны, что вы нас оными хотите довести так же, как ногайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу... и разные тягости хотите на нас наложить». Срым видел, что царизм стремился превратить Казахстан в колонию, как уже были превращены в колонию башкирские и ногайские земли. Во имя свободы своей родины и своего народа Срым и объявил войну царизму.

Царское правительство широко использовало свою агентуру в лице султанов и крупных старшин. Срым беспощадно бо-

ролся со старшинами, ставшими на сторону царских властей. Он рассматривал их как изменников родины – некоторых захватывал в плен и держал в качестве заложников, других изгнал из казахских степей, третьих подвергал наказанию плетьми.

В сентябре 1792 года от лазутчиков были получены сведения, что Срым концентрирует свои силы в близости от Илецкого городка. Власти приняли меры предосторожности. Население близлежащих хуторов было переведено в крепость. Ждали нападения казахов со дня на день. Глухой сентябрьской ночью в крепости возник пожар. Быстро собравшееся население предотвратило распространение огня. Утром обнаружилось, что под соломенными крышами соседних домов были заложены мешочки с порохом.

Через крепостной вал в степь вел след пешего человека. В поджоге сомнения не было. Как выяснилось несколько позднее, поджог был совершен преданным Срыму татарином. Срым рассчитывал вызвать в крепости панику, чтобы, воспользовавшись ею, взять крепость штурмом. В степь тотчас был отправлен разведывательный отряд. Поблизости от крепости этот отряд подвергся нападению казахов. Тогда на выручку был отправлен более крупный отряд, на вооружении которого имелась пушка. В степи произошла жестокая схватка. В разгаре сражения Срым задумал обходное движение. Поняв, что в степь вышли основные силы гарнизона, он оставил против них заслон, а сам во главе многочисленных казахов бросился к крепостным валам, чтобы взять крепость набегом. Но в крепости оставалась артиллерия, и по наступавшим казахам был открыт картечный огонь. Это задержало натиск Срыма. Услышав артиллерийскую стрельбу у себя в тылу, командование русского отряда отдало приказ двинуться обратно в крепость. Это движение удалось. Срым не рискнул повторить нападение на крепость. Но борьбы он не прекратил. Откочевав к северу, он начал готовить нападение на Красногорскую крепость. Царская администрация узна-

ла об этих приготовлениях. В степь были посланы вооруженные отряды, охрана крепости была усиlena. Срыму пришлось отказаться от своего плана.

Переход к партизанской борьбе. Срым перешел к партизанской борьбе. Его жигиты нападали на отряды царских войск, на пограничные мелкие укрепления, на близкие к границе русские поселения, а также на аулы султанов.

Царское правительство ответило на это жестокими репрессиями. В степь было послано несколько карательных отрядов. Они уничтожали целые аулы приверженцев Срыма. Но захватить самого Срыма царские войска не могли. Население аулов относилось к восставшим с глубоким сочувствием, прятало повстанцев, направляло царские отряды по ложным следам. Срым оставался неуловимым.

Изнурительная партизанская борьба продолжалась до конца 1793 года. Крайнее истощение сил повстанцев заставило Срыма временно прекратить ее. В 1794 году умер особенно ненавистный народу хан Ералы. Царское правительство, помедлив почти целый год, только в 1795 году назначило нового хана – султана Есима, сына Нураги.

В течение этих двух лет Срым сохранял спокойствие. Но зимой 1795/96 года общины Младшего жуза посетил страшный жут. Погибло огромное количество скота. Люди, особенно дети, повально умирали от голода. Бедствие разорило многие аулы. В это время царские власти и казахская знать не уменьшили тяжести поборов, ложившихся на трудовое население. Степь волновалась. Срым снова начал борьбу против хана.

В ночь на 27 марта 1797 года отряды Срыма скрытно подошли к ханским аулам, расположенным близ русской границы. Ворвавшись в ханскую ставку, жигиты Срыма убили хана Есима.

Никого другого повстанцы не тронули. Не было и грабежа, как это обычно случалось при барымте.

Убийство хана произвело огромное впечатление на казахов. Родственники Есима бежали в Россию. Они боялись показаться в степи – им грозила участь хана. Отношения борющихся сторон сделались еще более острыми. Народ теснее примкнул к Срыму.

Среди старшин продолжалось еще более заметное расслоение. Часть старшин решительно примкнула к султанам. Другая часть, связь которых с народными массами не совсем была порвана, действовала нерешительно. Сначала некоторые из этих старшин приняли участие в карательной экспедиции, посланной царской администрацией против Срыма. Под давлением масс они, однако, вскоре покинули ее и поддержали Срыма. Экспедиции пришлось вернуться на пограничную линию без всяких результатов.

Султаны требовали скорейшего восстановления ханской власти. Опасаясь обострения борьбы, царское правительство медлило с назначением нового хана. Власть в жузе стала постепенно переходить к старшинам. Среди них росло число сторонников Срыма. Это не входило в расчеты царских властей. В октябре 1797 года состоялось назначение нового хана. Свой выбор царское правительство остановило на султане Айчува-ке. Это был дряхлый и совершенно беспомощный старик. Он полностью и беспрекословно подчинился царским властям.

После назначения нового хана султаны усилили борьбу против Срыма. Срыму пришлось откочевать в пределы Хивинского ханства. Здесь он погиб в 1802 году. По народным преданиям, его отравил хивинский хан по проискам казахских султанов. Однажды, говорит предание, в жаркий день батыр ехал по степи. Ему повстречалась старая женщина. Она предложила батыру утолить жажду. Ничего не подозревавший Срым напился кумыса и, отравленный, тут же на месте скончался.

Причины поражения восстания Срыма. Восстание Срыма Датова потерпело поражение. Основными причинами пораже-

ния восстания были те общие причины, которые свойственны всем национально-освободительным войнам той эпохи, — стихийность и неорганизованность движения, отсутствие планомерности и ясно сформулированной программы. Не могло это восстание получить поддержку и пролетариата, которого тогда не только в Казахстане, но и в России еще не было. Но, помимо таких общих причин, поражению движения батыра Срыма способствовали более конкретные и непосредственные причины и условия. В первую очередь нужно отметить непоследовательность действий и нерешительность родовых старшин, которые составляли одну из видных движущих сил восстания. В начале движения старшины довольно единодушно выступали против царских колонизаторов, против своих ханов и султанов и действовали сообща с казахскими трудящимися. Но по мере того, как движение принимало более массовый и более острый классовый характер, многие старшины, особенно крупные, тесно связанные с султанами, испугались размаха движения и стали отходить от него. Лишь небольшая часть старшин во главе со Срымом Датовым осталась верной движению до конца.

Значение восстания Срыма в жизни казахского народа очень велико. Казахские народные массы под руководством Срыма впервые поднялись на борьбу не только против колониально-го гнета царизма, но и против феодального гнета своей знати. Срым возглавил эту борьбу за освобождение от двойного гнета. В этом огромная историческая заслуга Срыма перед казахским народом.

Батыр Срым в народном творчестве. Восстание народных масс во главе с батыром Срымом оставило глубокий след в памяти народа. Много песен и сказаний народ посвятил самому Срыму. Народ характеризует руководителя героической борьбы конца XVIII века не только как храброго батыра, но и как умного, свободомыслящего человека. Одно из сказаний передает, как Срым стал бием байбактинцев, когда ему было двадцать лет. Сделавшись бием, Срым начал объезжать аулы, чтобы у ста-

риков научиться мудрости. Прежде всего он поехал к бию рода Тама – Малай Сары. Тот сказал Срыму: «Дорогой мой, есть три великих слова. Если ты сохранишь их в памяти, ты сохранишь и преданность народа; но если ты забудешь их, все покинут тебя. Вот эти три слова: совесть, долг, честь. И еще скажу тебе: не торопись нанести рану ближнему, не торопись очернить дальнего». В этом сказании ярко отразилось представление народа о Срыме, который, по народному преданию, твердо помнил эти слова и всю жизнь следовал этому завету старца.

Срым был связан с ханом родством – хан был женат на сестре Срыма. Но для Срыма интересы народа были дороже их родства. Как говорит предание, Срым не раз обличал хана: «Ты хан, поставленный выше всех. И ты не мог отличить малое от большого, белое от черного, слабого от сильного. Посмотри – вокруг тебя сильные грабят бедных, а ты молчишь, как холодная вода в колодце».

В народных песнях и сказаниях исторически верно изображаются мотивы, которые заставили Срыма поднять восстание.

Ряд сказаний посвящен изображению хода восстания. Рассказывается, как Срым обезжал аулы и сплачивал казахов на борьбу, как он осаждал Илецкий городок, как он убил хана Есима. Сплачивая силы для борьбы с царизмом, Срым, по преданию, обратился за помощью к хивинскому хану. «Давайте, – говорил он хану, – каракалпаки, узбеки, казахи, туркмены – все народности – объединимся и выступим против русского царя. Если он победит меня, то захватит и тебя». Но помощи от Хивы Срым не получил.

Последний цикл сказаний о Срыме связан с его пребыванием в Хиве. Преследуемый казахскими султанами, Срым был вынужден удалиться в пределы Хивинского ханства. Хан всячески стремился унизить и оскорбить батыра. Но и здесь, в изгнании, Срым не преклонился перед ханом. Характерно

следующее предание. Хан приказал насыпать навоз перед входом в мечеть. Срым, не заметив этого, вошел в мечеть в грязной обуви. Хан насмешливо заметил ему: «Гость, ваши ноги в навозе». Срым с презрением ответил хану: «Я считал Хиву и Бухару землями святого шариата; я ошибся – это просто навозная куча».

Много песен и сказаний посвящено трагической смерти батыра, отравленного врагами. Народ горестно оплакивал гибель героя и сурово осуждал его врагов.

ГЛАВА XII

УТРАТА КАЗАХСКИМИ ЖУЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (НАЧАЛО XIX ВЕКА)

§ 23. Наступление соседних держав на казахские земли.

Попытки экономического завоевания Казахстана. К концу XVIII века большая часть Казахстана еще сохранила политическую самостоятельность.

Граница Российской империи, как и в середине XVIII века, проходила по Уралу, Ую (притоку Тобола), Иртышу. В отдаленные от пограничной линии районы Казахстана влияние российского царизма еще не проникло. На юге казахи граничили с Хивой и туркменами. Граница казахских владений проходила на юго-востоке несколько южнее Сыр-Дарьи и на юге достигала Заилийского Ала-Тау. Власть Китая сохранилась лишь над восточными районами Старшего жуза. Его западные районы фактически были независимы.

Это положение с конца XVIII века стало решительно меняться. Сложная внешняя обстановка, в которой находились казахские жузы, а также внутренние осложнения облегчали для их соседей захват и порабощение казахских земель.

К началу XIX века усиленное наступление на казахскую степь повели среднеазиатские феодалы. Они стремились захватить важнейшие торговые пути и заодно нажиться путем военного грабежа кочевников и наложения на них всяких налогов и сборов в виде закята, ушра и других, предусмотренных мусульманским законом.

Товарно-денежные отношения развивались в Казахстане медленно и неравномерно. В аулах еще господствовали натуральные формы хозяйства. Но потребность в текстильных изделиях, железе, гвоздях и прочих товарах городской ремес-

ленной промышленности в казахской степи росла все больше и больше. Этим пользовались, в первую очередь, среднеазиатские купцы. Торговая эксплоатация Казахстана среднеазиатскими феодальными ханствами возрастила.

Одновременно усиливалось торговое проникновение в Казахстан и со стороны России. По мере развития торговых связей России со странами Востока росла заинтересованность царского правительства в казахских степях как транзитном пути. В 1802 году министр торговли Н. П. Румянцев (впоследствии министр иностранных дел) представил в Государственный совет специальную докладную записку по этому вопросу. В ней указывалось, что Россия должна, по примеру передовых стран Европы, всемерно развивать торговые сношения с азиатскими государствами, прежде всего с Персией и Индией. «Опытами всех веков доказано, — писал Румянцев, — что богатейшие народы были те, которые, азиатские произведения передавая, так сказать, из рук в руки, употребляли их на европейское искусство и роскошь, чему ныне Англия примером». Для этого необходимо укрепить торговые связи с Бухарой, которая «и сама по себе важна продуктами, и имеет близ себя Кабул и Лагор — врата в Персию и Северную Индию». Сношения же с Бухарой следовало осуществлять через Казахстан. Этот транзитный путь на Индию Румянцев считал наиболее удобным. «Действительная и открытая дорога лежит из Оренбурга», — отмечал он.

Особое значение транзит через казахскую степь приобрел в период наполеоновских войн. Так называемая «континентальная система», установленная Наполеоном, закрыла английским товарам доступ в европейские страны, в том числе и в Россию. Но русский рынок продолжал предъявлять большой спрос на английские товары. Цены на них росли. Большую выгоду извлекали из такого положения бухарские купцы. Они закупали в Индии английские товары и отправляли их в Оренбурга,

бург. Многочисленные караваны проходили через казахскую степь. До трех тысяч верблюдов обслуживало этот тракт.

Одновременно Казахстан все более и более привлекал внимание русских купцов как источник животноводческого сырья и как рынок сбыта промышленных товаров. Царское правительство поощряло торговлю с казахской степью. Наряду с другими средствами (военными нападениями, земельными захватами и прочим) торговля содействовала укреплению русского влияния в Казахстане. Русским же купцам эта торговля приносila баснословную прибыль. Они обменивали промышленные товары на кожи, шерсть, пушину не по их действительной стоимости, а совершенно произвольно, пуская в ход все средства обмана. Все же посредством торговли с Россией казахское хозяйство начинало постепенно вовлекаться в более широкий товарооборот. Сало, кожи и некоторые другие продукты животноводства Казахстана становились предметом экспорта русских купцов.

Попытки политического подчинения Казахстана. Соседние страны не удовлетворялись экономическим закабалением казахского народа. Они стремились уничтожить независимость казахского государства.

Наступление на казахскую степь велось со всех сторон. Основным и наиболее опасным противником являлась царская Россия.

Для продвижения в Казахстан царское правительство создавало пограничные военные укрепления – так называемые линии. В начале XIX века к старым линиям добавилась еще одна – Новоилецкая. Она насчитывала 29 укреплений. Воспользовавшись ее постройкой, царские власти отрезали от Казахстана большую территорию размером около 750 тысяч гектаров, богатую водой и удобными пастбищами.

С востока наступал Китай. Китайские феодалы обложили ближайшие к ним кочевья казахов данью, захватывали и

казнили заложников и проводили, по выражению одного иностранного путешественника, «политику суровую или, вернее, жестокую». Тем не менее значительная часть казахской знати ориентировалась на Китай. Она видела в Китае противовес русскому продвижению.

В свое время талантливый хан Аблай умел лавировать между Россией и Китаем. В начале XIX века условия изменились. Могущество России возросло. Отсталый феодальный Китай ослабел. Россия укрепила свое влияние в Казахстане и решительно стала бороться с проникновением сюда китайского влияния.

С юга и юго-запада наступали на казахскую степь среднеазиатские ханства – Кокандское и Хивинское. Кокандские ханы подвергали нападению кочевья Старшего жуза, расположенные по рекам Арыси, Сыр-Дарье, Таласу, Чу.

После смерти хана Аблая западные районы Старшего жуза разделились на несколько отдельных независимых владений. В частности, общинами, кочевавшими в районе городов Ташкента и Туркестана, владел в конце XVIII века казахский султан по имени Бахадур. Восточными районами Старшего жуза также управляли потомки Аблая, но на правах вассалов китайского императора.

В 1798 году власть в Ташкенте была отнята у султана Бахадура узбекской духовной феодальной знатью. Во главе новой власти в Ташкенте стал узбекский ходжа Юнус. Не удовлетворившись подчинением Ташкента, Юнус-ходжа предпринял завоевание казахских кочевий. Казахи оказывали упорное сопротивление, Юнус-ходжа жестоко подавлял его. Он прикашивал отсекать пленным казахам головы и складывать из них пирамиды. Вскоре казахские общины, кочевавшие между городами Ташкентом, Чимкентом и Туркестаном, были вынуждены признать власть Юнус-ходжи. Юнус-ходжа уничтожил здесь власть султанов. Управление общинами он оставил в ру-

ках родовых старшин-биеv. Чтобы обеспечить верность биеv, Юнус-ходжа брал от них заложников. Часть наиболее крупных и знатных биеv служила Юнус-ходже не только за страх, но и за совесть. Передача в руки родовой знати управления общинами примирila ее с завоевателем. Эти бии помогали Юнус-ходже, поставляя ему казахские ополчения. Во всех военных предприятиях ташкентского владельца казахи играли решающую роль.

Господство Юнус-ходжи в Ташкенте продолжалось недолго. В начале XIX века он был свергнут кокандцами.

Кокандское ханство в то время возглавлялось ханом Алимом.

Предприимчивый, властолюбивый и жестокий феодал, хан Алим стремился укрепить свою деспотическую власть путем завоеваний. Покоренные им народы жестоко страдали от его насилий и притеснений. По словам бухарского летописца, «вопли угнетенных достигали высот Сатурна, все просили бога послать на хана смерть».

Алим-ханставил своей ближайшей целью завоевание Ташкента и Южного Казахстана. В 1799 году он послал на Ташкент большое войско под командованием одного из своих вассалов. При помощи казахов Юнус-ходжа и ташкентцы сумели отбить нападение. Но в 1808 году Алим-хан предпринял новый поход. На этот раз казахи, испытавшие гнет и вероломство Юнус-ходжи, остались нейтральными. Алим-хан быстро сломил сопротивление ташкентцев и завоевал город.

Покорив Ташкент, кокандцы приобрели важную стратегическую базу для развития военных действий в казахской степи. Западная часть Старшего жуза и многие кочевья Младшего жуза подпали под власть Коканда.

Кокандское господство оказалось для казахского народа еще более тяжелым, чем власть Юнус-ходжи. Зимой 1808–1809 годов Алим-хан отправил в районы Чимкента и Сай-

рама большое войско с приказанием уничтожить казахские аулы. В это время в Дешти-Кыпчаке стояли сильные морозы. Это стесняло свободу передвижения кочевников. Но южане-кокандцы также тяжело переносили зимнюю стужу. Многие из них погибли. В войсках возникло недовольство. По образному выражению летописца, «сердца их стали холодными, как зима в Дешти-Кыпчаке, и отвратились от хана». Недовольство переросло в возмущение, которым воспользовалась враждебная Алим-хану группировка. Весной 1809 года Алим-хан был свергнут и убит. Но до этого кокандские войска успели разграбить окрестные казахские аулы, угнать скот, убить и захватить в плен множество казахов. Разорению подверглась обширная область от Ташкента до Туркестана и Аулиэ-Ата.

Казахи долго не могли оправиться от этого удара. Сила их сопротивления кокандцам была сломлена. Преемники Алим-хана продолжали жестоко угнетать казахский народ. Во всем Южном Казахстане кокандцы построили ряд крепостей, отрезали ими кочевую степь от горных жайляу (летовок) и этим поставили казахов в прямую зависимость от кокандских гарнизонов. Под охраной крепостей кокандские военачальники, муллы, торговцы, ростовщики, сборщики податей безжалостно разоряли казахов.

Серьезная опасность угрожала Казахстану также и со стороны Хивы. Хивинские феодалы стремились подчинить себе низовья Сыр-Дарыи, избивавшие удобными пастищами и плодородными землями. В 1806 году на хивинский престол вступил хан Мухаммед-Рахим. Он занял по отношению к казахам открыто враждебную позицию. Союзник и родственник кокандского хана, Мухаммед-Рахим решил вооруженным путем покорить сырдарьинских казахов. Несколько раз хивинцы производили опустошительные набеги на казахские аулы. Казахи не имели достаточно сил для сопротивления хивинским войскам. По тем временам Хива располагала мощной и хо-

рошо оснащенной армией. Хивинцы особенно славились искусством сооружать так называемые серкубы – специальные укрепления из земли и хвороста, командовавшие над осажденной местностью. По горделивому заявлению хивинцев, «ловкие стрелки могли стрелять отсюда (т.е. из серкуба) без промаха, даже если бы целью для них служил глаз муравья». У казахов же не было ни крепостей, ни пушек, ни постоянного войска.

Казахи жестоко страдали от хивинских набегов и просили о помощи Россию. Но царское правительство не желало портить свои отношения с Хивой и уклонялось от поддержки казахов.

Казахи надеялись также, что им поможет Бухара, враждовавшая с Хивой. Но бухарский хан боялся, что на стороне Хивы выступит могущественный Коканд, и не оказал помощи казахам. К великому визирю в Бухару явился представитель казахов, положил перед ним конский хвост и заявил: «Как этот хвост отрублен от моего коня, так и мы отделяемся от вас. Отныне мы ваши заклятые враги».

Отношения с бухарским ханом после этого были порваны. Казахи должны были отстаивать свою независимость, почти не имея союзников.

§ 24. Усиление феодальной эксплоатации казахских масс.

Рост феодальной зависимости казахских масс. Угроза потери политической самостоятельности жузов возрастила. Этому способствовала также их возраставшая внутренняя слабость.

После того как было подавлено движение Срыма, власть в Младшем жузе захватили султаны. Между ними снова началась ожесточенная борьба за власть.

Борьба велась под видом барымты. Но барымта уже не являлась отмщением за нанесенный ущерб или обиду, как это предусматривалось адатом или законами Тауке. Нередко барымта принимала характер явного феодального грабежа. Ор-

ганизаторами барымты являлись не общины, а султаны. Они нападали на аулы враждебной им группировки, грабили их, угоняли весь скот. Нередко при этом происходили убийства, что традиции барымты строго воспрещали. Награбленный скот быстро и непроизводительно истреблялся, потому что постоянно приходилось ожидать ответного набега.

Феодальные войны султанов приносили огромный вред хозяйству казахов. В то же время султаны и знатные старшины усиленно расхищали общинные земли. В начале XIX века в Младшем жузе уже наблюдалась земельная теснота, в то время как общее поголовье скота сократилось. Она была порождена тем, что знать захватывала под свои стада лучшие пастьбища, а общины оказывались вытесненными на неудобные земли.

Углубление феодальной зависимости проявлялось также в изменении общественного положения тюленгутов. В XVII–XVIII веках при сильных ханах тюленгуты составляли свободную дружибу ханов и султанов. В начале XIX века с падением ханской власти тюленгуты теряли прежнее значение. В то же время число тюленгутов увеличивалось. Разорившиеся общинники, не получая помощи от своей обчины, в связи с ее упадком становились под покровительство султанов, подобно тому, как крестьянство на Западе в VIII–IX веках прибегало к патронату духовных и светских феодалов. Только часть тюленгутов, как и прежде, продолжала нести военную службу у ханов и султанов. Большая часть постепенно превращалась в полукрепостных знати «белой кости».

Появилось также огромное число бедняков-бездомников, отколовшихся от своей обчины. Но они не становились, как тюленгуты, в отношения вассальной зависимости к хану или султану. Они перебивались случайной работой в богатых казахских и русских хозяйствах, а чаще просто нищенствовали.

Разорению казахских масс Младшего жуза способствовала также и все возраставшая колонизаторская деятельность царской администрации.

Нищету и разорение казахских народных масс отмечали и русские наблюдатели. Граф Потоцкий, занимавшийся историей народов Востока, так описывал бедность казахов: «Сия бедность их чрезвычайна и злаштие их умножается. Юрты или кибитки их, долженствовавшие бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь одними шерстяными лоскутьями, едва сваленными. Сами же киргизы (как тогда называли казахов. — *Ped.*) ходят в отрепьях, и степные ветры проникают беспрепятственно до нагих тел, наносят им болезни, которые хотя и не опасны, но обыкновенно поражают целые семейства, которые в таком случае лишаются всей собственности своей».

Наряду с обнищанием трудящихся скотоводов казахская знать богатела. Классовые отношения в казахском обществе в начале XIX века обозначались значительно ярче, чем это было прежде.

В поисках новых кочевий ряд общин Младшего жуза стал стремиться к переселению на новые земли. В 1801 году один из султанов из рода Нуралы, Букей, обратился к императору Павлу с просьбой принять его в русское подданство. Букей обещал переселиться с подчиненными ему общинами на вечные времена в степи между Уралом и Волгой и основать там особое казахское ханство. Царское правительство охотно пошло навстречу просьбе Букея. Раскол, а следовательно, и ослабление Младшего жуза вполне соответствовали интересам царизма. В 1803 году вместе с Букеем перекочевало на новые земли около 5 тысяч кибиток. Здесь было основано новое казахское владение, впоследствии названное Букеевской, или Внутренней, ордой.

Царское правительство стремилось использовать также и внутреннее ослабление Среднего жуза, чтобы лишить его политической самостоятельности. После смерти Аблая (в 1781 году) его сыновья вели между собой разорительные фео-

дальние войны. Царское правительство пользовалось этим и усиленно вмешивалось во внутренние дела Среднего жуза. Основной целью царского правительства было «склонить Средней Орды киргиз-кайсаков под настоящее российское правление».

Достижение этой цели облегчалось для царизма тем, что казахские аулы в поисках защиты от разорительных феодальных войн сами искали убежища близ русских крепостей. Часть казахских владельцев вместе с подчиненными им общинами переселилась в пределы России. Правительство отвело переселенцам кочевья в Сибири, наложив на них, как и на все нерусские народности, особую подать, которая называлась «ясак». Царские власти именовали их «вечно подданными».

За пограничную линию перешло сравнительно мало казахов – до 1812 года их число достигло лишь 10 тысяч человек. Значительно большее число казахов становилось «верноподданными», оставаясь кочевать в казахской степи. Такие казахи выходили из-под управления хана и непосредственно подчищались царским властям. Они не платили ясака, но, как подданные империи, должны были охранять торговые караваны, препятствовать нападениям барымотворцов на линию и выполнять различные другие поручения царских властей.

Постепенно русские владения в казахской степи расширялись за счет казахов Среднего жуза. Река Иртыш, считавшаяся государственной границей между Российской империей и ханством Аблая, теперь перестала являться таким рубежом. Граница империи потеряла свою определенность. Мало-помалу она передвигалась все дальше вглубь степи.

§ 25. Борьба казахских жузов за сохранение своей самостоятельности.

Восстание Каратая. Только небольшая часть казахского народа спасалась от внешней угрозы и от притеснений своих

феодалов бегством в чужие края. Основная масса казахов пошла по пути борьбы за сохранение своей независимости.

Но такие вожди, которые, подобно Срыму Датову, последовательно и до конца защищали бы народное дело, уже не выдвигались. Нередко во главе борьбы становились энергичные представители феодальной знати, которые этим путем стремились упрочить свой авторитет в казахских массах и добиться власти. Дело борьбы за независимость казахского народа было для них не целью, а средством. Одним из таких вождей восстания был султан Карагай, сын хана Нурады. Он соединял в себе огромную силу воли, кипучую энергию и неограниченное властолюбие. Ради получения ханской власти в Младшем жузе Карагай шел и на угодничество перед царскими властями, и на борьбу с ними. В свое время он непримиримо ненавидел Срыма и с неукротимой энергией искал его смерти за то, что Срым отнял у его фамилии власть в жузе. Борьба против Срыма снискала Карагая любовь султанов. В 1797 году они выбрали его ханом, хотя по старшинству в роде Абульхайира он и не имел права на это звание. Царское правительство, однако, ханом его не утвердило. Карагай продолжал стремиться всеми мерами заслужить доверие царского правительства и добиться признания его ханом. Он охранял проходившие через степь караваны, отыскивал в степи и возвращал на родину русских пленных. Карагай знал, что Айчувак, уже больной и дряхлый старик, недолго будет ханом, и надеялся, что, в конце концов, царское правительство окажет ему, Карагая, свое благоволение. В 1805 году царское правительство смешило Айчувака, но и на этот раз новым ханом был назначен не Карагай, а сын Айчувака султан Жан-Тюре.

Карагай возненавидел Жан-Тюре. Несмотря на то, что борьба с новым ханом грозила осложнениями с царским правительством, ставленником которого Жан-Тюре являлся, Карагай решился на эту борьбу.

В борьбе против Жан-Тюре Карагай развил бурную деятельность. Он разъезжал по степи, призывал выбрать нового хана, сплачивал вокруг себя вооруженные отряды. В 1806 году собрание старшин вынесло постановление о низложении «бесполезного хана» Жан-Тюре и возвело Карагая на ханский престол. Своими успехами Карагай был обязан поддержке, которую ему оказали влиятельнейшие бии и некоторые батыры Младшего жуза. Среди них особенно выделялся батыр Котибар, пользовавшийся огромным влиянием среди самого многочисленного казахского рода – Шекты.

Но царское правительство опять отказалось признать Карагая. Последний стал силой принуждать сторонников Жан-Тюре к покорности, а самому Жан-Тюре пригрозил смертью. Спасаясь от Карагая, Жан-Тюре укрылся близ русских укреплений.

В 1807 году царское правительство направило против Карагая две карательные экспедиции. Они подвергли казахские аулы беспощадному разграблению, но захватить Карагая не смогли. В ответ на это Карагай еще больше усилил борьбу против царских властей и против Жан-Тюре. Во время одного из набегов Карагай убил своего соперника-хана.

Это убийство напугало многих старшин. Они стали бояться мести родственников Жан-Тюре, а главное – репрессий со стороны царских властей. Число сторонников Карагая значительно уменьшилось. Ему пришлось откочевывать в пределы Хивинского ханства и на время прекратить борьбу. Все же он не отказался от притязаний на ханский престол.

Царское правительство только в 1812 году назначило нового хана. Это был султан Ширгазы, сын Айчувака и брат Жан-Тюре. Таким образом, фамилия Нуралы снова была обойдена. Правда, в том же 1812 году была окончательно отделена от Младшего жуза Букеевская орда и ханом в ней был назначен Букей Нуралиев. Но в Младшем жузе власть осталась в руках фамилии Айчувака.

Назначение Ширгазы толкнуло Карагая на возобновление борьбы. Он снова появился в оренбургских степях и призвал всех казахов «от 7 до 70 лет» к восстанию против царского правительства. Борьба продолжалась два года. Царские карательные отряды разорили аулы приверженцев Карагая. Силы повстанцев были подорваны, и Карагай пошел на примирение с царизмом. В 1814 году Карагай повидался с оренбургским губернатором и прекратил борьбу. К этому времени обстановка в южных районах Младшего жуза значительно изменилась. В кочевьях рода Шекты и в других кочевьях Младшего жуза начало возрастать влияние султана Арынгазы, внука Каипа, бывшего хивинского хана. Карагай быстро терял свое влияние. Единственный путь добиться власти он видел теперь в поддержке царского правительства. Из врага русского царизма он теперь превратился в одного из его преданнейших слуг.

Деятельность султана Арынгазы. Султан Арынгазы начал возвышаться с 1815 года, когда умер его отец. К этому времени ему было около 35 лет. Его дед и отец были ханами в Хиве. В течение второй половины XVIII века его фамилия находилась в тесных политических отношениях со среднеазиатскими ханствами.

Но Арынгазы скоро проникся глубокой ненавистью к среднеазиатскому деспотизму, угрожавшему политической независимости казахов.

В начале XIX века хивинский хан Мухаммед-Рахим стремился овладеть нижним течением Сыр-Дарьи. Как раз здесь были расположены владения Арынгазы. Поэтому Арынгазы с самого начала своей политической деятельности вступил в ожесточенную борьбу с Хивой за независимость южных районов Младшего жуза. Эта борьба особенно обострилась с 1816 года, когда войска Мухаммед-Рахима подвергли жестокому разграблению кочевья казахов в устье Сыр-Дарьи.

В борьбе с Хивой Арынгазы искал поддержки у хана Бухары. Бухара обещала оказать помощь, но на деле ничего не

предприняла. Тогда Арынгазы стал искать сближения с царским правительством. Такая политика шла вразрез и с его стремлениями, и с желанием значительного числа старшин, но Арынгазы не видел другого выхода.

В то же время Арынгазы стремился централизовать власть внутри своего ханства. Подчиненными аулами он управлял при посредстве своих доверенных лиц – так называемых ясаулов. Судебную власть биев Арынгазы передал в руки преданного ему мусульманского духовенства. Будучи сам правоверным мусульманином, Арынгазы стремился поднять роль и влияние мусульманского духовенства среди казахов.

Для содержания ясаулов и судей казахи были обложены специальной податью. Арынгазы неуклонно взимал как ушр, так и закят. Ко всем, кто не повиновался ему, он применял смертную казнь. Борьба с агрессией Хивинского ханства, стремление пресечь в жузе междуусобную борьбу и феодальные грабежи увеличивали популярность и влияние Арынгазы. Его власть признали также казахи западных районов Среднего жуза. Многим казалось, что Арынгазы избавит казахский народ от тех неисчислимых бедствий, которые несли с собою чужеземное завоевание и произвол собственной знати. Даже часть общин, непосредственно подчиненных хану Ширгазы, просила царское правительство утвердить Арынгазы ханом.

Усиление Арынгазы серьезно обеспокоило как царское правительство, так и хана Хивы. Царское правительство предписало оренбургскому губернатору всеми мерами поддерживать хана Ширгазы Айчувакова. Хивинский хан в целях ослабления Арынгазы стал назначать своих ставленников ханами сырдарьинских казахов.

Тем не менее Арынгазы продолжал свою политику. В 1819 году на Сыр-Дарью явились хивинские сборщики закята. Арынгазы велел их схватить и выдал царскому правительству. В ответ на это хан Мухаммед-Рахим в 1820 году напал на ко-

чевья Арынгазы и совершенно их разорил. Более 300 казахов было убито, свыше 1000 уведено в плен. Была полонена и семья Арынгазы, брат его был убит. Мухаммед-Рахим пригрозил дальнейшими разорениями всем тем, кто будет поддерживать Арынгазы.

Однако Арынгазы не упал духом от крупных неудач 1820 года и продолжал борьбу с хивинским ханом. К Арынгазы стекались вооруженные отряды казахов. С помощью этих отрядов Арынгазы напал на аулы приверженцев хивинского хана и разгромил их. В то же время Арынгазы продолжал оказывать противодействие колонизаторским действиям царской администрации в прикаспийских степях. Царское правительство сочло необходимым удалить Арынгазы из степи. Хитростью и обманом он был вызван в Петербург. Больше Арынгазы не вернулся в Казахстан. Сначала его задержали в Петербурге, затем сослали в глухую тогда Калугу. Находясь в ссылке в Калуге, Арынгазы всячески стремился поддерживать связь с родным Казахстаном. Надзор за ним был усилен. Лишенный возможности сноситься со своим народом, непрестанно оскорбляемый царскими чиновниками, Арынгазы умер в Калуге в 1833 году.

Движение Жоламана Тиленши. Задержание Арынгазы в России имело серьезные последствия в жизни Младшего жуза. Казахи, кочевавшие в районе Сыр-Дарьи, лишившись своего вождя, подчинились хивинскому хану. В то же время в этих и в других районах Младшего жуза возникли в связи с арестом Арынгазы народные волнения. Наиболее длительным было восстание, вспыхнувшее в роде Табын.

Кочевья этого рода находились в районе реки Илека. Еще в 1811 году царское правительство приступило к созданию новой укрепленной линии по Илеку. До начала 20-х годов продвижение сил российского царизма в степь еще не сопровождалось ограничениями для кочевий казахов. Но в 1822 году

царские власти закрыли для казахов богатейшие пастбища между Илеком и Уралом. Эти земельные захваты, вместе с арестом Арынгазы, и послужили причиной народного восстания, руководимого старшиной Жоламаном Тиленши, сыном одного из главных сподвижников батыра Срыма. Вместе с Тиленши принимал участие в восстании и сын батыра Срыма – Жусуп. Восставшие выдвинули два главных требования: возвратить казахам отнятые у них земли и освободить султана Арынгазы. Восстание было направлено одновременно против царских властей и против хана Ширгазы, являвшегося агентом царизма. Хану Ширгазы пришлось укрыться от повстанцев под защиту русской пограничной укрепленной линии. Тем не менее повстанцы совершили нападения на его аулы. Один из братьев хана был убит восставшими.

В то же время повстанцы нападали на русские крепости, захватывали в плен русских пограничных жителей, угоняли их скот. В 1823 году против восставших были направлены русские карательные отряды под командованием полковника Берга. Казахи оказали героическое сопротивление, но силы были неравны, и казахам пришлось отступить. После этого положение повстанцев значительно ухудшилось. Уйдя от русской границы в глубину степи, повстанцы приблизились к владениям Хивинского и Кокандского ханств. Но теперь они оказались зажатыми с двух сторон – со стороны царской России и со стороны среднеазиатских ханств. В этой обстановке Жоламан Тиленши попытался договориться с царскими властями. Переговоры, однако, не привели к успеху. Царские власти не приняли ни одного требования восставших. Борьба продолжалась. В 1824 году царские власти направили против Жоламана новую карательную экспедицию. Хан Ширгазы всячески поддерживал карателей. Аулы родов Табын, Иссык и Алаш были разорены. Казахи дрались с отчаянием, но им снова пришлось отступить. Жоламан Тиленши ушел далеко от границ империи

за Эмбу, выжидая случая, чтобы снова поднять оружие против угнетателей казахского народа. В дальнейшем он присоединился к восстанию казахов Среднего жуза под руководством Саржана Касымова (в 1822–1836 годах), охватившему весь Центральный Казахстан.

Восстание казахов Старшего жуза против Коканда. Так развивалась борьба за независимость в районах Младшего жуза. Приблизительно в то же самое время поднялись на борьбу с чужеземными захватчиками и казахи Старшего жуза. Их борьба за независимость была направлена против кокандских беков.

Восстание против Коканда вспыхнуло в Старшем жузе в 1821 году. Оно охватило районы, прилегающие к Туркестану, Чимкенту, Сайраму и Аулиэ-Ата.

Восставшие заняли Чимкент и Сайрам. Число повстанцев доходило до 12 тысяч человек. Кокандское войско, высланное для подавления восстания, осадило Чимкент. Несмотря на длительную и тяжелую осаду, казахи не сдавались. Только с помощью предателей, оказавшихся среди руководителей повстанцев, кокандские войска сумели проникнуть в город и захватить его. Восстание было потоплено в крови казахского народа.

Положение в Среднем жузе. В первой четверти XIX века южные районы Среднего жуза еще сохраняли свою независимость. Сюда не проникали ни российский царизм, ни среднеазиатские ханства. Но северные районы, примыкавшие к Иртышу и Ишиму, уже начали подвергаться захватам со стороны России. Царские власти имели в этих районах поддержку в лице тех старшин и султанов, которые сами искали покровительства у царизма. Хан Среднего жуза Вали ограничивался бесплодными протестами перед сибирской администрацией. Царские власти совершенно не считались с ханом. Тогда он порвал всякие торговые связи с царской Россией и предложил

султанам и старшинам откочевать подальше от русской границы. В 1805 году по призыву Вали казахи числом около 1500 кибиток стали готовиться к переселению в пределы Китая. Царские власти через посредство преданных им старшин добились, однако, того, что многие аулы отказались откочевывать в Китай.

Губернатор Западной Сибири предлагал правительству послать против хана Вали карательную экспедицию. Но правительство не разрешило этого. Министр иностранных дел указал губернатору, что для борьбы с ханом «весыма сильное средство представляется в искусном употреблении против хана Вали партий и привлечении на нашу сторону знатных султанов, без коих он ничего предпринять не может».

Следуя этой политике, царское правительство приняло меры к дальнейшему политическому раздроблению Казахского ханства. В 1815 году, помимо хана Вали, в Средний жуз был назначен второй хан – престарелый султан Букей, сын Барака. Этим способом царское правительство хотело предотвратить возможность возрождения ханства Аблая.

§ 26. Ликвидация ханской власти в Среднем и Младшем жузах.

Устав 1822 года. Политически раздробленный казахский народ не мог оказать иноземному завоеванию достаточного сопротивления. Феодальная знать во всех казахских жузах в большинстве случаев шла на соглашение с завоевателями.

Царское правительство в 20-х годах XIX века решило, что настал момент окончательно ликвидировать политическую самостоятельность Младшего и Среднего жузов.

Царское правительство начало со Среднего жуза. Здесь после смерти ханов Букея и Вали создалась обстановка, наиболее благоприятная для планов царизма. Царское правительство решило не назначать нового хана, а раздробить Средний жуз

на отдельные административные округа и поставить управление этими округами под непосредственный контроль местной администрации. С этой целью в 1822 году был издан закон под названием «Устав о сибирских киргизах». Он был разработан под руководством крупного государственного деятеля начала XIX века М. М. Сперанского. По новому закону ханская власть в Среднем жузе упразднялась. Вместо нее был создан так называемый институт ага-султанов, т.е. старших султанов. Территория жуза разбивалась на административные единицы, которые считались внешними округами Омской области. Округа делились на волости, волости – на аулы. В основу волостного деления был положен не территориальный принцип, а родовой. Поэтому каждая волость именовалась по названию того или иного рода – например, Канжигалинская, Каржасовская и другие. Однако при проведении нового закона в жизнь прежнее родовое деление было значительно нарушено. Переход казахов с территории одной административной единицы на территорию другой был ограничен, им нарушался прежний родовой порядок пользования кочевьями.

Во главе аулов стояли выборные старшины из казахов. Во главе волостей поставлены были султаны. Их право на управление волостями становилось наследственным. Волостные султаны должны были обязательно выбираться, но закон рекомендовал отдавать при выборах преимущество сыну волостного султана. Органом полицейской и судебной власти в округе был окружной приказ, во главе которого стоял старший султан, избираемый на три года только султанами. При нем состояли два русских заседателя, назначаемых царской администрацией из чиновников, которые были фактически вершителями всех дел в приказе, и два заседателя из казахской знати, избираемых султанами, биями и старшинами.

Внешние формы выборности местной администрации «Устав о сибирских киргизах» сохранял для того, чтобы не слишком резко подчеркивать уничтожение старой казахской

государственности. Фактически же могли быть выбраны на административные должности только лица, угодные царской администрации. Она утверждала выборных в должностях, отводила неугодных, руководила деятельностью окружного приказа через русских чиновников-заседателей, опираясь при этом на приданную окружному приказу команду линейных казаков.

Стремясь опереться на казахскую феодальную знать, царское правительство по новому закону сохраняло за султанами административную власть, требуя, чтобы во главе волости и округа стояли непременно султаны. Но основанием этой власти было теперь не султанское происхождение, а полномочия, полученные от царской администрации. Старшие султаны, а также султаны волостей и старшины аулов характеризовались законом как «местные чиновники». Им давались чины, предоставлялись «по должностям» земельные участки. Султанам, не выбранным и не утвержденным для управления волостью, категорически запрещалось вмешиваться в дела управления, так как одно султанское происхождение не давало, как раньше, прав на управление народом. Устав специально подчеркивал это, указывая, что «султаны над подведомственными им киргизами (казахами) не имеют права ни владельца, ни помещика, но суть только волостные правители от высшего начальства, с согласия народа поставленные». Султаны были превращены в чиновников «благородного» казахского происхождения. Власть волостного султана приравнивалась к власти волостного управителя, а власть аульного старшины – к власти сельского старшины.

По «Уставу о сибирских киргизах» из ведения казахского суда биеv были изъяты наиболее важные, с точки зрения колонизаторской политики царизма, судебные дела.

Наиболее опасными преступлениями в Казахстане царское правительство считало государственную измену, убийство, грабежи, барымту и неповинование установленной власти.

Только эти дела были определены в применении к казахам как уголовные. Они не могли рассматриваться судом биев по обычному казахскому праву, а рассматривались по царским законам окружным приказом, который был приравнен к уездному суду и действовал под контролем областного суда. Все прочие дела, в том числе и кражи, оставались в ведении суда биев и рассматривались по нормам казахского обычного права. Однако решения суда биев могли быть обжалованы областному начальству, которое должно было все же исходить при пересмотре таких дел из казахского обычного права. Последующие законы царского правительства все более ограничивали компетенцию суда биев и применение казахского обычного права, пока в конце XIX века не свели их к разрешению самых мелких бытовых споров.

Таким образом, новая система управления вводила вместо прежних казахских царские органы власти. В этом заключалось основное значение «Устава 1822 года».

Уничтожение ханской власти в Младшем жузе. Для объявления казахам нового, выработанного Сперанским, положения было командировано внутрь степи из пограничных крепостей 13 казачьих отрядов при офицере и двух трубачах в каждом. Они должны были с трубными звуками объявлять особыми «прокламациями» о том, что казахи принимаются «под высокую царскую руку».

В 1824 году была упразднена ханская власть в Младшем жузе. Здесь царскому правительству пришлось считаться со значительным подъемом освободительной борьбы, выразившейся в восстании Жоламана Тиленши. Поэтому ликвидация политической самостоятельности Младшего жуза была проведена царским правительством в более осторожной и замаскированной форме.

Ханская власть в Младшем жузе упразднялась. Территория жуза разбивалась на три части – западную, среднюю и восточную. Во главе каждой части был поставлен султан-правитель,

назначаемый царским правительством. При каждом султане-правителе постоянно находился отряд царских войск под командованием русских офицеров.

Положение султана-правителя по существу не отличалось от положения хана. Так смотрели на дело и султаны, и народ. В их глазах вместо одного хана в жузе появилось три. То, что они не выбирались, а назначались царским правительством, по сути, ничего не меняло, так как уже давно ханы Младшего жуза фактически назначались из Петербурга.

Царскому правительству не сразу удалось провести в жизнь новые законы. Организация внешних округов в Среднем жузе была закончена лишь в 1838 году. Власть султанов-правителей в Младшем жузе вначале признавали лишь пограничные с империей аулы. Новая система распространялась на отдаленные от России общины только по мере продвижения вооруженных сил империи в глубину казахских кочевий.

Народные массы Казахстана оказывали упорное сопротивление наступлению царизма.

ГЛАВА XIII

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА (1836 – 1838 ГОДЫ)

§ 27. Рост колониального и феодального гнета в Букеевской орде.

Усиление колониального гнета в Букеевской орде. Рас-
тущий колониальный гнет особенно тяжело испытывали ка-
захи Внутренней (Букеевской) орды. Живя на территории
Нарын-песков, в прикаспийских степях между низовьями Ура-
ла и Волги, казаки Букеевской орды оказались отрезанными от
своих восточных собратьев, кочевавших за Уралом, и в самой
непосредственной близости от царской России.

В первые два десятилетия после образования Букеевской
орды (в 1801 году) ее население продолжало увеличиваться
за счет постоянного притока казахов из-за реки Урал. В суро-
вые многоснежные зимы казахи по старому обыкновению ис-
кали убежища, топливо и корм для скота в густых камышовых
зарослях каспийского побережья и Камыш-Самарских озер.
Их привлекала, прежде всего, близость зимовок и летовок в
этих местах. В степях Младшего жуза, на восток от Урала,
расстояния между зимними и летними кочевьями были огром-
ны. Иногда они достигали 2 тысяч километров. Такие переходы
были под силу только богачам-султанам, крупным биям и баям
с их многочисленными стадами крепких, упитанных коней и
верблюдов. Бедняки-казахи предпочитали переселяться в Бу-
кеевскую орду, представлявшую большие удобства для коче-
вий. Главное же – кочевать в Зауральских степях становилось
все труднее и труднее, потому что к началу XIX века феодалы
завладели лучшими пастбищами Младшего жуза. Этот расту-
щий феодальный гнет еще более побуждал казахские массы

стремиться на запад – за реку Урал, где находилась заманчивая издали Букеевская орда. Но там их ждало горькое разочарование. Лучшие земли Букеевской орды либо были розданы русским помещикам, либо оказались в руках казахской знати. Почти все прикаспийское побережье находилось во владении богатых русских помещиков – князей Юсуповых и графа Безбородко. Сочные луга между реками Большой и Малый Узень были захвачены после смерти Букея Уральским казачьим войском. Уральские казаки, чиновники, станичные кулаки неумолимо изгоняли с захваченных ими земель кочевавших казахов, запрещали им пасти там скот, косить сено, пользоваться речными водопоями, ловить рыбу. Между казахами и уральскими казаками возникали частые тяжбы и столкновения из-за земель и угодий. Такая же картина наблюдалась и в районе поместий Юсуповых и Безбородко.

В одну из суровых снежных зим, в 1819 году, когда казахи приковывали к Каспию, все низменные места побережья были залиты водой и обледенели. От гололедицы начался падеж скота. Он мог бы пасть только на покрытых камышом береговых буграх, но туда казахов не допускали. Казахи были вынуждены идти в кабалу к русским помещикам и казахской знати. За право кочевки помещики взимали с казахов плату деньгами, скотом или отработками. Они заставляли их косить камыш, колоть лед. При малейшей попытке протеста казахи сгонялись с зимовок.

Еще в 1818 году правительство отдало распоряжение о прекращении свободного пропуска казахов за Урал. Когда они пытались со своими кибитками и скотом пробиться через линию, то были задержаны уральскими казачьими войсками.

Особенно тяжелой для казахов была зима 1834 года. После сильного мороза с буранами в марте погибло от жута несколько десятков тысяч голов скота. Это бедствие не помешало князьям Юсуповым взыскать с разоренных казахов 5 тысяч рублей

за зимовку. Управляющие имениями Юсуповых и Безбородко взимали с казахов за зимние кочевки по 1 рублю с кибитки, по 20 копеек с верблюда, лошади или коровы и по 5 копеек с барана. Казахи, кочевавшие на буграх каспийского побережья, обязаны были накосить большое количество камыша, а также убрать и свезти сено на промыслы. Как ни тяжела была барщина, приходилось на нее соглашаться – уход в лютую стужу с зимовок был равносителен для казахов полной потере скота.

Рост феодальной эксплоатации казахов-букеевцев. Не менее жестокой эксплоатации население Внутренней орды подвергалось и со стороны собственных единоплеменников – казахских феодалов во главе с ханом. Первый хан орды Букей и в особенности его сын Жангир (1825–1845 годы) смотрели на всю территорию орды как на свою вотчину. Они произвольно распоряжались всеми землями, хотя казахи, в силу обычного права, считали их общественным достоянием. В свою личную собственность Жангир захватил 400 тысяч десятин лучшей земли. Другие плодородные и богатые водой участки он раздал своим родственникам, любимцам-султанам, биям и баям. Тесть хана получил 700 тысяч десятин, брат хана – 400 тысяч, некоторые султанские семьи – по 700 тысяч десятин и т.д. Во владения феодалов перешло до $4 \frac{1}{2}$ миллионов десятин самых лучших земель Внутренней орды. Таким образом, трудовая масса казахов-кочевников оказалась в полной зависимости от своей феодальной знати. Многие роды были вовсе лишены земли. За право кочевания они должны были платить частным владельцам деньгами, скотом, продуктами скотоводческого хозяйства или отработкой собственным трудом. Народ орды изнемогал под бременем налогов и поборов, взимавшихся феодалами и ханскими чиновниками. Этих налогов и поборов было бесчисленное множество: кошменная подать, налог шерстью, сенной налог, кормление ханских «вестовых» и «депутатов» (ханских уполномоченных при судебных следствиях), корм-

ление бесчисленных духовных лиц -- мулл, ходжей и т.п. Но особенно тяжелыми налогами являлись закят, размер которого непрерывно повышался ханом, и согым – специальный налог, введенный Жангиром на содержание ханского двора. Султаны, бии и байи, собиравшие закят и согым, старались при этом урвать как можно больше в свою пользу – отнимали лучших баранов, коров и лошадей, а за укрывательство скота засекали плетьми. Очевидец описывает такой случай: один бий отнял у беднячки-казашки лучшего барана, а когда она стала протестовать, избил ее плетьми по голове и по рукам, которыми она защищала лицо. Он так повредил ей руку, что «все пять пальцев впоследствии сделались сведенными к ладони, а большой палец снизу начал гнить, и даже завелись черви». В жалобе оренбургскому военному губернатору казахи Букеевской орды говорили: «Мы, как бы не огражденные никаким законом, подвергаемся обидам и притеснениям, которые переносить далее не имеем возможности, потому что султаны и бии нас совершенно угнетают: отбирают у нас скот и имущество и, кроме оказываемого ими к простому народу пренебрежения, причиняют побои и даже наносят раны... Если кто вздумает просьбами искать себе удовлетворение, то, кроме того, что подвергает опасности себя и свою собственность, он может быть наказан наравне с важными преступниками».

Действительно, искать защиты у хана, поощрявшего все эти насилия, было бесполезно. Обращения с жалобами к пограничным властям тоже оказывались тщетными. Царские чиновники обычно отделявались ответом, что не хотят «подрывать авторитет хана». Хан и феодалы, грабившие свой народ, были в то же время усердными проводниками царской политики национально-колониального угнетения казахов.

Вследствие безжалостной эксплоатации народа во Внутренней орде непрерывно увеличивалось число бедняков – кедеев. Ради куска хлеба они становились рабами баев. «Они

секут хлеб, ловят рыбу, полунагие или вовсе нагие, — писал о кедеях один из русских исследователей Внутренней орды, — живут в камышовых шалаших и не имеют никаких средств к облегчению своей участи».

Обнищавшие казахи целыми семьями уходили заниматься либо к казахской знати, либо к русским чиновникам, кулакам и торговцам, либо на заводы и рудники Оренбургской губернии, где условия работы были очень тяжелыми.

В некоторых отделениях казахских родов обнищание достигло такой степени, что поголовно все родичи сделались батраками баев. У многих казахов стало обыкновением продавать своих детей в рабство хивинским купцам или русским торговцам, офицерам, помещикам. Бывали случаи, когда во время жуга и голода казахи продавали своих детей за какие-нибудь три чашки муки.

Так букеевские переселенцы-казахи попали в кабалу, которой они не ожидали. Многие из них начали стремиться обратно за Урал. Но Букеевскую орду окружало крепкое кольцо казачьих сторожевых укреплений. Малейшая попытка самовольного перехода Урала без особого разрешения («билета») наказывалась плетьми.

Рост недовольства масс в Букеевской орде. Букеевцы большими массами, с семьями и пожитками, подходили к берегам Урала, пытаясь прорваться в Младший жуз. Всякий раз казачьи отряды преграждали им путь и силой заставлялиозвращаться обратно. Заманчивая издали Букеевская орда оказалась для казахов западней — войти в нее можно было свободно, но выйти из нее очень трудно.

Все же в 1827 году путем подкупа некоторых комендантov русских крепостей большая группа казахов, до $\frac{1}{5}$ всего населения Букеевской орды, сумела перебраться за Урал. Но и в Младшем жузе беглецы не нашли ничего хорошего. Ближние зимовки были давно заняты, а откочевывать далеко, к Эмбе

или на Сыр-Дарью, могли только состоятельные казахи. Поэтому в последующие годы большинство казахов снова возвратилось в Букеевскую орду.

Еще в 1819 году и в последующие годы (1827–1829) стихийное движение казахов из Букеевской орды обратно в Зауральские степи попытался возглавить султан Каип-Гали Ишимов. Он пользовался большой популярностью, но не нашел в себе силы вступить в открытый бой с врагами. Между тем, колониальный и феодальный гнет во Внутренней орде достиг большой остроты. Все безжалостней взимали ханы и другие феодалы различные налоги с разоренных голодных масс. Особенно отличался в этом отношении один из феодалов – тестя хана Жангира Карапул-ходжа Бабаджанов. Этот ловкий богач имел большие связи в русских дворянских и купеческих кругах в Оренбурге, Уральске и Астрахани. Благодаря своим связям он заключил с управляющими князя Юсупова и графа Безбородко общий арендный договор, на основании которого распределял между кочевниками места для зимовок и собирал с них деньги. При расплате львиная доля собранного попадала в карман Карапул-ходжи.

В народных массах орды росла жестокая ненависть к хану, султанам и прочим угнетателям. Среди недовольных были также некоторые родовые бии. В правление хана Жангира их положение значительно ухудшилось. Жангир почти повсеместно отменил выборность биев и стал их назначать по своему усмотрению. Что же касается оставшихся в некоторых родах выборных биев, то часть из них была вынуждена покориться и стать орудием в руках хана и его приближенных. Однако лучшая часть родовых биев пошла по иному пути. Эти сильные духом, преданные интересам обездоленного народа, смелые и энергичные люди не хотели примириться с произволом феодалов. Опираясь на народные массы и вдохновляясь уважением к ним народа, они выступали на защиту его инте-

ресов. К таким биям принадлежал и доблестный батыр Исатай Тайманов, а также его друг народный акын и батыр Махамбет Утемисов.

§ 28. Восстание казахов Букеевской орды.

Батыр Исатай Тайманов. Исатай Тайманов еще юношой завоевал всеобщее уважение как храбрый, сильный, удалой жигит. Когда ему был всего 21 год (в 1812 году), хан назначил его бием одного из отделений Бершева рода. Уже тогда имя Исатая было известно далеко за пределами его рода. К нему, как одному из влиятельнейших биев, обращался казачий атаман Бородин за содействием во время массовых попыток казахов перейти Урал. Бородин просил «почтенного старшины Тайманова» успокоить казахов и внушить им, что власти не будут противодействовать их желаниям, «если только они изъявлены законным образом и не соединены со своею волей и неповиновением установленным властям».

Деловитый и умный Исатай первоначально пользовался доверием хана. Во время проезда в 1826 году бухарского посланника через Орду Исатай был назначен при нем ханским представителем. Но вскоре свободолюбие и независимость Исатая, его властный и сильный характер заставили хана резко изменить к нему отношение. Особенное недовольство Жангира и его приближенных вызвали неоднократные и настойчивые протесты Исатая против насилия над народом.

«Хочешь знать, каков был батыр? – спрашивает поэт конца XIX века И. Шуреков в своей замечательной поэме «Исатай и Махамбет», –

Не обидел никогда
Тех, кто мирно в труде живет,
Тех, кто плод своего труда
В поте лица достает...
В тридцать лет он поднял главу

И сказал: «Надругаться врагу
Не позволю я над тобой,
Мой народ, мой народ родной!».

Феодалы несколько раз пытались погубить Исатая Тайманова клеветой. Его обвиняли в разных уголовных преступлениях, и, несмотря на необоснованность обвинений, Исатай дважды побывал в тюрьме – в 1817 и 1823 годах. Здесь ему пришлось достаточно насладиться на страдания своих сородичей. Но царская тюрьма не сломила Исатая. Напротив, в тюрьме только закалился его свободолюбивый характер и обострилась его ненависть к угнетателям народа.

В 1835 году Исатай резко выступил против Караул-ходжи, требуя его удаления с занимаемого поста за лихоимство, поборы и неправосудие. Полный негодования, Исатай писал хану: «Народ желает владеть своею собственностью, а не другой кто, и никто не имел бы (права) налагать поборы. Если мы не получим на сие ответа... то будем думать, что нет над нами никакого начальника; тогда лучше будет старшинам оставить их жилище, а бедному народу нашему бросить все имущество и скот и потом удалиться». В ответ на это послание Жангир-хан 5 марта 1836 года прислал Исатаю письмо, в котором упрекал его в намерении «подстрекать народ» и требовал прибытия в ставку для личных объяснений. «Ты должен умерить пыл своих страстий, – писал хан, – и потом уже ожидать исполнения желания. Но что это за ожидание милости, когда почитаешь себя товарищем и враждуешь против хана, как против равного себе».

Хан упорно отказывался принять какие-либо меры против беззаконных поступков Караул-ходжи. Исатай протестовал все энергичней и настойчивей и, наконец, стал открыто призывать народ к невыполнению ханских приказов.

Первое столкновение Исатая с Караул-ходжой. В марте 1836 года Жангир-хан приказал Караул-ходже схватить Исатая, Махамбета и некоторых других старшин и доставить их в

ханскую ставку (ныне город Урда). Исатай вовремя узнал об этом и успел укрыть свою семью и весь скот в укрепленном месте, окруженному рогатками и валом. Семь дней он с 200 вооруженных жигитов выдерживал осаду против 500 жигитов Караул-ходжи. Затем Исатай предложил Караул-ходже решить спор единоборством. Пять старшин в полном вооружении, кольчугах и шлемах, во главе с Исатаем, державшим знамя, смело выехали вперед, готовые сразиться с противником. Но предложение Исатая испугало трусливого Караул-ходжу. Его бии заявили, что они не в состоянии «с дракою изловить 200 изъянных людей, которые взяли оружие с намерением расстроить народ». Караул-ходжа отказался от намерения арестовать Исатая и его товарищей и позорно отступил, распустив свой отряд.

Этот первый успех, достигнутый Исатаем в столкновении с Караул-ходжой, сильно поднял его влияние в глазах народа. Массы почувствовали в его лице стойкого, неустрешимого защитника народных интересов и преисполнились к нему доверия. Вскоре Исатай снова предъявил хану требование убрать с занимаемого поста Караул-ходжу, а также другого такого же насильника – бия Балку Худайбергенова, управлявшего Бершевым родом.

Враги Исатая опять пустили в ход клевету. Исатая и Махамбета обвинили в убийстве одного престарелого пастуха, хотя было доподлинно известно, что в указанное время, при столкновении людей Махамбета с шайкой Караула, этот восьми-десятитрехлетний пастух был жив и лишь через четыре дня после этого скончался от удара молнии. Хан Жангир поспешил донести астраханскому и оренбургскому губернаторам, что «старшина Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов подняли в орде мятеж и совершили убийство и грабеж».

Началось следствие. Оно тянулось долго. Исатай убедился, что ему нечего ждать справедливости от царских чиновников, которые получили тайное распоряжение вести следствие в

пользу хана и его приближенных. В июне 1836 года Исатай с восемнадцатью товарищами выехал к ханской ставке, чтобы лично объясниться с ханом. Известие о поездке Исатая быстро распространилось в народе. К Исатаю стали присоединяться другие недовольные. Узнав об этом, хан сильно испугался. Он усилил свою казачью охрану и стал умолять астраханского губернатора прислать ему еще казаков с артиллерией. Навстречу восставшим хан отправил послов. Он поручил им обещать Исатаю, что все его требования будут удовлетворены, если он возвратится в свои аулы. Исатай поверил послам и вернулся. Уже на обратном пути его догнал один ханский советник и сообщил от имени хана, что через 12 дней члены ханского совета выедут в аулы Исатая и разберут все жалобы.

Хан не сдержал своего слова; напротив, он тотчас отправил военному губернатору Перовскому донесение с просьбой «задержать под стражу Тайманова и Утемисова».

Исатай Тайманов не раз писал губернатору и другим русским чиновникам заявления, в которых излагал причины спровоцированного недовольства казахского народа. В особом послании к начальнику Оренбургского края Исатай писал, что хан, его султаны и бии притесняют простых ордынцев, лишают их собственности, отнимают хороших лошадей. Исатай просил «для произведения следствия прибыть в середину простых ордынцев и спросить каждого особо, без посредства хана и старшин», ибо Жангир-хан и Карапул-ходжа «заключили общее условие не принимать никаких просьб от простых киргиз, а в противность законам безвинно притеснять их». Но от личной явки на допрос Исатай всячески уклонялся, отлично понимая, что ему угрожает арест.

Участие акына Махамбета в народном восстании. С началом весны 1837 года все казахи, кочевавшие на берегах Каспия, снялись со своих зимовок и откочевали вместе с Исатаем на север, в Нарын-пески. С выходом на летние кочевки

казахи почувствовали новый прилив сил. Не получив помощи от русских властей, наоборот, поддержавших хана и его сultанов, казахский народ решил собственными силами расправиться со своими притеснителями. Исатай и его сторонники посещали аулы, выслушивали жалобы бедняков или пострадавших от произвола ханской власти и на месте творили суд над представителями этой власти. Агитаторы Исатая также разъезжали по аулам и в страстных речах призывали поддержать Исатая в его борьбе против хана и его приспешников – врагов народа. Самым пламенным агитатором был народный поэт Махамбет Утемисов. Он был ближайшим сподвижником Исатая и одним из руководителей разгоравшегося народного восстания. Его революционные песни играли исключительную роль в деле пробуждения самосознания и революционирования казахских трудящихся. Он призывал казахскую бедноту подниматься на борьбу с угнетателями – ханами и сultанами. Махамбет пел:

Что толку народу от тронов златых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них?

С пламенным красноречием Махамбет призывал казахский народ к мщению и борьбе с народными угнетателями. В своем «Обращении к сultтану Баймакамбету» акын вспоминал впоследствии об этих горячих днях народного восстания и его целях:

Находился я при Исатае,
Леопардами мы были оба,
И какой тогда казахский воин
Состязаться бы посмел со мною?
Ханов я хотел, тебе подобных,

Биев толстобрюхих обезглавить,
Их орать верблюдом заставляя,
Чтобы с поднятою кверху мордой
Выли, сан свой прежний вспоминая.

Махамбет рисовал перед измученными казахами заманчивые картины свободной и привольной жизни после победы над богачами-эксплоататорами, когда казахам удастся занять обширные приволжские пастища. Он рассказывал народу о планах Исатая:

Заселить хотел моим народом
Берег Волги, что богат лугами,
И заполнить поселенья эти
Конскими без счета табунами.

Махамбет Утемисов, хорошо знавший казахскую жизнь, чаяния и стремления казахского народа, был преданным союзником и помощником Исатая. Хорошо зная русский язык, он вел от его имени все дипломатические переговоры и переписку Исатая с ханом и русскими властями. Вместе с ним он делил все трудности и лишения боевой жизни.

В течение лета и осени 1837 года случаи неповинования казахов Букеевской орды ханским властям участились. Восстание разрасталось, захватывая один род за другим. Некоторое время губернатор Перовский избегал вооруженных действий против Исатая, надеясь на мирное разрешение конфликта.

Продолжая громить своих врагов, Исатай отправил 11 июля 1837 года генералу Перовскому новую петицию, в которой обрисовал в самых мрачных красках состояние народа, доведенного эксплуатацией ханов и султанов до полного отчаяния. «Султаны, бии и ходжи, исполнители ханской воли, – писал Исатай, – всюду нас притесняют безвинно, мучают побоями,

своевольно отнимают у нас собственность нашу; жаловаться же на них – значит наводить на себя видимое бедствие и совершенное разорение». В этой петиции, под которой стояло свыше 600 подписей, восставшие просили царскую администрацию освободить их от власти поставленного над ними хана Жангира и оставить их «под управлением старшины Бершева рода Исатая Тайманова. Без этого старшины Исатая мы не находимся в состоянии быть и исправлять в точности все обязанности, которые будут от нас требоваться, ибо он есть всегдаший устроитель спокойствия и порядка между нами».

Эта петиция была политическим маневром Исатая с целью заручиться содействием русских властей в борьбе с Жангирханом, не допустить посылки карательных отрядов в степь и по возможности выиграть время до осени (до замерзания рек), когда казахи Букеевской орды рассчитывали прорваться за Урал.

Ознакомившись с петицией, генерал Перовский послал 15 августа ответ, в котором требовал, чтобы Исатай явился к нему лично, а всем его отрядам «немедленно разойтись по своим обыкновенным местам» и «пасти свой скот по-прежнему мирно и спокойно».

Приказ Перовского горячо обсуждался сторонниками Исатая. Некоторые из них, опасаясь расправы царских властей, заколебались и разъехались по своим аулам. Исатай понимал, что для решительных действий момент еще не настал. Поэтому он послал донесение, что в скором времени сам явится для личных переговоров к генералу Перовскому.

Русские власти на время успокоились. Хан Жангир, не имея ни собственных сил, ни поддержки со стороны царских войск, вынужден был оставаться пассивным зрителем событий. Он ограничивался тем, что посыпал одно за другим донесения в Оренбург, требуя посылки войск в орду для задержания Исатая. В Оренбурге некоторое время ожидали прибытия Исатая,

но он не являлся. Между тем, донесения сторонников хана были тревожны – к аулу Исатая вновь прибыло до 1000 кибиток, при нем постоянно находилось до 600 вооруженных жигитов, готовых оказать русским отрядам серьезное сопротивление. В то же время Исатай принимал решительные меры против слабых и колеблющихся. У старшин, которым он не доверял, он приказывал отбирать скот и брать в заложники их семьи.

Для борьбы с Исатаем его противники вновь сплотились вокруг Карагул-ходжи и совершили нападение на некоторые аулы восставших. Исатай со своими отрядами, в свою очередь, напал на аулы Карагул-ходжи. Генерал Перовский, видя, что Исатай к нему не является, послал ему 18 сентября новый приказ явиться, угрожая ему в случае ослушания схватить его силой. Он писал Исатаю: «25 августа тебе было мною подписано явиться ко мне немедленно для личных объяснений... Но вместо того, чтобы воспользоваться милостивым разрешением моим, ты вздумал заводить со мною переписку... Если ты и теперь не явишься добровольно, то не ожидай никакого снисхождения». Вместе с тем Перовский потребовал от Жангирхана смещения Карагул-ходжи с занимаемой должности.

Тем не менее Исатай не является. Вооруженные столкновения его сторонников с феодалами становились все ожесточенней. Тогда Перовский выслал в степь отряд казаков под командованием полковника Покотилова, приказав захватить Исатая. Однако казахские проводники намеренно водили отряд Покотилова в ложных направлениях, сбивали с толку, кружили по незнакомой местности, предупреждая Исатая о приближении казачьего отряда. Исатай, заблаговременно предупреждаемый, был неуловим. Покотилов вернулся из степи ни с чем.

Неудача Покотилова окрылила повстанцев. Действия Исатая сделались еще более смелыми и уверенными. Восстание охватывало новые и новые аулы. Наконец, в середине октября

1837 года Исатай с двумя-тремя тысячами вооруженных повстанцев предпринял поход на ханскую ставку.

Осада ханской ставки. К концу октября 1837 года Исатай Тайманов окружил ханскую ставку. В ней скопилось много бежавших султанов и богачей, объятых смертельным страхом. Восстание явно принимало характер классовой борьбы казахской бедноты против ее угнетателей, хана, поддерживавших его биев и грабителей-купцов. Исатай проявлял исключительную стойкость и мужество. Махамбет так воспевал его подвиги:

Орел мой, летящий над цепью гор!
Мой сокол крылатый, как ты был тверд!
В борьбе беспощадной бесстрашен, горд!

Восставшие казахи смело громили аулы феодалов и дома торговцев близ ставки, угоняли в свой лагерь султанские табуны. Одному из султанов, подвергшемуся нападению повстанцев, пришлось полуодетому бежать с семьей на казачий пост. Повстанцы громили и жгли также аулы биев, поддерживавших хана.

Хан Жангир забрасывал Перовского мольбами о помощи. Признав, наконец, положение серьезным, Перовский спешно направил в ханскую ставку подполковника Геке с небольшим отрядом. Прибыв в ставку, Геке вызвал к себе Исатая, но тот, по обыкновению, не явился.

В то время Исатаю, располагавшему двухтысячным отрядом, ничего не стоило взять ставку штурмом. Однако Исатай медлил и колебался. Большинство приближенных к нему старшин не хотело свержения Жангир-хана и склонялось к примирению с ним при условии удовлетворения их главных требований – устранения Карапул-ходжи и бия Балки и замещения главных постов сторонниками Исатая. Они желали, чтобы хан

был менее зависимым от русских властей и управлял народом по законам древнего адата. «Мы будем довольны тогда, — писали хану эти бии в заявлении, покрытом 300 подписей, — когда всякое между нами обстоятельство будете разбирать по народным нашим обычновениям и когда без посредства русского правительства вы сами будете судить...».

В ответ на это заявление Жангир-хан предложил «рассеяться, сложить оружие и ожидать ответа». Действиями хана руководил уже подполковник Геке, который был сторонником самых беспощадных карательных действий. «Вся степь в ужасном волнении, и все привлечены к Исатаю, — доносил Геке Перовскому, — только самые деятельные и строгие меры могут остановить эти беспорядки, и пора к ним приступить».

Перед Исатаем теперь оставался один путь — решительная борьба не на жизнь, а на смерть. Восставшие трудящиеся массы не могли рассчитывать ни на какое милосердие царских колонизаторов, хана и его слуг. На стороне батыра был весь простой угнетенный народ, независимо от родовой принадлежности. В рядах восставших не было ни одного султана, ходжи или тархана.¹ Все привилегированные люди орды, напуганные ярко выраженным крестьянским характером восстания, скрывались от народного гнева в ханской ставке. Они резко отмежевывались от мятечного батыра и с большим усердием служили царской администрации.

Исатай Тайманов две недели стоял перед ханской ставкой, но не предпринимал никаких решительных действий. Встревоженный генерал Перовский приказал усилить посланные в степь отряды, придав им артиллерию. В ночь на 6 ноября Исатай внезапно прекратил осаду ставки и ушел со своими жигитами по направлению к родным аулам — он получил сведения, что на его аулы готовится нападение. Действительно, два дня спустя казачий карательный отряд напал на исатаевские аулы и захватил в плен семью и имущество Тайманова. Но уже на

¹ Тархан — привилегированный казах, освобожденный ханом от податей.

следующее утро казаки были окружены жигитами под командованием самого Исатая. Повстанцы зажгли вокруг степь, чтобы лишить противника фураж. Командир отряда был вынужден освободить захваченных пленников и удалиться со своими солдатами.

15 ноября 1837 года утром у урочища Тас-Тубе произошла первая встреча карательного отряда подполковника Геке с отрядом Исатая. Исатай начал бой. Его храбрые жигиты, гарцевавшие на отличных конях, открыли ружейный огонь и бросились в атаку. Стремительность атаки, самообладание повстанцев, их умение владеть пикой заставили казаков дрогнуть и податься назад. Один из флангов русского отряда был смят. Тогда Геке приказал выдвинуть вперед артиллерийские орудия и ударить по повстанцам картечью на самом близком расстоянии. Залп вызвал в рядах повстанцев замешательство. Казаки воспользовались этим и перешли в контратаку. Отряд Исатая был разбит и рассеян. Впрочем, никто из вожаков восстания не был захвачен. За Исатаем гнались казаки, его конь был ранен, но он успел на всем скаку пересесть на другого коня и скрыться.

Поражение 15 ноября 1837 года нанесло сильный удар восстанию. Феодальная знать торжествовала победу. По приказанию Жангир-хана султаны и бии, укрывшиеся в ставке, выехали на место восстания. Хан поручил им «вернуть подведомственных им казахов на старые кочевки». Они выполнили ханский приказ, расправляясь самым жестоким образом с побежденными. Карательные отряды султанов и хана свирепствовали, беспощадно преследуя повстанцев и отнимая их скот и домашнее имущество. Устрашенные действиями карательных отрядов, сотни аулов с семействами снимались с зимовки и искали спасения в песках. В том году зима была суровой – стояли сильные морозы, дул пронизывающий ветер. Множество людей погибло в открытой мерзлой степи. Начался массовый падеж скота.

Участники восстания подверглись беспощадной расправе – одних сажали в тюрьму, других без суда наказывали на гайками. Несмотря на объявленное «прощение», целый ряд участников восстания был приговорен военным судом к наказанию шпицрутенами (до 1000 ударов) и к ссылке в Сибирь на каторжные работы или на поселение. Так, один из братьев Махамбета был приговорен к наказанию шпицрутенами через 500 человек два раза, а затем на крепостные работы и пожизненно в солдаты. Другой его брат, захваченный в декабре 1837 года после ухода Исадая за Урал, был приговорен к наказанию шпицрутенами через 250 человек три раза, с последующей ссылкой на крепостные работы и в солдаты. Были и еще более жестокие приговоры.

Исадай с группой верных друзей скитался по замерзшей степи, стремясь уйти при удобном случае за Урал. Однажды казачий отряд случайно натолкнулся на стоянку Исадая. Предупрежденный одним казахом, Исадай успел заблаговременно навьючить верблюдов и отправить вперед женщин. В момент нападения казаков Исадай ускакал в сторону незамеченным. Несколько казаков окружили Махамбета. Он храбро отстреливался из лука, прорвался через окружение и скрылся в степи.

В ночь на 13 декабря 1837 года, в суровую стужу и снежный буран, Исадаю с товарищами и семьей, наконец, удалось прорваться за Урал. Казачий разъезд открыл было стрельбу, но Исадай бесследно исчез. Несмотря на большую денежную награду, обещанную за его выдачу (2000 рублей), никто из казахов не хотел и слышать о предательстве. Во всех аулах народному герою оказывался сердечный прием – его снабжали провизией, давали ему верблюдов, кибитки и лошадей.

А когда в бескрайних аулах степных
Месяц хмурых дождей настал,

Храбрецы перешли Урал
Для спасенья, для новых побед...
(Поэма И. Шурекова «Исатай и Махамбет»)

Освободительная борьба Исатая, как раньше и восстание батыра Срыма, потерпела поражение в результате укрепившегося союза казахской знати и царских властей. Опыт восстания 1837 года еще раз подтвердил, что освобождение казахского народа от гнета своих феодалов невозможно без борьбы против российского самодержавия.

Гибель Исатая Тайманова. Когда Исатай Тайманов появился в кочевьях Младшего жуза, волна народного движения, там назревавшего, значительно поднялась. Широкие массы казахов хорошо его знали. Он был овеян славой народного героя.

Весною 1838 года тысячи казахов, несмотря на угрозы пограничных властей, стали откочевывать от русской крепостной линии в глубину степей. Все попытки султана-правителя Баймакамбета Айчуvakова восстановить казахов против Исатая ни к чему не привели. К началу июня Исатай собрал вокруг себя около 2000 казахов из родов Адай, Шекты и Табын. Исатай ездил по аулам и призывал народ к восстанию.

Старшины, оставшиеся верными России, в полном унынии доносили, что организация карательных отрядов бессильна, так как «народ не пойдет против Исатая», что Исатай уже располагает целой армией и что «вся степь фактически в его власти».

Царская администрация очень встревожилась. Новое освободительное движение казахов могло нанести удар по торговым сношениям России со среднеазиатскими ханствами. В начале июля 1838 года из Илецкой Защиты снова выступил во главе сводного казачьего отряда старый противник Исатая, подполковник Геке. Вскоре он соединился с отрядом султана Айчуvakова. Исатай не знал о движении русского войска.

Айчуvakов подослал к нему шпиона-казаха. Тот выдал себя за представителя рода Байулы, сочувствовавшего восстанию. Он начал жаловаться на султана Айчуvakова, который «сничтожной кучкой людей прибыл в байулинские аулы и насильно отнимает скот». Поверив этим ложным сведениям, Исатай решил напасть на Айчуvakова. Всего с пятью сотнями казахов Исатай двинулся в поход. Это только и нужно было подосланному шпиону: оставив повстанцев на полпути, он бросился к Айчуvakову и предупредил его о движении Исатая.

Предательский замысел удался полностью. Казачьи сотни Геке залегли в оврагах и лощинах по берегам речки Ак-Булак. Вокруг были выставлены наблюдательные пикеты. На рассвете 12 июля 1838 года один из таких пикетов был атакован повстанцами. Пикет обратился в бегство, но тотчас в бой вступили казаки и главные силы Айчуvakова. Геке приказал открыть огонь из орудий. Одна граната попала в группу жигитов и ранила нескольких из них. На миг жигиты рассыпались, но затем продолжали храбро двигаться вперед. Чтобы заманить их в западню и задержать, пока казаки не зайдут им в тыл, Айчуvakов пустился на хитрость – он повернул свои отряды назад и обратился в притворное бегство. В горячем бою Исатай увлекся преследованием и не заметил, что казаки Геке обходят его с тыла и с флангов. Внезапно две казачьи сотни ударили из оврагов во фланг, а другая часть казаков – во фронт. Исатаевцы дрогнули и стали отступать. Исатай скакал, отстреливаясь из лука. Но конь под ним был ранен, и Исатая окружили преследователи. Он не хотел сдаваться живым, продолжал отбиваться саблей от нападающих. Исатая удалось ранить одного казака. Однако силы его слабели. Исатая выбили из седла, и один из казачьих урядников шашкой рассек ему голову. Батыр свалился, истекая кровью. Его добили выстрелом в грудь из пистолета.

Так погиб Исатай Тайманов – доблестный сын казахского народа, пользовавшийся его огромной любовью и доверием и отдавший свою жизнь за его освобождение.

Конец Махамбета Утемисова. После поражения движения в 1838 году и гибели Исатая Тайманова Махамбет бежал в Хиву, но и отсюда он продолжал поддерживать самую живую связь с казахами Букеевской орды и Младшего жуза, призываая их к борьбе за независимость. В октябре 1839 года Махамбет тайно перешел Уральскую линию и появился в Букеевской орде. Несмотря на тщательные розыски, Махамбета не удавалось найти. Казахи Букеевской орды и Младшего жуза повсюду оказывали ему приют и гостеприимство. Только в 1841 году след казахского поэта-революционера был найден. Казачья команда захватила его и доставила властям сначала в Гурьев-городок, а затем в Уральск.

Генерал Перовский предложил Оренбургской пограничной комиссии предать Махамбета военному суду. Следствие не имело в своем распоряжении всех материалов о роли Махамбета в восстании 1836 – 1838 годов, после которого уже прошло три года. Суд поэтому вынес исключительно мягкий приговор – выслать Махамбета за линию вглубь степи. Султан Баймахамбет, узнав о приговоре, требовал его пересмотра, но в это время Махамбет был уже снова на свободе, охраняемый своим народом. Только в сентябре 1846 года руководимая султаном Айчуваковым шайка наемных убийц хитростью проникла в аул, где находился Махамбет, и зверски убила поэта-революционера, страстного обличителя и борца против врагов казахского народа.

ГЛАВА XIV

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КАЗАХОВ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА (1837 – 1847 ГОДЫ)

§ 29. Нарастание освободительной борьбы казахов в 30-х годах XIX века.

Колонизаторская деятельность царизма в Казахстане в 30-х годах XIX века. В 30-х годах XIX века во всех казахских жузах росло массовое недовольство. Вся степь глохнула. Причины недовольства крылись, прежде всего, в колонизаторских действиях царских властей. Усиленные земельные захваты жизненно необходимых казахам пастбищ, разорение казахских аулов податями, вооруженный грабеж их царскими военными отрядами, систематическое ограничение политической самостоятельности казахских жузов с целью лишить казахов их национальной независимости – таковы были важнейшие проявления колонизаторской деятельности российского царизма в казахских жузах после введения Устава 1822 года и ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах. Особенно тяжелым для казахов было изъятие земель во время постройки в Младшем жузе так называемой Новой линии. Эта система укреплений была создана в 1835 году. Она тянулась почти прямой линией между крепостями Орской и Троицкой. Все земли, расположенные к западу от этой линии, более 10 тысяч квадратных километров, изымались из пользования казахов. Казахские аулы подлежали выселению из этого района. Правда, выселить сразу все аулы царские чиновники были не в состоянии. Все же большое количество казахских общин потеряло богатые пастбищами и водой земли.

В 1837 году царское правительство приступило к обложению казахов постоянной податью. Был введен так называемый

кибиточный сбор, который должны были уплачивать все казахи, – по 1 рублю 50 копеек с кибитки.

По далеко не полным подсчетам Оренбургской пограничной комиссии, только с подведомственных ей казахов за время с 1837 по 1846 год было собрано кибиточного сбора на сумму около 600 тысяч рублей серебром. В одном из донесений Пограничной комиссии сказано: «Во время кибиточного сбора стало ясным, что большинство из казахских бедняков не в состоянии платить кибиточный сбор».

Кроме кибиточного сбора, были установлены и другие многочисленные сборы. Особые сборы были установлены за отдачу в оброчное содержание земель, рыболовства в Аральском море, в Сыр-Дарье и других реках, сбор попенных денег за пользование лесом, сбор за вывозку соли и т.п. Монополизировав все лесные богатства, речные водоемы, а также недра казахской земли, царские власти сделали их средством жесточайшей эксплоатации местного казахского населения.

В разорении казахского аула сыграли большую роль и так называемые «войнские поиски», поощряемые самим царским правительством. Войнские поиски проводились вооруженными отрядами, которые совершали глубокие рейды по казахским степям, при этом подвергали грабежу казахские аулы, угоняли скот, отбирали имущество и даже увозили детей. Предлогом к этому были якобы совершенные казахами нападения на русские торговые караваны или на пограничные заставы. В этом деле большую услугу оказывали отрядам агенты русского царизма – султаны-правители, с которыми подробно разрабатывались методы и приемы грабежа казахских аулов. В 1830 году такие войнские отряды только лишь из одной Байборинской волости насильственно уgnали 12 тысяч баранов, 2000 лошадей, 1500 коров, 700 верблюдов. Кроме того, войнские отряды увозили детей, девушки и убивали мужчин. В 1838 году султан Конур-Кулжай и два русских офицера подвергли опустошению

аулы Кошека Касымова, насильственно увезли 21 девушку и 8 женщин, убили 25 мужчин и подвергли тюремному заключению 80 человек. Продажа детей в рабство крупным горнозаводчикам, применявшим крепостной труд, и русским помещикам разрешалась специальным законом царя Александра I. В начале XIX века в Гурьеве за один месяц было продано 100 казахских детей по цене от 4 до 5 кулей ржаной муки за мальчика и от 3 до 4 кулей за девочку.

Аулы казахов грабили не только воинские отряды. Представители административного и судебного аппарата царской власти, выезжая в казахские аулы по каждому ничтожному поводу и находясь там подолгу, также жили за счет казахов, высасывая последние соки из населения.

Стремясь к дальнейшему ограничению политической самостоятельности казахов, царское правительство провело ряд мероприятий, направленных на превращение Казахстана в колонию.

В 1831 году в Младшем жузе была введена так называемая дистаночная система. Все кочевья, прилегающие к пограничной линии, от Гурьева до Звериноголовской крепости были разбиты на 32 участка – дистанции. Во главе дистанций стояли начальники из старшин и султанов, назначенные царским правительством. Они подчинялись султанам-правителям и управляли казахскими общинами при посредстве назначенных старшин. Эта реформа в пограничных районах уничтожала последние остатки независимости казахов.

В 1834 году у залива Кайдак, на восточном берегу Каспийского моря, было возведено укрепление Ново-Александровское. В 1840 году оно было перенесено на полуостров Мангышлак. Этим была создана опорная база для подчинения еще сохранивших свою независимость казахов из рода Адай, кочевавших между Аральским и Каспийским морями.

В Среднем жузе к 1838 году было открыто семь внешних округов: Кокчетавский, Каркаралинский, Аягузский, Баян-

Аульский, Акмолинский, Кушмурунский и Кокпектинский. По мере организации новых правительственные учреждений все районы Среднего жуза, один за другим, теряли свою независимость.

Борьба за независимость в 30-х годах XIX века. Казахи все больше убеждались в том, что против наступления российского царизма на казахские кочевья необходимо вести вооруженную освободительную борьбу.

Крупные волнения в Среднем жузе возникли в связи с организацией внешних округов. Во главе недовольных встал султан Саржан Касымов, один из внуков хана Абляя. Восстание охватило район Kokчетава и гор Улу-Тау. Присланные отряды царских войск заставили повстанцев отступить в южные районы Среднего жуза. Отсюда Саржан со всеми своими родственниками вынужден был перекочевать в пределы Кокандского ханства. Он продолжал вести борьбу с царскими отрядами и после этого. В 1836 году, заподозренный в измене, Саржан был убит по приказанию кокандского хана.

В Младшем жузе борьбу народа за независимость возглавил бий Жоламан Тиленши. Он не пал духом после подавления восстания 20-х годов, а стал собирать силы для нового выступления. В середине 30-х годов Жоламан Тиленши возобновил борьбу. В это время в связи с постройкой Новой линии многие казахские роды были вынуждены откочевывать к востоку от линии Орск – Троицк в сторону реки Тургай. Здесь скопилось множество аулов, не находивших себе пастьбищ. Среди казахов росло озлобление против царского правительства. Жоламан Тиленши сплотил недовольных и поднял их на борьбу за возвращение утраченных земель. Казахи начали нападать на русские поселения в районе Новой линии, отгонять скот, останавливать и грабить караваны на путях в Среднюю Азию.

Значительно поднялось здесь освободительное движение летом 1838 года, когда в Младшем жузе появились вожди на-

родного восстания в Букеевской орде – Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов.

Все эти восстания казахского народа в 20–30-х годах XIX века показывали, как велико было его возмущение, как отважно боролся он за независимость своей родины.

§ 30. Начало массовой борьбы казахов во главе с Кенесары Касымовым.

Историческое место и характер восстания Кенесары Касымова. Все попытки российского самодержавия лишить казахский народ независимости неизменно встречали с его стороны самый энергичный протест и упорную борьбу. Но эта борьба была стихийна и разрозненна. Восставшие в одном жузе действовали независимо и изолированно от казахов в других жузах. Вооруженная борьба ограничивалась определенными районами Казахстана. Тем не менее эти первые освободительные движения сыграли большую роль в мобилизации сил казахского народа против агрессии российского царизма. Они подготовили то большое массовое движение, которое широкой волной залило казахскую степь с 1837 по 1847 год. В течение десяти лет большинство населения трех казахских жузов поднялось под руководством своего вождя Кенесары Касымова на освободительную борьбу с русскими колонизаторами и их агентами – султанами-правителями. По своему размаху и значению это было самое значительное восстание казахского народа за весь период колонизаторской политики русского царизма. В этом восстании, явившемся итогом и синтезом всех предшествовавших движений, с особенной силой раскрылся свободолюбивый и боевой дух казахского народа, нелегко расстававшегося со своей национальной независимостью.

Кенесары Касымов подхватил то знамя борьбы за независимость, которое выпало из рук Исатая Тайманова, а еще раньше – Срыма Датова.

Но восстание, во главе которого встал Кенесары, существенно отличалось от восстаний под предводительством Срыма и Исатая. Эти движения начинались как крестьянские войны в ответ на притеснения казахских феодалов-эксплоататоров – ханов, султанов и биев. Вместе с тем они были направлены и против наступавшего русского царизма, с которым все теснее связывалась казахская феодальная верхушка. В восстании Кенесары элементы социальной борьбы не играли такой роли. Кенесары выступал против тех представителей казахской знати, которые становились на сторону царского правительства или кокандского хана и мешали его борьбе за создание независимого Казахского ханства. Он понимал, что, не обеспечив единства казахов, не создав централизованного государства (возможного в тот период лишь на феодальной основе), будет невозможно отстаивать национальную независимость казахского народа против мощи русского царизма.

Для той же цели было необходимо обеспечить и территориальное единство казахов. Между тем, значительная часть Старшего жуза с городами Туркестан, Аулиэ-Ата и другими находилась во владении Кокандского ханства. Надо было отвоевать у Коканда эти территории с казахским населением и, таким образом, завершить задачу национального объединения казахов, такую ставил в своей борьбе Кенесары.

Вместе с тем Кенесары учтывал, что Коканд, как и другие среднеазиатские ханства, представлял для независимости казахов теперь гораздо менее серьезную опасность, чем русский царизм. Былая мощь Коканда сильно упала. Коканд был ослаблен междуусобной феодальной борьбой, возросшей при малолетнем хане Худояре, а также частыми войнами с Бухарским ханством. Кенесары стремился использовать это ослабление Коканда в своих целях. Кенесары не отказывался также и от дипломатических переговоров с кокандским и бухарским ханами в расчете получить от них для борьбы с царизмом дополнительную военную помощь.

Первые выступления Кенесары. Свою борьбу за независимость казахского народа Кенесары начал еще в ранней юности. Его отец султан Касым решительно протестовал против постройки первых русских укреплений на его родине – в урочище Кокчетав. В письме к генералу Капцевичу Касым требовал уничтожения приказа и удаления русских войск из казахских степей. В ответ на это требование царское правительство наводнило степь новыми отрядами и начало постройку Актауского укрепления, связанного с Акмолинском линией пикетов на протяжении 300 километров. Тогда султан Касым и его сыновья – Саржан, Исенгельды и Кенесары, вместе с 40 тысячами семейств, покинули насиженные родные места Кокчетава и ушли в пределы Кокандского ханства. Массовый уход казахов Среднего жуза с Касымом во главе свидетельствовал об их непримиримой вражде с русскими колонизаторами. Вольнолюбивый дух народа не мог примириться с потерей свободы и независимости.

Направляясь в Коканд, Касым надеялся присоединить к освободительной борьбе подвластных Коканду казахов, а также заручиться поддержкой среднеазиатских ханств в борьбе с русским царизмом. Таким образом, Касым собирая и накапливая силы для предстоящих решительных боев против русских колонизаторов.

Однако попытка сотрудничества Касыма с кокандским ханом не увенчалась успехом. Наоборот, она привела к гибели двух его сыновей – Саржана и Исенгельды, а позже и самого Касыма. Они погибли от руки подвластного Коканду ташкентского бегляра беги,¹ который предательски напал на казахов, понимая, что «султаны Саржан и Исенгельды никогда не будут преданными ему людьми, а, напротив, только возмутят и перетянут на свою сторону местных киргизов». Оба султана были убиты в Аулиэ-Ата.

¹ Бегляр беги (беклар бес, беклер беги) – военный правитель, назначаемый указом хана для осуществления руководства отдельной местностью (красм), крупным племенем или группой населения. Здесь: военный правитель г. Ташкента. – Прим. ред.

Попытки опереться на «единоверного» хана потерпели полную неудачу.

Семье султана Касыма пришлось уйти из пределов Кокандского ханства и переселиться в урочище Улу-Тау, находившееся во владении Сибирского генерал-губернаторства. Кенесары Касымов к этому времени стал уже вполне сложившимся руководителем восстания, прошедшим сюровую школу борьбы.

В своих письмах к представителям царской власти Кенесары, подобно своему отцу, решительно протестовал против постройки укреплений на казахской земле. «Завещанные нашими предками, — писал он в одном из таких писем, — Есил, Нура, Актау, Ортау, Каркаралы, Казылық, Жаркайн, Обогай, Тобыл, Күшмурун, Окиян, Токзак до Урала при нынешнем царе отобраны у нас, и построены укрепления. Теперь, с каждым днем захватывая наши территории, закладывают укрепления и этим доводят население до отчаяния. Это не только для нашей будущности, но и для сегодняшнего существования опасно».

В другом письме, перечисляя крупнейшие из грабежей, производимых русскими отрядами и султанами за период с 1825 по 1840 год, Кенесары насчитывал 15 случаев насилий, грабежа, увоза девушек, продажи детей. «Итак, — писал Кенесары царским властям, — множество начальников отрядов вроде султана-правителя Джамантая Букеева с разбойничими майорами без вины подвергали опустошительному разгрому множество аулов. За период с 1825 по 1840 год они предали наши аулы 15 грабежам. Поэтому мы, казахи, не выдержав подобных притеснений, грабежей и убийства, вынуждены были перекочевывать в неизвестном направлении. Однако и здесь они не дали нам покоя. Поэтому я, Кенесары Касымов, вооружившись, поднялся во главе великой борьбы».

Это было открытое и смелое объявление войны сильнейшему врагу. Но Кенесары знал, что под знамена восстания соберется большинство казахского народа.

Действительно, появление первых отрядов Кенесары в Среднем жузе было искрой, попавшей в пороховой погреб.

Казахи Среднего жуза, до этого уже стихийно начавшие борьбу, стали массами стекаться под знамя Кенесары Касымова. К началу 1838 года к восстанию присоединилась большая часть казахов Акмолинского, Kokчетавского, Баянаульского, Каркаралинского округов во главе со своими батырами Агбаем, Жанайдаром, Ангал-батыром и Басыгара-батыром.

«Кенесары умел быть достойным повелителем своих дружин, – пишет историк Середа. – Духу, которым они были одушевлены, позавидовал бы любой полководец европейских войск!.. Стремительный в своих набегах, подобно всесокрушающему степному урагану, Кенесары не останавливался ни перед каким препятствием. Напротив, всякая преграда, казалось, только раздражала его непреклонную волю и делала его еще стремительнее и дерзче в своих предприятиях, пока, наконец, не сокрушились перед его энергией все препоны на пути к достижению желаемой цели. Все эти качества высоко чтились в Кенесары нашими кочевниками, и сердца его соучастников бились безграничной, до самоотвержения, преданностью к своему предводителю».

Отряд Кенесары в 1837 году недалеко от Актауского укрепления напал на казачьего хорунжего Рыбина, который сопровождал торговый караван из Петропавловска в Ташкент. В результате вооруженного столкновения был убит хорунжий Рыбин, 3 урядника и тяжело ранен 21 казак. Кенесары захватил оружие и другие трофеи.

Движущие силы восстания. С 1838 года освободительная борьба, возглавляемая Кенесары, вступила в новый этап. Он характеризовался включением в борьбу более широких масс. Отдельные ручейки восстаний, происходивших в разных районах, постепенно сливались в одну мощную реку. Почти одновременно с выступлением Кенесары началось восстание в Младшем жузе во главе с Исатаем Таймановым.

В восстании Кенесары Касымова участвовали народные массы трех казахских жузов. Но вступали они в движение не сразу и неравномерно. Отдельные области втягивались в движение по мере расширения районов восстания. Значительная часть казахов Младшего жуза во главе с Жоламаном Тиленши с первых же дней восстания присоединилась к движению Кенесары. Большую роль в общем подъеме восстания сыграли агитационные письма Кенесары Касымова, обращенные к казахам районов, не охваченных еще восстанием, а также к подвластным царской России казахским родам. В этих письмах Кенесары призывал всех казахов присоединиться к вооруженной борьбе с общим врагом. Когда Кенесары встречал противодействие, особенно со стороны тех родов, которые были подвластны России, он угрожал им силой. В письме, посланном к биям Байтюре, Каракучеку Назаровского отделения, он писал: «Признайте меня ханом, будьте моими; я хочу сблизиться с вами... Если раскаетесь в делах ваших, то пусть лучшие из вас прибудут ко мне. Я много милостив к вам. Ежели не явитесь, то я, прожив в ожидании вас 30 лет, 30 лет буду карать вас. Надеюсь на бога. Посылаю к вам слугу своего Бабвука, верьте словам его».

К восстанию Кенесары Касымова примкнула часть султанов. Их побудило к выступлению на стороне восставшего народа введение «Устава о сибирских киргизах» 1822 года. Хотя по уставу все султаны считались привилегированным сословием, не все из них оказались избранными на должность старших султанов и правителей волостей. Поэтому известная часть султанов была лишена своих привилегий. Далее «Устав о сибирских киргизах» запрещал этим султанам взимать пошлины с торговых караванов, проходящих через территорию Казахстана. Экономическое положение значительной части султанов сильно ухудшилось.

Однако если султаны на первом этапе восстания (1837–1838) преимущественно выступали сообща с народными мас-

сами, то на последующих, решающих этапах борьбы многие из них стали изменять движению.

Связываясь все более и более с русскими колонизаторами, эти султаны опасались, что уничтожение колонизаторского аппарата в Казахстане может привести к утрате получаемых ими привилегий и выгод.

Военная сила Кенесары Касымова состояла из выдвинутых народными массами батыров с их жигитами и из феодальных дружин – тюленгутов. В составе войск Кенесары находились наиболее влиятельные, пользующиеся всеобщей известностью батыры из всех казахских жузов. Соратниками Кенесары были такие батыры, как Агбай из рода Шубыртпалы (Средний жуз – Каркаралинск), Жанайдар-батыр из рода Суюндык (Средний жуз – Баян-Аул), Иман Дулатов (дед Амангельды) из рода Кыпчак (Средний жуз – Тургай), Жоламан Тиленши из рода Табын (Младший жуз – Иргиз, Ак-Тюбе), Бухарбай из рода Табын (Младший жуз – Сыр-Дарья), Бугубай-батыр из рода Дулат (Старший жуз – Джеты-Су, Джамбул), Саурык-батыр из рода Дулат (Старший жуз – Джеты-Су), Ангал-батыр из рода Атыгай (Средний жуз – Кокчетау), Басыгара-батыр из рода Кыпчак (Средний жуз – Акмолинск).

Об этих батырах, мужественно боровшихся за свободу и независимость своего народа, сложены замечательные народные песни, в которых воспеваются их легендарные подвиги. Среди них имена Кенесары и Наурызбая занимают в истории казахского народа почетное место – как имена борцов, поднявших знамя освободительной борьбы казахов.

Среди прославленных батыров была сестра Кенесары – Бопай. С первых дней восстания она стала активным участником борьбы. Она призвала своего мужа, Самека, и его родственников – султана Сортека и Досана Абульхайыровых – принять участие в восстании. Получив отказ, она в 1837 году покинула своего мужа с его родственниками и навсегда связала свою судьбу, вместе со своим 17-летним сыном, с судьбой восстав-

шего народа. Бопай возглавляла особый отряд численностью в 500 человек, который занимался сбором закята и реквизицией имущества и продовольствия у султанов, отказавшихся примкнуть к восстанию. Наряду с этим Бопай принимала активное участие во всех крупных сражениях Кенесары Касымова и совершила отдельные партизанские рейды в тылу врага.

В отряды Кенесары, кроме основной массы участников-казахов, входили и отдельные представители различных национальностей, жившие в районах восстания. Вместе с казахами поднимались на борьбу с общим врагом – царизмом те русские, башкиры и татары, которые скрывались в казахской степи от преследований царизма. Об их участии в восстании поручик генерального штаба Герн писал: «При Кенесары находится много казахов от всех родов, подвластных сибирским и оренбургским губернаторам. Вместе с ними были представители других народностей... пятеро русских, четверо башкир и шестеро татар. Некоторые из них изготавливают оружие, боеприпасы для армии Кенесары. За время моего нахождения по распоряжению Кенесары от каждой юрты были собраны по одному железному треножнику очага и по одному железному кетменю, которые были отданы башкиру для литья пушек». Кроме них, при Кенесары были каракалпаки, туркмены, узбеки, киргизы. Среди них особенно отличился Сайдак-Хожа Оспанов, получивший образование в Самарканде и Бухаре. В дипломатических переговорах, а также в управлении государством он был самым верным помощником Кенесары.

Развитие военных действий в 1838 году. Весной 1838 года вооруженные столкновения Кенесары с царскими отрядами стали принимать характер более длительных и упорных военных действий. Особенной ожесточенностью отличалось сражение за Акмолинский приказ, предпринятое Кенесары Касымовым 26 мая 1838 года.

Акмолинский приказ был хорошо укрепленным районом. Вокруг были вырыты глубокие рвы. Все близлежащие подхо-

линский приказ охранялся
р-Кулджай Кудаймендин
ойсковым старшиной Кар
началось на рассвете. Ка
ость из луков, прикрепля
щиеся осмоленные тряпки
ые пожары. В тот момент
борьбу с огнем, один из от
рыом Басыгара, несмотря
противление противника и
тепости смертью героя пад
али под напором вражеских
своим воинам ни в коем слу
и отступать от занятых по
Кенесары, отряды батыров
и сопротивление противнику.
Внутри его начался насто

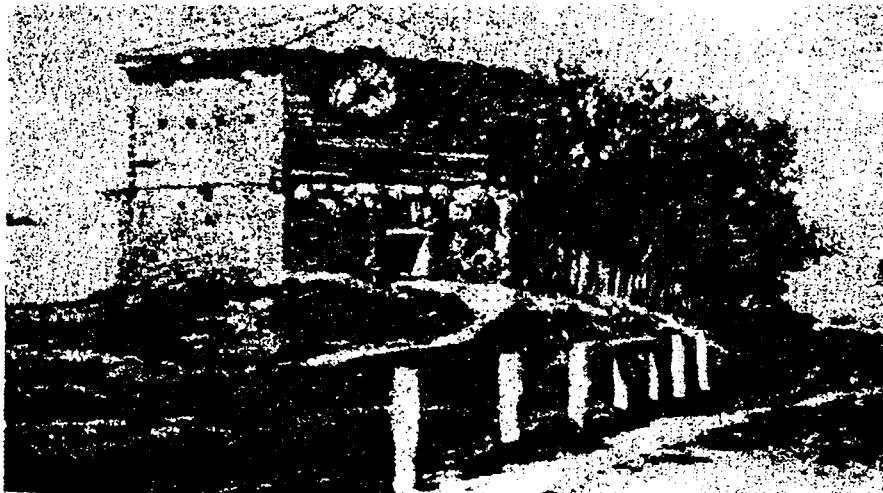
Кенесары Касымов

ности на аулы старшего султана Акмолинского приказа Конур-Кулджай Кудаймендина. Ярким моментом в этом движении было выступление отряда, возглавляемого сестрой Кенесары Бопай. Она совершила вооруженное нападение на аулы младшей жены хана Уалия Айганым в Кокчетавском приказе.

Но как ни значительны были в этот период выступления против колонизаторов в Младшем и Среднем жузах, они все же оставались разрозненными, не связанными общим руководством или единым центром.

Новый этап движения начался зимой 1838 года, когда Кенесары стал собирать силы для организации более мощного и совместного движения, направленного против колонизаторов.

Кенесары попытался, прежде всего, присоединить к восстанию казахов, подвластных Оренбургскому ведомству. С этой целью он направился в восточную часть Оренбургского ведомства к реке Тургай. Здесь Кенесары жестоко расправлял-

Акмолинский приказ

ся с аулами тех непокорных султанов и биев, которые, будучи агентами русского царизма, противодействовали объединению казахов. Отдельные отряды восставших совершали на-

падения на русские торговые караваны, направлявшиеся от Сибирской линии и из Троицка в Ташкент. Этими мероприятиями Кенесары значительно парализовал русскую торговлю на среднеазиатских рынках. Царское правительство не могло с этим мириться. Для подавления восстания из Оренбурга был отправлен карательный отряд в составе 1900 солдат во главе с войсковым старшиной Лебедевым. К нему присоединились сотни казахов из родов Кыпчак и Керей, недовольные Кенесары. Отряду Лебедева удалось захватить кочевья аулов Кенесары на зимовке и подвергнуть их разгрому. Были захвачены в плен 14 человек, в том числе несколько родственников Кенесары. Из подвластных Кенесары аулов насчитывалось 50 человек убитых. Но отряд Лебедева не смог развить дальнейшего наступления на казахские степи. Этому помешало весеннее половодье. Лебедев со своим отрядом должен был уйти обратно.

Кенесары Касымов со своим отрядом направился на соединение с казахами рода Табын, поднявшимися во главе с батыром Жоламаном Тиленши, который в это время двигался в сторону Тургая и Иргиза на поддержку восстания казахов Среднего жуза.

Кенесары продолжал добиваться воссоединения казахов в единое государство. С этой целью весной 1840 года он снова перекочевал в пределы Кокандского ханства в надежде на присоединение к нему подвластных Коканду казахов. Вначале ташкентский правитель, рассчитывавший найти в Кенесары покорного вассала, встретил его приветливо. Он даже удовлетворил просьбу Кенесары о посыпке ему пороха, свинца и ста ружей. Но скоро он увидел тщетность своих надежд. Кенесары начал сам собирать закят с казахов, подвластных Коканду, что означало отказ признавать свое подданство ему. Ташкентский правитель тайно двинул против Кенесары крупный отряд и приказал ему захватить и умертвить Кенесары и всех его

приверженцев. Во время этого нападения был схвачен и убит отец Кенесары – Касым. Другие члены семьи Касымовых частью были взяты в плен, частью убиты. Имущество их было разграблено.

Кенесары жестоко отомстил ташкентскому правителю за его коварство. Выдав себя за подданного кокандского хана, Кенесары пригласил в свое кочевье на реке Чу ташкентского юзбаша (сотника), намереваясь расправиться с ним и его отрядом. Один из родственников Кенесары сообщил об этом эпизоде следующее: «С 200 жигитов он отошел от р.Чу, поставил две белые юрты, убрав их дорогими коврами. Когда ташкентский юзбаш получил известие, что Кенесары ожидает его на р.Чу, он вышел со своей сотней из Сузака. Прийдя на р.Чу, он увидел по берегу ее аулы, посреди каждого аула белую юрту, а кругом пасущихся лошадей и верблюдов. Успокоившись при виде такой мирной картины, юзбаш без опасения вошел в юрту, снял с себя оружие и предался отдыху. То же сделали все его люди. Неожиданно появился Кенесары со своими жигитами. Они быстро выскочили из камышей и изрубили всю сотню ташкентцев».

Кенесары – государственный деятель и дипломат. После этих событий Кенесары откочевал со своим народом к берегам Тургая. Центр национально-освободительного движения казахов теперь надолго закрепился в этом районе. Здесь в го-довщину смерти отца Кенесары представители казахов трех жузов подняли Кенесары на белой кошме и избрали его все-казахским ханом. Этот факт свидетельствовал о том исключительном авторитете и популярности, какими Кенесары стал пользоваться у казахского народа.

Встав во главе казахского ханства, Кенесары проявил себя талантливым государственным деятелем. Он внес ряд изменений в обычное право казахов, в частности упразднил суд родовых биев и учредил общеказахский суд, состоявший из

назначаемых им ясаулов. Кенесары упорядочил также сбор зятя и взимания пошлин с проходящих торговых караванов. Поступления от них теперь шли в казну на общегосударственные нужды. В районе Сыр-Дарьи он установил особый налог – ушр, аккуратно взимавшийся с населения. Кенесары жестоко карал всех тех, кто самовольно взимал зятя с населения.

После убийства отца и разгрома его аулов ташкентским правителем Кенесары стал готовиться к войне с кокандским ханом. Поэтому он решил изменить свою тактику в отношении России. Вести войну на два фронта с противниками, гораздо более сильными, чем он сам, Кенесары не мог. Поэтому он решил восстановить нормальные отношения с Россией. В этих дипломатических переговорах с царской администрацией он показал себя незаурядным, талантливым дипломатом. Прежде всего Кенесары начал переписку с войсковым старшиной Лебедевым об исходатайствовании себе «высочайшего прощения государя». Поверив в искренность Кенесары, Лебедев донес об этом оренбургскому военному губернатору Перовскому, который согласился с мнением Лебедева и обратился с прошением к государю. Одновременно Кенесары вел такие же переговоры с председателем Пограничной комиссии Генсом. Прося его о прощении, он одновременно жаловался ему на притеснения со стороны сибирских властей, которые подвергали его аулы опустошению. Этим он объяснил свою откочевку в степи Оренбургского ведомства. Генс, убедившись в правильности доводов, высказанных Кенесары, писал коллежскому советнику Ларионову: «Начальство Западной Сибири в распоряжениях своих касательно киргизов руководствуется каким-то духом ненависти к этому народу и поэтому склонно к мерам насильственным, направленным часто против имущества ордынцев и не всегда основанным на строгой справедливости».

Тайно готовясь к борьбе с Кокандским ханством, Кенесары накапливал военные силы и в то же время не оставлял дипло-

матических переговоров с царскими властями. В другом своем письме, обращенном к Генсу, он просил о возвращении его родственников, захваченных в разное время русскими отрядами, и снова жаловался на сибирские власти, жестоко обращавшиеся с казахами. С другой стороны, он восхвалял Оренбургское ведомство за снисходительное и доброжелательное отношение к казахам. Этим маневром он обострял и без того ненормальные отношения, существовавшие между оренбургским и западносибирским генерал-губернаторами, вызывая между ними острую полемику. Это письмо Кенесары через Генса было доставлено Перовскому, который решил взять Кенесары под свое покровительство. Письмо Кенесары он отправил военному министру и вице-канцлеру Нессельроде, прося их об исходатайствовании Кенесары высочайшего помилования. Он сопроводил письмо Кенесары своим объяснением, в котором уверял царя, что Кенесары действительно ищет покровительства и давно прекратил руководить восстанием казахов. В конце своего письма Перовский указывал на притеснения казахов со стороны Сибирского генерал-губернаторства, что вызывает недовольство и волнения среди казахов. Поэтому он просит государя потребовать от генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова прекратить вмешательство в дела подведомственных ему казахов. Оскорбленный Горчаков немедленно ответил Перовскому: «В число моих желаний отнюдь никогда не входило вмешательство в управление племенами киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. Все мои стремления клонятся лишь к одной цели – оберегать пределы моего генерал-губернаторства от вторжения хищнических шаек, т.е. от Кенесары Касымова, мятеж которого тем опаснее, что свое грабительство султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их былой вольности».

В результате этой переписки состоялось прощение Кенесары, вслед за тем были освобождены и его родственники.

Война Кенесары с Кокандом. Воспользовавшись перedyшкой и покровительством Оренбургского ведомства, Кенесары в 1841 году объявил войну Коканду. Момент был выбран удачный. Как раз в это время происходила ожесточенная борьба между Кокандским и Бухарским ханствами. Кенесары выступил против Коканда как союзник Бухары. Еще раз показав себя талантливым дипломатом, Кенесары заключил союз с Бухарой, стремясь не только получить ее поддержку в борьбе с Кокандским ханством, но и заручиться помощью Бухары на будущее в случае возобновления войны с Россией.

Отряд Кенесары состоял из его батыров и тюленгутов, насчитывавших 4 тысячи человек. Кроме этого, в состав его войск входил со своим отрядом прославленный народный батыр Жанхожа Нурмухаммедов. По пути следования к ним присоединились еще казахи из окрестностей Ак-Мечети, Жулека и Туркестана. Кенесары начал военные действия одновременно с осады Сузака и Ташкента. Основная сила была направлена на осаду Сузака, который был укрепленной крепостью, охранявшейся 5 тысячами солдат. Ожесточенное сражение за Сузак длилось 12 дней. В результате Сузак был взят и разрушен. Затем была взята крепость Сауран. Отдельные передовые отряды Кенесары к этому времени подступили к окрестностям Хазрета (Туркестана), принадлежавшего Коканду. Взятие Сузака произвело на кокандцев потрясающее впечатление и явились крупнейшей победой Кенесары, поднявшей его авторитет в глазах казахских народных масс. Эта победа убедила их в способности Кенесары отстоять исконные казахские территории от внешних врагов. В результате нанесения крупного поражения Кокандскому ханству последнее вынуждено было предложить Кенесары военный союз. Кенесары отказался от заключения такого союза с Кокандом, потребовав возвращения принадлежавших казахам территорий. Зато Кенесары вступил в дипломатические переговоры с Хивой – для того чтобы уси-

лить существовавшие распри между Хивой и Кокандом и тем самым ослабить их во взаимной борьбе.

Генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков, узнав о нападении Кенесары на Кокандское ханство и об избрании его все казахским ханом, немедленно донес об этом Перовскому. Последний, не совсем доверчиво относившийся к донесениям Горчакова, решил все-таки запросить об этом самого Кенесары. Не желая вызывать подозрений у Перовского, Кенесары дипломатично ответил, что он ханом не избран, а его нападения на Ташкент и Сузак вызваны тем, что он хотел выручить подвластных Оренбургскому ведомству казахов. Перовский, удовлетворившись ответом Кенесары, стал смотреть на последующие донесения Горчакова сквозь пальцы.

Кенесары понимал, что ему надо на время войти в доверие Оренбургского ведомства и по возможности избегать с ним столкновений. Поэтому он на некоторое время прекратил военные действия на Оренбургской линии и центр военных операций перенес против Западно-Сибирского губернаторства. Кочуя на пространстве между рекой Сыр-Дарья и озером Тели-Куль, Кенесары в 1842 году совершил вооруженное нападение на подведомственные Западно-Сибирскому губернаторству территории. При этом он разослал в казахские аулы воззвания, призывая их присоединиться к восстанию против русских колонизаторов. В июне 1842 года его отряды появились в Кокчетаве, Акмолинске, Кушмуруне и на реке Убаган. Об этих действиях Кенесары Горчаков снова донес Перовскому.

Продолжая свою дипломатическую игру, Кенесары снова написал Перовскому о своей преданности царю и даже просил ходатайствовать перед государем о его награждении. И на этот раз доверившись Кенесары, Перовский вошел с соответствующим представлением. В своем представлении Перовский писал вице-канцлеру: «Если бы правительство наше нашло нужным в настоящее время упрочить русскую власть над

кайсаками, кочующими к востоку от Мугоджара, то я полагал бы возможным употребить для сего с пользою султана Кенесару и для поощрения его в этом деле исполнить его прошение». Таким образом, Кенесары в условиях сложных международных отношений, правильно ориентируясь в обстановке, сумел спутать карты царских колонизаторов и заставить их на протяжении ряда лет вести острую полемику, приводившую к их взаимному недоверию. Такая тактика, в конечном счете, сильно дезориентировала русское правительство. Этим отчасти и объяснялась продолжительность восстания Кенесары Касымова.

В конце 1842 года вместо Перовского оренбургским военным губернатором был назначен генерал-лейтенант Обручев. При нем начало проясняться действительное отношение Кенесары к российскому царизму.

§ 31. Подъем движения Кенесары Касымова.

Выступление царских войск против Кенесары. С наступлением 1843 года Кенесары стал усиливать нападения на пограничную линию Западно-Сибирского губернаторства. Он подвергал разгрому подвластные России аулы султана Алтайбая Кубекова из рода Жаппас. Султан Алтайбай был убит. Одновременно Кенесары не прекращал набегов на владения Кокандского ханства. Когда об этом стало известно оренбургскому военному губернатору, прежнее мнение о Кенесары Касымове стало меняться.

Для наказания мятежного султана оренбургский военный губернатор Обручев 10 июля 1843 года направил отряд в составе 300 человек под командою войскового старшины Лебедева. Отряд встретился с Кенесары на реке Иргизе. Но и на этот раз Кенесары, избегая столкновения с русским отрядом, ловко обманул Лебедева. Он убедил его в том, что подчиняется приказанию царских властей, навсегда отдается в подданство

России и перекочевывает к границе Оренбургского ведомства. Лебедев, не зная, что делать, вынужден был запросить указаний оренбургского военного губернатора. Тот незамедлительно ответил – воздержаться от враждебных действий против Кенесары, но с отрядом остаться в степи.

Самонадеянный оренбургский губернатор Обручев уже доносил в Петербург о своих блестящих успехах в отношении мятежного султана Кенесары, ставшего его покорным подданным. Однако скоро стало известно об активных враждебных действиях Кенесары на Оренбургской линии. Раздосадованный Обручев был вынужден вновь обратиться к канцлеру Нессельроде с ходатайством о военной помощи для подавления восстания Кенесары.

Характерно, что еще утром, накануне получения этого сообщения оренбургского губернатора, государственный канцлер граф Нессельроде докладывал царю Николаю I о донесении того же Обручева по поводу совершенной и безусловной покорности Кенесары. Вечером того же дня Нессельроде получил второе донесение Обручева, который просил немедленно выслать ему подкрепление и отпустить на военные расходы 14 тысяч рублей и сверх того 3 тысячи рублей на премию за доставку головы Кенесары. При этом Обручев предупреждал, что Кенесары имеет теперь огромную армию и угрожает нападением на Оренбургскую крепость.

К этому времени Кенесары превратился в грозную силу. Ему были подвластны более 5 тысяч аулов из родов Баганалы, Аргын, Табын, Тама, Байбакты, Шекты, Шумекей и других.

27 июня Николай I разрешил поход в степь с отнесением расходов за голову Кенесары на счет кибиточного сбора. В августе 1843 года отряд в составе 5 тысяч человек во главе с султаном-правителем Жантюриным, Баймахамбетом Айчуваковым, полковниками Генсом и Бизяновым отправились в оренбургскую степь для уничтожения отряда мятежного султана Кенесары. Другие отряды, сформированные Западно-

Сибирским генерал-губернаторством, направились со стороны Омска, Петропавловска и Каркаралинска.

1 и 7 сентября 1843 года завязались ожесточенные сражения с передовыми отрядами русских, вышедшими со стороны Оренбурга. В результате боев было много жертв с обеих сторон. Обе стороны, прекратив военные действия, отошли. Остальным русским отрядам не удалось дать сражение Кенесары. Часто маневрируя в степных просторах, он вводил их в заблуждение. Он изматывал силы русских отрядов и частично истреблял их живую силу. Обессиленные солдаты в связи с ранним наступлением холодной дождливой осени прекратили военные действия и в сентябре покинули степь. Военные действия против Кенесары было решено возобновить в следующем 1844 году.

Военно-полководческое искусство Кенесары. В 1844 – 1845 годах национально-освободительное движение казахов, руководимое Кенесары Касымовым, достигло своего апогея. К этому времени восстание охватило все основные районы Казахстана, распространившись на территории Сыр-Дарьинской, Джетысуйской областей, Центрального, Западного и Южного Казахстана. Назаровское отделение и некоторые, раньше недовольные, казахские роды, в частности род Жаплас, теперь присоединились к восстанию Кенесары.

В этот период Кенесары Касымов проявил себя не только вождем и организатором масс, но и талантливым полководцем. Он создал прекрасную армию, состоявшую из 20 тысяч жигитов, для которых установил строгую военную дисциплину. Один военнопленный, барон Оруд, находившийся в ставке Кенесары, передает следующее: «При мне, собрав всех своих казахов, Кенесары предал мучительной смерти одного казаха, которого застал спящим в ночном карауле».

Хорошо отличившихся в боях жигитов Кенесары поощрял без различия их положения. Даже рядовые казахи назначались

ясаулами. По свидетельству одного русского офицера, в войсках султана «за отличие в действиях первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядок соблюдается следующий: после обыкновенного древка или укрюка выдается пика с наконечником; потом большой прямой нож... потом кривая сабля; далее жалуются ясаулом».

Кенесары устраивал пикеты и разъезды, обучал лазутчиков, заботился о продовольствии войск. Он имел даже маркитантов в лице орских купцов Хусайна и Мусы Бурнаевых.

В этот период Кенесары становился опасным противником. Генерал-губернатор Западной Сибири вынужден был обратиться к казахскому населению со следующим воззванием: «Вам известно, Кенесары Касымов на протяжении ряда лет наводит беспорядок в степи и увеличивает грабежи, убийства и другие беспорядки. Возбудив безумных казахов, он продолжает их увлекать за собой. Великий государь решил силой подавить мятеж Кенесары. Воспользуясь представленной вам широкой возможностью, покиньте Кенесары. В противном случае, запомните, будете подвергаться беспощадным пыткам».

Царское правительство решило направить на подавление восстания Кенесары три отряда: со стороны крепости Орск, с гор Улу-Тау и от реки Тобол. В мае 1844 года отряд, возглавляемый Жантюриным, султаном Баймахамбетовым и войсковым старшиной Лебедевым, направился на юг в сторону Кара-Кумов.

Задача русских отрядов сводилась к тому, чтобы взять отряды Кенесары с обеих сторон в клещи и отрезать путь отступления со стороны Тургая на Кара-Кумы. Однако царским отрядам не удалось осуществить свой план. Давая отдельные бои, Кенесары благополучно отступил к Кара-Кумам. Ему удалось направить по ложному маршруту отряд Лебедева, который разгромил по ошибке аулы бия Байкадамова, подвластные России. Лебедев был отозван в Оренбург и вскоре предан суду за воровство и разорение аулов биев, преданных России. Место

Лебедева занял полковник Дуниковский. К этому времени на подавление восстания Кенесары были направлены сибирские отряды под командованием генерала Жемчужникова. Заранее разослав своих лазутчиков в тыл врага, Кенесары получал от них сведения о сибирском отряде, направлявшемся на соединение с оренбургским отрядом Дуниковского. Задача Кенесары состояла в том, чтобы не дать этим отрядам соединиться, и выйти из окружения. Кенесары решил выслать небольшой отряд навстречу и этим создать ложное представление у противника, внушив ему, будто отряд Кенесары целиком отступает в сторону Улу-Тау. Сибирский отряд был, действительно, обманут – переменив направление, он пустился в погоню за небольшим отрядом Кенесары. Тем временем Кенесары с основными своими силами 23 июня появился на Новой линии и подверг нападению Константиновскую крепость. Быстро и маневренность его войск ошеломили русские отряды.

Кенесары и теперь решил отправить лишь небольшой отряд против русских в качестве заслона, а основные силы готовить для решительного удара в тылу противника. 17 июля 1844 года отдельные его отряды стали навязывать бой русским войскам, находившимся под командованием султана-правителя Жантюрина и полковника Дуниковского. Избегая решительного столкновения с русскими войсками, они должны были изматывать силы противника. Кенесары проявил себя и здесь искусственным полководцем и блестящим стратегом. В ночь с 20 на 21 июля 1844 года основные силы Кенесары ударили в тыл противника, окружив отряд Жантюрина. В ходе ожесточенных боев этот отряд был полностью разгромлен. В бою было убито 44 султана. Отряд Дуниковского, несмотря на близость битвы, не решился оказать помощи султанам, опасаясь окружения и гибели. Гибель 44 султанов сильно озлобила оренбургского и западносибирского губернаторов. На рапорте Дуниковского, по-данном на имя оренбургского военного губернатора, Обручев

наложил следующую резолюцию: «Позор, неприятная весть, очень сомнительно, с трудом верится, что подобная весть могла совершиться».

В этих боях отличился своей храбростью брат Кенесары Наурызбай. Обладая богатырской силой, он в одном рукопашном бою зарубил более десяти солдат, несмотря на то, что его кольчуга была совсем продырявлена и что сам он имел несколько ран. Не покидая поля боя, раненый Наурызбай бросался на самые опасные участки, увлекая своей храбростью людей.

О героических подвигах Наурызбая народом сложена замечательная песня «Наурызбай-герой», ярко рисующая победу казахов. Характеризуя ее, Затаевич – известный знаток казахской музыки – писал: «Это эпическое сказание, эскиз для могучего финала казахской симфонии. Это вступление, подготовляющее могучие унисоны, рисующее торжественный въезд и победную мощь любимого казахского героя».

В этих военных операциях 1844 года полководческое искусство Кенесары Касымова проявилось особенно ярко. Хорошо организовав разведку, он сумел разъединить сибирские и оренбургские войска, шедшие на соединение друг с другом, вывести свои войска из окружения, а затем нанести противнику серьезное поражение, применяя тактику обходного флангового удара.

Рост популярности и славы Кенесары. В течение лета 1844 года наступление Кенесары продолжалось с неослабевающим темпом. 14 августа отряды, возглавляемые батырами Наурызбаем и Агыбаем, штурмом взяли крепость Екатеринскую, где были взяты в плен около 100 солдат и огромное количество трофеев, в том числе 1847 пудов хлеба.

Боясь дальнейшего роста восстания, Оренбургское и Сибирское губернаторства решили дополнительно к отрядам Дуниковского, Жемчужникова и Жантюриных послать еще отряд полковника Ковалевского. К этому времени Кенесары,

укрепившись со своим войском в горах Мугоджар, начал переписку с Оренбургским губернаторством об обмене военно-пленными. Испытывая исключительные трудности в непривычных безводных пустынях и песках и не добившись ничего существенного в борьбе против Кенесары, русские отряды вынуждены были уйти обратно в сторону Оренбурга и Омска. В ноябре 1844 года генерал Обручев с огорчением доносил военному министру: «Ежегодно предпринимаемые меры против шаек султана Кенесары Касымова со стороны оренбургского и сибирского начальства не достигают надлежащей цели... Называя себя ханом, он разоряет мирных киргизов, налагает на них закят, присоединяет некоторых из них к себе и рассыпает в киргизские роды возвзвания, возбуждающие их к непокорности нашему правительству, последствием чего было то, что многие перешли на его сторону».

Учитывая, что сила Кенесары зависит от поддержки его всем казахским народом, царское правительство решило провести новые мероприятия для раскола казахов и для создания себе опоры внутри казахских кочевий. С этой целью в 1844 году дистаночная система, введенная в 1831 году в пограничных районах, была распространена на всю территорию степи Оренбургского ведомства, т.е. на весь Младший жуз и на западные районы Среднего жуза. Это так называемое «Положение» 14 июня 1844 года передавало также все дела об измене, барымте, разбоях, захватах и пленении русских в особые военные суды. Царское правительство рассчитывало этим новым законом запугать казахов, поддерживавших Кенесары. Однако оно вызвало только еще большее возмущение.

Проведение «Положения» в жизнь вызвало упорное сопротивление казахов. Полностью осуществить его так и не удалось. Не удалось также провести и некоторые культурные мероприятия, имевшие целью усиление колонизаторской политики царизма. В Оренбурге была открыта для казахов школа

ла, но в нее шли исключительно дети казахской знати, тесно связанной с царской администрацией.

К этому времени популярность и слава Кенесары, общепризнанного вождя и государственного деятеля, талантливого дипломата и искусного полководца, еще более возросли, распространившись далеко за пределами Казахстана. Ведя с Кенесары дипломатические переговоры, бухарский эмир и хивинский хан стремились всячески завоевать его расположение. Эмир бухарский послал Кенесары 60 ружей, 15 пушек и боевые снаряды, а хан хивинский – 15 аргамаков, 2 залитых золотом седла, 2 пушки и несколько верблюдов, из которых два были навьючены порохом. Хивинский хан даже предлагал Кенесары выбрать себе место для постоянного кочевья в его владениях и купить у него необходимое оружие и боеприпасы.

Но обстоятельства складывались так, что Кенесары решил пойти на новое временное сближение с русским царизмом. К этому времени царское правительство, убедившись, что Кенесары подавить силой оружия весьма трудно, склонно было начать переговоры. Кенесары хотел воспользоваться мирными переговорами, чтобы добиться возвращения отнятых у казахов царскими колонизаторами земель и освобождения из плена его родственников. Кроме того, не была завершена борьба с Кокандом, а вести войну на два фронта Кенесары все еще не мог. В результате переговоров в январе 1845 года в Оренбурге было получено разрешение Министерства иностранных дел на возвращение Кенесары всех его родственников, в том числе любимой жены Кунимжан, а для решения остальных вопросов было снаряжено посольство во главе с Долговым. Во главе другого посольства был поставлен поручик генерального штаба Герн, которому под строгим секретом было поручено избрать два места для возведения укреплений на реках Иргиз и Тургай – в центре кочевий восставших казахов. Чтобы не вызвать особых подозрений у Кенесары, правительство

официально поручило Герну отвезти к султану его жену, находившуюся в плену. В состав посольства был введен доктор Майдель, который должен был якобы изучить этнографию и болезни кочевых казахов.

Преодолев сорокапятидневный переход, посольство Долгова прибыло в ставку Кенесары в начале апреля 1845 года. Несколько позже прибыл Герн. Но из привезенных Долговым писем Кенесары еще раз убедился, что царское правительство не собирается искренне сотрудничать с ним и что посылка посольства является лишь временной мерой. Поэтому Кенесары, избегая свидания с царским послом, целых два месяца возил посольство по степи, ежедневно меняя место кочевок и заставляя посольство «кочевать» вместе с ним. На требование посольства прекратить непрерывную кочевку Кенесары ответил, что это вызывается необходимостью прокормления скота. Осторожный Кенесары предусмотрительно изолировал царских послов от внешнего мира, не давая им возможности ни с кем сноситься. Пробыв в ставке Кенесары больше месяца и окончательно убедившись, что договориться с Кенесары не удастся, Долгов вынужден был уехать обратно в Россию. Перед отъездом Долгова Кенесары вручил ему подробное письмо на имя оренбургского военного губернатора, в котором прямо заявил, что он не станет сотрудничать с царской Россией до тех пор, пока не будут срыты все военные укрепления, построенные на исконных казахских землях, и пока эти земли не будут возвращены казахам. Кенесары требовал также прекращения насилий и грабежей казахских аулов, какие совершались царскими карательными отрядами.

Уход Кенесары из степей Центрального Казахстана. Летом 1845 года, вскоре после возвращения посольства в Россию, царское правительство заложило среди кочевий Кенесары два укрепления: одно на реке Иргиз, другое – на Тургае. Первое было названо Уральским, второе – Оренбургским. По-

стройка этих укреплений в центре кочевий восставших казахов осложнила дальнейшую борьбу в этих районах. Царские власти теперь могли предпринимать ежедневные нападения на казахские кочевья, тогда как борьба казахов в условиях степного пространства против укрепленных районов была сопряжена с большими трудностями. Поэтому Кенесары решил перенести центр освободительного движения казахов вглубь страны, в район Старшего жуза.

Уход Кенесары из степей Центрального Казахстана был тяжелым ударом для казахов. Им пришлось надолго расстаться с родными кочевьями Сары-Арка, ставшими колыбелью национально-освободительного движения.

Кенесары со своими аулами откочевал из района Тургая в сторону Жеты-Су и Сыр-Дарьи. Здесь он хотел объединить казахов Старшего жуза и присоединить к себе киргиз для совместной борьбы против Коканды и русского царизма. Он рассчитывал также опереться на Китай, который был в это время в добрососедских отношениях с казахами. Кенесары послал своего уполномоченного в Кульджу для переговоров с китайскими властями.

Послу Кенесары в Кульдже было оказано исключительное внимание. Кенесары начал дипломатическую переписку и с китайским императором, который обещал оказать казахам поддержку и сохранять с ними дружественные отношения.

§32. Борьба Кенесары с Кокандом и киргизскими манапами.

Война с Кокандом. Война с Кокандом была начата осенью 1845 года. В октябре-ноябре отдельные отряды Кенесары с боем взяли крепости Джана-курган, Жулек, Сузак. Другая часть войск Кенесары двинулась к Туркестану и Ташкенту. Основные силы Кенесары двинул против кокандской крепости

Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда) и осадил ее. Однако дальнейшее наступление отрядов Кенесары задержалось ввиду распространявшихся в его армии заразных болезней, от которых погибло значительное количество людей. Кроме того, стало известно, что Кокандское и Бухарское ханства, заключив между собой союз, готовили против казахов совместное наступление. Все эти обстоятельства заставили Кенесары на время снять осаду Ак-Мечети и откочевать в сторону юго-востока Казахстана, в район озера Балхаш и реки Или. Здесь его с распластертыми объятиями встретили казахи из родов Уйсун, Жалаир и Найман, которые приняли активное участие в военных операциях Кенесары против русских отрядов Нюхалова и казахских султанов. В это время против Кенесары готовили совместное выступление старшие султаны Кунанбай Оскенбаев из Каркаралинска, Барак Султанбаев из Аягуза, Нурагы Адилов из района Или. Во главе объединенных сил царских отрядов и войск султанов был поставлен генерал-майор Вишневский. Однако совместное выступление царских войск с султанами не увенчалось успехом. Кенесары со своим войском, укрепившись на одном из недоступных полуостровов озера Балхаш, не допустил их приближения. Вишневский с казахскими султанами принял решение блокировать отряды Кенесары. Не выдержав продолжительной осады, Кенесары с боями вышел на левый берег реки Или, а оттуда перекочевал в центральный район Старшего жуза, расположенный в предгорьях Ала-Тау и реки Чу. Батыры Старшего жуза Тойшибек, Саурык, Суранши, Байзак из рода Дулат, воспетые впоследствии акыном Джамбулом, со своими отрядами влились в войска Кенесары и начали совместную подготовку к борьбе с Кокандом и русским царизмом. Кенесары разослал в самые отдаленные казахские роды воззвания с призывом присоединиться к восстанию. По поводу этих «возмутительных» писем оренбургский военный губернатор писал: «Кенесары приглашает киргизов, во избежание ига русских, удалиться из

степи Оренбургского ведомства для соединения с ним на новых местах его пребывания – на р.Чу».

Кенесары направил своих представителей также и к ала-тауским киргизам, призывая их к совместной борьбе против Кокандского ханства и русских колонизаторов. Однако эти переговоры не увенчались успехом. Киргизские манапы во главе с Урманом и Жантаем отклонили предложение Кенесары. Давно находясь на службе у кокандских ханов, а затем установив связь с русской администрацией, Урман и Жантай начали подстрекать киргизских манапов к нападению на казахские аулы.

Чтобы не осложнять отношений с киргизами, Кенесары отпустил в 1846 году на свободу 200 киргиз во главе с их командующим Халча-бием, попавшим в плен при нападении на аулы Кенесары. В том же году Кенесары в специальном письме к Жантаю и Урману разъяснял, что он в отношении киргиз не преследует никаких корыстных целей. Единственное, чего он желает, – это объединить казахов и киргиз для совместной борьбы с Кокандом и царской Россией. «Цель моего прихода сюда, – писал им Кенесары, – не враждовать и проливать кровь, а соединить силы казахов и киргиз в одно, отделить их от Коканда и, вообще, освободить от притеснений кокандцев. Между тем, случились некоторые нежелательные дела. Теперь на все произшедшее между нами я объявляю салават и прощаю ваше неразумие. Что я не питаю злобы, можете видеть из того, что выпускаю на свободу невредимым Халча-бия и его 200 жигитов. По получении этого письма удалите из сердца опасения и сомнения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастья. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу».

Родоначальники киргиз манапы Жантай и Урман, получив письмо Кенесары, обсудили его на собрании манапов и реши-

ли не принимать предложения Кенесары. Они начали распространять среди киргиз всякого рода ложные слухи о том, что Кенесары якобы угрожает силой присоединить себе киргиз. Узнав об этом, Кенесары созвал совещание представителей Старшего жуза с участием преданных ему биев и народных батыров. На совещании было принято решение наказать непокорных киргизских манапов, которые продались кокандцам.

Война, начатая Кенесары в 1847 году против киргизских манапов, по существу, была продолжением войны с Кокандом за очищение территории Старшего жуза от кокандского владычества.

Борьба с киргизскими манапами. Весной 1847 года Кенесары двинулся на киргизских манапов Пишпекского уезда. Преследуя отдельные киргизские отряды, он дошел до местности Большой Токмак (недалеко от современного города Фрунзе) и расположился со своим отрядом на правом берегу реки Чу в местности Май-Тюбе – в 6 километрах от селения Большой Токмак.

Отрядам Кенесары приходилось воевать в исключительно трудных горных условиях. Люди двигались по узкой тропе шириной, достаточной только для прохода одного человека. По обеим сторонам тропы шли отвесные ущелья. Хорошо зная свою местность, киргизские манапы заранее сумели выбрать удобные и стратегически выгодные горные ущелья, позволившие им хорошо укрепиться.

Исход этого сражения был заранее предрешен тем, что царское правительство, вступив в соглашение с кокандским ханом и киргизскими манапами, предложило совместными усилиями покончить с движением Кенесары Касымова. В то же время Кокандское ханство снарядило на свои средства отряд киргизских манапов под командой Урмана. Специально выделив два отряда под командой сотника Абакумова и Нюхалова, царское правительство направило их со стороны Талгара. В задачу русских отрядов входило отрезать отряды Кенесары с

тыла, чтобы не допустить соединения шедших к нему на помощь казахских дружины из родов Уйсун и Жалаир. Оренбургская пограничная комиссия доносила об этом царю: «Казахи Старшего жуза присоединились к Кенесары. Отряд сотника Абакумова в районе Карагата, преградив путь уйсунам, не дал возможности им соединиться. Кенесары, мобилизовав всю свою силу и отстреливаясь из двух пушек, два дня ждал помощи уйсунов, но Абакумов так и не дал уйсунам соединиться».

В критический момент борьбы на помощь киргизским манапам прибыл отряд под командой Урмана. С помощью его войск киргизам удалось в одном из ущелий окружить отряд Кенесары. Воспользовавшись тем, что река Чу близ Токмака делится на несколько рукавов, киргизы отвели всю воду в левое русло реки и оставили отряд Кенесары без воды. Около четырех дней Кенесары и его отряд геройски сражались без воды и пищи. Понимая безвыходность положения, Кенесары созвал военный совет, чтобы решить, как выйти из положения. Наурызбай предложил Кенесары: «Дайте мне 200 годных к бою жигитов. С этими двумя сотнями я ударю на строй киргизов и пробью его». Хотя этот совет был одобрен всеми, но Кенесары возразил против него: «Раз мы пробьемся, мы победим уже безостановочно. У кого лошадь быстра, тот спасется. Большинство же народа погибнет. Если я сам, предводительствуя войском, обращусь в бегство, то уже не смогу больше быть ханом народа».

Кенесары предложил заколоть всех лошадей, оставив только 20, чтобы нагрузить на них мясо, а самим пробивать дорогу пешими с пиками в руках. Но это предложение не встретило одобрения среди войска. Решено было остаться до следующего дня в надежде, что прибудет подкрепление. Между тем, ночью неустойчивая часть войска дезертировала. Другая часть, во главе с биями Сыпатаем и Урестемом из рода Дулатов, изменила восстанию и перешла на сторону врага.

Кенесары и Наурызбай во главе преданных им отрядов решили все же с боем пробивать себе дорогу. Но их попытка вырваться из окружения окончилась неудачно. Наурызбай вместе со своим отрядом погиб геройской смертью в неравной борьбе с киргизскими манапами. Кенесары был захвачен в плен и погиб мучительной смертью.

Причины поражения восстания Кенесары. Национально-освободительное движение казахов в 1837–1847 годах потерпело поражение. Перевес в вооруженных силах русского царизма, кокандского хана и киргизских манапов решил исход борьбы.

Поражению содействовала и нараставшая рознь между отдельными казахскими родами, искусственно поддерживаемая и разжигаемая агентами царских властей. Особенную активность в деле разжигания межродовой розни проявлял глава западносибирского мусульманства ахун Абдрахманов, используя для этой цели религиозную проповедь. Подобных агентов русского царизма было много в казахской степи.

Большой вред восстанию причинили султаны, находившиеся на службе русского царизма. Они вели разлагающую агитацию в казахской среде и активно участвовали в подавлении восстания.

Изменили народному движению и отдельные крупные бии, которым было невыгодно объединение казахского народа во главе с Кенесары. Они боялись в результате укрепления централизованного государства лишиться авторитета и власти в своих родах. Они вели агитацию против Кенесары, запугивая казахов и используя факты, когда он в борьбе с султанами действительно подвергал разгрому некоторые аулы мирных казахских кочевников, подвластных этим султанам. То же самое происходило и во время борьбы Кенесары с киргизскими манапами. Они поднимали против него киргизское население, иногда становившееся жертвой жестокой борьбы Кенесары с его врагами – манапами.

В конечном же счете восстание Кенесары Касымова и не могло иметь решающего успеха, поскольку оно происходило в условиях феодальной эпохи и не могло быть поддержано движением пролетариата.

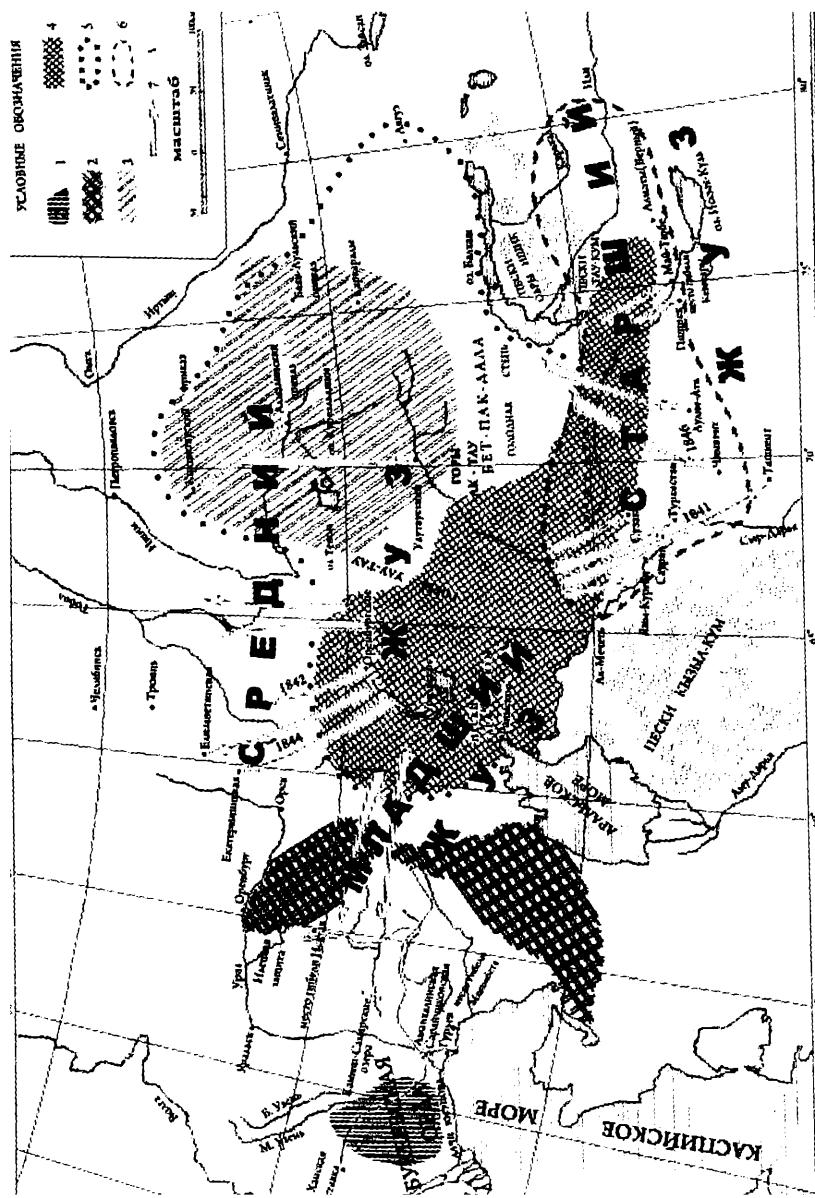
Тем не менее, восстание Кенесары, направленное против колониального порабощения казахов царизмом, сыграло огромную роль, на десятилетия задержав процесс окончательного превращения Казахстана в колонию. Это небывалое по размаху всенародное движение казахов, поднявшее на вооруженную борьбу с царизмом большинство казахов трех жузов и продолжавшееся 10 лет, показало, как велики были силы сопротивления свободолюбивого казахского народа, с каким трудом и какой дорогой ценой отнимал у него царизм свободу и независимость.

На протяжении целого десятилетия верные сыны казахского народа – Кенесары и Наурызбай стойко и мужественно отстаивали его свободу, честь и национальную независимость.

Участник восстания Кенесары Касымова в 1837–1847 годах поэт Нысанбай сложил в честь вождя казахского восстания теплые и прочувствованные строфы:

При великом хане Кене
Были мы сильны и грозны.
Налетали на вражий стан
Наши доблестные сыны,
Словно горный снежный буран,
Окружали кольцом стальным
Под воинственный наш уран.

Оплакивая смерть Кенесары, поэт особенно скорбел, что после его смерти казахи лишились былого могущества и потеряли свою независимость:

Лишь ушел от нас наш Кене –
День наш горестный наступил,
Без хозяев-ханов народ
В одиночестве загрустил.
И как будто крылья мои
Кто-то злобно переломил,
С золотым эфесом клинок,
Словно камнями, притупил.
Я теперь унижен совсем
И пред каждым страх затаил.

Подвиги Кенесары и Наурызбая крепко запечатились в памяти казахского народа, который в последующие годы тяжелого колониального гнета с гордостью вспоминал об этих борцах и героях, вдохновляясь их мужеством и отвагой в дальнейшей своей освободительной борьбе.

Прекрасно сказал великий казахский просветитель Абай Кунанбаев о прогрессивной роли и значении освободительной борьбы Кенесары в истории казахского народа: «Аблай и Кенесары, – писал он, – герои казахского народа. Их деяния достойны восхваления, незабываемые деяния...».

ГЛАВА XV

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАХОВ В 50-х ГОДАХ XIX ВЕКА

§ 33. Завоевание Средней Азии царизмом и положение Казахстана в середине XIX века.

Борьба за казахские степи между Хивой, Кокандом и Россией. В середине XIX века три государства, претендовавшие на подчинение себе казахских кочевий – Хива, Коканд и Россия, – столкнулись между собой. Хивинские ханы не удовлетворялись закятом, который они собирали с казахов, кочевавших на запад и на восток от Аральского моря. В переговорах с русским правительством в 1840-х годах хивинский хан заявил, что его владения простираются по Эмбе, Иргизу и Тургаю. В низовьях Сыр-Дарьи Хива старалась оттеснить Россию и Кокандское ханство.

Добиваясь своей цели, хивинские ханы стремились привлечь к себе казахские роды. Они не раз обращались к ним с возвзванием, убеждая не изменять мусульманской вере и не подчиняться «неверным» – христианам. Казахские феодалы, обиженные царскими чиновниками, находили себе радушный прием у хивинского властителя и нередко получали от него вооруженную поддержку. По нижнему течению Сыр-Дарьи и ее притокам Хива сооружала крепости, чтобы преградить путь русским и кокандским отрядам. Время от времени хивинский хан предпринимал наступательные походы, рассчитывая перерезать русские коммуникации и установить свою власть над спорными землями.

Усилия хивинского хана не имели большого успеха. Русские войска, местами при поддержке казахских отрядов, отбивали нападения хивинского хана. В низовьях Сыр-Дарьи хивинцы тоже утрачивали свое былое влияние, их стали вытеснять от-

сюда – сначала Кокандское ханство, а затем могущественная, хорошо вооруженная Российская империя.

Так же, как и хивинцы, кокандские феодалы пытались сделать мусульманскую религию знаменем и орудием в борьбе против наступления России. Кокандская знать старалась возбудить ненависть мусульман к «неверным» и привлечь казахские массы к подчинению «правоверному» хану Коканда. Столкновения России и Коканда за казахские земли принимали все более напряженный характер. Завоевание новых земель в Казахстане и Средней Азии обещало господствующим классам России крупные хозяйствственные выгоды. Русские купцы и промышленники сбывали все в больших размерах в казах-

Кокандская крепость Мерке

ские аулы и в среднеазиатские ханства разнообразные товары. Скотоводы-казахи охотно покупали у приезжих торговцев муку и мануфактурные изделия. В среднеазиатские ханства отправлялись ткани (преимущественно бумажные и льняные), выделанные кожи (юфть), металлы (особенно железо), сахар, красильные материалы. В казахских степях русскими купцами производился массовый обмен привезенных товаров на баранов, рогатый скот, сырье кожи, шерсть и мерлушки. Все чаще и чаще товарообмен заменялся продажей и покупкой на деньги. Тысячи верблюдов везли из Бухары и Хивы хлопок,

бумажную пряжу, шелк, бумажные и шелковые изделия среднеазиатских кустарей, бухарские мерлушки, огромные партии риса, марены и сушеных фруктов.

Из года в год возрастала заинтересованность России в торговле со Средней Азией. Московские и ивановские фабриканты, владельцы хлопчатобумажных фабрик сильно нуждались в привозных хлопке и пряже, а готовые бумажные изделия – ткани, платки, белье – они старались сбывать на далекие восточные рынки, куда с большим трудом проникали товары из Западной Европы. Поэтому русские промышленники стремились наладить бесперебойную торговлю с Казахстаном и среднеазиатскими ханствами. Некоторые из них мечтали проникнуть еще дальше – в Индию, в богатые английские колонии. Правительству подавалось немало записок о торговом и военном продвижении в глубину Средней Азии. Правительство поддерживало стремление русских купцов и заявляло: «Торговля сия составляет основу всей нашей азиатской политики».

Продвижение царизма в Среднюю Азию. В борьбе за восточные рынки Россия сталкивалась с другими европейскими государствами, прежде всего с передовой капиталистической Англией. Англия имела в то время крупную промышленность, оборудованную новейшими машинами, огромный торговый флот и богатое предпримчивое купечество. Английские товары были добротными и дешевыми; соперничать с богатыми и опытными англичанами было трудно. Английская буржуазия мечтала прибрать к рукам азиатские земли, лежавшие к северо-западу от ее колоний в Индии. Между русским и английским правительствами шла непрерывная борьба за влияние на Востоке. Царской России приходилось торопиться, чтобы ее не обогнал могущественный и ловкий соперник. Завоевание казахских степей и Средней Азии должно было обеспечить безопасность и легкость торговых отношений, удешевить перевозку, а следовательно, и цену русских товаров, укрепить положение русских купцов на азиатских рынках.

В 1839 году царское правительство сделало попытку завоевания Хивинского ханства – был организован большой поход пятитысячного отряда из Оренбурга через прикаспийские степи под руководством военного губернатора Перовского. Однако условия зимнего передвижения оказались непосильными для посланного отряда. Суровые зимние морозы, снежные бураны в степи, отсутствие воды и топлива, легкая одежда и обувь, не приспособленные для дальнего пути, сильно затрудняли поход. Верблюды падали от бескормицы. Солдаты гибли, еще не встретив неприятеля. Через два с половиной месяца трудного пути Перовский, не достигнув цели, вынужден был вернуться обратно.

В 1847 году, вскоре после основания Оренбургского и Уральского укреплений, Россия сделала новый шаг вперед по пути завоевания Средней Азии – оренбургский военный губернатор захватил устье реки Сыр-Дарья и построил здесь укрепление Раимское (впоследствии переименованное в Аральское). Новая крепость обеспечивала России обладание промежуточной полосой степи и позволяла легко отражать нападения Хивы и Коканды. Затем русские отряды обследовали Аральское море, поднялись выше по течению Сыр-Дарьи и соорудили еще два форта. Один из них был построен в урочище Казалы и получил позднее название Казалинска, а другой был впоследствии упразднен. Во всех построенных крепостях были оставлены сильные отряды пехоты, артиллерии и казачьей конницы, стоявшие главные караванные пути. Время от времени отряды высыпались в степь. Они громили непокорные казахские аулы, отбивали атаки хивинских и кокандских войск и завоевывали одно за другим укрепления среднеазиатских ханств. В 1853 году оренбургский военный губернатор Перовский организовал большой поход против кокандской крепости Ак-Мечеть. После упорной осады и штурма крепость была взята, но не срыта, как прежде захваченные кокандские укрепления, а пре-

вращена в русский опорно-военный пункт. Ее переименовали в «Форт Перовский» (ныне Кзыл-Орда). Она стала главным оплотом русского влияния на среднем течении Сыр-Дарьи. Вместе с другими русскими крепостями форт Перовский вошел в состав новообразованной Сыр-Дарьинской линии.

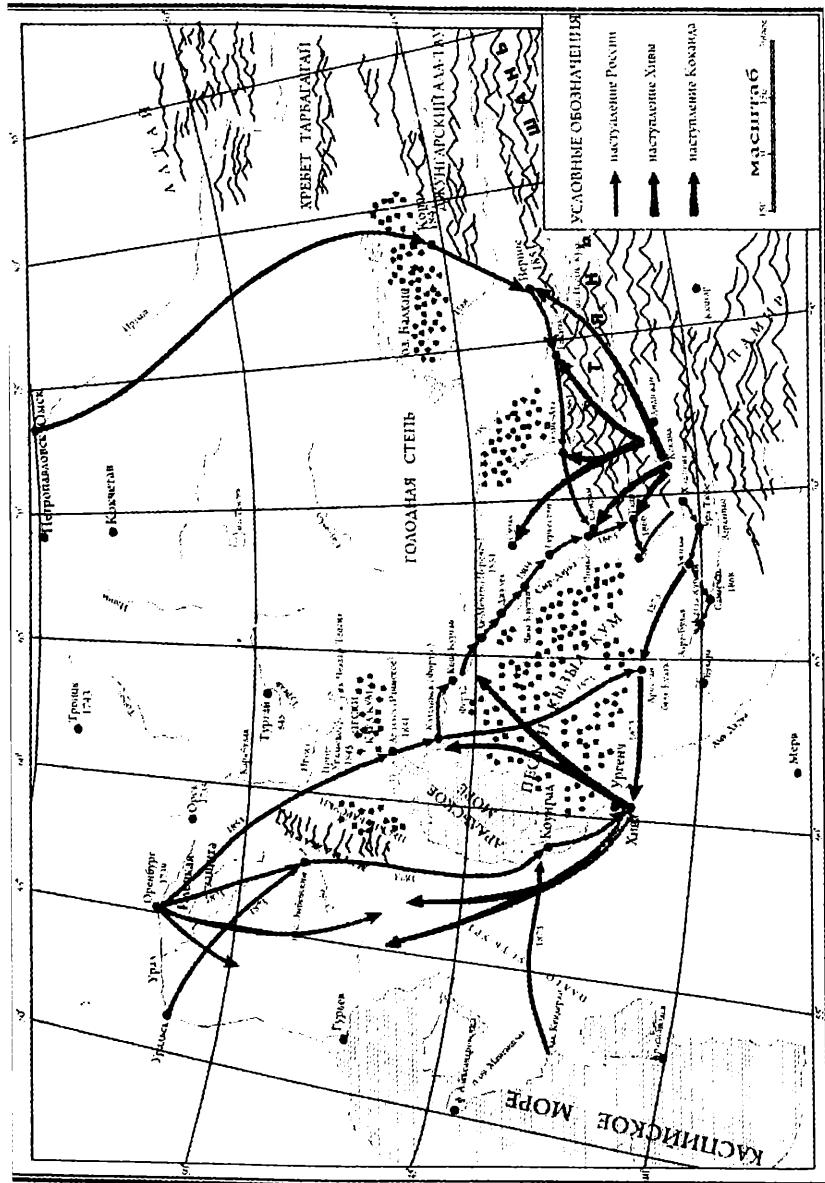
В те же годы было предпринято военное наступление со стороны Сибири по направлению к Семиречью. Здесь обитали казахские роды Старшего и Среднего жузов. Некоторые из них считались подданными Китайской империи. Но Китай не имел сил, чтобы удерживать в подчинении эту отдаленную и редко населенную область. Казахские феодалы сохраняли здесь большое влияние на казахский народ. Между отдельными султанами шла борьба за обладание властью в аулах. Ставясь воспользоваться поддержкой царизма и этим укрепить свое положение, они объявили себя подданными России. Царские власти Западной Сибири охотно шли им навстречу, сами вмешивались во внутренние дела жузов и всеми мерами стремились увеличить среди казахов число подданных Российской империи. За озером Балхаш появились русские военные отряды. В 1846 году казахи Старшего жуза во главе со своими султанами и биями принесли присягу на верность российскому самодержцу. Через год в урочище Копалы была сооружена русская крепость.

Основание города Верного. Постройка крепостей, как и раньше, встречала противодействие казахов. Ночами они внезапно налетали на казачьи дозоры, жгли поселения, уводили лошадей. Царские власти действовали против непокорных казахов не только оружием, но и подкупами казахской знати. Они стремились также использовать в своих целях и межродовые споры. В это время между казахами Старшего жуза, кочевавшими в районе северных склонов Заилийского Ала-Тая, и киргизами, кочевавшими по южную сторону гор, велась междоусобная борьба. Киргизский манап Сары-Батыш Ниазбеков

обратился за помощью к русским в Копал. Летом 1854 года отряд майора Перемышльского вышел на дорогу Ташкент – Кульджа. Отряд должен был привести к присяге Ниазбекова, отыскать за рекой Или удобное для укрепления место и овладеть путями в Китай и на юг – в Кокандское ханство. По пути, за рекой Или, отряд остановился на привал в казахском урочище Алматы. Чудесная местность – горы со снежными, сверкающими на солнце вершинами, густая зелень лесов и садов вокруг, горная речка в каменном русле – понравилась русскому майору. Он решил на месте этого казахского урочища построить крепость. Это первое в Семиречье укрепление было названо «Укрепление Верное». Год спустя вблизи Верного, на правом берегу реки Алматинки вырос казачий поселок – Алматинская станица. В станице поселили 132 семьи сибирских казаков и 200 семей русских крестьян, причисленных к казачьему сословию. Затем последовало высочайшее повеление «водворить за реку Или десятый полк Сибирского казачьего войска». Вскоре военный губернатор генерал Колпаковский выписал из Семипалатинска переселенцев – татар-хлебопашцев и крестьян из Воронежской губернии.

Так постепенно складывался город Верный – будущая столица Казахской ССР Алма-Ата. Из этого главного опорного пункта расходились военные отряды, чтобы подчинять России соседние казахские кочевья и возводить новые укрепления к югу от реки Чу.

«Положение» 1854 года. Царское правительство не только строило новые крепости, но и ввело систему колониального управления. Аулы были подчинены новому административному порядку, установленному «Положением» 1854 года. Из прежней «Области сибирских киргиз» была выделена Семиреченская область во главе с генерал-губернатором. На местах управление возлагалось на приказы, руководимые русскими чиновниками. Казахские султаны сделались помощниками этих чиновников.

К середине XIX века задача овладения богатыми областями Южного Казахстана и среднеазиатскими ханствами была царским правительством только поставлена, но еще не решена. Между Сыр-Дарьинской и Семиреченской укрепленными линиями оставались обширные пространства, через которые продолжали проникать на север воинственные отряды казахов, хивинцев и кокандцев.

§ 34. Освободительная борьба казахов в 50-х годах.

Восстание казахов в Коканде в 1857 году. Усилия Хивы, Коканда и царской России подчинить казахский народ вызывали постоянный отпор со стороны свободолюбивых казахов.

В 1857 году в Коканде вспыхнуло восстание среди казахских родов, кочевавших по течению реки Чу и около Чимкента. Этой областью управлял ташкентский бек, жестокий и алчный Мирза-Ахмат. Он беспощадно взыскивал с казахов закят, а у бедняков, допустивших недоимки, отбирал детей и продавал их в рабство. Жалобы на него угнетаемых казахов кокандский хан оставлял без внимания. Тогда в казахских аулах стали собираться возмущенные массы вооруженных повстанцев. Часть из них двинулась к крепости Аулиэ-Ата, другие сосредоточились около крепости Пишпек (ныне Фрунзе), третьи – в окрестностях Чимкента.

В районе Аулиэ-Ата вначале Мирза-Ахмат рассеял собравшихся казахов и освободил город от осады. Но под Пишпеком военные отряды кокандцев потерпели поражение от восставших. Победоносно развивалось также восстание в Чимкенте. Здесь казахами был захвачен в плен племянник Мирзы-Ахмата, жестоко выколачивавший подати с казахского населения. Победители двинулись к Аулиэ-Ата и снова осадили крепость, в которой находился сам правитель области Мирза-Ахмат. Осажденный Мирза-Ахмат был на волосок от гибели. Чувствуя свое бессилие, он отправил посланца к ко-

кандскому хану, умоляя его прийти на помощь. Из столицы Коканда было послано сильное войско. Узнав о его приближении, казахи сняли осаду Аулиэ-Ата и разошлись по своим аулам. Ханские чиновники жестоко расправились с организаторами и руководителями восстания – они захватили их в плен и предали мучительной казни.

Борьба Жанхожи Нурмухаммедова против Хивы и Коканда. Одним из крупнейших вождей казахского освободительного движения середины XIX века явился правитель казахского рода кишкine-шектинцев Жанхожа Нурмухаммедов. Жанхожа кочевал со своими аулами в ближайшем соседстве с русскими укреплениями и в то же время подвергался постоянным нападениям со стороны хивинских и кокандских отрядов. Поэтому он старался воспользоваться помощью России, чтобы отразить удары ее соперников и в то же время отстоять политическую самостоятельность казахов.

Жанхожа был незнатного происхождения. По сохранившимся преданиям, он еще мальчиком обратил на себя внимание своей силой, смелостью и борьбой с несправедливостью. Когда один из батыров отнял у его родственника лошадь и верблюда, пятнадцатилетний Жанхожа нанес батыру сильный удар топором (айбалта)¹, и тот в беспамятстве упал на землю. Отец хотел сурово наказать Жанхожу, но батыр, придя в себя, остановил его и открыто признал свою вину перед обиженным. Вся жизнь Жанхожи была непрерывной борьбой за права угнетенных. Пятнадцатилетним юношей он предпринял удачный поход против богатых аулов каракалпаков, которые грабили и убивали казахов. Позднее он храбро отразил нападение, произведенное на его сородичей сultanами Среднего жуза. Во время движения Кенесары Касымова Жанхожа деятельно помогал ему против кокандцев и вместе с ним осаждал кокандские города. Но это сотрудничество продолжалось

¹ Айбалта – босвой топор, древнейший тип ударно-рубящего оружия, предназначенного для поражения живой силы. – Прим. ред.

недолго. Жанхожа был решительным противником султанов. Он стремился отстоять свободу казахских аулов не только от внешних врагов, но и от собственной феодальной знати – потомков Чингиз-хана.

Особенно упорно боролся Жанхожа с Хивинским ханством. На притеснения и насилия хивинских начальников он отвечал смелым вооруженным отпором. Наиболее ожесточенной эта борьба сделалась после того, как один из хивинских беков умертвил брата и племянника Жанхожи. В 1847 году хивинские отряды разгромили кишкine-шектинские аулы, сожгли их кибитки и побросали в воду казахских детей. Жанхожа обратился за помощью к начальнику Раимского укрепления. Он писал ему: «Защитите меня от врагов; кроме вас, русских, друзей у меня не осталось». Начальник укрепления выслал на помощь Жанхоже военный отряд с двумя артиллерийскими орудиями. Соединенные силы казахов и русских подступили к хивинской крепости Джан-Кала и открыли против нее огонь. Жанхожа со своими жигитами переплыл через Сыр-Дарью, ворвался в крепость и, перебив часть гарнизона, прогнал уцелевших хивинцев далеко в степь. Победители увезли с собой много пленных и скота.

С помощью того же Раимского гарнизона Жанхожа напал на кокандскую крепость Кош-Курган, разрушил ее и освободил окрестных казахов от подчинения Коканду.

Хивинские ханы старались во что бы то ни стало захватить и убить Жанхожу, но отважный и умный батыр ускользал от преследования. Казахи глубоко чтили Жанхожу как своего защитника и борца за справедливость. Русские власти понимали, каким большим влиянием пользуется Жанхожа, и старались удержать его на своей стороне. Ему дали чин казачьего есаула, пожаловали золотую медаль «За усердие» и назначили жалование за управление сырдарынскими казахами. Но Жанхожа оставался неподкупным и сохранял свою прежнюю самостоя-

тельность. Пользуясь русской помощью, он отказался принести присягу, уклонялся от получения жалования и старался как можно меньше общаться с царскими чиновниками.

В сохранившейся песне о Жанхоже казахский народ прославил эту независимость своего батыра:

Рассеются тончайшие печали,
Когда будут говорить о Жанхоже!
Русские думают, что возьмут его легкою силою,
Но ушли, ибо он не взял от них ни одного целкового.

Восстание против русских властей. Оренбургский военный губернатор генерал Обручев решил наказать Жанхожу «за неповиновение», лишил его звания есаула и подчинил власти султана-правителя. В свою очередь, Жанхожа все больше сторонился царской администрации, которая сильно притесняла сырдарынских казахов. Особенно свирепствовали царские власти в Казалинском укреплении – принуждали казахов к тяжелым работам, вымогали у них взятки, всячески обижали. Среди казахов началось массовое брожение. Пострадавшие шли за советом и помощью к Жанхоже. Возмущение казахов прорвалось наружу. В 1856 году Жанхожа встал во главе восстания. За Сыр-Дарье он собрал основное ядро повстанческого войска и кликнул клич по степным аулам. К любимому батыру стали стекаться недовольные казахи из разных родов. Бедные казахи, не имевшие лошадей, шли к нему пешком или приезжали на быках. Повстанцы вооружались ружьями, саблями, топорами и мотыгами. Когда под знаменем Жанхожи собралось 3 тысячи человек, он двинулся к Казалинскому укреплению и в декабре 1856 года осадил его со всех сторон. Восставшие старались лишить гарнизон продовольствия и фуражка – угоняли принадлежавший крепости скот, сжигали сено и заготовленный камыш, уничтожали рыбные промыслы, захватывали и убивали фуражиров.

Жанхожа ждал помощи со стороны других батыров и поэтому медлил с началом штурма, но желанная помощь не приходила.

дила. Султаны и бии не поддержали восстание и не позволили подвластным аулам присоединиться к движению.

«Жанхожа около Казалы стал знаменем для казахов,

Но мусульмане не все собрались около него», —
поется в народной песне о батыре.

Между тем, к осажденному укреплению спешила русская помощь — из укрепления «Форт Перовский» двигался отряд в сопровождении двух артиллерийских орудий. Ему удалось проскользнуть мимо повстанческих разъездов и усилить союз гарнизон крепости. 9 января 1857 года царские войска вышли из Казалы и в долине Арык-Балыка вступили в битву с восставшими казахами. Жанхожа воодушевлял своих приверженцев, держа в руках боевое знамя. Повстанцы стойко выдержали натиск царского войска и перешли в ответное наступление. Загорелась кровопролитная сеча, но силы борющихся сторон были неравными. Царское войско поражало плохо вооруженных казахов ружейным и артиллерийским огнем. Повстанцы потерпели поражение. Карательные отряды прошли по казахским аулам, угнали весь скот и оставили население в жертву голоду и морозу.

Жанхожа не прекратил начатой борьбы. Он скрылся от преследования царских отрядов в Бухару, надеясь воспользоваться помощью хана. Однако батыра и здесь постигла тяжелая неудача — хан не оказал ему военной поддержки. Переживания Жанхожи трогательно передает народная песня:

От Сыра и Кувана снялись мои подошвы,
И больше никогда не увижу этой черной долины.
Я сделался подобен лебедю, которого ловят сокол и коршун,
Не нашел среди своего народа ни одного батыра,
Который мог бы поднять знамя.
От притеснений русских я отправился в Бухару,
Ибо у меня как будто вся местность затоплена водой,

Какие родные и друзья могут меня Впереди порадовать?!

Через год Жанхожа вернулся на родину. Он решил воспользоваться помилованием, которое было объявлено царским правительством всем казахским повстанцам. Но его враги – из числа царских чиновников и казахской знати – задумали самовольно расправиться с народным вождем. Один из местных султанов, личный враг Жанхожи, по предписанию русского начальства двинулся против батыра во главе военного отряда. Отряд состоял из казахов рода Табын, жаждавших отомстить Жанхоже за прежние межродовые столкновения. Батыр скрывался у берегов Аральского моря. Его убежище было открыто, враги окружили его юрту. Когда Жанхожа услышал родовой клич табынцев «Тустаган!», он понял, что пришел час его смерти. Спокойно он вышел из юрты, совершил намаз¹ и сел на высокий бугор на виду у наступающего отряда. Враги не посмели схватить его, они стреляли в него издали. Жанхожа, как всегда, был одет в железную кольчугу, и пули отскакивали от его тела. Наконец, одна пуля попала в незащищенное горло батыра, и он упал, пораженный ею насмерть. Аул Жанхожи был разгромлен. Казахский народ оплакивал гибель батыра, сложив о нем сказания и песни.

Выступление Есета Котибарова. Одновременно с восстанием сырдарьинских казахов освободительная борьба развернулась и в районах к западу от Аральского моря, на границе с Хивинским ханством. Руководителем этого движения был бий Шектинского рода Есет Котибаров. Есет был сыном видного казахского батыра Котибара, энергичного сподвижника султана Каратая.

В противоположность Жанхоже, Есет поддерживал близкие отношения с Хивинским ханством. Не раз он ездил к хивинскому хану, иногда откочевывал со своими аулами в пределы

¹ Намаз – мусульманская молитва.

Хивы. Поддержка Хивы была ему нужна для борьбы с царской Россией. Однако эта поддержка покупалась ценой признания зависимости от Хивы.

Есет действовал очень скрытно и осторожно. Он старался до поры и до времени не открывать своих планов, притворяясь верноподданным русского царя, но в то же время исподволь готовлял массовое восстание против России. Ловко приспособляясь, Есет уверял царских чиновников в своей преданности, иногда сообщал им ценные сведения, но никогда не порывал тайных сношений с хивинским ханом.

Хивинское ханство с большим основанием считало Есета своим подданным и важнейшим помощником. Ему порой поручали взимание закята, у него останавливались ханские посланцы, он указывал дорогу наступающим хивинским отрядам. Не веря в силы Кенесары Касымова, Есет отказался примкнуть к его движению и возложил все надежды на действие Хивы.

Постройка русских укреплений на Иргизе, Тургае и Сыр-Дарье побудила Есета открыто выступить против царской России.

В 1848 году хивинским ханом и Есетом был выработан план совместных действий. Хива должна была двинуть к северо-западным берегам Аральского моря двенадцатитысячное войско, а Есет – присоединиться к нему с шеститысячным отрядом из казахов. На соединенную армию возлагалась задача обходными движениями отрезать и перебить русские отряды, которые везли продовольствие в степные крепости. Затем предполагалось напасть на Уральское укрепление и разрушить его до основания.

Хивинцы разослали в казахские аулы возбуждающие воззвания с призывом объединить мусульманские силы против «неверных». Они убеждали казахских старшин беспрекословно подчиниться Есету-батыру: «Итак, помните о драгоценнос-

и мусульманства, оста
переезжайте к улусам
сет-батыр, кочуйте, ез
вы. Между собой и ру
жели Есет станет напа
месте; ежели станет п
того не исполните, то

Есет рассчитывал пр
ултана-правителя Арс
письмом, написанным
елью – во имя ислама
и и борьбе с русскими
и угуществе Казахского

Eset Komiabarov

бещая выполнить все
воего горького разочар
ни... обесчещенные, с
рузей мало...».

Оренбургский военный губернатор, считаясь с огромным влиянием Есета на казахскую массу, предпочел простить его. Царские власти продолжали поддерживать с Есетом мирные отношения, но доверяли ему еще меньше, чем Жанхоже. Есет не получил разрешения перейти на более близкие и удобные кочевья, ему не выдавали пожалованной золотой медали, за всеми его действиями зорко следили.

В 1853 году, во время похода Перовского против Кокандской крепости Ак-Мечеть, началось беспощадное вымогательство верблюдов у казахского населения. Одни шектинцы должны были выставить 4 тысячи верблюдов с выючными припасами, погонщиками и продовольствием. Такая повинность была непосильной для казахов. Есет использовал нараставшее недовольство и добился массового отказа казахов от поставки верблюдов. Царские власти ответили отправкой карательных отрядов против Есета и преданных ему аулов. Есет бежал на Усть-Урт и начал собирать силы для нового наступления.

Вскоре началась Крымская война. В степь проникли вести о русских поражениях. Есет решил открыто выступить против России. В ответ царские власти предписали султану-правителю Жантюрину отправиться в степь и захватить Есета. Летом 1855 года Жантюрин с сотней русских казаков, с большой свитой и с вооруженной охраной из 900 казаков двинулся к верховьям реки Илека. Здесь он расположился лагерем и вступил в переговоры с Есетом. Батыр изъявил притворную покорность и усыпал бдительность султана-правителя. Но на рассвете 8 июня полторы тысячи жигитов произвели неожиданный и стремительный штурм лагеря Жантюрина. Восставшие ворвались в его юрту. Султан-правитель, которого казахи ненавидели за его притеснения, был изрублен на мелкие куски, несколько человек из его свиты тоже были убиты. Имущество султана и его приближенных было захвачено. Охрана из казахов разбежалась. Казачий отряд после ожесточенной схватки вернулся на линию.

Оренбургский военный губернатор снарядил несколько отрядов и приказал им поймать Есета Котибарова и наказать виновника возмущения. Отряды подвергли жестокому разрушению казахские аулы, не только участвовавшие в движении, но и вовсе не причастные к нему. У казахов было угнано огромное количество скота. Однако карательные отряды не сумели захватить Есета и его ближайших соратников. Батыр остался неуловимым и продолжал начатую борьбу. Его войско разбралось на мелкие группы, которые повели ожесточенную партизанскую войну. Они нападали на торговые караваны, перехватывали продовольствие и почту, убивали русских казаков, перерезали пути к царским укреплениям. Особенно важным был соратник и друг Есета и Жанхожи – батыр Бекет Серкебаев.

Борьба продолжалась и в следующем 1856 году. Но обстановка стала складываться неблагоприятно для Есета. Обещанная Хивою помощь не приходила. Многие бии принесли повинную царскому правительству. Аулы повстанцев были разгромлены, и население их разорено. Ряды восставших заметно редели. Царским отрядам удалось захватить несколько видных участников восстания и расстрелять их за убийство Жантюрина. Новый султан-правитель Баймухаммедов вступил в переписку с Есетом и предложил ему сдаться и выдать сообщников. Есет прислал к султану своего друга Бекета и сына Ерназара для переговоров. Царские власти немедленно арестовали посланных, заключили их в тюрьму и предали военному суду. Через некоторое время оба были отправлены в Сибирь на поселение.

Говоря о подавлении восстания Есета Котибарова, Герцен писал на страницах нелегального «Колокола»: «Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дерышева, которым заправлял (еще при Перовском), сидя в

своей канцелярии, бывший помощник Липранди Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания».

Три года царские военные отряды гонялись по степям за Есетом Котибаровым. В сентябре 1858 года его аулы подверглись жесточайшему разгрому, но сам он снова скрылся – на этот раз в глубине туркменских кочевий. Хивинский хан вызвал его и обещал ему помочь, но Есет уже плохо верил в обещания хивинцев. Когда новый оренбургский военный губернатор Катенин предложил ему полное прощение под условием преданной службы, Есет сдался и прекратил борьбу. В дальнейшем царские власти употребляли все усилия, чтобы больше не отталкивать, а привлечь к себе влиятельного батыра.

Так закончилось движение казахского народа в 50-х годах XIX века. Оно было вызвано вмешательством в жизнь Казахстана России, Хивы и Коканда, боровшихся между собой за казахскую землю. Движение доказало жизненные силы казахского народа, готовность защищать свою независимость, обнаружило отвагу и стойкость масс. Вместе с тем это движение еще раз показало, что казахская феодальная знать почти всегда изменяла делу народа. Тяжелым положением Казахстана воспользовался сильнейший из претендентов на его территорию – Российская империя. Она сумела окончательно подчинить себе казахские кочевья и двинуться дальше – на завоевание среднеазиатских ханств.

§ 35. Участие казахов в борьбе против захвата Россией земель Коканда и Бухары.

Царский поход против Коканда. После поражения в Крымской войне, потеряв свои прежние позиции на Черном море, Россия сосредоточила свое главное внимание на Средней Азии. Обстановка, сложившаяся в это время в Средней Азии, благоприятствовала планам царизма. Между Хивой, Бухарой и Кокандом не было единства и согласия. Каждое

ханство стремилось усилиться за счет другого, захватывало чужие пограничные территории и переманивало к себе подданных своего соседа. Ни одно из среднеазиатских ханств не сумело создать у себя прочного государственного устройства. И Бухару, и Хиву, и особенно Коканд волновали междоусобия, которые подрывали обороноспособность Средней Азии.

Особенно тяжелым было в то время положение Кокандского ханства. Различные народности, его населявшие, постоянно боролись друг с другом. Трудящиеся массы восставали против кокандских феодалов. Сами феодалы дробились на различные группировки, которые с оружием в руках свергали ханов или возводили их на кокандский престол.

В 1845 году в Кокандском ханстве вспыхнуло большое восстание кыпчаков, руководимое энергичным вождем Мусульман-Кулом. Победившие кыпчаки заняли все главные государственные должности, а Мусульман-Кул стал регентом государства при малолетнем Худояр-хане. В 1852 году вспыхнуло новое восстание, на этот раз оседлых узбеков и таджиков против кыпчаков. В Коканде произошло избиение кыпчаков, в большом сражении Худояр-хан разбил войско Мусульман-Кула, а сам кыпчакский вождь был схвачен и казнен. Через несколько лет борьба возобновилась, кыпчаки вновь овладели властью и свергли Худояр-хана. В довершение всех бедствий Бухара вмешалась в кокандские смуты и начала против Коканда военные действия.

Царское правительство воспользовалось затруднительным положением Коканда и после нескольких разведывательных походов двинуло весною 1864 года на него свои военные силы. Русские помещики и буржуазия целиком поддерживали захватническую политику царизма. Помещики-феодалы рассчитывали на приобретение новых богатейших земель. Промышленники в условиях начавшегося хозяйственного подъема надеялись завоевать обширные рынки для закупки сырья и сбыта товаров.

Россия повела наступление на Коканд с двух сторон – с Сыр-Дарьинской линии со стороны форта Перовского и со стороны Семиречья из Верного. За короткое время отрядам удалось овладеть двумя кокандскими крепостями – Аулиэ-Ата и Туркестаном.

Окрестные казахи, доведенные до отчаяния насилиями туркестанского бека, помогли русским войскам взять город Туркестан. Однако многие другие казахи, кокандские подданные, откликнулись на призыв Садыка, сына Кенесары Касымова, и повели в тесном союзе с ханскими властями упорную борьбу против русского наступления.

Восстание Садыка. Садык был одним из младших сыновей знаменитого Кенесары. После смерти своего отца он поселился со своей семьей в Кокандском ханстве, где и прошли его отрочество и юность. Здесь он обучился грамоте и военному делу, здесь показал себя удалым и ловким жигитом. Кокандский хан назначил его на должность пансат-бashi¹ и в 1860 году отправил его в военный поход против русской крепости Верное. Садык преклонялся перед памятью своего отца и чувствовал непримиримую ненависть к царским колонизаторам. Понимая, что Кокандское ханство бессильно перед надвигающейся Российской империей, братья Садыка решили перейти в русское подданство. Но Садык остался верен своим убеждениям. На доводы своих братьев он отвечал им: «Я не оставлю пути моего отца».

Через четыре года Садык был назначен хакимом (начальником) города Сузак. Узнав о движении русского отряда, он поспешил со своими жигитами на помощь к осажденному Туркестану. Здесь он проявил необычайную смелость и боевую инициативу – делал отважные вылазки из крепости, брал в плен русских солдат, стойко выдерживал губительный ружейный огонь, вступал в рукопашные схватки с осаждающими.

¹ Пансат-бashi – начальник военного отряда из 500 человек.

В лице султана Садыка царские генералы встретили умного, энергичного и храброго военачальника.

Опьяненный первыми победами, Черняев – командующий русским отрядом, наступавшим со стороны Сыр-Дарьи, снова двинулся на Чимкент. Но сознание грозной опасности придало кокандской армии новую силу. С самого начала русского наступления во главе кокандского правительства стал опекун малолетнего хана, умный и энергичный мулла, по происхождению казах, Алим-Кул. Он постарался привести в порядок военные и денежные средства государства. С этой целью он начал хлопотать о заключении союза с Хивой и Бухарой, обратился с возвзванием к казахскому народу, собрал многочисленное войско и пополнил запасы огнестрельного оружия.

Под Чимкентом русские отряды встретили упорное сопротивление кокандской пехоты и конницы, поддержанных метко стрелявшей артиллерией. Кокандцы превосходящими силами окружили русские отряды и вступили с ними в ожесточенный бой. С громкими криками они бросались на русских, тысячами гибли, но опять возобновляли стремительные атаки. Султан Садык и здесь был в первых рядах, показывая пример доблести и бесстрашия. Когда при первом столкновении с русскими войсками несколько тысяч сарбазов не выдержали силы ружейного огня и упали на землю, Садык со знаменем в руке встал перед неприятельской линией и старался воодушевить свой отряд среди жужжащих пуль, изрешетивших его знамя. Чувствуя недостаток своих сил, Черняев отступил.

Тем не менее, дисциплинированная и хорошо вооруженная русская армия сохраняла преимущество над нестройными и слабо оснащенными ополчениями кокандцев. Вскоре Черняев снова двинулся на Чимкент. После артиллерийского обстрела и штурма крепость была захвачена русскими.

Черняев сейчас же отправился дальше, к крупнейшему торговому и политическому центру Средней Азии – Ташкенту. Здесь русские сначала встретили сильный отпор, но через не-

сколько месяцев, весной 1865 года, Черняев возобновил наступление на город. Алим-Кул сосредоточил под Ташкентом армию в 7 тысяч человек. В ее состав входило много казахских отрядов. 9 мая 1865 года произошел бой, который определил судьбу Кокандского ханства. Несмотря на численный перевес, кокандцы оказались не в силах противостоять русским. Между казахскими вождями и Алим-Кулом не было единодушия. В разгар битвы казахи заняли выжидательную позицию. Русские войска разбили кокандскую армию и подошли к Ташкенту. Алим-Кул погиб, получив смертельную рану. Кокандцы остались без руководителя. Тогда на первый план выступил султан Садык, взявший в свои руки боевую инициативу. Он успокоил население города, заделал городские ворота, организовал оборону и послал за помощью к бухарскому эмиру. Однако эти меры не смогли остановить продвижения русского войска. После двухдневного уличного боя сопротивление города было сломлено. Ташкент был объявлен независимым от Коканда и через некоторое время присоединен к России. Кокандское ханство потеряло большую часть владений, в том числе территорию, занятую казахскими кочевьями.

Наступление царских войск на Бухару. Борьба с Кокандом повлекла за собой столкновение между царской Россией и Бухарой, которая давно предъявляла притязания на Ташкент и другие кокандские города. Дипломатические переговоры не привели к соглашению. В январе 1866 года русские перешли по льду через Сыр-Дарью и вторглись в пределы Бухарского ханства. Началась война. Она продолжалась два с половиной года. Казахские отряды, руководимые Садыком, помогали бухарскому эмиру. Так же, как и в Коканде, Садык проявлял в Бухаре инициативу и смелость – он нападал на русские казачьи отряды, обстреливал русские пароходы, плававшие по Сыр-Дарье, уничтожал запасы топлива, заготовленные русскими войсками, участвовал в крупных сражениях и последним ухо-

дил с поля битвы. За отвагу и неукротимую энергию Садыка прозвали «степным волком».

Однако и в Бухаре сказалось превосходство русской армии в вооружении и организации. Потерпев несколько тяжелых поражений, бухарский хан в 1868 году был вынужден подписать мирный договор. Он уступил России все земли, занятые русскими войсками, и признал себя вассалом русского императора. Русские купцы получили право свободной торговли в Бухаре при условии уплаты небольшой пошлины. Бухарское ханство должно было уплатить России огромную контрибуцию. Вместе с коренным узбекским населением к России отошли отдельные группы казахского народа, жившие в северной части Бухарского ханства. Не желавшие подчиниться русскому правительству, в том числе непримиримый казахский султан Садык, бежали на запад, во владения Хивы. Прежде чем покинуть Бухару, Садык попытался сорвать заключенный с русскими мирный договор – он примкнул к оппозиции бухарской знати, организовал вместе с ней вооруженное сопротивление эмиру, но должен был отступить под натиском русской армии.

Таким образом, после поражения Коканда и Бухары все казахи, жившие на территории этих государств, превратились в подданных Российской империи.

ГЛАВА XVI

ЛИТЕРАТУРА И МУЗЫКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 36. Повстанческие песни казахов в XIX веке.

Роль народных ақынов в освободительной борьбе XIX века. Освободительная борьба казахского народа в XIX веке нашла яркое отражение и в литературе, и в устном народном творчестве. Восстание в западной казахской степи, вождями которого были Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов, в 30-х годах; восстание казахов среднего Казахстана в 30–40-х годах, возглавленное Кенесары; восстание казахов Актюбинской степи во главе с Бекетом и Есетом в 50-х годах запечатлелись в большом количестве прекрасных народных поэм и песен. В них воспевается героическая борьба казахского народа за свою независимость, его мужество и отвага, героизм и преданность народу его боевых батыров и полководцев. Эти исторические песни о народных восстаниях против царских колонизаторов и против тех ханов, султанов и биев, которые изменяли своему народу, создавались большую частью ақынами – современниками этих событий. Главные действующие лица в повстанческих песнях XIX века носят исторические имена. В основе описываемых событий лежат подлинные факты. Значение повстанческих песен XIX века не только в том, что они являются литературным памятником освободительного движения казахского народа в период его борьбы за независимость, но и в том, что они сложены непосредственными участниками событий – народными ақынами. Своими песнями талантливые ақыны служили народному делу. Они не были певцами, развлекавшими и веселившими народ. Активные участники и организаторы восстаний, они своим могучим творчеством, насыщенным острой сатирой и непримиримым гневом против поработителей, звали народ на борьбу за независимость.

К наиболее крупным акынам принадлежали Досхожа, Кудери, Нысанбай, Махамбет, Шернияз. Все они являлись певцами народной борьбы, возглавлявшейся батырами Исатаем, Кенесары, Наурызбаев, Жанхожой и другими.

Кроме творчества этих акынов, имена которых сохранила благодарная память народа, имеется много поэм, былин, песен, повествующих о героических подвигах храбрых сынов казахского народа, авторство которых не установлено. Если собрать все безымянное творчество о Кенесары и Наурызбае, оно составило бы много сотен страниц. Остался неизвестным и автор знаменитой поэмы «Жанхожа», названной именем действующего в ней героя.

Поэт Махамбет и его песни об Исатае. Особенно полно, ярко и правдиво изображено в песнях восстание Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

Причины его возникновения, ход развития, его поражение ярко показаны в песнях Махамбета, который был душой восстания. Он правильно подчеркивает подлинно народный характер движения, в котором казахский народ выступал не только против царизма, но и против своих биев и ханов. Махамбет Утемисов (1804 – 1846) – величайший народный поэт XIX века. Он родился и вырос в Нарынских песках Западного Казахстана. Еще юношей Махамбет был взят в ханскую ставку, где в должности дядьки надзирал за ханским сыном. Во время учебы ханского сына в Оренбурге, Бухаре и Хиве Махамбет находился при нем и за это время самоучкой овладел мусульманской и русской грамотой.

Когда вспыхнуло восстание Исатая Тайманова, Махамбет стал неотлучным другом Исатая и горячим агитатором восстания. Он разоблачал насилия ханов и султанов, воспевал мужество борцов за свободу. До нас дошли ярко-художественные, политически заостренные повстанческие песни Махамбета. В них Махамбет высоко поднимал знамя национально-

освободительной борьбы. Он понимал, что борьба требует жертв и самоотверженности, что она несет лишения и трудности:

Не проскакав жизнь на коне,
Не голодая в чужой стране,
Не испытав всех лишений вполне,
Может ли цели достигнуть герой?

Махамбет своими песнями воодушевлял народ, призывал к бесстрашию:

Если хочешь быть батыром,
Будь бесстрашен, бейся с врагом.
Судьба только знает, друзья,
Где мы смерть свою обретем.

Махамбет всегда подчеркивал свою связь с народом, свою непреклонную решимость бороться до конца за дело народа:

На виду я живу у всех,
Знает всю мою жизнь народ.
Не добычу я шел искать
Вдалеке от страны родной,
Не по воле скитальцем стал.
Хан Жангир! Будь проклят твой род!

Поэт призывал народные массы к беспощадной борьбе с его злейшими врагами – ханами, султанами и биями, изменившими народу, угнетавшими бедняков. Жгучей ненавистью пропитана песня – обращение к султану Баймахамбету Айчукову:

Ты потомок ханов белокостных,
Я тебя извечно ненавижу.
Враг заклятый другом стать не может...

Недаром царская власть и хан ожесточенно преследовали пламенного борца против порабощения. После его вторичного побега из тюрьмы даже была назначена премия тому, кто выдаст Махамбета. Но народ выше всяких благ ценил своего достойного сына и бережно укрывал его в течение четырех лет. В 1846 году черная рука предателя, агента султана-правителя Баймакамбета Айчуvakова, предательски убила поэта.

Около сорока песен и поэм, оставшихся после Махамбета, имели большое влияние не только на творчество современных ему акынов, но и позднейших. Смелый и страстный поэт весь свой темперамент и дарование направлял против угнетателей народа. Своими стихами он был вековых врагов народа, разоблачал лицемерие и произвол ханского строя.

Замечательны по своей поэтической силе и глубине чувства песни Махамбета, посвященные его другу Исатаю. Его «Плач по Исатаю» – одно из самых сильных произведений этого жанра:

Пасмурен, пасмурен черный, полный печали день.
День, когда солнце закрыла тучи нависшей тень.

День, когда с севера шло злое дыханье смерча,
День, когда среди боя крепкая сталь меча
Переломилась – и вот: цела одна рукоять.
Это был день, когда не смог устоять
Гордый красавец-тополь, с грохотом рухнув вниз,
Хохотом злобным враги ответили вести той.
Тихо, в немой тоске, поникли друзья головой.

Махамбет горячо любил и ценил Исатая, считая его вождем восставшего народа, а себя лишь его скромным помощником:

Исатай был нашим вождем,
Я ж подручным лишь был при нем...

Поэт не мог примириться с его гибелью, считая, что без Исатая казахский народ будет не в состоянии вновь подняться на борьбу со своими и чужеземными угнетателями:

С тех пор, как погиб Исатай, народ,
Запутанный в сети врага, живет.

Горячо любивший родину и свой народ, всю жизнь отдавший за дело народа, Махамбет вошел в историю казахской литературы как один из ее классиков.

С восстанием Исатая связано также творчество другого акына – Шернияза, ученика Махамбета. Вместе с Махамбетом он был вдохновителем и непосредственным участником восстания. Даже после подавления восстания он не боялся прославлять Исатая и изобличать султанов, верных слуг царизма. Он говорил Баймахамбету в одной из своих песен:

Воевали на севере ханы – Букей и Аргын,
Ты же дома народ свой дотла разорил, господин.

Лучше враг со звериным лицом, чем подобная дрянь,
Проклинает народ тебя всюду, куда ни пойдешь!

Впоследствии поэт Ишиман Шореков, живший в конце XIX века, написал на ту же тему большую поэму «Исатай – Махамбет», в которой воспел подвиги обоих героев-друзей.

«Бекет-батыр». Национально-освободительная борьба казахского народа 50-х годов XIX века нашла яркое отражение в

поэме неизвестного акына под названием «Бекет-батыр». Поэма посвящена Бекету, одному из участников и руководителей восстания Есета Котибара. В ней рассказывается, как Бекет собрал отряд повстанцев, напал на ставку султана-правителя и убил его. Царские власти подкупили одного из друзей Бекета, заманили батыра в ловушку и отправили его в ссылку в Сибирь. Бекет вместе со своим другом Ерназаром просидел в оренбургской тюрьме 12 месяцев, закованный в кандалы, и был выслан в Сибирь на каторгу. По дороге на каторгу Бекета догнала его престарелая мать, выехавшая для прощания с сыном. Бекет в песне к матери говорит:

Ненавидел я ханский род.
Я водил за собой народ,
И повсюду – и стар, и мал
Стяг вождя мне смело вверял.
То, что хан не хотел отдать,
Мог я силой у хана взять;
Мое имя у всех на устах
Было там в широких степях.

Жена Бекета, переодевшись торговцем-татарином, догнала Бекета в пути и передала ему кинжал. С помощью этого оружия Бекет освободился от оков и перебил стражу. Возвратившись на родину, Бекет убил своего бывшего друга, ставшего предателем, и вновь возглавил борьбу с угнетателями.

Песни о восстании Кенесары. С восстанием Кенесары Ка-сымова связано творчество Досхожи и Нысанбая. Оба акына были активными участниками восстания.

Широко известна в казахском народе песня Досхожи, сложенная в начальный период восстания, когда Кенесары под давлением царских войск должен был покинуть старинные кочевья своей фамилии – район Кокчетава. В этой песне, относя-

щейся примерно к 1837–1838 годам, поэт прощается с родными местами и яркими красками рисует кокчетавские степи:

Что ж, прощайте навсегда
Вы, вершины хладных гор,
Ты, зеленый ковер травы!
Не покинули бы никогда
Мы тебя, но теснят враги.
О родные мои острова,
Где бродили архаров стада,
И маралы, и дикий баран!
О, летовья мои, навсегда
Покидаю я вас, чтоб спастись!
Мы напрасно боролись года...

Поэт с тоской говорит о печальной судьбе своей родины:

Сгонят власти здесь скот на постой,
И по кладбищу загремят
Колымаги, и за собой
Станом пыль поднимут они.

И остался теперь позади
Лес дремучий наш сиротой.
Мой народ, что жил в том лесу,
Будет мучиться лютой тоской.

Описывая прелест кокчетавских степей, Досхожа пытается удержать хана от откочевки. Песня дает много описаний природы, отличающихся красотой и задушевностью:

Не забыть мне родных лесов
С их густою пестрой листвой,
Голубою окутанной мглой.

По глубине чувств сына родной земли, навеки прощающегося с родиной, эта песня стоит на уровне лучших образцов мировой поэзии.

Мотивы скорби и любви к своему свободолюбивому, героическому народу ярко звучат и в творчестве Кудери и Нысанбая. Нысанбай известен своей поэмой «Кенесары и Наурызбай». Поэма Нысанбая посвящена лишь одному этапу восстания – походу Кенесары против киргизских манапов. Поэт стремится показать образы Кенесары и Наурызбая как последних героев борьбы за могущество и независимость Казахского ханства. Он описывает различные эпизоды войны, героизм, проявленный Кенесары и Наурызбаем, их гибель.

Нысанбай, по народным преданиям, родился в 1812 году и умер в 1870 году. В одной из песен Нысанбай рассказывает о своем поэтическом творчестве: «Я уродился непохожим на моих родителей и стал жырау (певцом-сказителем), стал мастером песен и импровизации. С 15 лет я ушел в народ, ходил по аулам и пел песни. Стал известен в народе. Тот, кто один раз прослушал мои песни, жаждал второй со мной встречи».

Нысанбай участвовал в боях и стычках как рядовой боец и воочию видел мужество героев, которых впоследствии воспевал в своих поэмах.

Большую известность получила героическая, проникнутая глубоким патриотизмом, поэма Нысанбая о последней битве Кенесары и Наурызбая. Эта поэма занимает почетное место среди многих песен, стихов и поэм, посвященных восстанию Кенесары.

Глубокой скорбью о судьбе народа проникнут «Плач по Кенесары и Наурызбаю певца Нысанбая, бежавшего из киргизского плена»:

Мы певали, как соловьи,
А теперь весь народ немой.
Не конец ли это, друзья? –

Вот грубит нам чабан простой...
О, покинутый мой народ!
Потерял ты мощь и покой.

В отличие от Махамбета и Шернияза, Нысанбай не поет о внутренней борьбе в казахском ауле. Счастье народа Нысанбай представляет себе не иначе, как при условии господства сильных ханов. В своем «Плаче» он пел:

Разве сильным будет народ,
Жизнь свою без хана влач?

Все песни – в устной и письменной форме, – связанные с национально-освободительной борьбой казахского народа, не вытеснили прежних видов народного творчества. Новое содержание часто облекалось в старые формы. Так, обогатились новым содержанием песни прощания – қоштасу. Такова, например, песня-плач акына Нысанбая.

Особое положение в народной поэзии середины XIX века занимает лирическая бытовая поэма «Айман, Шолпан». Поэма не показывает национально-освободительного движения казахского народа, но в ней ярко отразились глубокие изменения, возникшие в казахском обществе, – усиление новой знати в лице богатых баев, упадок значения прежней военной знати – батыров.

В поэме «Айман, Шолпан» изложен бытовой эпизод из жизни батыра Котибара. Поэма рассказывает о родовой борьбе Котибара с баем Маманом. Котибар совершаet набег на аул Мамана, насильственно уводит дочерей Мамана – Айман и Шолпан – и пытается жениться на красавице Айман против ее воли. Айман решительно и искусно борется за личную свободу, спасает себя и сестру, смело отстаивает право на любовь к своему жениху Алибеку.

В поэме правдиво и художественно очерчены характеры героев, показана их борьба друг с другом и сложность человеческих взаимоотношений.

§ 37. Казахская музыка в XIX веке.

Роль музыки в жизни казахского народа. Неотделима от истории духовной казахской культуры история казахской музыки, с глубокой древности сопровождавшей все этапы жизни и борьбы казахского народа. Во все времена исторического существования казахского народа создавались музыкальные произведения, которые широко распространялись в народе. Лучшие из них сохранились в народной памяти до наших дней.

Раннее музыкальное искусство казахов связано с именем легендарного казахского музыканта Коркыта. Народная молва утверждает, что все мелодии и мотивы казахов и сама игра на мелодичном кобызе получили распространение от Коркыта. Его называют отцом казахской музыки.

Часть ранних мелодий и напевов принадлежит шаманам. Шаманская музыка (сарын) – громкая, резкая, изобилующая скорбными, тягучими мотивами. Тяжелая для восприятия, она навевает страх. Шаманская музыка осталась от доисламского периода казахского народа. В ней нет ни покорности, ни смиренения; она полна угроз и требований, будто подтверждая, что общение с божеством находится только в руках шаманов.

Другая часть ранних музыкальных произведений казахов посвящена отдельным историческим событиям и крупным историческим личностям. Среди них имеются произведения на общие темы для литературы и музыки восточных народов: «Хромой Тимур», «Ақсақ құлан Жошы хан», «Іскендер», «Чингис». Народная легенда рассказывает, что музыка говорит там, где человек говорить не может. Такова, например, музыкальная легенда «Ақсақ құлан» («Хромая лошадь»). Ее

словесное сопровождение раскрывает социальное значение музыкального содержания. Легенда рассказывает, как добра заменила человека, когда он не мог сам рассказать о смерти сына хана Жоши, убитого диким конем на охоте. Догадавшись о несчастье, хан объявляет, что зальет свинцом глотку тому, кто принесет весть о гибели сына. Эта угроза всех привела в трепет. Никто не решался сообщить отцу горестную весть. Но один певец – искусный домбррист решил рассказать хану правду без слов. Мрачная мелодия поведала грозному хану о гибели его сына. Хан велел залить свинцом корпус домбры. В музыке «Ақсақ құлан» образно передана картина степной охоты, несчастье ханского сына, страх народа и гнев грозного хана.

В песне «Қара Қожа» повествуется о знаменитом батыре Кара-кожа, современнике батыра Едиге и хана Тохтамыша, который,

кочуя, всю кочевку объезжал,
был опоясан острым мечом,
а при виде тени врага
хмурился, как дождливый день.

К музыкальным произведениям раннего периода относятся «Нар иген», «Бозінген», «Тепең көк», «Аққү», «Кара жорға», «Алты қаз», «Суан көк», «Кер толғау». Это романтические произведения, в которых нашли свое отображение древние казахские легенды и эпизоды из кочевой, охотничьей жизни. «Нар иген» – грустная песня об одногорбом верблюде и о вдове, которую выдали замуж за певца. Песня «Тепең көк» рассказывает, как усталый конь, услыхав прекрасный напев, обретает силу и опережает остальных коней. В этой песне слух улавливает конский топот. В песнях «Аққү» («Лебедь»), «Алты қаз» («Шесть гусей») слышатся взмахи птичьих крыл, в ритм которых вплетается песня.

Музыкальные поэмы-кюи о героическом прошлом казахов. В музыке казахов сохранились кюи, связанные с героическим прошлым народа, как-то: «Шора» (о Шора-батыре).

«Қазан-күй» (о походе Кобланды-батыра на Казань), «Қамбар» (о Камбар-батыре), «Едіге» (о батыре Едиге) и т.д. В них то слышна прощальная песня со своим народом и семьей батыра, отправляющегося в поход, то гремит песня победы всадника, то звучат батальные мотивы, то чудится вопль оставшейся на поле битвы души, вспоминающей о своей родной семье, о своем любимом народе.

Музыкальные легенды «Қобланды», «Шора», «Қамбар» относятся к эпохе, когда образовалось Казахское ханство и народ отражал набеги врагов с большим мужеством. Эта эпоха, создавшая ряд классических героических песен, получила достойное отображение и в музыке.

В позднейшее время созданы такие замечательные кюи, как «Еңсегей бойлы ер Есім», «Марш Аблая», «Ақ Еділ», «Сырым сазы», «Ақтабан шұбырынды», «Аргы жағы Ертістін», «Қабанбайдың жорығы». Каждый из них с изумительной правдивостью отображает свою эпоху.

В музыке XVIII века, как и в литературе того же периода, значительное место занимает песня и мелодия «Қара таудың басынан көш келеді» («С вершины Карагатау спускается караван»), написанная на тему о событии «Ақтабан шұбырынды». И напев, и слова ее полны горечи и печали – в них рассказывается о тяжелом гнете, выпавшем на долю народа.

В XIX веке меняется и форма, и содержание казахской музыки.

В казахской музыке XIX века особое место занимают произведения о выдающихся людях и крупных исторических событиях. Более поздние виды кюев, связанные с именами казахских деятелей, – такие, как «Нар Исатай» (об Исате Тайманове), «Наурызбай батыр» (о Наурызбае и Кенесары Касымовых), «Асая Барак» (о Бараке), как по тематике, так и по своему музыкальному языку во многом отличаются от предыдущих кюев. В них музыканты-композиторы, не будучи

музыкантами-профессионалами, выражали любовь к героям и величали сыновей своего народа, боровшихся за освобождение от гнета царизма, ханов и феодалов.

Два произведения характеризуют восстания Есета и Бекета – «Жем» и «Домалат-пай». Такая распространенная песня, как, например, «Алпыс тоғыз», созданная во время восстания Младшего жуза в 1869 году, отражает мятежный дух той эпохи. Каждое музыкальное произведение, посвященное историческим событиям XIX века, отличается художественностью, ярко запечатлевает героизм казахского народа. Каждое музыкальное произведение, посвященное историческим событиям XIX века, отличается не только художественностью, но, наряду с этим, ярко запечатлевает героизм казахского народа.

Казахские композиторы XIX века. С начала XIX века появляются среди казахского народа талантливые композиторы. Растущее мастерство их произведений ясно демонстрирует неуклонное развитие казахского музыкального творчества. В основе казахской музыки XIX века имеются две школы. Основоположником одной из них является знаменитый композитор-кюйши Западного Казахстана Курмангазы. Второй крупнейший композитор – певец Центрального Казахстана Биржансал. Вокруг этих двух знаменитых композиторов группировались и в дальнейшем стали их последователями композиторы-кюйши Казангап, Байсерке, Давлеткерей, Сейтек, Дина, Ыклас, а также композиторы-певцы и народные артисты Акан-сери, Балуан-Шолак, Жаяу-Муса, Асет, Мади, Майра, Жарлыгап, Канапия, Иман Жусип и Шашубай.

Наиболее крупными певцами-музыкантами в середине XIX века были Курмангазы и Биржансал.

Курмангазы Сагырбаев (1818–1893) родился в Букеевской орде. В молодости он испытывал большую нужду, с восьми летнего возраста батрачил у бая. Девятилетним мальчиком Курмангазы смастерил себе домбру и наигрывал на ней, когда

пас байское стадо. Когда ему исполнилось 18 лет, он взял в табуне лошадь и скрылся от бая. С тех пор Курмангазы начал разъезжать по степи и выступать в аулах с домбрай. В 1837–1838 годах он примкнул к восстанию Исатая и Махамбета. Свое первое произведение «Кішкентай» он посвятил этому народному восстанию. Здесь он оплакивал гибель Исатая и Махамбета, но высказывал уверенность, что их смерть не остановит народного движения, а певцы сохранят и разнесут память о погибших вождях. Следующим крупным произведением Курмангазы явилась песня «Балбырауын», воспевавшая красоту женщины.

С тех пор творчество Курмангазы непрерывно развивалось. Он создал много замечательных мелодий. Иногда это повесть о радостных или грустных минутах человеческой жизни («Қайран шешем»), иногда яркая картина возмущения или энтузиазма («Серпер»).

Курмангазы рассказывал в своих песнях о притеснениях, которым он подвергался. По проискам чиновной знати и хана Жангира Курмангазы был заключен в оренбургскую тюрьму, но оттуда ему удалось бежать. Он много путешествовал, побывал в районе Мангистау, у Аральского моря, в урочище Актюбе, в Ақ-Мечети, Туркестане. Везде он создавал новые произведения и оставлял талантливых учеников.

Последним и лучшим произведением Курмангазы является «Көбік шашқан». Здесь отражена тяжелая жизнь казахского народа и его мечты о светлом будущем.

Музыка Курмангазы поражает своей мощью и полнозвучностью. В ней запечатлелась героическая борьба казахского народа. Поэтому Курмангазы можно назвать Махамбетом в музыке.

Биржансал Кожагулов (1832–1895) родился в поселении у подножья горы Kokчетау (в нынешней Акмолинской области). Смолоду Биржана не привлекали ни богатство, ни хозяйство

отца. Он любил музыку, играл на домбре и слагал песни, разъезжая по степи. Биржан обладал мощным голосом. Из всех состязаний он выходил победителем.

Биржан в совершенстве владел казахской песнью, но не ограничивался старыми напевами, а создавал новые. Он создал такие прекрасные песни, как «Жанбота», «Ләйлім», «Айтпай» и другие.

Некоторые песни Биржана мягки и лиричны, другие полны мощной энергии и силы. Многие из них могут исполняться не только солистами, но и хором.

Биржан хорошо знал русскую и европейскую музыку. Он тесно общался с великим казахским поэтом Абаем и получал его советы. Все это способствовало тому, что талантливый композитор решительно пошел по пути дальнейшего развития самобытной казахской музыки и ее сближения с русской и западноевропейской музыкой.

Так же, как Курмангазы, Биржансал оставил после себя много учеников и последователей.

Крупным казахским композитором был также Давлеткерей Шыгаев (1829 – 1882). Он родился в Букеевской орде, происходил из рода Букея, смолоду был окружен богатством, но не мечтал о власти, а целиком посвятил себя искусству. Песни Давлеткерея мелодичны, тихи, спокойны. Названия его произведений – «Молот», «Соловей», «Свист», «Ветерок» – дают представление об их содержании. Давлеткерей в своих произведениях как бы переговаривается с природой в моменты ее тишины и расцвета и присоединяет к ней свой голос человека-певца. В своих произведениях он рисует или сокровенные душевые переживания, или образ девушки, или образ какой-нибудь красивой птицы. Самое выдающееся произведение Давлеткерея – «Жігер» («Сила духа»).

ГЛАВА XVII

ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ ПРОТИВ ЦАРСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ в 1869 – 1873 ГОДАХ

§ 38. Восстания в Уральской и Тургайской областях.

«Временное положение» 1868 года. После взятия царскими войсками Ташкента в 1865 году казахские степи были полностью окружены линиями военных укреплений – Сыр-Дарьинской и Кокандской. Царское правительство торопилось теперь заменить прежнюю систему управления казахским народом новой системой, закреплявшей его колониальное положение. В 1865 году была создана особая «Киргизская степная комиссия» для разработки нового положения об управлении в степных областях. Необходимость реформы управления Туркестанским краем и Казахстаном мотивировалась следующим образом: «С 1867 г. среднеазиатский вопрос вступил в новый фазис своего развития. С присоединением к империи некоторой части Средней Азии и образованием из пограничных с нею и Западным Китаем земель особого Туркестанского генерал-губернаторства положение киргизских степей, входящих в состав Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств, совершенно изменилось – из пограничных они обратились во внутренние области, и вследствие того деятельность местного начальства как в Западной Сибири, так и в Оренбургском крае, поглощавшаяся прежде заботами об обеспечении спокойствия на границах, должна была обратиться преимущественно на устройство края в гражданском отношении». 21 октября 1868 года царь подписал новое положение под названием «Временное положение об управлении в степных областях».

К этому времени Туркестанский край был разделен на области – Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую, составившие Туркестанское генерал-губернаторство. Территория остальной

части Казахстана, по «Положению» 1868 года, разбивалась на области – Уральскую с центром в Уральске; Тургайскую с центром в Оренбурге; Акмолинскую с центром в Омске и Семипалатинскую с центром в Семипалатинске. Внутренняя Букеевская орда вошла в состав Астраханской губернии. Все казахские земли были намеренно раздроблены между различными административными делениями с целью подорвать единство казахского народа, чтобы легче подчинить его. Царское правительство было озабочено, прежде всего, созданием государственного аппарата колониального угнетения казахского народа. Такой военно-колониальный аппарат должен был обеспечить беспрепятственную эксплоатацию казахского народа, ослабить его экономически и задержать его культурное развитие.

Основное содержание реформы заключалось в следующем. В административном отношении Казахстан делился на области, области – на уезды и уезды – на волости. В состав волости входило несколько аулов – от 1000 до 2000 кибиток. Во главе области ставился военный губернатор, он же председатель областного управления. Губернатор назначался царем. Ему подчинялись все уездные начальники, войска и полиция. Губернатор обладал неограниченной властью в области, проверял деятельность всех учреждений, мог ввести в области военное положение и т.д. Областное управление состояло из трех отделений – распорядительного, хозяйственного и судного. Отделениями заведовали советники. Управление уездами сосредоточивалось в руках уездных начальников. Уездному начальнику также подчинялись войска, полиция и весь колониальный аппарат в уезде.

Волостные управители и аульные старшины выбирались казахским населением. Выборы были двухступенчатыми. Они производились в присутствии царских чиновников. Все избранные должны были получить утверждение со стороны цар-

ской администрации – уездных начальников и губернаторов. Кроме того, и волостной управитель, и аульный старшина в любое время могли быть сняты с должности теми же царскими чиновниками. Нередко выборы сопровождались подкупами и взятками. Часто бай старались подкупить выборщика, чтобы занять должность старшины.

На основании закона 1868 года все земли казахов были объявлены государственной собственностью Российской империи. Казахам предоставлялось только право пользования землей. За это они должны были платить государству повышенную кибиточную подать. Раньше казахи платили по 1 рублю 50 копеек с кибитки, а закон 1868 года устанавливал платить в размере 3 рублей. Вскоре кибиточная подать была еще больше увеличена – до 3 рублей 50 копеек. Сверх того казахи должны были нести земские повинности – исправлять мосты, содержать и обслуживать почтовые тракты, предоставлять перевозочные средства для чиновников и войск, содержать за свой счет волостных управителей и аульных старшин.

Каждый казах должен был иметь паспорт, за который взимался гербовый сбор. Были созданы полиция и суд по законам Российской империи. Только мелкие споры и небольшие преступления оставались в ведении суда биев, причем всякое решение суда биев могло быть обжаловано в русский суд.

Право кочевания казахов было ограничено пределами уезда. Казахи не смели самовольно, без ведома начальства, переселяться из аула в аул, из волости в волость.

Наоборот, русским переселенцам закон 1868 года предоставлял большие льготы. Они получали бесплатно землю, место и лес для постройки; им предоставлялось право заниматься свободно торговлей, ремеслами и промышленностью. Лишь тем казахам, которые принимали христианство, предоставлялись некоторые льготы – они могли приковчиваться к русским селениям, приписываться к городским и сельским обществам.

Реформа стесняла отправление религиозных обрядов казахами. Постройка мечетей могла производиться только с разрешения уездных начальников. Муллы были поставлены под надзор местной администрации. Обучение детей на родном языке ограничивалось.

В казахской степи вводился медицинский надзор. Для подачи медицинской помощи в каждом уезде были назначены уездный врач и повивальная бабка, объявлено обязательное оспопрививание. Но эти культурные меры были настолько мизерными, что казахи, по существу, не пользовались ими. Оказание медицинской помощи предусматривалось, прежде всего, населению уездного города, казачьей станицы и русского переселенческого поселка. Казахи, попадавшие в больницу, должны были вносить за лечение высокую плату. Для казахов «реформа» 1868 года ознаменовалась новыми тяготами и ограничениями их хозяйства, быта и культуры. Она ограничивала права казахского народа и накладывала на него массу новых обязанностей и повинностей.

Великий казахский поэт Абай Кунанбаев едко высмеял реформу 1868 года. Он писал:

Я, русский говорил, тебе свободу дам,
Считаться буду с тем, кого ты выбрал сам.
Но лучше жить не стал от этого народ,
Чиновники во всем чинят обиду нам.

Абай беспощадно бичевал жадных и честолюбивых казахских старшин-управителей:

Управитель начальству рад –
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Из боязни вызвать этой реформой новое восстание казахского народа царское правительство решило действовать осторожно – ввести «Положение» «в виде опыта», временно, на два года. Правительство объявляло: «Новое Положение вводится только в главных своих чертах; развитие же дальнейших его подробностей, охватывающих все отрасли управления: администрацию, суд, податную систему и пр., требует, нет сомнения, еще много времени и трудов».

Опасения царского правительства были основательны. Реформа 1868 года не только лишала казахов земли, не только налагала на них новые тяготы. Царское правительство этой реформой ломало патриархально-родовую структуру казахского общества, которая способствовала объединению казахов в борьбе с царизмом, но в то же время оно старалось сохранить родовые пережитки в быту казахов. Царское правительство сохраняло власть бая-феодала в ауле, передавало в руки феодалов власть над казахским народом в лице волостных управителей, аульных старшин и биев, с тем чтобы держать народ в кабале и темноте. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет, для того чтобы держать массы в рабстве и невежестве» – это положение товарища Сталина полностью подтверждается колониальной политикой царского правительства в Казахстане.

Казахи не могли отнести ко всему этому безразлично. Они поняли, что закон 1868 года призван покончить с остатками их былой независимости.

Поэтому, лишь только в аулах появились так называемые «организационные комиссии» из царских чиновников для проведения реформы, в Казахстане сейчас же вспыхнуло народное восстание.

Начало восстания в Уральской и Тургайской областях. Первоначально оно вспыхнуло в Уральской области, а отсюда быстро перекинулось в Тургайскую область.

В конце 1868 года «организационные комиссии» выехали в степь. В аулах, расположенных недалеко от пограничной линии, где находились русские укрепления, организационным комиссиям удалось образовать несколько волостей. Но уже на некотором расстоянии от пограничной линии, в глубине степи, эти комиссии встретили решительное сопротивление казахов. Казахи восстали и с оружием в руках воспрепятствовали организации волостей. Организационная комиссия Уральского уезда пыталась через доверенных баев уговорить повстанцев. Попытки оказались неудачными. Комиссия вынуждена была вернуться назад.

В январе 1869 года казахи Бершева рода не допустили к себе комиссию Калмыковского уезда. Одновременно казахи Китинского, Табыр-Адаевского и других родов совершили вооруженное нападение на организационную комиссию Гурьевского уезда, окружив ее у устья реки Эмбы. Комиссия бежала, бросив имущество.

«Едва спаслись, – писал начальник комиссии уральскому губернатору, – пройдя ночью берегом Каспийского моря в Гурьев-городок при содействии троих преданных киргизов». Подобная же участь постигла организационные комиссии других уездов. Работа комиссий остановилась. К повстанцам присоединились даже те казахи, которые ранее приняли «Положение» 1868 года. Начались набеги повстанцев на пограничную линию и казачьи поселения, угон скота у баев – сторонников царского правительства. Бай бежали из степи на пограничную линию.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский послал в Петербург рапорт о начавшемся восстании. Царь Александр II, прочитав донесение, поморщился и написал: «Весьма неприятно». Он приказал военным властям подавить восстание вооруженной силой.

Подготавливая войско против повстанцев, царские генералы и чиновники вместе с тем старались расстроить ряды по-

встанцев. Преданные правительству бай уговаривали казахов прекратить начавшееся движение. Среди казахов распространялись воззвания с призывом покорно исполнять приказания начальства.

Все это не оказывало влияния на трудящиеся массы. Повстанцы выбрали из своей среды руководителей отрядов и вооружились чем могли. В числе повстанцев были также женщины-казашки. Восстание в Уральской и Тургайской областях возглавил Сеиль Туркебаев, внук знаменитого батыра Срыма Датова. Народ провозгласил его эмиром. Военным руководителем всех повстанческих отрядов был выбран бедный казах Азберген Мунайтбасов, который еще в 1865 году руководил одним из местных восстаний. Военным советником у Азбергена Мунайтбасова был Гали Арасланов – бывший воспитанник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, человек образованный и энергичный.

В каждом казахском роде повстанцы создали свой суд, выбрав судей и заседателей из уважаемых лиц от каждого родового подразделения. Этот суд должен был судить преступников и разбирать тяжбы. Так народ создавал свои собственные органы власти в соответствии со своим бытом и понятиями.

С января по июль 1869 года восстание казахов носило наступательный характер. Отряды повстанцев нападали на пограничную линию, на казачьи поселения и посты. 18 марта отряд повстанцев численностью в 700 человек напал на отряд царских войск у верховьев реки Илека. Произошла горячая схватка. С обеих сторон были убитые и раненые. В итоге повстанцы отступили, но и отряд царских войск поспешил уйти ускоренным маршем к Эмбенскому укреплению, так как получил сведения, что приближаются новые крупные силы восставших.

В конце марта повстанцы напали на Горячинский пост и станицу Горячинскую Уральской области, подожгли стога сена и

угнали верблюдов и лошадей. Казаки Горячинского поста организовали погоню. Внезапно повстанцы остановились, окружили казачий отряд и перебили всех казаков с офицерами.

Другая группа повстанцев напала на ставку султана-правителя Баймахамбетова близ казачьей станицы Буренной. Повстанцы разгромили ставку и угнали 900 лошадей султана. Через несколько дней повстанцы произвели нападение на самую станицу Буренную, но были оттеснены в степь подоспевшими из Оренбурга войсками.

Военные столкновения повстанцев с царскими войсками. В начале апреля 1869 года в степи наступила распутица. Восстание временно затихло. Но то было затишье перед бурей. Обе стороны усиленно готовились к борьбе. Повстанческие отряды собирались к Эмбе, Уилу и Киилу. В свою очередь, оренбургский генерал-губернатор мобилизовал все мужское население казачьих поселков. Повсюду устанавливались караулы, разъезды, дежурные части. Кроме того, было решено построить в степи два новых укрепления – одно в Уральской области на реке Уил, у урочища Казыбек, другое – в Тургайской области на реке Илек, около урочища Ак-Тюбе. Вглубь степи были посланы отряды уральских и оренбургских казаков.

Первый отряд под командованием подполковника барона фон Штемпеля, в количестве 200 казаков и роты пехоты при двух орудиях, двинулся 5 мая к урочищу Казыбек. У озера Джамансай его атаковали повстанцы численностью в несколько тысяч человек. Отряд Штемпеля был окружен. Несколько дней повстанцы держали отряд в блокаде, отбили у него обоз, захватили быков, лошадей с упряжью и большую партию продовольствия. В отряде Штемпеля были убитые и раненые. Только техническое превосходство в оружии дало возможность Штемпелю выйти из окружения. Штемпель не решился идти далее в степь и повернул в сторону линии – Калмыковской крепости. Целую неделю повстанцы неотступно преследовали царский отряд, пока он не подошел к крепости.

Другой отряд отправился 19 мая из Уральска под командованием гражданского чиновника Юрковского. Отряд состоял из 3 сотен казаков и имел трехмесячный запас продовольствия. В 85 километрах от Уральска Юрковский получил сведения об отступлении отряда Штемпеля. Юрковский, несмотря на строгое предписание областного военного губернатора, не решился идти на помочь Штемпелю. Простояв две недели на одном месте и опасаясь возвращаться старой дорогой на Уральск, Юрковский двинулся с частью отряда в Илецкий городок. Командование над остальной частью отряда принял на себя подполковник Рукин. Он решил пойти на соединение с войсками Штемпеля, но было уже поздно – Рукин не успел оказать помощь Штемпелю и был вынужден вернуться на пограничную линию.

К середине июня 1869 года восстание достигло наивысшего развития. В связи с успехами росло воодушевление казахов. К восстанию примыкали и те роды, которые раньше стояли в стороне от движения. «Положение дел в степи приняло вид самый прискорбный», – писал военный губернатор Уральской области генерал-губернатору Крыжановскому. По распоряжению военного министра в Оренбург были посланы значительные подкрепления. 30 июня в степь двинулась уже целая армия в составе 28 сотен казаков, 4 рот пехоты и 6 пеших команд с 6 артиллерийскими орудиями. На Оренбургской линии в городах Оренбурге, Троицке, Орске, Илецке было сосредоточено еще 20 сотен казаков и 11 рот пехоты. Во главе карательных войск встал военный губернатор Уральской области генерал Веревкин.

Царское войско двигалось по степи в районы Уила, Киила, Хобды и песков Большие Барсуки.

Восставшие не могли дать отпор хорошо вооруженному царскому войску. Началась массовая откочевка казахов в район Усть-Урта, к Мугоджарским горам и в хивинские владения.

Руководители восстания Азберген Мунайтбасов, Гали Арасланов и другие обратились к хивинскому хану за военной помощью. Сын Кенесары Касымова – Садык Кенесарин, служивший у хивинского хана и управлявший казахскими аулами по правому берегу Аму-Дарьи, настойчиво поддержал эту просьбу казахов. Садык Кенесарин посыпал к повстанцам-казахам письма и возвзвания, ободряя их.

Хивинский хан послал в казахскую степь отряд в 6 тысяч человек из туркмен и каракалпаков. Но начальник этого отряда не решился вступить в бой с царскими войсками. Не дойдя до Эмбы, он возвратился со своим отрядом в Хиву. Туркестанский генерал-губернатор пригрозил хивинскому хану войной, и Хива прекратила дальнейшую помощь казахам.

Повстанцы призывали также Есета Котибарова, вождя восстания 50-х годов, и влиятельного бия рода Адай Маяева присоединиться к движению. Ни тот, ни другой не откликнулись на этот призыв.

К ноябрю 1869 года царские войска подавили восстание. Многие из повстанцев были перебиты, другие откочевали в Хиву, в том числе наиболее видные руководители движения – Азберген, Арасланов и другие. Царское правительство предало их заочно военному суду. Более 500 участников восстания было осуждено судом к смертной казни и каторжным работам. Все имущество руководителей восстания и других осужденных было конфисковано. Угнанный карательными войсками скот казахов не был возвращен обратно. На казахов была наложена контрибуция для возмещения убытков русским казакам и поселенцам.

Все же царская администрация, несмотря на решительные меры, боялась за свое положение в казахской степи. «Уверен, – писал оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, – что с наступлением весны будущего года степь заволнуется снова». Крыжановский не ошибся. Весной 1870 года восстание

вспыхнуло с новой силой. На этот раз центром восстания стал Мангышлакский полуостров.

§ 39. Восстание на Мангышлаке.

Борьба за Мангышлак. В 60-х годах XIX века полуостров Мангышлак вместе с полуостровом Бузачи примыкал к хивинским владениям. Эта территория была заселена многочисленным и сильным казахским родом Адай.

Между Хивой и царской Россией шла упорная борьба за обладание Мангышлакским полуостровом, за политическое влияние на казахов-адаевцев и их южных соседей – туркмен. Еще в 1834 году царские власти построили у залива Кайдак форт Ново-Петровский. В 1840 году он был перенесен на Мангышлак и назван фортом Александровским (ныне форт имени Шевченко). Форт представлял собой военную базу и в то же время перевалочный пункт в торговле России с Хивой и Бухарой. Русские товары здесь разгружались с судов и отправлялись на верблюдах караванным путем в среднеазиатские государства и казахские степи. Форт служил опорным пунктом также русским рыбопромышленникам. Отсюда в Россию отправлялось много рыбы, вылавливаемой у восточного побережья Каспийского моря. Внимание русских промышленников и купцов привлекали и природные богатства Мангышлакского полуострова – в основном каменный уголь. Все чаще и чаще на Мангышлак посылались русские научные экспедиции.

Вместе с тем форт Александровский имел для царской России значение исходного пункта для замышлявшегося похода на Хивинское ханство. Опираясь на вооруженную силу форта, царское правительство подчинило адаевцев султану-правителю западной части Младшего жуза и разделило их территорию на две дистанции – верхнюю и нижнюю. Адаевцы уплачивали царскому правительству кибиточную подать и одновременно были вынуждены вносить закят хивинскому хану.

Адаевцы отличались боевым и свободолюбивым духом. За это они заслужили уважение и любовь всех казахов. Царские чиновники тоже всегда отмечали эту особенность адаевцев, называя их людьми непокорными и постоянно готовыми к восстанию. Поэтому при проведении в жизнь закона 1868 года правительство долго не решалось вводить новое «Положение» на Мангышлаке. Лишь в конце 1869 года, после того, как было подавлено восстание в Уральской и Тургайской областях, царская администрация приступила к организации нового управления среди адаевцев. Начальником Маңгышлакского полуострова в то время был подполковник Рукин, а дистаночными начальниками – бии Маяев и Калбин. На последних возлагалась обязанность оказывать Рукину всемерную помощь в проведении нового закона в жизнь.

Рукин начал с того, что пригласил к себе адаевских старшин и потребовал собрать всю кибиточную подать за 1869 год по новому исчислению, т.е. по 3 рубля 50 копеек с кибитки, и взыскать неуплаченную подать за предыдущие годы. Это означало огромное увеличение подати – с 9 тысяч рублей до 70 тысяч рублей. Некоторые старшины сразу же отказались выполнить требование Рукина. В их числе был влиятельный, пользовавшийся всеобщим уважением бий Иса Тюлембаев. Заколебался даже дистаночный начальник Калбин. Тут же Рукин отстранил старшин, отказавшихся выполнить его требования, а также Калбина от занимаемых ими должностей. Действия Рукина вызвали сильное возмущение среди адаевцев.

Развитие восстания адаевцев. В марте 1870 года Рукин выехал в аулы проводить в жизнь «Положение» 1868 года. Когда отряд Рукина отошел от форта километров на 60, его встретили казахские повстанцы. Во главе повстанцев находился Иса Тюлембаев. Повстанцев было до 400 человек. Они были вооружены пиками, топорами и ружьями. Казахи заявили Рукину, что не пропустят его в степь и не дозволят вводить

новое «Положение». Они потребовали, чтобы Рукин возвратился со своим отрядом обратно в форт. Рукин не подчинился и приказал отряду двигаться дальше. Завязалась перестрелка. Повстанцы стали теснить отряд Рукина и вскоре загнали его в овраг и окружили. Рукин попытался склонить повстанцев к переговорам. С этой целью он подоспал к ним бия Маяева. Но лишь только Маяев подъехал к повстанцам, они схватили его и расстреляли как предателя.

Наступила ночь. Повстанцы разожгли костры и стали зорко следить за русским отрядом. Рукин не имел никакой возможности ускользнуть из окружения. Ожидавшаяся им помошь из форта не приходила. На другой день отряд Рукина сложил оружие. Сам Рукин застрелился. Часть его отряда была перебита, часть захвачена в плен.

Другую группу повстанцев возглавляли Досан Таджиев и Сакур Чабаев. Эта группа действовала в непосредственной близости от форта Александровского и на полуострове Бузачи. Она состояла в своем большинстве из казахской бедноты, а также из рабочих на промыслах русских рыбопромышленников. Досан Таджиев был бедняк-пастух, Сакур Чабаев – рабочий промыслов. Оба они пользовались большой любовью и влиянием среди адаевцев. В конце марта восстали рабочие промыслов. Они все как один прекратили работу, разгромили склады купцов, захватили имущество – снасти, лодки и парусные суда. Многих из купцов повстанцы убили, многих взяли в плен. Из судов и лодок организовали флотилию, которая действовала против рыбопромышленников и несла сторожевую охрану побережья Мангышлакского полуострова.

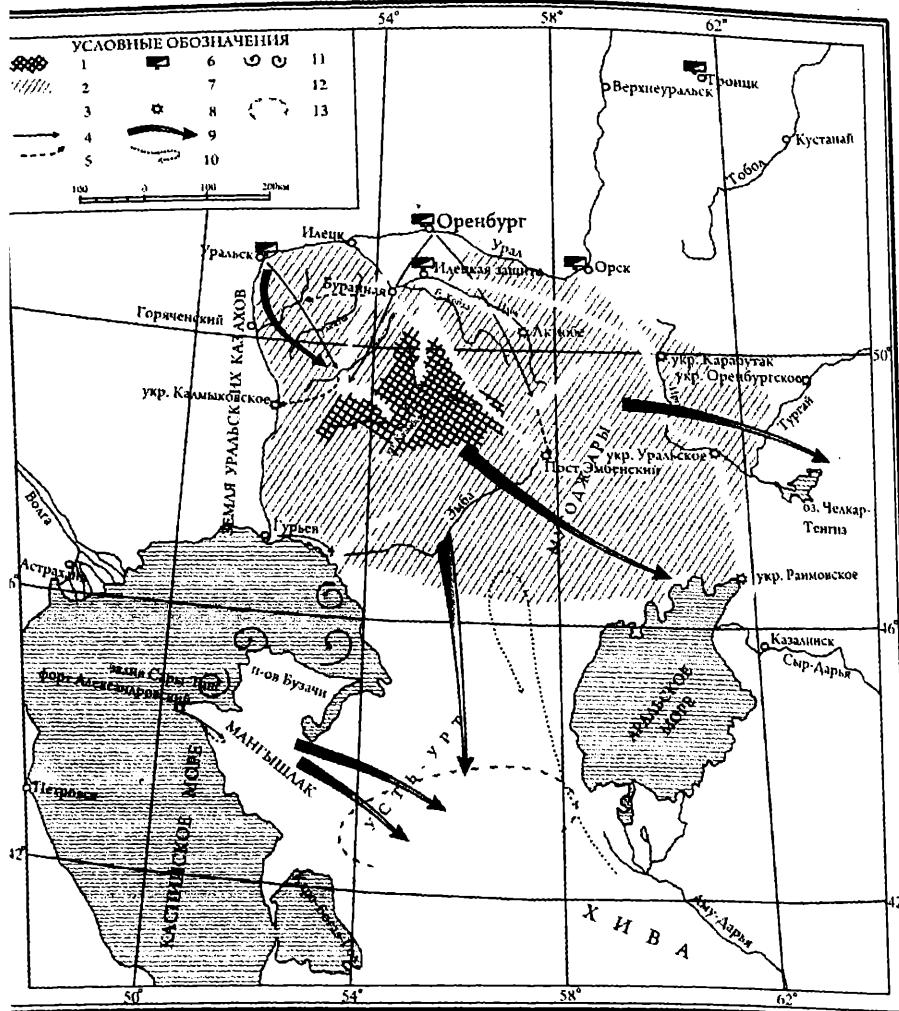
Вскоре отряды повстанцев Исы, Досана, Сакура объединились и решили взять форт Александровский штурмом. 3 апреля 1870 года форт был окружен повстанцами, а 7 апреля начался штурм. Нападение велось с трех сторон и продолжалось весь вечер и всю ночь. Повстанцы сожгли соседнюю казачью

станицу и захватили нижнее укрепление, прилегавшее к центру крепости. Гарнизон форта был невелик, но он располагал большим количеством пушек. Против нападавших был открыт сильный артиллерийский и ружейный огонь. Стрельба велась из всех орудий гранатами и картечью. Тем не менее казахи решительно и смело продолжали атаку. Ночью они подошли к самым воротам центрального укрепления и пытались разбить их. На другой день в крепости состоялся военный совет. Командование крепости решило провести новые оборонительные мероприятия. Были забаррикадированы и защищены орудиями ворота. Солдатам было приказано стрелять экономнее, так как боеприпасов оставалось немного. Были посланы телеграммы в Оренбург с просьбой о помощи.

9 апреля к осажденным на выручку прибыли с Кавказа два парохода с войсками. Вскоре подошли войска, отправленные из Оренбурга. «Теперь наступать больше нельзя», – сказал Иса повстанцам. Адаевцы сняли осаду форта и отошли в степь. Отряды царских войск начали их преследовать, но понесли тяжелый урон и были вынуждены вернуться в форт. Вскоре с Кавказа были присланы в крепость дополнительные воинские части. Снова большие карательные отряды вышли в степь для истребления повстанцев. Казахи зорко следили за движением войск и быстро уходили в глубину степи, не принимая боя.

Царская администрация сумела привлечь некоторых богатых баев на свою сторону. Часть из них, боясь народного гнева, укрылась в форт Александровский под охрану русских войск. Однако трудовые массы казахов-адаевцев продолжали вести борьбу. Царские власти снова и снова посыпали в степь карательные отряды, они громили аулы и угоняли скот восставших адаевцев. Все же полностью сломить сопротивление адаевцев не удалось. Значительная часть кибиток откочевала в район Эмбы или на отдаленные окраины Мангишлакского полуострова. Повстанческие отряды Исы и Досана ушли в

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ (1869 - 1873 ГОДЫ)

1. Центр восстания в 1869 г. 2. Район активных действий повстанцев в 1869 г. 3. Нападения а карательные отряды и места крупных столкновений, удачных для повстанцев. 4. Направление движения карательных отрядов в первой половине 1869 г. 5. Путь отступления этих отрядов. 6. Сосредоточение царских войск к 30.XI.1869 г. 7. Направление наступления царских войск. 8. Русские укрепленные пункты. 9. Пути отхода повстанцев. 10. Движение хивинского отряда. 11. Нападения повстанцев с моря на прибрежные рыбные промыслы. 12. Район активных действий повстанцев на Мангышлаке. 13. Район откочевки родов с Мангышлака и Бузачи.

пределы Хивы. На одном из привалов по пути в Хиву Иса собрал своих жигитов и спел им песню, в которой он прощался с родиной:

Для зимовок на Мангышлаке не осталось места.
Солдаты со всех сторон теснили меня.
Ни одного дня не был в покое я...
Будь отряды мои вооружены,
Разве за народ не дал бы я бой?
Я поступил бы так же, как Исатай.
Стервятникам, продавшимся за халаты, чины,
Порубил бы головы, уничтожил бы их.
Чем терпеть муку в разоренной и покоренной стране,
Лучше уйти, не видеть больше отчизны родной.
Прощай, земля, где родился я,
Где с народом, резвясь, я рос.

Царские генералы считали, что край покорен, сопротивление адаевцев сломлено. Это было не так. Повстанцы и в Хиве не сложили оружия. Своим военным руководителем они избрали Досана, поручив ему продолжать борьбу с царизмом. Досан и Сакур Чабаев со своими жигитами не раз нападали на Нижне-Эмбенское укрепление. В 1871 году они разгромили аулы баев. Во время одного из таких набегов погиб в бою Сакур Чабаев.

В 1872 году восставшим пришлось оставить пределы Хивинского ханства, так как хивинский хан, боясь России, отказался поддерживать адаевцев.

Повстанцы во главе с Досаном ушли на Усть-Урт. Досан и теперь не прекратил борьбы. Нападения на пограничные укрепления продолжались. Видя такую непримиримость адаевцев, царское правительство решило допустить для них некоторые изъятия из «Положения» 1868 года. Так, например,

было решено назначить особых биев для управления волостями и взимать кибиточную подать натурой – скотом. Участникам восстания, за исключением руководителей, было даровано прощение.

§ 40. Завоевание Хивы Российской и окончательное подчинение адаевцев.

Завоевание Хивы. Восточное побережье Каспийского моря и земли Хивинского ханства издавна привлекали внимание царской России. Поход Бековича-Черкасского на Хиву при Петре I, как известно, закончился неудачей. Также не удалось и поход Перовского в Хиву через казахскую степь. Торговый путь через Каспийское море в Хиву и другие среднеазиатские государства был кратчайшим путем. Царское правительство старалось на первых порах закрепиться на восточном побережье Каспийского моря. С этой целью в 1803 году правительство Александра I приняло в подданство туркмен по ходатайству туркменского хана Пир-Али. В целях упрочения своего влияния в непосредственной близости от Хивы царское правительство захватило Мангышлакский полуостров. После завоевания Коканда и Бухары царское правительство не хотело мириться с существованием самостоятельного Хивинского ханства. Существование Хивы не давало возможности осуществить заветную цель царизма – проложить кратчайший торговый водный путь из России в Среднюю Азию. В «Записке по среднеазиатским делам» от 1869 года говорится: «Торговые интересы наши занимают в настоящих пределах первое место. Приобретение нового пути вглубь Средней Азии, который удобнее и несравненно короче нынешней караванной дороги через киргизскую степь на Сыр-Дарью, будет благоденствием для нашей торговли». Во время восстания казахов 1869–1870 годов царское правительство обвиняло Хиву в подстрекательстве и помощи казахам-повстанцам, в попытке

создать коалицию из среднеазиатских владетелей. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман настаивал перед царским правительством «в видах скорейшего успокоения степи» на организации похода в Хиву.

В конце 1872 года царское правительство стало собирать войска для похода на Хивинское ханство. Армию предполагалось направить через пустыню несколькими колоннами – из Оренбурга, из Сыр-Дарьинской области и с восточных берегов Каспийского моря, в частности с Мангышлакского полуострова. Для такого похода нужно было заготовить верблюдов. Наместник на Кавказе приказал старшинам собрать у адаевцев и туркмен 3 тысячи верблюдов. Эта тяжелая повинность послужила толчком к новому восстанию адаевцев в январе 1873 года.

Во главе восстания стал брат бия Калбина Кафар Карадашеитов. Он призывал народ не давать верблюдов, препятствовать походу на Хиву. Повстанцы напали на лагерь казачьей сотни около урочища Кастек, отбили у нее лошадей и верблюдов и два дня держали казаков в блокаде, не позволяя им двинуться с места. Другой отряд повстанцев, численностью до 400 человек, напал на сотню терских казаков у горы Кара-Тюбе. Адаевцы наступали с большим красным знаменем, приделанным к пике. С криками «Алламан! Алламан!» они стремительно бросились в атаку на терцев. Произошла рукопашная схватка. Казачьи сабли плохо пробивали ватные халаты повстанцев. Тогда терцы выхватили кинжалы и, заставив повстанцев несколько отступить, открыли по ним оружейный огонь. Адаевцы остались на поле боя несколько убитых и 100 раненых. После этих событий царские власти отказались от реквизиции верблюдов, «пока не успокоится волнение».

Русское правительство объяснило восстание «происками Хивы». Действительно, хан был заинтересован в том, чтобы казахи вели борьбу с Россией. Хан понимал, что укрепление

царской России на Мангышлаке означает ее приближение к границам Хивы и угрожает захватом хивинских владений. Однако восстание казахов имело более глубокие корни. Казахи поднимались на борьбу самостоятельно, независимо от подстрекательства со стороны хивинского хана. Они боролись за свою собственную свободу и независимость, против национального угнетения.

После нескольких схваток с повстанцами царские генералы подавили и это восстание адаевцев. Препятствия к походу были устранены. Весною 1873 года русские войска под предводительством генерала Кауфмана двинулись на Хивинское ханство. Один отряд шел со стороны Ташкента, другой – из Казалинска и Перовска, третий – со стороны Оренбурга, четвертый – от Каспийского моря. Хивинские войска пытались преградить дорогу наступающему врагу. Особенно энергично действовали отряды казахов и туркмен под начальством султана Садыка Кенесарина. Они стремились отрезать царские войска от степных колодцев, лишить наступающих воды в условиях накаленной пустынной степи. Около колодцев разгорались жаркие стычки. Если Садыку приходилось отступить, то колодцы оказывались испорченными, и на их очистку требовалось много времени. Временами Садык неожиданно атаковывал царские войска, нападал на продовольственные обозы, тревожил русские колонны фланговым огнем. Однако и здесь брали верх преимущества русской армии. Генерал Кауфман вступил в столицу Хивинского ханства и заставил хана подписать условия мирного договора. Россия получила право бережье Аму-Дарьи, включая земли, населенные казахскими родами, и большую денежную контрибуцию. Хивинский хан признал себя русским вассалом.

Покорение адаевцев. С покорением Хивы Россией адаевцы потеряли свою последнюю опору. Один за другим стали возвращаться на родину бывшие руководители подавленного восстания.

В мае 1873 года на Мангышлак вернулся Иса Тюлембаев. Народ радовался возвращению Исы. Один семнадцатилетний юноша-пастух приветствовал Ису песней:

Исеке, увидев тебя, приветствуем мы.
Сокол мой, когда ты улетел от нас,
Нам здесь несладко жилось.
Наш предводитель! Находчивый, как жилене,
Ты полковника убил, отчизну покинул.
Лев мой! Не боясь никого, возвратился ты.
Зовут тебя Иса, это имя пророка, и знаменито оно!
Иса и Досан, оба вы были опорой нам.
Возвратился ушедший, – ожидали мы,
Что потухший очаг разгорится вновь.

Но продолжать борьбу обескровленные адаевцы уже не могли. Иса вынужден был отаться в руки царских чиновников. В 1874 году он был амнистирован. Правительство, желая добиться умиротворения адаевцев, согласилось даже на его избрание волостным управителем. Более 20 лет пробыл Иса в этой должности. Адаевцы любили его за то, что он всегда отстаивал интересы народа, не угодничал перед начальством и не получал от царя ни халатов, ни медалей, ни чинов. Сам Иса говорил о себе:

На себя не вешаю погремушек
И, как ребенок, не радуюсь им.
Не угоден – пусть они отберут у меня свою медную печать.
Не стану молить, чтобы возвратили медь.
Как борзая, не повешу на шею медный ошейник,
Не покорюсь безрассудству их.
Уездный начальник не любит меня, зато любит народ –
Потому не стану лебезить перед начальством я.

Иной была судьба Досана. В 1874 году он вернулся на Мангышлак с большим отрядом своих ближайших товарищей. Он рассчитывал снова поднять адаевцев на восстание.

Мангышлакское начальство, узнав о возвращении Досана, направило в аулы отряд казаков под командой есаула Аничкина, которому было дано задание поймать Досана и его товарищей. Досан остановился в кибитке одного из участников восстания 1870 года. Аничков окружил кибитку и арестовал Досана и его товарищей. По показанию Аничкова, «Досан был захвачен после упорного сопротивления, и тогда только, когда кибитка, в которой он находился, была опрокинута, причем ему было нанесено несколько легких ран».

Досан и его товарищи были связаны и отправлены в Гурьев в тюрьму, где они и пробыли до суда почта два года. Во время следствия на допросах Досан держался мужественно и стойко. Он старался всю вину за восстание взять на себя. В приговоре военно-полевого суда по делу Досана говорится: «На допросах при следствии подсудимый Досан Таджиев признался, что при возмущении в 1870 г. на Мангышлаке киргиз он действительно был в числе первых подстрекателей, руководителей и предводителей восстания. Он и сам разъезжал, и других посыпал собирать киргиз и убеждал их не повиноваться полковнику Рукину... Он участвовал в нападении и на форт Александровский, и в сожжении станицы Николаевской, и в разграблении Армянской слободки, и в уничтожении маяков, и в стычке с сотнею Дагестанского конно-иррегулярного полка, и, вообще, старался всеми мерами нанести русским вред, как только представлялась к тому возможность, а затем, видя безуспешность своих усилий и опасаясь наказания, откочевал в пределы Хивы».

В тюрьме Досан и его товарищи подвергались пыткам и истязаниям. В результате систематических избиений Досан и его друг Ак-бала, сын Досана Джабал и Утеген Итсыченов еще

до суда «умерли от водянки волею божьей», как издевательски сказано в сообщении конторы тюремного лазарета. Товарищей Досана, а также его второго сына и брата судили по приказанию кавказского наместника великого князя Константина в форте Александровском – «для острастки и в назидание другим». На суде подсудимые держались с достоинством. Они не оправдывались. Карасай Мамбаев вообще отказался давать какие бы то ни было показания. Военно-полевой суд приговорил Мамбаева и Уракова к смертной казни. Айга Джаламбаев был приговорен к 10 годам каторжных работ. Остальные также были приговорены к ссылке и каторжным работам на разные сроки. На адаевцев была наложена контрибуция в размере 15 тысяч рублей – в счет возмещения убытков, причиненных повстанцами купцам-рыбопромышленникам.

В 1877 году вернулся в родной Казахстан сын Кенесары Касымова султан Садык. После завоевания Хивы царскими войсками Садык перекочевал в Туркмению. Оттуда он проbralся в Герат, а затем в Кашгар, где был приветливо принят правителем Якуб-беком. В течение нескольких лет Садык жил в Кашгаре. После смерти Якуб-бека он отважно сражался против наступающих китайцев и был тяжело ранен в руку.

Сознавая безнадежность дальнейшей борьбы, Садык решил возвратиться на родину. Царское правительство дало ему амнистию, и он поселился в Чимкенте. Вместе с поэтом Джамбулом Садык не раз обезжал казахские аулы, где рассказывал о своих многочисленных походах. Его встречали как народного героя и окружали любовью и почетом. Будущий вождь национально-освободительного восстания Амангельды Иманов заслушивался увлекательными рассказами Садыка и мечтал стать таким же доблестным и бескорыстным борцом за счастье казахского народа, каким был Кенесары Касымов.

Массовое возмущение казахов 1869–1873 годов является яркой страницей в боевой истории казахского народа. Это вос-

стание по-своему характеру было народным, национально-освободительным восстанием. Главной движущей силой восстания было кочевое эксплоатируемое казахское население, выступавшее против военно-колонизаторской политики царизма, против национального гнета.

«Всякий национальный гнет, — писал Ленин, — вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально-угнетенного населения есть национальное восстание».¹

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 222.

КАЗАХСТАН – КОЛОНИЯ

ГЛАВА XVIII

ПРЕВРАЩЕНИЕ КАЗАХСТАНА В КОЛОНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 41. Колонизация Казахстана.

Итоги военной колонизации Казахстана. Борьба за независимость и за политическое объединение, которую вел казахский народ в течение XVIII–XIX веков, окончилась поражением. Одно за другим были подавлены восстания Срыма Датова, Исатая Тайманова, Кенесары Касымова, Жанхожи, Есета Котибарова и, наконец, последнее освободительное движение казахского народа в 1869 – 1873 годах.

Казахский народ оказался не в силах победить могущественную, хорошо вооруженную царскую империю. Главная причина его поражения в этой длительной и трудной освободительной борьбе коренилась в экономической и политической отсталости Казахстана по сравнению с Россией, в раздробленности казахского народа – он оставался разделенным между различными, взаимно борющимися государствами, распадался на экономически отсталые, мало связанные друг с другом жузы с господствующими в них феодально-патриархальными отношениями и устойчивыми родовыми пережитками. Трудящиеся казахи-скотоводы и земледельцы были рассеяны и разобщены на огромной территории, почти не имеющей водных или караванных путей (не говоря уже о железных дорогах), которые связывали бы из конца в конец эти обширные пространства.

Пользуясь своим превосходством в хозяйственном, политическом и военном отношениях, царская Россия в 60-х–70-х годах завоевала всю территорию Казахстана. Этот период военной колонизации продолжался свыше 100 лет. Казахская степь была окружена кольцом городов-крепостей, ставших опорны-

ми пунктами царизма в его продвижении вглубь Казахстана. Вооруженную силу «военных линий» – крепостей, кордонов, пикетов и т.д. – составляли казачьи войска. Уральское (ранее Яицкое) казачье войско, заселившее сначала нижнее течение реки Урал, затем среднее течение реки между Яицким и Илецким городками, уже в конце XVIII века стало расселяться и внутри казахской степи – по рекам Чагану, Таловой, Иргеку, Ташле. В 1857 году по низовой и внутренней линиям Уральского войска насчитывалось не менее 21 тысячи, по верхней линии – более 45 тысяч и в городе Уральске – около 11 тысяч казаков.

Во второй половине XIX века Уральское войско уже захватило у казахов всю левую сторону Урала с прекрасными заливными лугами. Сибирское линейное казачье войско, привилегии и обязанности которого были определены сначала «Положением» 1808 года и затем 1846 года, должно было обеспечить завоевание казахской степи с севера и северо-востока по реке Иртыш. Огромная полоса земли по левому берегу Иртыша, называемая «десятиверстным расстоянием» и состоящая из богатых заливных лугов, отошла к казачьим поселениям. Сибирское войско захватило у казахов не менее 5 миллионов десятин лучшей земли. Территория Сибирского казачьего войска разделялась на три военных отдела, включавших самые лучшие пахотные и пастбищные земли Акмолинской и Семипалатинской областей. С середины 30-х годов царское правительство стало заботиться о том, чтобы соединить левый фланг Оренбургской передовой линии с правым флангом Сибирской. Но между ними лежало не менее 900 километров самых пустынных степей. Только после войны с Кокандом и занятия Ташкента в 1865 году царским войскам удалось занять новую важную линию по северную сторону гор Ала-Тау и Кара-Тау. В 1867 году, после образования Туркестанского генерал-губернаторства, сибирские казачьи части,

здесь поселенные, были переименованы в Семиреченское казачье войско.

Захватом Семиречья завершалась военная колонизация Казахстана. Эта казачья колонизация казахской степи, начатая в середине XVIII века и непрерывно продолжавшаяся до последней четверти XIX века, постепенно отняла у казахов более 10 миллионов десятин самых лучших земель. Теперь перед царским правительством всталая задача быстрейшего освоения и более полной эксплоатации своей новой обширной колонии на восточной окраине Российской империи.

Узость внутреннего рынка заставляла искать возможности сбыта продуктов фабричного производства на окраинах государства – на Кавказе, в Сибири, в Казахстане и Средней Азии. Эти окраины, завоеванные царизмом, превращались в колонии Российской империи. Здесь можно было дешево приобретать сырье для промышленного производства и по повышенным ценам сбывать изделия российских фабрик и заводов. На этих окраинах было еще много свободных незанятых земель, куда можно было переводить избыточное население из внутренних губерний России. Необходимость для российского самодержавия колонизации вызывалась и внутренним состоянием империи. Лишившись в результате крестьянской реформы 1861 года около $\frac{1}{5}$ своих наделов, крестьяне вели с помещиками революционную борьбу за землю. Эта борьба грозила расшатать самые основы российского самодержавия. Ослабить эту борьбу царское правительство рассчитывало путем переселения крестьян на окраины. Кроме того, такое переселение позволило бы болееочно освоить колонии, теснее связать их с метрополией, с центральными областями империи. Одну из таких колоний Российской империи представлял Казахстан.

Определяя признаки понятия «колонии», Ленин подчеркнул два из них: 1) наличие незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам, и 2) наличие сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому

колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия. Ленин указывал, что южные и восточные окраины, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличались именно этими признаками и представляли собой в экономическом смысле колонии царской России.¹

«Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, – писал Ленин, – служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь».²

Заселение Казахстана русскими крестьянами. Заселение Казахстана русскими крестьянами стало проводиться с конца 60-х годов. В 1869 году в Копальском уезде было образовано два крестьянских селения – Гавриловское и Луговое, в 1870 году – селения Маловодное и Зайцевское, в 1871 году – Михайловское, Николаевское, Карасуйское и другие. В 1873 году генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман разработал план колонизации Казахстана. Переселенческие села должны были устраиваться вдоль главных трактов: от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через город Верный до Семипалатинска.

Таким образом, русские поселения были призваны разрезать казахскую степь вдоль и поперек – от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через Семиречье до Алтайского края.

Однако широкого развития переселенческое дело тогда не получило. Дело в том, что значительная часть помещиков России, особенно центральных областей, стала решительно протестовать против массового переселения крестьян на окраины России.

Около половины всех помещичьих хозяйств России широко применяли так называемую отработочную систему, сущность которой заключалась в обработке крестьянами помещичьей

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 463.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 419.

земли собственным, крестьянским, инвентарем. На отработках использовался по преимуществу сердняк. Массовое переселение крестьян грозило подорвать отработочную систему. Но и часть тех помещиков, которые вели свое хозяйство на капиталистической основе, т.е. на основе вольнонаемного труда, также опасалась, что массовое переселение крестьян уменьшит предложение рабочей силы и тем самым поведет к ее вздорожанию. Царское правительство, несмотря на подъем революционного движения в деревне, должно было считаться с экономическими интересами этой группы помещиков и ограничивать переселение крестьян. Только подъем крестьянского движения в России во время холеры и голода 1881 года заставил царское правительство отказаться от политики «запрета» переселения крестьян на окраины. Оно решило «приоткрыть клапан» и выпустить «революционные пары».

В конце 1881 года царское правительство ввело «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей» (т.е. крестьян из России).

Крестьяне-переселенцы получали по 45 десятин земли на душу и различные льготы. Однако уже в 1883 году переселение крестьян из России снова было «временно» приостановлено.

Переселение в Семиречье дунган и уйгар. В 80-х годах XIX столетия в Семиречье переселились дунгане и уйгуры. Дунганская народность образовалась в VII–IX веках, когда в северо-западную часть Китая переселилось много арабов и иранцев. Осевшие переселенцы сроднились с китайцами северо-западного Китая, передали им свою религию – ислам и арабскую письменность. Так, в течение нескольких веков северо-западные китайцы, обособившись от своих соплеменников, жителей Центрального и Восточного Китая, образовали особую народность – дунган. Сами дунгане, как и китайцы, называли себя «двунго-жен», т.е. люди Срединного Китая. Название «дунгане», или «тунгане», дали им их соседи-уйгуры.

Главным источником существования дунган было земледелие. Они издавна были прекрасными садоводами и огородниками. Многие из них занимались торговлей. Начиная с XVII века, дунгане стали пользоваться китайской письменностью и выдвинули из своей среды собственных писателей и поэтов. Дунгане создали самобытную устную поэзию. Народное искусство дунган проявилось в ряде художественных украшений жилищ, одежды, предметов домашнего обихода.

Дунгане, как и все китайские крестьяне, сильно страдали от недостатка земли, от эксплуатации феодалов, от множества налогов и повинностей, а во второй половине XIX века также от гнета иностранного капитала.

В 1862 году в китайской провинции Шэнъси вспыхнуло восстание дунган. Восстание быстро распространилось на соседние области и превратилось в общенародное освободительное движение. Восстание было направлено против дунганских и китайско-маньчжурских помещиков, против ростовщиков и китайского правительства. Оно проходило под религиозным лозунгом борьбы за ислам, против «неверных» китайцев (т.е. буддистов).

К восстанию дунган присоединились уйгуры – жители китайской провинции Синь-Цзян.

Уйгуры – древний народ. В VII–VIII веках они имели свое большое сильное государство. Уже тогда уйгуры были оседлыми земледельцами, создали свою культуру, свою письменность. В XIII веке они были покорены монголо-татарами Чингиз-хана. В числе советников, чиновников и переводчиков у Чингиз-хана наряду с китайцами были уйгуры. Основная масса уйгур занимала территорию Восточного Туркестана. Уйгур Кульджинского края называли «таранчи», что означает «земледельцы». Они были искусными огородниками и садоводами. Скотоводство в хозяйстве уйгур – так же, как у дунган – имело подсобный характер. Уйгуры сеяли зерновые хлеба, люцерну, тщательно об-

рабатывали землю, удобряли ее, организовывали правильную смену растений, полив полей и огородов.

Кроме уйгур, к восстанию присоединились трудящиеся казахи и киргизы, которые ранее откочевали из Семиречья в Китай. Во главе восстания встал дунганский народный герой Быйянху. Повстанцы отважно сражались с правительственными войсками Китайской империи и нанесли им ряд поражений. В 1864 году образовалось три самостоятельных ханства – Дунганское в Урумчинском округе, Уйгурское в Кульджинском крае и государство Якуб-бека в Кашгарии. Вскоре Якуб-бек начал войну против дунган и уничтожил дунганское ханство.

Китайское правительство направило против дунган крупные военные силы. Ополчение Быйянху разбралось на две части и в 1877–1878 годах перешло через русскую границу. Часть дунган поселилась в Пржевальском уезде, часть в Ферганской долине, а часть в урочище Каракунуз (в нынешней Джамбулской области). Еще раньше, в 1871 году, русские войска захватили Кульджинский край. По договору с Китаем была установлена граница между Семиречьем и Китаем. Уйгурское самостоятельное ханство было уничтожено. Уйгуры стали подчиняться туркестанскому генерал-губернатору.

По новому договору с Китаем в 1881 году Россия возвратила Кульджинский край Китаю. При этом населению Кульджинского края было предоставлено право избрать себе подданство. Значительная часть дунган, уйгур и казахов, живших в Кульджинском крае, выбрала русское подданство и переселилась в Семиречье. Поселенцам было отведено 20 тысяч десятин земли по правому берегу реки Чу, частью по реке Ирдиг, в бассейне озера Иссык-Куль. Здесь образовалось 60 селений дунган и уйгур.

Царское правительство выдало переселившимся в Семиречье уйгурям и дунганам ссуду по 6 рублей 17 копеек на двор

и освободило их от уплаты налогов на 10 лет. Казахи и киргизы за отнятую у них землю ничего не получили. Богатым дунганам и уйгурам были нарезаны большие наделы, чем беднякам. Личной собственностью уйгур и дунган считалась только усадебная земля, а пахотные участки были общинными. За общинную землю переселенцы платили государственные по-дати. Земля не всегда была плодородная и часто давала плохие урожаи. Вследствие недостаточного надела уйгуры и дунгане вынуждены были арендовать земли у киргизских, казахских и собственных богатеев-баев. Крупнейший уйгурский бай Юлдашев захватил в свои руки оросительную систему. Поливы полей, садов и огородов зависели от Юлдашева, а кто в Средней Азии владел водою, тот владел землею.

Среди уйгур и дунган были развиты ремесла и торговля. Уйгуры и дунгане находились под сильным влиянием мусульманского духовенства. В каждом селении была мечеть, а при мечети школа. Особенно славились красивая большая мечеть и школа при ней, выстроенные баем Юлдашевым в Джаркенте. Постройка обошлась в 200 тысяч рублей. Культурное влияние уйгур на окружающее кочевое население было очень велико.

Массовый захват казахских земель в XIX веке. Новый массовый захват земель у казахского населения произошел в конце 80-х годов XIX века в связи с аграрным кризисом в России. В 1889 году царское правительство издало новый закон о порядке и условиях переселения крестьян из России в Казахстан.

В 1891–1892 годах Россию постигли сильнейший неурожай и голод. Наплыv переселенцев из России в Казахстан усилился. В Семиречье образовалось два новых крупных поселения – Георгиевское и Ивановское. Волна переселенцев из России шла также через Тургайскую область. Увеличилось число переселенцев в Акмолинской и Уральской областях. Царское правительство под давлением помещиков прекратило отвод земель переселенцам, но они продолжали двигаться в Казахстан и самовольно селились на казахских землях.

Русские крестьяне, самовольно поселившиеся в Казахстане, входили в соглашения с казахскими общинами и арендовали у них землю по очень низкой цене. Так, например, в Кустанайском уезде переселенцы арендовали у казахов землю по 7 копеек за десятину. В Семиреченской области крестьяне покупали у казахов землю в собственность по цене от 1 рубля до 7 рублей за десятину. Царское правительство поощряло такие сделки.

В 1895 году царское правительство послало в казахскую степь экспедицию Щербины, которая произвела перепись казахского населения, скота и пастбищ. Эта экспедиция разработала и нормы землепользования, что привело к дальнейшему изъятию земель у казахов. Экспедиция Щербины обследовала 8 уездов и нашла, что у казахов имеется «излишняя» площадь земель. У казахов этих уездов была отнята почти половина всей земли. В Семиреченской области русское население составляло только 10 процентов всего населения, но оно имело в своих руках почти всю пахотную землю и производило основную массу хлеба.

К концу XIX века захват земель, грабеж и эксплуатация казахского населения достигли огромных размеров. Наплыv переселенцев из России в казахскую степь продолжался. Уже в 90-х годах в северных областях Казахстана обнаружился недостаток в землях под переселенческие участки.

Правительство, изымая земли у казахов, создавало из них «переселенческий фонд». Так, у казахов Уральской и Тургайской областей было изъято и передано в переселенческий фонд более 20 миллионов десятин лучшей земли, в Семиреченской области – 33 миллиона, в Сыр-Дарынской – 0,5 миллиона десятин. Переселенческий фонд создавался, таким образом, ценой разорения и обнищания казахского населения. Характеризуя переселенческую нишу царизма, Ленин позже писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из Рос-

сии производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин».¹

В наиболее экономически выгодные и важные районы Казахстана, например, в Семиречье, царские власти предпочитали переселять казаков, а не русских крестьян. Военный губернатор Семиречья, объясня, почему он предпочитает казаков, писал, что при образовании новых земельных участков следует отдать предпочтение устройству казачьих поселений, а не крестьянских, так как, во-первых, казачье войско усиливает защиту границ, а во-вторых, оно прошло военную школу, дисциплинировано и в случае брожения в обширных киргизских степях будет незаменимым при подавлении восстания кочевников». Крестьяне же сами являются опасным элементом, ибо – как подчеркивал семиреченский губернатор – «в большинстве случаев в область переселяются люди, далеко не отличающиеся высокой нравственностью, и характера буйного, что служит дурным примером для туземного населения».

Однако царское правительство вынуждено было переселять на далекие окраины именно разорившихся крестьян, которые в центре представляли еще большую опасность, чем в новых восточных колониях.

Лишенные земли на родине в центре России, крестьянне-переселенцы не всегда могли хорошо устроиться и на местах переселения, где лучшие земли уже были захвачены привилегированными казачьими станицами. Обезземеленные и озлобленные русские крестьяне нередко становились союзниками, а иногда и организаторами совместной с казахами борьбы против царских колонизаторских властей в Казахстане.

§ 42. Создание государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане в конце XIX века.

«Положение» 1891 года. Захватывая и колонизируя восточные окраины, царское правительство было озабочено, прежде

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 528.

всего, тем, чтобы закрепить здесь свое господство при помощи военно-оккупационного, полицейско-чиновничьего аппарата государственной власти. Создание и укрепление государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане, как и в других царских колониях, было в интересах не только помещичьего самодержавия, но и растущей русской буржуазии. В последней четверти XIX века, как отмечал Ленин, русская буржуазия особенно охотно шла на восточные окраины России, «где еще возможно было «первоначальное накопление», дававшее сотни процентов прибыли».

В 1891 году был издан закон, по которому «Временное положение» 1868 года подтверждалось и закреплялось как постоянное. Это «Положение» усиливало права и власть волостных управителей и аульных старшин над населением. Им предоставлялось право распоряжаться землей, составлять податные списки, раскладывать кибиточную подать и различные повинности. Кибиточная подать была повышена до 4 рублей. Были увеличены земские сборы, сборы на содержание мирабов и арык-аксакалов,¹ волостных управителей и аульных старшин и их канцелярий. Подати и сборы в общей сложности составляли в среднем 8 – 10 рублей на кибитку. Раскладка повинностей должна была производиться «по благосостоянию каждого кибитковладельца». На деле основная тяжесть налогов и повинностей падала на аульную бедноту. Волостные и аульные власти брали в свою пользу с каждой кибитки неофициальный налог – «каранчарак» – на покрытие расходов, понесенных якобы при исполнении общественных обязанностей.

Земля была оставлена в пользовании каждого аульного общества и распределялась «согласно обычаям». Поземельные споры, по «Положению» 1891 года, разбирались и решались в пределах волости волостным съездом, в пределах аула – аульным съездом. На деле эти споры решались волостным упра-

¹ Мирабы и арык-аксакалы – должностные лица, занимавшиеся распределением воды по арыкам и по участкам полей.

вителем или аульным старшиной. Они распределяли между казахскими общинами места летних и зимних кочевок, могли вытеснять с лучших выпасов одни общины и предоставлять их другим. Чаще всего в должности волостного управителя находился крупный бай-скотовладелец. Волостные управители получали от царского правительства жалование в размере 500 рублей в год и на содержание канцелярии 300 – 400 рублей в год, хотя никакого письменного делопроизводства в волостных управлениях не велось. Аульные старшины получали жалование до 200 рублей в год. Каждый старшина носил особый медный знак на груди и имел печать.

Выборы волостных управителей и аульных старшин вызывали борьбу байских групп, которую использовали и разжигали представители царской власти. Подкупы, взятки, угощения вызывали большие расходы байских групп, выдвигавших своих кандидатов. Община, потерпевшая поражение на выборах, отеснялась на худшие участки земли. Новый управитель предоствлял лучшие пастваща своей общине, вернее, тем крупным баям своей общины, которые его поддержали во время выборов. Во всей системе местного управления сохранялись и умело использовались царизмом пережитки патриархально-родовых отношений. Но они не изменяли основного патриархально-феодального характера местной власти.

Волостные управители и аульные старшины, хотя и считались выборными, на деле были послушными чиновниками царского правительства. Они подчинялись назначенным уездным начальникам, а уездный начальник управлял всем уездом. У него был целый штат чиновников: податные инспектора, собиравшие налоги, переводчики и полиция, состоявшая из пристава, урядников и полицейских, крестьянские начальники и сельские старосты, в казачьих поселках – выборные станичные атаманы и подчиненные им стражники. Уездные начальники подчинялись областному губернатору,енному ца-

рем. Губернатор имел очень широкую власть – он мог ввести в области военное положение, ему подчинялись все войска и полиция.

Содержание многочисленных губернских и уездных чиновников обходилось очень дорого. Так, например, только в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях за 5 лет, с 1868 года по 1872 год, оно поглотило более 6 миллионов рублей. Доходы, собранные с населения за то же время, составили 10,5 миллионов рублей. Чиновники очень часто притесняли и грабили трудовое население. Народ с трудом выносил бремя налогов и поборов. Уйгуры и дунгане, обложенные податью с 1892 года, оказались, по словам генерал-губернатора, «неисправными плательщиками». Недоимки стали обычным явлением в аулах и селах Казахстана.

Преобразование суда биев. Большую роль в организации колониального господства в Казахстане играло проникновение сюда царского суда и права, вытеснивших суд биев и казахское обычное право. Реформы в области суда и права, неизменно сопутствовавшие всем административным реформам, были важным орудием колониальной политики царизма. Считаясь с трудностями прямого подчинения Казахстана, царское правительство до полного завоевания Казахстана еще предписывало своим чиновникам по вопросам суда «смотреть на обычай каждого народа» и «пресекать напрасное озлобление», которое неизбежно возникало от волокиты русских судов и применения неизвестных и чуждых степи законов. Но как только царские колонизаторы почувствовали себя более прочно, в казахской степи было введено уголовное Уложение 1845 года. Таким образом, чуждые и плохо известные законы стали основными нормами действующего для казахов права и заменили собою обычное казахское право. Большинство важных преступлений – таких, как измена, возмущение против органов царского правительства, противодействие влас-

тят, убийство, разбой, насилие, барымта, подделка монеты, поджог, все преступления против русских, даже кража свыше 30 рублей, были подсудны только русскому уголовному суду, главным образом суду военному.

Однако обычное казахское право и суд биев не были вовсе устраниены. Они были даже использованы в интересах колониальной политики царизма, особенно в области патриархально-родового быта. В течение всего периода своего господства в Казахстане царское правительство стремилось сохранить и за-консервировать патриархально-родовой быт, видя в нем важное условие возможности самой хищнической эксплоатации трудящихся Казахстана. Поэтому суд биев и обычное казахское право, приспособленные к потребностям колониальной политики, сохранялись царизмом вплоть до свержения царской власти в России.

Превращение суда биев в послушное орудие царской администрации было осуществлено еще законом 19 мая 1854 года. Он устанавливал, что звание бия могли получать только султаны, аульные старшины, служившие не менее 6 лет, и лица, имеющие царские награды.

Древний казахский суд биев обрекался новым законом на уничтожение. Выборы биев превратились в открытый торг, на котором путем подкупа избирателей покупалась выгодная судебная должность. Таким образом, обычное казахское право было использовано в интересах царизма. В старой патриархальной форме суда биев на самом деле было создано одно из орудий колониальной эксплоатации и угнетения масс царизмом. Древние традиции родовой коллективности и взаимопомощи, пережитки родового быта, патриархальные отношения также были приспособлены для прикрытия все возраставшей эксплоатации трудовых казахских масс богатеями, которые охотно шли на службу царской власти.

Использование патриархально-родового быта царизмом. Характерной чертой казахского обычного права было со-

хранение в нем многочисленных пережитков былой родовой коллективности. Право частной собственности, защищаемое со временем Тауке, выступало теперь еще определенное – как право главы семьи распоряжаться имуществом.

Продолжало развиваться наследование, а также защита частной собственности на землю, в первую очередь на сено-косы, пашни, орошаемые и застроенные земли. На основании обычного права распределялись территории зимовок между отдельными семействами. Известны договоры залога, купли-продажи и другие.

Но все эти частнособственнические институты в обычном праве казахов были опутаны пережитками родовой общности имущества. Сородичи убийцы несли коллективную имущественную ответственность за уплату «куна» родственникам убитого, за уплату долга сородича, за учиненную им барымту.

Обычное казахское право требовало обязательного участия всей общины в сборе средств в пользу как бедных, так и влиятельных в общине лиц для уплаты их частных долгов (так называемый «жұртшылық»). Это было весьма удобной формой ограбления бедноты. Практика второй половины XIX века знает характерный случай, когда в порядке журтшылыка с разрешения военного губернатора собрали по рублю с кибитки 7 тысяч рублей на покрытие долгов «обедневшего» волостного управителя. К такому же ограблению бедноты приводил и обычай, по которому богачи помогали бедным платить ясак, требуя от них «взаимной помощи». Также использовался древний обычай приглашать сородичей для помощи при возведении построек и, вообще, при всякого рода хозяйственных мероприятиях, требующих применения коллективного труда. Разумеется, общину нельзя было поднять на помочь бедняку, и применение этого обычая имело место только в интересах богатых.

Грубо эксплоататорский характер, который приняло теперь патриархальное обычное право, особенно резко сказывался в

области трудовых отношений. Богач не нанимал бедняка на работу – он «оказывал ему родственную помощь», предоставляя работу. Поэтому он не обязан был платить работнику. Работник получал пищу и несколько овец для пропитания семьи, которые должны были быть возвращены хозяину. Но это не считалось заработной платой, а оценивалось как «благодеяние». Поэтому спора о размерах вознаграждения не допускалось. В 60-х годах XIX века в степи можно было встретить семью бедняка, которая пасла хозяйствский скот за крынку молока в день. Чаще всего такие семьи получали за работу «что дадут». Отношения хозяина к работнику были отношениями патриархальной власти. Хозяин называл работника «сын мой», «мой человек», «мой глаз». Он мог быть «своего человека» нагайкой до трех ударов безнаказанно – по праву, а фактически – сколько угодно.

Существование патриархально-родового быта было неразрывно связано и с угнетенным положением женщины. Казахское обычное право раскрывает гнетущую картину невыносимого рабства, в котором вплоть до Великой Октябрьской революции пребывала женщина-казашка. Взгляд на женщину как на объект семейной собственности абсолютно господствовал в обычном праве казахов. Ее продавали и покупали в браке, оставляли в наследство братьям. За нанесенный вред и ущерб платили возмещение не ей самой, а ее отцу или мужу. Самым существенным элементом брачного соглашения являлся калым, т.е. плата за невесту ее родителям или родственникам. Калым превращал женщину в предмет купли-продажи, в предмет наживы ее жадных родственников. О какой-либо свободе чувства, как правило, не могло быть и речи. Калым такочно держался в казахском дореволюционном быту, что даже после победы Октябрьской революции советскому законодательству пришлось вести с ним долгую, упорную и непримиримую борьбу.

Взгляд на женщину как на имущественную ценность получил свое отражение и в казахских пословицах этого периода, и в нормах обычного наследственного права. «У узбеков земля – наследство, у казахов жена – наследство», – говорит казахская пословица. Обычное право освящает и закрепляет особый порядок перехода жены по наследству, известный у других народов под названием «левират». Этот обычай называется у казахов аменгерством. Сущность его ясно выражена в следующей пословице: «Если умрет брат, то сноха – наследство, если подохнет лошадь, то шкура – наследство». Вдова была обязана выйти замуж за брата своего покойного мужа. Этот обычай является отдаленным пережитком тех форм брака, при которых женщина считалась женой всех мужчин рода, принадлежащих к данному возрастному поколению. В казахском обычном праве этот обычай сохранялся потому, что покойный брат купил жену, заплатив за нее калым. Жена составляла часть его имущества, следовательно, она должна составить и часть его наследства. Этот обычай аменгерства, как и другие формы угнетения женщины-казашки, ликвидировала только Великая Октябрьская социалистическая революция.

Царизм стремился сохранить в полной неприкословенности все устои патриархально-феодального строя и патриархально-родового быта, все господствующие нормы казахского обычного права, какие давали возможность держать народ в темноте и невежестве и тем самым помогали закреплять в Казахстане колониальный гнет.

Русификаторская политика царизма в Казахстане. Царизм создавал аппарат колониального угнетения в Казахстане систематически, упорно и всеми способами. Большую роль в создании такого аппарата должны были сыграть мероприятия по русификации (обрусению) местного населения. Царизм стремился насильственно обрушить коренное казахское население, уничтожить его национальные черты и особенности,

даже вытеснить казахский язык. Этого он добивался, прежде всего, путем заселения казахской степи русскими переселенцами. С этой же целью создавался весь аппарат управления, руководимый русскими чиновниками.

Туркестанский генерал-губернатор в предписании от 6 ноября 1898 года местным губернаторам писал: «Необходимо теперь же 1) принять меры к немедленному введению государственного языка в служебные сношения местных туземных общественных управлений путем замещения должности волостных писарей исключительно русскими, знающими туземный язык, 2) заменить некоторые должности немедленно, некоторые постепенно русскими людьми, знающими туземный язык, а именно: всех волостных писарей, большую часть переводчиков, часть арык-аксакалов и мирабов, часть жигитов, все полицейские должности, всех сторожей и служителей уездных и областных учреждений, всех волостных управителей, 3) ввести обязательный ценз окончания русско-туземной школы или соответствующего экзамена по особой программе для занятия должностей волостного управителя, городского старшины, сельского старшины, их помощников и кандидатов к ним, народных судей...». Для подготовки из казахов переводчиков, писарей и чинов местной администрации, находившейся на службе царизма, создавались специальные русские школы.

Первая русская школа для казахов была открыта в Омске в 1789 году под названием «Азиатская школа». В 1836 году школа была закрыта, а 20 воспитанников, в ней обучавшихся, переведены в училище Сибирского казачьего войска. Среди них были только дети казахов, имевших военные или гражданские чины.

В 1857 году для детей казахов была открыта в Омске при Областном правлении специальная школа с целью подготовки писарей. Такого типа школы, под названием «Русско-туземные», или «Русско-киргизские» школы, открывались и в

других городах Казахстана: в 1841 году – в Уральске, в 1869 году – в Тургае, в 1887 году – в Чимкенте, в 1888 году – в Туркестане, в 1894 году – в Казалинске, в 1901 году – в Перовске, позже открылись русские школы для казахов в Аулиэ-Ата, Верном, Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Кустанае и других городах. Все эти школы открывались царским правительством и содержались за счет государства. Обучались там преимущественно дети знатных или богатых казахов, через которых царское правительство стремилось проводить свою колонизаторскую политику. Однако широкого развития эти школы не имели и популярностью среди казахов не пользовались. Получить достаточные кадры казахов – проводников своей колонизаторской политики при помощи особых школ царизма не удалось. Результат иногда получался совершенно обратный – обучившись русской грамоте и познакомившись с некоторыми представителями передовой русской интеллигенции, молодые казахи лучше начинали понимать сущность колониальной политики царизма и необходимость борьбы с ним.

§ 43. Превращение Казахстана в рынок сбыта и источник сырья для русской промышленности.

Развитие торговли и ростовщичества в Казахстане. Громадные прибыли приносили в Казахстане русским колонизаторам такие источники первоначального накопления, как торговля и ростовщичество.

После завоевания Средней Азии и Казахстана царской Россией торговля стала год от года расширяться. Если в 1862 году весь торговый оборот России на среднеазиатских рынках составлял 6,6 миллиона рублей, то в 1896 году он вырос до 70,2 миллиона рублей. В 1868 году были уничтожены все пошлины, стеснявшие развитие торговли. Способствовала развитию торговли и постройка железных дорог в России, приближавшая отдаленный от Центральной России казахстанский рынок.

Во второй половине XIX века в связи с колонизацией Казахстана торговля стала производиться не только на старых меновых дворах, но и во всех новых городах. В городах торговля велась на деньги, а в степи – в аулах – преобладал меновой торг. Единицею мены служили бараны – или по первому году (тоқты), или годовалые (сек). В этих единицах выражалась стоимость крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Скупщики-скотопромышленники отправляли скупленный скот в Омск, Оренбург, Симбирск, Нижний Новгород, Москву и в другие города Российской империи. В середине 60-х годов уральские купцы получили разрешение открыть Уильскую ярмарку. В 90-х годах она стала играть большую роль в торговле русских купцов с казахской степью. Усиленно развивались и другие ярмарки: Куяндинская, Чирская, Акмолинская, Атбасарская. На казахстанские ярмарки съезжались десятки тысяч казахов. Они пригоняли для продажи свой скот, привозили продукты и изделия скотоводческого хозяйства: сало, кожи, шерсть, пух, кошму, ковры и прочее. Рост торговых оборотов местных рынков постепенно увеличивался.

Русские купцы привозили в Казахстан большими партиями изделия русской промышленности: мануфактуру, галантерею, скобяные товары, посуду, водку, чай и табак. Казахстан стал огромным рынком для сбыта русских промышленных товаров и источником дешевого сырья для русской промышленности. Русские купцы наживали на торговле с казахами огромные барыши. Основная масса скота и продуктов скотоводства обычно попадала в руки перекупщиков (алыпсатаров). Они получали эти продукты чаще всего путем обмена на фабрично-заводские изделия, а затем уже с большой выгодой и крупными партиями продавали богатым русским купцам.

Кроме ярмарочной торговли, производился обмен в аулах. Сюда приезжали купцы с подвижными лавками-кошами, здесь они производили мену своих товаров на скот и на другие продукты казахского хозяйства. Кошевники обычно привозили в

степь самый залежалый дешевый товар низкого качества, не находивший сбыта в городе. Его даже называли «киргизским товаром». Обманывая, обмеривая и обвешивая, эти торговцы получали сотни процентов прибыли. За полфунта чая в яркой обложке или за фунт сахара кошевник выменивал барана. Распродав мелочной товар, он возвращался из аула в город иногда с целым стадом баранов, с возами шерсти, сала и других продуктов. Иногда такие разъездные агенты, разбогатев, обосновывались в каком-нибудь ауле и вели там торговоростовщические операции при помощи купцов и перекупщиков из местных людей. В русских поселках и казачьих станицах открывались купеческие лавки и устраивались базары. Казахи предпочитали ездить на ярмарки, а не сбывать скот кошевнику. Поэтому количество разъездных лавок-кошней постепенно сокращалось.

На ярмарках казахи продавали свой скот на деньги, а потом на деньги покупали все, что им было нужно, в любой лавке. Денежный обмен разлагал прежнее натуральное хозяйство казахов. Богатые бай старались разводить скот для продажи. Скотоводство баев стало приобретать товарный характер. Наоборот, бедные казахи разорялись еще больше – у них было мало продуктов для продажи, поэтому им не хватало денег на покупку нужных предметов, чувствовалась постоянная нужда во всем необходимом. Из среды казахских баев выделились купцы и скотопромышленники. Они селились в городах, строили здесь собственные дома, приобщались к городской жизни. Они срастались с русскими чиновниками и так же эксплуатировали казахский народ, как русские купцы и промышленники. Эти богатые бай-купцы все больше подпадали под влияние царских колонизаторов.

Развитие мелких промыслов в Казахстане. До русского завоевания промышленность Казахстана существовала исключительно в виде мелких промыслов. В небольших размерах ручным способом добывалась руда, плавились свинец и медь.

Из этих и привозных металлов казахи изготавливали преимущественно предметы домашнего обихода: котлы, кетмени-мотыги, посуду, частью оружие. Из серебра и меди делались различные украшения. К середине XIX века особенно широкое развитие получило кузнечное ремесло. Около половины всех ремесленников приходилось на кузнецов. Добычей руды и изготовлением металлических изделий занимались в предгорьях Алтая и в других горных районах.

Казахи, кочевавшие к северо-западу от Семипалатинска, где были большие леса, занимались деревообделочным ремеслом. Они производили материалы для постройки юрт, деревянную посуду (ведра, чашки, ложки, ступки), удобную в условиях кочевания, столики, табуреты, деревянную часть седел, колотушки для взбивания кумыса, деревянные арбы, повозки, колеса.

Почти все казахи изготавливали кошмы, веревки, арканы, тесьму из шерсти и из конского волоса, а также разнообразные ковровые изделия, переметные сумы и тому подобное. Пряли и ткали из шерсти и хлопка вручную, на доморошенных станках. Одежду и обувь изготавливали из собственного сырья и полуготовых изделий (из меха и кожи, из шерстяных тканей своего производства), а также из привозного материала. Казахи делали также мыло и свечи, правда, очень низкого качества. Наконец, казахские ремесленники изготавливали национальные музыкальные инструменты: кобызы и домбры.

Мелкими промыслами занималось значительное количество казахских хозяйств. Особенно часто обращались к подсобным промыслам бедняки. Например, в Восточно-Казахстанской области из каждого 100 бедных хозяйств занималось промыслами 35 хозяйств, из каждого 100 средних хозяйств – 16, а из каждого 100 богатых – 10. Много изделий производилось женщинами-казашками. Бедные казахи и середняки старались таким путем найти дополнительные средства к существованию, а байи, при-

меняя труд зависимых от них казахов, превращали промыслы в источники своего богатства.

На развитии местной промышленности неблагоприятно сказывался ввоз иностранных товаров в Казахстан. Из России, Средней Азии и из Англии поступали металлические изделия, ткани, одежда и другие различные предметы. Они находили в Казахстане легкий сбыт и вытесняли продукцию местного производства.

В большинстве казахи-промышленники работали для нужд собственного домашнего хозяйства. Собственным трудом они удовлетворяли почти все свои потребности в одежде, обуви, посуде, юртах и так далее.

Мало-помалу в домашней промышленности Казахстана выделились мастера-специалисты. Они сосредоточили свою деятельность на производстве определенных изделий – одежды, обуви, посуды, оружия или иных предметов. Начинали работать на заказ, удовлетворять чужие потребности, превращались в настоящих ремесленников. Чем больше росла торговля, тем чаще такой промышленник выносил свои изделия на продажу. Вначале он менял свои изделия на нужные ему продукты, затем стал продавать их на деньги.

В городах ремесленники работали по преимуществу на заказчиков и на рынок, а в аулах для нужд собственного хозяйства. Но постепенно и в аулах ремесленники-казахи все больше работали на заказчиков и из материала заказчиков.

Так разлагалось прежнее натуральное хозяйство казахов, уступая место товарному производству.

Зарождение и развитие промышленности. Существующие изменения в промышленное развитие Казахстана внесла его колонизация. В конце XIX века усилилась эксплоатация недр Казахстана: добыча меди, серебра, свинца, угля и других горных богатств. Еще в большей мере, чем богатства недр, использовалось сельскохозяйственное сырье. Появились первые

предприятия по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов. Создавались разнообразные предприятия сельскохозяйственной промышленности, в том числе мукомольные, салотопенные, свечные, мыловаренные, овчинные, маслобойные, кожевенные.

Однако рост промышленности Казахстана был весьма ограниченным. Созданные предприятия принадлежали не казахам, а русским и отчасти татарам. Но русские капиталисты вовсе не собирались содействовать производству здесь готовых фабричных товаров, которые могли бы успешно конкурировать с товарами, привозимыми из России. Задачу, стоящую перед промышленностью Казахстана, они сводили исключительно к удешевлению стоимости и к увеличению количества того сырья, которое извлекалось из этой российской колонии.

Все предприятия, основанные в Казахстане в XIX веке, были мелкими. К началу XX века здесь насчитывалось около 2 тысяч предприятий, на которых работало немногим больше 5 тысяч рабочих. Техническое оборудование предприятий было низким. Применялся по преимуществу ручной труд, машин было мало. Рабочие получали низкую заработную плату, в 2,5 раза ниже средней заработной платы русских рабочих в Европейской России. Рабочие-казахи – их было больше двух третей всего числа рабочих на этих предприятиях – использовались почти исключительно на тяжелой черной работе. Квалифицированные рабочие, мастера и надсмотрщики выписывались из России.

Из различных отраслей промышленности Казахстана наибольшее значение имела цветная металлургия. Еще Петр I мечтал о разработке в Казахстане золотых и серебряных руд. В 1747 году были открыты медные месторождения. При Екатерине II в 1763 году были начаты разработки свинцово-серебряных рудников на Алтае. Все рудники Алтайского края считались казенными предприятиями. На них работали рус-

ские крепостные крестьяне, приписанные к заводам, а также казахи, в том числе немало детей, купленных для этой цели у бедных казахов. В 1784 году в верховьях реки Ульбы иностранец Филипп Риддер, работавший маркшейдером¹ на казенных предприятиях Алтая, открыл свинцово-серебряные рудники, названные Риддеровскими.

В XIX веке первым горнозаводским промышленником был русский купец Степан Попов. В 1834 году он открыл рудники свинцово-серебряных и медных руд в урочище Берк-Кара. Этот рудник был назван Богословским. В том же году были заявлены рудники Белоозерский, Биш-Чека и другие. Месторождение руды указали Попову казахи. Попов получил от русского правительства право приобретать на льготных условиях земли для добывания руды – сколько признает нужным. Он со средоточил в своих руках огромную площадь, богатую рудами, – около полутора тысяч квадратных километров. Выплавка руд началась только в 1844 году на Благодатно-Степановском руднике. Это был первый завод в области. Поповым было построено несколько заводов – Александровский, Богословский, Иоанно-Предтеченский. Они давали ежегодно 8 тысяч пудов меди. К концу XIX века, кроме Попова, в Казахстане действовали и другие русские капиталисты (Деров, Перфильев и другие). С 1896 года в связи с падением цен на серебро работа по добыче серебра была приостановлена и продолжалась лишь на Зыряновском и Риддеровском рудниках.

Каменный уголь был открыт в Караганде в 1833 году пастухом-казахом Аппаком Бажановым в местности, принадлежавшей казаху Игылыху Утенову. В 1854 году это месторождение было продано за 225 рублей купцу Ушакову. С этого времени началась здесь кустарная добыча угля. С 1868 года в Семипалатинской и Акмолинской областях каменный уголь стал добываться для нужд промышленности. К 1893 году в

¹ Маркшейдер – специалист по разведке и геологической разработке залежей полезных ископаемых. -- Прим. ред.

Семипалатинской области действовали 32 каменноугольные копи. Добыча угля была крайне незначительна. За 25 лет здесь было добыто немногим больше 3 миллионов пудов угля, тогда как, например, Донецкий бассейн в одном только 1894 году дал около 190 миллионов пудов угля.

Разработка недр в Казахстане велась хищнически. Капиталисты добывали цветные металлы и уголь только в наиболее богатых месторождениях. На рудниках преобладал ручной труд. Капиталисты старались затрачивать как можно меньше капитала и получать как можно больше прибыли. Рудники оставались мелкими, чахлыми предприятиями с ничтожной производительностью.

В некоторых районах Казахстана существовали соляные и рыбные промыслы. Добыча соли находилась в руках крупных купцов-предпринимателей. Рыбные промыслы на Каспийском и Аральском морях принадлежали синдикату рыбной промышленности.

Железнодорожное строительство. В конце XIX века стала создаваться сеть железных дорог. В 1880 году приступили к постройке Закаспийской железной дороги от Каспийского моря по направлению на Мерв, Чарджуй и Самаркандр. Постройка этой дороги преследовала военную цель – завершение завоевания Средней Азии. Дорогу строили солдаты железнодорожного и саперного батальонов. В 1881 году, 8 месяцев спустя после занятия русскими войсками туркменской крепости Геок-Тепе, по дороге началось движение поездов. В первые годы Закаспийская дорога не имела хозяйственного значения, но впоследствии русские купцы и промышленники широко ее использовали для извлечения сырья из Средней Азии и Казахстана и для продвижения русских товаров на богатые рынки.

В 1884 году русские войска взяли Мерв, а в 1885 году – Кушку. Через три года, в 1888 году, была открыта железная дорога от Мерва до Кушки. В том же году Среднеазиатская дорога была доведена до Самарканда и в 1898 году – до Таш-

кента. По северным районам Казахстана в конце 90-х годов прошла Сибирская магистраль. Тогда же была проведена дорога от Саратова до Уральска. В 1899 году военный министр Куропаткин предложил построить железную дорогу от Оренбурга до Ташкента. Она была закончена и начала действовать в 1905 году. Проведение этих железных дорог имело большое значение в деле колонизации Средней Азии и Казахстана. Военный губернатор Семиречья ставил вопрос о соединении Семиречья с Туркестаном и Сибирью. Он считал, что прокладка этой дороги обеспечит Туркестан хлебом и даст возможность увеличить там производство хлопка. «Отсутствие железной дороги на Верный не дает возможности поднять и использовать ископаемые богатства Семиреченской области», — писал он правительству. «Постройка железной дороги от Туркестана на Верный и Сибирь — единственная мера к правильной эксплоатации края». Но этот план оказался не под силу царскому правительству и остался нереализованным вплоть до постройки Турксиба советской властью.

Таким образом, производительные силы Казахстана, хотя и с трудом, все же развивались. Казахстан постепенно втягивался в капиталистические отношения. Его хозяйство связывалось с хозяйством России. Это был прогресс, но происходил он медленно, уродливо, принося лишения и страдания трудящимся массам Казахстана.

§ 44. Социально-экономические и политические результаты колонизации Казахстана.

Переход части казахов к оседлости. Одним из первых результатов колонизации Казахстана и массовых захватов земель у казахов являлась растущая борьба за землю в казахском ауле.

При недостатке скота и пастбищ слабым аулам оставалась лишь перспектива — либо разорение, либо постепенный пере-

ход к оседлому земледельческому хозяйству. Особенно такая перспектива стала реальной для казахов четырех областей Казахстана: Омской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. В этой местности на севере и западе были хорошие земли с богатой растительностью, а на юге солончаки и пески со скучной травой. Такая природная особенность определила и направление кочевок в этих степных областях. Зиму казахи проводили в обширных южных пустынях, где было мало снегов, сохранялся хотя бы скучный подножный корм и где не грозили страшные северные бураны. Но на лето они откочевывали в обильные кормом и водою северные степи.

Захваты лучших земель и пастбищ в этих степях переселенцами-казаками и крестьянами вызывали кризис пастбищно-кочевого хозяйства местных казахов. Сильнее всего этот кризис отражался на слабых малочисленных родах. Они уже не имели силы выдерживать далекие и длительные откочевки и постепенно оседали на северных летовках вблизи русских земледельческих поселений. Им приходилось здесь не только заготовлять на зиму сено для скота, но и сеять хлеб для себя. Так постепенно оседавшие роды переходили к земледелию, сочетая его со скотоводством, хотя и менее обширным, чем при кочевом быте.

Казахи, осевшие на общих летовках и уже частично их распахавшие, начали смотреть на эту землю как на свою собственность.

Между тем, казахи, продолжавшие кочевать со своими стадами, по обычаям возвращались на старые летовки, размеры которых продолжали сокращаться. Не имея возможности возвратить себе прежний пастбищный простор, некоторые новые обедневшие роды спешили захватить оставшиеся части летовочных уроцищ. Число казахов, переходивших к оседлости, увеличивалось. Число кочующих хозяйств год от года становилось все меньше и меньше. По данным Переселенческого

управления, по Семипалатинскому уезду число кочующих хозяйств в 1895 году составляло только 37,7 процента, в Устька-меногорском уезде – 39,3 процента, в Зайсанском уезде – 46,7 процента. Но и те, которые кочевали, отчасти уже занимались земледелием. Однако большого развития земледелие казахов, переходивших на оседлость, все же не получало. В 1880 году посевная площадь Казахстана (без Семиречья) составляла 500 тысяч га, а в 1900 году уже 1700 тысяч га. Но наибольшая часть этой площади принадлежала не казахам, а богатым русским переселенцам. Русские колонизаторы-кулаки за счет разорения казахов расширяли свои собственные посевы.

Расслоение в казахском ауле. Одним из результатов колонизации Казахстана было более быстрое, чем раньше, расслоение казахского аула. Имущественная и социальная дифференциация (расслоение) происходила и в оседлых, и в кочевых аулах.

В районах, где казахи переходили на оседлость, сочетая земледелие и скотоводство, происходило усиленное использование общинной земли крупными баями. Садились на землю, главным образом, бедные казахи, которые не могли прокормиться от оставшегося у них малого количества скота и не выдерживали трудностей дальних перекочевок. Но и став земледельцами, большинство из них едва сводило концы с концами – весь урожай у них уходил на семена и на пропитание. Трудящиеся казахи, лишенные скота и пастбищ, вынуждены были арендовать землю у богатых небольшими участками за отработки. Это превращало трудовых казахов в полузависимых. Так, например, у бая Джаксыбая Кустанова в Семипалатинской области было 600 десятин. Он имел посевы и много скота. В его ауле жило 35 семей бедняков-казахов, осевших из разных волостей. Все эти 35 семей имели лишь 20 лошадей, 15 коров и 10 баранов. Они жили на земле бая и вносили ему высокую арендную плату. Беднякам не хватало своего хлеба,

и они зимой брали его у бая, а летом отрабатывали долг на байской земле.

Казахский поэт XIX века Абай Кунанбаев в одном из своих стихотворений очень правдиво показал зависимость бедняка-казаха от бая и полукрепостнические формы эксплуатации, которым подвергалась казахская беднота:

У бая много пастухов, и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа.
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану.
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра, и в юрте натекло,
И улетучилось давно последнее тепло,
А старикам – совсем беда, ложись и помирай.

Пахота на волах

Имущественная и социальная дифференциация происходила и в аулах с кочевым скотоводческим хозяйством. Основная масса скота в стаде принадлежала байству. Байство было главным поставщиком товарного скота. Байские хозяйства больше разводили лошадей и овец, которые могли тебеневать, т.е. проводить зиму на подножном корму.

Сохранение патриархально-родовых пережитков в казахском ауле помогало баям экономически и политически закаба-

лять трудящихся казахов. Как подчеркивал Энгельс, эти пережитки представляли собой «великолепную и самую широкую основу для эксплоатации и деспотизма».¹

Беднота аула, не решаясь порвать связи с общинно-родовой группой, находилась в полной кабале у байства, делая все, что прикажут, за самую скучную подачку. Один русский чиновник так определял зависимость от бая такого казаха-бедняка: «Бедняку и неимущему, действительно, некуда было больше деваться. Сам он самостоятельно вести кочевое хозяйство не может. Поэтому бедные и неимущие ходят... в громадном большинстве, действительно, состоят во время кочевания при богатых хозяйствах, составляя с ними как бы одно целое, а в зимнее время вполне зависят от них как по своей маломощности и крайней бедности, так и по родственным связям».

Основой кабальной байской эксплоатации бедноты являлась общинная собственность на землю. На деле бай, имевший большое количество скота, был фактическим хозяином общинной земли. Беднота, не имевшая скота, не могла пользоваться общинной землей. Но каждый бай ревниво оберегал общинную землю от покушений, заботился о сохранении большой численности своего ру (родовой обороны) и всячески поддерживал патриархально-родовые традиции. Под их прикрытием происходил захват общинно-родовой земли в частную собственность. Опираясь на царские законы, казахские полуфеодалы и феодалы использовали патриархально-родовые пережитки для усиления своей власти в ауле и захвата лучших зимовок, покосов и больших участков пахотной земли, к тому же обрабатываемой сородичами. Батраки и пастухи байских хозяйств не были свободными наемными рабочими. Плату за труд они получали обычно натурой – шерстью, мясом, скотом. Нанимая бедняков из своей общинно-родовой группы, бай изображал себя покровителем родственников-бедняков. Зависимые от бая бедняки получали от него иногда скот – на-

¹ Энгельс. «Архив Маркса – Энгельса», т. I (VI), стр.246.

пример, корову для пользования молоком, лошадь или вола для работы. Этот скот они должны были не только вернуть, но и отработать за его использование. Подобные отношения в глубокой древности, действительно, выражали родственную помочь, но теперь они были отношениями феодальной зависимости и эксплоатации, только прикрытыми патриархально-родовыми пережитками.

Значение колонизации Казахстана. Превращение Казахстана в колонию означало конец независимого существования казахского народа и его включение в ту систему военно-феодальной эксплоатации, какую создавало господство царизма для всех угнетенных народов царской «тюрьмы народов». Это было самым тяжелым результатом колонизации Казахстана, против которой казахский народ боролся в продолжение почти века.

Колонизация Казахстана сопровождалась ростом самой жестокой эксплоатации и самого беспощадного угнетения казахского народа царскими колонизаторами, нашедшими опору в феодально-родовой верхушке казахского общества. Пользуясь казахской знатью в качестве основного проводника своей колониальной политики, царское правительство упорно и систематически подчиняло своей власти свободолюбивый казахский народ при помощи специально созданного государственного аппарата колониального угнетения. Царизм установил для Казахстана, как и для других колоний, военно-оккупационный режим, искусственно насадил здесь кулацко-колонизаторский элемент, согнал многие тысячи трудящихся казахов с насиженных мест и оттеснил их в пустыни. Действуя по старому принципу всех завоевателей и угнетателей «Разделяй и властвуй!», царизм сеял глубокую рознь и разжигал вражду между народами, населявшими Казахстан, особенно между русскими и казахами.

Военно-бюрократический аппарат царизма при помощи байства намеренно культивировал патриархально-феодальный

гнет, чтобы держать массы в темноте и невежестве. Царизм всемерно подавлял культуру казахского народа, преследовал казахский язык, усиленно проводил политику насилиственной русификации. Союз царизма с байством укреплял основу для самого тяжелого – двойного – колониального и феодального гнета. Царизм подчинил колониальному господству казахский народ в тот период его исторического развития, когда он по условиям экономического развития Казахстана не созрел еще в нацию.

Всячески препятствуя буржуазному развитию Казахстана, намеренно сохраняя и культивируя отсталые патриархально-феодальные отношения, царизм тормозил тем самым и складывание казахского народа в нацию. К тому же результату приводила ликвидация остатков государственности и политической самостоятельности казахского народа, подавление его национально-освободительных движений.

Однако русский царизм уже не мог остановить прогрессивного хода исторического развития в самой России, с судьбой которой был теперь связан и Казахстан.

Развитие капитализма в России втягивало Казахстан в кругооборот буржуазных, капиталистических отношений. Натуральная основа его хозяйства постепенно подтачивалась. Процесс социальной дифференциации в казахском обществе был значительно ускорен. Национальная обособленность и противоположность интересов казахского и русского народов все более и более уничтожались. Наоборот, явственнее и нагляднее вырисовывалась общность их исторической судьбы. Уже начиная с движения Пугачева, русский и казахский народы, их передовые представители начали свою историческую борьбу против общего врага – российского самодержавия.

Передовые русские люди, которые по тем или другим причинам сами бывали в Казахстане или были связаны с передовыми казахами, проникались искренней симпатией к вольно-

любивому народу и горячо сочувствовали его борьбе против царизма. Шевченко, Достоевский, петрашевцы, народники – вся русская демократическая интеллигенция, а впоследствии и передовые представители революционного пролетариата России – социал-демократы большевики были на стороне угнетенного казахского народа, против его угнетателя – русского царизма.

Борьба за свержение царизма стала программой революционных выступлений для многих поколений русских людей, которые понимали, что для успеха этой борьбы необходим боевой союз русского народа со всеми угнетенными народами Российской империи.

Точно так же усиливалась связь с великим русским народом в лице его лучших представителей и передовых людей Казахстана. Такие просветители казахского народа, как великий казахский поэт Абай Кунанбаев или писатель и ученый Чокан Валиханов, были и своей жизнью, и творчески связаны с лучшими русскими людьми и проникнуты их передовыми идеями. Они понимали, как и многие другие русские и казахские люди, что дружба русского и казахского народов и их боевой союз увеличат их силы и приведут к победе над общим врагом – царизмом.

ГЛАВА XIX

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

§ 45. Литература «эпохи скорби».

Отношение передовых людей Казахстана к его колонизации. Литература казахского народа во второй половине XIX века вошла в историю под именем литературы «эпохи скорби». Национально-освободительное движение было подавлено. Колонизаторская политика царизма усилилась. Передовые люди угнетенного народа ставили вопросы: в каком направлении вести казахский народ, как организовать его для дальнейшей борьбы, какие наметить ближайшие цели?

Писатели Чокан Валиханов, Шортамбай Канаев, Абай Кунанбаев и другие в своих произведениях правдиво описывали тяжелую жизнь народа. Они говорили о его страданиях и жалобах, и каждый по-своему указывал народу пути спасения.

Акыны-борцы (Мурат, Шортамбай, Дулат и другие) звали народные массы к продолжению открытой борьбы с царским самодержавием путем вооруженных восстаний. Другие – Жусупбек Кожа, Шаады, подавленные репрессиями царского колонизаторского режима, – призывали казахов примириться с судьбой и отказаться от сопротивления насилию. Вместо борьбы за независимость они звали народ к смирению и покорности. Эти поэты, называвшиеся «книжниками», переводили на казахский язык религиозно-мистические поэмы арабско-персидского и чагатайского происхождения. Этот жанр литературы под названием «қисса» насчитывает несколько десятков книг.

В деле развития казахской литературы эти поэты, несмотря на свою консервативность, сыграли все же известную положи-

тельную роль. Наряду с религиозно-героической и религиозно-мистической поэзией они перевели на казахский язык и золотое наследство восточной литературы – сказки «Тысяча и одна ночь», стихи арабских поэтов и поэмы классиков персидской и чагатайской литературы.

Наиболее сильную и влиятельную часть писателей, которые звали народ к культурному и политическому пробуждению, к овладению европейскими знаниями, искусством, литературой, к борьбе с насилием и гнетом, составляли передовые люди казахского народа, его великие просветители и писатели – Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибраим Алтынсарин.

Поэмы Шортамбая. Основоположником «эпохи скорби» в литературе был Шортамбай Канаев (1808–1871). Одна из его поэм так и называлась – «Зар заман» («Эпоха скорби»). Скорбя о зависимом рабском положении, в которое попал его народ, Шортамбай с большой силой и глубоко реалистически критиковал ненавистный колониальный режим и его представителей. Обладая широким кругозором и высоким уровнем образования, поэт сумел правильно разобраться в социальных изменениях своей эпохи. Он правдиво и гневно рисовал безжалостную эксплоатацию народа со стороны богачей нового народа рождающегося типа – купцов и чиновников. В поэме «Обманная жизнь» он восклицал:

О, злосчастный добрый народ,
О, злосчастные времена!
Божий гнев, как видно, тебя
Поразил, родная страна!

Шортамбай с большой грустью изображал картины угнетения со стороны царизма и разъединения в народе. Он с негодованием и презрением говорил о тех, кто отказался от борьбы и пошел на сделку с колонизаторами:

Всюду сети ставят враги,
Нет свободы, куда ни взгляни.
О, злосчастный, бедный народ,
О, злосчастные наши дни!
Чуть поссорятся двое, уже
За перо берутся они
И ссылаются на закон,
И, тягаясь, терпят урон
От чиновничьей западни.
Лучше б вам ходить за скотом,
Мирно спать, не зная тревог.
На несчастье, друзья мои,
Появился у нас острог!
Вырви душу из плена зла
И, чтоб жизнь спокойно текла,
Береги свой кров, свой порог!

Жестокой критикой действий в степи колонизаторов и их пособников, скорбью об утерянной независимости народа и призывом к единению пронизано все творчество великого поэта. Его лучшие произведения – «Зар заман» («Эпоха скорби»), «Бала зар» («Плач дитяти»), «Опасыз жалған» («Обманная жизнь»). Таким же духом ненависти к царизму, его чиновникам и к угнетателям проникнуты песни Мурата, Дулата и других акынов.

Мурат-акын. Особенно остры и нередко сатиричны стихотворения акына Мурата (1813–1906). С 16 лет он разъезжал по аулам, участвовал в состязаниях (айтысах) акынов и призывал казахский народ собирать силы для новой борьбы за независимость. Мурат считал себя учеником и последователем казахского поэта-революционера Махамбета, поднявшего вместе с Исатаем Таймановым восстание против колонизаторов в Букеевской орде еще в самом начале колонизации. В

стихотворении «Три эпохи» Мурат дал картину горькой жизни казахов в результате завоевания и колонизации Казахстана:

Степи отобрал солдатский штык –
Царь в карман нам руку запустил,
А когда отнял у нас Яик,
То и вовсе за ворот схватил.
Замысел он свой осуществил –
Воровская черная рука
Навсегда отобрала Уил,
Полуострова Мангышлака.
Волоча арбу, он шел вперед –
В Ургенчи, в Ташкент и в Бухару,
Все беря дорогой на учет:
Женщин, и мужчин, и детвору,
Скот и землю... Поглядишь вокруг,
О, жигиты, – над страной родной
Жизни день, как злая полночь, глух,
От него хоть в омут головой!

Отношение к казахскому народу передовых русских людей. Колониальный гнет царизма в Казахстане, как и в других колониях, вызывал протест и борьбу не только со стороны угнетенных народов этих колоний, но и со стороны русского народа, также тяжело страдавшего от феодально-крепостнической эксплуатации и притеснений царской власти. Национально-колониальное угнетение казахского и других народов царизмом укрепляло экономический застой в России, подрывало борьбу за свободу и самого русского народа. «Возможность угнетать и грабить чужие народы, – говорит Ленин, – укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев». ¹ Лучшие представители

¹ Ленин. Соч., т. XVIII стр. 199.

русского народа выражали свою братскую солидарность и симпатии к казахскому народу, героически боровшемуся за свою независимость. Русские и казахи выступали под общим знаменем борьбы против самодержавно-крепостнического строя еще во времена Пугачева. Отдельные русские люди, бежавшие в степь от преследований царизма, участвовали и в мощном восстании против колонизаторов, возглавлявшемся Кенесары Касымовым.

Царское правительство ссылало в казахскую степь многих русских революционеров и опасных для царизма людей. В Казахстан и в соседние с ним районы Сибири были высланы некоторые декабристы, польские повстанцы 1830 и 1863 годов, петрашевцы, народники, революционные демократы – последователи Чернышевского. Эти люди – на каторге, в ссылке, в царской солдатчине – несли в своих сердцах пламенную ненависть к царизму и крепостничеству, сочувствие и любовь к окружавшему их угнетенному народу. Под влиянием таких людей формировались и лучшие представители казахского народа, боровшиеся за его свободу и независимость. Такие крупнейшие казахские писатели и просветители казахского народа, как Валиханов, Абай и Алтынсарин идеально сложились и выросли под влиянием русской демократической культуры. Наибольшее влияние на развитие казахской культуры, на создание в ней демократических традиций, на ее глубокие связи со своим народом и его освободительной борьбой оказали такие великие русские писатели, как Пушкин, Шевченко, Достоевский, Короленко и Горький.

Пушкин в Казахстане. Великий русский поэт Пушкин был горячим поклонником народного творчества не только русского, но и других народов России. Его привлекало и творчество казахского народа. Осенью 1833 года, собирая материалы для своей «Истории Пугачева», он совершил поездку в Казахстан. Помимо Оренбурга, он посетил Уральск, станицу Берды и ряд

казахских аулов. Во время своей поездки по оренбургским и тургайским степям Пушкин непосредственно знакомился с жизнью казахских трудящихся, с преданиями, песнями и легендами казахского народа. Он расспрашивал Даля о быте кочевников, о налогах, которые с них собирают, и т.п. Известный создатель толкового словаря В. Даль работал в эти годы в Оренбурге и изучал этот край. Собранные Далем в 40-х годах экспонаты созданного им Оренбургского музея хранятся до сих пор в Центральном историко-краеведческом музее Казахской ССР.

В одном из аулов по поручению Пушкина была записана народная поэма «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Эта запись несколько лет тому назад была обнаружена в бумагах поэта. Пушкин черпал образы для своих чудесных поэм и стихов из сокровищницы творений всех народов. К этой сокровищнице принадлежит и замечательная казахская народная поэма о Козы-Корпеше и его возлюбленной Баян-Слу.

Пушкин, раньше других русских писателей познакомившийся с казахским народным творчеством, в своем замечательном стихотворении «Памятник» писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

В одном из вариантов этого стихотворения была строфа, в которой поэт писал, что его помянут «черкес, киргизец и калмык». Эти строки были написаны незадолго до трагической гибели поэта. Как и всем народам, Пушкин завещал свои гениальные творения также и казахскому народу.

Шевченко в Казахстане. Близкие и дружественные связи установил с казахским народом и великий украинский поэт

Тарас Шевченко. Он был выслан в Казахстан в 1847 году и пробыл здесь целое десятилетие. Революционный поэт-демократ, боровшийся за свободу и независимость украинского народа, особенно понимал угнетенное положение и сочувствовал освободительной борьбе казахского народа. Он прибыл в ссылку в то время, когда еще не совсем угасло национально-освободительное движение Кенесары Касымова. Тарас Шевченко много слышал о нем от солдат, чиновников и ссыльных революционеров. Образ борца за независимость был близок украинскому поэту. Борьба казахского народа вызывала в его душе картины борьбы против царизма на Украине, запечатленные в поэме «Гайдамаки». Герои освободительной борьбы казахов, особенно такие, как Кенесары Касымов и Жанхожа, напоминали ему героическую борьбу Кармелюка и других борцов за независимость и свободу украинского народа.

В оренбургской ссылке Шевченко сблизился с выдающимися людьми – польским революционером Сераковским, ставшим в 1863 году одним из вождей восстания польского народа за независимость, с поэтом Плещеевым, писателем Писемским, ученым Бэрром и другими. Поэт познакомился в Оренбурге с украинцем Лазаревским, который был «попечителем прилинейных киргизов» и хорошо знал быт кочевников. Все эти люди рассказывали Шевченко о Казахстане и о его населении. Многое узнал Шевченко о положении и быте казахского народа от поручика генерального штаба Герна, который в 1845 году ездил в аул Кенесары, сопровождая возвращенную из русского плена семью султана.

Слушая все эти рассказы, Шевченко проникался еще большей ненавистью к царю и его сатрапам. Одного из них – генерала Перовского, завоевателя Казахстана, Шевченко хотел изобразить в задуманной им поэме «Сатрап и дервиш». В лице дервиша он хотел показать народного казахского поэтапевца.

Отзвуки недавнего восстания казахского народа чувствовались и в мотивах стихотворения «Валился топор за дверями у бога», написанного Шевченко. Образ топора (как символ восстания) не случайно возникает в поэме, когда речь идет о местности между Уральской и Сибирской линиями, где действовал Кенесары:

И стала тьма, и от Урала
До Тангиза, до Арака
Кипела в берегах вода...

Стихотворение кончается строфами, полными грусти и сожаления по поводу подавления восстания:

Верблюд заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бутак.
Сингич-агач кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне.

В другом стихотворении «Ой, вы, думы мои, думы», написанном в 1848 году в Орской крепости, поэт-узник призывает «думы» стаей сизокрылых голубей полетать над вольными степями:

Рисунок Т.Г. Шевченко

Погуляйте у киргизов
На степном раздолье,
Хоть они бедуют лихо,
Так зато на воле.

Заброшенный в Ново-Петровское укрепление на Мангышлаке, Шевченко написал много повестей, в которых упоминал о Казахстане, описывая его быт и обряды и мечтая о том, чтобы в глухой степи возникли культурные города. Поэт и одновременно художник-демократ, Шевченко создавал свои картины, сочувственно рисующие образы и быт казахов-кочевников. В таких картинах, как «Казахская семья», «Казах на лошади», «Баксы», «Байгуши», «Мальчик топит печь» и других Шевченко с большим сочувствием к угнетенному народу увековечил колониальный Казахстан.

§ 46. Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов.

Достоевский и петрашевцы в Казахстане. Поэзия «зар заман» отличалась настроениями скорби по поводу угнетения, нищеты и страданий казахского народа в результате колонизации и утраты казахами независимости. Поэты этого направления мечтали о возрождении боевых традиций казахского народа и в то же время о возврате к прошлому, к патриархально-родовому строю. Они выступали против европеизации и против русской культуры. Однако новые условия жизни создавали предпосылки для нового мировоззрения. В казахском обществе вырастали люди, понимавшие, что возврата к прошлому нет, и искавшие новых путей.

К середине XIX века в Казахстане начало сказываться культурное влияние русского народа. С ростом революционного движения в России увеличивалось количество ссыльнопоселенцев в Сибири и Казахстане. В западной части казахской степи культурным центром стал Оренбург, где большим влия-

нием пользовались Шевченко и его единомышленники. Для севера Казахстана таким центром стал Омск. Немало русских ссыльных было и в Семипалатинске. Большое идеиное влияние оказывали на Казахстан ссыльные петрашевцы – сам Буташевич-Петрашевский, Дуров и знаменитый русский писатель Достоевский, певец униженных и оскорбленных.

Достоевский прибыл в ссылку в 1850 году, на три года позже Шевченко, а выехал из ссылки на два года позже украинского поэта – в 1859 году. Он отбыл четыре года каторги в омском остроге, а с 1854 по 1859 год служил солдатом в дисциплинарном батальоне в Семипалатинске. Здесь он стал набрасывать свои «Записки из Мертвого дома», в которых с большой симпатией писал об окружающих казахах-кочевниках. В своих письмах Достоевский не раз писал о своем интересе к местному краю, обычаям, фольклору. Сам заживо погребенный, великий русский писатель выражал горячее сочувствие угнетенному царизмом народу. Символом дружбы русской демократии с казахским народом была дружба Достоевского с первым казахским интеллигентом-просветителем Чоканом Валихановым. Не только личное чувство, но идеиные связи скрепляли эту дружбу. После окончания ссылки Достоевский познакомил Валиханова со своими петербургскими друзьями – поэтами Майковым, Григорьевым и другими, расширив и закрепив идеиные связи русской и казахской демократической интеллигенции.

Идейное развитие Валиханова. Молодой ученый, исследователь и путешественник, Чокан Валиханов может по праву считаться казахским просветителем.

Чокан Валиханов был сыном султана Чингиса Валиева, потомком знаменитого хана Аблая. Родился он в 1835 году¹ в местности Сырымбет Коқчетавского округа, у подножья высокой горы, снизу доверху заросшей густым непроходимым

¹ По другим данным – в 1834 году (П. П. Семенов) или, наоборот, позже – в 1837 году (Г. Н. Потанин).

сосновым бором. Отец и знатные родичи Чокана получили русское воспитание, имели офицерские чины и пользовались доверием и уважением царской администрации. Они захотели поэтому и сыну дать военное образование и подготовить его к карьере русского офицера. Когда мальчика привезли в Омск (в 1847 году), чтобы определить его в кадетский корпус, он не знал еще ни одного слова по-русски. Однако даровитый, любознательный и энергичный Чокан скоро преодолел трудности учебы и выдвинулся в первые ряды среди учащихся. Он много читал, серьезно учился. Большое влияние на Чокана в корпусе оказали его учителя – энциклопедист-естественник Гутковский и историк Гонсовский, который довольно смело пытался объяснить учащимся социальные причины исторических событий и сочувственно отзывался о деятелях Французской революции.

В Омске, в доме Капустиных Чокан познакомился с представителями прогрессивной русской интеллигенции (с ссыльным Дуровым, товарищем Ф. М. Достоевского по «Мертвому дому», и другими).

На каникулы Чокан обычно уезжал к родным, в степь – в Сырымбет или Кушмурун. Там он с увлечением слушал акынов-импровизаторов, записывал народные песни, пословицы. Его живо интересовали сложные проблемы происхождения народов Азии, особенно казахского и киргизского. Чокан рано заинтересовался восточной филологией и изучал арабский язык, а из европейских – английский. В юности еще он мечтал стать ученым, чтобы отдать свои знания и силы казахскому народу. Знакомясь по английским сочинениям с приключениями известных английских путешественников, юный Чокан стал мечтать об опасных и трудных путешествиях. Его манил «загадочный Китай, который начинался где-то за снежными хребтами Ала-Тау». Еще до окончания корпуса Чокан, по сравнению со сверстниками, был вполне образованным человеком, с острым критическим умом, способным к смелым, широким обобщениям.

В 1853 году Валиханов д
ененный в корнеты, он всту
юе казачье войско. На его и
тил внимание генерал-губе
который уже в следующем 1
Эн ценил в Чокане отлично
ю командировал его в погр
Алтай, Заилийский край, р

Ч. Ч. Валиханов

ам народа, собрал богату
о обихода и записал отрыв
киргизский эпос) со слов пред
ставляет его «Записка
ке году осенью Валиханов
юде Кульдже. Впечатления
публикованном «Дневнике
образами художественном
демократические симпатии
поборами и злоупотребле

¹ Собрание сочинений Ч. Валиханова вышло в 1961 – 1972 гг. и в 1984 – 1985 г

Решающую роль в жизни Валиханова сыграло знакомство с двумя выдающимися русскими людьми – Достоевским и Семеновым. С Федором Михайловичем Достоевским Чокан познакомился, по одним данным, в Омске, по другим – в Семипалатинске летом 1855 года, где великий писатель отбывал последние годы ссылки в качестве «нижнего чина» – рядового.

Нервный, больной и удрученный личными переживаниями, Достоевский с первого взгляда был очарован талантливым са-мородком-казахом. Глубокий и проницательный ум русского писателя сразу оценил роль и значение молодого казахского ученого для просвещения казахского народа. Достоевский настойчиво советовал Чокану неустанно углублять свои познания в этнографии Казахстана, чтобы ознакомить всю Россию с этим богатым краем и его способным народом. «Напишите статью о степи. Ее напечатают, – писал Достоевский в одном из писем к Чокану. – Всего лучше если бы Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех... Лет через семь-восемь Вы могли бы так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине». «Не великая ли цель, – писал он далее, – не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение, и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы – первый киргиз, образованный по-европейски вполне».

Известный географ, академик П. П. Семенов-Тяншанский также очень заинтересовался даровитым Валихановым и горячо убеждал его ехать в Петербург учиться. Воодушевленный советами Семенова, Валиханов начал было уже готовиться к переезду в столицу, но вдруг получил приказание высшего военного начальства готовиться к продолжительному и опасному путешествию в Кашгар и Восточный Туркестан.

Он провел в Кашгаре и других местах «края шести городов» более пяти месяцев, в течение которых основательно изучил быт и нравы кашгарцев, положение и настроения населения, историю, географию и этнографию края. Свои сведения Валиханов собирал у сведущих людей и старожилов, ученых-ахунов и непосредственных участников национально-освободительной борьбы кашгарского народа. С огромным трудом он приобретал интересовавшие его документы и книги. «Он дорогой ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, – рассказывает П.П.Семенов-Тяньшанский, – с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи».

Кашгарская экспедиция создала Валиханову научное имя. Его прекрасный труд («Отчет о состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858 – 59 гг.») давал ясное и полное представление о прошлой и нынешней жизни этого края.

С горячим сочувствием Валиханов рассказывал о порабощенном народе, который «ненавидит бесконечно» и китайских правителей, и собственную эгоистическую знать – беков. Резкая характеристика положения трудящихся в Алтышаре звучала чрезвычайно смело, – царское правительство могло бы увидеть в ней опасный намек на собственную политику, но предпочитало пока закрыть глаза на возможные аналогии. «Податной класс народа, – писал Валиханов, – находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии. Народ трудится, чтобы насытить корыстолюбие китайцев и беков, терпит нужду и трудитсяечно».

Вскоре после окончания экспедиции Валиханов был вызван в Петербург.

Два года жизни в Петербурге (1859–1860) были самыми счастливыми годами в его жизни. Он жадно впитывал в себя знания; участвовал в работах Географического общества; вращался в кругу представителей русской интеллигенции; по-

сещал редакцию демократического журнала «Современник», которым руководили Некрасов и Чернышевский, увлекался лекциями Костомарова. Все эти влияния – в канун крестьянской реформы 1861 года – развивали в молодом казахском ученике его демократические настроения и взгляды.

Однако климат и условия жизни в северной русской столице пагубно отразились на здоровье Валиханова. Туберкулез подтачивал его слабый организм, и Валиханов весной 1861 года вынужден был вернуться на родину, в отцовский аул Сырымбет.

Противоречивость положения Валиханова, его гибель. Здесь, в степи, он особенно остро ощутил двойственность своего положения и мучительные противоречия между своими духовными запросами и демократическими убеждениями и взглядами той социальной среды, из которой он вышел и в которой теперь жил. К великому негодованию его родных – казахских аристократов – Чокан требовал, чтобы они по-человечески обращались с тюленгутами – своими бывшими крепостными. Он даже грозил своим родственникам судом за их жестокое обращение с ними.

Переехав в степь на постоянное жительство, Валиханов мечтал о том, чтобы принести родному народу пользу своими знаниями и своей энергией. С этой целью он выставил свою кандидатуру на административный пост старшего султана Ат-басарского округа, идеалистически мечтая, как он писал Достоевскому 15 октября 1862 года, «сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз». Он хотел «примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель». Но демократизм Валиханова вызвал враждебность и недоверие в фанатичных и отсталых слоях казахского общества. Его обвиняли в безбожии, в свободомыслии, в том, что он «держится понятия о равенстве». Ради-

кальная программа «султана-демократа» вызвала сильнейшее недовольство и у царских чиновников. Испугавшись последствий, генерал-губернатор отказался утвердить Валиханова султаном, когда он был избран. Валиханов пытался еще бороться – писал обличительные письма в центральные газеты, обращался к влиятельным друзьям, но безуспешно. Неудача привела его в полное уныние. «Я хотя много писал обличительных статей, – с горечью писал он Достоевскому, – но на этот раз думал – постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь... Оно и правда, законы у нас на Руси еще пишутся не для генералов; известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности».

В последующих письмах к близким Валиханов все резче и резче осуждает царский режим, при котором все продажно до самых высших чинов – все и повсюду «берут страшно и явно».

Возраставшее возмущение царскими властями не мешало, однако, Валиханову по-прежнему любить братский русский народ, который так же, как казахский изнемогал от гнета и произвола царского самодержавия и его бюрократической клики. Он любил и высоко ценил великий русский народ, мечтая приобщить свой родной казахский народ к русской и европейской цивилизации. «Это был новый Коран его жизни», – отметил друг Валиханова сибирский писатель Ядринцев.

Несколько лет спустя его священное братское чувство подверглось жесточайшему испытанию. В 1864 году Валиханов по приглашению генерала Черняева присоединился к его экспедиции против кокандцев. При завоевании важных центров степи – Аулиэ-Ата, Туркестана, Чимкента, Ташкента – победители жестоко обращались с местным населением. «Зверства русских войск над единоверцами Чокана, – писал Потанин, – и над его соплеменниками- киргизами огорчили его».

Двойственность положения офицера-казаха оказалась настолько невыносимой, что привела Валиханова к новому тяжелому кризису. Горячо любя свой народ, Валиханов не мог оставаться в среде царских колонизаторов. Он рассорился с генералом Черняевым, покинул его штаб и уехал сначала в Верный, а затем в аул султана Тезека в местности Алтын-Эмель. Не видя исхода из создавшегося положения, Валиханов решил навсегда порвать с «цивилизованным» обществом, которое молчаливо потворствует угнетению народов и насилием над свободой. Поселившись в ауле, он в 1865 году умер от прогрессирующего туберкулеза 30 лет от роду.

Эта ранняя смерть талантливого сына казахского народа, очутившегося в двойственном, полном неразрешимых противоречий, положении, помешала ему полностью развернуть свои дарования. Не получили при его жизни широкого распространения и его замечательные научные труды, в частности первые исследования по казахско-киргизскому фольклору. Богатейшие результаты его исследований и путешествий, а главное, передовые демократические идеи и горячее чувство любви Валиханова к своему народу были известны тогда только ограниченному кругу его русских и казахских друзей и единомышленников. «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, – правильно подчеркнул значение Валиханова один из его русских друзей Потанин, – он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников».

Но прогрессивная роль Валиханова, как и его демократические идеи, была оценена значительно позже. И лишь при советской власти была осуществлена заветная мечта этого первого казаха-просветителя о великой дружбе русского и казахского народов.

§ 47. Великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев.

Исторические условия развития поэта Абая. Вторая половина XIX века в истории Казахстана была эпохой наиболее свирепой колонизаторской политики царского правительства. Находясь под двойным гнетом – царских чиновников и их ставленников – местных биев, казахский народ не видел выхода из тяжелого положения. Его слезы о горькой доле, недюжинные, но закрепощенные силы, стремление к свободе и к свету изливались в песнях, в поэмах, в музыке. Раскинутая по казахским степям сеть русских школ, созданных царизмом для казахских детей, преследовала цель вырастить верных слуг, покорных исполнителей воли поработителей. Но приобщение молодого поколения казахов к русской грамоте и литературе давало и другой эффект, совсем нежелательный для колонизаторов. Оно облегчало проникновение идей русских демократов и народников-просветителей в среду передовых представителей казахского народа. Революционеры и демократы России, оказавшись в Казахстане, несли свои освободительные идеи закабаленному народу. Под влияние этих передовых идей подпадала и казахская литература второй половины XIX века. Наряду с устным творчеством в этот период происходило развитие казахской литературы нового типа. Самым ярким явлением этой новой литературы было творчество великого казахского поэта-классика Абая.

Абай Кунанбаев

Он был первым поэтом, отразившим подлинные общественные интересы своего народа и сыгравшим огромную роль в деле просвещения казахов и

приобщения их к животворному источнику не только народного творчества, но и к гигантскому наследию русской классической литературы.

Великий поэт казахского народа Абай Кунанбаев родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях племени Тобыкты. Отец Абая – самовластный, суровый степной правитель Кунанбай был старшиной Тобыктинского рода.

Ранние детские годы Абая прошли в тяжелой обстановке семейного разлада внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). Но, к счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным «Абай».¹ Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.

Кунанбай дал мальчику начальное домашнее образование у наемного муллы в ауле, а затем послал восемилетнего Абая в Семипалатинск в мусульманскую духовную школу – медресе.

Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай, вместе с тем, стремился расширить круг своих интересов. Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал в родном ауле многочисленные рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни, воспринимая все многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. В эти же годы учебы в медресе Абай увлекся чтением арабо-иранских и тюркских

¹ Если точно следовать фактам, второе имя «Абай» (в переводе с казахского языка означающее «внимательный, осторожный») дала мальчику его бабушка Зерс. – Прим. ред.

поэтов. Из удушливой атмосферы богомольных букввоедов и темных фанатиков он чутким, пытливым умом рвался, как к благодатному оазису в мрачной пустыне, к произведениям знаменитых классиков Востока, к народной и классической литературе. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нем пробудился интерес и к русскому языку, и к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно поступил в русскую школу, одновременно обучаясь и там.

За эти школьные годы Абай не только изучал доступные ему произведения поэтов, но и сам начал писать стихи. Ранние стихи Абая — лирические отрывки, послания и любовные стихи — написаны чаще всего под влиянием книжной восточной классической поэзии. Но одновременно это были и стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии в духе творчества ақынов-импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже в условиях скучной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую судьбу сына в ином направлении. Участие Кунанбая в беспрерывной борьбе степной знати за родовую гегемонию нажило ему много врагов среди его дальних и близких соперников. Кунанбай стал готовить к этой борьбе своих детей и близких родственников. Поэтому он прекратил обучение Абая в городе и вернул его в аул, постепенно приучая сына к разбирательству тяжебных дел с целью подготовить его к деятельности в качестве главы рода.

Наделенный недюжинными способностями, юноша попал в самую гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощренных воротил и вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай стал постигать все тонкие приемы словесных турниров, выражаемых в отточенном красноречии, остроумии и изворотливости мышления.

Однако Абай общался не только с людьми из круга своего отца. Вопреки его воле он гораздо больше тяготел к талантливым выходцам из народа. В памяти его откладывались обильные запасы народных песен, эпических сказаний и преданий минувших веков, передававшихся изустно. Если Кунанбай и его родня хранили в памяти лишь деяния предков – родовых старейшин, то Абай знал почти всех своих предшественников – поэтов, акынов, участников айтисов, выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к книжной восточной поэзии (арабской, иранской, чагатайской) рождал первые подражательные стихи Абая. Но обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого уходило корнями глубоко в народную почву.

Насильно втянутый волей отца в тягостные дела родовых распреи, Абай долгое время жил в большом разладе с отцом. Он не мог мириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шел вразрез с его интересами, вынёся беспристрастные решения. Кунанбаю были ненавистно поведение сына – и то, что друзей и советников он искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между властным отцом и правдивым, непокорным сыном происходили серьезные стычки, готовые вылиться в разрыв.

Идейная связь Абая с русской культурой. Этот разрыв и совершился, когда Абаю было двадцать восемь лет. Теперь Абай мог устроить свою жизнь по велениям собственного разума и своей личной воли.

Прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве. Близкими друзьями Абая стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по

преимуществу незнатного происхождения, а также лучшие представители русской интеллигенции того времени, встреченные им в Семипалатинске. Только на тридцать пятом году своей жизни Абай вернулся вновь и к поэзии.

Глубоко разочаровавшись в нравах и во всем моральном облике социально разлагавшейся феодально-родовой среды, Абай всеми силами стремился оттолкнуться от нее. Невольный участник бесконечных межродовых раздоров и распрай, разжигаемых воротилами родов, Абай отчетливо сознавал всю пагубность и неимоверную тяжесть этой родовой борьбы для народа. Все более и более он понимал и истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводившим свою колонизаторскую политику по принципу «разделяй и властвуй». Абай видел, что управлятели, бии и старшины превратились в ставленников колонизаторской власти, и пребывал в тягостных раздумьях о судьбе своего народа. В стихах Абая зрелых лет звучала все более и более глубокая скорбь о злосчастной доле казахов – угнетенного, бесправного и отсталого народа. С особой силой скорбь поэта, любящего свой народ и страдающего от его темноты и бессилия, отразилась в стихотворении «О, бедная моя страна!».

В нем поэт рисовал яркий и печальный облик казахского народа, обнищавшего и униженного:

О, бедная моя страна.
Народ казахский мой!
Обвисли жесткие усы
Нечесаной каймой.
Пути добра не отличал
Ты от стези дурной.
Одна щека твоя в крови,
Румянец на другой...

Как бы отвечая поэтам «эпохи скорби», которые плакали о бедствиях народа, но не видели для него выхода из них, Абай призывал народ к борьбе за свободу:

Народ мой, если ты, борясь,
Не смоешь эту грязь,
Любой унизит честь твою
И оскорбит любой...

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай напряженно искал выхода. Он пытался открыть народу глаза, громогласно осуждая и беспощадно бичуя в правдивых, желчных, изобличительных стихах пороки феодально-родовой и чиновничьей знати и призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь к новой жизни.

Всю силу ненависти и страстного негодования поэт вкладывал в свои стихи, рисующие образы баев, мулл, царских чиновников – всех тех степных хищников, которые обманом и силой эксплуатировали и угнетали казахский народ. Таков, например, яркий образ паразита-бая и его сынка:

А бай балованным сыном доволен без конца;
На радость баю он растет собакой – весь в отца:
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.
Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть?
А если даст кусок, гляди, длинна у бая плеть.
Трудись, бедняк проклятый, долг сторицей возврати.
Ведь баю – жить и богатеть, тебе – в могиле тлеть.

Нищету, невежество, рабскую покорность, межродовую вражду и разобщенность поэт-просветитель призывает преодолеть при помощи свободного труда и просвещения, борьбы за лучшую жизнь с угнетателями и эксплоататорами.

На свою роль поэта-просветителя Абай смотрит как на общественный подвиг:

Истины сеять зерно я хочу и крылить язык,
Чтоб не только в глаза, но и в души чтоб свет проник.
Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унизит стиха, кто в нем высокую мудрость постиг.

Призывая к просвещению народа, Абай сам усиленно занимался самообразованием. Книги русских классиков стали его неразлучными друзьями. Счастливый случай свел Абая со ссылочными русскими революционерами 70-х годов. Это были ученики Чернышевского – Михаэлис, Долгополов, Гросс, Леонтьев и другие. Возникла тесная связь Абая с этими людьми, перешедшая в большую дружбу. На лето они приезжали в гости в аул Абая, зимой поддерживали с ним постоянную переписку. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали образованию Абая, подбирая для него книги, отвечая на его вопросы. Благодаря их помощи Абай очень успешно и быстро расширял круг своих интересов. Необыкновенно широко раздвинулся его кругозор, когда он обнаружил и познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай становится почитателем наследия Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С 1886 года Абай стал и сам переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа.

В сближении с русской культурой Абай видел единственный верный путь выхода из мрака своей эпохи. Великого поэта-просветителя волновала идея братства и дружбы народов. В своих стихах он стремился внушить казахскому народу, что нужно отделять русский народ от царских колонизаторов:

Прямодушному злобно кричим: «Урус!» –
Знать, милее нам лицемерный трус.
Заглушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз!
Настоящая дружба стирает межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, –
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Абай был не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки. Абай создал ряд собственных мелодий, главным образом, для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, неизвестные ей до этого формы (восьмистишия, шестистишия и т.д.). Такие же новые мелодии создал Абай и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина».

Уже в 1887 году имя Пушкина и имена героев его поэмы – Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали родными для казахского народа и столь же известными, как имена ақынов и героев казахских эпических поэм.

К этим же годам имя самого Абая – поэта, мыслителя и композитора – становится одним из самых популярных и чтимых народом имен. К нему едут ақыны, композиторы, певцы из дальних районов его родины. Знаменитый Биржан, ақын Асет, слепая женщина-акын Ажар, старшие ақыны Шортамбай, Кемпирбай заучивают и поют его песни. Сверстники Абая – ақыны Жусупбек Шейкуль Ислам, Машхур Жусуп Копеев, Нармамбет, женщины-поэтессы Каундық, Сара и другие разносят по широким степям его стихи.

Гибель поэта и его историческая роль. Все это в сильной степени тревожило царские власти, и в особенности длительная и прочная дружба Абая с русскими ссылочными революционерами, их частые поездки к нему. Сведения об Абае, как об опасном для царизма человеке, дошли до семипалатинского

военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что там происходило, был установлен негласный надзор. Смелый провозвестник правды, изобличитель пороков существующего колониального режима, Абай становился опасным для царизма. За всеми его действиями теперь постоянно и бдительно следили приставы, урядники, волостные управители.

Абай и его ученики выступали против отсталых феодальных устоев, против родовитых интриганов и невежественных угнетателей народа, против всей системы царизма.

Естественно, что Абай заслужил лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они вели против него беспрерывную, грязную и коварную борьбу. В союзе с чиновничьей знатью, с властями, с переводчиками, со всеми представителями продажной мелкочиновничьей интеллигенции эти враги не решались действовать против Абая открыто. Они применяли против непримиримого поэта самые коварные и вероломные методы борьбы. Непримиримый и злобный враг Абая, родовой старшина Оразбай сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать учеников Абая, порочить его клеветой. Они затопили канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов всевозможными доносами на Абая, называя его «врагом белого царя», «смутьяном среди народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». По этим доносам в аул Абая нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды с целым отрядом жандармов приехал даже сам полицеистер города Семипалатинска и учинил обыск во всем ауле Абая. Наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей было совершено покушение на жизнь Абая.

Поэт жил в мрачной и страшной атмосфере злобы и ненависти. Страшным ударом для Абая явилась в это время смерть

его сына Абдрахмана, наследника его дел, образованного и даровитого человека. Вслед за ним погиб в чахотке его любимый сын и не менее талантливый ученик – поэт Магавья. Надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной средой феодалов и чиновничьей знати, Абай не смог перенести этих ударов судьбы. Раздавленный этими несчастьями и павший духом, отвергнув всякое лечение, Абай умер на шестидесятом году своей жизни, только на сорок дней пережив любимого сына.

Он был похоронен в родных степях, на своей зимовке – в долине Жилебай, вблизи Чингисских гор.

Три великих источника национальной и общечеловеческой культуры питали своими соками корни творчества великого казахского поэта.

Один из них – древнеказахская культура, запечатленная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных гением самого народа. Творчество Абая питалось богатствами этого бесценного клада. В глубоком и тесном общении с поэтическим наследием своего народа Абай сумел ощутить всю его духовную ценность и творчески обогатить им свою поэзию.

Другой источник – это лучшие образцы восточной культуры, арабо-иранской и тюркской классической поэзии. Насыщая свою поэзию достижениями культуры Востока, мало знакомой казахскому народу, Абай совершил, несомненно, прогрессивное дело.

Третий источник – это русская (а через нее и европейская) культура. Для эпохи Абая сам факт обращения к этому источнику, главным образом, к наследию русских классиков, до него совершенно неведомых казахскому народу, был фактом огромного значения. Это было залогом будущего расцвета казахской культуры, смелым и верным шагом в ориентации своего народа в исторической перспективе.

Исключительная самобытность, природная мощь и гениальность Абая сказалась в том, что, обратившись к этим трем

источникам культуры, Абай не стал простым подражателем, но органически впитывал в себя новую культуру.

Своим обращением к этим пластам культуры он обогатил свой духовный мир новыми идеями. Просвещенный и пламенный борец за культуру казахского народа, в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов Абай был выдающимся человеком своей эпохи не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

Великий классик казахской литературы, Абай взял все от многовековой духовной культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Это и создало неувядаемую славу Абая как подлинного основоположника новой казахской литературы, как сияющей вершины казахской классической поэзии.

§ 48. Просветитель Алтынсарин и русская культура в Казахстане в конце XIX века.

Состояние просвещения в Казахстане в конце XIX века.

В течение длительного времени, со второй половины XV века до конца XIX века, всякое образование в Казахстане было связано с исламом – в то время господствующей религией среди казахов. Все учебные заведения (мектебы и медресе) находились в руках мусульманского духовенства. Обучение во всех школах носило чисто религиозный характер. Мектебы и медресе преследовали единственную цель – подготовить из среды казахов духовных лиц, способных распространять среди населения ислам. Детей в духовных школах (мектебах) обучали сначала арабской азбуке, потом «шараит-уль-иман» (условиям веры). Для прохождения этих предметов требовался год. После этого ученики переходили к изучению «хафтияк» – седьмой части Корана. Одновременно с изучением Корана ученики проходили «ильм-хал» – катехизис. В качестве учебников им служили религиозные книги на тюркском языке. В мектебах

южных районов проходили поэмы религиозного содержания на тюркском и персидском языках или диваны Навои, Хафиза, Хожи Ахмеда и других. Первый период обучения в мектебах, так называемый «тюрки», т.е. освоение книг на тюркском языке, продолжался 3–4 года.

Второй период – «арабиет», т.е. изучение предметов на арабском языке, продолжался 2–3 года. В течение этого срока проходились на арабском языке «сорок преданий о Магомете», «условия намаза», мусульманское богословие, педагогика и т.п. После пяти-шестилетнего обучения ученик заканчивал мектеб и мог перейти в медресе – духовную школу высшего разряда. В этих школах ученики проходили более сложные предметы – мусульманское законоведение, арабскую грамматику, арабскую философию и т.п. Все эти предметы в медресе также изучались в течение 5–6 лет, после чего ученик «заключал все знания», т.е. считался знатоком всех наук.

Большинство детей заучивали (часто не понимая смысла) отдельные страницы или главы книг. В мектебах обучались преимущественно мальчики. Девочки-казашки чаще всего оставались неграмотными. Только в немногих аульных мектебах девочки обучались сокращенным курсам наук, необходимых «для познания бога и понимания сущности ислама». По казахскому обычаю, девочки не могли поехать учиться ни в другой аул, ни в город, так как им запрещалось покидать свой дом. К 15 годам девочки прекращали всякое образование и выдавались замуж.

Таким образом, обучение в казахских школах долго отличалось средневековым характером и отсутствием прогрессивных начал как в методах, так и в содержании преподавания. Несмотря на это, мусульманские школы сыграли и некоторую положительную роль, так как давали возможность окончившим их ознакомиться с классическими произведениями восточной литературы.

Но даже и эти учебные заведения были малочисленны. Кочевой быт с его родовыми пережитками тормозил массовое открытие школ. Только со второй половины XIX века положение стало меняться. Усиление экономических связей казахов с соседними народами, рост торговли и промыслов на территории Казахстана способствовали росту потребности населения в знаниях. Количество школ росло, но характер преподавания в них не изменился. Преподавателями в школах были по-прежнему муллы, окончившие старометодные медресе в Бухаре, Самарканде, Казани, Уфе, Оренбурге. Они содержались за счет учащихся, которые вносили им плату за учение. В небольших медресе обучение вел сам мулла. Ему помогал хальфе – старший ученик по возрасту и знаниям.

Наибольшее влияние на развитие мусульманских школ в Казахстане оказали бухарские и самаркандинские медресе. Сюда приезжало большое количество учащихся из Казахстана. Среди них было много поэтов и писателей, сочинявших по восточному образцу разные поэмы и переводивших с восточных языков на казахский классические труды восточных писателей. Таким образом казахи знакомились с литературой и поэзией Востока. Во второй половине XIX века усилилось влияние татарских мулл, которые весьма часто являлись агентами царского правительства. Особенной популярностью пользовалось среди казахов большое медресе в татарском ауле Кошкара Казанского уезда, которым руководил известный мулла Измаил Утюшиев.

Начало казахской печати и казахской литературы. В связи с ростом культурно-экономических связей казахского народа с Россией в Казахстане стали появляться и первые книги. Точная дата появления первой книги, напечатанной в типографии на казахском языке, пока не установлена. Известны только напечатанная в 1807 году в Казани поэма Сайфумалина и народная поэма «Козы-Корпеш и Баян-Слу», вышедшая в 1816 году.

До этого среди казахов распространялись книги преимущественно на арабском и персидском языках, пропагандировавшие ислам. С XV–XVI веков стали распространяться, по преимуществу в Ташкенте, Бухаре и Самарканде, рукописи на чагатайском языке, общепонятном тогда для всех народностей Средней Азии (узбеков, казахов, уйгур, киргиз и туркмен).

Искусство книгопечатания народов Средней Азии и Ближнего Востока вплоть до XVIII века резко отличалось от обычного европейского типографского метода. Книги сначала переписывались опытными каллиграфами, украшались орнаментами, вырезами и узорами, затем уже размножались литографским способом. Средневековая казахская печать развивалась под влиянием общей для всех народностей Средней Азии культуры. Поэтому ее нельзя назвать национальной печатью. Стиль и язык этой литературы были понятны только узкому кругу казахов, знакомых с арабским и персидским языками. Такой же малодоступной для широких масс стала в XVIII веке и литература на чагатайском языке. Но в то же время в XIX веке начали печататься лучшие произведения народного творчества, которые ранее передавались из уст в уста. Наиболее известные из них «Кыз Жибек», «Айман, Шолпан», «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и другие. Кроме того, печатались произведения казахских писателей и поэтов, особенно к концу XIX века.

Исключительную роль в развитии казахской литературы сыграли такие крупнейшие казахские писатели и поэты, как Абай Кунанбаев, Ибраим Алтынсарин, Машхур Жусуп Копеев и многие другие.

Борец за просвещение казахского народа Ибраим Алтынсарин. Одним из крупных деятелей и борцов за просвещение казахского народа был поэт и педагог Ибраим Алтынсарин (1841–1889). Наряду с Валихановым и Абаем Алтынсарин был одним из горячих пропагандистов русской культуры и проводником

культурного влияния русского народа в Казахстане. В 1857 году, окончив семиклассную русскую школу в Оренбурге, Алтынсарин стал усиленно готовиться к просветительской деятельности. Он самостоятельно изучал русскую и восточную литературу и пришел к убеждению о необходимости усвоения казахским народом русской и европейской культуры. Но он считал недостаточной простую пропаганду и решил бороться за ее внедрение путем практической работы.

Начиная с 1860 года, Алтынсарин стал заниматься непосредственно педагогической деятельностью. Сначала он собирал казахских детей у себя в доме и учил их. Он ездил по казахским аулам и агитировал за обучение детей в русских школах.

В 1879 году Алтынсарин был утвержден инспектором казахских школ Тургайской области. Он организовал в степи русско-казахские школы для казахских детей и сам преподавал в них. Для этих школ он составил букварь и книги для чтения, не потерявшие своей педагогической ценности и до сих пор. Все свои учебники он написал, пользуясь русским алфавитом, считая этот способ лучшим путем для усвоения культурных достижений русского народа. Школы, созданные Алтынсариным, и его учебники дали возможность многим молодым казахам получить европейское образование.

В 1887 году Алтынсарин ходатайствовал об открытии школ для девушек-казашек. Царское правительство разрешило обучать девушек, но запретило открывать для них специальные школы. Алтынсарин собрал десять девушек и обучал их сам в частной квартире.

Алтынсарин несколько раз возбуждал ходатайство об открытии казахских сельскохозяйственных школ. Но царское правительство опасалось дальнейшего расширения просвещения среди казахов. Казахские бии, вся феодальная знать, особенно реакционные муллы, всячески противодействовали

культурным мероприятиям Алтынсарина. Они клеветали на него, называли его вероотступником, чинили всевозможные препятствия на пути его просветительской деятельности.

Но Алтынсарин продолжал неутомимо и упорно бороться за просвещение казахского народа. В своих стихах он также доказывал необходимость образования для казахов. В стихотворении «Давайте, дети, учиться», помещенном затем в учебнике для школы, Алтынсарин убеждает казахских детей в необходимости учиться и показывает пользу и значение науки в жизни.

На творчество Алтынсарина, как Валиханова и Абая, оказали влияние русские демократы-просветители, в особенности народники 60-х годов. Он высоко чтил имена Чернышевского и Добролюбова, всей душой стремился приобщить казахский народ к сокровищницам русской литературы. Алтынсарин осуществлял культурную миссию

просветителя под влиянием своих русских друзей.

Алтынсарин широко пропагандировал русских классиков, переводил их лучшие произведения и распространял среди казахов. Так, он перевел на казахский язык ряд басен Крылова, написал ряд мелких рассказов по примеру рассказов Льва Толстого, по мотивам лирики Пушкина и Лермонтова написал замечательные стихотворения – «Весна», «Река» и другие.

Ибраі Алтынсарин

Алтынсарин был основателем казахской прозы. Его рассказы «Сын бая и сын бедняка», «Деревянный дом и юрта» и другие содержательны и глубоко идеины. Старому патриархально-феодальному быту казахов он противопоставлял знание и технику, разъяснял их пользу, призывал народ переходить от кочевого

быта к оседлому, земледельческому, от войлочной юрты к деревянному дому. В своих стихотворениях он писал о телеграфе, поездах и кораблях, объяснял их пользу и необходимость, призывал усвоить все достижения культуры. Такой тематики казахская литература до него еще не знала. Вместе с тем Алтынсарин бичевал все старое и реакционное. В своих произведениях «Коварному аристократу», «Чистый родник», «Если ты беден, то должен возненавидеть воровство» и других Алтынсарин ополчался против биев и баев, грабивших и угнетавших народ и ставших раболепными слугами царской администрации. Он разоблачал также мулл и ходжей, которые держали народ в темноте и невежестве патриархального быта, чтобы легче его эксплуатировать.

Алтынсарин оставил казахскому народу большое культурное наследство. Кроме стихов и прозы, он написал первые казахские учебники. В 1887 году вышел отдельным изданием его «Букварь русского языка для казахской школы». Литературно-научные работы Алтынсарина печатались в трудах Географического общества. Его стихи и рассказы и в советское время печатались в литературных хрестоматиях для школы. Он положил начало собиранию фольклора и сохранил для народа многие замечательные произведения казахского народного творчества.

Казахская литература, однако, издавалась в ограниченных количествах. Она подвергалась жестокой цензуре и преследовалась. Некоторые передовые деятели казахской культуры во главе с Алтынсариным возбудили перед царским правительством вопрос об издании газеты на казахском языке, но получили отказ. В самом конце XIX века, преследуя цели внедрения колониальной политики, генерал-губернаторам казахских областей было разрешено перевести на казахский язык некоторые русские газеты реакционно-правительственного направления. Первой газетой, вышедшей на казахском языке,

была газета «Дала уалаяты» («Киргизская степная газета»), издававшаяся как официальный орган акмолинского губернатора с 1889 года в Омске. Она издавалась сначала под названием «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», а затем – с 1894 по 1903 год – под названием «Киргизская степная газета». Первым издателем газеты был потомок Аблай-хана – известный казахский интеллигент – султан Бимахамбет Аблайханов. Газета не имела своей политической линии и в большинстве ограничивалась переводом материалов из русской официальной печати.

Несмотря на это, казахские писатели и передовые русские ученые использовали ее страницы для описания жизни и быта казахского народа и для развития казахской литературы.

Русская демократическая интеллигенция – проводник культуры в колониальном Казахстане. В 70 – 80-х годах в казахскую степь было отправлено немало революционных народников и народовольцев, осужденных по разным актам «Народной воли» (по делу Каракозова и другим).

В числе этих политических ссыльных были Михаэлис, Гофман, Гросс, Аргутинский, Долгополов и другие. Свою ссылку они использовали для просвещения масс и для пробуждения их к политической жизни. Весной 1880 года по делу южной группы народовольцев был выслан в Западную Сибирь, а затем в Семипалатинск один из таких ссыльнопоселенцев Долгополов. Ему было разрешено провести летние месяцы в ауле казахского поэта Абая Кунанбаева, с которым Долгополов близко сошелся.

Аул Валиханова в Кокчетаве и аул Абая в Чингисских горах стали убежищами для многих русских революционеров. Некоторые из них изъявили желание обучать в казахских аулах детей, но власти запрещали им это. Некоторые попытки обучения казахских детей и распространения литературы в казахском ауле были жестоко наказаны. Кроме народников и других русских демократов, высланных в степь, большую

просветительскую работу проводили и многие русские писатели, публицисты и ученые – такие представители русской культуры, как академик Радлов, Семенов-Тяньшанский, Веселовский, Потанин, Клеменц и другие. Некоторые из них были уроженцами Казахстана, с детства любили его как свою родину, тесно сблизились с казахским населением и работали для его просвещения.

Одним из таких людей был Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). Еще на школьной скамье в Омске Потанин и Чокан Валиханов тесно сблизились и поклялись в вечной дружбе и совместной работе на пользу казахскому и русскому народам. Потанин, происходивший из казачьей офицерской семьи, жил в станицах Семипалатинской области, хорошо знал казахский язык, кочевой быт казахов, их нужды и чаяния. Став офицером, Потанин не потерял своего интереса к жизни родного края. Он много занимался историей и этнографией казахов, участвовал в геологических, ботанических и других научных экспедициях. Он собирал и изучал также песни, загадки, сказки и другие произведения казахского фольклора.

Эта плодотворная работа была прервана на целые десять лет, когда Потанин был осужден царским правительством за требование автономии Сибири. После освобождения, продолжая свои научные экспедиции, Потанин посвятил много работ изучению этнографии Казахстана. В 1889 году была издана работа Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», где Потанин отвел большое место и казахскому фольклору.

Большую роль для развития культуры и науки в Казахстане сыграл крупнейший ученый-востоковед Василий Васильевич Радлов.

Путешественник, археолог, языковед, фольклорист, академик Радлов посвятил много лет своей жизни изучению Казахстана. Чтобы лучше изучить казахский язык и быт Казахстана,

он поселился в Барнауле и стал работать народным учителем. Целые десятилетия посвятил Радлов поездкам по Средней Азии и Казахстану, изучал сказания, легенды, песни, пословицы казахов. Радлов много занимался этнографией и археологией, руководя раскопками курганов – могил Восточного и Центрального Казахстана. По материальным памятникам он изучал далекое прошлое Казахстана. Радлов много занимался сравнительным изучением тюркских языков. К главнейшим трудам Радлова относится его работа «Образцы народной литературы тюркских племен» (тт. I–XI); здесь в III томе собраны основные эпические произведения казахского народа. Другим важным трудом Радлова является «Опыт словаря тюркских наречий» (тт. I–IV).

Интересна также работа Радлова «Мифология и миросозерцание жителей Алтая». Для науки о Казахстане важны его «Сибирские древности», где дано тщательное исследование археологических памятников Восточного и Центрального Казахстана.

Наряду с Потаниным и Радловым внес большой вклад в дело изучения Казахстана также известный ученый и путешественник Семенов-Тяньшанский.

В 1856 году Семенов предпринял путешествие в Центральный Тянь-Шань. Из Семипалатинска он сделал переход в Верный, откуда через Баумское ущелье направился к озеру Иссык-Куль. В Средней Азии, главным образом в Казахстане, путешественник пробыл свыше двух лет. Он посетил окрестности Хан-Тенгри, Джунгарского Ала-Тау, Кульджу, Тарбагатай. За научное исследование неведомых вершин Тянь-Шаня Семенов получил вторую фамилию Тяньшанского. Путешественник-географ принимал постоянное и деятельное участие в изучении географии Казахстана, его богатых недр. В эту работу Семенов вовлекал Чокана Валиханова и Потанина, ставших его ревностными учениками. Он был связан также с

Достоевским и другими петрашевцами, о встречах с которыми оставил интересные воспоминания. В 1885 году им был составлен пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи». В 1888 году Семенов совершил поездку по Закаспийской области и Туркестану. Во время этой поездки он собрал обширный материал по географии Казахстана, опубликованный им в издании «Живописная Россия». Семенова-Тяньшанского называли духовным отцом большинства известных русских путешественников – Пржевальского, Потанина, Грум-Гржимайло, Певцова, Козлова и других. Будучи крупнейшим исследователем-географом, Семенов-Тяньшанский хорошо узнал Казахстан. Своими трудами он способствовал выявлению его громадных природных богатств и с большой симпатией относился к угнетенному, но способному и вольно-любивому народу.

Познанию Казахстана, его природы и людей, быта и нравов казахского народа способствовали не только русские ученые, но и деятели искусства. Из них на первое место можно поставить художника Хлудова. После Тараса Шевченко, впервые изобразившего Казахстан в 50-е годы прошлого века, Хлудов изобразил колониальный Казахстан в конце XIX века и в начале XX века.

Николай Гаврилович Хлудов родился в 1850 году в Орловской губернии. В 1877 году он приехал в Верный, где работал учителем рисования. Вместе с художником Глушковым Хлудов составил художественно-этнографический альбом народностей Казахстана. Для того чтобы лучше изучить жизнь и быт казахов, Хлудов работал землемером в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях.

С горячей любовью отдался художник делу изучения Казахстана. Хлудов состоял членом Туркестанского кружка любителей археологии и являлся учредителем Семиреченского отдела Русского географического общества. Он был актив-

ным членом Общества по изучению Казахстана, участвовал в экспедиции Игнатьева 1886 года, зарисовал главный тяньшанский хребет Хан-Тенгри. После землетрясения 1887 года Хлудов вместе с профессором Мушкетовым зарисовал следы разрушений.

Хлудов написал несколько сотен картин, посвященных старому колониальному Казахстану. Картины Хлудова ценные с точки зрения верного описания исторического прошлого и этнографии Казахстана. Художником созданы жанровые полотна: «Барымта», «Школы в степи», «Застигнутые бурей», «Стрижка баранов», «Жатва» и ряд других. Ему удалось в ряде картин отразить тяжелую долю казахской женщины (картины «За дровами», «Похищение невесты», «Состязание женщин»). На последней картине изображено, как бай следят за уничижительным состязанием женщин, которые со связанными за спиной руками должны зубами вытянуть из земли небольшой кол, к которому привязан верблюд. Полуголая победительница в этом состязании получала из рук бая награду.

Хлудов дал яркие колоритные картины прошлого и природы Казахстана.

Старый колониальный быт Казахстана умер. Но полотна Хлудова этого периода остались яркими и правдивыми изобразительными памятниками этого быта. При советской власти тематика картин Хлудова сильно изменилась, но он не переставал возвращаться к изображению колониального прошлого Казахстана.

§ 49. Казахская музыка в колониальный период.

Казахские композиторы конца XIX века. Напряженная, тяжелая жизнь казахского народа в колониальный период не менее выразительно и ярко, чем в литературе, отражена и в музыке того времени. Композиторы Ықлас Даукин, Мукит Мералиев, Жаяу-Муса, Акан-сері, Балуан-Шолак и многие другие оставили богатое музыкальное наследие.

Известный Ыклас Даукин (1843–1916) исполнял все свои произведения на кобызге. Он значительно развил технику игры на кобызге, расширил и внес разнообразие в мелодии, которые исполняли до него на этом инструменте баксы (шаманы). Произведения Ыкласа красочно передают древние сказания казахов, рассказывают о героических поступках и стремлении к лучшей жизни. Ыкласом были созданы такие, получившие впоследствии широкое распространение, песни, как «Аққу», «Жалғыз аяқ» и другие.

Композитор Мукит Мералиев (1841–1918) создал много песен, которые послужили образцом для последующих авторов. Ему принадлежит знаменитая «Алуаш», «Дүние-ай», «Бала Ораз», «Үлкен Ораз», а также «Айнам көз».

Многие из крупнейших творцов казахской песни, музыки и стиха совмещали в своем творчестве разнообразные виды народного искусства, отличались силой, ловкостью и бесстрашием, были пламенными борцами за независимость казахского народа. К таким многогранным дарованиям относятся Жаяу-Муса, Акан-сери, Сары, Балуан-Шолак.

Жаяу-Муса Байжанов (1838–1929) был однолошадным бедняком. С малых лет он отличался решительным характером и большой настойчивостью. Первые зачатки грамоты он получил в ауле, затем учился в Петропавловске и Омске. Двадцатилетним юношей Муса начал в родном ауле борьбу против местной феодальной знати. Царское правительство сослало его на 12 лет в Томск. Весь путь до места ссылки Муса прошел пешком. В пути он сочинил свою знаменитую песню «Ак сиса», в которой пел:

Белый ситец, красный ситец, ситец, ситец...
Кто насильничает, тот не ходит пешим,
Мустафа, Шормана сын, отнял моего коня,
И потому теперь зовусь я Пеший Муса.

В 1860 году по собственному желанию Муса был взят в солдаты, отправлен в Петербург и принял впоследствии участие в среднеазиатском походе 1864 года. Когда Чокан Валиханов покинул отряд генерала Черняева, Муса скрылся вслед за ним и вернулся к себе на родину. Здесь он сочинил множество песен и рассказов, много путешествовал по степи, знакомился с выдающимися деятелями казахского народа. Местная знать снова добилась ареста Мусы и его заключения в тюрьму. Однако друзья и почитатели Мусы добились его освобождения.

Муса участвовал в восстании 1916 года, а позднее горячо приветствовал советский строй и колхозное строительство. Муса был певцом-композитором, акыном – мастером слова. Его наиболее популярные произведения – «Гаунарқызы», «Құлбай», «Іскендер», «Тұрымтай».

Сары Бараков (1863–1895) родился на берегу озера Челкар Актюбинской области. Большая часть жизни Сары прошла в борьбе против чиновной знати. Его неоднократно сажали в тюрьму в Оренбурге и в Иргизе, но каждый раз ему удавалось оттуда бежать. Свою знаменитую песню «Сары әні» он сочинил, находясь в тюрьме, куда был посажен по проискам врагов:

Я сын Барака, имя мое Сары,
Скажи – Сары, Сары знают все.

Несмотря на все гонения, Сары не смирился, не прекратил борьбы. Когда его отправляли из Иргиза в ссылку, его провожала толпа в несколько тысяч человек. Сары сочинил такие известные песни, как «Дариға», «Сібірге айдалу» и «Қызы Қосан». Все произведения Сары восхваляют мужество, непоколебимый героизм и пламенную энергию. Непокорный певец-борец был убит караульными солдатами по дороге к месту ссылки.

Замечательный поэт-лирик и талантливый народный композитор Акан-сери Корамсин (1843–1913) родился в северной части Казахстана, которая ко второй половине XIX века служила плацдармом русской завоевательной политики южных и юго-восточных районов.

Молодой поэт, воспитывавшийся в мечети своего дяди, интеллектуально и творчески созрев, понимал, что среда, в которой он вырос, или совершенно сдружилась с царской администрацией, угнетавшей народы, и стала проводником колонизаторской политики, или просто примирилась с нею. Неслучайно поэтому даже в ранних стихах еще молодого поэта так сильно звучат ноты протesta против этих «двуликих, фальшивых казахов-баев».

Задыхаясь в атмосфере ханжества и раболепия, юный Акан стал искать выхода из создавшегося для казахского народа гнетущего положения. Прежде всего он отказался от своего духовного звания и взялся за домбру.

Он сделался странствующим певцом. За мужество, смелость и благородство народ прибавил к его имени Акан прозвище «сері» (рыцарь).

Переезжая с места на место, Акан-сери, человек бурной души и пылкого сердца, смело и ярко выражал в своих песнях протест против нестерпимого гнета колонизаторов над казахским народом. В оставленном им большом творческом наследии в виде множества стихов и популярных мелодий звучал призыв к казахской молодежи бороться с мраком царизма и против реакционных устоев родового быта и феодальной эксплуатации.

Знаменитые мелодии Акан-сери – «Кұлагер», «Сырымбет», «Қара торғай», «Ақ саусақ» и многие другие были широко использованы в советских казахских операх, а его литературное наследие вышло отдельным изданием в 1935 году.

Женщины-акыны. Среди казахов было очень много и женщин-акынов. Хотя по шариату и по господствующим обыч-

чаям публичные выступления женщин всячески ограничивались, истинные таланты преодолевали всякие препятствия. Одной из таких талантливых женщин была Майра Валиева (1896–1929). Она родилась и выросла в городе Павлодаре. С малых лет Майра заучивала казахские песни и кюи, умела играть на домбре и на гармонии. Она обладала прекрасным, сильным голосом и своим пением покоряла слушателей. Потом она начала и сама слагать песни.

Колониальный гнет второй половины XIX века не мог задушить проявлений народного гения, изливавшихся вальной песне. Эта песня прорывала все преграды и ограничения и звучала в самых широких массах. Переходя из уст в уста, она звала к борьбе с насилием. Эта мрачная эпоха выдвинула немало музыкальных дарований, имена которых навсегда сохранила народная память.

ГЛАВА XX

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

§ 50. Русская буржуазно-демократическая революция и ее влияние на Казахстан.

Рост переселенцев в Казахстан в начале XX века. На рубеже XIX и XX веков Россия вступила в новую, высшую стадию развития капитализма – в стадию империализма. Вывоз капитала за пределы своей страны – в колонии при империализме приобрел особо важное значение.

Характеризуя русский империализм, Ленин называл его военно-феодальным империализмом. Наряду с высокоразвитыми капиталистическими предприятиями – трестами и синдикатами – в России в эпоху империализма сохранялись еще значительные пережитки крепостничества – отработки, кабала. По отношению к народам окраин России царское правительство проводило политику грабежей и насилий, установив в своих окраинных колониях военно-колониальный режим.

Товарищ Сталин, развивая ленинскую характеристику военно-феодального империализма, писал: «Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма – с палацетвом царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов – Турции, Персии, Китая – с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, воздвигнутых в квадрат».¹

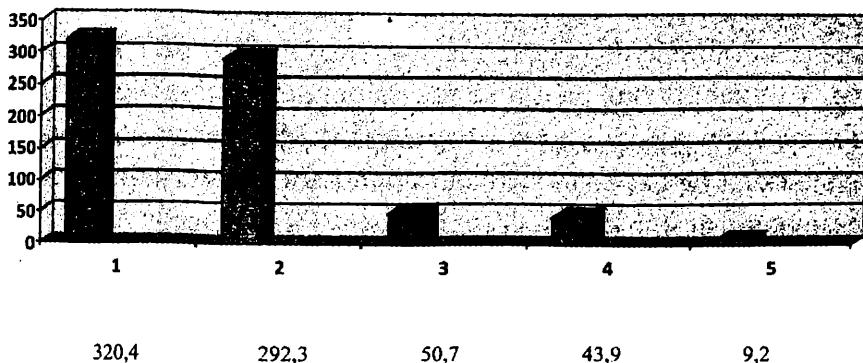
¹ Сталин. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 4 – 5.

С начала XX века национальный и колониальный гнет русского военно-феодального империализма усилился. У казахов отбирались лучшие земли в переселенческий фонд.

Переселение крестьян из России в Казахстан в годы первого десятилетия XX века по количеству и темпам значительно превысило колонизацию XIX века. Например, в Кустанайском уезде Тургайской области было организовано в 1899 году 10 русских поселков, которым было отведено 118 922 десятины на 8 578 душ, а в 1900 году уже было основано 50 поселков, получивших 356 296 десятин на 25 256 душ. Соответственно возросло и количество переселенцев в последующие годы. Так, в 1903 году в Кустанайском уезде было образовано 14 новых русских волостей. Такая же картина наблюдалась и в других уездах. Царские чиновники оказались даже не в состоянии учесть число переселенцев. Тургайский губернатор в докладе царю писал: «Как в отчетном году, так и, особенно, в настоящем усиленный наплыв в область переселенцев весьма серьезно меня беспокоит, тем более что, к своему несчастью, я не могу даже с точностью установить число прибывших в область переселенческих семей». Губернатор жаловался царю, что его аппарат мал и «не в состоянии не только внести в это дело должный порядок, но даже зарегистрировать всех прибывших переселенцев».

Численность населения городов Казахстана также увеличивалась за счет русских переселенцев. В городах Семиречья, например, на 1 января 1901 года насчитывалось 51 364 человека жителей, а в 1904 году их было уже 64 163 человека.

В 1904 году было организовано так называемое Переселенческое управление, ведавшее всеми делами по переселению крестьян из России. В том же году был издан закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев», по которому разрешалось переселяться из России в Казахстан на льготных условиях.

Распределение переселенцев (в тысячах душ мужского пола) по областям 1) Акмолинской, 2) Тургайской и Уральской, 3) Семипалатинской, 4) Семиреченской, 5) Сыр-Дарьинской за период времени с 1893 по 1912 год.

Переселенческое управление изымало земли у казахов, создавало из них переселенческий фонд и руководило всем переселенческим делом. В связи с начавшимся аграрным кризисом и крестьянским движением в России в 1903–1904 годах царское правительство стало особенно поощрять переселение крестьян из России на восточные окраины. Характеризуя переселенческую политику царского правительства в этот период, Ленин писал: «Помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России».¹

Казахское население оказывало сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления, не давало землемерам обмерять землю и составлять планы, отказывалось снабжать эти землеотводные партии продовольствием и транспортом. Во время русско-японской войны и начавшейся русской революции 1905 года царское правительство вынуждено было приостановить переселение крестьян из России.

¹ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 373.

Крупный царский чиновник, сенатор граф Пален мотивировал приостановку переселения крестьян из России в 1905 году тем, что «ввиду шедшей в то время войны на Дальнем Востоке всякое неудовольствие в Туркестане признавалось нежелательным». Царское правительство боялось восстания казахов не меньше, чем крестьянских волнений в России.

Развитие капиталистической промышленности в Казахстане в XX веке. Колонизация Казахстана проводилась царизмом не только путем захвата лучших земель у казахов, но и путем капиталистической эксплуатации богатств Казахстана.

Прежнее значение Казахстана, как источника сырья и рынка сбыта для русской промышленности, полностью сохранялось. Но наряду с этим Казахстан стал значительно сильнее втягиваться в капиталистическое производство. Объясняется изменениями в колониальной политике царизма в эпоху империализма, Ленин писал, что до этого «колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии».¹ Капиталисты теперь считали более выгодным вывозить свои капиталы в колонии и организовывать промышленное производство. Условия для приложения капиталов здесь были особенно благоприятны. Наличие дешевых земель, низкая заработная плата рабочих, строительство новых железных дорог – все это необходимые условия для развития промышленности в колониях. Рост капиталистических предприятий в Казахстане до войны 1914 года показывает следующая таблица:

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 255.

Развитие промышленности Казахстана с 1900 по 1914 год

Годы	Число фабрик и заводов	Сумма производства (в рублях)	Число рабочих
1900 – 1901	2668	5731101	8824
1905 – 1906	3491	3932271	11025
1909 – 1910	4044	27675568	16522
к 1914	4343	28843768	18218

Таким образом, число предприятий и рабочих увеличилось почти в два раза, а сумма производства – в пять раз, что свидетельствовало о постепенном втягивании хозяйства Казахстана в капиталистическое производство.

Однако промышленность Казахстана была развита еще очень слабо. Промышленные предприятия Казахстана представляли собою, главным образом, мелкие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: мельницы, винокуренные, салотопенные, мыловаренные, кожевенные, кишечные, маслобойные заводы, шерстомойки и т.д. На всех таких предприятиях преобладал ручной труд и примитивная техника. Машины и двигатели внедрялись в производство медленно. Все же, наряду с ветряными и водяными двигателями, появлялись уже керосиновые и нефтяные двигатели.

Крупная фабрично-заводская промышленность Казахстана в XX веке была, однако, по признанию губернаторов и ученых статистиков царской России, развита слабо. Семипалатинский губернатор в докладе царю писал: «Фабрично-заводская промышленность в Семипалатинской области развита очень слабо как в количественном, так и в качественном отношении. Судя по величине производства и несложному устройству многих из существующих в области заводов, их, в сущности, надо бы отнести, скорее, к разряду не заводов, а ремесленных заведений».

Причины слабого развития промышленности в Казахстане царские чиновники видели в том, что Казахстан мало заселен,

нет капиталов, отсутствуют технические знания у рабочих, отсутствуют хорошие пути сообщения.

Действительной причиной слабого развития промышленности Казахстана являлась, однако, колониальная военно-феодальная политика царского правительства и русских капиталистов. Казахстан продолжал оставаться источником сырья для промышленности, рынком сбыта для русских фабрикантов и купцов и колонизационным фондом для крестьянских переселений из России. Царское правительство вовсе не было заинтересовано в развитии производительных сил Казахстана. Оно старалось задержать их естественное развитие, старалось сохранить полуфеодальные порядки и родовой быт.

Иностранный капитал в Казахстане. С конца XIX – начала XX веков в Казахстан стали устремляться иностранные капиталы. В Лондоне возник «Сибирский синдикат», а в 1904 году английский промышленник Уркварт Лесли организовал «Киргизское горнопромышленное акционерное общество». В том же году Карагандинские угольные копи, Спасский и Успенский медеплавильные заводы были сданы в концессию французскому капиталисту Карно. В 1907 году Карно перепродаил эти предприятия английскому «Акционерному обществу Спасских медных руд». Акции общества были затем скуплены лондонским банкиром Эрлихом.

Американское акционерное общество в 1908 году купило за 380 тысяч рублей Джезказганские рудники. Здесь образовалось американское «Акционерное общество Атбасарских медных копей».

Иностранный капитал устремлялся, главным образом, в добывающую промышленность. Особенно привлекала добыча цветных металлов, угля, нефти. Но эта эксплоатация природных богатств Казахстана русским и иностранным капиталом носила крайне хищнический характер. Затраты на оборудование и механизацию производства были ничтожны. На всех

иностранных предприятиях, как и на русских, преобладал ручной труд.

Формирование казахского пролетариата. В среднем на предприятиях рабочие-казахи составляли 60–70 процентов. Они выполняли всю тяжелую черную работу. Квалифицированные рабочие-мастера и надсмотрщики по-прежнему были из русских. По признанию царских чиновников, рабочие-казахи, «благодаря большей своей приспособленности и знанию дела, а также нетребовательности и работоспособности, быстро вытесняли русских пришлых рабочих».

По мере развития промышленности начал формироваться казахский промышленный пролетариат.

Положение рабочих-казахов на предприятиях Казахстана было очень тяжелым. Они получали низкую заработную плату. Рабочий день длился 14 – 16 часов. Рабочие-казахи жили в сырых, холодных, грязных бараках или же в землянках и кибитках, построенных вокруг территории предприятия. Рабочие-казахи, как и все казахское население, были бесправными. Их эксплуатировали и капиталисты, и торговцы-купцы, и кулаки-переселенцы, и байи, и царское правительство. «Всем известно, – писал В. И. Ленин, – что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т.п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее, и тому подобное)».¹

Зарождение рабочего движения в Казахстане. Рабочий класс Казахстана – малочисленный и распыленный на огромных его пространствах – вступил в революционную борьбу в начале XX века. Революционная борьба рабочих-казахов и русских против капиталистической эксплуатации носила тогда еще стихийный характер. Первые стачки рабочих были вы-

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 196.

званы ухудшением и без того тяжелого положения рабочих в связи с промышленным кризисом 1900 – 1903 годов.

Наиболее крупными были забастовки на Успенском руднике в 1901 и 1903 годах, а также в Экибастузе и в Караганде в 1902 – 1903 годах. Рабочие выдвигали еще чисто экономические требования – повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта.

В первые годы XX века возникли забастовки и среди железнодорожных рабочих на Сибирской железной дороге и на строительстве Оренбургско-Ташкентской дороги. Наиболее крупной из железнодорожных забастовок была забастовка рабочих на станции Мугоджары, в которой принимало участие 800 человек. Она была вызвана задержкой в течение двух месяцев заработной платы, обсчитыванием рабочих и общими тяжелыми условиями труда, в особенности скверными условиями проживания. Ленинская газета «Искра» 1 февраля 1903 года, сообщая о тяжелом положении железнодорожных рабочих Ташкентской дороги, писала: «Не стоит говорить об обсчитывании подрядчиками рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название бараков, о щах из гнилых сущеных овощей – все это слишком заурядное явление, чтоб об этом стоило говорить».

Большая забастовка рабочих-казахов началась 20 декабря 1903 года на Спасском медеплавильном заводе Рязановых. Управляющий заводом Сухоруков сообщал начальству об этой забастовке: «В означенный день большинство рабочих-киргиз заявило расчет, не желая продолжать работать, а также старалось повлиять на тех рабочих, которые не присоединились к ним». Забастовка продолжалась три дня. Рабочие выставляли лишь экономические требования.

Все эти забастовки были единичными выступлениями отдельных отрядов рабочих. Только позднее, с развитием революционного движения в России и распространением влияния

революционной социал-демократии на окраины, революционное движение в Казахстане стало принимать более широкий организованный характер. Постепенно трудящиеся массы казахского населения приобщались к политической революционной борьбе. Влияние ленинской «Искры», революционной социал-демократии и русского рабочего движения на развитие революционного и национально-освободительного движения сказалось позже – главным образом, в годы революции 1905 – 1907 годов. Это влияние шло в Казахстан через социал-демократические организации Поволжья и Сибири, в особенности городов Самары, Саратова, Уфы, Омска, а также городов Урала. В Казахстан все чаще проникала марксистская литература и прокламации. Чаще всего местные социал-демократические организации в Казахстане возникали при помощи политических ссылочных. Так, например, возникла социал-демократическая организация в Петропавловске, куда была сослана группа социал-демократов, рабочих железнодорожных мастерских Омска. В Казахстане начали свою революционную деятельность верные соратники Ленина и Сталина – Михаил Васильевич Фрунзе и Валериан Владимирович Куйбышев. В 1904 году Фрунзе окончил в Верном (ныне Алма-Ата) гимназию и начал здесь свою революционную деятельность. Куйбышев, родившийся в Омске, юношей вел большую организаторскую и пропагандистскую работу в Омске, Кокчетаве и Петропавловске.

Революционное движение в Казахстане в 1905 – 1907 годах. Расстрел рабочих 9 января 1905 года в Петербурге положил начало первой русской революции. Вскоре на борьбу с самодержавием поднялись не только трудящиеся массы России, но и угнетенные народы окраин. Национально-освободительное движение народов окраин в 1905 – 1907 годах было тесно связано с революционной борьбой трудящихся России и приняло революционный характер и большой размах. «Русская рево-

люция вызвала движение во всей Азии», – писал Ленин. «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение».¹

В городах Казахстана на собраниях рабочих и интеллигенции выносились резолюции протеста против расстрела безоружных рабочих в Петербурге, собирались средства в помощь семьям убитых. На предприятиях городов и на железных дорогах – Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской – происходили забастовки рабочих и служащих. Рабочие приисков в Устькаменогорском и Акмолинском уездах, на Экибастузских каменноугольных копях, в депо станции Перовск, на разработках саксаула в Перовском уезде, в том числе и рабочие-казахи, примкнули к революционной борьбе. 1 мая 1905 года они провели политическую забастовку. Рабочие уральской типографии устроили даже первомайскую политическую демонстрацию.

Летом 1905 года политические забастовки и демонстрации происходили в гораздо больших масштабах, особенно в Ташкенте, Перовске и Омске. На этих демонстрациях распространялась прокламация большевиков «Долой Булыгинскую Думу!».

Волна революционного движения прокатывалась по всему Казахстану. Развертывалось и национально-освободительное движение. 25 июля казахи Семипалатинской области и других собрались на митинг на Куяндинской ярмарке. На митинге была принята петиция с политическими требованиями. «В настоящее время, – говорилось в ней, – когда вся Россия заявляет о необходимости полного переустройства своей жизни, киргизские степи, связанные судьбою с Россией, не могут оставаться безучастными к переживаемым ею событиям и не заявлять о своих нуждах». Казахи требовали отказа от изъятия земель у казахского населения; прекращения переселения крестьян из России в Казахстан и признания земли ка-

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 354 – 356.

захов их собственностью; они выдвигали требования свободы совести и вероисповеданий, организации особого духовного управления, постройки школ и мечетей, установления законного порядка для выдачи заграничных паспортов для поездки в Мекку; они требовали разрешения преподавания арабской грамоты в аульных школах наряду с обязательным изучением государственного (русского) языка и преподавания в аульных школах на родном казахском языке, а для дальнейшего образования казахских детей требовали открыть пансион при Семипалатинской гимназии. Петиция требовала издания газет на казахском языке, а также перевода на казахский язык делопроизводства в судах и волостных канцеляриях. В целях введения самоуправления казахов петиция требовала отменить институт урядников и крестьянских начальников и предоставить казахскому народу право избрания своих депутатов в законодательное собрание России.

Подача этой петиции царю была поручена делегации во главе с Бахиджаном Каратаевым. В составе делегации были муллы, бай и ишаны. Делегация поехала в Петербург и была принята царем. Делегация выразила царю верноподданнические чувства и поздравила его с годовщиной рождения наследника Алексея. Делегаты сфотографировались с царем в ярких цветных халатах и чалмах. По совету генерала Джангерханова делегация даже не передала царю привезенной петиции и вообще не возбудила никаких ходатайств. Обласканные царем, бай и муллы уехали домой, не помышляя ни о каких свободах казахскому народу.

Но трудящиеся Казахстана продолжали бороться за свою свободу и независимость. Они приняли самое активное участие и во всероссийской политической забастовке в октябре 1905 года. В результате забастовки железнодорожников движение по Сибирской и Оренбургско-Ташкентской железной дороге приостановилось. В Перовске рабочие-железнодорожники

создали «Перовский революционный комитет». Управление железной дорогой фактически перешло в руки рабочих. По городам Казахстана проходили манифестации, митинги и демонстрации. Казахские рабочие вместе с русскими рабочими демонстрировали свой протест под красными знаменами с лозунгами «Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день!». Такие демонстрации были устроены в Оренбурге, Челкаре, Кустанае, Верном, Перовске и других городах. О демонстрации в городе Каркалинске уездный начальник доносил губернатору: «После объявления русскому и киргизскому населению Каркалинска высочайшего манифеста 17 октября многочисленная толпа, крайне возбужденная против властей противозаконными речами некоторых лиц, направилась под красными флагами по улицам города с пением и криками «ура!». Во главе толпы, состоящей большей частью из верховых киргизов, ехал под красным флагом помощник лесничего г. Глебов».

Во время революции 1905–1907 годов возникли и работали большевистские организации и группы в Верном, Оренбурге, Ташкенте, Кустанае, Петропавловске и других городах. Эти большевистские организации распространяли среди населения Казахстана большевистские прокламации, брошюры и газеты. Особенно расходились ленинские брошюры «К деревенской бедноте», «Пересмотр аграрной программы партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Проникали в Казахстан и листовки, издававшиеся Кавказским комитетом РСДРП, которым руководил товарищ Сталин, и прокламации Томского комитета, где работал С. М. Киров. Большое распространение получили большевистская газета «Пролетарий», «Солдатский листок правды», «Оренбургский край», «Уральская жизнь», «Голос Приуралья», «Урал». Редактором последней был молодой революционер Хусайн Ямашев. Листовки и прокламации большевиков распространялись не только на русском, но и на

татарском языке, который казахи хорошо понимали. Особенной популярностью пользовалась прокламация под названием «Открытое письмо царю Николаю II от крестьян» на татарском языке. В ней говорилось: «Что ты дал нам за наш тяжелый труд и бедность? 9 января 1905 г. рабочие Петербурга, шедшие, чтобы рассказать тебе о своей тяжелой доле и угнетении, несли твои портреты. Твои генералы приказали солдатам стрелять в них, и на месте остались тысячи убитых и тысячи раненых. Почему же ты в это время не вышел и не приостановил кровопролитие? Где ты был в это время, когда на улицах убивали людей? Почему ты не сказал ни слова? Почему ты не наказал своих генералов? Твои портреты были окрашены кровью невинных сердец детей и жен. Эта кровь не только на твоих руках, но и на твоей совести». В той же прокламации были выставлены политические требования, в частности требование о предоставлении магометанскому населению права выбирать своих представителей в Государственную Думу, а также некоторые аграрные требования. Прокламация так мотивировала эти требования: «Государственная Дума нам очень нужна. Нас в России около 10 000 000, но земли у нас мало. Нашиими землями владеют дворяне, ничтожные князья и ваши родственники. Они сидят на нашей шее и сосут нашу кровь. Мы не хотим делиться землей с твоими собаками. Кто обрабатывает эту землю, тот и должен владеть ею».

Казахский народ начал приобщаться к политической революционной борьбе, которой руководил пролетариат России. В ходе этой борьбы выдвигались и росли передовые люди казахского народа, готовые отдать свою жизнь за освобождение своего народа. В годы революции 1905–1907 годов впервые выступил на защиту казахской бедноты и будущий вождь национально-освободительного восстания 1916 года – Амангельды Иманов. Казахский народ вступил в активную революционную борьбу вместе с русскими рабочими. Оценивая этот

этап борьбы, В. И. Ленин писал: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам».¹

Забастовка рабочих Успенских рудников. Осенью 1905 года рабочие Нельдинских (Успенских) медных рудников создали «Киргизско-русский союз». Под руководством этого союза была составлена петиция, в которой говорилось: «Мы, рабочие и служащие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно – французского гражданина, сплотившись между собою для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря пришли к тому заключению, что исполнить свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены, ввиду чего мы постановили требовать

1. немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными,

2. повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным: получающим до 50 руб. в месяц на 25 проц., а свыше 50 руб. – на 15 проц.,

3. снабжения непромокаемою одеждой и обувью рабочих,

4. устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями,

5. немедленного улучшения помещений – казарм для рабочих-киргиз,

6. уволить служащих медного рудника – фельдшера Костенко, конторщика Ивченко как несогласных с нашими требованиями.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку».

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 306.

Петиция была подписана как русскими, так и казахскими рабочими. Во главе «Киргизско-русского союза» стоял русский рабочий П. Топорнин и казах Алимхан Байчигиров. Забастовка рабочих Успенских рудников закончилась победой рабочих. Все требования рабочих были удовлетворены.

Царское правительство было очень обеспокоено ростом революционного движения в Туркестане и в Казахстане. Председатель кабинета министров граф Витте в шифрованной телеграмме от 15 декабря 1905 года предлагал туркестанскому генерал-губернатору ввести военное положение: «Я вам советую, — писал Витте, — ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание».

Тургайская и Семиреченская области были объявлены на положении усиленной военной охраны. Начались обыски и аресты среди рабочих, служащих и интеллигентии. Многие революционеры были брошены в тюрьму или высланы.

Работа большевиков в Казахстане. Несмотря на репрессии, большевики в Казахстане продолжали вести неустанную работу. Большую работу вел в Казахстане в 1905–1906 годах В. В. Куйбышев. Весной 1906 года он приехал в Петропавловск. Здесь Куйбышев организовал маевку рабочих у озера Пестрое. Вслед за маевкой была устроена встреча рабочих с революционерами, прошедшими ссылку в Сибирь. Под руководством Куйбышева была проведена большая забастовка петропавловских рабочих. Большевистская организация Петропавловска, руководимая Куйбышевым, выпускала листовки, распространяла нелегальную литературу, вела борьбу против меньшевиков и эсеров, организовала боевую дружину.

Успешно работала большевистская организация в Кустане под руководством большевика Голованова. Во время выборов во вторую Государственную Думу в число выборщиков от Ка-

захстана прошли большевики. В числе их был Голованов, выбранный затем депутатом во вторую Государственную Думу от Тургайской области. От Акмолинской области депутатом во вторую Государственную Думу был избран большевик Виноградов. От казахского населения Уральской области депутатом второй Государственной думы был Бахиджан Карагаев – юрист по образованию.

Когда весной и летом 1906 года начались массовые крестьянские волнения в России, царское правительство начало вновь усиленно поощрять переселение русских крестьян в казахские степи. «Переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться, – писал Ленин, – именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России».¹

Царское правительство рассчитывало новым массовым переселением крестьян из России ослабить остроту крестьянской борьбы за землю внутри России. Переселенческое управление начало снова усиленно отнимать земли у казахов в переселенческий фонд. Возмущенные казахи требовали прекращения изъятия земель у казахского населения. Передавая это требование казахского народа, депутат второй Государственной Думы Карагаев в своей речи заявил: «В нашем государстве обострившийся аграрный вопрос хотят разрешить переселением крестьян на территорию степных областей, а именно на территорию Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семиреченской областей». Осуждая эту переселенческую политику царского правительства, которую поддерживали правые партии – кадеты, октябрьсты и другие, Карагаев предостерегал: «Пусть помнит Государственная Дума, что киргиз-кайсаки, которых обзывают путем переселения на их землю крестьян ради защиты помещичьих интересов внутри России, интересов этих 130 тысяч помещиков, пусть они имеют в виду, что киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают

¹ Ленин. Соч.. т. XV, стр. 524.

принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода».

Цитируя эту речь Каратаева и других представителей народов окраин России, Ленин писал: «Вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества».¹

Речь Каратаева в Государственной Думе была, однако, «голосом вопиющего в пустыне». Правые партии отстаивали политику захвата земель у казахов и всячески поощряли переселение крестьян из России в Казахстан.

Они мотивировали необходимость земельных захватов интересами развития культуры в Казахстане. «Я отвечу на притязания этих инородцев, – заявил депутат, кадет Тетеревенков. – Мы не можем, чтобы они (земли казахов) пропали даром для культуры».

Против этой грабительской переселенческой политики казахское население боролось как умело и как могло. Тургайский вице-губернатор Леонтьев писал, что казахи не позволяют образовывать переселенческие участки, пока Государственная Дума не решит земельного вопроса. «Угрозы киргиз, – писал Леонтьев, – не допустить фактического отвода участков впредь до разрешения переселенческого вопроса Государственной Думой, повторяемые ими неоднократно в поступающих от них прошениях, не есть простая угроза, а верное отражение действительного настроения большинства киргизского населения, с которым необходимо посчитаться, и теперь же, пока это настроение не перешло в общее национальное движение и активное противодействие переселенческому движению». Казахское население не ограничивалось подачей прошений и в целом ряде мест переходило часто к открытой вооруженной борьбе. Столкновения казахов с войсками и полицией были нередким явлением. Однако эти выступления были разрозненными и стихийными. Они не вылились в общенациональное

¹ Ленин. Соч., т. XI, стр. 194.

освободительное восстание и не соединились с пролетарской борьбой. Это и явилось одной из причин поражения революции 1905 – 1907 годов.

§ 51. Казахстан в годы столыпинской реакции.

Усиление реакции в Казахстане. Революция 1905–1907 годов в России потерпела поражение. Рабочие и крестьяне России вынуждены были отступить и готовить силы для нового штурма самодержавия.

Царизм, напуганный революцией, торопился уничтожить все ее завоевания. Были уничтожены возникшие в дни революции Советы рабочих депутатов, закрыты профсоюзы и крестьянские организации, разгромлены организации большевиков, арестованы их руководители.

В Казахстане также началась свирепая расправа с революционным движением. Жандармы и полиция разгромили большевистские организации во всех крупных городах Казахстана – в Актюбинске, Петропавловске, Уральске, Перовске, Казалинске, Туркестане, а в 1908 году и в Оренбурге. В Омске были арестованы все участники общегородской партийной конференции во главе с Куйбышевым.

После разгона второй Государственной Думы был издан новый избирательный закон о выборах в третью Государственную Думу. Этот закон от 3 июня 1907 года лишил избирательных прав народности Сибири, Средней Азии, Казахстана.

Но революционное брожение среди казахского и русского населения Казахстана в годы реакции не прекращалось. Большевики Казахстана, уцелевшие от арестов полиции, ушли в подполье и перестраивали всю революционную работу в масках.

Большую массовую работу вела кустанайская партийная организация, созданная большевиком Головановым. Во время разгона второй Государственной Думы и ареста ее боль-

шевистской фракции Голованов был арестован. Кустанайская большевистская группа собрала митинг жителей Кустаная, который потребовал от министра внутренних дел Столыпина освобождения Голованова и всей социал-демократической фракции. Принятая митингом петиция заявляла, что «волнения и народные движения тогда только прекратятся, когда будет создана не сословная, а полновластная Дума, избранная путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов». Она требовала отмены всех ограничительных законов и полной амнистии всем гражданам, пострадавшим в борьбе за правду, а также отмены нового избирательного закона.

Столыпин в ответ на кустанайскую петицию приказал выявить всех организаторов митинга и составителей петиции и выселить их из Тургайской области. Охранка арестовала руководителей кустанайской социал-демократической организации, а также и ряд других членов организации.

Митинги и демонстрации протesta против разгона второй Думы, однако, не прекращались. Они происходили в Актюбинске, Верном и других городах. В Актюбинске рабочие вышли на демонстрацию с лозунгом «Долой самодержавие!».

Продолжалась борьба не только в городе, но и в русском селе, и в казахском ауле. Нередко она выливалась в форму прямых столкновений с местной администрацией и чинами Переселенческого управления. В связи с аграрной реформой Столыпина ограбление национальных окраин усилилось. Переселенческая политика, составлявшая одну из основ столыпинской реформы, приняла характер массовой экспроприации земли у казахов. Казахи оказывали открытое сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления, отчуждавшим у них земли в переселенческий фонд. В донесении Столыпину тургайского вице-губернатора сообщалось, что казахи Шектинского рода аулов № 1 и № 2 Актюбинского уезда Тургайской области не допустили топографов Переселенчес-

кого управления к съемке местности для отвода земель под переселенческие участки. Казахи-алимовцы Бистамановской волости Темирского уезда также оказали противодействие топографическим партиям Переселенческого управления. В Илекской и Карагургайской волостях дело дошло до вооруженных столкновений. Сообщая об этом, вице-губернатор писал, что причину подобных столкновений «следует искать в начавшемся у киргиз общем движении против работ по изъятию у них земли, чему, конечно, в огромной степени способствовали события, совершающиеся в России».

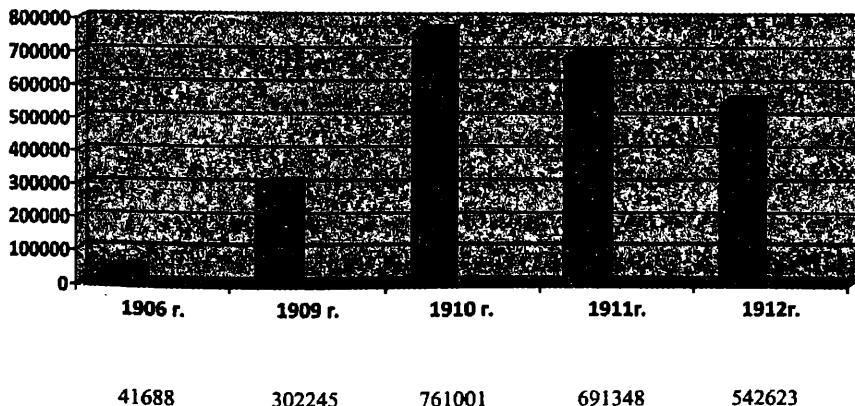
Русские крестьяне, переселившиеся в Казахстан после революции 1905 года, не только не ослабили, а обострили революционное брожение в Казахстане. В ряде районов они отказывались платить подати. Своими рассказами о борьбе крестьян за землю в России они поднимали казахов на борьбу против колонизаторской аграрной политики царизма в Казахстане.

«Переселенцы из Европейской России, – доносил в 1907 году акмолинский губернатор, – своими рассказами о бедственном положении крестьян и об их насильственных действиях с помещиками, а равно нежеланием платить подати заражают и здешних крестьян...». Царские власти отмечали, что, кроме таких агитаторов-переселенцев, местное население возбуждают противоправительственные воззвания, фабриковавшиеся гектографским способом, и брошюры революционного содержания. В большом количестве такая агитационная литература распространялась по Kokчетавскому уезду.

Непрекращавшаяся борьба рабочих и крестьянских масс против наступления реакции поддерживала и оппозиционные настроения в среде либерально настроенной казахской интеллигенции. В конце 1907 года в Кустанае, Троицке, Оренбурге и других городах происходили совещания либеральной казахской интеллигенции с целью разработки требований к прави-

тельству о нуждах казахского народа. Материалы совещаний были отправлены в мусульманскую фракцию третьей Государственной Думы. На основе этих материалов мусульманская

**Изъято в государственный фонд
по Семиреченской области казахских земель (в десятинах)**

фракция разработала доклад для внесения в Государственную Думу. В докладе выдвигались следующие требования – прекращение переселения в Казахстан крестьян из России и наделение казахов землей в собственность; свобода исповедания религии; издание казахской газеты; избрание депутата в Государственную Думу от казахов. Все эти требования остались, конечно, без внимания. Тургайскому губернатору было даже указано: «По поводу однородных домогательств якутского населения господин министр внутренних дел предложил якутскому губернатору властно, раз и навсегда, прекратить всякую агитацию о даровании якутам помянутого представительства и всякие разговоры на уличных сходах с критикой правительственные мероприятий изволил признать нетерпимыми».

Рост национально-колониального гнета в годы реакции.

В годы реакции усилился и без того невыносимый национально-колониальный гнет. Захват и изъятие земель у казахов продолжались. Особенно в больших размерах производилось изъятие земель у казахов Семиреченской области. Казахи вытеснялись в горы и пустыни. Царское правительство готовило трудящимся казахам судьбу американских индейцев. Земля продавалась и сдавалась в аренду теперь преимущественно кулакам. Царское правительство после революции 1905–1907 годов стремилось создать не только в центре, но и на окраинах крепкий слой кулачества как опору самодержавия.

Аграрная политика царского правительства в Казахстане тесно переплеталась с национальным угнетением. Содействуя укреплению кулацких хозяйств, царское правительство в то же время стремилось русифицировать окраины. Министр внутренних дел Столыпин требовал, чтобы в Казахстане, как и в других «окраинах» империи, укреплялись, прежде всего, русские кулацкие хозяйства. «Переселение крестьян центральных губерний на свободные казенные земли азиатской России приобретает первостепенное государственное значение, – писал он в одном из циркуляров. Этим путем, с одной стороны, достигается увеличение и укрепление в восточных областях коренного русского элемента, столь необходимого как для укрепления начал русской государственности, так и в целях политических».

В создании слоя русских кулаков царское правительство видело средство укрепления устоев самодержавия в колониях империи. Эта политика царского правительства была направлена не только против казахского народа, но, по существу, и против русского народа, так как она преследовала своей целью укрепление главного врага всех трудящихся империи – российского самодержавия.

Наряду с насаждением слоя кулаков-колонизаторов царское правительство создавало в Казахстане и крупные помещичьи

хозяйства. Столыпин, приезжавший в 1910 году в Сибирь и Казахстан, говорил: «Было бы хорошо, если бы переселить киргиз северных областей на юг, а освободившиеся земельные угодья отдать переселенцам». В 1912 году было издано положение о сдаче крупным землевладельцам в аренду, без торгов, земель в Сибири, Казахстане и Туркестане. Для этой цели был выделен специальный фонд лучшей земли. К 1915 году было выделено 1800 тысяч десятин. Генерал Янов, полковники Козлов и Семенов, помещики Потоцкий и Варун-Секрет, капиталисты Заболотников и другие – все они получили от царского правительства огромные поместья в Казахстане по 10 копеек за десятину.

Казахские крупные феодалы и бай владели не меньшими земельными богатствами. Они захватывали земли, ранее принадлежавшие целой общине или роду. Когда у одного бедняка-казаха спросили, где границы земельных владений его общины, он ответил: «Какие там границы! У кого толстая камча (плеть), тот и землю имеет. Вот богачи захватили себе по два, по три кыстау, а у нас, бедняков, отнимают и покосы, и кыстау». Бай эксплуатировали и сородичей, и пришельцев – так же, как русские кулаки-колонизаторы эксплуатировали и русских бедняков-переселенцев, и казахов-кедеев.

В связи с проникновением в хозяйство Казахстана буржуазных отношений в ауле с начала XX века усилилось классовое расслоение. Байская верхушка превращалась в крупных землевладельцев, торговцев, ростовщиков, предпринимателей. В среде казахов появились крупные помещики и предприниматели – Исмаил Жаманчалов (Кустанай), Женсенбай (Омск), Баймахамбет (Петропавловск), Маман Турспек (Семиречье) и другие. Байское хозяйство, работающее на рынок, становилось все более буржуазным. Это, конечно, не изменяло еще общей структуры экономики Казахстана, в которой все еще преобладало мелконатуральное скотоводческое хозяйство. Правда,

в хозяйстве казаха-кочевника также происходили изменения. Лишенные кыстау и тебеневок, бедные казахи, чтобы прокорить семью, вынуждены были переходить к оседлому земледелию. Переход к оседлости, к земледелию особенно усиленно происходил в аулах, прилегавших к территории городов, русских поселений и железных дорог. Возникали постоянные казахские аулы-поселки с домами и надворными постройками. Такие аулы получали или названия, или номера – аул № 1, № 2 и т.д. Казахские хозяйства, перешедшие к земледелию, стали применять сельскохозяйственные машины. Уже не овца, а лошадь и корова стали играть в хозяйстве казаха-земледельца первостепенную роль. Крупные бай-богатеи применяли в своем хозяйстве наемный труд, эксплуатируя бедняков. Волостные управлятели и аульные старшины из баев превратились в настоящих чиновников царского колониального аппарата. Колониальный гнет и грабеж, произвол и насилия царских чиновников, эксплоатация со стороны кулаков и байства – все это обостряло классовые противоречия в Казахстане, обостряло ненависть казахского народа к колонизаторам, к царскому правительству и байству.

Недовольство росло также и среди русского крестьянства. Большая часть русских переселенцев-бедняков и середняков не получила земли и вынуждена была арендовать ее у кулаков и казачества. Многие из «неустроенных переселенцев» образовали в казачьих станицах слой так называемых «иногородних», влячивших нищенское существование.

Между казахами и русскими крестьянами-бедняками устанавливались дружественные отношения. Казахи помогали русским крестьянам-новопоселенцам вспаивать землю, перевезти сено, убрать урожай, оказывали помощь скотом. Русские крестьяне также не оставались у них в долгую. Они видели, что и казаху-бедняку живется очень тяжело. Царские чиновники и полиция все чаще отмечали факты сближения и дружбы между

русскими и казахскими крестьянами. «Василий Панкратьевич Капитанов совместно с другими лицами вел разговор о положении киргиз, – доносил охранник семиреченскому губернатору, – причем собравшиеся говорили, что положение киргиз тяжелое, так как места для кочевок все убывают, горы отходят под казенные дачи, а удобные долины под русские поселки и в казну, что, несмотря на то, что киргизы весьма полезный народ, что они несут всякую работу – служат ямщиками и рассыльными и у русских хозяев обрабатывают поля, но заступиться за них некому. Разговор коснулся также и крестьян, причем говорили, что жить крестьянам тоже тяжело, что многие из них сильно бедствуют». Таким образом, вопреки колонизаторской великодержавной политике царского правительства между трудовым населением Казахстана и русскими крестьянами-переселенцами возникали и крепли солидарность и братская дружба. Большевистская партия, ведя подпольную работу, разъясняла массам политику царского правительства и положение народа в царской России. Она использовала все легальные и полулегальные возможности для воспитания масс и для подготовки их к новым революционным боям.

§ 52. Казахстан в годы революционного подъема.

Экономическое развитие Казахстана после революции. Характеризуя экономические последствия русской буржуазно-демократической революции 1905 года для национальных окраин России, товарищ Сталин писал: «...В стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром – остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить

процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были прийти в движение...».¹

В эти годы промышленность Казахстана заметно выросла. Увеличилось количество предприятий. Стали внедряться в производство машины. Увеличился объем выпускаемой продукции. Возросла численность рабочих. К 1910 году в Казахстане было до 5 тысяч предприятий с 18 тысячами рабочих. Стоимость продукции этих предприятий составляла около 29 миллионов рублей. В 1913 году число предприятий увеличилось до 6 тысяч, стоимость валовой продукции достигла 67 миллионов рублей, а рабочих только в крупной промышленности насчитывалось до 20 тысяч человек.

Оживление промышленности Казахстана было связано с общим промышленным подъемом в России и с проникновением сюда иностранного капитала. В это время здесь возникли новые крупные промышленные предприятия и акционерные общества по добыче нефти: «Урало-Каспийское акционерное общество», «Нефтяное общество товарищества Нобель», «Общество Эмба», «Общество Эмба и Каспий», «Общество Колхида».

Акции казахстанских акционерных предприятий высоко котировались на иностранной бирже. На спекуляции этими акциями владельцы акций наживали большие барыши.

Иностранный капитал по-прежнему устремлялся, главным образом, в добывающую промышленность. Иностранные, как и русские, капиталисты хищнически эксплуатировали богатые недра Казахстана. На медных и свинцовых рудниках, угольных шахтах и нефтяных промыслах по-прежнему преобладал ручной труд. Больших затрат на механизацию производства капиталисты не производили. Они предпочитали эксплуатировать дешевый труд казахских рабочих.

Вместе с количественным ростом промышленного пролетариата усиливалась политическая борьба трудящихся масс

¹ Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 7.

Казахстана. Большевистская партия поднимала массы рабочих России и угнетенные народы окраин на борьбу с самодержавием под тремя лозунгами – «демократическая республика, конфискация помещичьих земель, восьмичасовой рабочий день». В сплочении масс вокруг большевистского знамени огромнейшую роль сыграли большевистские газеты «Звезда» и «Правда».

В 1911–1912 годах в России был неурожай. Голодали 20 миллионов крестьян России. Голод захватил и ряд областей Казахстана. Большевистская газета «Звезда» в № 26 за 1912 год сообщала о голодовке в Тургайской области: «Голод охватил почти всю область, населенную киргизами и переселенцами из внутренних губерний России». Ненависть казахского населения к царскому правительству все усиливалась. Чаще и чаще стали наблюдаться открытые революционные выступления. Большевистская газета «Правда» в № 52 за 1912 год поместила корреспонденцию из Казахстана о событиях, произошедших в Каракольской волости Лепсинского уезда во время выборов волостного управителя и «народных» судей. Уездный начальник арестовал нескольких казахов и взял их под стражу. Присутствовавшие при этом казахи потребовали освободить арестованных. Уездный начальник отказался выполнить это требование. Тогда казахи окружили уездного начальника, оттеснили его от стражи и пытались прорваться к арестованным, чтобы освободить их. Стражники, по приказанию уездного начальника, открыли стрельбу по казахам. Несмотря на это, казахи прорвались к арестованным товарищам и освободили их, избив при этом стражников и писаря. Волнение казахов в Каракольской волости продолжалось несколько дней и было подавлено вооруженной силой.

Рост национально-освободительного движения. Большевистская партия неустанно разоблачала империалистическую политику царизма, направленную против всех угнетенных национальностей России.

Разоблачая буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, большевики призывали рабочих всех национальностей России «дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса».

В 1912 году товарищ Сталин написал свою знаменитую работу «Марксизм и национальный вопрос», в которой разоблачил буржуазно-националистическую программу национально-культурной автономии и противопоставил ей большевистскую национальную программу.

Используя трибуну черносотенной Государственной Думы, большевики заклеймили позором человеконенавистническую политику царского правительства. «Действительное решение национального вопроса в России, как и в других странах, — писал Ленин, — возможно только при полном демократизме, обеспечивающем последовательное и свободное развитие национальностей на основах полного национального самоопределения. Ускорить наступление такого строя может только полное слияние пролетариев всех национальностей в борьбе за социализм против всякой буржуазии и против наших помешников, разжигающих национальную вражду».¹

Под влиянием нового революционного подъема в России в 1912–1914 годах, а также в связи с революцией в Китае и вообще с пробуждением Востока под влиянием первой русской революции 1905–1907 годов усилилось национально-освободительное движение угнетенных масс России.

О росте национально-освободительного движения в Казахстане семиреченский губернатор немец Фольбаум писал в секретном циркуляре уездным начальникам:

«В Туркестане, Семиреченской и Ферганской областях, под влиянием поражений и неудач турок в войне с балканскими государствами и ввиду якобы оказываемой Россией помощи славянам, в настоящее время наблюдается возбужденное настроение мусульман и враждебное их отношение к русским

¹ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 691.

вообще и к русскому правительству в частности». Этот немец-губернатор хотел видеть причину возбуждения мусульманского населения Средней Азии и Казахстана в происках турецкой пропаганды. Однако действительной причиной возбуждения и недовольства угнетенных масс была не турецкая пропаганда, а колониальный гнет царского правительства. Начальник охранного отделения города Верного Железняков более правильно объяснял положение. Он писал Фольбауму: «Настроение мусульман продолжает быть возбужденным, так как причиной особо повышенного возбуждения является не помощь, оказываемая Россией христианским государствам в войне с Турцией, а земельный вопрос».

В 1913 году царское правительство отмечало трехсотлетие царствования дома Романовых. В связи с этим царские чиновники, помещики и буржуазия проводили большую агитационную работу не только в России, но и в Казахстане. Здесь, как и в России, распространялась «патриотическая» литература, собирались среди населения средства на устройство памятников в честь трехсотлетия Романовых, населению раздавались портреты царствующей семьи Николая II. Казахское население отказывалось давать средства и принимать портреты. Тот же Железняков сообщал губернатору Фольбауму: «Последствием внушения населению, что государь является виновником отобрания земель, был отказ поставить портреты в школах. В Нарыне местные мусульмане отказывались от принятия портретов государя, каковые предполагалось раздать в дни празднования 300-летия дома Романовых». Это движение казахских масс, как против празднования юбилея дома Романовых, так и в связи с событиями в Китае и на Балканах, было отражением общего революционного подъема и оживления национально-освободительной борьбы всех угнетенных народов Востока против империалистического и колониального гнета. Хотя муллы и буржуазные националисты и пытались сыграть на

национальных и религиозных чувствах казахских масс, но ни религиозные мотивы, ни общемусульманская солидарность не имели для казахских народных масс никакого значения. Казахский народ вел подлинную национально-освободительную борьбу против колонизаторской политики царизма за свою свободу и за свои земли. Однако борьба казахов против национально-колониального гнета не вылилась тогда в обще-народное освободительное восстание. Такое восстание вспыхнуло только через несколько лет, в 1916 году.

ГЛАВА XXI

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 53. Развитие казахской литературы в XX веке.

Пробуждение национального самосознания казахского народа. Буржуазно-демократическая революция 1905–1907 годов в России в большой степени способствовала пробуждению угнетенных национальностей и их консолидации в нации. Основой этого процесса явилось развитие капитализма на окраинах Российской империи, ставшее заметным с конца XIX века. «Конституционный режим» действовал в том же направлении пробуждения национальностей. Но его уродливые формы тормозили и искажали процесс превращения казахского народа в нацию, так и оставшийся незавершенным вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Все же этот процесс шел. Характеризуя его, товарищ Сталин писал: «Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т.д., без сомнения, способствовали усилинию «национальных чувств». Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие», вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм».¹

Расширявшаяся сеть школ, издание первых газет на казахском языке, развитие казахской литературы будили национальное самосознание народа. Происходило довольно быстрое создание кадров казахской интеллигенции. Передовые интел-

¹ Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 7.

лигенты, поэты и писатели в своих произведениях звали народ к знанию и просвещению. Из среды этой интеллигенции вышли и сторонники решительной реформы старометодных мусульманских школ. Еще в конце XIX века в связи с зарождением буржуазно-капиталистических отношений на восточных окраинах России там появилось новое течение в области народного образования – так называемый «жэдит», т.е. «новый метод». Начавшись среди мусульман Крыма и Поволжья, оно нашло широкий отклик и распространение также и в Казахстане. «Новометодные» школы решительно отказались от старых методов религиозно-догматического образования. Они считали необходимым внедрять в народные массы начала более широкой европейской культуры. Такие школы появлялись сначала в городах, потом в аулах. Между школой «нового метода» (по образцу урало-поволжских) и школой «старого метода» (по образцу среднеазиатских) шла постоянная борьба, которая продолжалась до февраля 1917 года.

В ХХ веке на почве складывавшихся буржуазных отношений в казахском ауле и углубления процесса классового расслоения в нем среди казахской интеллигенции явственно стали намечаться два направления. Одно – буржуазное, националистическое, отражавшее интересы казахских полуфеодалов и крупного байства и позднее оформленвшееся в контрреволюционную буржуазно-националистическую партию «Алаш-орда». Другое – буржуазно-демократическое, отражавшее интересы широких народных масс.

Буржуазные националисты в своем большинстве плелись в хвосте русской либерально-монархической буржуазии. Другая их часть защищала идеи, близкие к пантюркизму и панисlamизму. Замазывая процессы социальной ломки и расслоения, происходившие в ауле, буржуазные националисты идеализировали единство казахского аула и его интересов. Тем самым они отводили гнев казахской бедноты от отечественных

эксплоататоров, натравливая ее на другие национальности. Законный протест казахского народа против царского правительства они направляли на весь русский народ.

Представители буржуазно-демократической интеллигенции звали народ к национальному самосознанию. Для этой цели они вводили новые методы обучения, распространяли просвещение на казахском языке, требовали политических свобод, стремились к раскрепощению женщины, добивались лучших земельных участков для бедноты. Следуя традициям своих предшественников – Абая и Алтынсарина, писатели-демократы несли народу лучшие образцы казахской, восточной и русской культуры. Они критиковали старые патриархально-феодальные устои и обычаи, которые ослабляли народ и его боевую энергию. Они разоблачали хищничество казахских эксплоататоров – баев, биев и мулл, которые превратились в раболепных слуг царизма.

В интересах формирующейся казахской нации и роста национального самосознания казахского народа писатели этого направления особенно заботились о развитии казахского языка. Борясь за право пользоваться родным языком, они писали статьи, в которых доказывалась необходимость работы над созданием казахского литературного языка.

Представители буржуазно-демократической интеллигенции доказывали необходимость перехода казахов на оседлость, что являлось одним из важных условий создания казахской нации. Редактор журнала «Айкап» Мухамеджан Сералин, после Октябрьской революции ставший коммунистом, подчеркивал, что пока казахский народ живет кочевым бытом, он не может сложиться в культурную нацию. «Я недоволен казахским народом, – писал он в одной из статей. – По способностям, энергии и предприимчивости он не уступает любой народности, тем не менее некоторые придерживаются устарелого и консервативного взгляда, будто бы блага и счастье жизни для казахов сосредоточены в кочевом быте...». Призывая казахский народ,

особенно молодежь, приобретать знания, овладевать различными профессиями, постигать русскую и европейскую культуру, Мухамеджан Сералин заключал: «Перед нами только два выхода: строить села, жить оседло – тогда только закрепится за тобою хотя бы малая часть хорошей земли. Строить мектебы, медресе, школы и отдавать туда детей, взять свою долю от достижений эпохи – тогда ты встанешь в ряд людей и будешь нацией, иначе исчезнешь с лица земли».

Главная особенность казахской литературы заключалась в том, что она была тесно связана с теми глубокими изменениями в социально-политической жизни, какие происходили не только в Казахстане, но и в России в целом. Казахская степь не была изолирована от общего процесса развития, какой с огромной силой выявился в России в ходе ее буржуазно-демократической революции. Ленин отмечал, что историческая ломка России не могла не захватить и все ее народности. «1905 год был началом конца «восточной неподвижности», – писал Ленин, подытоживая исторический результат русской революции в отношении угнетенных народов.

Этот ленинский вывод с особенной силой и наглядностью отразился в казахской литературе периода буржуазно-демократической революции.

Писатели-демократы XX века. Самыми крупными представителями буржуазно-демократического течения в литературе были Машхур Жусуп Копеев, Султанмахмут Торайгыров и Омар Карапшев. В своих поэтических и публицистических произведениях они воплотили лучшие идеалы народа в эту эпоху. Поэт Жусуп Копеев был прозван народом «мәшһүр Жусуп» (известный Жусуп). Его многочисленные произведения пользовались большой популярностью. Особенно он прославился известным памфлетом на манифест 17 октября 1905 года. В нем он открыто выступил против колониального гнета царского правительства:

Прошло пять лет, как миновал девятнадцатый век,
Не пять, а шестой видит проживший человек.
Слышится едва эхо, эхо – далекий
Отзвук манифеста, Октябрем семнадцатым установленных вех.

Далее поэт прямо говорит, что царь своим манифестом обманул народ. Когда был издан на основе манифеста закон о выборах в Думу, от манифеста ничего не осталось. «В памяти казаха не осталось ничего. Никто в стране не скажет теперь, что милостью и льготами наделил нас царь», – говорит он.

У народа, казаха родного, нет еще места.
Казахский народ, царем испуганный, стесненный,
Увидев манифест, спрятал его, полусонный.
Не узнавши, ничего не потерял, узнавши, носит траур.
Кто признавал, те в темницу посажены,
Без причины, без суда жестоко наказаны.

Столь же открыто и смело выражал Машхур Жусуп и в других своих стихах стремление казахского народа к завоеванию политических прав, к свободе культурного развития, к избавлению от царских чиновников.

Помимо поэзии, Жусуп Копеев обогатил культуру казахского народа материалами по фольклору, истории и генеалогии казахского народа, собирая которых он посвятил большую часть своей жизни.

Другим крупным демократическим писателем был Султанмахмут Торайгыров (1893–1920). Он родился в бедной семье в Павлодарской области. Получив образование в татарском медресе, он вступил в самостоятельную жизнь. Работая учителем, сотрудничая в журнале «Айкап», создавая свои поэмы и статьи, он всюду искал истину, справедливость для своего угнетенного народа. Но путь поэта был тернист и сложен.

Призывы казахской интеллигенции к просвещению и свету увлекли юного поэта. Однако близкое знакомство с укладом жизни трудовых масс, с их рабским положением и зависимостью от баев-богатеев привело Султанмахмута к заключению, что народу нужны не заманчивые, не общие и туманные призывы вперед, а конкретная программа действий, что ему надо указать ясные пути к достижению свободы. В статье «О стихотворных сборниках на казахском языке» (1913 год), говоря об исканиях и ошибках своей эпохи и своих собственных, он требовал, чтобы литература была действенной, боевой, политически насыщенной. На этой почве у него возникли расхождения с редакцией журнала «Айкап» и столкновения с буржуазными националистами.

Султанмахмут мечтал организовать свой боевой орган, но не имел для этого материальной базы. Все его творчество было проникнуто любовью к народу и ненавистью к его угнетателям. Политический и моральный облик поэта-борца, поэта-гражданина отразился в его стихотворении «Для чего живу»:

Пустыни, где нет ни травы, ни куста,
Озера, где влага от соли густа...
Покамест мы их не пройдем до конца,
Не станет для волка сестрою овца,
И жизнь наша будет без дружбы пуста;
Пока человечность в душе подрастет,
Пока все дурное снаружи сойдет...
И, только очистившись, к жизни иной –
Большой, настоящей – пробьется народ.
И много идущих земля поглотит,
Немало друзей будет нам не найти.

Живу не за тем, чтоб, посеяв цветы,
Увидеть расцвет живой красоты.

Живу, чтобы песней потомкам помочь,
Чтоб были пути их легки и прости.

Красной нитью сквозь всю жизнь и творчество поэта-публициста проходило стремление к философскому осмысливанию окружающего мира, его социальных и экономических противоречий, к поискам выхода из этих противоречий и путей к светлому будущему.

В творчестве Торайгырова позднейшего времени большое место занимает отображение тяжелого положения казахской бедноты до Великой Октябрьской революции. В центральной главе поэмы «Бедняк», написанной уже в 1919 году, он рисует яркую картину тяжелых страданий казаха-бедняка, угнетаемого и эксплуатируемого своими баями. Стихотворение настолько конкретно и правдиво изображает горькую долю бедняка, что его можно считать документом исторического значения:

С рождения вечно я голоден был,
У матери, плача, я пищи просил,
Из байской похлебки украдкою мать
Давала мне косточку с ниточкой жил.

«Скорее, сынок мой, спеши прожевать,
Увидят, опять меня будут ругать.
Глотай же, глотай, – торопила она, –
Ведь кто-нибудь может тебя увидеть».

Я с детства охвачен мечтою одной –
Наесться досыта хорошей едой,
Всю жизнь, словно вол, день и ночь я тружусь,
И все же мечта остается мечтой.

Ревел ли буран на промерзлой земле,
Когда и свой нос не увидишь во мгле,
Гремели ли грозы и лили дожди,
О, мог ли остаться я в доме своем?

Мороз мне одежду деревянил,
И ветер холодный мне тело студил,
И ныла спина, и кололо в груди,
От боли в ногах мне не было сил.

Холодный, голодный, я плелся домой,
Но разве был добр мой хозяин со мной?
Бросал, как собаке, остатки еды,
Ругал ненасытной и жадной свиньей.

Не я ль ему сено все лето косил?
Не я ль рыл колодцы и стадо поил?
Я глину месил, строил дом для него,
Я доски для крыши из леса носил.

Не я ль ему кошмы руками катал?
Не я ль стриг овец и клещей убивал,
Во время кочевки носил сундуки
И молча все слушал, что б он ни сказал?

Варил ему пищу, доил я коров,
А ночью, как пес, сторожил от воров,
Топил ему печи и грел ему дом,
Таскал дровы с отдаленных холмов.

Я мыл и лелеял, как деток отец,
Покрытых червями и вшивых овец,
Я воду носил для питья, для белья,
На плече натирал кровавый рубец.

Я пас лошадей, утопая в снегу,
Валялся, как пес, на промерзшем лугу,
Не раз от буранов спасал лошадей,
От голода, стужи сгибаясь в дугу.

И в лютую стужу во мраке ночном
Мы вместе с собакой овец стережем,
Пугая воров, я кричу до зари,
А бай в теплой юрте спит сладостным сном.

Султанмахмут беспощадно вскрывал социальную несправедливость и страстно разоблачал паразитическую сущность бая-кровопийцы.

В стихотворении «Одному человеку», написанном им в 1914 году, он показал обобщенный образ капиталиста-эксплоататора. Все стихотворение проникнуто не только страстной ненавистью, но и духом протesta и борьбы:

Я думал, видя пред собой портреты гнусных лиц,
Что оплатил народ чины кретинов и убийц
Ценою слишком дорогой, что пуговицы их
Должны давно бы получить известность без границ!

«С халатом поздравляю вас, – сказал я, – от родни
Досталось вам хранить посев; он вырос в наши дни.
Родимых пятен вам не смыть, в них ваших предков кровь,
И вы пожнете все сполна, что сеяли они!».

И безучастным быть не мог, бродила злость во мне,
И золотой посуды блеск я видел, как во сне,
Все думая: «Какой бедняк все это оплатил
И чей ребенок голодал и плакал в тишине?..».

Свою веру в то, что сила трудового народа очистит от эксплуатации и приведет к светлому будущему родную землю, Султанмахмут Торайтыров высказал в статье «О социализме» в 1918 году.

Султанмахмут жадно впитывал в себя все, что дала освободительной борьбе революционная русская интеллигенция. Поэзию он сделал своей трибуной, с которой громко и горячо

звал свой народ к борьбе с тьмой. Обладая большим поэтическим дарованием, Торайгыров, подобно Некрасову, провозгласил девиз: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Этим сознанием долга гражданина, верного сына своего народа насыщено все его творчество, вся его жизнь-борьба.

Султанмахмут Торайгыров прожил всего 27 лет. Он умер в 1920 году, после решительного разрыва с буржуазными националистами, к которым он временно примкнул после Февральской революции. Чуткий ко всякой фальши, поэт скоро понял лицемерие и предательство буржуазных националистов и гневно выступил против них. Его творчество явилось новым этапом в казахской литературе. Торайгыров продолжал и развивал демократические идеи Абая и его линию реалистической литературы. Крупнейший реалист и поэт, он ввел в казахскую литературу новые жанры – политической поэзии и публицистического романа. Описывая тяжелую жизнь казаха-пастуха, кедея – аульного бедняка и батрака, Султанмахмут своей поэзией облегчил восприятие и победу Октябрьской революции в Казахстане.

Огромное влияние оказала революция 1905 года на жизнь и творчество и другого известного казахского поэта Омара Карапашева (1876–1921). Он родился и жил в Западном Казахстане. С детства Омар обучался в мусульманской школе, основательно изучил религиозные науки, а также арабскую, персидскую, чагатайскую и татарскую литературу. Сделавшись духовным наставником – ишаном, Карапашев у себя на родине воздвиг мечеть, открыл медресе и собирая вокруг себя послушников-мюридов.

Революция 1905 года радикально изменила его мировоззрение и дала новое направление его думам. Карапашев принимал активное участие в национально-освободительном движении, вновь возрожденном в период революции. Взамен религиозной проповеди на непонятном народу арабском и персидском

языках он произносил с трибуны своей мечети политические речи, приковывая внимание своих слушателей не к вопросам загробной потусторонней жизни, а к вопросам борьбы за освобождение, к овладению светской наукой и техникой. Он прекратил обучение казахских детей устарелым старомодным методом и ввел новый метод «жадид». Местные мракобесы, старозаветные муллы, ходжи и бай не могли примириться с деятельностью Омара и написали на него жалобу в высшее духовное учреждение – муфтият. Омар был лишен прав ишанства. После этого он открыто и активно вступил на путь борьбы с религией и всецело посвятил себя просвещению казахского народа.

В период революции 1905 года и после нее он написал много стихов и статей, которые печатались преимущественно в татарских газетах и журналах в Казани, Уфе и других городах. В своих песнях и статьях Омар протестует против колониального гнета царизма, он жалуется, что казахский народ лишился лучших земельных угодий, что сузились места его кочевок и пастбищные пространства.

Необъятные озера, цветущие долины,
Вольная кочевка, раздольные пастбища
И во сне не снятся теперь.
Даже не знают теперь,
Что такое раздолье было у нас когда-то.
Одна лишь песчаная выюга,
И на том песчанике,
Прижавшись друг к другу,
Располагаются аулы.
Если набредут на равнину с ладонь –
Все юрты с закопченной и рваной кошмою
Переполняют ее собою.

В песнях Карапова о тяжкой доле народа слышится не только жалоба, но и гневная критика поэта, возмущенного до глубины души варварством, фальшью, лживостью и хищничеством господствующих классов. Его песни – горячий протест против царства тьмы и зла и в то же время мечта о справедливости и правде. Поэт мечтал о чудесном будущем, основанном на свободе, равенстве и братстве.

Рисуя светлое будущее, он с любовью вспоминал образы батыров, примеру которых казахский народ должен следовать. В небольшом толгau «Что украшает батыра?» поэт красочно и сильно рисовал образ батыра, который, жертвуя своей жизнью во имя счастья народа, вступал в решительную кровавую схватку с врагом:

Что украшает батыра?
Когда у границ появляется враг,
Когда проносится клич боевой,
Тогда, одевшись в стальную броню,
Рвется навстречу врагу,
Белый, как чайка,
Горячит тулпара своего,
Сверкая алмазным мечом,
Сносит головы врагам.
Через кровь по колено пробиваясь,
Натянув тугую тетиву,
Дождем метких стрел засыпает.
Сверкающая броня стальная
Разодрана повсюду, как кожа.
Враг дрогнул. Обратив его в бегство,
Как отару испуганных овец,
Победитель раненый шествует домой –
Вот в этом прелесть отважного батыра.

Подобно Султанмахмуту Торайгырову и Машхур Жусупу Копееву, Омар Карапев в своем творчестве воплотил традиции своих великих предшественников. Освоив казахскую, русскую и восточную культуру, он создал новые, только ему присущие поэтические формы, очень близкие к народному творчеству. От романтических и лирических стихотворений («Небо окутано тучами», «Фантазия – правда», «Летний вечер») он перешел к поэзии социально насыщенной, реально рисующей жизнь и настроения народа. Его наиболее значительные произведения – «Аға Тұлпар» («Скакун старший»), «Бала Тұлпар» («Скакун младший»), «Қарлығаш» («Ласточка»), «Тұрымтай» («Ястреб»), «Тұрмыс» («Жизнь») и «Өрнек» («Образец»).

§54. Казахская печать в период буржуазно-демократической революции.

Литературные издания. Революция 1905 года дала мощный толчок развитию культурно-просветительского движения и национальной культуры колониальных народов царской России. Некоторая свобода печати дала возможность издавать газеты, журналы и книги на казахском языке. Казахский язык, освобождаясь от татарско-чагатайского влияния и впитывая в себя все лучшее из литературного языка, созданного Абаем, стал подлинно народным, национальным языком. За период 1900 – 1917 годов казахский язык получил определенный стиль, была установлена его орфография.

Книги на казахском языке печатались в Казани, Ташкенте, Петербурге, Омске, Оренбурге, Семипалатинске, Троицке, Петропавловске, Астрахани, Урде, Уральске и Верном (Алма-Ата). Совершенно изменилось содержание и обновилась тематика книг, выпущенных за этот период. Количество религиозных книг уменьшилось, зато увеличилось издание научно-исторической и переводной литературы. На развитии печати сказалось стремление казахского народа к овладению

культурой и к достижению национальной свободы. Появилась потребность в издании такой литературы, которая способствовала бы росту национального самосознания. В первую очередь, возрос интерес к фольклору. Впервые были напечатаны поэмы «Камбар», «Қобланды», «Құлшекызы», былины, поговорки, тексты айтысов и другие произведения народного творчества.

Весьма видное место в печати заняли произведения известных казахских писателей и поэтов. Дважды издавался сборник стихотворений Абая, печатались сборники стихов Нуржана Наушабаева, Аубакира Кердери, «Послание Омар-казы» Мурат-акына, ряд произведений Омара Карапашева, романы Спандияра Кобеева, Салима Кашимова, сборник стихов Сабита Донентаева, Шангирея Букеева, Машхур Жусупа Копеева, а также поэмы Шади Жангирова, Жусупбека Хожи и Сабалова.

Почетное место в периодической литературе и в отдельных изданиях заняла переводная литература. Кроме издания произведений, переведенных Абаевым, печатались также переводы «Капитанской дочки» Пушкина, небольшие рассказы Толстого, Чехова, Короленко, басни Крылова. Помимо этих произведений, на страницах газет и журналов стали появляться отдельные переводы отрывков и стихотворений Жуковского, Плещеева, Лермонтова, Пушкина. Одновременно печатались произведения арабской, иранской и турецкой литературы, а также произведения известных татарских писателей. В переводной литературе появились «Жусуп Зулиха», «Рустам Зарап» и «Лейли Мажунун», а также произведения известного татарского писателя Габдуллы Токая.

Расширение сети школ вызвало большой спрос на учебные пособия. Стала выходить литература по агрономии, ветеринарии, медицине, по истории Казахстана, появился ряд книг о русско-японской войне, хрестоматии, буквари, написанные по новому методу обучения.

Периодическая печать. В этот период возникла и казахская периодическая печать. Кроме газет, издаваемых на двух языках, – «Дала улайты» (Омск) и «Тургайской газеты» (Оренбург), существовавших с конца XIX века, – стали выходить на казахском языке и новые газеты: «Серке» (Петербург), «Қазақ» (Оренбург), «Қазақстан» (Урда), «Заман тілі», «Алаш» (Ташкент) и журналы «Айқап» (Троицк), «Абай» (Семипалатинск).

Казахские писатели, широко освещавшие в своих произведениях жизнь казахского народа, использовали для той же цели страницы газеты «Вакт», журнала «Шура», выходивших на татарском языке в Оренбурге, и журнала «Акмолла» (Троицк).

Произведения художественной литературы и в особенности статьи демократических писателей и журналистов, появлявшиеся на страницах казахских газет и журналов, освещали актуальные вопросы жизни казахского народа – стремление народа к знанию и культуре, к национальной свободе и борьбе против колониального гнета, переход казахского народа к оседлому образу жизни, гибельность родовой вражды казахского байства, вопросы борьбы за свободу казахской женщины, проблемы методов обучения в школе, развития народного хозяйства Казахстана в соответствии с современной культурой и другие общественно-политические проблемы.

Наиболее широко демократические писатели и журналисты использовали для своих выступлений страницы журнала «Айқап» («Как жаль»). Название журнала «Как жаль» выражало сожаление о том, что казахский народ не поставил до сих пор перед собой задачу быстрого и широкого культурного развития. Журнал «Айқап» оказал значительное влияние на формирование литературного языка, установление правописания и развитие публицистики на казахском языке. «Айқап» распространился среди аульной интеллигенции, мугалимов. В журнале принимали активное участие поэты, писатели, пере-

довые сельские учителя, женщины. Поднимая самые актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы, они способствовали росту национального самосознания казахского народа.

Политическую позицию журнала «Айкап» нельзя считать последовательно демократической. «Айкап» опирался на некоторую часть молодой казахской буржуазии, в основном держал курс на народное просвещение и демократию, но больших проблем классовой или политической борьбы он не ставил.

Средний тираж дореволюционных казахских газет и журналов не превышал одной тысячи экземпляров. Ежегодно печаталось не более 15 книг. Самостоятельной казахской типографии и издательства в то время не было. «Айкап» и другие газеты и журналы подвергались постоянному преследованию со стороны царской цензуры и выходили в свет с большими трудностями.

ГЛАВА XXII

НАЦИОНАЛЬНО - ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ АМАНГЕЛЬДЫ ИМАНОВ

§ 55. Восстание в Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях.

Причины и характер восстания 1916 года. В августе 1914 года царская Россия была втянута в мировую империалистическую войну. Война принесла народам России тягчайшие страдания. Царская «тюрьма народов» создала для всех национальностей еще более невыносимый национальный и колониальный гнет, чем до войны. Ленин писал об этом: «Россия и во время мира побила всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического».¹

В годы империалистической войны произвол и насилия царских чиновников неизмеримо увеличились. Продолжалось массовое изъятие земель у казахов. Царское правительство нарушало самым вопиющим образом земельные права казахов. Разрабатывался даже проект изъятия всей пахотной земли, пастбищ и урочищ у казахского и киргизского населения Семиреченской области и выселения их в Нарын-пески. Война требовала огромного количества лошадей и сельскохозяйственных продуктов. На плечи казахского населения в связи с этим обрушились новые тяготы – обязательные поставки мяса, массовые реквизиции скота и фуражка по принудительным ценам, реквизиция кибиток, кошм, попон, кож для снабжения царской армии. Был введен новый – военный – налог по 4 рубля с кибитки. Были увеличены земские сборы и байский волостной «алым» – сбор для содержания волостных управи-

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 272.

телей, а также дорожные и другие сборы. Все эти налоги и сборы были хуже самого лютого жута. Нужда и разорение казахского народа возрастили изо дня в день.

За время войны из Средней Азии и Казахстана было вывезено огромное количество продукции, скота и денежных средств. По отчету генерал-губернатора Куропаткина, только из Туркестанского края за время войны было вывезено хлопка – 3109 тысяч пудов, мыла – 229 тысяч пудов, мяса – 479 928 пудов, клещевины – 50 тысяч пудов, лошадей – 70 тысяч голов, юрт – 1344 штуки, повозок – 270 штук. В виде «добровольных» пожертвований на войну с населения было собрано 240 тысяч рублей. Эти данные далеко не полны. Сюда не входят богатства, вывезенные собственно из Казахстана. Например, из одного Семиречья только за 1914 год было вывезено скота и продуктов животноводства на сумму в 34 миллиона рублей. На сотни миллионов рублей были вывезены богатства и из других областей Казахстана.

Усилились грабеж и насилия царских чиновников и байства. Повальным были взяточничество, воровство и произвол чиновников всех рангов. Полицмейстер Верного Поротиков, правая рука семиреченского военного губернатора Фольбаума, терроризировал и обирал аулы – и за короткое время нажил себе огромное состояние. Положение трудящихся Казахстана за годы войны непрерывно ухудшалось. Заработная плата систематически понижалась. Цены на предметы первой необходимости катастрофически росли. На почве дороговизны и ухудшения положения трудящихся в ряде городов и селений Казахстана в 1910 году происходили беспорядки, забастовки и бунты солдаток.

На ряде предприятий в 1915 году начались забастовки рабочих. Весной 1916 года они усилились. Забастовка рабочих Эмбенских промыслов закончилась победой рабочих. В начале 1916 года в ряде городов, сел и железнодорожных станций

происходили бурные демонстрации жен солдат. Они требовали хлеба и возвращения мужей с фронта.

Таким образом, рост недовольства и ненависти к войне становился повсеместным. Это не могло не найти своего отражения в казахском ауле. Только бай были ярыми сторонниками войны. Они богатели на народной нужде. Бай заявляли, что «война нужна для славы царя», что «после войны жить будет лучше». Они агитировали за поддержку царского правительства и за доведение войны до победного конца. Буржуазные националисты в своей газете «Қазақ» также вели агитацию за войну, за поддержку царского правительства и за мобилизацию казахов в царскую армию.

Русская буржуазия и помещики в Государственной Думе требовали «цены крови», т.е. привлечения в армию «инородцев-магометан».

В самой России к этому времени было взято в армию почти все мужское население, включая ратников ополчения. По законам Российской империи народы окраин магометанского вероисповедания не несли воинской повинности. Царское правительство боялось давать им в руки оружие. На третий год империалистической войны царское правительство решило ввести воинскую повинность и для угнетенных народов окраин, призвав их в армию на тыловые работы.

Большая война сожаленья не знала.
Пасть ненасытную не закрывала,
Казаха, узбека, туркмена глотала.
В степях будто рвали холмы рудокопы,
Им вторило эхо: «В окопы! В окопы!»:
(Сартай «Тар заман»)

25 июня 1916 года царь издал указ о мобилизации в армию на тыловые работы казахов, киргиз, узбеков, туркмен, дунган

и уйгур. Причем в указе употреблялось не слово «мобилизация», а «реквизиция», как будто речь шла о реквизиции скота. Этот указ и послужил поводом к восстанию в Средней Азии и Казахстане.

Товарищ Сталин дал исчерпывающее объяснение причин взрыва национально-освободительного восстания в годы войны. «Во время империалистской войны сами империалистские группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе».¹

Против военно-колонизаторской политики царизма выступили в 1916 году угнетенные народы Средней Азии и Казахстана. Восстание 1916 года занимает особое место в истории борьбы казахского народа за свое национальное и политическое освобождение. Это было первое восстание казахов в эпоху империализма. Его значение состояло в том, что оно подвело итог всей предшествующей борьбе казахского народа за свою свободу и независимость.

Развернувшись в обстановке первой империалистической войны, восстание 1916 года нанесло сильнейший удар по самодержавию. Оно способствовало подъему революционной борьбы русского пролетариата, возглавлявшего борьбу за политическое и национальное освобождение всех народов России. Непосредственно сомкнувшись с буржуазно-демократической революцией 1917 года в России, оно явилось прологом того соединения пролетарской революции с «войной национальной», которое предсказывали Ленин и Сталин и которое было осуществлено во время Великой Октябрьской социалистической революции. В этом состоит основное, принципиальное

¹ Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 99.

отличие восстания 1916 года от всех предшествовавших ему национально-освободительных восстаний казахов.

Начало восстания. В указе царя от 25 июня говорилось, что «реквизиции», т.е. мобилизации на тыловые работы в армию, подлежат мужчины в возрасте от 18 до 43 лет. Составление списков мобилизуемых было возложено на волостных управителей по их усмотрению. При составлении посемейных списков развернулась вакханалия взяточничества и вымогательств. За взятку освобождали, якобы по болезни, совершенно здоровых байских сыновков, признавали пригодными для мобилизации совершенно больных бедняков. Великовозрастные байские сынки числились в списках как несовершеннолетние или как дряхлые старики, а несовершеннолетние подростки из семейств бедняков записывались как подлежащие мобилизации. По официальному разрешению царского правительства бай вместо себя и своих сыновей и родственников, подлежащих призыву, принуждали идти в армию задолжавших им бедняков и своих батраков. Казахские националисты активно помогали проводить мобилизацию, не забывая в то же время и своих интересов. Алашордынская газета «Қазақ» агитировала за мобилизацию, выкачивала при помощи волостных управителей и аульных старшин «добровольные пожертвования» на войну, львиная доля которых оседала в карманах сборщиков. Агенты одного из руководителей партии «Алаш» Досмухамедова собирали с призываемых деньги и с помощью паролей и условных знаков сообщали, кто заплатил и кто нет. Достаточно было попавшему на осмотр показать Досмухамедову нитку определенного цвета, обвязанную вокруг пальца, или произнести условленный пароль, чтобы доктор признал его непригодным для мобилизации.

Трудящиеся массы бурно протестовали против составления таких жульнических списков. Почти повсеместно они начали уничтожать эти списки и убивать волостных управителей.

Борьба против мобилизации начиналась с уничтожения списков не случайно. При отсутствии у казахов метрических записей посемейный список был единственным официальным документом, по которому определялся возраст казаха. Уничтожение посемейных списков и непредставление их уездным начальникам тормозило и даже срывало мобилизацию. На волостных сходах трудящиеся казахи единодушно заявляли: «Не дадим ни одного человека на фронт или все ляжем костьми в степи. Не пойдем в солдаты, всех перебьем, кто будет брать их. Приедет сам царь, и его убьем».

Как всякое действительно массовое движение, почва для которого созрела, борьба казахского народа против мобилизации на тыловые работы вспыхнула стихийно и повсеместно, хотя развертывалась не везде одинаково интенсивно. Широкие народные массы, прия в движение, вышли из повиновения.

Тургайский уездный начальник в своем рапорте на имя губернатора доносил: «Высочайшее повеление о призывае киргиз на тыловые работы произвело во всем населении уезда огромное волнение. Молодежь, в особенности призывного возраста, моментально собралась в разных местностях для обсуждения сказанного выше вопроса, причем первым долгом решили не допускать должностных лиц в город и не давать им составлять посемейные списки. Почти по всем волостям списки были отобраны от волостных управителей и сами управители поставлены под охрану. С 19 по 25 июля все работники, служившие в городе, бросили работу и выехали в степь для присоединения к собравшимся около города молодым киргизам».

Иргизский уездный начальник также сообщал: «Киргизы бросают все, бегут в степь, устраивают сборища, оставшиеся все готовы к бегству, городские мастеровые работники скрылись, убеждения не действуют, замечается отсутствие полного доверия. Положение весьма серьезное».

Актюбинский уездный начальник в своих донесениях рисовал такую же картину: «Настроение населения уезда в те-

чение минувшего июля было тревожное... Киргизы, особенно северо-восточной части уезда, и до настоящего времени ведут тревожный образ жизни... Выбыли из своих аулов и группируются в горах и степи, придерживаясь границы Актюбинского и Иргизского уезда, грозят расправой с должностными лицами».

Такие донесения губернаторам поступали из всех уездов Казахстана. К концу июля и началу августа 1916 года восстание охватило весь Казахстан. Каждая область, каждый уезд и волость выдвигали своих руководителей повстанческих отрядов, сформировавшихся к началу августа. Самую широкую известность получил вождь восставших Тургайской области Амангельды Иманов.

Среди населения Казахстана было распространено воззвание, написанное поэтом Бзаубаком. В этом замечательном воззвании говорилось о начавшейся борьбе русского народа против самодержавия. Оно призывало к восстанию, к борьбе всех казахов против царского правительства:

Земля закачалась под мрачным дворцом.
Врагов самодержца – рабочих ряды –
Идут в наступленье с открытым лицом,
Их жаркие не остывают следы.

Бесценный народ мой! Пришла к нам напасть –
И наши потеют горячие лбы.
Но не уничтожит нас царская власть,
Коль встанем мы все под знамена борьбы.

Давайте же, в кулак наши силы собрав,
Навстречу врагу оседлаем коней.
Бесправие, гнет и шакала-царя
Мы сбросим с себя и развеем их в прах.

Рассеется мрак – и над нами заря
Зажжется, и будет счастливым казах.
Берите же пики, и пусть на борьбу
Горячий табун лошадей нас несет.

Пусть радость большую узнает казах,
Пусть тяжесть несчастий спадет с наших плеч.

На призыв своих вожаков горячо откликнулись казахи, киргизы, дунгане, уйгуры. Скоро восстание развернулось по всему Казахстану.

Восстание в Семиреченской области. Восстание началось, прежде всего, в Семиреченской области. Движение сразу приняло массовый и острый характер. Трудящиеся казахи, киргизы, дунгане и уйгуры отказались подчиняться указу царя и дать людей в армию. В начале июля восстание распространилось по всей Семиреченской области.

Первыми поднялись казахи, киргизы и дунгане Курмановской, Джаркентско-Таранчинской и Джаркентско-Дунганской волостей. Среди народных масс огромной популярностью пользовался Узак Саурзаков. Это был бедняк, лишенный всяких прав как политически неблагонадежный человек. Узак вел агитацию и руководил восстанием в Пржевальском, Джаркентском и Верненском уездах. Пржевальский уездный начальник Иванов сообщал семиреченскому военному губернатору немцу Фольбауму: «В Каркаре киргиз Джаркентского уезда Курмановской волости Узак Шадруков (Саурзаков), лишенный прав по суду, занялся пропагандой. Зарезав белую кобылу, совершили бату, решив не дать рабочих по реквизиции. С той же целью он командировал единомышленников в Верненский уезд. Ходатайствую немедленно взять Узака в тюрьму. Узака следует взять неожиданно, прошу поручить это мне, в противном случае могут его отбить, что удостоверяет ротмистр Крав-

ченко, который о его влиянии и популярности осведомлен». Фольбаум написал на этой телеграмме: «Вполне согласен. Немедленно исполнить».

Однако исполнить это приказание Иванов оказался не в состоянии. Через несколько дней он сообщал Фольбауму: «Арест без наличности в участке достаточной военной силы считаю невозможным».

Другим руководителем восстания в Семиречье был Токаш Бокин, пользовавшийся большим влиянием в массах. Это был образованный человек, один из лучших представителей казахской демократической интеллигенции. Он служил в Пржевальском переселенческом управлении переводчиком. После опубликования указа царя Токаш бросил работу и ушел в аулы, чтобы руководить восстанием. Здесь он развернул большую агитационную работу среди казахов, киргиз и русских крестьян-переселенцев. Однажды он был арестован за агитацию среди русских крестьян кулаками села Чиен. Полицмейстер Верного Поротиков сообщал о нем: «Токаш Бокин, киргиз Моюнкумовской волости Верненского уезда, был представлен крестьянину селения Чиен Терентию Захаровичу Холостенкову, который признал его за того именно чиновника, которого крестьяне задержали в селе Чиен и арестовали. Тот же самый Токаш Бокин, когда прибыли воинские части, пил чай с офицерами и с ними уехал, чтобы указать, где находятся скопища киргиз, но на место их стоянки не привел, а повел в совершенно другое место глухой дорогой, где никаких киргиз не было».

Влияние Токаша Бокина на повстанцев Семиреченской области было настолько велико, что к его голосу прислушивались все казахи, киргизы, дунгане и уйгуры. Еще в начале восстания, 14 июля, царский чиновник Чигиров, вместе с буржуазным националистом и агентом охранки Джайнаковым и врачом Джакупаевым, на волостном съезде Большой Алма-

Атинской волости пытался уговорить повстанцев прекратить сопротивление властям и дать людей на тыловые работы. Токаш Бокин, присутствовавший на этом собрании, выступил с речью, в которой разоблачил предательскую, лакейскую роль Джайнакова и призвал казахов продолжать восстание. Джайнаков в своих показаниях верненскому полицмейстеру говорил: «Киргизы чутко прислушивались к протесту Бокина, и наложенное дело стало расклеиваться».

Военный губернатор Семиреченской области Фольбаум дал задание охранке, полиции и войскам во что бы то ни стало поймать или убить Токаша Бокина.

Но народ охранял своего вождя. Бокин разъезжал по аулам, создавал отряды, созывал съезды повстанцев, руководил их нападениями на царские отряды и кулацкие селения Пригорненское, Чиен, Прудки, Самсы. Только в сентябре 1916 года, когда восстание было подавлено, Токаш был арестован. Он просидел в тюрьме до Февральской революции 1917 года, а позже принял активное участие в Октябрьской революции и в борьбе за установление советской власти в Семиречье.

В июле-августе 1916 года восстание казахов Семиреченской области стало принимать характер открытой вооруженной борьбы.

Повстанцы действовали наступательно. Они сжигали почтовые станции, портили телеграф, сожгли монастырь у озера Иссык-Куль. Казахи, киргизы, дунгане, уйгуры действовали совместно. В связи с развернувшимся в Средней Азии и в Семиречье восстанием царское правительство объявило 17 июля весь Туркестанский край на военном положении.

Против повстанцев были направлены карательные войска. Гарнизоны городов были усилены. Карательные войска сжигали аулы, угнали скот, убивали в аулах женщин, стариков и детей.

Семьи повстанцев начали откочевывать на Балхаш, в Тарбагатайский район и в пределы Китая. Откочевки приняли массовый характер. Казахи и киргизы поднимались целыми аулами, волостями и уходили в горы и в пески подальше от карателей.

Организовавшись в большие отряды, повстанцы вели борьбу против царских карательных войск. Активную роль в восстании играла казахская молодежь. Она была наиболее активной и смелой частью повстанцев. Начальник охранного отделения Железняков доносил Фольбауму: «В Восточной и Западной Кастекских волостях молодые киргизы, подлежащие призыву на работу в действующую армию, запаслись хорошими лошадьми, отобрав их у более зажиточных и богатых киргиз. Они также имеют хорошего кузнечного мастера, который переделывает косы и топоры на оружие, годное для вооруженного сопротивления».

1 августа Фольбаум получил телеграмму от начальника Главного штаба об отсрочке, по распоряжению царя, призыва в армию казахов, киргиз и дунган до 15 сентября. «Означенное высочайшее повеление подлежит взвещению инородческому населению в виде особой царской милости, данной в день рождения цесаревича – наследника государя, великого князя Алексея Николаевича». Но восставшие народы Казахстана не хотели никаких «милостей» царя.

Вооруженные столкновения и настоящие сражения повстанцев с царскими войсками происходили в августе в Верненском, Лепсинском, Пишпекском, Пржевальском и других уездах. В боях принимали участие десятки тысяч повстанцев. Повстанцы разгромили все почтовые станции от Курдая до Верного и на почтовом тракте Пишпек – Пржевальск. Они сожгли на этом тракте все мосты и разрушили телеграфную линию. Два дня шли бои под селом Столыпино. 11 августа село было занято. Руководил боями повстанцев у села Столыпино

Нападение повстанцев на волостное управление

казах Дауткул Ногаев. В руки повстанцев попали ружья и разбитый пулемет. Повстанцам Сарыбагишевской волости удалось захватить транспорт оружия – 170 берданок и 40 тысяч патронов, направленный Фольбаумом для вооружения кулацких сел и казачьих станиц. В этот же день другой отряд повстанцев осадил город Токмак и долго держал его в осаде.

Бои в районе Токмака происходили ежедневно. 20 августа повстанцы предприняли наступление на Токмак. Царские войска едва отстояли его. Только 22 августа, когда на выручку гарнизона Токмака пришел большой карательный отряд подполковника Гейцига с артиллерией и пулеметами, повстанцы отступили в степь.

Военный губернатор Фольбаум просил туркестанского генерал-губернатора Куропаткина поскорее прислать войска, оружие и боеприпасы: «Положение внезапно может измениться так, что рухнет все русское дело в Семиречье», – писал Фольбаум.

Правительство решило прибегнуть к своему излюбленному методу – разжечь национальную рознь и натравить русское на-

селение Семиречья на восставших казахов, киргиз и дунган. Куропаткин предложил Фольбауму «вооружить огнестрельным и холодным оружием, включая и топоры, все русское население, способное носить оружие, организовать дружины, посадить часть поселенцев на лошадей, организовать казачье ополчение... Примите меры воспользоваться родовою или племенною рознью туземного населения области для борьбы с возмущившимися. Временно не стесняйте откочевок киргиз в Китайские пределы, пока не справитесь с внутреннею смутою».

Фольбаум точно выполнял указание Куропаткина. Он вооружил кулацкое население и казачество, организовал набеги на казахские аулы. Попавшие в плен повстанцы расстреливались без суда и следствия.

В аулах и городах производились массовые аресты всех «подозрительных». Военно-полевые суды выносили смертные приговоры пачками.

Против повстанцев действовали хорошо вооруженные части царских войск с артиллерией и пулеметами.

Особенно жестокие бои происходили в северных районах Семиречья. В сентябре происходили крупные сражения повстанцев с царскими войсками в Лепсинском уезде, где в составе повстанческих отрядов было много батраков-казахов. Русские крестьяне Лепсинского уезда сочувственно относились к повстанцам. Они отказывались рыть окопы и строить укрепления для царских войск. Крестьянин Власенко, вернувшийся с фронта в село Озерно-Фольбаумское (Кутурчи), призывал односельчан помочь повстанцам оружием. Крестьяне отдали прибывшим к ним повстанцам все бывшее у них оружие. Крестьянин села Сазоновка Кошаев вступил в отряд повстанцев и принимал участие в боях против карательных войск. Он руководил действиями повстанческого отряда и в одном из сражений был захвачен в плен и расстрелян. Дом этого крестьянина был сожжен, а имущество разграблено местными кулаками.

В конце сентября происходили сражения повстанцев с царскими войсками в Копальском уезде. Возле речки Бежи повстанцы дали последний бой карателям, после чего отступили в горы. Каратели не решились их преследовать.

К октябрю восстание в Семиречье было подавлено. 300 тысяч семей казахов, киргиз, дунган бежало в Китай, в Кульджинский край и Кашгарскую провинцию. В октябре в Семиречье приехал главный каратель и палач Куропаткин. Он потребовал полного изъятия земель у казахов и киргиз в районах восстания. «Главарей-волков, – заявил Куропаткин, – необходимо переловить, а что касается массы баранов, то их можно и простить. В этом смысле я буду доносить и государю. Все побережье Иссык-Куля и долина Кебеня будут навсегда отняты у киргиз, и мятежники будут сдвинуты в горы Нарынского участка. Это сурое наказание и лишение мятежников земли будет достойным для них наказанием».

Восстание в Семиречье было подавлено, но сломить боевой дух казахов, киргиз и дунган не удалось. Они были полны решимости продолжать борьбу за свою свободу и независимость и готовились к новым боям. Куропаткин в своем рапорте царю Николаю II в начале февраля 1917 года выражал опасение, что весной восстание может возобновиться.

Восстание в Сыр-Дарьинской области. Восстание в Сыр-Дарьинской области началось в Ташкенте. Отсюда оно перекинулось на всю Сыр-Дарьинскую область. Из городов и сел уходили в аулы казахи-рабочие и батраки. Восстание в Сыр-Дарьинской области сразу приняло массовый боевой характер.

В начале августа начались вооруженные столкновения повстанцев с карательными войсками в Аулиз-Атинском уезде, граничившем с Семиреченской областью.

Наиболее бурный характер восстание носило в Меркенском районе.

Боевое настроение восставших хорошо отражено в поэме Эльтая Шуйнаниева «Восстание в Мерке»:

Конец для знатных, власть имущих!
У них похолодела кровь.
Конец нагайке, дням гнетущим!
Знамена красные готовь!

Повстанцы Меркенского района уничтожили телеграфную линию Мерке – Пишпек и Мерке – Аулиэ-Ата. Сырдарынскими повстанцами руководил старик-бедняк Аликоке Аккоза. 29 августа повстанцы во главе с Аликоке повели наступление на поселок Мерке.

Несется вольный клич над степью,
Аккоз сзывает!.. Но к Мерке,
Чуть звякая ружейной цепью,
Идут солдаты налегке.

Повстанцы осадили Мерке и начали готовиться к атаке. Меркенский пристав попытался вступить в переговоры с повстанцами, но повстанцы категорически отказались вести переговоры и начали штурм поселка.

В Мерке чиновникам не спится,
И пристав в страхе еле жив.
Спешит, как в крепость, в церковь скрыться,
Персты молитвенно сложив.

Гарнизон едва отстоял Мерке. Повстанцы произвели ряд нападений на кулацкие села. Поселков бедняков-новопоселенцев они не трогали. Казахи-бедняки и русские крестьяне этих поселков жили дружно и иногда совместно выступали во время

восстания. Так, в районе между Мерке и рекою Чу восстание возглавил русский крестьянин по имени Иван Следой. Русские крестьяне Аулиэ-Атинского уезда говорили казахам, чтобы они не подчинялись царю и не давали людей в армию.

Главные силы повстанцев сконцентрировались на реке Чу в 300 верстах от Аулиэ-Ата. На совещании руководителей повстанческих отрядов было решено начать наступление на Аулиэ-Ата. Но один местный учитель донес властям об этом намерении повстанцев. Царские войска стали спешно готовиться к отпору. Вокруг Аулиэ-Ата рылись окопы, строились баррикады. В городе было более 1000 человек гарнизона и 200 дружинников. Навстречу повстанцам был выслан отряд.

Разгром аула карательным отрядом

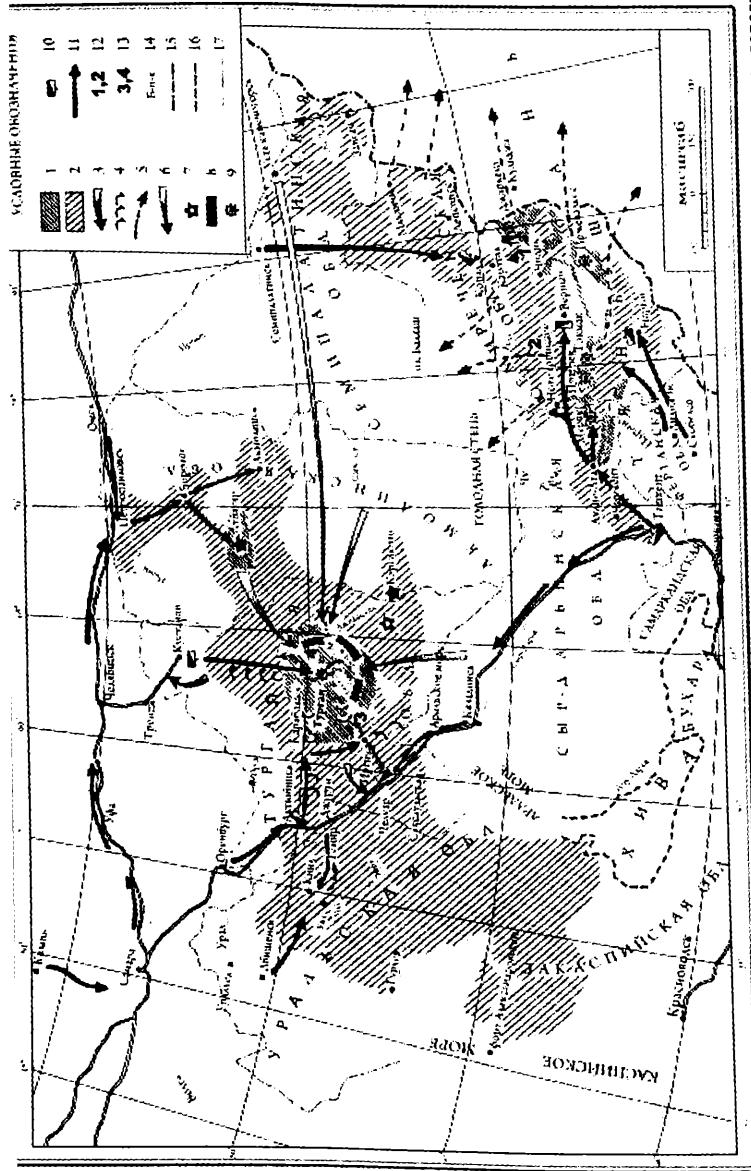
В 70 верстах от Аулиэ-Ата, в песках долины Аманкуль, 16 сентября произошел бой. Три раза густыми колоннами бросались повстанцы в атаку против карательного отряда. Во главе по

встанцев Аулиэ-Атинского района стоял казах Рустамбек Уразымбетов, который и руководил боем. Каратели были по повстанцам из пушек и пулеметов. Плохо вооруженные, повстанцы не могли оказать длительного сопротивления. К концу сентября восстание было подавлено. В подавлении восстания в Сыр-Дарынской области царским войскам оказывали помощь байи и буржуазные националисты.

По заданию Аулиэ-Атинского уездного начальника Азимхана Кенесарина кученейский управитель Раимбеков составил списки активных участников восстания. По этим спискам были арестованы почти все руководители восстания. Немногим из них удалось остаться в живых. Наиболее упорно сопротивлявшиеся аулы были уничтожены, скот угнан, имущество разграблено. После подавления восстания в Сыр-Дарынской области было взято в армию на тыловые работы 57 730 человек. Почти все кормильцы – отцы и сыновья, на которых держалось хозяйство, были взяты в армию. От мобилизации были освобождены сыновья баев, мулл, управителей. Аульная верхушка богачей, откупившись, осталась дома. До отправки мобилизованных держали несколько дней, как арестованных, а затем отправили под конвоем.

Восстание было подавлено, но глухое брожение и недовольство масс продолжалось всю осень. В рапорте царю Куропаткин писал: «Нельзя, однако, ручаться за то, что киргизы Семиреченской и Сыр-Дарынской областей с появлением подножного корма не сделают новую попытку вооруженного выступления. Меры против такой опасности принимаются».

По Туркестанскому краю только по судебным приговорам, утвержденным Куропаткиным 1 февраля 1917 года, было приговорено к смертной казни 347 человек, к каторжным работам – 168 человек, к тюремному заключению – 129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия и погибших от царских карательных войск и кулацких отрядов.

1. Главные очаги восстаний. 2. Районы актических выступлений повстанцев. 3. Районы нападения на армии и аэродромы. 4. Разрушение постовых станций и перрыв сообщения. 5. Направление отходов казаков. 6. Направление подхода подкреплений к повстанцам. 7. Центры восстаний и разоружения вооруженных сил Амангельды Иманова к 26 февраля 1917 года. 9. Города и поселения, осажденные повстанцами. 10. Центры сопротивления правительства в сибирских силах. 11. Направление движения правительственные сил. 12. Районы восстания, руководимого Узаком Сурзаковым // Токшем Бокиным [2]. 13. Бой у озера Кзыл-Куль [3], бой у озера Татыр-Сюйдик [4]. 14. Бой у озера Кзыл-Куль [5]. 15. Бой у озера Кзыл-Куль [6]. 16. Бой у озера Кзыл-Куль [7]. 17. Области распространения восстания.

Восстание в Закаспийской области. В середине августа 1916 года началось восстание в Закаспийской области. Население области состояло из туркмен и казахов-адаевцев, живших в Мангышлакском уезде.

Сразу же после объявления указа царя в Закаспийской области начались волнения. «Глухое недовольство, – писал Куропаткин царю, – перешло постепенно к проявлениям открытого неповиновения и мятежа».

К середине августа 1916 года волнения туркмен и казахов-адаевцев переросли в вооруженные столкновения и настоящие сражения. В течение сентября и октября повстанцы действовали наступательно. Они производили налеты на карательные отряды, транспорты, посты, разрушали Закаспийскую железную дорогу, сжигали станции, испортили телеграф, разрушили мосты.

Главные силы повстанцев были сосредоточены на побережье Каспийского моря в западной части Астрabadского района. «В этом районе, – писал Куропаткин царю, – с 4-го по 11-е ноября туркмены-йомуды несколько раз пытались учинить разгром рыбных промыслов Лианозовых между поселками Гюлиш-тепе и Карасу, но были отбиты при участии огня артиллерии и десанта с судов Ашур-Адинской морской станции».

С начала ноября в районе реки Гюргеня повстанцы снова развили активные действия против царских войск. 2 ноября повстанцы напали на большой карательный отряд, шедший из Каракола в Гумбет-хауз. Карательный отряд состоял из трех рот и батареи с транспортом боеприпасов в 300 верблюдов и 40 арб. Произошел бой. В результате сражения повстанцы, понеся большие потери, вынуждены были отступить. 26 ноября в этом же районе повстанцы напали на карательный отряд, шедший из Кызыл-Имама на пост Чат. Карательный отряд состоял из двух рот Сибирского полка и сотни пограничников с большим обозом в 400 верблюдов и 160 выючных лошадей.

Под напором повстанцев карательный отряд вынужден был отступить в ближайшее укрепление Каракол.

В ноябре и декабре бои между повстанцами и карателями происходили в районе гор Сляир-Дага и Кара-Баир-Дага. Только к концу декабря карательным войскам удалось разбить восставших туркмен и казахов.

Каратели жестоко расправились с повстанцами. Они уничтожали артиллерией селения туркмен и казахов, угоняли тысячи голов скота. Восстание туркмен и казахов Мангышлакского полуострова было подавлено.

Повстанцами-казахами здесь руководили братья Акгабай и Копбак Исенбаевы, Берды Ходжаниязов и Исбулай Ситбаев. Каратели попытались арестовать их, но народ надежно скрывал своих руководителей. Все они бежали, за исключением Акгабая, арестованного в форте Александровском.

Восстание в Уральской области. Упорная борьба казахов-адаевцев в Закаспийской области способствовала выступлению казахов Уральской области. Они тоже отказались явиться на призывные пункты по приказу царя. Молодые казахи в количестве 70 человек пришли к бывшему депутату второй Государственной Думы Бахиджану Каратаеву и потребовали от него, чтобы он поднял « знамя своего деда Каратая » и повел их к адаевцам для совместной борьбы против царского правительства. Каратаев отказался возглавить восстание и отговаривал от него молодежь. Но ему ответили, что сумеют сами постоять за себя в борьбе против ненавистного царского режима. Уральские казахи выдвинули из своей среды собственных руководителей и в конце июля начали активные действия.

30 июля в поселке Преображенском был базар, куда под видом мирных казахов съехалось около тысячи повстанцев. Внезапно по сигналу, поданному одним из руководителей, повстанцы начали громить лавки, шатры, возы торговцев. После разгрома базара повстанцы напали на богатые дома в поселке.

С начала августа повстанцы Уральской области стали нападать на волостные управление, избивать старшин, препятствовать составлению списков мобилизованных. Отряд карателей, отправленный из Темира, был окружён повстанцами. С криком «Малибай!» (родовой клич) повстанцы бросились в атаку. Каратели открыли огонь. Начался бой. Восставшие были вынуждены отступить, но и карательный отряд был принужден возвратиться в Темир, не выполнив своей задачи. Вскоре в Уральскую область были присланы войска, начавшие громить и жечь аулы. Им удалось разбить отряды повстанцев и захватить в плен руководителей.

В октябре 1916 года военный суд в Уральске приговорил 19 арестованных к смертной казни через повешение. В декабре приговор был приведен в исполнение.

§ 56. Восстание в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях.

Восстание в Семипалатинской и Акмолинской областях. Борьба против национально-колониальной политики царизма охватила и другие области Казахстана. Повстанцы Семипалатинской области действовали вместе с повстанцами Акмолинской области. В Семипалатинской области одновременно имели место выступления и русского населения. 7 ноября 1916 года в Зайсанском уезде происходили волнения среди жен солдат и бедноты. Военные отряды, посланные на усмирение беспорядков в Зайсанском уезде, отказались стрелять в народ.

Повстанцы Акмолинской области были организованы, как и в других областях, в отряды. Повстанческие отряды делились на десятки, сотни и тысячи. Казахи Акмолинской области были вооружены топорами, пиками, ружьями и даже палками. Они сосредоточились в большом количестве в степи. К ним приходили рабочие-казахи с предприятий и рудников. Казахи Петропавловского уезда разгромили волостную канцелярию,

арестовали волостного управителя и отобрали у него печать и деньги. У урочища Боровое повстанцы убили царского пристава. Казахи отказывались выполнять гужевую повинность по перевозкам военных грузов и давать лошадей для армии.

По дороге в Экибастуз в горах Ереймень повстанцы останавливали подводы, на которых русские крестьяне возили казенныи хлеб и фураж, забирали груз и увозили с собой в сопки. Крестьян повстанцы не трогали. Они просили русских крестьян отдать им хлеб, так как у них много народа, и всех нужно кормить. В своих показаниях русские крестьяне-подводчики рассказывали, что «один из повстанцев ругал показахски непристойными словами царя, причем говорил, что у них будет свой патча, а русский патча – царь плохой, ему надо «басын кисемын», т.е. отрезать голову».

Трудящиеся казахи понимали, что их главный враг – царь, и это очень ясно выразил повстанец-казах, ругавший русского царя.

Повстанцы Акмолинской области в течение июля, августа и сентября были хозяевами положения в области. У степного губернатора не оказалось войск для подавления восстания. Отряд, сформированный губернатором из полицейских, ничего не мог сделать с повстанцами. В конце августа и начале сентября в Акмолинск стали прибывать из Омска, Петропавловска и Казани карательные войска. Между повстанцами и царскими войсками происходили бои в урочище Кане и у Атбасарских копей. На всем пути следования царских войск к Атбасарским копям повстанцы нападали на войска. Повстанцы Тургайской области во главе с Амангельды оказывали помощь восставшим казахам Акмолинской области. Ход и исход восстания в этой области были непосредственно связаны с восстанием в Тургайской области, где освободительная борьба казахов в 1916 году достигла своего кульмиационного пункта.

Вождь восстания Амангельды Иманов. Восстание в Тургайской области было самым длительным и упорным. Здесь сила сопротивления и организованность были наибольшими.

Поднявшиеся на борьбу казахские трудящиеся массы выдвинули руководителем восстания одного из лучших своих представителей – Амангельды Иманова, который хорошо был известен казахам задолго до восстания 1916 года.

Истинный сын казахского народа, Амангельды Иманов был вождем восстания не только в Тургайской, но и в соседних областях Казахстана. Великий поэт Джамбул в одной из своих поэм характеризует Амангельды Иманова как народного национального героя и вождя восстания 1916 года:

Пою я про грозный шестнадцатый год,
И сразу припомнилось – в синих туманах
Пожар бушевал над родным Казахстаном,
И сразу я вспомнил, как смелый народ
Пошел на царя и на баев в поход,
Под знамя того, кто не трусил беды,
Чапая казахского – Амангельды.

Амангельды Удербаев (Иманов) родился в 1873 году в одном из аулов Кайдаульской волости Тургайского уезда. Его отец Удербай Иманов был таким же простым бедным казахом, как и многие тысячи других казахов-скотоводов.

Семья Имановых пользовалась известностью не только среди своих сородичей, но и среди казахов других родов. Имановы происходили из бедного казахского рода Бегимбет. Слабые бедные роды постоянно подвергались притеснениям и жесточайшей эксплоатации со стороны баев крупных и сильных родов. Дед Амангельды Иман был известен казахам как активный участник борьбы казахского народа за свою свободу и независимость. Он был у Кенесары Касымова қос ағасы, т.е.

советником. Вместе с Кенесары Касымовым он погиб в бою с киргизами в 1847 году. В память Имана названа сопка Иман-Тау, находящаяся на железнодорожной линии Турксиба близ реки Или. Сыновья Имана – старший Борлады и младшие Балик и Удербай – вместе со своим отцом также сражались в войсках Кенесары Касымова. В одном из сражений Удербай был ранен, был ранен затем и его брат Балик. После подавления восстания Кенесары Касымова оба брата откочевали в Кара-Тау, потом в Туркестан, а через несколько лет – к Ак-Мечети (Кзыл-Орде). Захвативший Ак-Мечеть генерал Перовский, узнав, что близ города живут Имановы, приказал разгромить их стоянку и угнать скот. Имущество Имановых было разграблено, Балик и Удербай бежали с семьями к реке Карасу, где они и жили, занимаясь рыболовством. Здесь у Удербая родились два сына – старший Бектенберген и младший Амангельды.

Рассказы отца и дяди о героической борьбе казахского народа за свободу и независимость, слава руководителя этой борьбы Кенесары Касымова и его сподвижников глубоко волновали пытливый ум мальчика Амангельды. Слава прошлой героической борьбы казахов витала над семьей Амангельды и делала ее популярной.

Рассказы и воспоминания родных и близких сородичей о борьбе казахов под водительством Кенесары, об участии в этой борьбе отца и особенно деда Имана, песни, былины, сказки о Кенесары Касымове, весь слагавшийся о нем народный эпос – все это не могло пройти мимо впечатлительного Амангельды и оставило глубокий след в его формировавшемся сознании. У юноши Амангельды пробудился интерес к прошлому своей родины, зародилась глубокая любовь к своему вольнолюбивому народу, его юную душу зажгла страстная мечта продолжить дело своих отцов и дедов и добиться освобождения своего народа от колониально-национального гнета. Еще юношей Амангельды стал называть себя Имановым по деду, а не

Удербаевым по отцу, как это было принято у казахов. Это означало, что он хочет подражать своему деду Иману, следуя его героическому примеру. В этом факте отразилось то огромное влияние, которое оказала на формирование юношеского сознания Амангельды героика освободительной борьбы казахского народа в 30–40-х годах XIX века.

В детстве Амангельды был жизнерадостным и подвижным ребенком. Он был предводителем во всех играх и шалостях своих сверстников, быстро выучился ездить верхом и хорошо стрелять из лука, а потом и из ружья. Но Амангельды рано остался круглым сиротой – отец его умер, когда ему было 7 лет, а мать он потерял, когда ему исполнилось 13 лет. С детства Амангельды познал нужду и лишения. Работая батраком у баев, он прошел суровую школу труда, унижений и горя. Но юный Амангельды не падал духом и не покорился судьбе. Вскоре он овладел кузнецким ремеслом и сам делал фитильные и кремневые ружья. К 17 годам он окреп, возмужал и стал настоящим жигитом. Ловкий и смелый, он был непревзойденным стрелком и наездником, первым во всех играх и состязаниях на тое. Он хорошо пел, играл на домбре и русской балалайке, любил всякие игры, шутки и пляски. Даровитый и любознательный, он овладел арабской грамотой. Все знавшие Амангельды с уважением и любовью вспоминали о нем как о честном, смелом, независимом и справедливом человеке с мягкой благородной душой и с веселым, но твердым характером. Он был чутким и отзывчивым юношей, никогда не давал в обиду слабых и умел постоять за себя. Рисуя портрет Амангельды, казашка Рсты Байягизова рассказывает: «Как сейчас, помню лицо Амангельды, его искрящиеся, живые глаза, негустую и короткую черную бородку и такие же усы. Он был коренастый и крепкий, немного сутулился, говорил скороговоркой и чуть-чуть шепелявил. В минуту хорошего настроения он весело шутил, и широкая улыбка озаряла его энергичное лицо с кур-

носым носом. Амангельды был очень трудолюбивым человеком и, как говорится, мастером на все руки».

Своей непримиримой борьбой против произвола и насилий царских чиновников и байства Амангельды завоевал безграничную любовь своего народа. Он на себе испытал нужду и лишения бедного человека, на себе познал всю тяжесть феодальной эксплуатации, всю бесчеловечность патриархальных обычаев. В силу этих обычаев он лишился любимой девушки, так как не мог выплатить калым за свою невесту Зулиху, и ее отдали замуж за богатого бия Бектыбаева. Амангельды не мог и не хотел терпеть унижений и байского гнета. Когда бай Таутбай, у которого Амангельды проработал два года, попытался за эти два года работы заплатить ему одной клячей, взбешенный Амангельды заколол клячу кинжалом и в ту же ночь угнал из табуна бая одного из лучших скакунов. На насилия и произвол баев он считал правильным отвечать борьбой. Однажды к Амангельды пришли батраки-казахи с жалобой на своего хозяина, отказавшегося платить им за работу. Амангельды явился к баю и заставил его полностью заплатить батракам. Эта борьба с баями, волостными управителями и царскими чиновниками сделала его широко известным в Тургайской степи как защитника бедноты и слабых родов. Со всех сторон, из аулов не только Тургайского, но и соседних Иргизского и Кустанайского уездов, шли к своему смелому защитнику Амангельды бедняки-казахи за советом, шли с надеждой найти управу на обидчиков и притеснителей-баев. В таких случаях Амангельды применял к байству такие способы воздействия, которые не всегда согласовались с законами царского правительства. В борьбе с баями он прибегал и к барымте, и к силе, и к угрозам крутой расправы. Применял он также силу общественного воздействия, организуя своеобразный общественный бойкот и осмеяние баев. Амангельды ненавидел суд баев и советовал беднякам не обращаться к биям с жалобами на баев. «Бию, –

говорил Амангельды, – нельзя верить. Он всегда судит в пользу бая, потому что от бая он получает хорошее вознаграждение, а от бедняка что ему получить?».

Баи, бии и волостные управители боялись и ненавидели Амангельды. Не раз они пытались убить или убрать его по-дальше. Они жаловались на Амангельды царским властям, как на человека «неспокойного» и «неблагонадежного», и добивались его ареста и высылки из Казахстана.

Под могучим воздействием освободительных идей первой русской революции 1905–1907 годов Амангельды еще более возмужал и вырос в сознательного борца за интересы угнетенного казахского народа. Развернувшаяся под руководством большевиков стачечная борьба рабочих Оренбурга, Караганды, Петропавловска, стачки рабочих железнодорожников Ташкентской и Сибирской железных дорог, в которых принимали активное участие и рабочие-казахи, политические демонстрации в городах, рост национально-освободительного движения казахских масс – все это не могло пройти бесследно для Амангельды. Он стремился понять причины и смысл проходившей вокруг него борьбы и найти в ней свое место.

Различными путями доходили до сознания Амангельды освободительные идеи революции. Разговоры с рабочими-казахами, участниками забастовок, выступления большевиков Виноградова и Голованова на предвыборных собраниях во вторую Государственную Думу, политические демонстрации трудящихся Актюбинска и Кустаная в связи с разгоном второй Государственной Думы, огромная роль большевистской газеты «Урал», которая широко проникала в аул, – все это поднимало уровень национального и политического сознания Амангельды Иманова. В 1908 году казахи Тургая во главе с Амангельды вступились за избитого солдатом казаха. Вооруженные жердями и палками, они разогнали солдат караульной команды, разгромили помещение команды и избили некоторых солдат.

Амангельды и другие участники этого нападения были арестованы и посажены в Тургайскую тюрьму. Из тюрьмы Амангельды вышел еще более ярым противником царизма.

В начале 1914 года Амангельды Иманов совершил поездку в Петербург к известному адвокату Плевако с целью привлечь его в качестве защитника в каком-то судебном процессе. Амангельды не знал тогда, что Плевако умер еще в 1908 году. Шумная жизнь столицы Российской империи и ее богатства произвели на него сильное впечатление. За время пребывания в столице он увидел и узнал так много важного и интересного, что решил записать свои впечатления и мысли в особую тетрадь, которая дошла до нас под названием «Петербургский дневник Амангельды Иманова». Этот важный документ дает возможность судить о культурном и политическом уровне Амангельды в тот период, раскрывает его мысли и интересы. Он думал о несправедливости самодержавного строя, о тяжелом бесправии и угнетении своего народа, он старался узнать, как и почему казахский народ попал в подданство Российской империи, как он стал национально-угнетенным и политически бесправным.

В Петербурге Амангельды – жителю степей – бросилась в глаза роскошь, в которой утопал царствующий дом Романовых, огромные богатства в руках царя и его семьи. Амангельды записал в своем дневнике: «Оказывается, царь получает жалование 20 тысяч рублей в месяц, 240 тысяч за 12 месяцев, 666 р. 66 к. за один день. У царя, кроме собственных, имеются еще 1040 домов, оставленных ему отцом». Особенно подробные записи в дневнике Амангельды посвящены истории колонизации его края царской Россией. В кратких записях он отмечал важнейшие вехи продвижения царизма в Казахстан: «Казахи приняли подданство при царице Анне, – записал Амангельды. – Сначала перешел в подданство Младший жуз при хане Абульхайыре. Поскольку не было покоя от калмыков

и башкир, было написано письмо и послано в Петербург через Сеиткула и Куттумбета. В 1731 г. 19 февраля царица Анна приняла посланников и издала указ о принятии казахов в подданство». Этап за этапом Амангельды записал всю историю подчинения и завоевания Казахстана и Средней Азии Российской. Свои записи он озаглавил общим названием «Подданство казахов». Следующий раздел записей Амангельды посвятил истории царей Романовых вплоть до Александра II.

Амангельды дал в своем дневнике интересную характеристику царя Петра I как государственного преобразователя и смелого реформатора: «Третьим царем был Федор, умерший в 1681 году. Четвертым царем был его младший брат Петр. Он побрил русским бороду, ввел удобную одежду. В 1703 г. основал город Петербург, создал 8 департаментов-министерств. Чтобы было удобнее управлять, Россию разбил на губернии. Он построил 150 заводов и фабрик. Чины он давал тем, кто имел образование, а не тем, кто имел высокое происхождение. Поэтому все бросились учиться».

Записи дневника свидетельствуют, что Амангельды был человеком культурным и сознательным. Он был, несомненно, выдающимся сыном казахского народа, по своим природным дарованиям и общему уровню развития далеко опередившим не только своих сверстников из народа, но и многих казахских интеллигентов из байских сыновей или тогдашних грамотеев-учителей из среды духовенства. Такой человек мог возглавить национально-освободительное восстание казахов 1916 года, и казахский народ не случайно выдвинул Амангельды Иманова своим вождем в этой исторической борьбе.

Начало восстания в Тургайской области. Указ царя о призывае казахов на тыловые работы был получен в Оренбурге (резиденции тургайского губернатора) 28 июня 1916 года. Администрация Тургайской области провела съезды волостных управителей и аульных старшин совместно с «почетными

аксакалами», на которых был обсужден вопрос о проведении мобилизации. Байская верхушка обязалась, как доносил губернатор, «немедленно и свято исполнить священную волю государя». Буржуазные националисты, многие из которых работали в это время чиновниками местного правительенного аппарата, разъезжали по всей области и агитировали за выполнение царского указа. Но ничто не могло остановить начавшее восстание. Амангельды после получения указа царя призвал казахов Тургайского и соседних уездов – Кустанайского, Иргизского, Актюбинского, Атбасарского, Перовского – объединиться для совместной борьбы против царского правительства. Молодежь призывного возраста стала собираться в разных местах и вооружаться для предстоящей борьбы. Губернатор Тургайской области Эверсман стал получать тревожные сведения о вооруженных выступлениях казахов Тургайского, Иргизского, Кустанайского и Атбасарского уездов. Уездные начальники сообщали, что повстанцы концентрируются в ущельях гор, нападают на почту, разбирают полотно железной дороги, громят волостные правления, убивают волостных управителей. Местная администрация в тревоге отмечала, что восстание охватило все население области, но в особенности положение серьезно в Тургайском уезде, где действовал отряд Амангельды.

В конце июля Амангельды удалось объединить значительную часть повстанческих отрядов Кустанайского, Иргизского, Актюбинского уездов. В повстанческих отрядах Амангельды было много молодежи призывного возраста. Молодые повстанцы отбирали у баев лошадей и оружие. Тургайский уездный начальник сообщал об этом Эверсману: «Настроение у молодежи призывного возраста сильно поднялось. В настоящее время творят самоуправные деяния большею частью в отношении к своим одноаульцам, влиятельным и богатым лицам, вызывающие самостоятельное отобранье скота для своей

надобности. Выезжать кому-либо из уездной администрации в уезд считаю рискованным».

2 августа тургайский губернатор телеграфировал в Министерство внутренних дел, чтобы ни в коем случае не разрешали отзывать войска из области, так как к восставшим присоединились рабочие Чакпаркунских каменноугольных копей. Бросали работу и уходили в степь также и рабочие-казахи Ташкентской железной дороги и другие. 7 августа забастовали рабочие Атбасарских копей. «Все рабочие-киргизы, — сообщала контора Акционерного общества, — работы оставили и, как можно предполагать, под каким-то сторонним влиянием все с места работы ушли в степь».

Во второй половине сентября в степь выехал карательный отряд под командой помощника уездного начальника Ткаченко и командира Мордвинова. Ткаченко производил аресты в аулах, чинил расправу над населением. Особенно жестокая расправа была произведена над населением аулов у озера Татыр в 50 километрах от Тургая. Отряды Амангельды атаковали карателей у озера Татыр и прижали их к берегу. В течение четырех часов шел бой. После жестокой рукопашной схватки карательный отряд был вынужден отступить к озеру Алкау. Здесь повстанцы снова атаковали царские войска и заставили их совсем уйти из района.

В сентябре и октябре к Амангельды Иманову прибывали все новые и новые отряды повстанцев из соседних областей — Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарынской и других. Люди приходили целыми отрядами и маленьками группками, приходили и в одиночку. Небольшой отряд Амангельды, пополненный новыми отрядами, вырастал в грозную повстанческую армию. Уже тогда Амангельды стал общепризнанным вождем национального восстания. Он проявлял кипучую деятельность по организации, вооружению и сплочению своей армии. Общее руководство военными действиями, снабжение

и управление всеми партизанскими отрядами было сосредоточено в руках военного совета – он назывался кенес и существовал при Амангельды как главнокомандующем всеми силами.

Амангельды принимал все новые отряды, расквартировывал их, производил обучение их стрельбе и простейшим приемам строя.

В ходе восстания росла боевая организованность казахов Тургайской области, их сплоченность и боевая решимость, их

Амангельды Иманов

готовность к длительной и беспощадной борьбе с карателями не на жизнь, а на смерть. Амангельды рос вместе со своей армией, обнаруживая подлинный талант полководца и боевого организатора. Вот почему в военных действиях повстанческих отрядов, руководимых Амангельды, чувствовалась такая

осмысленность, продуманность и организованность. Об этом свидетельствовали и удачные бои, которые Амангельды вел с царскими карательными войсками. Разгром повстанцами почтовых и телеграфных станций от Иргиза до Тургая и Карабутака, разрушение колодцев на трактах Иргиз – Тургай, уничтожение казенных запасов сена – все это имело своей целью затруднить военные операции царских войск, лишить тургайскую администрацию связи с Россией, не дать ей возможности вовремя стянуть в Тургай военные силы и превратить Тургай в опорную военную базу карательных войск.

Донесения царских генералов и баев становились все более тревожными. Они сообщали о массовости, организованности, самоотверженности и героизме повстанцев-казахов. Генерал Сандецкий 26 ноября сообщал, что в восстании участвуют до 50 тысяч аскеров, действующих против городов Тургая, Иргиза, Карабутака, что повстанцы имеют военный строй, колонны их идут уступами, атакуют лавой, на отдыхе охраняются заставами и разъездами. Во время боев повстанцы проявляют большую смелость, приближаясь на расстояние 500 шагов, несмотря на огонь атакующих рот и сотен. Генерал Сандецкий жаловался, что повстанцы сжигают на огромном расстоянии все запасы сена и топлива, затрудняя передвижение карательных войск. «На умиротворение края, – писал он, – потребуется не менее 1–2 лет».

Кайдаульский волостной управитель в донесении от 30 декабря 1916 года сообщал: «Амангельды Удербаев (он же Иманов) назначен в последнее время главнокомандующим над всеми восставшими киргизами. Надзор их действий весьма строгий, неповинующихся лиц приговаривают к расстрелу и смертной казни. Собирают с населения по 3 рубля с кибитки и этим хотят установить казну. Если кто-нибудь не платит в требуемый сборщиком момент денег, то тому грозит смерть. Требуют сведения о лицах мужского пола от 10 до 50 лет

включительно, отбирают всяких меринов – и жирных, и тощих, безразлично, первых дают своим приверженцам, а вторых выкармливают».

В октябре-ноябре восстание стало всенародным. Оно все более и более принимало характер освободительной крестьянской войны. Вокруг Амангельды объединялось для борьбы против баев и против царского правительства все трудовое казахское население, боровшееся за свое политическое и национальное освобождение.

Действия повстанческих отрядов Амангельды были решительными и смелыми. В октябре они успешно вели бои с царскими войсками, несмотря на их превосходство в вооружении и силе. 18 октября 1916 года в 70 километрах от Иргиза, у озера Кзыл-Куль, отряд повстанцев в 2500 человек вступил в упорный бой с карательными войсками и заставил их отступить в Иргиз.

Царским властям становилось все более и более ясно, что справиться с восстанием мелкими карательными отрядами невозможно, что нужны крупные военные силы. Вскоре царское правительство организовало целый экспедиционный корпус под командой генерала Лаврентьева и послало его в степь. В составе корпуса были пехота, кавалерия, артиллерия. В помощь корпусу Лаврентьева были посланы и войска из Туркестанского военного округа. Вся эта масса войск были двинута против восставших в трех направлениях. Главные силы корпуса Лаврентьева были сосредоточены в Челкаре. Они направлялись на Иргиз и Тургай. Другая часть войск шла из Актюбинска через Карабутак на Иргиз. Третья часть военных сил наступала через Кустанай на Тургай, который был центром восстания. Войска имели задачу освободить Тургай, окруженный со всех сторон повстанцами, и рассеять их.

Штурм и осада Тургая. Амангельды стремился взять Тургай до прибытия войск. 4 ноября в восьми километрах от города повстанцы на совещании руководителей отрядов решили

взять Тургай внезапным штурмом утром 6 ноября. Но внезапности штурма не получилось. На окраине города неожиданно загорелись скирды сена. Пожар поднял на ноги весь город. Осведомленное о намерениях повстанцев, командование приготовилось к отражению штурма. Войска гарнизона были приведены в боевую готовность. Жители города вооружены. На рассвете повстанцы повели наступление на Тургай. Несмотря на сильный пулеметный и оружейный огонь, Амангельды с отрядом жигитов ворвался в город. В течение нескольких часов он вел бой с войсками гарнизона в южной части города, где были сосредоточены правительственные учреждения. Амангельды разгромил многие из них. Но основная масса повстанческих отрядов не могла прорваться к городу. Чтобы не оказаться отрезанным, Амангельды вынужден был уйти из города. К вечеру 6 ноября повстанцы отступили под напором хорошо вооруженных войск гарнизона. Но город продолжал оставаться в осаде. Под стенами Тургая повстанцы простояли до 16 ноября. Три раза в течение этого времени Амангельды посыпал своих парламентеров в Тургай с требованием сложить оружие и сдать город. Один очевидец осады Тургая записал в своем дневнике: «22 октября. Тургай в осаде. Объявлено военное положение. В 7 верстах от города скопилось несколько тысяч человек из аулов уезда. Телеграфное сообщение прервано. Почтовые станции разрушены... Начальство уже попряталось в казарме. Оно охвачено страхом. 28 октября. Седьмой день осады. Даже неизвестно, когда будет наложено сообщение между Тургаем и внешним миром. 31 октября. Десятый день осады. Вчера киргизы угнали городской табун, который пасся верстах в 5–6 от города. Дозорные видели массу киргиз близ Тургая». Только на двадцать седьмой день осады автор дневника записал, что прибыли войска на помочь осажденному городу. К Тургаю приближались многочисленные, прекрасно вооруженные царские войска. К тому же сильные морозы за-

трудняли осаду, чрезмерно затянувшуюся и истощавшую силы осаждавших. В лагере повстанцев к концу ноября уже не было прежнего единства. Лидеры казахских буржуазных националистов – Байтурсынов, Дулатов и другие – обращались к повстанцам с возвнаниями, уговаривая сложить оружие и пугая суворой расправой. Продолжать осаду было невозможно, и Амангельды отвел свои отряды от Тургая в район Батпаккары. Отступая из-под Тургая, Амангельды распорядился сжечь все зимовки, расположенные по дороге к Тургаю. Он хотел лишить идущие на Тургай царские войска как продовольствия, так и помещений для их стоянок. В то же время Амангельды стремился сохранить свои силы и организовать их для дальнейшей длительной партизанской войны. Предстояла тяжелая борьба с надвигающимися карательными отрядами. Рано наступившая зима, сильные морозы и снега затрудняли действия повстанческих отрядов. Амангельды решил сосредоточить свои партизанские войска в местах, недосягаемых для карательных войск, обеспечить своих бойцов продовольствием и фуражом, подготовить для них землянки и юрты. Главные силы повстанцев находились в песках Тусум, в районе Батпаккары, в районе озер Сабын-Куль и Кара-Куга. Весною Амангельды рассчитывал возобновить и расширить партизанскую войну, объединив весь казахский народ для борьбы с царизмом.

Амангельды еще более усилил работу по реорганизации своей армии, по созданию в ней крепкого централизованного руководства, твердой дисциплины, сознательного отношения к своим задачам и обязанностям. Созданный им совет по руководству военными действиями активно помогал своему главнокомандующему. Штаб восставших во главе с Амангельды находился в Батпаккаре. Здесь был организован административный аппарат управления районом расположения повстанцев. Были избраны новые судьи. В Батпаккаре и других аулах

было создано несколько мастерских для выделки холодного оружия. Один из работавших в такой кузнице вспоминал: «Мы в нашей мастерской работали день и ночь. Время было горячее. Людей было в отрядах много, а оружия мало. Надо было торопиться. Никто из нас и не думал об отдыхе. Мы выделявали шашки, найзы,¹ ремонтировали оружие и т.п.».

В январе 1917 года повстанцы Амангельды снова подошли к Тургаю. Они смело нападали на царские войска, проявляли отвагу и находчивость в борьбе с сильнейшим противником. Сосредоточившись в районе озера Кок-Копа, повстанцы захватили тракт между Тургаем и Чолаксаем. Но осадить Тургай на этот раз повстанцам не удалось. Царские власти решили окончательно разгромить Амангельды и двинули значительные силы на его главный лагерь. После нескольких дней упорных боев, 24 февраля 1917 года, Батпаккара была занята царскими войсками.

К концу февраля было подавлено восстание и в Акмолинской области, ход и исход которого зависели в большой мере от судьбы восстания в Тургае. Здесь исключительно предательскую роль сыграли бай и муллы. Один из участников восстания Тулентай Смаилов рассказывает, что некоторые бай примкнули к восстанию, но в решительные моменты борьбы они вносили панику в ряды восставших и переходили на сторону карателей. В то же время муллы использовали религиозные предрассудки масс, для того чтобы одурачить и предать народ. Так было во время одного из крупных сражений в Акмолинской области.

Отряд повстанцев выступил навстречу карательному отряду пристава Хамуллы, который сжигал зимовки и расстреливал казахов повсюду, где появлялся. «...Мы выступили навстречу Хамулле, сделали переход и остановились на Бек-Назар-булаке, — рассказывает Тулентай Смаилов. — Мы видели, как, растянувшись по степи, движется отряд ненавистного

¹ Найза — копье с острым железным наконечником.— Прим. ред.

нам пристава. Мы горели нетерпением. Вот сейчас мы начнем стрелять, потом на конях помчимся на врага, разобьем его и убьем самого Хамуллу. Мы ждали только приказания. Отряд Хамуллы приближался. Вдруг какой-то враг, затесавшийся в нашу среду, громким голосом изрек стих из Корана, а потом провозгласил: «Правоверные! Мусульманам не полагается первыми начинать битву. Пусть сначала стреляют в нас врачи!». – «Замолчи, предатель!» – услышали мы голос бедняка Исы Давлетбекова. «Казахи, – кричал он. – Не слушайте предателя! Бросайтесь на врага, или вы погибли. Прикажите начинать бой», – обратился он к нашим руководителям. – «Замолчи, безумный! – ответил ему Джакуп Мирзахожин, – умнее всех хочешь быть? Ложись и жди приказаний, или мы заткнем твою глупую глотку». – «Предать нас хочешь, толстая собака!» – крикнул ему Иса Давлетбеков. «Казахи! Убейте предателей, начинайте бой!». Он смущил нас своими словами, но в нашем сознании еще сильна была привычка подчиняться баям. Видя, что его слова не подействовали, Иса Давлетбеков заплакал. Он первый из нас понял, что мы напрасно выбрали своими руководителями баев, которым незачем идти против царя. Он понял, что бай всегда враг бедняку и всегда предаст его, чтобы спасти свою шкуру. Тем временем Хамулла успел выстроить в боевой порядок свой отряд и установить пулеметы. Пока мы ждали, он приготовился к бою и теперь сразу открыл сильный огонь. Тут уже никакие уговоры не смогли на нас подействовать. Смелые бросились на врага, трусы и предатели обратились в бегство. Иса Давлетбеков первый поскакал галопом на встречу солдатам, на скаку стреляя из берданки. Он врезался в отряд врагов и, как рассказывали потом, прежде чем пасть мертвым, убил шестерых солдат. Это был настоящий батыр. Мы были разбиты. Часть повстанцев организованно отступила на соединение с Амангельды Имановым. Многие рассеялись и потом долго скитались по степи, скрываясь от врагов. Остальные покорились. Так нас предали».

Амангельды продолжал сражаться, медленно отступая с остатками своих отрядов вглубь степей. Вместе с ним ушла и значительная часть мужчин призывного возраста. Они не считали себя побежденными и готовились к новой борьбе, рассчитывая весной 1917 года поднять против царизма весь Казахстан. Но через несколько дней было получено известие о Февральской революции в Петрограде. Революционные русские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, свергли царизм – злейшего врага народов России – окончательно и навсегда.

Историческое значение восстания 1916 года. Национально-освободительное восстание 1916 года занимает выдающееся место в истории казахского народа. Воспитанный на вековых традициях борьбы за независимость, казахский народ вновь с небывалой силой выступил против гнета царизма и его слуг и помощников – баев. Как и во всех восстаниях, в восстании 1916 года проявились, в огромной степени, боевые качества казахского народа. Плохо вооруженный, слабо организованный, почти не имевший своего промышленного пролетариата, казахский народ героически боролся с превосходно вооруженной армией царского правительства. Но устоять против нее он не мог, и восстание было подавлено. Тем не менее решимость казахского народа продолжать борьбу за свое национальное освобождение не была сломлена. Громадный подъем восстания в Тургайской области не был случайным, как не случайным в истории казахского народа был вождь восстания 1916 года Амангельды. В новой исторической обстановке – в эпоху империализма – Амангельды поднял старое знамя борьбы за независимость, которое с таким геройством пронесли через конец XVIII века и весь XIX век его предшественники – Срым Датов, Исатай Тайманов, Кенесары Касымов и многие другие. Но только в условиях буржуазно-демократической революции, когда русский пролетариат возглавил эту революцию как ее единственный вождь и руководитель, национально-освободи-

тельное движение стало получать твердую базу и определенную перспективу. «Пока пролетариат передовых стран, – писал Ленин, – свергает буржуазию и отражает ее контрреволюционные попытки, – неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией совсем маленьким, кризисом империалистской буржуазии, как война 1915–1916 годов, для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний».¹

Сливаясь с революционным движением русского пролетариата и крестьянства, восстание угнетенных народов приближало срок неизбежного краха царизма. Историческое значение восстания 1916 года и состоит в том, что казахский народ своей борьбой против национально-колониального гнета усиливал удары, наносимые самодержавию русским пролетариатом. Вооруженная борьба против царских войск, ее успехи, поражения и неудачи многому научили казахский народ. Они научили его искать союза с русским пролетариатом, вместе с ним и при его помощи идти на решительную борьбу за свое полное политическое и национальное освобождение от империалистического гнета и от феодальной кабалы.

В ходе восстания трудящиеся Казахстана убедились также и в том, что родовая знать, байство и буржуазные националисты являются союзниками самодержавия и врагами трудящихся.

Буржуазные националисты не только не возглавили восстание казахского народа в 1916 году, но осуждали и предавали его. Так, один из вожаков националистов Дулатов в своей статье «Исторический год» в газете «Казах» от 3 января 1917 года, подводя итоги восстанию, обвинял массы, что они взялись за оружие и не подчинились царскому закону: «Казахи разорены в этом безумном волнении, – писал Дулатов. – При-

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 221.

чиной огромного бедствия казахского народа является их отсталость, некультурность».

Газета буржуазных националистов «Казах» в 1916 году совершенно порвала связь с казахским народом и открыто выступила против национально-освободительного восстания. Встав на службу царских колонизаторов, она пыталась опорочить руководителей национально-освободительного движения, называя их ворами и нарушителями общественного порядка.

Стремясь внести раскол в среду восставших Тургайской области и, таким образом, облегчить царизму разгром восстания, газета «Казах» предательски призывала повстанцев сложить оружие: «Смиритесь, подчиняйтесь закону. Прочь от этих злонамеренных людей. Сохрани Аллах народы от бедствий, подобных злым духам».

Эта позиция буржуазных националистов в ходе восстания разоблачала их антинародную сущность и все более и более убеждала передовых представителей казахского народа в том, что его единственным защитником и руководителем является русский революционный пролетариат.

Восстание 1916 года имело огромное значение в революционизировании казахского народа и сыграло большую историческую роль в борьбе не только казахского, но и русского народа против царизма.

Большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным придавала чрезвычайно важное значение борьбе угнетенных народов за свое национальное освобождение. Ленин приветствовал национально-освободительную борьбу угнетенных народов окраин России как часть борьбы русского народа против общего врага – царизма. Борьба угнетенных народов, учил он, сольется, в конце концов, с борьбой социалистического пролетариата. «Капитализм, – писал Ленин, – не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновремен-

ность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений – несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск».¹

Национально-освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана в 1916 году и революционная борьба социалистического пролетариата в России в период империалистической войны подготовили тот общий натиск, под напором которого в феврале 1917 года был сломлен царизм.

§ 57. Восстание 1916 года в литературе и народном творчестве.

Амангельды в народном творчестве. Национально-освободительное восстание и особенно личность и деяния народного батыра – вождя восстания Амангельды Иманова нашли свое отражение в огромном количестве песен, поэм и легенд – как сложенных народными ақынами, так и написанных казахскими поэтами. В творчестве многочисленных певцов борьбы казахского народа за независимость в 1916 году воспеты герои – участники и руководители восстания, их батырские подвиги, рисуются картины восстания, описывают ся отдельные сражения. В них излит народный гнев, отражены стремления и чаяния народа.

Многообразно творчество народа об Амангельды. Эпические поэмы народных ақынов Омара Шинина, Сата Есенбетова, Сулеймена и лирические произведения (песни, толгау, оды и плач на смерть героя) народных ақынов Кудеры, Орынбая, Досмухана, Бзаубака, Бырмагамбета с одинаковой любовью и преклонением рисуют облик народного батыра Амангельды.

Среди эпических поэм большую художественную и историческую ценность представляет поэма Омара Шинина

¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 271.

«Батыр Амангельды». В поэме около 6 тысяч стихотворных строк. Она состоит из четырех частей. В первой части поэмы акын воспевает боевых предков Амангельды – от знаменившего кыпчакского батыра Кобланды (XV век) до его деда – славного батыра Имана. Особенно подробно показана героическая борьба Кенесары и Наурызбая. Во второй части поэмы описывается детство и юность Амангельды, образ молодого храброго и воинственного батыра. С большим поэтическим пафосом акын воспевает встречу Амангельды с Садыком Кенесаринным.

Третья часть поэмы описывает борьбу батыра Амангельды против казахских баев, волостных управителей, царских колонизаторов. В этой части поэмы описываются интересные эпизоды из жизни и борьбы батыра и его полководческое искусство во время восстания 1916 года в Тургайской степи.

Четвертая часть поэмы посвящена роли Амангельды в годы Великой Октябрьской социалистической революции и описанию его гибели от рук предателей народа.

В народном творчестве особенно часто и ярко обрисовывается образ Амангельды в годы гражданской войны, когда он боролся за советскую власть. Так, акын Кудеры в своей поэме «Герой, взявший крепость» описывает, главным образом, деятельность Амангельды в годы гражданской войны. Другой акын, участник восстания, в песне, посвященной гибели любимого батыра, говорит о его бесстрашии и отсутствии у него и его батыров страха смерти, ибо «вблизи заря свободы»:

К подлинному счастью придут
Дети человечества.
Пышно расцветут
Степи Сары-Арка.

Много песен сложено о трагической гибели Амангельды. В прощальных песнях-плачах акыны с гневом и ненавистью го-

ворят об убийцах батыра. В песне «Плач жены Амангельды» неизвестный акын пел:

Так пусть же ослепнут враги навсегда,
Пусть лживые их онемеют уста!
Как смели стрелять они в сердце того,
Чье имя – надежда народа всего,
Кто с юности доброю славой своей
Известен среди иноземных людей,
Кому становились друзьями навек
Татарин и русский, казах и узбек,
Кто равен султану величием был,
Врагов не боялся да бить их любил,
Чье слово любой понимал человек –
Татарин и русский, казах и узбек!

Восстание 1916 года нашло особенно яркое отражение в советской поэзии и литературе. События героического шестнадцатого года, самоотверженная борьба казахского народа за свободу и независимость, мужественный образ народного героя Амангельды не перестают волновать и вдохновлять казахский народ до наших дней.

ГЛАВА XXIII

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ

§ 58. Свержение власти царизма в Казахстане.

Февральская революция в Казахстане. В то время, когда царские военно-полевые суды в Казахстане выносили смертные приговоры повстанцам 1916 года, русские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, воодушевляемые большевистской партией, в победоносном восстании свергли царское самодержавие. «Русским рабочим, — писал Ленин, — выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую войну угнетенных против угнетателей».¹

Под руководством русского пролетариата восстали против самодержавия и все угнетенные народы огромной многонациональной империи. В своей «Песне о братстве народов» великий акын Джамбул отметил этот грозный всенародный шквал, опрокинувший царский трон:

Восстали миллионы забитых рабов,
Штык повернув на заклятых врагов,
И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи – душной тюрьмы.

В огне революции по всей стране создавались Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов.

Революцию совершили рабочие и крестьяне в солдатских шинелях. Но не им достались плоды победы.

«В то время как большевики руководили непосредственной борьбой масс на улицах, соглашательские партии, меньшевики и эсеры захватывали депутатские места в Советах, обра-

¹ Ленин. Соч., т. XX. стр. 48.

заявил свое большинство. Этому отчасти способствовало то обстоятельство, что большинство лидеров большевистской партии находилось в тюрьмах и ссылках (Ленин находился в эмиграции, Сталин и Свердлов в сибирской ссылке), тогда как меньшевики и эсеры свободно разгуливали на улицах Петрограда. Таким образом, во главе Петроградского Совета и его Исполнительного комитета оказались представители соглашательских партий – меньшевики и эсеры. То же самое было в Москве и в ряде других городов» (История ВКП(б), стр. 170).

Рабочие и солдаты смотрели на Совет как на орган народной власти. Они верили, что Совет рабочих и солдатских депутатов осуществит все требования революционного народа и что в первую очередь будет заключен мир. Но эсеры и меньшевики и не думали о ликвидации войны. Наоборот, они рассчитывали использовать революцию для того, чтобы продолжить войну. Меньшевики и эсеры считали, что революция уже закончилась, что остается ее закрепить как обычную буржуазную революцию. Поэтому эсера-меньшевистское руководство Петроградского совета приняло все меры к тому, чтобы передать власть буржуазии и замять вопрос о ликвидации войны, вопрос о мире.

Эсера-меньшевистские лидеры Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков договорились с думцами о формировании нового правительства России – буржуазного Временного правительства – и сдали власть буржуазии. Совет рабочих и солдатских депутатов, несмотря на протесты большевиков, одобрил своим большинством эти действия эсера-меньшевистских лидеров. Так образовалась новая государственная власть в России – власть буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Но рядом с буржуазным Временным правительством существовала другая власть – Советы рабочих и солдатских депутатов.

«Совет рабочих и солдатских депутатов являлся органом союза рабочих и крестьян против царской власти и вместе с тем органом их власти, органом диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Таким образом, получилось своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур – диктатуры буржуазии в лице Временного правительства и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Совета рабочих и солдатских депутатов. Получилось двоевластие» (История ВКП(б), стр. 171).

На окраинах России царская государственная власть продолжала держаться даже после свержения самодержавия в центре. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин, бывший диктатором в Средней Азии и в Казахстане, старался скрыть от народа телеграммы о свержении самодержавия в России. Губернаторам и чиновникам на местах было запрещено «впредь до распоряжения» публиковать в печати сведения о революционном перевороте в России.

Трудящиеся массы Казахстана узнавали о свержении самодержавия в России не от официальных властей, а от телеграфистов, от демобилизованных солдат и отпускников с фронта, от рабочих, приезжавших из России. В городах, селах и аулах Казахстана возникали митинги и собрания, на которых отдельные большевики или революционные рабочие и солдаты разъясняли смысл революционных событий. На митингах принимались резолюции приветствия русскому народу, освободившему страну от кровавой власти царизма.

«Могучая волна движения народа русского, – говорится в одной из таких резолюций, – докатилась до наших степей несколько позже. Но все же мы теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ отвоевал для себя и для всех народов, населяющих Россию, счастье и благо свободы».

Жители поселка Карабутак рассказывают, при каких обстоятельствах казахская беднота узнавала о свержении самодержавия:

«Весть о Февральской революции карабутакские власти скрыли от масс. Мы узнали о свержении самодержавия от телеграфистов. Они дали нам копию полученной телеграммы. Несколько активных товарищей созвали собрание, на которое приехало больше 100 татар и казахов. Трудно описать нашу радость, когда мы узнали, что Николай Кровавый сброшен с престола». Сейчас же после собрания о произшедшей революции узнал весь Карабутак. Бедняки и солдаты открыто выражали свою радость. Карабутакские чиновники встревожились. Они связались с Иргизом и сообщили, что здесь уже обнародована телеграмма о падении самодержавия и что «народ волнуется».

Трудящиеся Казахстана в самых отдаленных аулах с радостью встречали весть о свержении царя как зарю своего политического освобождения и национального возрождения.

3 марта в Ташкенте был образован Совет рабочих депутатов. Большинство мест в Совете и руководство им захватили представители соглашательских партий – эсеры и меньшевики. Вслед за образованием Совета в Ташкенте Советы стали создаваться и в городах юга Казахстана, и в Семиречье.

Испуганный размахом революционного движения, Куропаткин поспешил переменить тактику. Верный слуга самодержавия внезапно превратился в ярого приверженца буржуазного правительства. Он разослал всем губернаторам и уездным начальникам новую телеграмму: «Примите энергичные меры, чтобы в самые глухие углы пришла весть о подчинении Временному правительству свободной России, о подчинении своим начальникам и поддержании полного порядка».

Куропаткин надеялся договориться с новой буржуазной властью, чтобы приостановить опасное развитие революции.

Весь царский колонизаторский аппарат в Казахстане сохранился и после Февральской революции в неприкосновенности. Все старые чиновники оставались на своих местах. Они дела-

ли вид, будто ничего не случилось, и продолжали проводить свою старую угнетательскую политику. Уездные начальники и волостные управители не хотели даже снимать портреты царя в своих канцеляриях.

Но революционные массы не могли и не хотели мириться с сохранением старой власти. Одновременно с тем, как местная буржуазия стала создавать в городах гражданские комитеты, в которых зачастую сидели те же царские чиновники, в городах и поселках Казахстана повсеместно стали возникать Советы. Организаторами их были, чаще всего, революционные рабочие и солдаты, а также участники восстания 1916 года, освобожденные из тюрем или вернувшиеся с фронта и с тыловых работ «реквизированные» казахи.

В лагере повстанцев 1916 года во главе с Амангельды весть о свержении царизма была встречена с особенной радостью. Тургайские повстанцы по праву видели в победе Февральской буржуазно-демократической революции результаты и своей собственной героической борьбы с царизмом.

Амангельды Иманов созвал 18 марта 1917 года в урочище Картугай съезд представителей всех волостей уезда, на котором был избран Временный комитет по управлению Тургайским уездом.

Встревоженные ростом активности революционных масс в Тургае и огромной популярностью их вождя Амангельды Иманова, местные власти Временного правительства и буржуазные националисты уже в первые дни Февральской революции решили уничтожить Амангельды и лишить казахскую бедноту ее вождя. Созданный Амангельды комитет по управлению Тургайским уездом они объявили «незаконным» органом, не признавали его и передали власть в Тургае старым волостным управителям и аксакалам во главе с уездным комиссаром Омаром Алмасовым. Уездный начальник, крестьянский начальник и другие чиновники и усмирители восстания 1916 года остались на прежних местах. Все оставалось по-прежнему.

Трудящиеся Казахстана все настойчивее требовали изгнания всех представителей свергнутого самодержавия во главе с царским карателем Куропаткиным. Особенно решительно они добивались немедленной ликвидации царских карательных отрядов, продолжавших бесчинствовать в казахской степи.

В Петроград с этой целью был направлен представитель казахского народа Джангильдин. Он связался с большевистской фракцией Петроградского совета и по ее предложению выступил 10 марта на заседании Совета рабочих депутатов. Джангильдин приветствовал Петроградский совет и всех рабочих России от имени трудящихся Казахстана. Он рассказал о зверских расправах карательных отрядов над повстанцами 1916 года и потребовал отозвать карательные войска из Казахстана. Джангильдин говорил: «Товарищи! Граждане России получили свободу. Здесь, в России, обсуждают свои нужды; в степях киргизских тираны, палачи царя Николая, свергнутого здесь в России, у нас, в далекой степи, творят безобразия».

В зале раздались возгласы «Позор! Позор!».

После речи Джангильдина Петроградский совет принял решение об отзыве карательных отрядов из Казахстана.

Однако Временное правительство и не думало считаться с этим решением. Куропаткин продолжал проводить в Казахстане прежнюю колонизаторскую политику.

Казахские буржуазные националисты поддерживали Куропаткина. Они называли его «человеком высокогуманным, отечески заботливым защитником интересов казахского народа».

15 марта 1917 года один из таких буржуазных националистов Джайнаков от имени байства Верненского уезда отправил генерал-губернатору Куропаткину приветственную телеграмму. В ней он просил Куропаткина «принять лично и передать Временному правительству искреннюю преданность новому строю и уверение в готовности приложить все свои силы к победоносному окончанию отечественной войны и особо за-

верить в том, что новых мятежных выступлений со стороны киргиз в уезде допущено не будет».

Казахские буржуазные националисты не только не поддержали требований казахского народа об отзыве Куропаткина и карательных войск из Казахстана, а, наоборот, просили Временное правительство не торопиться с этим «во избежание повторных беспорядков».

Возмущение трудящихся масс возрастило. По требованию народа 30 марта 1917 года объединенное собрание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов приняло решение, в котором требовало отстранить от должности и подвергнуть аресту генерал-губернатора Куропаткина и его помощников. Куропаткин был отстранен, а его место занял царский полковник Черкас. Новая власть была ничуть не лучше, чем при генерале Куропаткине.

§ 59. Казахстан после свержения царизма.

Колониальная политика Временного правительства в Казахстане. Свержение самодержавия и переход государственной власти в руки буржуазии были шагом вперед в развитии России, в том числе и ее национальных окраин. Это был крупный исторический поворот, означавший ликвидацию феодально-крепостнического строя и демократизацию страны. Пролетариат России, руководимый большевистской партией, стремился к таким преобразованиям во всем политическом и социальном строе страны, которые привели бы к скорейшему завершению буржуазно-демократической революции и ее перерастанию в революцию социалистическую. Однако Временное правительство, являвшееся органом буржуазии и обуржуазившихся помещиков, стремилось к сохранению в стране старых дореволюционных порядков, в том числе и прежнего национального гнета. Оно не хотело давать угнетенным народам свободы и независимости. Напротив, оно выдвигало лозунг «сохранения единой,

неделимой России». Империалистическая буржуазия боялась, что осуществление права наций на самоопределение приведет к утрате ее господства в этих окраинных колониях. Вот почему она не стремилась к ликвидации старого колониального гнета, а, наоборот, пыталась закрепить его.

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии, — писал товарищ Сталин, — не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета».¹

6 апреля 1917 года Временное правительство образовало особый Туркестанский комитет — «для решения на местах всех возникающих вопросов управления краем». В состав Комитета были назначены кадет Щепкин, меньшевик Елпатьевский, эсер Шкапский, генерал-майор Данлетшин, алашордынцы Букейханов, Тынышпаев и другие. Туркестанский комитет во главе с Щепкиным был уполномочен действовать от имени Временного правительства. Его целью было закрепление власти буржуазии и осуществление ее империалистической политики в Туркестане и Казахстане.

Во главе областей стояли комиссары Временного правительства, назначаемые из среды царских чиновников и тесно связанных с ними буржуазных националистов. Так, комиссарами Временного правительства в Семиречье были чиновник-колонизатор эсер Шкапский, один из руководителей контрреволюционной байской партии «Алаш» Тынышпаев; в Тургайской области алашордынский «лидер» Букейханов и другие. Уездные и участковые комиссары Временного правительства назначались из состава бывших уездных начальников и чиновников полиции. На местах были оставлены старые волостные управители и аульные старшины, комплектуемые из феодально-байских элементов.

¹ Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 70.

Рука об руку с комиссарами Временного правительства в городах действовали так называемые «Временные исполнительные комитеты», состоявшие из представителей буржуазных организаций, а также войсковые Советы Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск, руководимые контрреволюционным офицерством.

Под прикрытием фальшивых фраз о «революционной демократии» буржуазное Временное правительство, опираясь на поддержку меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов, продолжало в Казахстане великодержавную колониальную политику царизма.

Были оставлены в полной неприкосновенности огромные земельные владения и все сословные привилегии казачьих войск. Продолжал функционировать аппарат Переселенческого управления, отбиравшего у казахского населения лучшие земли и передававшего их кулакам-колонизаторам. Оставались в силе старые царские законы, рассматривавшие казахов как бесправных «инородцев».

Один из участников восстания 1916 года рассказывает об обстановке в казахском ауле Иргизского уезда Тургайской области после свержения царизма:

«Вскоре в России свергли царя. Среди баев и царских чиновников началась тревога. Наверное, поэтому им было не до нас. В марте 1917 года нас выпустили из тюрьмы. Вернувшись домой, мы занялись хозяйством, чтобы хоть частично восстановить его. Когда зазеленели посевы наши, туда приковчевали баи. Хотя царя уже не было, сила и богатство остались по-прежнему у баев. Они это чувствовали. Баи пустили скот на наши посевы. Весь труд наш пропал даром, земля стала черной. Баи стали требовать выплаты «куна» за шесть убитых баев. Их требования поддерживались властями, а за уничтожение посевов никого не собирались наказывать. Пришлось подчиниться. Мы собрали со всех участников восста-

ния шесть раз по 33 головы крупного скота за шесть убитых баев и отдали нашим врагам.

Месяц шел за месяцем, все оставалось по-прежнему: и бай, и управители, и судьи, и чиновники».

Крестьянам было строго-настрого воспрещено захватывать земельные владения казачьего офицерства и царских чиновников, а также свободные переселенческие участки. Например, крестьяне поселка Кос-Истек Актюбинского уезда совершили безрезультатно ходатайствовали перед органами Временного правительства о передаче в их пользование находившихся рядом с крестьянскими землями 2 тысяч десятин земли, принадлежавших крупнейшему землевладельцу Витману, который на кабальных условиях сдавал их крестьянам в аренду. Такие же помещики и чиновники, как Витман, пользуясь поддержкой Временного правительства, продолжали закабалять и эксплуатировать казахский народ.

Одним из наиболее ярких проявлений национального гнета было преследование участников восстания 1916 года. В одном из главных очагов восстания, в Тургайской области, до самого лета 1917 года сохранялось военное положение и продолжались аресты, конфискация скота и другие репрессии в отношении повстанцев.

Казахскому и киргизскому населению, загнанному царскими карательными отрядами на территорию Китая, не разрешалось возвращаться на родину. При переходе границы его истребляли и грабили. Так, при прохождении беженцами весной 1917 года через селение Валерьяновское Пржевальского уезда Семиреченской области у них был отобран весь скот. Группа беженцев в 200 человек, перешедшая границу, в западной части Пржевальского уезда подверглась нападению кулаков и казаков. Беженцев повели со связанными руками и по дороге начали избивать. Из 200 человек спаслись лишь немногие. Остальные были убиты.

Кулаки-колонизаторы сел Григорьевка, Покровка и Сазоновка Пржевальского уезда, сформировав отряд в 40 человек, отобрали у казахов-беженцев 1100 лошадей, 800 коров и несколько тысяч баранов.

Тем казахам и киргизам, которым все же удавалось перебраться через границу, Туркестанский комитет Временного правительства и областные комиссары воспрещали возвращаться в родные места и направляли их в непригодные для жизни пустынные и безводные районы. Беженцы месяцами жили в горах, голодали и вымирали.

Представители населения 17 кочевых волостей, возвратившихся из Китая, телеграфировали в Ташкентский краевой совет рабочих и солдатских депутатов: «Все живем в горах, умираем от голода, хлеба не дают, ничего не имеем. Слышали, что нас хотят выслать в Верненский и Нарынский уезды. Двигаться не имеем сил, не доберемся, в пути погибнем. Просим обратить внимание на нашу участь – во имя свободы, справедливости и равноправия. Спасите, защитите нас. Убедительно просим не выселять нас и оставить в своем уезде».

Обращения не дали никаких результатов. Эсеры и меньшевики, сидевшие в Ташкентском совете, направляли получающие жалобы областному комиссару Семиречья Шкапскому, который сам возглавлял насилия и издевательства, творимые в отношении казахов и киргиз.

На местах русские кулаки-колонизаторы отбирали землю у коренного казахского и киргизского населения. Так, кулаки селений Столыпино, Белоцерковское и Титовское Семиреченской области захватили земли, принадлежавшие казахам и киргизам Тынаевской и Нурмамбетовской волостей, вырубили сады и уничтожили надворные постройки.

Великодержавные шовинисты, продолжавшие находиться у власти, требовали кровавой расправы с участниками восстания 1916 года. Так, буржуазный Исполнительный комитет

Пржевальского уезда 26 июня 1917 года послал Временному правительству телеграмму о необходимости организовать карательные экспедиции в отношении повстанцев 1916 года, находившихся в китайских пределах.

Эсеры, возглавлявшие крестьянский съезд Джаркентского уезда, приняли 17 июня 1917 года резолюцию о невозможности привлечения коренного населения в органы управления «ввиду некультурности мусульман и непонимания ими задач, кои возложены на местные самоуправления», – как писали они в этой резолюции. Эсеры требовали, чтобы русское население, составлявшее лишь 7 процентов населения уезда, получало в органах местного самоуправления не менее 50 процентов всех мест.

Таким образом, союзники и лакеи российской империалистической буржуазии – меньшевики и эсеры проводили в жизнь политику колониального и национального угнетения, мало отличавшуюся от царской.

Никаких прав народам Казахстана Временное правительство не предоставило. Возглавлявший Временное правительство эсер Керенский, прежде всего, позаботился о том, чтобы оправдать палача казахского народа Куропаткина и освободить из тюрьмы арестованных народом карателей. По приказу Временного правительства Куропаткин был освобожден из-под домашнего ареста, а его помощники выпущены из тюрьмы. Куропаткин в своем дневнике с благодарностью отмечает заботу о нем Керенского, который обещал реабилитировать царского генерала и даже поместить заметку о его реабилитации в ташкентских газетах. «Я ему очертил положение Туркестана, – пишет далее Куропаткин, – указал на необходимость не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад – большинство голосов будет за туземцев, и они захватят власть в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 56 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в сто-

роне от школы и русской жизни. Керенский согласился с моим мнением, что при неравенстве обязанностей с русским населением туземцам не следует предоставлять полноты прав».

Временное правительство и не предоставляло никаких прав населению Казахстана. По-прежнему в школах и учреждениях господствовал русский язык, непонятный огромному большинству казахов. Произвол над казахским населением был не меньшим, чем со стороны царских чиновников до революции. Так, один из участковых комиссаров Стригин, назначенный без согласия населения уездным комиссаром, прибыл в горные волости вместе с тридцатью солдатами и отобрал у местного населения 38 кошм и 36 лошадей, а также собрал в свою пользу 28 тысяч рублей. Подобные факты были частым явлением.

Трудящиеся массы Казахстана на опыте убеждались, что Временное правительство не даст им ни мира, ни свободы, ни земли, ни национального равноправия. Они начинали понимать, что Временное правительство стоит не за народ, а против народа.

Чаяния и стремления казахских народных масс, надеявшихся в результате свержения царизма добиться улучшения своего положения, не осуществились. Но, не искушенные в политике, забитые царскими чиновниками и баями, почти поголовно неграмотные, трудящиеся казахи не сразу разобрались в антинародной сущности Временного правительства и его местных органов. В первые месяцы революции они еще проявляли к нему бессознательно-доверчивое отношение. Казахские буржуазные националисты и мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков сознательно обманывали народ и усиленно поддерживали это заблуждение.

Предательская позиция буржуазных националистов. Казахские националисты с самого начала революции 1917 года занимали позицию активной поддержки Временного прави-

тельства и проводимой им колониальной политики. Они являлись непосредственными участниками контрреволюционного палачества, осуществляемого русской буржуазией и помещиками в отношении казахских трудящихся масс.

Лидером националистов являлся член ЦК кадетской партии Букейханов. Алихан Букейханов еще в 1903 году писал, что царское правительство ставит перед собой в Казахстане задачу «смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа», что царизм способствует развитию среди казахов культуры и просвещения, что в своей колониальной политике он «исходит из интересов самих казахов», стремится «удешевить хлеб и обеспечить существование кочевников».

Теперь почти в тех же выражениях он писал о «цивилизаторской миссии» Временного правительства. Букейханов был назначен тургайским областным комиссаром Временного правительства. В марте 1917 года он давал личные указания командующему карательными отрядами генералу Лаврентьеву об организации экспедиции в степь для уничтожения сохранившихся еще с 1916 года повстанческих отрядов. При его участии был разработан конкретный план этой экспедиции, но развитие революции помешало его осуществлению.

Другим активным слугой царизма и Временного правительства был Тынышпаев. Вместе с Букейхановым он входил в состав Туркестанского комитета Временного правительства, активно осуществлял план изъятия у казахского населения Семиречья двух с половиной миллионов десятин земли и переселения десятков тысяч трудящихся казахов и киргиз в пустынные и безводные районы. Этот план в качестве репрессии за восстание 1916 года был разработан еще Куропаткиным и утвержден царским правительством. Куропаткин настаивал на его осуществлении и перед Временным правительством. 4–6 мая 1917 года Тынышпаев вместе с эсером Шкапским и меньшевиком Шендриковым проводил в Пишпеке совещание

по вопросу об осуществлении этого варварского мероприятия. Лишь массовый протест казахского и киргизского населения и опасение нового восстания заставили воздержаться от проведения в жизнь палаческого плана колонизаторов.

Буржуазные националисты на так называемых «киргизских съездах» принимали приветствия новой буржуазной власти. На Уральском областном «киргизском съезде», состоявшемся 20 – 23 марта 1917 года, алашордынцы приняли резолюцию о всемерной поддержке Временного правительства и о доведении империалистической войны «до победного конца». Подобные же решения были приняты алашордынцами и на первом «киргизском съезде» Тургайской области, заседавшем в Оренбурге 2 – 6 апреля 1917 года. На обоих этих съездах алашордынцы даже не упоминали о национально-территориальной автономии Казахстана.

В доказательство своей преданности Временному правительству буржуазные националисты устроили 28 апреля в Оренбурге «киргизский съезд» с представителями от Семипалатинской, Тургайской, Акмолинской и Уральской областей и от Букеевской орды. На съезде была принята резолюция, одобрявшая политику Временного правительства и обещавшая ему поддержку в доведении войны до победного конца. На этом же съезде оформилась контрреволюционная буржуазно-националистическая партия «Алаш», опиравшаяся на байские элементы и на связанную с ними буржуазно-националистическую интеллигенцию.

Буржуазные националисты представляли собой агентуру русской империалистической буржуазии и обрекали казахские народные массы на дальнейшую колониальную эксплуатацию, на экономическую и политическую отсталость и средневековое варварство. Торгую оптом и в розницу интересами казахского народа, они были злейшими врагами прогресса, демократии и социализма.

Алашордынцы поэтому с особенной ненавистью отнеслись к передовым и революционным представителям казахского народа, в особенности к народному герою Амангельды Иманову. Еще в апреле алашордынцы Букейханов и Дулатов пытались разоружить партизанские отряды Амангельды и арестовать его самого. С этой целью Букейханов направил из Чолаксая и Тургая карательные отряды в Аккумовские пески, где скрывались отряды Амангельды. Но трудящиеся массы Казахстана зорко оберегали своего вождя. Арестовать Амангельды Букейханову не удалось. Русские солдаты также уже не хотели больше повиноваться своим генералам и быть их послушным орудием. Они отказались выступать против повстанцев-казахов.

Антинародная сущность и предательская роль алашордынцев, называвших себя «представителями и защитниками» казахского народа, мало-помалу открывалась широким массам трудящихся Казахстана. На собственном опыте они убеждались в том, что действительными защитниками казахского народа были большевистская партия и Советы рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов.

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

исторических терминов, имен и понятий, упоминаемых в «Истории КазССР с древнейших времен до наших дней»

Абай Кунанбаев (1845–1904) – основоположник казахской литературы, создатель казахского литературного языка, поэт-классик, привнесший в казахскую поэзию новые поэтические формы (шести-, восьмистишия и т.д.), переводчик произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, композитор. Обличение пороков современного общества, философские размышления Абая отражены в его лирике и в проzaическом произведении «Қара сөз» («Книга слов»). Духовное становление Абая показал М. О. Ауэзов в своем романе-эпопее «Путь Абая», который был назван советскими литераторами «энциклопедией жизни казахов» и удостоен Государственной (1948) и Ленинской (1959) премий.

Адай – один из крупных родов в составе племенного союза Байулы Младшего жуза. Родным краем рода Адай считается полуостров Мангыстау и плато Западный Устюрт, куда адаевцы переселились в XVIII веке, вытеснив туркменские племена. Здесь находятся 362 святых места (по-казахски «әулие») рода Адай.

Адат (от арабск. обычаи, привычки) у тюркских и ряда других народов – обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникшее и существовавшее у этих народов в доисламский период и сохранявшееся со времен татаро-монгольского завоевания.

Айбалта – боевой топор типа секиры, древнейший тип ударно-рубящего оружия, предназначенног для поражения живой силы и применяемого как в ближнем бою, так и для метания. Отличительной особенностью является небольшой вес лезвия (около 0,5 кг) и длинное топорище (от 50 см). Малая площадь поражения компенсируется достаточно небольшим

весом и значительной пробивной силой. Родиной этого вида оружия является Средняя Азия.

Аймак – 1. В тюркских, монгольских и отчасти тунгусо-маньчжурских языках первоначально родоплеменное подразделение (род, племя и даже народ). 2. В феодальную эпоху крупное владение, удел, т.е. административно-территориальная единица, образованная вследствие смешения кровнородственных союзов.

Айт курбан (Курман-айт, Курбан-байрам или арабск. Идаль-Адха) – праздник жертвоприношения, самый большой мусульманский праздник. Он отмечается с 10-го по 13-е числа месяца зуль-хиджжа мусульманского календаря. Курбан-айт завершает собою обряд хаджа – паломничества к святыням ислама в Мекку (город на западе Саудовской Аравии). Главным обрядом является заклание жертвенного животного ради Всевышнего. Мясо жертвенного животного, согласно предписанию, делят на три части: одну раздают бедным, из второй части готовят угощение для родных, соседей, друзей, а третью мусульманин может оставить себе.

Айт рамазан (Рамадан – мусульманский пост) – девятый месяц мусульманского (лунного) календаря, священный для мусульман; это время щедрости, изобилия, покоя, очищения от грехов и воздержания. В соответствии с одним из пяти столпов ислама в течение месяца рамадан правоверные мусульмане должны поститься со времени утреннего намаза, наступающего на рассвете и называемого фаджр, до наступления вечернего намаза на закате, называемого магриб. Пост называется «Рамадан» в соответствии с наименованием месяца. В тюркских языках более распространено название «ураза». Согласно достоверным хадисам и Корану, совершение благих дел в это время считается особенно важным. В честь окончания месяца рамадан проводится праздник разговения (туркск. Ораза-байрам).

Айтыс – публичное состязание казахских ақынов, своеобразный певческий диалог, участники которого стараются превзойти друг друга в импровизированном сочинении и исполнении песен под аккомпанемент домбры.

Аксакал (старец, буквально «белая борода») – старейшина рода; предводитель рода, семьи; влиятельное лицо.

Ақсүйек («белая кость», или төре, т.е. «благородные») – представители высшей аристократии в феодальных государствах Средней Азии. Со времени монгольского завоевания так назывались султаны-чингизиды, а затем и ханы – потомки Чингиз-хана. Представители «белой кости» делились на «настоящих» и «смешанных». «Настоящим» представителем «белой кости» (нағыз төре) считался тот, у кого к феодальной аристократии принадлежали оба родителя.

Ақын – поэт, музыкант-импровизатор.

Алаш – племенное объединение древних казахских племен в стадии общинного развития. Равнозначно понятию «казах» в качестве названия новой народности. Слово «алаш» употреблялось самими казахами как самоназвание, а в боях использовалось как общий боевой клич (уран).

«Алаши» (1917–1920) – казахская партия, образованная из группы этнических казахов – членов партии кадетов, оформленной во время событий 1905 г. Руководителями партии «Алаш» были А. Букейханов (председатель), А. Байтурсынов и М. Дулатов. Официальным органом партии являлась газета «Казах». Советские идеологи считали алашордынцев контрреволюционной буржуазно-националистической партией, обрекающей казахский народ на дальнейшую колониальную эксплуатацию, и в советское время подвергли руководителей партии репрессиям.

Алаш-Орда – центральный орган власти «Алашской автономии», созданной на территории нынешнего Казахстана членами партии «Алаш», учрежденный Общекиргизским

(общеказахским) съездом в Оренбурге, проходившим с 5 по 13 декабря 1917 года. Ликвидирован большевистским Военно-революционным комитетом по управлению Киргизским краем 5 марта 1920 года.

Аманат – заложник.

Аменгерство – брачный обычай, свойственный многим народам на стадии патриархально-родового строя, в соответствии с которым вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь с его братьями. У казахов тоже, что и левиарат (от лат. *levir* – деверь, брат мужа). В представлении отдельных народов левиарат выступал одним из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками.

Анракайская битва (декабрь 1729 – январь 1730) – 40-дневное крупнейшее и решающее сражение казахов с джунгарами в войне, длившейся с перерывами 113 лет. Казахи называют Анракай «местом стона и рыданий врага».

Аргамак – старинное название восточных породистых верховых лошадей.

Аргын – в прошлом сильное и многочисленное племя, состоящее из потомков гуннов, которое в конце XIV века вошло в состав Среднего жуза новой казахской нации.

Аркан – веревка с петлей на конце, предназначенная для набрасывания вокруг цели и последующего затягивания при натяжении веревки.

Аттила – вождь гуннов с 434 г. по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

Аул – традиционное поселение сельского типа, стойбище, община у тюркских народов, а также у других народов Средней Азии и Кавказа.

Ахун – мусульманский богослов, ученый, наиболее чтимый мулла.

Бай – богач, крупный землевладелец или скотовод в дореволюционной Средней Азии.

Баксы – шаман, отправляющий языческие религиозные обряды, обычно исполняющий свои заклинания под звучание кобызга.

Балбал (каменные бабы) – каменные изваяния высотой от 1 до 4 м, найденные в больших количествах в степной полосе России, южной Сибири, на востоке Украины, в Германии, Средней Азии и Монголии.

Обычай возводить идолов зародился в VI –VII веке в Монголии и на Алтае и распространился к Дунаю.

О каменных статуях сообщают орхено-енисейские рунические надписи, сделанные тюрками Сибири. Упоминание о каменных бабах оставил также поэт XII века Низами, который рассказывал о пожертвованиях половцев (кыпчаков) каменным идолам. Посол Папы римского Вильгельм де Рубрук, проезжая в 1253 году половецкой степью, наблюдал, как половцы насыпали большие холмы и сооружали на них статуи, обращенные лицами на восток и с чашей в руках. В изданной в 1627 году в России географической работе «Книга Большого Чертежа» упоминаются каменные фигуры – «демны», которые были установлены на курганах или просто в степи и выполняли роль указателей для ориентиров бродов. Начиная с XVIII века, интерес к изучению каменных баб возрос. О статуях писали академики П. Паллас, И. Лепехин, В. Зуев, А. Гатцук и многие другие. В 1851 году чиновник департамента Министерства внутренних дел России Пискарев составил первую карту местонахождений каменных статуй.

Каменные статуи делятся на несколько групп: антропоморфные стелы эпохи бронзы, созданные потомками индо-иранцев, живших в степях между Дунаем и Доном в 4–2 тыс. до н.э.; скифские статуи, оставленные ираноязычными племенами, которые появились в российско-украинских степях в середине I тыс. до н.э.; и половецкие каменные бабы.

Половецкие каменные бабы, встречающиеся на огромных пространствах от юго-западной Азии до юго-восточной Европы, являются памятниками сакрального искусства половцев (кипчаков) IX – XIII века. Статуи символизировали предков и ставились на наивысших участках степи, водоразделах, курганных могильниках, в специально сооруженных для них святилищах, которые были местом осуществления поминального культа предков, не связанного непосредственно с похоронениями. Собственно, само слово «баба» происходит от тюркского «балбал», что означает «пращур», «дед-отец». Со временем этот обряд трансформировался в культ покровителей орды. Женские статуи символизировали непобедимость и бессмертие воинов, которые верили, что покровители в образе женщин дают им силу и оберегают их. За это кочевники приносили каменным изваяниям жертвы. Возле подножия статуй исследователи находили кости баранов.

Антропоморфные фигуры половцев создавались из специально подобранных удлиненных камней. Старейшие типы половецких статуй (грубо обтесанные каменные столбы) созданы в первые десятилетия XI века. Лица на них либо вообще не изображались, либо на месте лица наносились Т-образные брови и нос, глаза и рот в виде овальных углублений. Со временем появились изображения мужчин с небольшой бородой или мужчин без шапок, иногда с одной или несколькими косами до пояса, а также фигуры с кинжалом или саблей. Фигуры женщин создавались с подчеркнутыми детородными органами и с сосудами, которые они держат в правой руке, реже в обеих руках. В XII веке в половецких мастерских изготавливались тысячи таких статуй.

Барымта (форма родовой мести, выражавшаяся в угоне скота) – 1. При хане Тауке (в начале XVIII века) возмещение самим потерпевшим похищенного у него имущества – если виновный и его сородичи (которые всегда несли коллектив-

ную ответственность) отказывались выполнить постановление суда, не возвращали похищенного имущества или не платили кун (штраф), то потерпевший (один или при содействии своих сородичей) имел право захватить скот ответчика и его родственников в количестве, соразмерном своему иску. 2. В начале XIX века один из видов явного феодального грабежа, организовываемого султанами. 3. Согласно Уложению 1845 года уголовное преступление, разбираемое исключительно царским окружным судом без вмешательства биев.

Бата – напутственное благословение.

Батыр (батур) – почетный титул «герой», «доблестный воин», «богатырь» у монгольских и тюркских народов, при соединяемый к имени и присваиваемый особо отличившимся воинским искусством, личным героизмом, смелостью и доблестью военачальникам и воинам. Известно также в формах бахадур, батор, батыр батор, батур, баходир. Слово использовалось и как личное имя.

Бау – длинные узкие полосы, которыми стягивался деревянный остов юрты (кереге).

Бегляр беги (беклер беги, беклар-бек, беклар-беги) – военный правитель, назначаемый указом хана для осуществления руководства отдельной местностью (краем), крупным племенем или группой населения. В Кокандском ханстве – правитель Ташкента, носящий титул «бек беков».

Бек (туркск. – правитель, господин; синоним арабск. эмир) – 1. Глава рода или племени во времена Тюркского каната. 2. Предводитель родового ополчения в составе общеплеменного войска, во главе которого стоял хан. 3. Титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока. 4. У тюркских народов Средней Азии и Закавказья в средние века и новое время титул землевладельца.

Би (бий) – 1. Титул, присваиваемый досконально знающим народные обычаи, традиции и обряды людям, наделяющий их

соответствующими полномочиями справедливо и окончательно решать спорные вопросы в казахском обществе. 2. Влиятельный человек, принадлежащий к родовой знати; судья.

Букеевская Орда (или Внутренняя Орда) – полуавтономное государственное образование казахских родов в междууречье Урала и Волги, существовавшее в составе Российской империи с начала до середины XIX века.

Бухарское ханство – государство с центром в Бухаре, существовавшее с 1500 по 1785 годы на территории современных Узбекистана и Таджикистана и расположено в бассейне реки Амударья между Закаспийской областью, Туркестаном и Афганистаном. Владения Бухары ограничивались на севере Туркестанским краем Российской империи (Ферганской и Самаркандинской областями и Аму-Дарьинским отделом). По этнографическому составу население Бухарского ханства включало в себя народы иранского и тюркского происхождения. Между тюркскими народами на первом месте стояли узбеки – господствующая народность, делившаяся на роды (Мангыт, Кунград, Курама и т.п.), в руках которой была сосредоточена власть. К тюркским народностям относились также туркмены, киргизы, отчасти и сарты – класс городских и сельских жителей таджикско-узбекского происхождения.

История Бухары состоит из двух частей – истории древнего Мавераннахра и новой истории Бухарского ханства.

До появления монголов Мавераннахр был предметом раздора между караканидами, каракитаями и владельцами Хорезма. Осенью 1219 года монгольская армия численностью около 150 000 человек под предводительством Чингиз-хана и его сыновей через долину Или и северную Фергану вторглась в Среднюю Азию. В 1220 году пала Бухара, разграбленная кочевниками и затем сожженная дотла. Цветущий город обратился в груду развалин. В марте того же года пал Самарканд, и весь Мавераннахр оказался в руках Чингиз-хана. В 1224

году, при делении громадного государства между сыновьями Чингиз-хана, Мавераннахр с Туркестаном достался Чагатаю и стал известен под именем Чагатайского улуса.

В результате нашествия монголов изменился этнографический состав населения этой территории: тюркские элементы получили повсеместное преобладание над иранскими.

После нашествия монголов последние искры иранской культуры исчезли, а Бухара и Самарканд, умственные центры Мавераннахра, никогда уже не смогли вернуться к прежней духовной деятельности. С течением времени монголы, с последними потомками Чагатая во главе, приняли ислам и стали ревностными его поборниками. В этом отношении особо колossalные успехи сделал Тимур (Тамерлан), основавший во второй половине XIV столетия огромное государство. При Тимуре (1370–1405) Мавераннахр со столицей в Самарканде в последний раз стал средоточием исламского могущества в Азии. Владения Тимура простирались от Гоби до Мраморного моря и от Иртыша до Ганга, а столица их – Самарканд – сделалась центром просвещения, промышленности, наук и искусств. Великолепие и богатство Самарканда (с его прекрасными садами, грандиозными дворцами и мечетями, кипучей торговой деятельностью этого города, куда приходили караваны из Индии, Китая и Западной Азии) отодвинуло на второй план прежнюю столицу – Бухару.

В конце XV века государство тимуридов распалось на мелкие владения.

Около 1500 года с севера на земли при Амударье нахлынули новые завоеватели – тюркские племена из дешт-и-кипчакских степей (в основном из присырдарьинских) под предводительством хана Шейбани. Власть перешла от династии тимуридов к династии шейбанидов. Со второй половины XVI века государство стало именоваться Бухарским ханством.

Основателем узбекской династии шейбанидов является Мухаммед Шейбани (1451–1510). В 1449 г. Шейбани-хан начал завоевание Мавераннахра и к 1501 году отвоевал у тимуридов их столицу Самарканд, основав государство шейбанидов; установил свою власть над всем Мавераннахром и Хорасаном и в 1508–1509 гг. совершил неудачный поход на казахов. Из шейбанидов в особенности замечателен Абдулла-хан II, ревностно заботившийся о процветании и счастье своего народа. Этот правитель в течение своего более чем сорокалетнего царствования построил множество учебных заведений, мечетей, бань, караван-сараев и мостов, развел тенистые сады в главных городах ханства, устроил почтовое сообщение, был усердным покровителем земледелия, торговли и науки. Правление шейбанидов ознаменовалось также постепенным обосoblением восточно-исламского мира от западного и необыкновенным возвышением власти и влияния ученых мулл и богословов, вследствие чего богословские науки заняли в медресе Бухары первое место.

После шейбанидов в Бухарском ханстве правили аштарханиды.

При шейбанидах (1510–1599) и наследовавших им аштарханидах (1599–1756) история Бухарского ханства представляет собой ряд усобиц и войн, которые вели владетели Бухары с государством сефевидов и Хорезмом.

Аштарханидов сменила узбекская династия Мангыт (боковая ветвь по женской линии Джучи, сына Чингиз-хана), члены которой правили Бухарой в 1756 по 1920 годы, и усиление политического влияния которой в Бухарском ханстве относится к началу XVII века. Но реальный рост их могущества произошел после назначения в 1712 году мангыта Худояр-бия на пост аталыка. Его сын Мухаммад Хаким-бий усилил свою власть. В 1747 году власть полностью оказалась в руках Мухаммад Рахим-бия, его третьего сына. Под властью Бухарского хан-

ства при Рахим-бие находились Бухара, Самарканд, Миянкаль, Кермине, Карши, Хузар, Керки, Чарджоу, Шахрисабз. Хисар и Ташкент оставались самостоятельными владениями. Хотя Мухаммад Рахим-хан не был потомком Чингиз-хана, он путем жесткой политики и хорошей организации смог добиться признания своей власти, взойти на трон и даже принять титул хана. После смерти Рахим-бия в 1758 году мангыты выдвинули на место эмира его дядю, правителя Мианкаля Даниярбия (1758–1785). Однако ему не удалось сохранить жесткую центральную власть. На несколько десятилетий затянулись междуусобицы и столкновения сторонников и противников мангытов, так как удельные правители Бухарского ханства претендовали на независимость.

В 1868 г. бухарский хан признал себя вассалом русского императора.

Вассалитет (фр.) – система иерархических отношений между феодалами, состоящая в личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других. Система вассалитета в Средней Азии закончила формироваться в XI–XIII веках. К этому времени пожалованная земля (икт) переходила в наследственную. Как и в Европе, владелец икта нес военную (гражданскую) службу, а также взимал налоги с крестьян. Однако вследствие более сильной централизованной власти азиатские феодалы не имели больших вольностей, в отличие от европейских землевладельцев.

Великий Шелковый путь – система караванных дорог, ведущих из Китая в страны Ближнего Востока и Европы, существовавшая со II века до н.э. до XVI века. Значительная часть этого пути пролегала по территории Средней Азии и Казахстана.

Восточно-туркский каганат – государство кочевых тюрков, образовавшееся в результате распада Тюркского каганата на Западный и Восточный в 603 году. Каганат имел общие

протяженные границы с Китаем и вел частые войны с этим государством. Танская империя захватила Восточный каганат в 630 году. После поражения в 745 году в битве с уйгурами под предводительством хана Моюн-Чура на землях Восточного каганата возник Уйгурский каганат, просуществовавший с 745 по 840 годы.

Гуньмо – глава общества усуней.

Гурхан – титул верховного правителя каракитаев, жалаиров.

Дервиш – мусульманский нищенствующий монах.

Дешти-Кыпчак (Дешт-и-Кипчак) – Кыпчакская степь, географический термин, применяемый в XI–XVI веках как название объединения кыпчакских племен.

Джадидизм (от арабск. джадид – новый, в казахском языке жәдіт) – культурно-реформаторское, просветительское и общественно-политическое движение мусульман Поволжья, Крыма и Средней Азии в конце XIX – начале XX веков. Основой джадидизма является введение в мусульманских школах нового метода обучения чтению, ряда светских предметов. Джадиды выступали за развитие национального искусства и литературы, равноправие женщин, реорганизацию деятельности духовенства, преподавание в школах на национальном языке.

Джунгарское ханство – ойратское государство, существовавшее в XVII–XVIII веках на участке территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша. На карте Петра Великого, составленной пленными шведскими офицерами приблизительно в 1720–1725 годах, среди окружающих Россию государств зеленым цветом выделено Калмыцкое государство, называемое Джунгарским ханством. В 1755 году Джунгарское ханство было ликвидировано Цинско-маньчжурской империей.

Джунгары (зюнгары, или чоросы) – монголоязычный народ, относящийся к ойратам. В XVII веке чоросы и несколько других родов создали на западе Монголии Джунгарское ханство (словосочетание «джун гар», или «зюн гар», означает «левая рука» – когда-то так называлось левое крыло монгольского войска). Джунгарами (зюнгарами) называли также всех подданных Джунгарского ханства.

Домбра – казахский национальный двухструнный щипковый музыкальный инструмент. Применяется в качестве аккомпанирующего и сольного, а также основного инструмента в казахской народной музыке. Широко используется современными исполнителями в сочетании с другими музыкальными инструментами. Имеет корпус грушевидной формы и длинный гриф, разделенный ладами. Струны обычно настроены в кварту или квинту.

Дулат – название одного из казахских племен Старшего жуза.

Дулу – тюркоязычное племя.

Ергак – одежда из лошадиной шкуры, обычно носившаяся казахами.

Есаул (от тюркск. ясаул, каз. жасауыл – начальник) – изначально помощник военачальника, заместитель (аналоги в других странах и периодах: адъютант, ординарец и т.д.). звание или должность, а впоследствии чин в казачьих войсках России.

Есаулы были генеральные, войсковые, полковые, сотенные, станичные, походные, артиллерийские. Само звание «есаул» впервые было введено в 1578 г. для украинских казаков королем Речи Посполитой Стефаном Баторием. Звание есаула считалось в казачьих войсках вторым после атаманского. В 1775 году по представлению князя Потемкина было указано есаулов полковых считать «прилично офицерскому званию». В 1798–1800 гг. чин есаула был сравнен с чином гусарского

ротмистра, и с этого времени он давал его обладателю потомственное дворянство. С XVI века – должность «войсковой есаул», позднее обер-офицерский чин в России в казачьих войсках в 1798–1884 IX класса и в 1884–1917 VIII класса в Табели о рангах. В 1798 г. приравнен к чину ротмистра в кавалерии и капитана в пехоте. После 1884 года, когда в армии был упразднен чин майора, чин есаула был приравнен к чину капитана и стал соответствовать современному званию майора.

Сын Чингиз-хана Чагатай в летописях иногда называется «екі ясаул», то есть «второй ясаул». Возможно, происхождение названия связано с названиями «яса» (грамота, закон в Монгольской империи) и «ясак» (сбор дани согласно закону).

В войске Кенесары наиболее отличившимся в военной подготовке также присваивалось звание «ясаул».

Жадид (см. «Джадидизм»).

Жайлияу – горное пастбище, летняя стоянка аула.

Жандарм – сотрудник полиции, имеющей военную структуру.

Жатаки – обедневшие скотоводы, перешедшие на оседлость.

Жезтырнак (буквально «медный коготь») – легендарное существо с медными когтями.

Желма-уй – легкие дорожные кибитки.

Жеты жарғы (Семь уложений) – свод законов Казахского ханства, созданный в период правления хана Тауке. Изменения политической структуры вызвали настоятельную необходимость переработки и правовой базы организации казахского общества. Эта работа проводилась весь XVII век и при хане Тауке нашла свое закрепление в своде законов «Жеті жарғы», разработанном при участии известнейших биев Толе би (из Старшего жуза), Казыбек би (Среднего) и Айтеке би (Младшего) в начале XVIII века. До Жеты жарғы у казахов существовал другой, более древний свод законов, основанный на

обычном праве – адате, называемом казахами «Светлый путь хана Касыма», который не был записан и существовал в устном виде, как при хане Касыме (1455–1522).

Жужаньский каганат – союз кочевых монголоязычных народов, которые господствовали в степях северного Китая в промежутке между исчезновением государства гуннов в IV веке и подъемом Тюркского каганата в VI веке.

Жузы (жуз означает буквально «сотня, союз») – крупные этнотERRиториальные объединения (или союзы) племен, сложившиеся на основе определенного хозяйственно-культурного уклада жизни в эпоху образования казахской народности и ее этнической территории в начале XVIII века в период правления хана Тауке. Всего их три: Старший – Улу-жуз, занимающий территорию Южного Казахстана и Жетысу (Семиречья), Средний – Орта-жуз на территориях Центрального, Северного и Восточного Казахстана и Младший – Киши-жуз на землях Западного Казахстана.

Журтшылык (закон общественности) – один из пяти разделов кодекса законов, разработанного в начале XVI в. во время правления хана Касыма («Қасым ханның қасқа жолы» – «Светлый путь хана Касыма»), посвященный обязательствам общинной и межобщинной взаимопомощи, а также правилам устройства празднеств и дворцовому этикету, во второй половине XIX века ставший оправданием при ограблении бедноты.

Жут (джут) – массовый падеж скота от бескорьи, вызванной в результате обильного снегопада или наступившей гололедицы.

Жырау – вешний певец, углубленный в коренные проблемы бытия. В связи с этим основное место в творчестве жырау занимали философско-дидактические жанры: толгау, терме, наиздания и афоризмы.

Закят – подать феодалу, составляющая $\frac{1}{40}$ движимого имущества.

Западно-туркский каганат – кочевая империя от Азовского моря и Дона до восточных отрогов Тянь-Шаня и северо-востока Индии. Ядром империи был кочевой район Джунгарии, населенный племенем дулу, и Западный Тянь-Шань с племенами нушиби, которые вели ожесточенную междоусобную войну с 630 по 651 год. Управлялся каганами династии Ашина. Опорой Западно-туркского каганата на севере были кыпчаки.

Золотая Орда (другое название – Улус Джучи) – часть территории распавшейся империи Чингиз-хана, доставшаяся во владение его сыну Джучи. К середине XV века Золотая Орда фактически распалась на десяток самостоятельных ханств, ее центральная часть – Большая Орда – прекратила существование в начале XVI века.

Икта (арабск.) – пожалованный феодалу надел земли в странах Ближнего и Среднего Востока.

Ильм-хал (то же, что и катехизис – от греч. поучение, наставление, внушать, звучать в ответ) – книга, содержащая основные положения религиозного вероучения, часто изложенные в виде вопросов и ответов.

Ислам – одна из мировых религий (наряду с христианством и буддизмом), возникшая в VII веке в Аравии.

Ишан – духовный наставник у мусульман Средней Азии, глава религиозной общинны.

Каган (хакан, хаган) – верховный глава тюркской кочевой державы. Хан ханов. В монгольское время слился с родственной формой каан («великий хан»). Впервые подобный титул засвидетельствован в китайских источниках применительно к центральноазиатскому племени сяньби (III век). В 402 г. его приняли жужаны вместо гуннского титула шаньюй. От жужаней он был заимствован аварами и тюркютами (с 551 г.), создавшими в середине VI века самую крупную на тот исторический момент кочевую империю – Тюркский каганат, после

распада которого титул «каган» получил хождение у многих других тюркоязычных народов.

Кадеты – члены Конституционно-демократической партии в России начала XX века (до 1930-х годов использовалось и дефисное написание «ка-деты»).

Казак – вольный человек, отложившийся от своей общины или государства, беглец. В этом же значении употреблялось и русское наименование «казак». В XIV веке слово «казаки» наряду с термином «узбеки» употреблялось для названия ханского войска.

Казах (қазақ) – в переводе с древнетюркского языка означает «свободный, независимый человек».

Казахское ханство – государство тюрков-кочевников (будущих казахов) на территории современного Казахстана и со-пределльных с ним государств, образованное в результате распада Золотой Орды в 1465 году.

В 1227 году на территории Дешт-и-Кипчака было образовано протоказахское государство в составе Золотой Орды – Белая Орда. После отделения от Золотой Орды Белая Орда в 1361 году стала независимым государством. Но после смерти Барак-хана в 1428 году Белая Орда распалась на ханство Абулхайр-хана и Ногайскую Орду. Со временем, будучи недовольными жесткой политикой Абулхайра, часть племен во главе с султанами Жанибеком и Кереем вынуждена была откочевывать в Могулистан, расположившись в междуречье рек Чу и Талас, где создала самостоятельное государственное образование – Орду, за которой закрепилось название «Казахское ханство».

Первым ханом нового ханства стал Керей, но фактически ханством управлял султан Жанибек. Жанибек начал войну против Абулхайра, хана Узбекской Орды. В 1468 году, во время одного из походов Абулхайр умер, и Жанибек взял без боя почти всю территорию Узбекской Орды.

К 1500 году Казахское ханство заметно расширилось и распространило свои территории на весь восточный Дешт-и-Кипчак.

При Касым-хане ханство достигло наивысшего расцвета. После его смерти началась гражданская война, но уже при Хакк-Назар-хане ханство было восстановлено в прежних границах. При султане Абылае три жузы признали его ханом Казахского ханства. После его смерти ханство вновь распалось на жузы, но уже хан Кенесары был провозглашен общеказахским ханом восстановленного Казахского ханства.

К 60-м годам XIX века все казахские жузы вошли в состав Российской империи.

Казы – судья, осуществляющий судебное право по законам шариата.

Калым (туркск.) – выкуп за невесту, передаваемый первоначально роду, позднее – родителям или родственникам невесты. По мнению советских идеологов, калым являлся компенсацией роду невесты за потерю женщины-работницы и имущества, которое она уносила в род мужа. По современным представлениям, калым наравне с приданым являлся вкладом двух родов в формирование общего имущества будущей семьи. Обычай внесения выкупа за невесту распространен у многих племен и народов мира.

Камча – плеть.

Кара-будуны – простые общинники-скотоводы, «чернь», «простонародье» в тюркских каганатах, основное зависимое население.

Каракитай (кара-кидани, что значит «черные кидани») – ветвь родственного монголам кочевого народа киданей, откочевавших после разгрома государства Ляо чжурчжениями в 1125 году в Среднюю Азию и заселивших Таласскую и Чуйскую долины.

Елюй Даши, правитель 16 тысяч киданьских семей, которые жили в Средней Азии до прихода основной группы, еще в

1124 году принял почетный титул гурхана, основав новое государство. Влияние гурханов на жизнь предшествовавшего им государства караканидов было весьма ограничено. Подданные исповедовали как буддизм, так и тенгрианство. По киданьской традиции, не раз во главе государства становились женщины.

К середине XII века каракитай распространили свою власть на всю Среднюю Азию к югу от Балхаша и к востоку от Ферганской долины. Столицами служили Баласагун, Узген и Кашгар.

В 1211 г. бежавшие под натиском Чингиз-хана найманы наводнили Среднюю Азию и пленили гурхана, однако уже семь лет спустя Каракитайское государство вошло в состав Монгольской империи. Под властью монголов каракитай растворились в окружающих племенах – вошли в состав казахов, узбеков, ногайцев, каракалпаков, башкир и других народов.

Караканиды (942–1212) – тюркская династия, царствовавшая в Караканидском государстве. Около 940 года племена Тянь-Шаня захватили Баласагун и, свергнув карлукского канана, положили начало новой династии. Один из первых правителей нового государства Сатук Бограхан принял ислам с именем Абдулкерим и титулом «карахан».

Выдающимся правителем этой династии был Богра-хан, носивший титул Шегаб эд-Доулэ (звезда государства) и мусульманское имя Харун. Он отнял Мавераннахр у саманида Нуха, а преемник Богра-хана, Шемс эд-Доулэ (солнце государства) Илек-иль-хан, положил конец саманидам. Столицей Караканидов в Мавераннахре была Бухара, а затем Самарканд. Караканидов сменил хорезм-шах Алла эд-Дин Мухаммед около 1210 года.

Карлуки – кочевое тюркское племя, проживавшее на территории Средней Азии в VIII–X веках. Первоначально карлукский племенной союз состоял из трех крупных племен, среди которых самым многочисленным было племя чигил. Столица

находилась вблизи современного села Койлык на севере нынешней Алматинской области. С 960 г. карлуки исповедовали ислам. В 742 году уйгуры, карлуки и басмылы, объединившись, уничтожили Восточно-туркский каганат. Вождь басмылов был провозглашен верховным правителем и принял титул кагана. Но в 744 году объединенные силы уйголов и карлуков разбили басмылов и убили кагана. В 752 году басмылы вместе с енисейскими киргизами и тюргешами стали союзниками карлукского ябгу (также из рода Ашина) в борьбе с Уйгурским каганатом за восстановление Восточно-туркского каганата. Война не имела успеха для союзников. Ябгу карлуков оставил надежды на каганат и прекратил «войну за тюркское наследство». В знаменитой битве за Туркестан арабов (Халифат) и китайцев (династия Тан) на реке Талас в 751 году карлуки решили исход сражения в пользу арабов, перейдя на их сторону. Эти земли позже вошли в состав Карлукского каганата (766 – 940), который затем заменило Караканидское государство (940 – 1210).

Карлукское наречие (чагатайский язык в монгольские времена, с 1220 по 1390 гг.) легло в основу современных узбекского (в Мавераннахре) и уйгурского (в Восточном Туркестане) языков.

Кедеи – казахи-бедняки: жалшы (наемники, пастухи овец и лошадей), жатаки (обедневшие скотоводы) и т.д.

Кереге – низкий решетчатый остов юрты, сделанный из дерева.

Керей – одно из казахских племен Среднего жуза (бывшие владельцы Западной Сибири до падения Кучума).

Киргиз-кайсаки (киргизы) – принятное в истории и распространенное в дореволюционной литературе и в российских официальных документах наименование казахов трех жузов. Это ошибочное наименование казахов появилось в результате путаницы из-за использования недостоверных источников и представляет собой феномен исторического невежества. Наи-

менование «киргиз-кайсаки», несомненно, дано казахам иностранцами, и сами они ни теперь, ни прежде так себя не называли и не называют.

Появление терминологических вариантов в исторических исследованиях XVIII – XIX вв. (вначале «казах», потом киргиз, а позже параллельно употребление сразу двух терминов «казак» и «киргиз») часто приводило к ситуации, когда авторы принимали за сведения о казахах информацию о других народах – например, о енисейских киргизах, но пропускали при этом сведения о казахах, потому что искали их под искаженным именем «киргиз».

В начале XVIII в. в документах, которые хранятся в Российском Государственном военно-историческом архиве и Архиве внешней политики Российской империи, казахи упоминаются под своим собственным именем. В журнале русского посланника в Джунгарию Ивана Унковского, который был составлен в 1722–1724 гг., мы тоже встречаем упоминание о казахах под именем «казак».

С 1715 по 1734 год в хождении было два термина параллельно – казак и киргиз-кайсак (или просто киргиз), а потом в русских официальных документах началось уже тотальное вытеснение первого термина вторым. Произошло это после того, как в начале января 1734 года в Петербург прибыла казахская делегация во главе с Ералы-султаном, сыном Абулхаир-хана, чтобы закрепить условия подданства. По этому случаю обязательно требовалась официальная публикация – она и появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» в виде перевода нескольких фрагментов из «Северной и Восточной Тартарии» амстердамского купца и бургомистра Н. К. Витзена, приглашенного в конце XVII века Петром I в Россию для описания разных регионов Российской империи, главным образом от Урала до Дальнего Востока, включая современную Центральную Азию. Непосредственно на территории последней Витzen

не был, информацию черпал от приезжих чиновников, купцов и путешественников, которые побывали там, а также от бухарских купцов, под именем которых были известны вообще все среднеазиатские купцы. Небольшие сведения о казахах, которые были извлечены Витзеном из рассказов русских и бухарских торговцев, он поместил в разделе «Бухария». Казахи фигурировали у него под собственным именем – «казаки», или как «татарские казаки» – подданные Бухары. Какое-то время Бухарское ханство, боровшееся за сферы влияния над территорией средней Сырдарьи, распространяло там свое политическое влияние, поэтому Витзен в разделе «Бухария» и поместил небольшой подраздел, посвященный казахам. Корреспонденты «Санкт-Петербургских ведомостей» решили перевести кусок из книги Витзена. Они торопились, и, кроме того, имели, как и повсюду в России, весьма туманное представление о местоположении казахских жузов и о казахах вообще. Для перевода был выбран отрывок, но не о юго-восточных, а о восточных соседях. Корреспондент газеты, он же пересказчик труда голландского путешественника и исследователя, привел путаную версию о происхождении казахов от енисейских киргизов (будущих хакасов), хотя такой гипотезы у самого Витзена не было. Но информация появилась в официальном органе царского правительства, и это было воспринято как закон для употребления. Фактически с этого времени чиновники во всех официальных документах стали именовать казахов киргизами.

В трудах европейских авторов впервые казахи были названы «киргизами» в 1736 г., но до середины XVIII в. в европейской литературе они еще назывались в основном под своим собственным именем, хотя также могли выступать под именем «казаки», «татарские казаки», и это вовсе не означало, что речь идет о казаках – яицких, позднее уральских. Вплоть до начала 1770-х гг. термин «казах» все еще продолжал ши-

роко употребляться. Последней работой, где можно встретить упоминание о казахах под их подлинным именем, является знаменитый пятитомник Жозефа де Гиня издания 1756–1758 гг., посвященный истории тюрок, гуннов, монголов и других кочевых народов. Но со временем издания в Европе и России работ ученых-путешественников П. С. Палласа, И. Г. Георги и других в 1770 – 1776 гг. термин «киргиз» проникает и в труды европейских ученых. К концу XVIII в. гипотеза о енисейских киргизах как предках казахов стала господствующей в русской и европейской научной литературе о казахском народе, вследствие чего термины «киргиз», «киргиз-казак» (или «киргиз-кайсак») надолго вошли в этнографический лексикон русских и европейских чиновников и исследователей Казахстана.

О том, что не нужно путать киргиз-кайсаков с казахами, первым написал в 1750 г. академик Г. Ф. Миллер. А. И. Левшин в своем научном труде «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (1832) поставил вопрос о необходимости правильного именования казахов, поскольку термины «киргиз» или «киргиз-кайсак» являются неоправданно привнесенными русскими извне. Тем не менее, эта путаница существовала до конца 20-х годов XX века. По мнению Левшина, использование термина «киргиз» стало удобным для царских администраторов, чтобы хотя бы по названию отличать казахов от сибирских и яицких казаков (хотя в русский язык еще не были введены графические знаки, фиксирующие фонетику этого слова, и возникала путаница между наименованием такого социального слоя, как казаки, и названием народа – «казах»).

С 1925 года термины «киргиз» и «казах» имеют четкие разграничения. Но до сих пор в России и в Казахстане отдельные историки в своих трудах именуют казахов киргизами или киргиз-кайсаками.

Кисса – вид былины.

Кобыз – казахский национальный струнный смычковый музикальный инструмент, сделанный из цельного куска дерева. Согласно древним верованиям многих народов, только в цельном куске сохраняется живая поющая душа дерева, которая будет звучать в инструменте. Открытый корпус и струны кобыза дают очень густой, богатый обертонами тембр. Кобыз имеет ковшеобразный корпус, короткую, дугообразно изогнутую шейку, выпуск внизу для утверждения подставки. Две струны, навязываемые на кобыз, делаются из 30–60 конских волос. Общая длина инструмента 600–730 мм. Играют на кобызе коротким смычком, сжимая его в коленях. В древности этот инструмент использовался степными баксы (шаманами-целителями) для проведения различных обрядов и лечения людей.

Кобызши – исполнитель музыки на кобызе.

Кодекс куманикус (*Codex cumanicus*, «Словарь кыпчакских языков») – известный письменный памятник куманского (старокыпчакского) языка начала XIV века (1303 г.), единственный список которого хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции. Составлен миссионерами на основе разговорного языка западной ветви кыпчаков.

Рукопись состоит из итальянской (латино-персидско-куманский словарь) и немецкой (кумано-немецкий словарь) частей. Содержит около 1300 слов. Авторы памятника впервые делают попытку лингвистического анализа тюркских языков, приводят сведения о спряжении глаголов, склонении и изменении местоимений, прилагательных и существительных. «Кодекс» предназначался для изучения кыпчакского языка миссионерами и знакомства населения Золотой Орды с христианством. В нем представлены самая ранняя в истории коллекция из 47 тюркских загадок и впервые переведенные на язык кыпчаков-куманов-половцев «Десять божьих заповедей», фрагменты из «Книги притч» Соломона, Евангелия,

сочинений богословов, «Символ веры», молитвы «Отче наш» и «Аве, Мария» («Радуйся, Мария»), церковные гимны и оригинальные куманские проповеди.

Для передачи кыпчакского языка составители использовали латинскую графику.

Кокандское ханство – государство, существовавшее с 1709 по 1876 на территории современных Узбекистана, Таджикистана, южного Казахстана и Киргизии, в XIX веке вступавшее в серьезные военные конфликты с Россией из-за казахских территорий.

В XIX веке и Россия, и Кокандское ханство претендовали на казахские земли.

В первой половине XIX века подстрекаемые среднеазиатскими правителями Коканда и Хивы кочевые племена нападали на пограничные селения (аулы) Российской империи, уголяли скот и лошадей, а также людей, которых впоследствии продавали в рабство. Кокандские ханы, кроме того, любой ценой стремились заполучить российских солдат, которых использовали для обучения собственного войска. Российское правительство было вынуждено строить пограничные укрепления.

Киргизские и казахские племена, подчиненные Коканду, стали переходить в российское подданство, не в силах терпеть произвол и беззаконие кокандских наместников. Это привело к вооруженным конфликтам ханства с российскими войсками. В 1850 году была предпринята экспедиция за реку Или с целью разрушить укрепление Таучубек, служившее опорным пунктом для кокандцев, но овладеть им удалось лишь в 1851 году. В 1854 г. на реке Малая Алматинка было построено укрепление Верное, и весь Заилийский край вошел в состав России. В 1853 г. русскими была взята Ак-Мечеть, вскоре переименованная в «Форт Перовский». В 1860 г. западносибирское начальство снарядило небольшой отряд, разрушивший кокандские укрепления Пишпек и Токмак.

Кокандцы объявили священную войну (газават) и в октябре 1860 г. сосредоточились в количестве 20000 человек в укреплении Узун-Агач в 60 км от Верного, где были разбиты полковником Колпаковским. Затем русскими казаками были взяты крепость Аулие-ата, город Туркестан, Чимкент, а к 1866 году главные опорные пункты Коканда – Ташкент и Ходжент.

В 1868 году кокандский хан Худояр принял предложенный ему генерал-адъютантом фон Кауфманом торговый договор, в силу которого русские в Кокандском ханстве и кокандцы в русских владениях приобретали право свободного пребывания и содержания торговых агентств. Коммерческое соглашение с Россией 1868 года фактически сделало Коканд зависимым от нее государством.

Потеряв значительные территории, кокандский хан ужесточил меры обращения с собственным населением. Широкое распространение получил насильственный гон крестьян на работы, причем методы применялись весьма суровые. Так, земледельцев, не пришедших в страду на прокладку ханских арыков, живьем закопали в землю. В ханстве были введены самые невообразимые налоги: на камыш, на степные колючки, на пиявок, которых вылавливали в прудах. В дополнение ко всему, не получавшие жалования воины-сарбазы просто грабили население, отбирая все что понравится. Весной 1873–1874 гг. в Кокандском ханстве неоднократно вспыхивали мятежи, однако хану удавалось кое-как с ними справиться. Нередко повстанцы обращались за помощью к русским властям, но всегда получали отказ. Весной 1875 г. против Худояра поднялась даже кокандская знать.

В 1876 году, после сражений в течение двух лет с русскими, Коканд сдался практически без боя. На этот раз его самостоятельность была ликвидирована полностью. Кокандское ханство было включено в состав Туркестанского генерал-губернаторства в качестве Ферганской области.

Коктей – весенне пастбище.

Колонизаторская политика – вид политики, проводимой с целью порабощения и эксплуатации трудящихся колоний.

Колония – страна, насильственно захваченная и эксплуатируемая империалистическим государством (метрополией), лишенная политической и экономической самостоятельности.

Конгсы – бедняки, в XVII веке находившиеся в услужении у богача.

Коран – главная священная книга мусульман, сборник религиозных положений и правовых текстов.

Корсак – порода степных лисиц.

Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти. Кошмы вырабатываются и широко применяются в быту у народов, занимающихся скотоводством. Кошмы бывают простые (для покрытия юрт) и орнаментированные, изготавливаемые путем вкатывания окрашенной шерсти в основной фон кошмы, сшивания цветных кусков, аппликации, применения узорной стежки или вышивания по кошме. Кошма служит для внутреннего убранства жилища.

Кузеу – осенне пастбище.

Кулы – рабы в Тюркском каганате.

Кумыс – кисломолочный напиток из кобыльего молока, признанный полезным общеукрепляющим средством. В зависимости от закваски, длительности и условий приготовления кумыс может либо опьянять, либо успокаивать и приводить человека в сонное состояние. Первыми научились готовить кумыс прототюркские кочевые народы казахских и монгольских степей 5500 лет назад. Технологию приготовления кумыса кочевники веками хранили в тайне. Первое упоминание о кумысе можно найти в трудах древнегреческого историка Геродота (484 – 424 гг. до н.э.), который, описывая быт скифов, рассказывал, что любимым напитком этого народа был особый напиток, приготовленный путем сбивания кобыльего молока в глубоких деревянных

кадках. Согласно Геродоту, скифы настолько боялись «утечки информации» о кумысе, что ослепляли всех невольников, знакомых с его производством. Описание кумыса можно встретить и в древнерусской летописи – Ипатьевском списке. Подробное описание кумыса оставил французский монах и миссионер XIII века Гийом де Рубрук. Рассказывая о своем путешествии в «Татарию» в 1253 году, он впервые дает подробное описание приготовления, вкуса и действия кумыса, не вполне верное, но позволяющее составить некоторое представление о напитке. Кумыс используют при лечении туберкулеза, цинги, гастрита, заболеваниях поджелудочной железы, малокровия, неврастении, сердечно-сосудистых заболеваний и брюшного тифа. Первый кумысолечебный санаторий был организован в 1858 году близ Самары доктором Н. В. Постниковым, который в трех словах выразил сущность действия этого чудодейственного напитка на организм человека – «питает, укрепляет, обновляет».

Кун – плата, выкуп роду за кровь убитого, штраф. Размер куна зависел от социального положения убитого. Уплатой куна можно было заменить смертную казнь за изнасилование или увоз чужой жены без ее согласия.

Курмангазы – один из величайших домбристов Казахстана, народный музыкант и композитор, оказавший большое влияние на развитие казахской музыкальной культуры.

Курултай (от монг. хурал, хурул) – высший орган управления у степных народов, собрание из представителей правящей знати, биев и батыров, на котором решались важнейшие вопросы жизни государства.

Кыпчакское ханство – раннее государство, появившееся в казахских степях в XI веке, новое мощное государство кочевых тюркоязычных племен, прямой преемник ханства Кимакского.

В первый период политической истории кыпчаки выступали совместно с кимаками, активно действуя в составе кимак-

ского союза племен в борьбе за новые паства, но к концу X века изменилась политическая обстановка, здесь исчезло этническое имя «кимак», и постепенно политическая власть перешла к кыпчакам, которые в начале XI в. вплотную про-двинулись к северо-восточным границам Хорезма, вытеснив огузов из низовьев Сырдарьи и заставив их переселиться в Среднюю Азию и степи Северного Причерноморья. К середине XI в. кыпчакам подчинялась почти вся обширная терри-тория современного Казахстана за исключением Семиречья. В этот период вся современная казахстанская степь стала на-зываться Кыпчакской степью (Дешт-и-Кыпчак). В 1219 году Кыпчакское ханство было завоевано Чингиз-ханом и вошло в состав Монгольской империи.

Кыстау – зимовые, зимний аул, состоящий в основном из глинобитных домов.

Кюй – музыкальная пьеса без слов, мелодия, исполняемая на домбре или кобызе. Для казахов кюй больше, чем произ-ведение, это звучащая страница истории своего народа, отра-жение его обычая и культуры. Поэтому казахи так высоко це-нили исполнителей кюев – кюйши, среди которых владеющие игрой на домбре составляли подавляющее большинство (кюи исполняются не только на домбре).

Кюйши – исполнитель кюев.

Мавераннахр – арабское название (с VII века) междуречья Амудары и Сырдарьи с городами Самарканд, Бухара и други-ми. Арабское слово «Мавераннахр» означает «место, располо-женное за рекой» (см. «Бухарское ханство»).

Мавзолей (лат. mausoleum, на Востоке перс. мазар) – мо-нумент, погребальное сооружение, включавшее камеру, где помещались останки умершего, и иногда поминальный зал. Впервые мавзолеем была названа пышная гробница карий-ского царя Мавсола в городе Галикарнас (около современного города Бодрум в Турции). Мавзолеем может также называть-

ся здание, которое содержит множество склепов для погребения.

Манап – представитель феодально-родовой знати у киргизов.

Матриархат (от греч. «мать» и «господство, начало, власть») – форма общества, в котором лидирующая роль при надлежит женщинам, в особенности материам семейств этого общества.

Медресе (арабское мадраса, от «дараса» – изучать), мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии, готовящее служителей культа, учителей мектебов – начальных мусульманских школ, а также служащих государственного аппарата в странах Ближнего и Среднего Востока. Медресе открывались обычно при больших мечетях и получили распространение в IX–XIII веках в странах, где преобладало население, исповедовавшее ислам, в том числе в некоторых районах дореволюционной России (Бухаре, Самарканде, Казани, Уфе).

Мектеб, мектеп, мактаб, мактап (от арабск. «там, где пишут»; письменный стол; школа) – мусульманская начальная школа в странах Востока и Российской империи. В современных арабоязычных и тюркоязычных странах «мектеб» – это название любой общеобразовательной школы или среднего учебного заведения.

Мектеб считается первой ступенью организованного мусульманского обучения.

Обычно мектебы открывались при мечетях, и преподавало в них мусульманское духовенство. Обучение включало в себя начальную грамотность и обучение основам ислама. В конце XIX – начале XX века под влиянием джадидистов (см. «Джадидизм») возникли полусветские начальные школы. В учебный курс были введены родной язык и литература, история, русский язык и другие светские дисциплины. Появились женские мектебы.

тебы. После революции 1917 года мектебы в Казахстане были закрыты или преобразованы в обычные советские школы.

Мечеть (от арабск. масджид – место поклонения) – мусульманское культовое сооружение; мусульманский храм.

Могулистан (Могулистан, Улус моголов) – государство, образовавшееся в середине XIV века на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии (Восточного Туркестана) в результате распада Чагатайского улуса. К концу 80-х годов XIV века сложился политический союз правителей Могулистана с Белой Ордой против Тимура. В результате изнурительной борьбы с агрессией Тимура Могулистан распался на уделы. Ханская власть упрочилась при Мухаммад-хане (1408 – 1416). При нем Могулистан стал независимым от тимуридов – хану удалось вернуть земли в долинах рек Чу и Талас, и на время междоусобицы утихли.

В первой половине XV века на восточные рубежи Могулистана начались набеги ойратов (в среднеазиатских источниках они назывались калмыками). Борьбу с ними организовал Султан-Увайс-хан. После смерти Султан-Увайс-хана все более начали проявляться признаки упадка Могулистана. В последовавшей междоусобной борьбе победу одержал сын Султан-Увайс-хана Эсен Буга-хан (1429 – 1461).

В конце 50-х годов XV века в Семиречье откочевала из Восточного Дешт-и-Кыпчака часть родов во главе с султана-ми Жанибеком и Кереем. Эсен Буга-хан выделил им земли в долине рек Чу и Талас, где они образовали Казахское ханство. Во второй половине XV в. и в начале XVI в. последующие правители Могулистана пытались укрепить свое политическое положение, но постоянные войны за владения ослабили государство. С 60-х годов XVI века племена Семиречья вошли в состав Казахского ханства.

Монгольская империя – государство, сложившееся в XIII веке в результате завоеваний Чингиз-хана и его преемников и

включавшее в себя самую большую в мировой истории смежную территорию от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии площадью около 33 000 000 квадратных километров.

В период расцвета включало обширные территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета.

В второй половине XIII века начался распад империи на улусы, во главе которых стояли чингизиды. Крупнейшими осколками Великой Монголии на территории Казахстана стали Улус Джучи (Золотая Орда) и Чагатайский улус.

В последней четверти XIV века Монгольская империя перестала существовать.

Мугалим (каз.) – учитель.

Мулла – арабское мусульманское духовное звание богослова, хорошо знающего Коран, хадисы и нормы шариата.

Муфтият – самоуправляющаяся централизованная религиозная организация, объединяющая на добровольных началах мусульманские религиозные учреждения (культовые и учебные заведения), а также жителей, проживающих на определенной территории, для совместного исповедания и распространения ислама. Возглавляется муфтием.

Мюрид (арабск.) – ученик, последователь. В мусульманских странах мюрид – это человек, желающий посвятить себя исламу.

Найза – копье с острым железным наконечником, которое украшал привязанный к нему бунчук – кисть из конских волос; это один из пяти основных атрибутов вооружения казахских воинов.

Найман – крупное алтайское племя, входившее в Средний жуз, монгологоворящее в древности.

Нойоны – 1. В Золотой Орде наиболее крупные феодалы, представители родоплеменной знати, занимавшие ответствен-

ные государственные должности. 2. Во второй половине XIII века представители феодальной знати на территории Казахстана – ханы, султаны и беки.

Нукер (от монг. друг, товарищ) – дружины на службе знати в период становления феодализма в Монголии. Во время войны нукары выступали ратниками в войске своего сюзерена, в мирное время – его стражей, «домашними людьми», приближенными. Первоначально нукары получали за свою службу полное содержание и снаряжение, затем часть военной добычи и земельные пожалования с наследниками-крестьянами, что способствовало превращению их в обычных вассалов крупных феодалов. В XIV–XX вв. термин «нукер» стал употребляться у народов Передней (в частности на Кавказе) и Средней Азии в значении «слуга», «военный слуга».

Орнамент – узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов, предназначенный для украшения различных предметов (утвари, оружия, текстильных и ювелирных изделий, книг, архитектурных сооружений). Орнамент имеет символическое значение и либо оперирует отвлеченными формами, либо стилизует реальные мотивы, зачастую схематизируя их до неузнаваемости. Наиболее распространенными видами казахского орнамента являются расительные мотивы и «қошқар мүйіз» – «бараний рог».

Оссуарий – сосуд из глины, камня или алебастра для хранения костей умершего в Средней Азии, Иране в V–VIII веках.

Панисламизм – религиозно-политическое реакционное течение среди феодально-буржуазных мусульманских слоев, стремящееся к созданию единого мусульманского государства и являющееся орудием захватнической политики империалистических государств. В СССР в соответствии с советской идеологией панисламисты в лице представителей контрреволюционной националистической буржуазии, пытавшейся использовать панисламизм для борьбы с советской властью,

разоблачались и были подвергнуты репрессиям. (См. «Алаш» и «Алаш-Орда»).

Пансат-бashi – начальник военного отряда из 500 человек в Кокандском ханстве во второй половине XIX века.

Пантюркизм – культурное и политическое течение, сформировавшееся во второй половине XIX века и распространенное в государствах, населенных тюркскими народами, в основе которого лежат идеи о необходимости политической консолидации этих народов на основе этнической, культурной и языковой общности.

Печенеги (в китайских хрониках – кангюи, в казахской истории – канглы) – исторический союз кочевых тюркских племен, сложившийся предположительно в VIII – IX веках.

Половцы – русское название тюркоязычных (в основном кыпчакских) племен, населявших с XI века территории от Поволжья до побережья Черного моря.

Пролетариат (от нем. и лат. – неимущие) – социальный класс, не обладающий правом собственности на средства производства, для которого основным источником средств для жизни является продажа собственной рабочей силы.

Ру – патриархальный род, ведущий свое происхождение от одного предка в седьмом колене и более, возглавляемый аксакалами. Необходимой для всех членов рода была обязанность помогать друг другу в беде. У каждого рода существовал собственный боевой клич – уран.

Руническая письменность – письмо тюркских народов и племен V–XI веков, созданное на основе согдийского письма.

Саки – обобщающее название ираноязычных кочевых племен, родственных скифам Северного Причерноморья и населявших в VII – II вв. до н.э. Среднюю Азию, Южный и Юго-Восточный Казахстан.

Сатрап – наместник, правитель военно-административного округа (провинции) в древней Персии и некоторых других государствах древнего Востока.

Саун – 1. В обычном праве казахов бесплатная помощь (в основном скотом) сородичу, оказавшемуся в бедственном положении. 2. В период распада патриархально-родовой общины средство закабаления бедняков знатью (передача дойного скота во временное пользование семье бедняка в обмен на отработку в хозяйстве или на пастбище богача).

Сельджуки – ветвь племен тюрков-огузов. Название происходит от имени их предводителя Сельджука (X – начало XI веков), правившего во время отторжения своего племени от огузского племенного союза.

Согдиана (также Согд) – распространенное греческое название области Сугуда – провинции империи ахеменидов, занимавшей территорию современных Таджикистана (кроме Памира), южного Узбекистана (включая Самарканд и Бухару) и северного Афганистана. Согдиана лежала к северу от Бактрии, между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей), и занимала плодородные земли долины Зерафшана. Долина реки Зерафшан сохраняла свое древнее имя до средних веков, когда она была известна как Согд Самаркандинский. Согд в VI – VII вв. был покорен Тюркским каганатом, в конце VII – начале VIII вв. завоеван арабами. С IV до VIII вв. на территории Согда существовало множество автономных княжеств (важнейшим из которых было Самаркандинское). Согд играл видную роль в экономической и культурной жизни Востока. Купцы из Согда держали в своих руках торговлю шелком. Торгово-земледельческие колонии Согда существовали на всех основных караванных путях от Монголии и Китая до Мерва.

Согым – специальный налог на содержание ханского двора, введенный в начале XIX века ханом Жангиром.

Султан – титул представителей знати в мусульманских странах, правитель, правитель из числа чингизидов.

Суфизм – мистическое течение в исламе, возникшее в VIII–IX веках и окончательно сформировавшееся в X–XII ве-

ках; учение о постепенном приближении через мистическую (необъяснимую, божественную) любовь к познанию бога через «озарения» и слияние с религиозным духом.

Суфий – последователь суфизма, мистического учения в исламе, проповедующего общение с богом без посредников в лице служителей религии.

Сырмак – узорчатый постилочный казахский ковер из войлока. Сырмак изготавливается из отдельных кусков войлока разных цветов так называемой техникой мозаики: узор врезается в фон вровень с его поверхностью; эта композиция накладывается на другой кусок войлока и простегивается, а затем прошивается цветным шнуром по контуру узора. Подобный ковер является одним из главных предметов убранства казахского народного жилища – юрты.

Тайыз – колодец в степи, из которого вода черпалась вручную.

Тамга – знак родовой или племенной принадлежности у аланов, тюркских и некоторых других народов. Слово «тамга» тюркского происхождения и имеет несколько значений: «тавро», «клеймо», «печать». В период Золотой Орды данный термин получил распространение в странах Средней Азии, Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Закавказья, где, помимо прежних, приобрел новые значения – «документ с ханской печатью», «денежный налог». В качестве прототипов родовых знаков выступали простейшие геометрические фигуры (круг, квадрат, треугольник, угол и др.), сакральные пиктограммы, птицы и животные, бытовые предметы, орудия труда, оружие и конская сбруя, иногда буквы разных алфавитов. Возможно, прототипами многих знаков являлись тотемные животные или иные символы, восходящие еще к родоплеменным отношениям.

Тархан – 1. Представитель родоплеменной знати в Тюркском каганате. 2. В XIX веке привилегированный казах, освобожденный ханом от податей.

Тебеневать – умение лошади кормиться зимой травой из-под снега, разгребая его копытами.

Тегин – потомок хана.

Текемет – постилочный войлочный ковер с вваленным расплывчатым узором голубого, золотисто-желтого, красного цвета, а также натуральных цветов шерсти (белого и коричневого).

Тенгри – верховное божество неба политеистического пантеона народов Евразии тюрко-монгольского происхождения. Другое его название «Вечное небо». У тюрков существует культ Тенгри, так как их предки, следуя шаманским верованиям, почитали небесных богов и силы природы. По мнению Махмуда Кашгари, Тенгри был известен также как создатель растений и громовержец. Прилагательное «тенгри» (небесный, божественный) тюркоязычные народы используют для обозначения всего грандиозного или жизненно важного.

Толгау – поэтическое произведение философско-назидательного характера.

Тотем (слово из языка североамериканских индейцев, означающее «его род») – животное, растение, предмет или явление природы, которые у родовых групп служили объектом религиозного почитания, связанного с верой в кровную близость с этим объектом. В древние времена тотем считался покровителем рода.

Тулпар – крылатый (или летящий) конь в кыпчакской (башкирской, казахской, татарской) мифологии. Соответствует Персасу в древнегреческой мифологии. В настоящее время слово встречается в названиях множества организаций и фирм, а его изображение – в эмблемах.

Тускийыз – войлочный настенный ковер прямоугольной формы, орнаментированный сложными аппликационными узорами из красного и черного сукна или бархата.

Туырлық-үй – летние малые кибитки.

Тюленгуты – дружины хана и султанов, личная охрана хана, а также исполнители государственных поручений (например, участники в сборе дани и налогов).

Улус (монг. «государство, народ, люди») – 1. Территория, включавшая в себя население и земли нескольких арысов (объединений родов). 2. Удел, область империи Чингиз-хана.

Умай ана (Умайя, Хумай) – тотем, покровительница тюркских племен, древнейшее божество в тенгрианстве, занимавшее второе место после Тенгри. Иногда рассматривается как женское олицетворение Тенгри и вместе с ним составляет двуединое божественное начало. Умай выпадает из системы родственных связей, существующих между божествами и духами. Умай – особо высокочтимое земное женское божество, доброжелательный дух, покровительница детей и рожениц. Умай также олицетворяла плодородие. К Умай обращались бездетные и малодетные супруги, испрашивая ее содействия в зачатии детей. Женщина была земным воплощением Умай.

Уран – боевой клич у казахов.

Усуни – европеоидное полукочевое племя, обитавшее в древности на севере Синь-Цзяна, а затем в гуннскую эпоху переселившееся на территорию Семиречья. По описаниям китайцев усуни были среднего роста, имели белую кожу, голубые глаза и рыжие волосы. Первоначально усуни жили в районе провинции Ганьсу по соседству с юэчжами, а затем из-за раздора с ними в 160 году до н.э. переселились на земли саков-тиграхауда в Семиречье. В I в. до н.э. их численность достигала 630 тыс. человек. В начале н.э. обозначились противоречия усуней с гуннами. Основная территория усуней располагалась в Илийской долине, а западная граница проходила по рекам Чу и Талас, где усуни граничили с канглы. На востоке они имели общую границу с гуннами, а на юге их владения граничили с Ферганой. Столица усуней Чигучен (Кызыл Ангар, город Красной долины) находился на берегу Иссык-

Куля. Усуни вели войны с кангюями и гуннами за пастбища, имели широкие дипломатические и родственные связи с Китаем. Общество усуней достигло уровня государственности. Оседлые усуни жили в постоянных жилищах, построенных из сырцового кирпича и камня, а кочевые в юртах.

Ушр – подать феодалу в виде $\frac{1}{10}$ урожая.

Хан – титул феодального правителя у тюркских и монгольских народов.

Хива (в древности Хорасмия, позже известная как Хорезм) – в прошлом крупное ханство на западе Центральной Азии, южнее Аральского моря, достаточно сильное в политическом отношении.

Хорезм сумел дать отпор войску Александра Македонского, а в 680 году – арабским завоевателям. Только объединенным армиям Чингиз-хана удалось одержать победу. Пять раз Тamerлан совершил набеги на Хорезм, но лишь в 1388 году ему удалось полностью покорить его.

На протяжении нескольких веков жители Хивинского ханства совершали вооруженные грабительские набеги на соседние регионы (Персию и южные губернии России), угоняли людей в рабство (туркменские налетчики похищали крестьян и продавали их на базарах в Хиве и Бухаре). По этой причине Российская империя аннексировала часть Хивинского ханства в 1873 году в ходе крупнойвойсковой операции под командованием генерал-губернатора Туркестана К. П. Кауфмана (город Хива был взят российскими войсками 10 июня 1873 года).

В IX–XII веках, кроме множества исламских учебных зavedений, в Хорезме успешно действовали крупные центры науки: астрономии, математики, медицины, химии и т.д. «Домом мудрости», фактически академией наук, которую создал в Багдаде тогдашний правитель аль-Мамун, руководил выходец из Хорезма Мухаммад аль-Хорезми. Уже в IX веке его фундаментальные труды по математике, географии, геодезии были

известны в Европе и не утратили своего значения до наших дней. Огромное научное наследие оставили аль-Бируни, Агахи и другие ученые и богословы, чьи имена также связаны с Хорезмом.

В списке ценностей общечеловеческого значения Хорезм занимает особое место как крупный очаг мировой цивилизации и один из важных центров на Великом шелковом пути. В настоящее время это территория Узбекистана и Туркмении.

Хивинское ханство – принятное в русской исторической традиции название Хорезмского государства в последний период его существования (1598 – 1920 годы). Само государство всегда именовало себя просто Хорезмом, а Хивинским ханством стало называться у историков в честь своей столицы – Хивы.

Хожа Ахмед Ясеви (Ходжа Ахмед Яссави, Яссави) – суфийский поэт, один из первых суфийских мистиков в тюркоязычном мире. Умер в 1166 году и был похоронен с большими почестями. В конце XIV века Тимур (Тамерлан) заложил на месте его могилы ханаку (монастырь) суфииев, его последователей. Мавзолей на могиле поэта и проповедника Хожи Ахмеда Ясеви – одно из главных мест поклонения мусульман региона – расположен в городе Туркестан в Южно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Хотба (хутбе) – мусульманская молитва, в которой упоминается имя царствующего государя: царя, султана и т.п.

Хунтайджи – верховный правитель в Джунгарском государстве.

Целина – собирательное название неосвоенных или слабо освоенных земельных ресурсов в Казахстане, Поволжье, Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

Чагатайский улус – монгольское государство, образовавшееся в Средней Азии в 1266 г. после распада империи Чингиз-хана и уничтоженное в 1370 г. Тамерланом.

Чагатайский язык – средневековый среднеазиатско-туркский письменно-литературный язык, произошедший от уйгурско-караханидского языка и достигший наибольшего оформления и единства как классический язык в тимуридских уделах Мавераннахра во второй половине XV–XVI веков. Вобрал в себя арабо-персидскую лексику и многие ино-диалектные формы, обусловленные близостью проживания и активными контактами между представителями карлукской, кыпчакской и огузской групп тюркских наречий, став наддиалектным языком. Основанный на арабской графике, был языком межнационального общения в Средней Азии. Принято считать, что на чагатайском языке писали, начиная с XIII–XIV и практически до начала XX века. Тюркоязычные крымчаки до конца XIX века называли свой язык «чагатай». Чагатайский язык лежит в основе литературного узбекского и уйгурского языков, на этом основании его иногда называют староузбекским или староуйгурским языком.

Черные клубки (туркск. «каракалпак» – черный колпак) – общее название тюркских вассалов киевских князей, расселенных в Поросье, начиная с конца XI века. Впервые название «черные клубки» было упомянуто в Ипатьевской летописи в 1146 г., последний раз – в 1193 г. По сообщению летописи, в состав черных клубков входили торки, печенеги, берендеи и ковуи.

Шаньюй – титул главы гуннов. Избирался шаньюй гунской племенной аристократией, правил пожизненно, управлял совместно с советом родов (обычно было 24 рода пяти гунских племен). Лев Гумилев называл шаньюя «пожизненным президентом».

Шариат – свод мусульманских религиозных, уголовных и гражданских законов, основанных на Коране.

Шейбаниды – правящая династия в Бухарском ханстве.

Шпицрутен (от нем. «копье, пика» и «хлыст») – длинный,

гибкий древесный прут для телесных наказаний в XVII – XIX веках.

Появившись в шведской армии в XVII веке, шпицрутены были вскоре распространены в большинстве европейских армий. В России телесное наказание шпицрутенами было введено Петром I в 1701 году и применялось в сухопутных войсках. В России шпицрутены применялись также для наказания гражданских лиц (прежде всего из податных сословий) по приговору военного суда и по уставу о ссыльных. Подвергаемого наказанию заставляли проходить сквозь строй из большого числа солдат, которые прутьями били по спине осужденного.

Шынграу – колодец в степи глубиной до 60 метров, из которого вода доставлялась в больших (около 5 – 10 ведер) кожаных мешках и поднималась наверх при помощи силы животных.

Эль – 1. В древности вооруженный народ, господствовавший над покоренными племенами. 2. Племенная знать. 3. В Тюркском каганате термин «эль» стали применять лишь к членам ханского рода.

Этапы развития общества с точки зрения исторического материализма

Первобытно-общинный строй характеризуется низким уровнем экономического развития, примитивностью используемых орудий, невозможностью производства прибавочного продукта, отсутствием классового разделения. Средства производства находятся в общественной (коллективной) собственности. Труд имеет всеобщий характер.

Азиатский способ производства (государственно-общинный строй) характеризуется повышением уровня экономического развития, что позволяет создавать прибавочный

продукт. Общины объединяются в крупные образования с централизованным управлением, в них постепенно выделяется класс людей, занятый исключительно управлением. Этот класс постепенно обособляется, аккумулирует в своих руках привилегии и материальные блага, что приводит к появлению частной собственности, имущественного неравенства и обуславливает переход к рабовладению. Управленческий аппарат приобретает все более сложный характер, постепенно трансформируясь в государство.

*Существование азиатского способа производства как отдельной формации не является общепризнанным, и обсуждение этого вопроса постоянно было темой дискуссий на всем протяжении существования исторического материализма; в работах Маркса и Энгельса понятие «государственно-общинный строй» также упоминается не везде.

Рабовладение характеризуется появлением частной собственности на средства производства. Непосредственным трудом занят отдельный класс рабов – людей, лишенных свободы, находящихся в собственности у рабовладельцев и рассматриваемых ими как «говорящие орудия». Рабы трудятся, но не имеют собственности на средства производства. Рабовладельцы организуют производство и присваивают результаты труда рабов.

Феодализм характеризуется выделением в обществе феодалов – собственников земли и крестьян, находящихся от феодалов в личной зависимости. Производство (главным образом, сельскохозяйственное) ведется трудом зависимых крестьян, эксплуатируемых феодалами. Возникает монархический тип правления и сословная социальная структура.

Капитализм характеризуется появлением всеобщего права частной собственности на средства производства. Выделяются классы капиталистов (владельцев средств производства) и рабочих (пролетариев, не владеющих средствами производства

и работающих на капиталистов по найму). Капиталисты организуют производство и присваивают прибавочный продукт, производимый рабочими. Капиталистическое общество может иметь различные формы правления, но наиболее характерны для него различные вариации демократии, когда власть принадлежит выборным представителям общества (парламенту, президенту). Основным механизмом, побуждающим к труду, является экономическое принуждение – рабочий не имеет возможности обеспечить свою жизнь иным способом, чем получением заработной платы за выполняемую работу.

Ябгу (джабгу) – 1. Титул верховного правителя огузов. 2. Титул, присваиваемый сыновьям кагана в Тюркском каганате – наместникам кагана в покоренных землях.

Язычник – человек, поклоняющийся нескольким богам, исповедующий язычество. Древние люди были язычниками.

Ясак – особая подать, наложенная царским правительством России на переселенцев из Казахстана в Сибирь, как и на все нерусские народности.

Краткие сведения об основных авторах и ведущих членах редколлегии «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» издания 1943 года

Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – советский историк, партийный и общественный деятель. Член партии с 1919 года, член ЦК КПСС (1952 – 1957). Депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР. Академик АН СССР, АН БССР, АПН РСФСР. Член-корреспондент Германской Академии наук в Берлине и Академии Румынской Народной Республики, почетный член Венгерской Академии наук. В 30-е годы поддерживала связи с историками С. Д. Асфендияровым, М. П. Вяткиным. С 1939 г. работала в Институте истории Академии наук СССР. В годы Великой Отечественной войны вместе с группой специалистов Института истории АН СССР была эвакуирована в Алма-Ату. Под ее руководством группа видных ученых-историков из Москвы, Ленинграда и Алма-Аты приступила к написанию «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Книга стала вехой в изучении истории народов СССР, дала стимул для нового научного поиска. Докторские диссертации Е. Б. Бекмахановой, С. Н. Покровского готовились под ее руководством. Ею было приложено немало усилий для восстановления имени выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова. В 1953–1957 гг. главный редактор журнала «Вопросы истории», главный редактор и соавтор учебника по истории СССР для средней школы. Автор около 200 научных работ по истории рабочего класса и революционного движения. Награждена орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями. Заслуженный деятель науки РСФСР и Казахской ССР (1943).

Абдыкалыков Мухамеджан Абдыкалыкович (1907–2006) – партийный деятель Казахстана. Родился в большой семье плотни-

ка. После окончания ФЗУ г. Петропавловска учился в Кзылординском институте просвещения, возглавляемом С. Сейфулиным. В 1928 году переведен студентом в первый университет, открывшийся в Алма-Ате, на естественное отделение педагогического факультета, затем, следуя совету ректора С. Асфендиярова, перевелся на историко-экономическое отделение. По рекомендации С. Асфендиярова молодой и энергичный студент был избран секретарем комсомольской организации, а позже стал кандидатом, а затем и членом Коммунистической партии.

С 1930 г. по окончании КазПИ (в этом же году университет был преобразован в Казахский педагогический институт) М. Абыкалыков – научный сотрудник республиканской библиотеки, в течение 10 месяцев исполнявший обязанности директора после освобождения от должности Ураза Джандосова. С 1933 года партийный деятель – инструктор, заведующий отделом крайкома ЛКСМ Казахстана, заведующий отделом пропаганды, агитации и печати Карагандинского обкома партии. С 1938 по 1941 гг. – нарком просвещения КазССР. К 20-летию КазССР возглавляемый М. Абыкалыковым народный комиссариат просвещения за успехи в деле ликвидации неграмотности населения был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР – единственный из других наркоматов, удостоенный подобной награды. В 1941 г. заместитель председателя Совнаркома Казахской ССР, а осенью и зимой 1941 г. также председатель исполнкома Алма-Аты, выполнивший особое поручение правительства республики по размещению из Москвы и западных регионов СССР эвакуированных специалистов. С 1942 г. член бюро и секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии, занимавшийся проблемами развития литературы и искусства, вопросами пропаганды и агитации; организатор деятельности группы московских и казахских ученых по подготовке «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», совместно с академиком А. Панкра-

товой ответственный редактор этого научного труда, вышедшего из печати в 1943 году. Позже, после обрушившихся на это издание обвинений М. Абдыкалыков проявил принципиальность и твердость в отстаивании концепции авторов книги, защите ее от предвзятой и необоснованной критики. В годы войны для выполнения особого задания Главного политуправления РККА М. Абдыкалыков был командирован на Северо-Западный фронт, где побывал во всех полках 8-й гвардейской дивизии, в штабе 10-й армии для проведения бесед с воинами. В это же время возглавил правительенную комиссию по созданию Академии наук в Казахской ССР, открывшейся в 1946 году. С 1948 по 1967 гг. по решению бюро ЦК КП Казахстана сотрудник Института истории партии (Казахского филиала ИМЛ при ЦК КПСС), переводчик общественно-политической литературы на казахский язык. Депутат Верховного Совета Республики 1-го созыва, дважды депутат Верховного Совета СССР. С 1967 г. персональный пенсионер союзного значения. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, многими медалями и почетными грамотами. В 1996 г. постановлением маслихата города Алматы М. Абдыкалыкову присвоено звание почетного гражданина города Алматы за особые заслуги и большой личный вклад в решение задач социально-экономического развития и становления города как столицы Республики Казахстан. К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне указом главы государства Нурсултана Назарбаева награжден орденом «Отан».

Вяткин Михаил Порфириевич (1895–1967) – советский историк, профессор (1946), член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР (1954). Окончил Томский университет (1921). С 1934 г. старший научный сотрудник, с 1945 г. заведующий кафедрой истории СССР Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского, с 1957 г. заведующий Ленинградским отделением Института истории Академии

наук. Основной проблематикой научных работ являются история кочевых народов России (казахов, киргизов), крепостная мануфактура и монополистический капитал в России. Автор научных исследований «Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII – начале XIX вв.», «Очерки по истории Казахской ССР» (1941), «К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане» (1946). Лауреат Государственной премии СССР (1948), присвоенной за монографию «Батыр Срым». Награжден двумя орденами, а также медалями.

Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – советский историк, академик АН СССР (1953). Окончил юридический (1911) и историко-филологический (1918) факультеты Московского университета. Совмещая работу в Музее Революции СССР (1924–1934) с педагогической в Московском университете (1929–1948), Академии общественных наук при ЦК КПСС (1946–1948), вел исследовательскую работу в Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук и с 1938 г. в Институте истории АН СССР. Основные исследования посвятил социально-экономической истории России XIX века и проблемам общественной мысли и революционного движения. Главными трудами по истории освободительного движения в России являются статьи о декабристах, работа «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», отмеченная Государственной премией СССР. Большим вкладом в историческую науку являются проблемно-методологические статьи: «О периодизации истории капиталистических отношений в России», «Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г.», доклад о генезисе капитализма в России, представленный пятому Всемирному конгрессу историков в Риме (1954). Автор глав «История Москвы» (т. 3–4), учебника «История СССР» (т. 2) для исторических факультетов.

До 1964 г. Н. М. Дружинин руководил деятельностью Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства, изданием многотомной документальной серии «Крестьянское движение в России». Опубликована его автобиографическая книга «Воспоминания и мысли историка» (1967). Награжден двумя орденами Ленина, двумя другими орденами, а также медалями.

Кучкин Андрей Павлович (1888–1973) – советский историк, профессор (1951). Член КПСС с 1912 г. В 1910–1916 гг. вел подпольную работу в Белорецке, Уфе и Вятке. Подвергался арестам и высылкам. В 1917 г. один из организаторов Вятского совета, председатель комитета РСДРП(б). В мае 1917 делегат 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов, на котором встретился с В. И. Лениным и имел с ним беседу. Во время Гражданской войны и в последующие годы политработник в Красной Армии. Делегат X и XI съездов РКП(б). С 1929 года на научно-преподавательской работе. Окончил историко-партийный институт красной профессуры. С 1940 г. сотрудник Института истории АН СССР. Один из авторов учебника «Краткая история ВКП(б)» под редакцией В. Ю. Кнорина (1934), учебника «История КПСС» под ред. Б. Н. Пономарева (1959) и работы «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (1943, 2 изд. 1949). Автор книг «Чеверев», «Советизация казахского аула (1926–1929)», «В те дни», «В боях и походах от Волги до Енисея». Награжден двумя орденами Ленина, а также медалями.

Зутис Ян Яковлевич (1893–1962) – советский историк, академик АН Латвийской ССР (1951), член-корреспондент АН СССР (1953). В 1924 г. окончил факультет общественных наук Московского университета. В 1940–1949 гг. работал в Институте истории АН СССР. С 1946 г. профессор Латвийского государственного университета и сотрудник Института истории АН Латвийской ССР. Основные труды – «Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в.» (1937), «Остзейский

вопрос в XVIII в.» (Государственная премия СССР. 1950). Я. Зутис собрал ценный материал по хозяйственной и политической истории народов Прибалтики, рассматривал историю Латвии в связи с историей русского и других народов России. Депутат Верховного Совета Латвийской ССР 3-го и 4-го созывов и член Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Награжден орденом Ленина, двумя другими орденами.

Бернштам Александр Наташевич (1910–1956) – советский археолог, доктор исторических наук (1942), профессор Ленинградского университета (1946–1952). Обследовал Семиречье, Тянь-Шань, Памиро-Алай и Фергану, разработал периодизацию археологических памятников Средней Азии от II тыс. до н.э. до XV века. В научных трудах освещаются этногенез, общественный строй, хозяйство древних кочевых народов Средней Азии, а также история культуры и искусства, эпиграфика и нумизматика. Основные труды: «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII вв.» (1946), «Архитектурные памятники Киргизии» (1950), «Чуйская долина» (1950), «Очерк истории гуннов» (1951), «Древняя Фергана» (1951), «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (1952). Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – советский историк и общественный деятель, академик АН СССР (1935). С 1901 г. учился в Варшавском университете, с 1905 г. – в Московском, который окончил в 1907 г. Темами научных исследований являлась социально-экономическая история Новгорода, история Древней Руси и восточных славян, в результате чего были написаны такие капитальные работы, как «Киевская Русь» (1939), «Культура Киевской Руси» (1944), «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.» (1946). Совместно с А. Ю. Якубовским был создан труд «Золотая Орда» (1937; 2-е издание – «Золотая Орда и ее падение», 1950). Б. Греков внес

большой вклад в разработку историографии, в развитие источниковедения. Его научно-исследовательская деятельность сочеталась с преподаванием в Ленинградском и Московском университетах, а также с руководством научно-исследовательской работой. Депутат Верховного Совета РСФСР, СССР. С 1939 г. член Академии архитектуры СССР. Директор Института истории в Ленинграде (с 1936 г.) и в Москве (с 1938 г.). С 1943 по 1947 гг. по совместительству директор Института истории материальной культуры. С 1947 по 1953 гг. по совместительству директор Института славяноведения. С 1946 по 1953 гг. – академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР. С 1947 г. член Польской и Болгарской АН и почетный член АН БССР, доктор философии Пражского университета. Лауреат Государственных премий СССР (1943, 1948, 1952). Награжден двумя орденами Ленина и двумя другими орденами. Участник Движения сторонников мира.

Маргулан Альке́й Хаканович (1904–1985) – советский ученый-археолог, востоковед, историк, литературовед, искусствовед. Доктор филологических наук (1945), академик АН КазССР (1958), профессор (1960), заслуженный деятель науки КазССР (1961), основоположник казахстанской школы археологии и этнографии. Ему принадлежит открытие бегазы-дандыбаевской культуры – крупнейшего очага цивилизации эпохи поздней бронзы в Центральном Казахстане. В 1939–1946 гг. старший научный сотрудник, заведующий сектором Института истории КазФАН СССР. В 1946–1985 гг. заведующий сектором, заведующий отделом, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. Результаты археологических исследований территории Центрального Казахстана были обобщены в монографиях «Древняя культура Центрального Казахстана», «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» и «История Казахской ССР» в пяти томах. С середины 1950-х годов под руководством ученого

осуществлялся сбор информации и материалов о выдающемся казахском ученом-просветителе Ч.Ч. Валиханове. А. Х. Маргулан был редактором и составителем собрания сочинений Чокана Валиханова, а также автором многочисленных монографий о нем. Научно-преподавательскую деятельность Маргулан сочетал с организаторской работой, возглавляя в течение многих лет Координационный совет по этногенезу казахского народа, ученый совет Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР, специализированный совет по защите докторских диссертаций. За многие годы А. Х. Маргулан издал более 300 научных и научно-популярных работ. Им была организована знаменитая Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция 1946–1974 годов. «Интересы его простирались буквально во все области общественных наук. Не было ему равных в знании периода Абылай-хана, блестяще изучил он историю Абулхаира, Кенесары, Касым-хана, прекрасно ориентировался в культурном прошлом казахов. Значение его наследия... несправедливо измерять количеством монографий, статей... То, что он сделал для реставрации духовного наследия народа, выходит за рамки науки и имеет общечеловеческое значение» (академик Ш. Ч. Чокин). Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии Казахской ССР, премии им. Ч.Ч. Валиханова. 100-летний юбилей ученого был отпразднован под эгидой ЮНЕСКО. Имя Алькея Маргулана носит Институт археологии Казахстана, улицы в Павлодаре, Астане, Экибастузе, Международный фонд имени А. Маргулана, село в Баянаульском районе Павлодарской области, в котором находится средняя школа имени А. Маргулана с действующим музеем академика.

Бекмаханов Ермухан Бекмаханович (1915–1966) – историк, доктор исторических наук (1948), профессор (1949), член-корреспондент АН Казахской ССР (1962), заведующий кафедрой Казахского государственного университета (1947–1966). Исследователь проблем социально-экономической и политической истории Казахстана XIX – начала XX вв., революционного движения в крае в период первой русской революции. Автор работ по этнографии, истории, литературе, правовым наукам, атеизму, истории культуры и искусства казахов, учебников и учебных пособий по истории Казахстана для средней школы. Автор главы о движении Кенесары Касымова в «Истории КазССР с древнейших времен до наших дней», вызвавшей широкий резонанс в научных кругах. После обсуждения работы Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX в.» и его осуждения в газете «Правда» был обвинен в «буржуазном национализме» и осужден 4 декабря 1952 г. по ст. 58-10 УК РСФСР. Был лишен всех наград, ученых степеней и званий. Освобожден и реабилитирован 16 февраля 1954 г. После защиты и опубликования научной работы «Присоединение Казахстана к России» (Москва, АН СССР, 1957) получил в Москве степень доктора исторических наук. Награжден орденом Красной Звезды и медалями СССР.

Ауэзов Мухтар Омарханович (1897–1961) – казахский советский писатель и учений. Академик АН Казахской ССР (1946). В 1928 окончил Ленинградский университет, позднее аспирантуру при Среднеазиатском университете в Ташкенте. Трагедия Ауэзова «Енлик-Кебек» (1917) на тему народной легенды о трагической любви в условиях феодально-родового строя до сих пор не сходит со сцены. Перу Ауэзова принадлежат рассказы, повесть «Выстрел на перевале» (1927), свыше 20 пьес, в том числе «Айман-Шолпан», «Абай», «Каракоз», «Кара кипчак Кобланды». Выдающимся произведением советской литературы является роман-эпопея Ауэзова «Путь

Абая» о жизни великого поэта-просветителя Абая Кунанбаева. В романе показана сложная картина жизни казахского общества второй половины XIX века, феодально-родовая и классовая борьба, тяжелая жизнь трудящихся, пробуждение протеста против угнетения, растущее влияние передовой русской культуры. Романы Ауэзова переведены на многие языки. Мухтар Ауэзов – выдающийся ученый, основоположник абаеведения, автор исследований по истории казахской и киргизской литературы и фольклора. Награжден тремя орденами.

Муканов Сабит Муканович (1900–1973) – казахский советский писатель и общественный деятель, академик АН Казахской ССР (1954). Родился в семье батрака-скотовода. Участник Гражданской войны. Член КПСС с 1920 года. Учился в Институте красной профессуры (1930–1935). В 1936–1937 и 1943–1952 гг. председатель правления Союза писателей Казахстана. Печатался, сначала как поэт, с 1922 года. Романы Сабита Муканова посвящены классовой борьбе в Казахстане, изображению нового человека. Роман «Сыр-Дарья» (1948) раскрывает тему коллективного труда в годы Великой Отечественной войны. Автобиографическая трилогия «Школа жизни» (1949–1953) удостоена Государственной премии Казахской ССР им. Абая Кунанбаева (1967). В 1967–1970 гг. написана трилогия «Промелькнувший метеор» о казахском мыслителе и ученом Чокане Валиханове. Депутат Верховного Совета Казахской ССР 2–8-го созывов. Награжден двумя орденами Ленина, тремя другими орденами, а также медалями.

Мусрепов Габит Махмудович (1902–1985) – казахский советский писатель и общественный деятель, академик АН Казахской ССР (1958). Печатался с 1926 года. Произведение Г. Мусрепова «В пучине» (1928) – о событиях Гражданской войны, «Первые шаги» (1932) – о классовой борьбе в казахском ауле и рождении новой колхозной жизни. В 1934 опубликован цикл новелл «Мужество матери». Роман «Солдат из

Казахстана» (1949) посвящен подвигу советских людей в годы Великой Отечественной войны, роман «Пробужденный край» (1953) – процессу формирования казахского рабочего класса в дореволюционной Караганде. Обе книги стали этапными для казахской прозы. В 1967 г. опубликована повесть «Однажды и на всю жизнь» (Государственная премия Казахской ССР им. Абая Кунанбаева, 1968). В 1934 г. Г. Мусреповым создано либретто оперы «Кыз-Жибек». Пьесы «Амангельды» (1936), «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (1939), «Трагедия поэта» (1958, первая редакция под названием «Акан-Сере и Актокты», 1942) занимают важное место в репертуаре казахских театров. Председатель правления Союза писателей Казахстана (1956–1962 и 1964–1966), секретарь Союза писателей СССР (с 1959). Депутат Верховного Совета СССР 5-го созыва, депутат Верховного Совета Казахской ССР. Награжден двумя орденами Ленина, двумя другими орденами, а также медалями.

О ФОНДЕ БОЛАТХАНА ТАЙЖАН

Главной целью деятельности Фонда является осуществление благотворительной деятельности в области разработки и осуществления социальных и культурно-значимых программ.

Предметом деятельности Фонда является

- установление деловых контактов, сотрудничество со всеми заинтересованными юридическими и физическими лицами, в том числе и зарубежными;

- самостоятельная разработка и утверждение планов и программ своей деятельности, определение направления и размеров расходования денежных средств и имущества;

- оказание спонсорской помощи физическим лицам в целях повышения их уровня образования и спортивного мастерства, а также развития творческой, научной, научно-технической и изобретательской деятельности;

- проведение семинаров, конференций, симпозиумов, встреч по вопросам уставной деятельности, а также направление своих представителей для участия в аналогичных мероприятиях в другие регионы и за рубеж;

- осуществление научной, лекционной, просветительской деятельности;

- оказание благотворительной помощи;

- оказание помощи талантливой молодежи;

- помочь в развитии талантов одаренных детей;

- привлечение материальных и финансовых средств казахстанских и иностранных инвесторов, а также иных ресурсов для реализации своих уставных целей, программ и проектов;

- взаимодействие с правительственные и неправительственные, в том числе международными, органами и организациями, частными лицами;
- оказание содействия и поддержки в развитии социальных программ;
- оказание содействия в проведении спортивных мероприятий;
- пропаганда целей и задач Фонда, информирование общественности о своей деятельности;
- представление и защита законных интересов Фонда в государственных, судебных, общественных и иных организациях;
- организация и проведение выставок, конкурсов, иных мероприятий для выполнения уставных целей и задач.

Учредителем и президентом фонда является Тайжан Мухтар Болатханулы – сын Болатхана Тайжан, президент ТОО «Taizhan Terminal», кандидат экономических наук.

Председателем Попечительского совета является Тайжан Айсулу Абдуллакызы, вдова, доктор медицинских наук, профессор.

Биография Болатхана Кулжанулы Тайжан

- Родился 8 марта 1941 года в Павлодаре.
- Окончил с золотой медалью школу № 36 в Алма-Ате.
- В 1959 году одним из первых казахов поступил в МГИМО МИД СССР, который окончил в 1966 году.
 - В 1963 году, как один из лучших студентов-арабистов, Болатхан Тайжан сопровождал Н. С. Хрущёва и его супругу в качестве переводчика во время официального визита советского лидера в Египет.
 - В 1960-е годы стал одним из идеологов организации «Жас Тулпар» – патриотического движения студентов-казахов в Москве и других городах России.
 - В 1970-е годы работал в системе МИД СССР. Его аналитические записки в центр не проверяли ГРУ и КГБ. Его называли дотошным и не тратили время на перепроверку, сразу отдавая сделанные им отчеты политическому руководству страны.
 - В 1975 году Б. Тайжан впервые перевел с арабского языка на русский произведение великого аль-Фараби «Отношение философии к религии».
 - В 1980-е годы в Южном Йемене, во время 10-дневной гражданской войны, он, благодаря личному мужеству, знанию местных порядков, вывез и эвакуировал сотни граждан СССР и западных стран и был отмечен грамотой за личное мужество.
 - В 1986 году, после событий в Алма-Ате, в посольстве в Южном Йемене за ним было установлено негласное наблюдение. Тогда он официально заявил ответственным лицам, что не намерен искать политического убежища на Западе, потому что Казахстан – это его Родина, там находятся его семья и родственники.

- После получения независимости Б. Тайжан был назначен первым заместителем министра внешнеэкономических связей Республики Казахстан, где он отстаивал экономические интересы молодого государства.

- С 1993 года Б. Тайжан работал в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла – сначала в Египте и по совместительству в странах Магреба и Ближнего Востока, затем в Малайзии. При нем Казахстан вступил в «Организацию Исламская Конференция» и «Исламский банк развития». Он инициировал идею строительства Казахстаном мечетей в местах захоронений аль-Фараби и султана Бейбарса. По собственной инициативе Болатхан Тайжан сделал перевод на русский язык книги премьер-министра Малайзии Махатхира Мохаммада о малазийском кризисе. Первым среди послов он начал практику служебной переписки на казахском языке.

- В 2001 году Болатхан Тайжан ушел на пенсию, но продолжал активно заниматься общественно-политической деятельностью, и, как результат, многие его идеи уже претворяются в жизнь.

- 20 февраля 2007 года в возрасте 65 лет Б. Кулжанулы Тайжан безвременно скоропостижно скончался, оставив после себя двоих детей и пятерых внуков.

Яркая судьба, неординарная деятельность, насыщенная важными событиями жизнь Болатхана Тайжан заслуживают профессионального изучения. На сегодняшний день изданы статьи Б. Тайжан в 5 томах под названием «Аталы сөздері», один том из которых содержит воспоминания его друзей и соратников. О нем снят документальный фильм и создан сборник телепередач с его участием на двух DVD.

Одна из улиц города Алматы названа именем Болатхана Тайжан. А на его малой Родине в Павлодаре – в школе, где он учился в первые годы, – открыт кабинет Болатхана Тайжан.

ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вступительное слово от имени Фонда Болатхана Тайжан	3
Предисловие к изданию 2011 года	9
«История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» – основа научной истории Казахстана.....	12
Предисловие к изданию 1943 года	18
Казахская ССР – республика возрожденного казахского народа	19
Введение. Изучение истории казахского народа в прошлом и настоящем.	
Источники по истории Казахстана	32
Литература по истории Казахстана	45
 Народы Казахстана в период независимости	
Глава I. Первобытно-общинный строй на территории Казахстана.	
1. Древнейшее человеческое общество в Казахстане	66
Глава II. Образование племенных союзов на территории Казахстана.	
2. Древнейшие племенные союзы на территории Казахстана	74
Глава III. Образование дофеодальных государств на территории Казахстана.	
3. Казахстан в составе Тюркского каганата	92
4. Господство карлуков в Казахстане	99
Глава IV. Народы Казахстана в период формирования феодализма.	
5. Казахстан в составе Карабанидского государства	108
6. Кыпчаки в Центральном и Западном Казахстане	120
7. Казахстан в период монгольского завоевания и Золотой орды	124
Глава V. Образование казахской народности и Казахского государства.	
8. Образование казахской народности	141
9. Образование и развитие Казахского ханства в XV – XVI веках.....	145
Глава VI. Раздробленность Казахского ханства и попытки его объединения. Тауке-хан.	
10.Образование казахских жузов.....	164
11.Законы Тауке-хана.....	173

Глава VII. Общественно-политический строй Казахского ханства в XVI – XVII веках.	180
12.Хозяйство казахов	180
13.Общественный и политический строй казахов в XVII веке	190
Глава VIII. Верования и народное творчество казахов в XVI – XVII веках.	
14.Верования и поэтическое творчество казахов.....	202
15.Музыкальное творчество и прикладное искусство казахов.....	218
Глава IX. Борьба казахского народа против джунгарских завоевателей и против подданства царской России в первой половине XVIII века.	
16.«Годы великого бедствия».....	223
17.Начало подчинения Младшего жуза царской России	227
Глава X. Средний жуз в борьбе за независимость. Ханство Аблая.	
18.Усиление внешней опасности и политические маневры хана Абульхайыра	236
19.Колониальные мероприятия царизма в середине XVIII века и их влияние на хозяйство казахов	243
20.Ханство Аблая	246
Глава XI. Упадок Младшего жуза. Восстание Срыма Датова.	
21.Младший жуз во второй половине XVIII века	259
22.Восстание батыра Срыма Датова	265
Глава XII. Утрата казахскими жузами политической самостоятельности (начало XIX века).	
23.Наступление соседних держав на казахские земли	281
24.Усиление феодальной эксплуатации казахских масс.....	287
25.Борьба казахских жузов за сохранение своей самостоятельности	290
26.Ликвидация ханской власти в Среднем и Младшем жузах	298
Глава XIII. Народное восстание в Букеевской орде под предводительством Исатая Тайманова (1836 – 1838 годы).	
27.Рост колониального и феодального гнета в Букеевской орде.....	303
28.Восстание казахов Букеевской орды	309
Глава XIV. Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова (1837 – 1847 годы).	
29.Нарастание освободительной борьбы казахов в 30-х годах XIX века	324

30.Начало массовой борьбы казахов во главе с Кенесары Касымовым.....	328
31.Подъем движения Кенесары Касымова	344
32.Борьба Кенесары с Кокандом и киргизскими манапами.....	353
Глава XV. Национально-освободительное движение казахов в 50-х годах XIX века.	
33.Завоевание Средней Азии царизмом и положение Казахстана в середине XIX века	362
34.Освободительная борьба казахов в 50-х годах	369
35.Участие казахов в борьбе против захвата Россией земель Коканда и Бухары	379
Глава XVI. Литература и музыка в первой половине XIX века.	
36.Повстанческие песни казахов в XIX веке.....	385
37.Казахская музыка в XIX веке	394
Глава XVII. Восстание казахов против царских колонизаторов в 1869 – 1873 годах.	
38.Восстания в Уральской и Тургайской областях	400
39.Восстание на Мангышлаке	410
40.Завоевание Хивы Россией и окончательное подчинение адаевцев	416
Казахстан - колония	
Глава XVIII. Превращение Казахстана в колонию Российской империи.	
41.Колонизация Казахстана	424
42.Создание государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане в конце XIX века	433
43.Превращение Казахстана в рынок сбыта и источник сырья для русской промышленности	442
44.Социально-экономические и политические результаты колонизации Казахстана.....	450
Глава XIX. Культура казахского народа в колониальный период.	
45.Литература «эпохи скорби»	458
46.Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов.....	466
47.Великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев	475
48.Просветитель Алтынсарин и русская культура в Казахстане в конце XIX века	485
49.Казахская музыка в колониальный период.....	496

Глава XX. Казахстан в период первой русской революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема.

50.Русская буржуазно-демократическая революция и ее влияние на Казахстан.....	501
51.Казахстан в годы столыпинской реакции	518
52.Казахстан в годы революционного подъема.....	525

Глава XXI. Казахская литература и печать в период буржуазно-демократической революции.

53.Развитие казахской литературы в ХХ веке	531
54.Казахская печать в период буржуазно-демократической революции	543

Глава XXII. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Народный герой Амангельды Иманов.

55.Восстание в Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях	547
56.Восстание в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях	567
57.Восстание 1916 года в литературе и народном творчестве	588

Глава XXIII. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в Казахстане.

58.Свержение власти царизма в Казахстане.....	591
59.Казахстан после свержения царизма.....	597
Словарь-справочник исторических терминов, имен и понятий, упоминаемых в «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней»	607
Краткие сведения об основных авторах и ведущих членах редакколлегии «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» издания 1943 года.....	651
О Фонде имени Болатхана Тайжан.....	662

Ответственный редактор, корректор,
составитель словаря-справочника

Дмитрова Ирина

Дизайн географических карт

Ихатова Айгерим

Дизайн диаграмм

Плотникова Ольга

Верстка, дизайн иллюстраций

Ключникова Ксения
Тюрии Станислав

Подписано в печать 28.09.2011

Бумага офсетная 70 гр.

Формат бумаги 60x84 1/₁₆

Количество условных печатных листов 42 пл.

Тираж 3000 экз.

Заказ 156

ISBN 978-601-7046-24-8

9

7 8 6 0 1 7 0 4 6 2 4 8

PRINT

ИЗДАТЕЛЬСТВО
и ПОЛИГРАФИЯ

EXPRESS

г.Алматы,

ул. Курмангазы/Мауленова 110/81

тел.: 272 60 11, 272 61 50

e-mail: print_express@bk.ru

Слева на право:
Бекмухamedова Халима Адамовна,
вдова Ермухана Бекмаханова

Тайжан Айсулу Абдуллакызы,
Председатель Попечительского совета
Фонда Болатхана Тайжан,
доктор медицинских наук, профессор

Тайжан Мухтар Болатханулы,
Президент Фонда Болатхана Тайжан,
кандидат экономических наук